Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: Guilty. Drunk in Love / Виновна. Опьяненная любовью
Автор: Rokia / Рокиа
Серии: Guilty #1 / Виновна #1
Перевод: nasya29
Редактор: nasya29

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Аннотация

ПРОКЛЯТАЯ ЛЮБОВЬ, ЗАСТЫВШАЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ. ПРИНЦ, ГОТОВЫЙ НА ВСЕ, ЧТОБЫ СПАСТИ СВОЕ КОРОЛЕВСТВО.

Лавиния живет в одиночестве в полуразрушенном доме, пытаясь свести концы с концами на нескольких работах и справиться с грузом болезненного прошлого. Оказавшись на грани отчаяния, в один из дней она решает покончить со всем, бросившись с моста.

Но в тот миг, когда она летит в ледяные воды реки, ее спасает Артур — юноша с золотистыми кудрями. У него нет ни прошлого, ни семьи, и Лавиния, желая отблагодарить спасителя, дает ему приют в своем доме. Здесь он открывает ей невероятную правду: он принц из параллельной вселенной и понятия не имеет, как оказался в нашем мире.

Вынужденные жить под одной крышей, Артур и Лавиния постепенно сближаются. Между ними вспыхивает чувство, которое ни один из них не в силах — и не желает — обуздать. Однако над их историей тяготеет проклятие. Для Артура настало время вернуться и защитить свой трон от древнего врага. И он не намерен уходить один — он заберет Лавинию с собой.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Оглавление

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
Глава 5 37
Глава 6 43
Глава 7 49
Глава 8 56
Глава 9 62
Глава 10 69
Глава 11 76
Глава 12 83
Глава 13 90
Глава 14 98
Глава 15 105
Глава 16 112
Глава 17 119
Глава 18 131
Глава 19 142
Глава 20 151
Глава 21 160
Глава 22 170
Глава 23 179
Глава 24 187
Глава 25 198
Глава 26 208
Глава 27 220
Глава 28 231
Глава 29 242
Глава 30 251
Глава 31 262
Глава 32 272
Глава 33 283
Глава 34 293
Глава 35 302
Глава 36 316
Глава 37 325
Глава 38 337

Глава 39 347
Глава 40 358

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 1

12 октября 2022

Лавиния

«Я устала».

Все мои усилия напрасны. Я — ходячая катастрофа, которая пытается казаться нормальной, чтобы не пугать прохожих. Трудно сохранять самообладание, когда внутри полнейший хаос, когда хочется только спрятаться и больше никогда не выходить. Потому что жить труднее, чем умереть, а я никогда не просила об этой жизни. Честно говоря, я вообще ни о чем из этого не просила.

И все же я оказалась заперта в скорлупе, из которой нет выхода. Скорлупа эта слишком тесная, слишком тяжелая и временами удушающая. Я заперта в самой себе, и нет монстра страшнее.

Я открываю мусорный бак и выбрасываю пакет. До моих ушей долетают выкрики парней в конце аллеи.

— Эй, красавица, не хочешь развлечься позже? — ухмыляется один из них.

Я их игнорирую. Разворачиваюсь и иду к магазину. Снимаю синий рабочий халат, беру рюкзак и гашу свет.

«Каждый день — точная копия предыдущего».

Запираю дверь на ключ и направляюсь к главной улице. Городские огни освещают дороги, и пока холод замораживает кончик моего носа, я наблюдаю, как магазины заполняются последними вечерними покупателями. Капля воды падает мне на лоб; я поднимаю взгляд, и дождь заливает лицо. Опускаю голову и вздыхаю, блуждая взором в поисках какого-нибудь укрытия, где не будет слишком многолюдно. Кондитерская в конце улицы сразу привлекает мое внимание.

Я подхожу ближе и замираю, завороженная тортами на витрине. Элегантные, красивые и аппетитные.

«А я… когда я начала так сильно гнить изнутри?»

Указываю продавщице на белый торт справа: — Один ванильный кусочек, пожалуйста.

— Будете есть здесь или возьмете с собой?

— С собой.

«Когда я начала угасать?»

— Можно мне пакет? — добавляю я едва слышным шепотом.

Она кивает, тянется за ножом и вонзает его в торт, отрезая маленький кусочек.

«Когда я перестала жить?»

Она протягивает мне пакет с тортом, я убираю его в рюкзак и оплачиваю счет. Когда я открываю дверь, дождь уже неистово хлещет по дорогам, поэтому я останавливаюсь под навесом кондитерской. Слушаю, как стук капель захватывает каждый сантиметр земли. Рядом со мной мужчина держит за руку маленькую девочку; свободной рукой он открывает зонт и переносит его над ней, сам оставаясь под ливнем, чтобы защитить ее.

— Милая, идем! — Они бегут под дождем с такой легкостью и радостью, что кажутся невосприимчивыми к холоду.

Я глубоко вдыхаю, глядя им вслед. Делаю шаг вперед и выхожу из-под защиты навеса.

«Стало тяжело даже дышать».

Я иду, вода мочит волосы и просачивается под куртку, леденя кожу. Вокруг меня — широкие цветные зонты, заполонившие весь проспект. Пары, которые прижимаются друг к другу, чтобы укрыться вместе, в коконе любви, наполненном смехом и нежностью.

«Если бы была возможность все сбросить, начать сначала…»

Я останавливаюсь на городском мосту, нависшем над рекой. Склоняю голову вниз: яростные волны с силой обрушиваются друг на друга. Ветер заставляет меня содрогнуться. Я делаю шаг назад и открываю рюкзак. Достаю кусок торта, вынимаю из пакета пластиковую ложку и пробую кусочек.

«…я бы не стала».

— С днем рождения, Лавиния, — шепчу я. Слеза катится по щеке, смешиваясь с дождем. — С днем рождения меня.

«Я бы не стала этого делать, потому что единственное, чего я хочу сейчас…»

Я оставляю рюкзак и кусок торта на земле. Сжимаю пальцы на железных перилах, исхлестанных яростным дождем, и одним рывком встаю ногами на поручень. Руки и ноги дрожат, грудь вздымается и опадает в непрерывном порыве дрожи.

«…это исчезнуть».

Закрываю глаза.

Артур

Сегодня погода просто дерьмо. Дождь бушует так, что, судя по всему, затопит целые улицы. Я наблюдаю из окна, как люди бегут в поисках укрытия.

— Похоже, дождь будет лить еще несколько дней, — вздыхает водитель.

— Настоящий хаос, — комментирую я.

Городской мост, обычно забитый туристами, сейчас пуст. Да и кто станет торчать под дождем в такую опасную погоду? Я внезапно вздрагиваю. Тонкая женская фигура шатко стоит на перилах, нависших над рекой.

«Что она делает?»

Я приоткрываю рот. — Притормози, — приказываю я.

— Вас что-то беспокоит, Ваше Высочество? — Он бросает на меня взгляд через зеркало заднего вида.

Я указываю на нее, вскинув руку: — Та девушка…

— Я ничего не вижу.

— Останови машину.

— Но, Ваше Высочество, идет дождь…

Я испепеляю его взглядом. — Я сказал: останови машину.

Он причаливает к обочине, не проронив ни слова. Я распахиваю дверцу и выскакиваю на улицу. В воздухе поднимается хор клаксонов машин, сворачивающих при моем появлении.

— Ваше Высочество! Куда вы?!

Я бегу, и сердце колотится где-то в горле, пока дождь пропитывает меня до костей. — Эй! — ору во всю глотку, но она не шевелится. Прибавляю скорость; мышцы ног горят, одежда вымокла насквозь. Она стоит ко мне спиной, длинная светлая коса спадает на спину, руки по бокам дрожат.

Я замедляюсь в паре шагов от нее, восстанавливаю дыхание, пока грудь сотрясается от неконтролируемого сердцебиения.

— Тебе лучше спуститься. — Мои слова остаются без ответа. Я нащупываю в кармане джинсов телефон. Лучше вызвать полицию.

«С такой скоростью она в итоге просто соскользнет вниз».

Я подношу телефон к уху, осторожно делая шаг к ней, затем еще один и еще… пока не оказываюсь совсем рядом. Протягиваю руку к ее спине, но она ускользает. Она внезапно бросается вниз прямо на моих глазах. Я вздрагиваю, и телефон выскальзывает из рук.

«Нет!»

Инстинктивно, не раздумывая ни секунды, я перемахиваю через железные перила и ныряю вслед за ней. Закрываю глаза и проваливаюсь в яростные волны реки. Задерживаю дыхание, пока ледяная вода парализует плоть, словно в меня вонзили тысячи острых игл. Моргаю, с трудом двигая руками в такт ногам. Отчаянно плыву на ее поиски, но вокруг лишь темнота.

«Не могу ее найти, черт».

Выныриваю на поверхность, хватаю ртом воздух, борясь с ознобом, который буквально вшит в кожу. Провожу рукой по волосам, откидываю их назад и делаю глубокий вдох.

«Еще одна попытка».

Задерживаю дыхание и снова погружаюсь. Ухожу еще глубже и замечаю светлую косу, плывущую в воде.

«Это она».

Плыву в ее сторону: глаза закрыты, голова поникла, тело обмякло.

«Она без сознания».

Обхватываю ее за талию одной рукой, а другой толкаю себя к поверхности. Дыхание становится все короче, холод пробирает до самых костей.

«Еще чуть-чуть, я почти у цели».

Я выплываю на поверхность, кашляю от сильной одышки и глубоко вдыхаю. Крепко прижимая её тело к груди, я тащу её под непрекращающимся дождем. Хватаю за плечи и вытягиваю на берег, кладу на землю, но её тело не реагирует. Я бледнею: кожа такая синюшная, будто в ней нет ни капли крови. Оглядываюсь — вокруг ни души.

Прикладываю руку к шее, проверяю пульс. Смотрю широко открытыми глазами.

«Не чувствую биения».

Я наклоняюсь над ней, сплетаю пальцы и начинаю ритмично давить на грудину.

— Давай же, давай… — шепчу я.

«Раз, два, три, четыре…»

— Кто-нибудь, помогите! Помогите кто-нибудь! — кричу я.

Её губы становятся синеватыми.

— О Боже! — чей-то голос заставляет меня поднять голову. Грязная, рваная одежда, густая борода и испачканные сажей щеки. Он подходит, потрясенный, и бледнеет, осознав ситуацию. — Она… спрыгнула, да? Я что-то слышал, но не думал… о боже… — заикается он.

— Вызывайте спасателей, немедленно! — кричу я; дыхание сбито, руки продолжают давить ей на грудь. Он кивает, хлопает по карманам куртки и достает побитый телефон.

— Алло, здесь человек без сознания… мы под городским мостом, — он делает короткую паузу. — Тут парень делает ей массаж сердца… кажется, она прыгнула.

Я немного ослабляю хватку. Чем дольше это длится, тем больше я боюсь её сломать. Она такая хрупкая, кажется, может рассыпаться прямо у меня в руках.

«Что заставило тебя пойти на такой крайний шаг? Почему ты это сделала?»

Наконец она пару раз кашляет, хмурит брови, и из её рта вытекает струйка воды. Я останавливаюсь.

— Ты меня слышишь? — трясу её за плечи, но ответа нет. Трогаю шею и вздыхаю с облегчением, когда чувствую под пальцами слабый пульс. Звук сирены заставляет меня вскочить на ноги: я размахиваю руками что есть силы.

— Сюда! Мы здесь!

Скорая приближается, останавливается в паре метров, и через несколько секунд медики выбегают из машины и несутся к нам. Двое несут носилки, третий тащит на спине огромный рюкзак.

Они засыпают меня вопросами, на которые я не знаю ответов.

— У неё есть на что-то аллергия?

Один слушает грудь фонендоскопом, приподнимает мокрую одежду и крепит электроды. Другой надевает манжету тонометра и цепляет на палец маленькую прищепку. Ей надевают кислородную маску и вместе перекладывают на носилки.

— Я не знаю…

— Сколько ей лет?

— Понятия не имею… я её не знаю, — я отступаю на несколько шагов. — Я видел, как она прыгнула с моста, пытался остановить, но не успел.

Он кивает. — Вы должны поехать с нами. В больнице понадобятся ваши показания.

Он набрасывает мне одеяло на плечи. Я дрожу так сильно, что зубы стучат, а я этого даже не замечал. Промок до нитки, от макушки до кончиков пальцев. Иду к машине; тот бездомный провожает нас жалостливым взглядом. Сажусь в заднюю часть скорой. Медики затаскивают носилки, закрывают двери и подключают девушку к мониторам. Машина несется по улицам города, и пока звук сирены бьет по барабанным перепонкам, мой взгляд падает на это хрупкое тело, лишенное всякой капли жизни.

Один из них вводит иглу в тыльную сторону ладони и впрыскивает лекарство в вену. Она такая крошечная, что даже маска кажется слишком большой для её лица. И я снова задаюсь вопросом: что довело её до такого состояния? Один из медиков измеряет температуру, хмурится и качает головой. Её накрывают еще одним изотермическим одеялом. Их лица не сулят ничего хорошего.

Скорая притормаживает и останавливается. Парамедики выкатывают носилки. Нас встречают двое медбратьев. Короткий обмен терминами, которых я не понимаю, и вот мы уже внутри приемного покоя. Они останавливаются в боксе и начинают обвешивать её проводами, трубками и капельницами. Один разрезает ножницами её кофту, а другой задергивает занавеску, закрывая обзор. Я замираю, затаив дыхание.

— Пройдите сюда, пожалуйста. — Медсестра усаживает меня на кушетку. Оборачивает руку манжетой, измеряет температуру и записывает параметры в белую карту.

— Я в порядке, мне нужно позвонить… — лезу в карманы джинсов, но вспоминаю, что потерял телефон перед тем, как прыгнуть.

«Отлично, придется брать такси».

Поднимаю на неё взгляд. — Могу я попросить какую-нибудь одежду, чтобы добраться домой?

— У нас только больничные халаты. Если живете далеко, лучше попросите кого-нибудь вас забрать. — Она снимает манжету. — Подпишете документы и можете идти. — Она скрывается в каморке.

«Только этого мне не хватало».

Если они узнают, что я в больнице, у меня будут проблемы. Мне нельзя здесь оставаться.

Встаю и, незамеченный, выскальзываю через главный вход, смешиваясь с толпой. Дождь кончился, но мокрая одежда и холод не помогают. Кости промерзли, дрожь продолжает сотрясать тело. Так я точно заболею. У края дороги замечаю пустое такси. Ускоряю шаг и поднимаю руку.

Сажусь, пристегиваюсь. — Виа делла Паче, 92.

— Попали под ливень? Тяжелый выдался денек? — таксист протягивает коробку салфеток.

Беру, выдавив слабую улыбку. — Спасибо, да... день выдался странный.

Прислоняю голову к стеклу, и сон накрывает меня. Я плаваю между моментами паники и яростными волнами, с которыми боролся, но больше всего меня мучит бледное, безжизненное лицо незнакомки. Девушка со светлой косой, холодная и пустая, не дает мне покоя.

— Молодой человек, молодой человек... мы приехали.

Моргнув пару раз, встречаю хмурый взгляд таксиста. — Вы в порядке?

— Да, простите. Заснул. Сколько я вам должен?

— Двадцать долларов.

Лезу в карман. Карты насквозь мокрые, купюры превратились в кашу... *«Как я раньше об этом не подумал?»*

Смотрю на него со смущенной улыбкой. — У меня только это, — показываю размокшие деньги.

Он качает головой. — Не могу принять в таком виде.

Вспышка в сознании: — Я зайду и разменяю, дайте минуту... поверьте мне.

Он колеблется, но кивает. Выхожу.

«Если Эдоардо узнает, будет смеяться надо мной вечно».

Как только я ступаю на землю, лицо искажается от недоумения.

«Где я оказался?»

Подхожу к окну такси. — Простите, вы уверены, что привезли меня по адресу?

— Это Виа делла Паче, 92. — Он показывает карту.

Невозможно. Сердце уходит в пятки. Здесь был вход в замок... всё выглядело иначе. И где королевская гвардия?

— Простите, а королевский дворец?

Таксист смотрит с раздражением. — О чем ты вообще?

— О дворце, где живет Король.

— Какой еще Король? — смеется он. — Вода тебе в голову ударила, парень. Если нет денег, так и скажи — отвезу в участок, там с тобой разберутся.

Смятение охватывает меня. Где я? Как он может не знать о Короле? Почему эта улица совсем не похожа на ту, где я вырос?

Лавиния

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Почему я всё еще жива? Почему я обречена выживать? Почему люди смотрят на меня с состраданием? Почему я обязана выслушивать одни и те же глупые слова от очередного мозгоправа? Почему всё должно быть таким… пустым.

Медсестра вынимает иглу из моей руки; от резкого жжения я вздрагиваю и стискиваю зубы. Она протягивает мне бумаги, прежде чем выдать выписку.

Она указывает пальцем на нижнюю часть листа. — Подпиши здесь. Жаль, что парень, который тебя спас, ушел.

Я хмурюсь, быстро ставя подпись. — Кто?

— Блондин с утонченными чертами, который вытащил тебя из воды. — Она забирает листы из моих рук. — Он был весь насквозь мокрый, ему нужно было заполнить анкеты, но я его больше не видела.

«Парень, который меня спас? Значит, это его вина».

Спускаюсь с кушетки; от головокружения приходится замереть на несколько секунд. Врачи, проходящие по коридорам, улыбаются мне, но в их взглядах я читаю лишь жалость. Я знаю, что они говорят. Знаю, какой они меня видят. Снова.

Мне нужно убираться отсюда.

— Лавиния, ты же знаешь, что тебе необходима госпитализация. Ты подписываешь отказ вопреки рекомендациям врача… — Медсестра протягивает мне медицинскую карту. Её монолог длится минуты, которые кажутся мне бесконечными. В животе пусто, голова тяжелая, а дыхание, кажется, вот-вот ускользнет. Единственное, чего я хочу — уйти отсюда. Сбежать. Я не должна была выжить. Этот парень не должен был меня спасать… этого не должно было случиться.

Санитар провожает меня до выхода. Мои шаги всё еще медленные и нетвердые; из-за количества воды, которую я проглотила, я чувствую себя одновременно тяжелой и слабой. Заметив выходную дверь, я вздыхаю с облегчением.

— Будьте осторожны, синьорина. Вы молодая девушка, не стоит заканчивать… вот так.

«Не стоит?»

С привычным мастерством я маскирую боль улыбкой настолько идеальной, что сама с трудом себя узнаю. — Это был просто несчастный случай, — лгу я. — Поскользнулась из-за дождя, не переживайте.

Я разворачиваюсь и выхожу из больницы. Дождь прекратился, в воздухе остался лишь беспощадный холод. Вывеска больницы — единственная надпись, освещающая окружающую меня тьму. Я должна продолжать притворяться, должна продолжать дышать… должна продолжать идти.

Перед глазами — образы яростных волн, которые бьют меня и поглощают, вкус речной воды, мешающей дышать, и холод, который не перестает замораживать. Вода, захватившая мои легкие, топит мысли, стирая любые следы моего «я». Там я была в покое. Я была легкой и не знала страха.

«Я не понимаю, почему должна жить жизнью, которую никогда не желала. Не понимаю, почему остаюсь в ловушке».

Мерцание вывески привлекает мое внимание, словно пытаясь поскорее прогнать меня прочь от надвигающейся беды. Я чувствую на себе чье-то присутствие. Поворачиваю голову направо — никого. Поворачиваюсь налево и замечаю фигуру парня, который решительно идет ко мне. Когда он приближается, я могу его рассмотреть. У него светлая кожа, а лицо обрамлено блондинистыми кудрями. Я прищуриваюсь. *«Кто это?»*

У него элегантная осанка и уверенная походка, а из-за его высокого роста мне приходится задирать подбородок по мере того, как он подходит ближе. Он останавливается в паре шагов от меня. Продолговатое, мягкое лицо контрастирует с мускулистым, атлетичным телосложением. Его миндалевидные глаза цвета меда сияют искрой жизни, которая меня ослепляет. Вздернутый нос придает ему аристократический вид, который никак не вяжется с нищетой этих улиц. Его красота лишена малейшего изъяна, но одежда полностью промокла.

«Минутку… Блондин с утонченными чертами вытащил меня из воды… Это он?»

Порыв ветра ударяет в лицо.

«Это он».

Замерев передо мной, он приоткрывает губы. — Я тот парень, который тебя…

Я отстраняюсь. — Убил, — шепчу я.

Что-то внутри заставляло меня бежать. Что-то внутри пыталось меня предупредить: от мерцающей вывески до ветра, старавшегося оттолкнуть меня прочь.

Каждая клетка моего тела в состоянии боевой готовности.

«Я не понимаю: почему у меня сбилось дыхание?»

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 2

Лавиния

— «Убил» — неподходящее слово, — возражает он.

Я поворачиваюсь к нему спиной. *«Я не обязана стоять здесь и слушать его».*

— Подожди, прошу тебя! — Он хватает меня за руку. — Знаю, я кажусь тебе безумцем, свалившимся с неба, но с тех пор, как я прыгнул, чтобы спасти тебя, со мной происходят странные вещи. Я взял такси, чтобы поехать домой, но адрес не совпадает с тем местом, где я живу. Никто, кажется, не знает о королевстве, о Короле и обо всех его потомках. Я чувствую, что схожу с ума, и у меня нет ни гроша, потому что кошелек промок. Таксист уже вызвал полицию, и я едва успел прибежать сюда…

«О чем он говорит?» Я пытаюсь отстраниться, но он сжимает руку, удерживая меня. Его фразы не имеют ничего общего с реальностью. *«Какое королевство? Какой Король?»*

— Не смотри на меня так, послушай… я бы и сам себе не поверил на твоем месте, но мне правда нужна помощь. Ты — единственный человек, которого я здесь знаю…

За его спиной я замечаю двух полицейских, бегущих к нам.

— Помоги мне, прошу. — Он сглатывает, явно потрясенный. — Я… я спас тебя.

Я убираю его руку со своего предплечья и делаю шаг назад. *«Ложь. Ты меня убил».*

Двое полицейских хватают его сзади и заставляют согнуться. На него холодно надевают наручники.

— Он сказал что-то, что вас напугало?

Я качаю головой.

— Надеялся сбежать, а? Привык дурачить людей своим видом пай-мальчика? — выплевывает один из них и резким движением поднимает его, таща к машине.

Когда он поворачивает голову, он ищет мой взгляд, и его глаза буквально впечатываются в мою память. Тяжесть сдавливает грудь, словно я только что его предала. *«Почему я чувствую вину? Я даже его не знаю».*

Разворачиваюсь и иду по аллее, ведущей к дому. *«Это не мои проблемы. Меня это не должно интересовать. И о каком королевстве он говорил? Он был в таком отчаянии…»* Трясу головой и ускоряю шаг. Если бы он позволил мне утонуть, меня бы здесь не было. Так что он не должен смотреть на меня так, будто я ему что-то должна. Я никогда не просила меня спасать.

***

Я просыпаюсь в испуге.

Тяжело дышу, лоб в поту, дыхание сбито. Провожу рукой по шее, медленно массируя её. Делаю глубокие вдохи, оглядываюсь и осознаю, что я в своей комнате.

«Это был кошмар, всё тот же кошмар».

Часы на стене показывают полседьмого. Подушка и простыни пропитаны потом. Откидываю одеяло и сажусь на край кровати. Холодный пол под стопами заставляет меня вздрогнуть. Сжимаю простыню пальцами.

«Нужно успокоиться». Встаю, иду к двери ванной, сердце колотится где-то в горле. Открываю дверь, опираюсь руками о край раковины, включаю кран и даю воде течь, всматриваясь в свое отражение в зеркале.

«Неправильная губка, которая умеет только впитывать».

Споласкиваю лицо холодной водой, тянусь за полотенцем и вытираюсь. Снова этот дурацкий кошмар. Закрываю кран, хватаю щетку и провожу по волосам. Беру две пряди и заплетаю их в длинную косу за спиной. Вздыхаю и отвожу взгляд от отражения, которое пугает меня саму. Выхожу из ванной, подхожу к шкафу и открываю створку. Звонок телефона привлекает мое внимание.

Беру его в руки, откашливаюсь. — Алло?

Одной рукой держу телефон, другой расстегиваю пуговицы пижамы.

— Вам нужно зайти в участок, чтобы подписать отказ. Вы ведь помните?

Сжимаю телефон в руках, дыхание перехватывает. — Д-да, я помню, — бормочу я, голос срывается. — Я буду примерно через полчаса. Снимаю пижаму, хватаю белый джемпер и джинсы, бросаю их на кровать.

— Отлично, это лучшее решение. Ждем вас.

Вызов завершается, а я остаюсь стоять, словно окаменев. *«Мне не сбежать».*

Глядя в пустоту, я пытаюсь успокоить душу. Сердце бьется как сумасшедшее, ноги не слушаются разума… они не хотят двигаться, отвергают любую команду.

Я должна сделать это усилие. Должна… просто… закрыть глаза и подписать.

— Смелее, Лавиния, — шепчу я. — Смелее.

***

В полицейском участке многолюдно, у входа тянутся длинные очереди. Проталкиваюсь сквозь толпу внутрь. Офицеры работают за столами, утопая в кипах документов и телефонных звонках. Царящий вокруг хаос заставляет меня чувствовать себя потерянной.

— А вот и ты, мы тебя ждали. Оборачиваюсь: полицейский с седой бородой улыбается мне, поглаживая подбородок. Он вскидывает руку: — Иди сюда.

Следую за ним в полном молчании, затаив дыхание и сжав кулаки. *«Я справлюсь».*

Он прикладывает бейдж к устройству на стене, металлическая дверь открывается. Мы идем по коридору мимо двух рядов камер — некоторые пусты, в других сидят заключенные, которые бросают на меня любопытные взгляды. В конце стоит прямоугольный деревянный стол с разбросанными бумагами и компьютером.

Полицейский указывает на стул: — Подожди здесь, я позову начальника. Он уходит, и я провожаю его взглядом, пока он не скрывается за дверью с желтой табличкой: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Постукиваю ногой по полу в мучительном, медленном ожидании. Прижимаю сумку к груди и кусаю нижнюю губу, пока мысли проваливаются в бездну, из которой нет выхода.

— У тебя губа в крови.

Мужской голос, глубокий и хриплый, пробуждает меня от раздумий. Провожу языком по губе и понимаю, что укусила её слишком сильно. Сажусь ровнее, открываю сумку, достаю пачку салфеток и прижимаю одну к губе.

— Спаси… — я замираю.

«Минутку… этот голос…»

Прищуриваюсь и поднимаю голову: в камере прямо напротив сидит вчерашний блондин. Он на полу, под глазами глубокие тени, одежда всё еще влажная, а лицо бледное.

«Он так и сидит здесь со вчерашнего дня?»

Он отвечает на мой взгляд, не моргая. Я отворачиваюсь, прочищая горло.

Из кабинета выходит полицейский вместе с мужчиной в синей форме — полагаю, это начальник. Он держит в руках досье, и чем ближе они подходят, тем громче их шаги рокочут вокруг меня. *«Началось».*

Начальник садится за стол и с довольной улыбкой раскладывает бумаги; справа от него — тот первый полицейский, который не сводит с меня глаз. — Ты делаешь правильный выбор, нужно всего две подписи. — Он кладет листы передо мной и протягивает ручку.

Дрожащими руками я беру её и глубоко вдыхаю. *«Смелее, Лавиния».*

Он указывает пальцем на нижний край листа, где черная линия ждет моей подписи. — Так будет быстрее всего, понимаешь? Будет так, будто ничего и не было. Поверь, ты выйдешь из этого чистой.

Чистой.

Подношу ручку к бумаге, но рука не перестает дрожать. Закрываю глаза и снова глубоко вдыхаю. *«Одна подпись, всего одна подпись».*

— Ты не обязана подписывать. Ей зачитали её права? — гремит голос парня с золотистыми кудрями. Полицейский поворачивает голову и испепеляет его подозрительным взглядом. Затем поворачивается ко мне, маскируя раздражение широкой улыбкой. — У тебя есть право на адвоката, если не можешь себе позволить — назначат государственного. Повторяю: ты не обязана подписывать.

Начальник бьет кулаком по столу. Его глаза наливаются яростью, он сжимает челюсти и поворачивается к парню: — Тебе лучше подумать о своем деле, у тебя всё плохо. Ни одна система идентификации не может тебя найти, а это значит, что ты преступник, скрывающийся от закона и систем безопасности. У тебя нет личности… кто знает, сколько преступлений ты совершил по всему миру.

Я хмурюсь. *«У него нет личности?»*

Начальник поворачивается ко мне: — Продолжим, дорогая. Не слушай этого безымянного сумасшедшего. Он пододвигает мне лист.

Я смотрю на парня в камере: он качает головой, беззвучно прося меня не делать этого.

— Подпиши здесь, — повторяет начальник.

Полицейский делает шаг, закрывая мне обзор на блондина. С сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, я подношу ручку к листу, закрываю глаза и подписываю. Не успеваю я оторвать ручку от бумаги, как офицер переворачивает документ и указывает на другое место. Исполняю приказ, опустив голову, не проронив ни слова. Кладу ручку на стол. Начальник забирает досье и складывает его почти с радостью.

— Ты всё правильно сделала, вот увидишь. Не пожалеешь, — его слова сопровождает широкая улыбка.

Резкая боль в животе сдавливает дыхание. *Чистая.* Мои пальцы не перестают дрожать, словно тело восстало против меня.

— Я провожу тебя к выходу. — Поднимаю голову; полицейский снова вежливо улыбается мне, но мой взгляд падает на парня в камере. Он кашляет, прикрыв рот ладонью. *«На нем всё еще мокрая одежда».* Спутанные волосы спадают на лоб, и легкая дрожь заставляет его сильнее сжаться в комок.

Я указываю на него. — Я его знаю, — заявляю я.

— Знаешь его? — Начальник хмурится.

Блондин пристально смотрит на меня, и искра надежды освещает его лицо.

— Да, он… — я делаю короткую паузу, — помог мне вчера. Я… поскользнулась на городском мосту. Он прыгнул в воду и вытащил меня на берег. В том происшествии он потерял свои документы.

«Зачем я ему помогаю?»

— Значит, ты не лгал… — Начальник скрещивает руки на груди. — Почему же мы не можем найти о тебе никакой информации? Даже цифровое распознавание не работает. Ты словно призрак. Не можешь сказать ни откуда ты, ни слова о своей семье или происхождении. Ничего.

Парень молча смотрит на меня, будто у меня должны быть ответы на все эти вопросы.

— Он… он… — Дыхание застревает в легких. *«Он не перестает на меня смотреть».*

— Нелегал? — предполагает полицейский. — Это объяснило бы, почему его нет в базах… Конечно, они поработали на славу. Из какой страны ты прибыл?

Он не отвечает. Взгляд всё так же прикован к моему. *«Перестань на меня смотреть».*

Перевожу взгляд на начальника. — Вы можете его отпустить? — спрашиваю я.

Тот хмурится: — Есть ряд процедур и протоколов, которые…

— Не похоже, чтобы вы им следовали минуту назад.

Я сама не осознаю, что сказала это, пока не вижу, как он приоткрывает рот от удивления. Воцаряется гробовая тишина. *«Возможно, мне стоило промолчать».*

Он чешет затылок. — Ну… пожалуй, мы можем закрыть на это глаза. В конце концов, ты прямой свидетель… — он бормочет что-то еще, сыпля номерами статей уголовного кодекса. — В общем, отведи её подписать свидетельские показания. Не хочу больше ничего слышать об этой головоломке. Полицейский рядом кивает и жестом велит мне идти за ним.

Я чувствую, как спина буквально горит. *«Он всё еще смотрит на меня?»*

Молча иду за офицером. Мы выходим из зоны камер и направляемся к столу, который, видимо, принадлежит ему. Он достает голубую папку из стопки документов и протягивает мне вместе с ручкой.

— Подпиши здесь, и твой друг свободен.

Беру лист и пробегаю глазами первые строки. *«Я прыгнул, чтобы спасти девушку…»* Здесь в подробностях описано всё, что произошло вчера. Внизу страницы пустое место: я подписываю и отдаю лист. Он что-то вводит в компьютер, распечатывает документ и возвращается в ту каморку, откуда мы только что вышли.

«Правильно ли я поступила?» Зная себя, я бы не нашла покоя — то состояние, в котором он находится, преследовало бы меня весь день. Дверь открывается, и тот же полицейский выводит парня с золотистыми кудрями ко мне. Я не могу не заметить наручники, стягивающие его запястья.

— На этот раз тебе очень повезло, больше не влипай в неприятности. — Офицер берет ключи со стола и освобождает его. Парень растирает запястья, на которых остались багровые следы от металла.

Я отвожу взгляд. — Если это всё, я пойду.

Полицейский кивает, указывая на выход. Я разворачиваюсь и выхожу, не оглядываясь. Снова чувствую жар в спине и понимаю, что он смотрит мне вслед. Ускоряю шаг, прохожу через тяжелые двери, и холодный воздух бьет меня, словно ведро ледяной воды, заставляя сильнее закутаться в куртку. Будет ли ему куда пойти в

такой холод? Трясу головой. *«Я не должна об этом думать, сейчас не время, я и так сделала достаточно».*

Тень ложится на улицы. Я поднимаю лицо: тяжелые тучи закрывают солнце, небо становится всё темнее и темнее. Порыв ветра заставляет меня вздрогнуть, первые капли дождя падают на лоб. Надвигается страшная гроза. *«А у меня даже нет зонта».*

Бегу по тротуару, прижимая сумку к плечу. Красный свет светофора вынуждает меня остановиться. У всех прохожих вокруг есть зонты, некоторые делят их друг с другом.

«Я единственная, кому негде укрыться. Снова».

Вздыхаю, выдох превращается в облачко пара, которое исчезает через пару секунд. Машины проносятся на большой скорости, с силой влетая в лужи. Отступаю на шаг — мне только лишней воды не хватало. Стук дождя становится громче, дрожь пробирает до костей, заставляя зубы стучать. Как только загорается зеленый, я со всех ног мчусь на другую сторону улицы. Поднимаюсь в горку, задыхаясь, сворачиваю за угол и наконец приближаюсь к своей калитке. От раскатов грома и вспышек молний я вздрагиваю от испуга.

Достаю связку ключей из мокрой сумки. — Только этого сегодня не хватало, — бормочу я себе под нос. — Ну и где же он… — Дрожащими руками я перебираю каждый ключ, но не могу найти тот, что от калитки. Пытаюсь вставить один, второй, третий… ни один не подходит.

Внезапно вода перестает хлестать мне в лицо. *«Неужели дождь уже кончился?»* Моргаю и спокойнее осматриваю связку, теперь, когда на меня не льет ливень. Нахожу нужный ключ и вставляю его. К моему огромному облегчению, замок поддается. *«Получилось».* Вздыхаю, поднимаю взгляд и мгновенно застываю. Держа руку над моей головой, на меня смотрит блондин с медовыми глазами. *«Это он защищал меня от дождя?»*

Я прищуриваюсь. — Ты следил за мной.

Золотистые кудри спадают ему на лоб, капли дождя будто грациозно ласкают его кожу. Он слабо кивает. — Ты убежала, а я хотел поговорить.

Гром заставляет меня вздрогнуть. — Ты сталкер?

— Я похож на сталкера? — возражает он, почти обиженно.

— Не знаю. Говорят, у тебя нет личности, так что ты можешь быть кем угодно.

Он продолжает стоять неподвижно, держа руку над моей головой, чтобы укрыть от воды. *«Что мне делать? Почему он меня преследует?»*

— Я принц. — Плечи напряжены, тон серьезен.

— А я принцесса. Видишь моё королевство? — Я киваю в сторону дома, старого и полуразрушенного. Хватило бы одного сильного порыва ветра, чтобы его снесло.

Он хмурится. — Думаешь, я шучу?

— Думаю, тебе пора уходить. — Разворачиваюсь и открываю калитку. Он идет следом за мной, проскальзывая внутрь. Я цокаю языком и округляю глаза.

— Какая часть фразы «уходи отсюда» тебе непонятна? — повторяю я, четко выговаривая каждое слово.

— Думаешь, мне нравится ходить за тобой? С тех пор как я прыгнул, чтобы спасти тебя, я не знаю, где нахожусь и как вернуться домой. Мне никто не верит. Я не нахожу никакой логической или рациональной связи, мне кажется, я схожу с ума. — Его грудь тяжело вздымается.

— И это моя вина? Я не просила тебя меня спасать, мне и так было хорошо.

Он расширяет глаза. — Тебе было хорошо… мертвой?

Да.

Вздыхаю. Бесполезно объясняться с незнакомцем. Разворачиваюсь на каблуках, открываю дверь дома, вхожу и закрываю её за собой. *«В какую же передрягу я влипла?»*

Снимаю обувь и мокрую куртку. Мне нужно принять горячий душ и забыть весь этот бессмысленный хаос.

***

Выхожу из ванной с полотенцем на голове. Деревянный паркет скрипит под ногами при каждом шаге. Провожу кончиками пальцев по батарее и морщу нос. Работает из рук вон плохо. Я замерзаю, даже находясь в доме. *«Отлично».*

Беру куртку, которую оставила у двери, и вешаю её.

Внезапный приступ кашля заставляет меня резко обернуться. *«Что это было?»* Медленно подхожу к двери и в глазок вижу сжавшуюся на земле фигуру. Открываю дверь.

Блондин здесь. Глаза закрыты, щеки раскраснелись. *«Он всё это время был тут? Под дождем?»* Чувство вины, пожирающее желудок, лишает меня слов.

Трясу его, но ответа нет. Прикладываю руку к его лбу. *«Черт».*

Закидываю его руку себе на шею. — И что мне с тобой делать, — бормочу я.

Он едва держится на ногах, я заталкиваю его внутрь. Пинком закрываю за нами дверь. Шатаясь, с трудом дотаскиваю его до дивана. Сваливаю его туда и вздыхаю. Поправляю его голову на подушке и замечаю, что он дышит с трудом.

Бегу за аптечкой, сухой одеждой и свитером. Когда возвращаюсь в гостиную, нахожу его в той же позе, в которой оставила. *Спит?* Ставлю всё на столик. Приближаюсь, опускаюсь на колени и снимаю с него промокшие насквозь ботинки и влажные носки. Поднимаюсь выше, пытаюсь расстегнуть пуговицы на рубашке.

— И что мне только приходится делать, боже мой, — повторяю я.

Чем дальше, тем нелепее я себя чувствую. Раздеваю незнакомого парня, развалившегося на диване в моем доме. *Ладно, всё нормально.* Снимаю мокрую рубашку, слегка приподняв его торс. Его голова падает мне на плечо, в изгиб шеи, заставляя меня замереть. Чувствую, как его дыхание ласкает кожу, а губы едва касаются меня. Слишком резко я опускаю его обратно. Его голова тяжело падает на подушку, он бормочет что-то невнятное.

Глубоко вдыхаю. *«Сосредоточься, Лавиния»*, — твержу я себе. Его мышцы словно изваяны скульптором. Беру свитер и пытаюсь натянуть на него: сначала через голову, потом в рукава.

Справилась. Но брюки — нет, — решаю я, чувствуя слишком сильное смущение.

Протираю его волосы полотенцем. Вставляю термометр в ухо: 38,7 °С.

У него жар.

Укрываю его простыней. Поворачиваюсь к столику, беру жаропонижающее и стакан воды. Одной рукой придерживаю его голову, другой приоткрываю ему рот и заставляю проглотить таблетку.

Он делает несколько глотков, на мгновение приоткрыв глаза. Бормочет что-то неразборчивое и снова отключается. Иду на кухню, ставлю стакан и беру пустую миску, наполняю её теплой водой. Возвращаюсь к нему, смачиваю ткань, выжимаю и кладу ему на лоб. Он вздрагивает и погружается в глубокий сон.

— Принц, значит?.. — шепчу я сама себе. — Принц без гроша в кармане и без документов.

Его лицо расслаблено, щеки раскраснелись, губы розовые. Каждая черта утонченная и благородная, и всё же… он в полуразрушенной гостиной девушки, которая только вчера пыталась покончить с собой. Трясу головой. Лучше приготовлю что-нибудь поесть.

Обо всем остальном подумаю позже.

***

Выхожу из ванной, закинув его вещи в стирку. Бросаю взгляд на настенные часы — семь вечера. Нужно дать ему еще одну таблетку, иначе температура снова подскочит. Иду по короткому коридору, захожу в гостиную, но место на диване пусто. *Куда он делся?*

Оглядываюсь. Слышу шум на кухне. Подхожу и вижу, как он, босой, сосредоточенно помешивает суп, который я оставила на плите. Он поворачивается ко мне. *Лучше бы он оставался без сознания.* Он смотрит на меня, и я тону в медовых радужках, освещающих его лицо.

— Не хотел вмешиваться, но он начал пригорать… — объясняет он. Опускаю взгляд на суп. Он убавил огонь. Снова смотрю на него.

— Тебе нужно лежать. — Мой голос звучит холодно, почти сердито.

Он слабо кивает. — Я подожду тебя там… — Он проходит мимо, задевая мою руку. Едва ощутимый разряд пронзает меня, заставляя оцепенеть. Выдыхаю. *Когда я начала задерживать дыхание?* Наверное, потому что я не привыкла, что в доме есть кто-то еще, и теперь всё кажется слишком тесным. Или это он слишком… огромный? Быстро наливаю порцию в тарелку. Беру ложку и иду к нему в гостиную.

Он сидит, согнув одну ногу и вытянув другую, с видом императора, ожидающего трапезу. Вздыхаю. *Абсурдно, всё это так абсурдно.*

Протягиваю ему тарелку. — Тебе нужно поесть, чтобы принять лекарство. У тебя весь день был сильный жар. — Сажусь рядом, сохраняя дистанцию.

— Благодарю тебя и за это, и за свитер… Думаю, я потерял сознание от холода. Со мной такого никогда не случалось, обычно я не болею. При дворе я всегда проходил все медицинские осмотры без малейших проблем.

При дворе?

Уголок его губ приподнимается. — Ты мне всё еще не веришь… — Он мешает суп ложкой, прежде чем попробовать. — М-м-м, наконец-то горячая еда. Я умирал от голода, — бормочет он.

Пытаюсь скрыть невольную улыбку, видя, как он поглощает ложку за ложкой без пауз. Протягиваю ему салфетку.

Что мне делать? Как вести себя с парнем, который вернул меня к жизни, когда я хотела умереть? Стоит ли верить тому, кто утверждает, что он принц?

— Ты правда принц? — прерываю я тишину.

Он проглатывает очередной кусок. — Знаю, ты не веришь, но я тебе это докажу. Я действительно принц.

— И какой же страны?

Тень грусти промелькнула на его лице. — Этой… точнее, страны, очень похожей на эту, но в то же время другой. Не могу это объяснить, но… кажется, с тех пор как я

вытащил тебя из воды, я оказался здесь — в месте, где меня никто не знает и где всей моей семьи не существует.

Не похоже, чтобы он лгал, и всё же то, что он говорит — за гранью реальности. *Как я могу верить в подобное безумие?*

Он доедает суп, ставит тарелку на стол и вытирает губы салфеткой. Поворачивается ко мне, кудри спадают ему на лоб. Резким движением он сокращает и без того малое расстояние, между нами, и сердце начинает молотить в груди.

Его лицо в паре сантиметров от моего. Я замираю, очарованная чистотой его кожи, густыми ресницами и прозрачными радужками. — Как насчет того, чтобы заключить пакт? Позволь мне остаться здесь на несколько дней, мне хватит и края этого дивана… Я не буду шуметь и не стану обузой. Мне нужно лишь время, чтобы понять, как вернуться домой. Обещаю, я тебя вознагражу, клянусь.

Он облизывает нижнюю губу, ожидая ответа. Отвожу взгляд, комок в горле мешает дышать.

Если я скажу «нет», он вернется на улицу? Ему правда некуда идти?

— Это ненадолго, обещаю. Я больше всех хочу вернуться к себе домой.

Ненадолго, просто маленькая жертва.

— Если тебе некуда идти… тогда… — шепчу я, уставившись в пол; в голове полнейшая неразбериха. Поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом. — Только на время. Пока не поймешь, где твой дом… или твое королевство… или откуда ты там пришел.

Правильно ли я поступаю?

Сияющая улыбка расцветает на его лице, и я клянусь, что никогда не видела такого искреннего света у мужчины.

На щеках у него появляются две маленькие ямочки. — Артур. — Он протягивает мне руку.

Значит, вот как его зовут. Артур.

Смотрю на его руку почти в нерешительности, затем вкладываю свою ладонь в его. Мягкость его кожи встречается с холодом моей души.

— Лавиния, — шепчу я, и его улыбка становится еще шире.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 3

Лавиния

Проснуться и обнаружить полуголого парня, разгуливающего по дому — совсем не то, о чем я мечтала. Он сушит волосы перед зеркалом в ванной, и только одно белое полотенце обернуто вокруг его талии, прикрывая интимные места.

Я выдергиваю вилку фена из розетки. — Что ты творишь? — почти кричу я.

Он поворачивает голову, фен замирает в воздухе, а скульптурный пресс поблескивает в свете ламп. — Сушу волосы после горячей ванны?

Вздыхаю. *«У меня нет слов».* Полотенце на его бедрах сползает всё ниже, обнажая полоску более светлой кожи. Я отворачиваюсь. От смущения я не могу даже смотреть на него.

— А где мне еще мыться? На кухне?

Перевожу взгляд на ванну: вода вот-вот перельется через край. *«Он наполнил её до самых краев, как я буду оплачивать счета?»* Я всегда принимаю душ очень быстро, чтобы не тратить воду впустую, а этот принц из несуществующего мира проснулся и перевернул всё вверх дном.

— Ты… — Я тычу в него пальцем, забыв о неловкости и о его наготе.

Он с полным безразличием поправляет полотенце на талии, подтягивая его выше, пока мокрые волосы падают ему на лоб. Капли воды почти грациозно скользят по его грудным мышцам. Он опирается одной рукой на раковину, а другой чешет затылок.

— Слушаю, Лавиния.

Вздыхаю. Ну как с ним так разговаривать? — Жду тебя на кухне. Выхожу, захлопнув за собой дверь. Вчера вечером я на это не подписывалась. Я не давала ему разрешения превращать мой дом в свою резиденцию. Никогда.

— Какого черта…

Я приоткрываю рот от удивления, пытаясь осознать то, что вижу перед собой. Яичница-болтунья, салат, бекон, апельсиновый сок и кофе. Всё это подано на кухонном столе так, будто мы в отеле.

Артур задевает мое плечо, проходя мимо. Полотенце всё еще на его бедрах, другое наброшено на шею. Он усаживается на табурет напротив меня.

— Тебе нравится? — Он улыбается. — В холодильнике было пустовато, я приготовил из того, что нашел. Нам нужно сходить за продуктами…

— Скажи мне, что это шутка.

Он подцепляет вилкой кусок бекона и отправляет его в рот. — Какая еще шутка?

Я сжимаю кулаки, стараясь глубоко дышать. — Артур, это не двор Его Величества. Это мой дом, и дома я едва успеваю выпить чашку кофе на завтрак.

Открываю холодильник: он пуст, абсолютно пуст. — Ты всё израсходовал?!

— Молоко еще осталось. Ах да, я выбросил то, у чего скоро истекал срок годности, — бормочет он между укусами.

— Что ты сделал? — Прижимаю руку к груди, меня чуть инфаркт не хватает. Бросаюсь к мусорному ведру, открываю его: половина продуктов, которые я купила по скидке, теперь покоятся среди недельных объедков и банановой кожуры.

Слишком резко закрываю крышку ведра. Глубоко вдыхаю.

— Поешь? А то остынет.

Нужно успокоиться, нужно успокоиться. Будильник на телефоне звенит, я вытаскиваю его из калимана, чтобы выключить. Уже поздно.

Выхожу из кухни с натянутыми до предела нервами. — Мне пора на работу. Подальше от этого хаоса, который ты устроил.

Хватаю сумку с дивана, наклоняюсь и беру туфли с деревянной полки в прихожей. Обуваюсь, затягиваю шнурки и завязываю быстрый узел.

— Уходишь, не поев?

Вздыхаю. *«Терпи, Лавиния».*

Поднимаю лицо, губы сжаты в узкую линию, пальцы покалывает от раздражения. И тут я обнаруживаю его в паре сантиметров от себя. Вид его рельефной груди прямо перед моим носом заставляет меня покраснеть еще сильнее. Приходится задирать голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Надень, черт возьми, футболку и штаны… я даже смотреть на тебя не могу!

Он выгибает бровь. — Поэтому у тебя щеки раскраснелись?

«Отлично, теперь он еще и детектив».

Встаю, тянусь к вешалке и беру куртку, всеми силами избегая его взгляда. — Если хочешь знать, щеки у меня красные, потому что я пытаюсь успокоиться.

— Успокоиться от чего? Ты никогда не видела голого парня? — В его голосе звучит искреннее удивление.

— Что?.. Дело не в этом. — Вдох-выдох. Бросаю взгляд на настенные часы: времени почти не осталось. — Я уже жутко опаздываю, поговорим вечером. Не выходи отсюда и не натвори херни.

— Опаздываешь куда?

Открываю дверь и кидаю ему ключи. — Запри дверь и не вздумай их потерять.

Беру велосипед, прислоненный к стене, и вскакиваю на него. Поправляю сумку на плече; холод обжигает пальцы. Он проникает повсюду, заставляя меня вздрагивать. Ставлю правую ногу на педаль. *«Готова к этому адскому дню».*

— Стой! Скажи хотя бы, куда ты едешь!

Поворачиваюсь в седле, его лицо выглядывает из дверного проема. Доезжаю до калитки, притормаживаю и выдыхаю:

— Я работаю в супермаркете за углом. Запри дверь и не выходи.

***

«Что я ему сказала? Запри дверь и не натвори херни, так?»

Он сидит на скамейке в пижаме и в своем пальто, которое уже высохло и теперь защищает его от холода. Смотрит в небо, погруженный в какие-то свои мрачные мысли. Прохожие оглядываются на него: кто-то смеется, кто-то поспешно проходит мимо, принимая его за бродягу. На нем нет обуви — только мои розовые тапочки, которые на его ногах выглядят крошечными.

Я потрясенно моргаю, провожу последние товары через сканер кассы и называю сумму покупателю передо мной.

— С вас двадцать восемь долларов шестьдесят центов. — Растягиваю губы в вежливой улыбке, которая маскирует охватившее меня смятение. *«Ну как можно быть таким безрассудным?»*

Покупатель достает банкноты и кладет на прилавок. Открываю кассу, отдаю сдачу вместе с чеком. Протягиваю пакет с продуктами. — Спасибо, до свидания.

Как только он выходит за дверь, улыбка умирает на моих губах. Оглядываюсь. *«Сейчас никого нет, надо спешить».* Выхожу из-за кассового аппарата и подхожу к раздвижным дверям.

— Артур! — кричу я.

Он опускает взгляд, зябко поднимается и идет ко мне. Когда он оказывается напротив, я отступаю и задираю подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Что ты здесь делаешь? Разве я не велела тебе сидеть дома? — шиплю я сквозь зубы.

Он пожимает плечами. — Мне нужна одежда.

— А? — Я чуть не рассмеялась ему в лицо.

— Мне нужны деньги, я думал купить себе что-нибудь из одежды. Я не могу ходить в таком виде, люди косо смотрят.

Вздыхаю. — Тебе вообще не следовало выходить… и потом, ты за кого меня принимаешь? За банк?

— Думаешь, мне нравится зависеть от тебя? У меня нет ни цента даже на то, чтобы доехать куда-то и разузнать о своем королевстве.

Запускаю руку в волосы. Мне кажется, я разговариваю с заевшей пластинкой прямиком из средневековья. Вечно это королевство, этот сказочный мир, которого не существует, где он — невесть какой принц. *«Я схожу с ума».*

Он хмурится. — Не смотри на меня так. — Его обиженный тон делает ситуацию еще более нелепой.

Звук открывающейся двери заставляет меня резко обернуться: в супермаркет входит покупатель с корзиной в руках. Испепеляю Артура взглядом, вытаскивая кошелек из кармана. Протягиваю ему те немногие банкноты, что у меня остались.

Он тянется за ними, я его останавливаю. — Больше здесь не показывайся. Купи только самое необходимое на эти два дня. Ничего лишнего.

— Я не ребенок.

— Судя по всему, как раз наоборот, — раздраженно бросаю я.

Вкладываю деньги ему в руку. Он прячет их в карман пальто и с грацией модели выходит из супермаркета, вполне довольный собой. *«Какого дьявола я вообще на это согласилась?!»*

— Простите, синьорина…

Я поворачиваюсь к клиенту у кассы. — Слушаю вас.

Приход Лары означает конец первой работы на сегодня. Снимаю форменную куртку, кладу её в ящик, беру сумку и пальто. Выхожу из подсобки и достаю телефон из кармана джинсов — двенадцать сорок. Есть время перекусить перед доставками на дом.

— До завтра!

— До завтра, Лавиния! — улыбается Лара.

Как только раздвижные двери открываются, волна холода окутывает меня, заставляя вздрогнуть. Невольно бросаю взгляд на скамейку, где раньше сидел этот горе-принц. *«Интересно, куда делся этот сумасброд?»*

Беру велосипед и, держась за руль, качу его по аллее. Не успеваю сделать и пары шагов, как останавливаюсь. Группа девчонок перегородила центр улицы, мешая прохожим. Они сжимают в руках телефоны, взволнованно смеясь и явно смущаясь. Любопытство берет верх, и я вытягиваю шею: неужели какая-то знаменитость?..

«Боже мой».

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Артур сидит за столиком за витриной кафе и потягивает кофе с газетой в руках; ноги разведены, плечи расслаблены. На нем черная водолазка, надеты те же вчерашние брюки, которые уже высохли. Вместо тапочек на нем снова его изящные туфли. Его поза грациозна и невозмутима; он облизывает кончик пальца и переворачивает страницу. *«Я уверена, что этот свитер из кашемира».*

Прислоняю велосипед к первому попавшемуся столбу и пристегиваю его. Работаю локтями, пробираясь сквозь толпу, и вхожу в заведение. Он поднимает на меня взгляд, и улыбка освещает его лицо.

— Привет, Лавиния. Я тебя ждал. Я постарался распорядиться деньгами как можно лучше: на сдачу взял кофе и газету. Просто чтобы быть в курсе политики вашего мира. Здесь многое отличается от моего…

Вспышка камеры ослепляет меня, я моргаю и прищуриваюсь. Поворачиваю голову: какая-то девчонка фотографирует его и хихикает вместе с подругой. *«Нужно убираться отсюда».*

Хватаю его за руку. — Вставай, мы уходим.

— Но я еще не закончил…

Я бросаю на него ледяной взгляд.

— Ладно, я понял. Встаю. — Он поднимается, вызывая трепет восторга у девчонок, которые наблюдают за ним в экстазе. Он возвышается надо мной, золотистые кудри спадают на лоб, украшая его лицо. Поворачиваюсь к нему спиной и выхожу, подальше от этой стаи фанаток, осыпающих его подмигиваниями и довольными улыбками.

— Ты злишься? — доносится его голос из-за спины.

— Ты купил всего одну вещь на деньги, которые я тебе оставила, опустошил холодильник ради королевского завтрака и наполнил ванну горячей водой для своего привилегированного купания. Я бы сказала… всё просто замечательно.

Ускоряю шаг, раздражение щекочет даже дыхание. Он догоняет меня в пару шагов, не прилагая никаких усилий, что бесит меня еще сильнее.

— Я тебя вознагражу, обещаю.

Останавливаюсь перед небольшим угловым баром и оглядываюсь: здесь мы достаточно далеко от тех сумасшедших девчонок. Толкаю дверь, но она не поддается. Фыркаю и пробую снова, но не могу открыть. Артур прикладывает два пальца и открывает её, с трудом сдерживая смех и прикрывая рот ладонью.

«Не вижу ничего смешного».

— Два куска пиццы, пожалуйста.

— А мне курицу, — вставляет он. Смотрю на него косо, он вскидывает руки в знак капитуляции. — Ладно, пусть будет пицца. Я пойду сяду.

Оплачиваю заказ на кассе, беру поднос и оборачиваюсь. Артур сидит у окна и с потерянным видом смотрит на улицу. Подхожу, ставлю поднос на стол и сажусь напротив.

— Нам нужно установить правила, иначе мы не сработаемся. — Снимаю куртку. Беру салфетку и кусок пиццы.

— Знаешь, здесь всё кажется таким же, как у меня дома… но в то же время всё совсем другое. У вас демократия, это поразительно.

— А у вас что? Монархия?

— Да, веками. У вас совершенно иная система.

«О чем он вообще бредит?»

— Ты головой ударился, когда в воду прыгал?

Он вздыхает. — Ты мне ни за что, не поверишь, пока не увидишь сама. — Он берет кусок пиццы и откусывает. Закрывает глаза, смакуя момент до конца, а затем снова открывает их.

Трясу головой. — У вас в Фантазиландии нет пиццы?

Он чуть не давится, округляет глаза и проглатывает кусок, прежде чем бросить на меня взгляд, полный разочарования.

— Как ты это назвала? — Он кладет кусок на поднос. — В моем королевстве тебя могли бы посадить за оскорбление величества…

Откусываю кусок. — Я прямо дрожу от страха. — Жую, глядя на его лицо, которое стало воплощением изнурения.

Достаю телефон из кармана джинсов — у меня осталось всего несколько свободных минут, и я не знаю, куда его приткнуть. Куда бы я его ни поместила, он начинает двигаться и создавать проблемы. Быстро доедаю остатки пиццы и откашливаюсь. — Как ты намерен вернуться и когда?

— Как можно скорее. Не знаю как, но мне понадобятся деньги. Мне нужен телефон, интернет… я должен провести исследование и ездить на такси.

Беру салфетку и вытираю губы. — Я не банк. Если хочешь денег — заработай их. — Встаю и поправляю сумку на плече.

— Мы уже уходим? Но я еще не доел, — бормочет он с полным ртом, а уголки его губ испачканы томатом.

Трясу головой. *«Ну как он может быть таким раздражающим?»* Разворачиваюсь на каблуках, открываю дверь и выхожу. Проходит всего пара секунд, и тишину нарушает звук его шагов. Кошусь в его сторону: он сжимает в руках кусок пиццы так, будто это его единственное спасение.

Вздыхаю, он безнадежен. — Хочешь заработать денег?

Он кивает.

— На какие жертвы ты готов пойти?

— Я сделаю что угодно, — мычит он с набитым ртом.

«Ладно, сам напросился».

***

Доезжаю до входа в ресторан. Торможу и слезаю с велосипеда, аккуратно прислонив его к невысокой стене. С терморюкзаком на плечах вхожу на свою вторую подработку — в пиццерию Хуана.

— Я доставила первые десять, сколько осталось?

Хуан поднимает голову, в руках он сжимает следующие заказы. — Четыре (*cuatro*), и можешь быть свободна. — Он выкладывает четыре коробки с пиццей с прикрепленными к ним адресами. Снимаю рюкзак, открываю его и складываю коробки внутрь.

— Твой друг очень хорош (*tu amigo es muy bueno*), — улыбается Хуан, указывая указательным пальцем.

Поворачиваю голову в ту сторону, куда он указывает, и вот он — стоит на тротуаре. Я приоткрываю рот. Парень, переодетый в гигантскую курицу, с визитками в руках, переминается с ноги на ногу на углу. Закусываю внутреннюю сторону щеки,

сдерживая смех. Когда он встречается со мной взглядом, я вижу в его глазах океан отчаяния. Выхожу из ресторана с рюкзаком на плечах.

— Ну что, Ваше Величество?

Капли пота выступили у него на лбу. — Ты издеваешься надо мной, Лавиния?

Прижимаю руку к груди. — Что вы, Ваше Величество. Как я смею? За насмешки над принцем мне бы грозила смертная казнь. — Хватаюсь за руль велосипеда и усаживаюсь в седло.

Он хмурится и упирает руку в бок, принимая позу еще более нелепую, чем раньше. Не в силах сдержать смех, я прикрываю рот рукой.

— Очень смешно, правда. Надеюсь, оплата того стоит.

Я машу ему на прощание, оставляя его на произвол судьбы.

***

— Это всё? — вздыхает он.

Он навязчиво, раз за разом пересчитывает купюры в руках. Волосы прилипли ко лбу, брови сдвинуты, тон раздраженный. Костюм гигантской курицы, который он носил весь день, должно быть, был ужасно душным.

Я ускоряю шаг, катя велосипед рядом с собой. — Добро пожаловать в мир подработок. Как думаешь, почему у меня их три?

— Три? И что ты должна делать сейчас? Семь вечера, мы разве не пойдем ужинать?

— Нет, дорогой. Я иду работать официанткой.

Мы переходим улицу, Артур следует за мной по пятам, сжимая в пальцах свое потное честно заработанное сокровище.

— А что мне делать тем временем?

Я сворачиваю за угол и вижу длинную очередь клиентов, замершую перед входом в ресторан. *«И сегодня закроемся поздно».* Декоративные огни мерцают по краям вывески, сквозь витрину я вижу, что столики на первом этаже уже заняты. Прежде чем войти, пристегиваю велосипед к обычному столбу. Бросаю на него последний взгляд — он растерянно озирается по сторонам.

— Даже не говори мне, что хочешь снова поработать. Он качает головой: — Я понял, подожду тебя снаружи.

Прохожу мимо очереди, толкаю дверь. Внутреннее тепло ресторана смешивается с ароматом еды и хаотичным гулом голосов. У кассы еще одна очередь, ребята снуют из кухни к столам, нет ни одного свободного места. Как только Камилла встречается со мной взглядом, она вздыхает с облегчением. Подходит ко мне, сжимая в руках полный мусорный пакет.

— Я сейчас свихнусь, у нас футбольные фанаты за последним столом. Они неуправляемы, — выпаливает она. Я открываю ей дверь и пропускаю вперед.

«Футбольные фанаты, пьяные и агрессивные… именно того, чего мне не хватало сегодня».

Прохожу мимо кухни, иду по узкому коридору до раздевалки персонала. Открываю её и бросаю сумку в угол. Снимаю куртку, достаю из ящика с униформой белую рубашку и черную юбку. Глубоко вздыхаю; одна мысль о том, что придется иметь дело с грубыми и навязчивыми фанатами, заставляет меня хотеть сбежать. *«Но я не могу себе этого позволить».* Натягиваю юбку до талии, надеваю рубашку и

застегиваю пуговицы. Провожу пальцами по волосам — несколько непослушных прядей выбились из косы, но я их игнорирую.

Протягиваю руку и сжимаю ручку двери. — Готова, — выдыхаю я.

Хор криков заставляет меня вздрогнуть. Звук чего-то разбитого парализует меня; открываю дверь и бегу по коридору. *«Боже, пусть всё пройдет хорошо».* Пролетаю мимо кухни и с сердцем в горле наблюдаю представшую картину. Камилла пытается вырваться, пока какой-то амбал с яростным видом сжимает её запястье. Осколки стекла и посуды усеивают пол. Делаю шаг назад и поворачиваю голову к кухне.

Пол и Дэвид, два повара-новичка, испуганно смотрят на меня. *«Ну почему именно сегодня нет начальника?»* Стискиваю зубы и шепчу: — Немедленно вызывайте полицию.

Они синхронно кивают. Я разворачиваюсь и направляюсь к Камилле. Никто из присутствующих и пальцем не шевелит — впрочем, никто не хочет связываться с пьяным в стельку верзилой с разбитой бутылкой в руках. Сердце колотится как бешеное, но я маскирую страх, растягивая губы в вежливой улыбке.

Откашливаюсь: — Что-то не так?

Он вонзает свои пустые глаза в мои, и я содрогаюсь. *«Спокойно, Лавиния».* Вдох. *«Всё идет хорошо».* Выдох.

Он сжимает руку сильнее, лицо Камиллы искажается от боли, глаза блестят от слез. — Эта шлюха сказала, что мне нельзя больше заказывать, потому что я слишком пьян. Я похож на пьяного?!

Я качаю головой: — Нет, абсолютно. Моя коллега не хотела вас обидеть. — Подхожу ближе. — Расскажите, чем я могу вам помочь?

Дыхание застревает в горле, когда его сальный взгляд начинает ползать по моему телу.

«Спокойно, Лавиния. Дыши».

Он отпускает Камиллу, так что она почти падает. Красный след горит на её запястье, пока она в ужасе отступает. Бросаю на неё быстрый взгляд, кивком велю уходить. Она, дрожа, пятится к кухне.

— Ты можешь помочь мне по-разному… — На его лице появляется самодовольная ухмылка. Он разбивает бутылку об стену, я вздрагиваю. Пальцы покалывает, я прячу руки за спину; дыхание сбито, в горле ком.

Громкий смех вырывается из его глотки. — Вы такие нежные. — Он пощипывает бороду; щеки раскраснелись, походка шаткая.

«Спокойно, Лавиния. Спо…»

Но когда он тянет руку к моему плечу, я не могу сдержаться и инстинктивно отшатываюсь. Он округляет глаза, перестает смеяться, и его лицо принимает по-настоящему пугающее выражение. Впиваюсь ногтями в ладони.

«Когда же приедет полиция?»

— Ломаешься, да? — шипит он, надвигаясь на меня.

Я отступаю, пока не упираюсь в стену — пути к бегству нет. Его гнилое дыхание бьет в ноздри; он кладет свои грязные лапищи мне на бедра и грубо сжимает их. Я содрогаюсь, весь кислород в зале будто выкачали. *«Не могу вдохнуть».*

— У тебя милое личико. Тебе говорили? Эти глаза цвета неба, такие ангельские, и твои мягкие губы…

Тошнота сжимает желудок, я отворачиваю лицо, избегая его похотливого взгляда.

«Я не дышу».

— О, какая театральность. Теперь притворишься, что задыхаешься? — смеется он.

Тонкий свист вырывается из моих губ, глаза застилают слезы. *«Я не могу дышать».*

— Я тебе помогу. — Он тянет руку к воротнику моей рубашки.

«Не трогай меня». Чувства отключаются, я теряю связь с реальностью. Единственное, что я ощущаю — это его пальцы, с силой разрывающие пуговицы рубашки.

Стискиваю зубы и закрываю глаза. *«Не трогай меня».* Глухой удар приводит меня в чувство. Открываю глаза и с трудом поднимаю взгляд. Тот, кто только что пытался раздеть меня, теперь прижат к стене.

Парень с золотистыми кудрями сжимает его горло, удушая.

«Артур?»

Он отшвыривает его на пол, словно пушинку. В лице Артура нет и следа той легкости, с которой он читал газету утром или ел пиццу. Его глаза налиты яростью, челюсть сжата, вены на шее вздулись.

— Ублюдок, — рычит он с отвращением. Наклоняется над ним и — прежде чем тот успевает среагировать или что-то понять — наносит удар такой силы, что тот теряет сознание.

Звук полицейских сирен заставляет меня вздохнуть с облегчением. Плечи опускаются, слеза катится по щеке. *«Дыши, Лавиния».* Моргаю, пока кислород возвращается в легкие. Тяжелое пальто ложится мне на плечи. Поднимаю взгляд — две медовые радужки светят прямо на меня.

Он опускается на колени и с нежностью человека, держащего в руках хрупкий хрусталь, застегивает пальто, прикрывая мою разорванную рубашку. Я не могу прочесть выражение его лица — вулкан эмоций сжигает его взгляд. Ярость, горечь, презрение, фрустрация… и всё это на лице, чьи тонкие черты сочетаются с глазами, нежными, как солнце.

— Хочешь, чтобы я его убил?

Я приоткрываю рот. *«Что?»* Серьезность, с которой он задает этот вопрос, лишает меня дара речи.

Он перемещается вправо, закрывая своим телом вид на того мужчину. — В моем королевстве я бы срубил ему голову мечом.

Уголок моих губ приподнимается. *«Королевство?»* В разгаре кошмарного нападения он всё еще говорит на языке своей сказочной империи. Слабая улыбка появляется на моем лице. *«Это просто абсурд».* Поднимаю глаза и вижу, что он пристально смотрит на меня. Ярость, искажавшая его лицо, рассыпается, и он улыбается, глядя на меня.

Среди полицейских сирен, разбросанных по полу осколков, царапин и слез… он — единственное чистое существо. Настолько, что рядом с ним такой кажусь и я.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 4

Лавиния

Звук полицейской сирены затихает вдали. Показаний свидетелей и записей с камер наблюдения хватило, чтобы на него надели наручники и увезли отсюда. Я открываю дверь кухни; стопка немытых тарелок становится всё выше. Хватаю губку, вспениваю мыло, включаю воду и принимаюсь за первую тарелку. Вздрагиваю: вода ледяная… *«Как те скользкие руки на моей коже».* Дрожь пробегает по спине. Запах того гнилого дыхания снова бьет в ноздри; я прижимаю руку к губам и глубоко дышу. С трудом сдерживаю рвотный позыв.

«Дыши, Лавиния».

Тру губкой по тарелке: раз, два, три, четыре… шесть, семь, восемь… десять раз.

Но грязь не смывается ни с тарелки, ни с меня. Я чувствую себя грязной. *«Снова».* Рука, расстегивающая мою рубашку, его похотливый взгляд и тягучие прикосновения…

«Грязная, я грязная». Я тру всё настойчивее, мыльная пена покрывает перчатки, а скрежет губки по тарелке становится громче. Кто-то касается моего плеча; я резко оборачиваюсь, сердце колотится в горле. Камилла приоткрывает губы и слабо улыбается.

— Иди домой, Лавиния.

Трясу головой и продолжаю тереть тарелку. — Я справлюсь.

Она перехватывает мои руки; я поднимаю взгляд и встречаюсь с её темными глазами, полными тревоги.

— Нет, не справишься. Я наблюдаю за тобой… ты трешь одну и ту же тарелку уже пять минут. Мы закончим сами, тебе нужно отдохнуть.

«Она наблюдала за мной?» Я откладываю губку и снимаю перчатки, пойманная с поличным. — Хорошо, — шепотом сдаюсь я. — Если понадобитесь, зовите. Отступаю, избегая её взгляда, и выхожу из кухни с опущенной головой. *Грязная.* Прохожу в раздевалку, снимаю рабочую одежду и надеваю куртку. Зеркало на стене отражает образ осквернённого тела, на которое трудно смотреть. Опускаю голову и достаю сумку из ящика. Гниль, пропитавшая каждую клеточку моего существа, жжет таким отвращением, что мне хочется содрать с себя собственную кожу.

Толкаю входную дверь, и холод обрушивается на меня — это единственное, что приводит чувства в порядок. Сжавшись в комок на земле в углу, парень с золотистыми кудрями смотрит в небо отсутствующим взглядом. *«Он всё еще здесь?»* Дверь за моей спиной закрывается, и этот звук вырывает его из раздумий.

— Ты… не ушел? — удивленно шепчу я.

Он встает. — Я провожу тебя домой.

Поворачиваю направо, иду к велосипеду и быстрым жестом отстегиваю его. — Идем тогда, я закончила.

Улицы пусты, фонари освещают только края дорог. Я иду тяжелым шагом, нехотя таща за собой тело — пустую, изношенную оболочку. Несмотря на то, что Артур явно быстрее меня, он держится в паре шагов позади. Словно я могу рухнуть в любой момент, и он готов меня подхватить.

Путь проходит в абсолютной тишине. Ни один из нас не произносит ни слова. И в какой-то мере я благодарна за это — у меня нет сил поддерживать разговор.

Сворачиваю за угол и подхожу к калитке дома. Достаю ключи из сумки, но пальцы дрожат так сильно, что я не могу попасть в замок.

Артур забирает связку из моих рук. — Давай я. — За две секунды он открывает дверь.

У меня нет ни мужества, ни сил смотреть на него. Прохожу мимо, прислоняю велосипед у двери и вхожу в дом. Снимаю пальто, бросаю его на диван вместе с сумкой и скидываю обувь. Чувствую, как взгляд Артура жжет спину, будто он внимательно меня изучает. Он закрывает за собой дверь.

Глубоко вдыхаю, иду на кухню. — Хочешь чего-нибудь выпить?

Открываю верхнюю полку и смотрю на банки пива с желанием утонуть в них, спрятаться. Тяну руку и беру сразу пять штук, еле удерживая в охапке. Приношу их в гостиную, сажусь на ковер перед столиком и выставляю на поверхность.

Грязная. Беру первую банку, прижимаю пальцы к металлическому кольцу, но дрожь не прекращается. *Грязная.* Банка выскальзывает из рук; я поднимаю взгляд — Артур садится напротив.

Он открывает её и протягивает мне, не задавая вопросов. — Держи.

Хватаю банку и припадаю к ней; жидкость щекочет горло, и я закрываю глаза, отдаваясь горькому вкусу, разливающемуся по языку.

— Полегче, Лавиния, — шепчет он тоном, в котором смешаны упрек и беспокойство.

Ставлю банку на столик, вытирая губы рукавом кофты.

«У тебя милое личико. Тебе говорили?»

Прижимаю ладонь к шее, затем провожу по плечу, которого коснулся тот монстр.

«Эти глаза цвета неба, такие ангельские, и твои мягкие губы…»

Его пальцы на моей груди, его дыхание на коже и этот извращенный взгляд, пожирающий меня без согласия.

«Ломаешься, да?»

Рука Артура обхватывает мое запястье, возвращая к реальности. Он качает головой, и в его глазах я вижу тень страха. *«Что он увидел такого, что напугало его?»* Он убирает мою руку с плеча, и только сейчас я понимаю, что, погрузившись в мысли, я исступленно терла кожу. Появились царапины, а я даже не заметила.

«Снова».

— Не причиняй себе боль, — приказывает он, накрывая мою ладонь своей на столе.

Вздыхаю. — Артур. — Голос срывается, хотя я изо всех сил стараюсь не плакать.

— Слушаю.

Сжимаю руку в кулак, ногти впиваются в ладонь. — Я чувствую себя… грязной.

Глаза наполняются виноватыми слезами, а медовые радужки пригвождают меня к месту. Сейчас он спросит, что я имею в виду, скажет, что мне нужно перестать пить, что это вредно, что я пьяна, что мне нужно отдохнуть, что я соображаю неясно.

— Лавиния…

Я поднимаю подбородок; он склоняет голову набок, вонзая свой взгляд в мой, и шепотом, который растворяется в воздухе, бьет в самый центр шаткой, разбитой мишени:

— Кто трогал тебя без твоего разрешения… в прошлом?

«Шах и мат».

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

***

Четыре месяца назад

Сжимаю в руках конспекты, пальцем нажимая кнопку девятого этажа. *«Этот небоскреб кажется бесконечным».* Выглядываю в прозрачное окно и любуюсь городом, который становится всё меньше под моими ногами. *«Неужели есть люди, живущие в такой роскоши?»* Мой дом — даже не прихожая этой резиденции. По сравнению с этим я чувствую себя крошкой.

«Девятый этаж» — металлический голос лифта предваряет открытие дверей. Готовлюсь выйти, в последний раз смотрю на время в телефоне, прежде чем убрать его в сумку.

21:13.

Иду по коридору, пока не оказываюсь перед квартирой 108. Поправляю волосы на спине и нажимаю на звонок.

Саймон открывает дверь с сияющей улыбкой. — А вот и ты.

Сын одного из богатейших предпринимателей города; если бы не его лень, он мог бы прилежно учиться и без частных уроков. Но, судя по всему, высокий средний балл в колледже его не интересует.

— Прости за время, знаю, что поздно, но эти задачи по физике слишком сложные, а экзамен уже скоро… — Он проводит меня по коридору в роскошную гостиную с кожаными креслами и захватывающим дух видом.

— Не беспокойся, я понимаю.

Он указывает на длинный прямоугольный стол, где разбросаны ручки и его учебник. Кладу конспекты и устраиваюсь на стуле. Беру книгу, листаю страницы до тех, что будут на экзамене. Я занимаюсь с ним уже два месяца; родители наняли меня, чтобы он без проблем сдал курсы первого семестра, и платят отлично. Этой подработкой мне удается закрывать дыры, оставленные другими работами.

— Выпьем чего-нибудь для начала? — Он уходит на кухню.

— Мне и так хорошо, спасибо.

Он возвращается в гостиную с двумя бокалами и бутылкой вина. — Всего глоточек, не повредит. — Он усмехается.

— Нет, спасибо. Когда закончишь, подходи сюда. Чем раньше начнем, тем лучше.

Он молча кивает, наливая себе вина. Делает глоток, закрывая глаза, чтобы насладиться вкусом, и ставит пустой бокал передо мной.

— Ну хоть воду ты пьешь? Или если выпьешь, мама с папой тебе больше не заплатят? — иронизирует он, а в его темно-зеленых глазах проскакивает искра веселья.

Вздыхаю. — Ладно, давай воду.

Он возвращается на кухню и через несколько минут появляется снова с бутылкой воды в руке. Снимает крышку и наполняет бокал наполовину.

— Какое из этих упражнений у тебя не получилось?

Он садится рядом со мной. — С девятого по двенадцатое. — Саймон достает листы, на которых пытался их решить.

— Давай вернемся к основам. Начнем отсюда.

Он слушает, как я повторяю правила физики, не проронив ни слова, но у меня есть предчувствие, что его мысли где-то в другом месте. Его глаза следят за каждым движением моих губ, и единственный момент, когда он отводит взгляд, — это когда прикладывается к вину. Он пьет так много, что его щеки становятся пунцовыми. Я

даю ему несколько заданий на формулы, которые подсказала, а сама готовлю схемы с кратким изложением основных тем. *Чем раньше закончу, тем скорее смогу уйти.*

— Молодец, всё верно, — бормочу я с удивлением. Он решил две сложные задачи без малейшей заминки.

Он облизывает нижнюю губу. — Это всё благодаря тебе, учительница.

Я встаю, беру сумку и телефон. — Если завтра утром что-то понадобится — пиши. Я буду на работе, но постараюсь ответить.

— Ты уходишь? — Он чешет затылок.

— Уже почти полночь, Саймон. — Показываю ему время на экране.

23:45.

Он улыбается. — Ты даже глотка воды не сделала. Я буду чувствовать себя виноватым за то, что побеспокоил тебя в такой поздний час…

Беру бокал, даю воде стечь в горло, утоляя жажду. Когда я ставлю пустой бокал на стол, губы Саймона растягиваются в улыбке.

— Я провожу тебя. — Он идет впереди и открывает дверь.

Я дарю ему слабую улыбку, прежде чем повернуться спиной и выйти. Прохожу короткий отрезок до лифта и свободной рукой разблокирую телефон. Смотрю на экран: нужно торопиться, иначе рискую опоздать на последний автобус.

Перед глазами плывут черные пятна, резкое головокружение заставляет меня остановиться. Трясу головой и моргаю. *Усталость играет со мной злую шутку.* Ускоряю шаг, подхожу к лифту, но зрение внезапно затуманивается. Кнопка на стене раздваивается, всё вокруг начинает шататься и растворяться.

Что… со мной…

Я пошатываюсь, хватаюсь рукой за голову; дыхание перехватывает. *Что это со мной?* Наваливается свинцовая сонливость, и ноги внезапно подкашиваются, перестают слушаться, я падаю на пол. Зрение то пропадает, то возвращается; я шарю рукой по полу, пока не натыкаюсь на сумку. *Где телефон? Я ничего не вижу.* В панике вытряхиваю всё содержимое на пол.

Вот он! Но руки обмякают, их парализует дрожь. Пытаюсь подняться, но валюсь вперед, ударяясь подбородком. Единственное, что еще работает, — это мое сознание, которое беспомощно наблюдает за тем, как отключаются все чувства. *Что со мной происходит?*

Две сильные руки поднимают меня, оставляя сумку и телефон на полу. *Кто это?* Щурюсь, но всё, что я вижу, окутано густым туманом. У меня нет сил говорить, я не могу разжать губы, и одна мысль о том, чтобы произнести хоть фразу, истощает меня. Меня укладывают на что-то мягкое, похожее на кровать… *Матрас.* С огромным трудом мне удается повернуть голову вправо, и передо мной проступает очертание знакомой фигуры. Прищуриваюсь, зрение проясняется, и мне удается сфокусироваться. Увиденное перехватывает дыхание. Саймон у шкафа раздевается, расстегивая брюки; рядом с ним парень, которого я никогда не видела, с видеокамерой в руке, а на пороге стоит еще один мужчина с сигаретой в зубах.

Я хотела закричать, я хотела сбежать, я хотела никогда не входить в эту квартиру.

Каждый из них трогал меня без согласия, истолковал мои слезы как приглашение, а мое молчание — как покорность. Каждый из них был слишком голоден, чтобы заметить, что я — не еда, а девушка, которой подсыпали наркотик.

После Саймона настала очередь друга с камерой. А после него — человека с сигаретой.

И с того дня я чувствую себя грязной.

Сегодня

— Неважно, сколько душей я приму, сколько парфюма вылью на себя, сколько раз буду тереть кожу до крови… я всё еще чувствую их пальцы на себе.

Глаза печет, я сдерживаю слезы, но некоторые всё же ускользают и катятся по щекам. Дрожащей рукой хватаю банку пива и допиваю её. Ставлю на стол и тянусь за другой.

Пытаюсь открыть её, но рука Артура меня останавливает. — Ты заявила на них?

— Заявить на сына самого влиятельного предпринимателя в городе? — Нервный смех вырывается из моих губ. — Как дура, я пыталась. Они… они… — Голос срывается. — Меня вышвырнули из здания, завернутую в простыню, и бросили в саду. Я очнулась там… без одежды, без телефона, без… без…

Опускаю голову, закрываю лицо руками, содрогаясь от рыданий и захлебываясь стыдом.

— Я хотела умереть… хотела, чтобы они меня хотя бы убили… Они забрали у меня всё, так почему не убить? Зачем оставлять меня в живых с этими воспоминаниями? Почему?

Звук их смеха до сих пор стоит в ушах. Я чувствую их внутри себя, чувствую, как они касаются каждой точки, каждого сантиметра. Нет места, которое бы они не осквернили. Не осталось ничего чистого.

— Мне никто не поверил. Адвокатам, которые брались за мое дело, угрожали, их подкупали или заставляли отказаться. Полиция давала туманные ответы, а сотрудники здания давали ложные показания. Они сказали, что я сама пришла туда за этим. Я не понимала… Почему они смотрели на меня так, будто… будто… виновата… я?

Нежелание, с которым офицер полиции смотрел на меня, давало понять: мне лучше держаться подальше, это проигранная битва и, в конце концов, ничего серьезного не произошло.

«Дай себе немного времени, и ты тоже об этом забудешь».

«Ты с ума сошла — думать, что можешь обвинить сына такого человека! У него нет недостатка в девушках, зачем ему нападать на тебя? Это бессмысленно».

«Они неприкосновенны для себе подобных, не говоря уже об обычных людях…»

«Ты, верно, сама его как-то соблазнила. Подавала знаки, сама того не замечая».

— Они удалили записи с камер наблюдения. Любая улика уничтожалась, стоило мне к ней приблизиться, каждого человека запугивали… любая зацепка, которую я искала, исчезала.

Беру банку, с силой открываю и припадаю к ней. Пью до тех пор, пока то, что я должна сказать, не начинает казаться менее болезненным, менее реальным. Пью, пока не почувствую себя такой легкой, что смогу раствориться. Ставлю её на стол, зрение на мгновение затуманивается.

— В тот день, когда ты освободила меня в участке… что ты подписала?

Я не могу смотреть ему в глаза, не могу вынести этот вес. Тянусь к другой банке, беру её и открываю. Прежде чем я успеваю поднести её к губам, Артур забирает её из моих рук.

— Тебе станет плохо.

Всхлип мешает мне говорить. Поднимаю взгляд — его глаза полны такой заботы, что она буквально захлестывает меня. Он подносит банку к своим губам и выпивает залпом. Морщится от горького вкуса, затем протягивает её мне.

— Хотя бы пей меньше, давай напополам.

Хватаю её и выпиваю остатки до последней капли. Сильное головокружение заставляет меня опустить голову на стол. Может, так я и должна жить: в хмеле, вдали от своих мыслей… вдали от самой себя. Дрожь пробегает по спине. *Я дрожу, или мне просто кажется?*

Тяжелое одеяло ложится мне на плечи. *Это Артур?* Веки становятся тяжелыми, мне трудно держать глаза открытыми, но я вижу лицо Артура, который молча смотрит на меня. Словно он только сейчас осознал, в какой хаос влип, насколько я «грязная».

— Я подписала… в тот день, — бормочу я, признавая свою вину, отягощенную стыдом. Он наклоняется, его лицо в паре сантиметров от моего. — В тот день… я подписала отказ от иска. Я сдалась. Кто захочет помогать виноватой? Никто.

Закрываю глаза, и сон, в который я проваливаюсь, не оставляет места никаким эмоциям. *Падаю в пустоту.* В пустоту, которая позволяет мне быть в коконе, где ничего этого никогда не существовало.

Едва слышным шепотом голос Артура убаюкивает мой сон:

— Ты не виновата, Лавиния.

***

Прижимаю руку ко лбу, зажмурившись. Сильная головная боль сдавливает виски. *Где я? Который час?*

Моргаю: вокруг на столе валяются пивные банки, а мои ноги укутаны одеялом. *Как я оказалась на диване под одеялом?* Вспышки вчерашнего вечера заставляют меня зажмуриться от боли. *Я всё ему рассказала?* Словно в ответ на мои мысли, появляется он с подносом в руках.

— Доброе утро. Я приготовил тебе кофе, который ты так любишь. Перед тем как пить, прими этот сироп от похмелья. Нашел его в кухонном ящике, решил, что пригодится. Он садится и ставит поднос мне на колени.

Чашка кофе, сироп в ложке, сахар и несколько печений.

Щеки заливает румянец, и я в смущении приоткрываю губы: — Я вызываю у тебя жалость?

— Неужели мне должно быть жаль тебя, чтобы просто принести кофе?

— Ты… — Я опускаю взгляд.

Почему я всё ему рассказала? Я никогда раньше этого не делала. Никогда. Что в нем такого, что заставляет меня терять бдительность? Почему я чувствую, что мне не нужно возводить свои барьеры?

«Ты не виновата, Лавиния».

Он правда это сказал или мне привиделось? Не могу вспомнить отчетливо. Поднимаю взгляд на настенные часы, и дыхание перехватывает. *«Уже жутко поздно, работа в супермаркете…»*

Отодвигаю поднос. — Мне пора…

Рука Артура останавливает меня, его пальцы касаются моей кожи. — Никуда ты не пойдешь. Этим утром ты не работаешь. Я зашел в супермаркет и сказал, что ты неважно себя чувствуешь, они не стали спорить.

Я открываю рот, челюсть едва не падает на пол. — Что ты сделал?

— Отругаешь меня позже, а сейчас спокойно позавтракай. — Он встает, забирает со стола пивные банки и скрывается на кухне.

Я пытаюсь пошевелить ногой, но резкая боль в виске заставляет остаться в лежачем положении. *«Голова просто раскалывается».* Глубоко вдыхаю, и обрывки вчерашнего вечера возвращаются в память, словно удары острых ножей. *«Боже, я слишком много наговорила».* Урчание в животе нарушает тишину; я прижимаю ладонь к желудку и молюсь, чтобы он этого не услышал. *«Нужно хоть что-то съесть».* Беру чашку, делаю глоток кофе, закусываю печеньем, затем тянусь к сиропу и позволяю сладкому вкусу пощекотать язык. *«Намного лучше».* Переставляю поднос на стол, бросаю взгляд на часы и откидываю голову на подушку. *«Полежу всего пару минут… просто чтобы прийти в себя».* Закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь я от запаха еды, который заставляет желудок снова заурчать. Открываю глаза и едва не вскрикиваю от неожиданности. Часы показывают ровно полдень. *«Сколько же я проспала?»* Откидываю одеяло, спускаю ноги на пол и встаю. Иду на манящий аромат, который дразнит мой аппетит.

Приоткрываю рот и удивленно вскидываю брови. — Что… — бормочу я. Артур стоит за кухонной стойкой, раскладывая по тарелкам картофель фри и мясные тефтели.

Он поднимает взгляд. — Спокойно, я немного закупился на то, что заработал вчера в костюме курицы. Иди сюда, поедим. Он берет две тарелки и проходит мимо меня. *«Он потратил свои деньги?»* Иду за ним в молчании, из которого не могу выбраться; сажусь на диван, чувствуя, как неловкость смешивается со смятением. Он ставит тарелки на столик и снова исчезает на кухне. *«Я совершенно к такому не привыкла».* Через несколько секунд он возвращается с приборами и стаканами. Избегая его взгляда, беру картофелину и кусаю её, но она слишком горячая. Я вздрагиваю, привлекая его внимание.

Он тянется к бутылке и наполняет мой стакан водой. — Ты умирала от голода, а еще рвалась на работу. Он садится напротив; я чувствую на себе его пристальный взгляд, но не нахожу в себе смелости поднять глаза. Пью воду и буквально зарываюсь в еду. Лишь бы не смотреть на него, я запихиваю в себя кусок за куском, старательно пережевывая. *«Надо признать, еда очень вкусная…»* Не понимаю, то ли он так хорошо готовит, то ли я просто не привыкла, чтобы кто-то готовил для меня. Я всегда была одна, одна во всём… и в горе, и в радости. Но вчера он стал первым человеком, который впитал часть моих страданий, осквернил себя ядом моих мыслей. Глаза увлажняются. *«Зачем он это делает?»*

— Что-то не так? — шепчет Артур. Черная водолазка контрастирует с сиянием его золотистых кудрей. Трясу головой. Если я заговорю, голос сорвется, и он поймет, что не так абсолютно всё. Артур лезет в карман джинсов и достает белый лист бумаги. Я хмурюсь в замешательстве.

— Это пакт о совместном проживании. Я подумал, это необходимо, раз уж мне придется остаться здесь на какое-то время. Назови свои условия, я назову свои, а в конце мы его подпишем и обязуемся соблюдать.

«Почему он делает вид, будто ничего не случилось?» Он не спрашивает ни о чем из вчерашнего, ни о том, что я ему открыла. Делает это специально? Возможно, чтобы не тревожить меня. Он поворачивается влево, тянется к комоду позади себя и открывает ящик. Достает ручку и сжимает её в пальцах.

— Называй свое первое условие.

«Он серьезно?» Откашливаюсь. — Никаких ванн со всей водой, рассчитанной на неделю.

Он кивает, записывая что-то на листке. — Хорошо.

— Никаких королевских завтраков.

Он поднимает голову и впивается взглядом в мои глаза, мгновенно ловя меня в ловушку. — Хотя бы раз в неделю? Я отворачиваюсь с пылающими щеками, беру вилку и вонзаю её в тефтелю.

Он вздыхает. — Я найду работу, что-то, что позволит мне оплачивать минимум моих нужд. Например, телефон. Если при дворе узнают, в каком состоянии находится принц, начнется настоящий скандал.

Уголок моих губ приподнимается в слабой улыбке. *«Опять этот двор».*

Он прочищает горло. — Итак, теперь мои условия.

Я отправляю тефтелю в рот и жую, ожидая, что же вылетит из уст этого принца.

— Номер один: мы будем есть вместе. Терпеть не могу есть в одиночестве.

«И это всё?» Киваю и проглатываю кусок; кошусь в его сторону и вижу, как он, низко склонив голову, пишет на листке. Он кажется мне почти трогательным.

— Номер два: помоги мне найти работу, более достойную меня. В том наряде гигантской курицы я чувствую себя таким идиотом.

— Как пожелаете, Ваше Величество.

Он вскидывает голову с предельно серьезным видом. — Номер три. — Каждая черточка его лица ожесточается. Я замираю, не в силах отвести взгляд.

— Если кто-то причинит тебе боль, ты скажешь мне.

Он произносит это так, будто готов сжечь весь мир ради меня.

***

Прохожусь шваброй по последнему углу зала, смотрю на сияющий пол ресторана и удовлетворенно улыбаюсь. Вздыхаю и бросаю взгляд на настенные часы: и сегодня я ухожу последней. Убираю инвентарь на верхнюю полку кухни и иду к подсобке. Массирую шею рукой; в голове крутится одна-единственная мысль, державшая меня в заложниках всю смену. *«Парень с золотистыми кудрями».* Его слова вытатуированы внутри меня, они окутывают меня коконом, отделяющим от остального мира. При одной мысли об этом сердце колотит в груди, а желудок сжимается. Глубоко вдыхаю и щипаю себя за щеки. *«Я схожу с ума».* Беру куртку и сумку, гашу свет и выхожу.

Запираю ресторан — и вот он. Стоит на краю тротуара, руки в карманах пальто, а в глазах такой свет, что рушатся все мои преграды. — Пойдем домой?

Улыбка, которую я не в силах сдержать, касается моих губ. Закусываю щеку и опускаю голову, спасаясь от этого взгляда, способного перевернуть во мне всё вверх дном. Пока мы идем по аллее, я слушаю его рассказ о новом рецепте, который он хочет попробовать на ужин — что-то, что часто готовили в королевском дворце. Чем больше он говорит, тем сильнее его голос заглушает любые мысли; он даже не осознает, как он на меня действует. Я поворачиваю голову и прищуриваюсь: свет ослепляет меня. Прикрыв лоб рукой, я различаю фары полицейской машины. *«Обычный патруль».* Она замедляется и останавливается; стекло опускается, и начальник за рулем встречается со мной взглядом. Его лицо усыпано багровыми синяками, губа разбита, глаз опух. Он переводит взгляд на того, кто стоит рядом со мной, и его лицо каменеет.

Это длилось секунду. Мгновение, почти незаметное, но оно оставляет подозрение, которое пускает корни в моем сознании и вгрызается в меня изнутри. Мы сворачиваем за угол и подходим к калитке дома. Задумавшись, я достаю ключи из сумки, но они падают на землю. Наклоняюсь, чтобы поднять их, и Артур делает то же самое.

Я содрогаюсь, дрожь пробегает по всей спине. Его костяшки пальцев содраны и кровоточат.

Я приоткрываю рот, сердце в горле. — Артур. Его глаза встречаются с моими, и тяжелое подтверждение ложится на его лицо виной, которую он даже не пытается скрыть. — Что ты сделал?

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 5

Лавиния

— Что ты сделал?

Он подбирает ключи с земли и встает, поворачиваясь ко мне спиной. *«Этого не может быть».* Он открывает дверь и входит, не удостоив меня ответом.

Я следую за ним по пятам. — Только не говори мне, что ты… ты…

Он снимает пальто, бросает его на диван, и мой взгляд падает на его костяшки, испачканные кровью. Я содрогаюсь. Он замечает это и прячет руки за спину.

— Все нормально. Что хочешь на ужин?

— Артур, — шиплю я. — Скажи мне, что всё не так, как я думаю.

Он раздраженно вздыхает. — Несправедливо было оставлять это безнаказанным. В моем королевстве я бы убил их всех.

Я в изумлении хватаю ртом воздух — опять он со своим абсурдом. — В твоем… королевстве? Что ж, новость века. Здесь мы не убиваем людей!

Он качает головой и проходит мимо, не обращая особого внимания на мои слова. Идет на кухню, я следую за ним; во мне смешиваются изумление и ярость. Он не имел никакого права, что он о себе возомнил? Неужели он думает, что, если он набьет морду начальнику полиции, мне станет легче? Он тянется к верхнему шкафчику и берет кастрюлю, но я преграждаю ему путь.

— Ты хоть понимаешь всю тяжесть своего поступка? Ты пошел в участок и избил начальника.

В его глазах нет ни капли раскаяния. — Он это заслужил. Более того, он заслуживал худшего…

Я сокращаю и без того малое расстояние, между нами. — Кто… дал тебе на это право? — Сжимаю кулаки, его дыхание щекочет мне нос.

Он ставит кастрюлю на столешницу за моей спиной и заключает меня в ловушку своих рук, уперев их по обе стороны от моего тела. Стискивает челюсти и наклоняет лицо к моему. Его кудри касаются моего лба, а запах мускуса наполняет ноздри. — Лавиния, я бы сделал это еще тысячу раз. Потому что меня это бесит, ясно? — Он выдыхает эти слова с такой интенсивностью, что я теряю дар речи.

— Это неправильно.

— Мне плевать. — Отражение холодности и безразличия, его нерациональная версия, которая действует по наитию и попирает мою волю.

Я хмурюсь. — Ты не можешь решать за меня.

Он сдвигает брови. — Я не решал. Я тебя защищал.

Сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. — Так вот, я не хочу, чтобы ты меня защищал.

Он цокает языком. — Повторяю: мне плевать. Я не собираюсь чувствовать вину за то, что сломал нос коррумпированному копу, Лавиния.

«Почему?» Он думает, мне так легко это принять? Что бить людей — это разумное решение? Я отталкиваю его правую руку и выскальзываю из западни. — А я тебе повторяю: мне не нужна эта твоя глупая защита. Спокойной ночи, Артур.

Выхожу из кухни, не оборачиваясь и не удостаивая его даже взглядом. Иду в свою комнату, влетаю внутрь и падаю на кровать. Голова тонет в подушке, а в груди завязался узел, мешающий дышать. Трясу головой. *«Чего я ожидала?»* В конце концов, я совсем его не знаю; я ухватилась за неверный образ, лишь за одну грань его характера.

***

На следующее утро дом погружается в удушающую тишину. Диван пуст, одеяло свернуто в углу, стол чист. Захожу в ванную — там идеальный порядок, ни единой капли воды не на месте. Перехожу на кухню: на стойке лишь один стакан. Куда он делся?

Трясу головой: не должна я волноваться, он достаточно взрослый, чтобы о себе позаботиться. Выхожу, беру прислоненный к стене велосипед и еду в супермаркет, но по дороге не могу удержаться и высматриваю в толпе его шевелюру. *Никого.*

Всё утро расставляю товар по полкам, а мысли постоянно возвращаются к вчерашнему вечеру.

«А я тебе повторяю: мне не нужна эта твоя глупая защита». Может, я его ранила? Может… я перегнула палку?

— Лавиния.

Я моргаю. — Что?

Владелец супермаркета вскидывает бровь. — Ты в порядке? Ты возишься с одной и той же полкой уже двадцать минут.

От смущения мои щеки становятся пунцовыми.

— Иди на перерыв первой, тебе полезно отвлечься.

Я не спорю, киваю и снимаю рабочую форму. К счастью, он не задает вопросов, лишь провожает меня взглядом; он улыбается, но на его лице проступает тревога. Вздыхаю, беру сумку и выхожу. Скамейка перед входом пуста. *Его и здесь нет.* Опустив голову, иду в привычный бар, покупаю сэндвич и сажусь. Странное чувство дискомфорта сжимает желудок; я кусаю сэндвич и жую. *«Он говорил, что не любит есть в одиночестве».* Кусок застревает в горле, я смотрю на пустой стул напротив, и его образ материализуется перед глазами. *«Я схожу с ума».*

Аппетит пропадает, я заворачиваю сэндвич в бумагу и убираю в сумку. Оплачиваю счет и выхожу из бара, направляясь к ресторану Хуана. На улице замечаю мужскую фигуру со спины, такую же высокую, как он; во мне вспыхивает слабая надежда, но когда он поворачивается, мой энтузиазм гаснет. *Это не он.* Опускаю голову и продолжаю путь ко второй работе: доставке на дом.

— Сегодня нет твоего друга (*tu amigo*)? — Хуан протягивает мне готовые коробки с пиццей.

Трясу головой прежде, чем он успеет начать расспросы, забираю пиццу и прячу в термосумку за спиной. Сную из одной точки города в другую, доставка за доставкой; небо темнеет, а от него — ни следа. Прощаюсь с Хуаном и еду в ресторан. Озираюсь вокруг с замиранием сердца, надеясь хоть где-то увидеть его золотистые кудри. *Но его нигде нет.* Вхожу в ресторан, бросаюсь на кухню и принимаюсь за гору грязных тарелок.

— Ты меня слышишь, Лавиния?

Поднимаю лицо: Камилла смотрит на меня, нахмурившись. — Прости? — бормочу я.

Она ставит новые грязные тарелки в раковину. — Хотела спросить, всё ли у тебя хорошо. Я поздоровалась с тобой на входе, а ты даже не остановилась. — Она забирает у меня губку и принимается за посуду.

Я моргаю. — Я не видела тебя, прости. Я в порядке, всё хорошо… я закончу здесь сама. — Растягиваю губы в улыбке, маскирующей хаос в моей голове.

— Ну да, конечно, — ворчит она, и в её голосе сквозит подозрение. — Ты мне чего-то недоговариваешь. Ладно, давай так: я намыливаю, ты споласкиваешь. Так быстрее закончим. — Она подмигивает, заставляя меня слабо улыбнуться.

Я не возражаю, киваю и освобождаю ей место. Перемываю тарелку за тарелкой под голос Камиллы, сливающийся со звуком текущей воды. *«Может, он нашел свой дом».* Складываю чистую посуду на стойку справа. *«Нет, он бы точно что-то сказал… попрощался бы».* Но страх, что всё именно так, укореняется во мне, становясь твердой уверенностью, от которой не получается избавиться.

Сжимаю руль велосипеда, идя по пустынной аллее под мерцающим светом фонарей. Выдыхаю; облачко пара вырывается из губ и растворяется в воздухе. Кутаюсь в пальто, холод щиплет кончик носа и леденит пальцы. Я всегда проходила этот путь в одиночку, но сегодня он кажется пустее обычного. Вздыхаю: стоило всего один день провести с кем-то рядом, чтобы я забыла о привычном одиночестве, в котором жила годами. *Абсурдно.* Поворачиваю направо и вижу калитку дома в паре метров от себя.

В углу у двери сидит парень, сжавшись в комок. Я замираю. Сжимаю пальцы на руле, сердце, кажется, готово выскочить из груди. Золотистые кудри спадают ему на лоб; он поднимается на ноги. — С возвращением, Лавиния. Я задираю подбородок и смотрю на его внушительную фигуру. — Не хочешь поужинать вместе?

Артур? А я-то думала, он ушел навсегда. Прислоняю велосипед к стене; в сердце — тугой узел из мыслей. Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Вставляю ключ в замок.

Он сжимает в руках пакет; замечает мой взгляд и улыбается. — Купил кое-что необходимое.

Открываю дверь, домашнее тепло сразу окутывает меня. — На какие деньги? — бормочу я, наконец обретя голос.

Он снимает куртку, садится на диван и жестом приглашает меня присесть. Дыхание перехватывает; я сажусь с краю, на почтительном расстоянии от него.

Он достает из пакета новый телефон. — Я продал часы. Думаю, торговец меня надул, но он сказал, что не узнаёт марку, поэтому оценит только драгоценный металл.

Он показывает мне пачку банкнот, и у меня едва челюсть не отвисает. Округляю глаза, протягиваю руку и беру их. Здесь почти пятьсот долларов.

— Мне нужно найти логическое объяснение тому, что произошло, поэтому после покупки телефона я зашел в библиотеку. Выяснил, что десять лет назад был случай, похожий на мой, но тот человек за границей. Это женщина; говорили, она потеряла память, но сама она утверждала, что внезапно оказалась в другом месте. Был дождливый грозовой день, она пыталась спасти кота посреди дороги, а когда вынесла его на тротуар, поняла, что больше не может найти свой дом.

Я теряюсь в том, как его губы изгибаются при каждом произнесенном слове. Слушаю в благоговейном молчании, запечатлевая его образ в памяти, фиксируя его почти со страхом, что он может раствориться. *«Значит, сегодня утром он ушел не потому, что обиделся».* Он проводил свое исследование, он не бросил меня, не попрощавшись.

Он проводит рукой по волосам, откидывая их назад. — Шел дождь и тогда, когда это случилось со мной… Должна быть какая-то связь. Если я её найду, то смогу вернуться в свой мир.

— Когда… — я откашливаюсь. — Когда найдешь способ, не исчезай просто так. Давай хотя бы попрощаемся. — Я выдавливаю улыбку, но тут же смущенно опускаю взгляд.

— Ты думала, я ушел?

Я кусаю губу и впиваюсь ногтями в ладонь. *«Отлично, Лавиния, давай, покажи ему, насколько ты отчаянно одинока».*

— Мне жаль, я просто старался не быть для тебя обузой. Я не хочу вторгаться в твое пространство, я понимаю, что ворвался в твою жизнь внезапно, так что… я просто хотел доставлять как можно меньше хлопот. Вот и всё.

Я поднимаю голову и встречаюсь с его взглядом — чистым и искренним. Искренность, которую он излучает, захлестывает меня настолько, что я замираю, очарованная. Он не краснеет, не стыдится и не испытывает неловкости в любой ситуации. Он благороден в каждом своем жесте, и в добре, и в гневе.

— Ты не доставляешь мне хлопот, — шепчу я едва слышно.

Его губы изгибаются в улыбке. — Даже моя «глупая защита»?

Я моргаю, застигнутая врасплох. — Я…

— Лавиния, успокойся, — смеется он, протягивая руку. — Значит, мир?

Я киваю и отвечаю на рукопожатие, но быстрым и нежным движением он притягивает меня к себе. *«Что?..»* Он перехватывает мою руку, кладет ладонь мне на бок и ведет выше по спине, поглаживая её. Я задерживаю дыхание; щеки пылают, а его взгляд проникает в самую душу. Я сижу у него на коленях. Он наклоняет голову, пряча лицо в изгибе моей шеи, и по моему телу пробегают тысячи мурашек. Закрываю глаза; сердце колотится как безумное, словно оно никогда еще не чувствовало себя таким живым. Он медленно ведет губами выше, и в какой-то момент я пугаюсь, что сердце просто выпрыгнет из груди. Он останавливается у самого уха. — Я скучал по тебе сегодня, — выдыхает он, и его дыхание ласкает мою кожу.

Я откашливаюсь. — У т-тебя снова жар?

Он качает головой, и его кудри щекочут мне шею; тихий смех заставляет его грудь вибрировать. Он отстраняется и смотрит на меня с сиянием в глазах, которое озаряет всё его лицо.

— Знаешь, во дворце никто не может подходить так близко к члену королевской семьи.

— Это ты меня обнимаешь, я сама не подходила…

Он смеется, и на щеках проступают две маленькие ямочки. — Защищаешься? Значит, ты мне немного веришь?

— Тебе правда нельзя ни до кого дотрагиваться?

Он кивает. — Правила дворца. Я не могу обнять даже придворную даму, ту, что вырастила и выхаживала меня. Нормы там очень жесткие, и находиться в этом измерении — словно глоток свежего воздуха. Я могу сидеть на земле, ходить по улице без охраны, есть, и никому не нужно пробовать мою еду, проверяя, не отравлена ли она…

Он перечисляет действия, которые я всегда считала само собой разумеющимися, нормальными или даже банальными, но для него они — исключение. Он говорит, и его рука не перестает гладить меня по спине, убаюкивая. Я остаюсь плененной его

медовыми радужками и очарованной его прикосновением, настолько нежным, что я могла бы уснуть.

Он останавливается, склонив голову. — Почему у тебя такое лицо? — Он смачивает губы. — Хочешь прикоснуться ко мне, Лавиния?

В смущении я отвожу взгляд. — Это был просто вопрос. Мне кажется странным, что тебе запрещают физический контакт, вот и всё. Я пытаюсь встать, но его руки удерживают меня.

— Знаешь, я всегда нарушал их тайком. В день, когда я спас тебя, я вышел без позволения Короля, только я и мой водитель. К этому времени его, должно быть, уже посадили в тюрьму.

Я хмурюсь. *«В тюрьму? Что же это за мир такой?»*

— Я член королевской семьи, они, должно быть, стены сносят, чтобы найти меня. Эдоардо, наверное, жутко испугался.

— Кто такой Эдоардо?

Улыбка озаряет его лицо. — Мой брат, я бы жизнь за него отдал.

— Я не знала, что у тебя есть брат.

Он кивает. — У нас семь лет разницы, он младше. Он играет на пианино, и когда он это делает, весь двор замирает. На первый взгляд он может показаться неприятным или нелюдимым, но это всего лишь маска.

Я улыбаюсь; его глаза светятся такой безграничной нежностью, и я понимаю, что он впервые рассказывает мне о своей семье. *«Должно быть, он очень по ним скучает».*

Он гладит меня по голове, перебирает пальцами волосы, и мое сердце замирает. — О чем ты думаешь?

Щеки заливает румянец с такой скоростью, что я не могу это контролировать; я быстро соскальзываю с его коленей и откашливаюсь. — Ни о чем, просто приятно узнать тебя немного лучше.

Артур встает. — Что хочешь на ужин?

Он понимает, что я смущена, и специально меняет тему. — Я сама приготовлю. Но он опережает меня и идет на кухню, я следую за ним. Он достает из холодильника яйца и немного мяса, кладет на стол. Когда он поворачивается, я оказываюсь в паре сантиметров от его носа.

Он качает головой. — Ты ведь меня не послушаешь, правда?

Уголки его губ приподнимаются, и его улыбка — какая-то по-особому незнакомая — заставляет улыбнуться и меня. Он играет с яйцами, одно пристраивает на нос. Он корчит забавные рожицы и не останавливается, пока не достигает своей цели: рассмешить меня. Я не думала, что это возможно, но рядом с ним все мои защиты рушатся. Тело и разум расслабляются в его присутствии; мне достаточно просто смотреть на него, чтобы успокоиться, а знание того, что он поблизости, дарит мне чувство безопасности. Словно этот дом всегда принадлежал нам обоим, и его отсутствие лишило бы его всякого смысла.

Я сажусь на табурет, подпираю подбородок рукой и наблюдаю за тем, как он режет мясо, а в моей голове теснятся тысячи вопросов. *Когда это я начала так много смеяться? С каких пор еда стала вкуснее? Когда я начала спать без кошмаров? Когда я начала надеяться, что всё это продлится как можно дольше?*

***

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Он глубоко вдыхает, хватает винтовку в тире и целится прямо в мишени. Дети в очереди с замиранием сердца следят за табло, будто это вопрос жизни и смерти. Я улыбаюсь: привести Артура на городскую ярмарку в мой выходной оказалось сложнее, чем сидеть с ребенком. С тех пор как мы пришли, он перепробовал каждый аттракцион и вбил себе в голову, что должен выиграть в каждом.

— С первой попытки их сбить будет трудно, если хотите, можете купить еще выстрелы, чтобы было больше шансов, — предупреждает распорядитель с довольной улыбкой.

Артур прищуривается и стреляет: сбивает первую мишень, вторую, а затем и третью. Он проходит так весь ряд, заставляя всех вокруг раскрыть рты. Я потрясенно моргаю.

Он удовлетворенно пожимает плечами. — Проще простого. Почему ты не привела меня сюда раньше?

— Да как ты… — я только хлопаю ртом, в изумлении глядя на поваленные мишени. Распорядитель тира вручает ему приз: гигантского плюшевого медведя и жетоны на другие игры.

Мы отходим, Артур прижимает медведя к себе так, будто это свидетельство какой-то великой победы в сражении.

— Где ты научился так стрелять?

— Я принц, Лавиния. Я должен защищать целую нацию.

Я с трудом сдерживаю смех, прикрываю рот рукой и закусываю щеку изнутри. Он хмурится. — Ты чего смеешься? — спрашивает он обиженным тоном.

— Прости, но… сейчас, с этим медведем в руках, я не могу воспринимать тебя всерьез.

Он качает головой, но его внимание тут же переключается на игровой автомат с механической клешней. Он вставляет жетон и запускает его. В его взгляде такая концентрация, будто он занят делом мирового масштаба. Он сжимает рукоятки, хмурит брови, подцепляет зайчика и ведет его к лотку. В последний момент он его теряет и в отчаянии хватается за волосы.

Я смеюсь. — Артур, это не конец света! Мы вернемся на следующей неделе.

Он поворачивается ко мне, и его лицо внезапно становится серьезным. — Лавиния, — шепчет он.

— Да? *«Почему он такой серьезный?»*

— Кажется, я понял, как вернуться назад.

Его губы растягиваются в улыбке, но в отличие от всех предыдущих раз… я не могу улыбнуться в ответ. Не могу.

— Я наконец-то смогу вернуться домой. Разве ты не рада?

«Нет, не рада».

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 6

Лавиния

— Простите, синьорина!

Я моргаю; какой-то клиент машет рукой в мою сторону. Улыбаюсь и спешу к нему. Мой разум словно оцепенел с тех пор, как Артур сказал мне, что понял, как уйти.

— Мы бы хотели гамбургер с картошкой, спасибо!

Записываю заказ в блокнот и иду на кухню. Отдаю листок ребятам и перехожу к раковине. Беру стопку тарелок и намыливаю их. *«Он правда уйдет? А чего я ждала? Что он останется навсегда? Так и должно быть».*

— Ты в порядке, Лавиния?

Поднимаю взгляд. Камилла наблюдает за мной из дверного проема, внимательно изучая каждую черточку моего лица.

— Да, а что?

— Не знаю, ты кажешься рассеянной. Что-то случилось?

Улыбаюсь. — Просто устала, ничего особенного.

Я так хорошо маскирую эмоции, что порой сама себя не узнаю. Я так привыкла притворяться, что даже не замечаю этого. Камилла молча кивает. К счастью, ребята зовут её, и она уходит, давая мне возможность перевести дух.

Весь вечер я провожу в беготне между кухней и столиками. Выношу мусор, мою пол и привожу в порядок меню на завтра. Камилла и ребята уходят; как всегда, я заканчиваю последней. Гашу свет и запираю ресторан. Когда я оборачиваюсь, Артур стоит, прислонившись спиной к невысокой стене.

— Я провожу тебя домой.

Но на этот раз я не могу этому радоваться. Киваю, мы идем по аллее, и Артур искоса поглядывает на меня.

— Почему ты молчишь?

— А что я должна сказать?

Он склоняет голову набок. — На работе что-то случилось?

Я выдавливаю притворную улыбку — лишь бы он поверил. — Ничего, правда. Просто устала. Когда… когда ты собираешься вернуться в свой мир?

Я не хочу знать ответ на этот вопрос, но не знаю, как еще его отвлечь. Его губы растягиваются в улыбке, и радость озаряет всё его лицо.

— На следующей неделе: погодные условия будут точно такими же, как в тот день. Кажется, я понял, что нужно делать…

Он говорит, но я слишком занята тем, чтобы сохранять бесстрастное выражение лица, и почти не слышу его. Если я дам себе волю хоть на мгновение, то рискую показать ему, насколько я хрупкая и одинокая. Он опускает на меня взгляд и ждет ответа.

Киваю. — Это замечательно, Артур. Я уверена, всё получится.

— Я никогда не забуду, как ты мне помогла, Лавиния.

Я утыкаюсь взглядом в землю, сжимаю кулаки и погружаюсь в молчание. *«Он уйдет. По-настоящему».* Внезапно кто-то дергает меня за руку, вокруг разливается аромат мускуса, и когда я поднимаю голову, то встречаюсь с его добрыми глазами, в которых читается сильная тревога.

Он прижимает меня к своей груди и осматривает с головы до ног. — Ты в порядке?

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Я отвожу взгляд: какой-то мальчишка проносится мимо на велосипеде, выписывая зигзаги.

Трудом сглатываю, делаю вдох. — Я в порядке, ничего не случилось. Всё произошло так быстро, что я даже не поняла.

Он стискивает челюсти, его пальцы сжимают мои предплечья; он испепеляет мальчишку взглядом человека, способного на убийство.

— Артур! — повышаю я голос. — Ничего не случилось, я в порядке.

Он вздыхает, ослабляет хватку. — Держись этой стороны дороги. — Он проводит рукой по моей спине и переставляет меня влево, оберегая, словно ребенка. Затем он прищуривается. — Что там происходит?

Я прослеживаю за его взглядом: на краю дороги толпится народ. *«Должно быть, какая-то знаменитость».* Ладонь Артура соскальзывает с моей спины, он приоткрывает рот, и в его глазах разливается изумление. *«Что он увидел?»* Оглядываюсь, но не замечаю ничего особенного. Прежде чем я успеваю что-то сказать, он срывается с места и ныряет в толпу, расталкивая всех локтями.

— Артур! — зову я, но он не отвечает. Обеспокоенная, я иду за ним, тоже прокладывая себе путь, пока не оказываюсь в первом ряду.

У него глаза на мокром месте. — Эдоардо, — шепчет он, и этот хрупкий отголосок растворяется в воздухе. *«Что?»* Смотрю на парня перед нами: двое телохранителей по бокам защищают его, пока он делает селфи с девчонками из очереди. *«Эдоардо? Его брат, другой принц?»* Черная кожаная куртка наброшена на его плечи, подчеркивая темный цвет волос; у него карие глаза цвета древесной коры, а на голове красуются солнцезащитные очки.

Артур делает шаг вперед, но один из телохранителей тут же останавливает его и толкает назад. Я вмешиваюсь прежде, чем ситуация выйдет из-под контроля.

Кладу руку ему на грудь. — Успокойся, давай встанем в очередь, — шепчу я.

Толчок сзади заставляет меня потерять равновесие, и я невольно падаю прямо на знаменитость. Телохранитель расценивает моё случайное падение как нападение на парня; он хватает меня за запястье и с силой выкручивает его. Стискиваю зубы от боли, но не успеваю и слова сказать, как Артур в мгновение ока меняет ситуацию. Телохранитель оказывается на земле с вывернутой за спину рукой.

Я округляю глаза. — Артур! Вокруг начинают сверкать вспышки, люди снимают происходящее на телефоны. Второй охранник бросается к нему, и я резко вскакиваю, вставая между ними.

С сердцем в горле я поднимаю руки вверх. — Пожалуйста, простите нас, мы не хотели создавать проблем.

— Твой друг должен извиниться! — огрызается телохранитель, с трудом поднимаясь с земли.

Я поворачиваюсь к Артуру: — Конечно, извинись. Но взгляд Артура совсем не кажется мирным.

Он усмехается, будто ситуация его забавляет. — Лавиния, — он переходит на серьезный тон, сжимает челюсть и бросает на охранника ледяной взгляд. — Он причинил тебе боль. Я же говорил, что меня это бесит.

В разговор вмешивается тот самый знаменитый парень, чьего имени я не знаю. С вежливой улыбкой он кладет руку на плечо телохранителю. — Всё в порядке, не будем устраивать скандал из-за пустяка.

Я вздыхаю с огромным облегчением. *«Слава Богу».* Он переводит взгляд на меня. — Вы не ушиблись, дорогая? Пойдемте в эту аптеку, там наверняка найдется повязка для вашего запястья.

Толпа девчонок издает умиленный вздох. Трясу головой, но он трогается с места прежде, чем я успеваю что-то возразить, и мне приходится идти за ним вместе с Артуром. Один из телохранителей сдерживает фанатов снаружи, другой идет за нами в аптеку, и, к счастью, здесь на нас никто не обращает внимания.

Клиентов немного, только пожилой мужчина расплачивается у кассы; телохранитель встает в очередь за ним. Поднимаю голову: Артур смотрит на парня с нескрываемым волнением и тоской.

Он приоткрывает губы. — Ты очень похож на моего… брата.

— Это что-то новенькое, — улыбается тот, демонстрируя ослепительную улыбку.

— Его зовут Эдоардо.

Телохранитель жестом приглашает меня подойти, он держит в руках коробку с бинтом, и я отхожу, оставляя их одних. Оголяю запястье и протягиваю ему.

— Эдоардо — это моё имя, данное при крещении, но мало кто об этом знает.

«У них даже имена одинаковые?» Абсурдно: перед Артуром стоит человек, один в один похожий на его брата, но он не может к нему приблизиться или коснуться его, потому что это совершенно другой человек. Охранник обматывает моё запястье бинтом, но всё моё внимание приковано к ним.

— Могу я спросить, есть ли у тебя брат? — спрашивает Артур.

Эдоардо качает головой. — Я единственный ребенок.

Этот ответ ошарашивает Артура; он уходит в себя, и горечь омрачает его лицо.

— А этот брат играет на каких-нибудь инструментах, как я?

Артур кивает. — Он всегда любил играть на пианино.

— О, значит, мы и правда похожи. Кем он работает? Он старше или младше?

— Он твоего возраста, но он занимается политикой. Скажем так, в нашей семье у нас нет особого выбора относительно будущего.

«Под «политикой» он имеет в виду наследование престола?»

Телохранитель заканчивает перевязку и закрепляет её. — Готово.

— Спасибо, — шепчу я и опускаю рукав.

Эдоардо пожимает плечами. — Я тоже мог бы стать успешным политиком.

— Не думаю, что политика вам к лицу, господин, — отвечает телохранитель, вставая рядом.

— А почему нет? В прошлых жизнях я, может, был полководцем…

Артур слегка приподнимает уголок губ в слабой улыбке. — Принцем.

Эдоардо довольно кивает. — Его Величество, принц Эдоардо.

Видеть отражение своего брата в другом человеке — это его явно выбивает из колеи. Я приближаюсь и слегка касаюсь его руки; он опускает на меня взгляд, и в его глазах свет горит тусклее, чем обычно. Я переплетаю свои пальцы с его, и он улыбается, словно пытаясь меня успокоить.

Я поворачиваю голову к ним. — Еще раз благодарим вас за доброту. Теперь нам действительно пора.

Открываю дверь и, крепко сжимая его руку, тащу его сквозь толпу. Когда мы отходим достаточно далеко, я замедляю шаг. Бросаю на него несколько взглядов: мысли поглотили его, он погружен в глубокое молчание.

«Скажем так, в нашей семье у нас нет особого выбора относительно будущего».

В нем так много сторон, о которых я не имею понятия, в то время как он знает обо мне так много. Он менее доступен, чем кажется: показывает только то, что хочет, и скрывает всё остальное. Сейчас он нем, и я не знаю, как нарушить эту тишину. Как я могу ему помочь? *Нашла.* Сворачиваю за угол и тащу его к киоску с курицей и картошкой фри. В прошлый раз он так этого хотел, будто никогда в жизни не пробовал. Пытаюсь высвободить пальцы из его ладони, но он сжимает их еще крепче, и от мурашек по спине у меня перехватывает дыхание.

Кивком указываю ему на лавку с курицей. — Я быстро.

Он кивает и отпускает мою руку. Подхожу к прилавку, заказываю две порции и оплачиваю счет. Продавец протягивает мне два бумажных пакета и чек; я забираю их и с довольным видом оборачиваюсь. Но Артура за моей спиной больше нет. Кручу голову направо и налево, вглядываюсь в толпу и замечаю его — он сидит на скамейке с отсутствующим видом. *«О чем же ты думаешь?..»*

Сажусь рядом, ставлю пакет ему на колени и открываю свой. — Ешь всё, в прошлый раз ты так этого хотел.

Он улыбается. — Это угроза?

Беру картофелину и откусываю. — М-м-м, зависит от обстоятельств. Если я тебе угрожаю, сколько лет тюрьмы мне грозит?

— Лет тюрьмы? Нет, пожалуй, отрезанного языка будет вполне достаточно.

Я открываю рот от изумления. — Вы там немного радикальные, ты в курсе?

— Иногда они перегибают палку, но мы последние в династии, так что нас защищают порой даже экстремальными способами.

Он открывает пакет, берет куриное крылышко и откусывает. Даже когда он ест, в нем сохраняется та королевская утонченность, что течет в его крови.

— Чего тебе больше всего не хватает из твоего мира?

Он проглатывает кусок. — Людей.

— Эдоардо, верно?

Он кивает. — Не только его. Моего отца, Короля нации. У него, верно, язва открылась от ярости…

— Ярости? — Я жую очередную картофелину.

— Когда он не может меня найти, у него случаются вспышки гнева… это сложно.

Я решаю не развивать тему отца — похоже, он не хочет об этом говорить. — Кого еще тебе не хватает?

— Придворной дамы, Анджелины, женщины, которая меня вырастила. Она присматривает за домашними делами во дворце, координирует каждый прием и банкет.

«У него нет матери?» Он никогда о ней не упоминал, но я не хочу показаться бестактной, поэтому просто киваю.

Он вздыхает. — Мне их не хватает, но должен признать, что эта пауза пошла мне на пользу. Мне нужно было дать отдых разуму и телу от дворца. Жить там — это сплошной стресс.

Беру куриное крылышко и подношу к губам. — Вам нельзя выходить?

— Ради собственного удовольствия? Запрещено. Мы проводим дни внутри крепостных стен, подданные не знают наших лиц — они увидят их только на коронации.

На моем лице отражается полнейшее замешательство, и это заставляет его улыбнуться. Он ставит пакет с курицей на скамейку и поворачивается ко мне всем корпусом.

— Коронация — это момент, когда Король передаст трон мне или Эдоардо. Только в этот миг народ сможет увидеть наши лица, раньше — нет. Это правило служит для нашей защиты от покушений на корону.

Жую кусок мяса. — И кто из вас двоих будет коронован? Будут выборы?

Он смеется, ямочки проступают на его щеках, а в глазах снова загорается свет. Я хмурюсь, в шутку ударяя его в грудь.

— Ты надо мной смеешься? Прошу прощения, Ваша Светлость, если я не сильна в правилах другого мира, где до сих пор царит монархия.

— Ты знаешь, что за то, что ты коснулась меня рукой, тебе грозит ампутация?

Я ошарашенно моргаю и сглатываю кусок. — Никому нельзя тебя касаться, приближаться к тебе или смотреть на тебя. Понятно, в своем мире ты бы точно нашел способ меня казнить за все беззакония, что я тут совершила.

Он сокращает разделяющее нас расстояние и придвигается ближе. Кладет руку мне на бедро, поглаживает пальцами, а другой рукой обнимает за спину. Наклоняет голову и смотрит на меня с такой интенсивностью, что я краснею.

— Мне будет этого не хватать, — выдыхает он в паре сантиметров от моих губ.

— Твоих издевательств надо мной?

Он качает головой. — Того, что рядом с тобой я чувствую себя нормальным, свободным и человечным.

В моем животе будто порхает тысяча бабочек, дрожь пронзает меня, оставляя во власти эмоции, которую я не в силах сдержать. Он протягивает руки, берет меня за бедра и усаживает к себе на колени. Я кладу руки ему на плечи; щеки пылают, а сердце готово выскочить из груди в любой момент.

Отвожу взгляд, пристально рассматривая его пальто, будто это самая интересная деталь в мире. — В своем мире напомни им, что это ты постоянно пересаживаешь меня к себе… я бы хотела избежать преследований, — шепчу я едва слышно.

Он смеется, и его грудь вибрирует. — Ты права, но… — Он переносит руку мне на шею, и я вздрагиваю от его прикосновения. Задерживаю дыхание; он ведет рукой к щеке и гладит её большим пальцем. — …я ничего не могу с собой поделать.

Сердце бьется так сильно, что я слышу его гул в ушах. *«Это нехорошо, совсем нехорошо».*

Он запускает руки в мои волосы, и мои нервы расслабляются под его касанием. Он прижимает мою голову к своей шее, позволяя мне спрятать пылающие щеки. Вдыхаю, и запах его кожи — словно сладкий наркотик. Он массирует мне затылок медленным и нежным движением; я закрываю глаза и позволяю себе забыться.

— Знаешь, о чем я подумал? — шепчет он охрипшим голосом. — Если Эдоардо здесь, то, возможно, и ты есть там, в моем мире.

— Не думаю, что я там из королевских кровей.

— И что с того?

— Тогда никому нельзя тебя касаться.

Он крепко прижимает меня к себе, мои губы касаются основания его шеи. — Ты всегда можешь меня касаться, Лавиния.

Я не нахожу слов для ответа. Сжимаю пальцы, впиваясь ногтями в ладони. Я не могу так к нему привязываться. Не могу. Он уйдет, а я останусь здесь; он вернется в

свой мир и забудет обо всем. Я останусь одна, как и всегда была. Я внутренне каменею, выскальзываю из его объятий и спускаюсь на землю.

— Нам пора домой, уже поздно. — Встаю на ноги, не в силах смотреть ему в глаза. Беру сумку и с опущенной головой направляюсь к главной дороге.

Он идет за мной, и его аромат остается на мне, словно несмываемая татуировка. Не могу поверить, что за такое короткое время он сумел обойти все мои преграды, разрушить всё равновесие.

Он ускоряет шаг и оказывается справа от меня. Я смотрю вдаль и замечаю группу мужчин с бутылками спиртного в руках. Они шатаются и во всю глотку орут какую-то песню. Как только мы проходим мимо них, он снова пристраивается мне в спину. *«Почему он так защищает меня, если всё равно уйдет?»*

Подхожу к калитке дома, достаю из сумки ключи и открываю дверь. Артур заходит следом. Вхожу в гостиную: на столе красуется плюшевый медведь, которого он выиграл на днях. Скоро это будет единственный след его пребывания здесь, а я снова буду жить одна. Грусть сдавливает грудь, и даже такое простое действие, как снять обувь, дается мне с трудом. *«Зачем я позволила ему заполнить пустоту, о существовании которой даже не подозревала?»* Ставлю туфли в шкаф и снимаю пальто. Не оборачиваясь, иду прямиком в свою комнату. Прежде чем я успеваю там скрыться, Артур преграждает мне путь.

— Осталась неделя.

Я хмурюсь, стараясь выглядеть как можно более озадаченной, и маскирую раздражение, жгущее в груди.

— Я не хочу… тратить её впустую. Я хотел бы прожить её с тобой, без ссор.

«Прожить её со мной? Конечно, прожить и исчезнуть. Логично».

— Как скажешь, Артур.

— Тогда не отталкивай меня.

Вздыхаю. — Я не отталкиваю, я просто устала.

Он склоняет лицо к моему. — Ты не злишься на меня?

Пожимаю плечами. — Нет.

Он изучает каждую черточку моего лица пытливым взглядом. Задерживаю дыхание; моё сердце сейчас молит о пощаде. В голове — путаница из мыслей, которые вот-вот выплеснутся наружу.

Отвожу взгляд. — Если это всё, увидимся завтра утром.

Он кивает, отступает в сторону, наконец давая мне пройти. У меня вырывается вздох облегчения; я тянусь к дверной ручке, и в этот миг нежный поцелуй касается моей левой щеки. Его губы щекочут кожу, запах мускуса снова беспощадно клеймит меня. Сжимаю ручку двери пальцами и с трудом сглатываю.

— Спокойной ночи, Лавиния, — шепчет он и уходит.

«Как мне обезвредить бомбу, которую я сама, того не зная, привела в действие?»

Вхожу, не отвечая, и закрываю за собой дверь. Сползаю на пол, сердце колотится как безумное. Прижимаю ладонь к груди, глубоко выдыхаю, выпуская весь воздух, который задерживала.

«Как мне всё это остановить?»

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 7

Лавиния

Я вскакиваю от резкого шума. *«Что это за грохот?»* Откидываю одеяло и сажусь на край кровати. Протираю заспанные глаза, надеваю тапочки и встаю. Открываю дверь и иду в гостиную. Пол застелен картоном, а в воздухе стоит резкий запах краски. Внезапный удар снаружи заставляет меня вздрогнуть; я обхожу разбросанные коробки и выхожу в маленький садик перед домом.

Артур проводит рукой по лбу, его лицо озаряет улыбка. — Доброе утро, Лавиния.

На нем простая белая футболка и серые брюки. В руках он держит дрель, а сад вокруг, кажется, полностью преобразился.

— У тебя славный садик, я решил привести его в порядок.

— Зачем? — мой голос дрожит от холода.

— А почему нет? Поможешь мне? — Он кивает в сторону мешка с семенами, прислоненного к стене. — Неси их сюда, будем сажать.

Я подтаскиваю мешок к его ногам. — Видеть ничего не хочу, мне пора на работу.

Трясу головой: я в полном оцепенении. У меня нет слов. Это и есть его план перед уходом? Переворотить мой сад? *«Вау, просто блеск».* Разворачиваюсь и вхожу в дом, захлопнув за собой дверь. Под струями горячего душа я расслабляю мышцы и закрываю глаза. *«Почему это меня так бесит?»* Это добрый жест, и всё же он кажется мне хлопком по плечу после горького поражения. Словно так… он получает право меня оставить. Выхожу из душа, одеваюсь и заплетаю волосы в привычную косу. Беру куртку и сумку. Артур сидит на земле и красит в белый цвет колышки забора, который он только что подправил, вбив новые гвозди.

Я прохожу мимо, не проронив ни слова.

***

Закончив последнюю доставку на дом, я направляюсь к дому, катя велосипед в руках. Сегодня у меня нет смены в ресторане, а значит, мне придется провести с ним целый вечер. От одной этой мысли желудок сжимается.

Он приблизился ко мне с такой естественностью, которую я не могу объяснить, и моё тело не находит сил его оттолкнуть. Вздыхаю и сворачиваю за угол. *«Лучше бы я никогда не позволяла ему оставаться под моей крышей».* Сжимаю руль крепче. Если бы я не разрешила, сейчас внутри бы не всё переворачивалось, а нервы не натягивались бы в струну каждый раз, когда он улыбается.

Подхожу к дому и едва узнаю собственный сад: трава подстрижена идеально, белый штакетник опоясывает весь периметр, а на дорожке нет ни единого сорняка. Прежде чем войти, прислоняю велосипед к стене, поднимаю взгляд и замечаю новую лампочку. *«Здесь же никогда не было электричества».* Пробую включить — нажимаю на выключатель, и теплый свет заливает крыльцо. *«Он починил всё сам?»*

Сжимаю дверную ручку и поворачиваю влево. Ищу его взглядом, но вижу только горы коробок на диване.

— Я думал, ты придешь позже.

Резко вскидываю голову. Артур взобрался на лестницу с отверткой в одной руке и малярным валиком в другой. Белая футболка испачкана краской, лоб покрыт испариной. Снимаю куртку и кладу её на одну из коробок.

— Что ты там делаешь?

— Эти окна по ночам пропускают холодный воздух, они не очень надежные. Сюда легко мог бы кто-нибудь вломиться.

«Зачем он это делает?»

— А краска зачем?

Он зажимает отвертку в зубах, спускается на пару ступеней и спрыгивает на пол, оказываясь прямо передо мной. Отступаю на шаг. Мокрая от пота футболка облепляет его грудь.

— Решил добавить немного цвета, они совсем заржавели. Тебе понравился сад?

Его губы растягиваются в слабой улыбке, и в моем животе тут же начинает что-то бурлить. Он склоняет голову набок, ожидая ответа. *Снова это чувство.* Прижимаю ладонь к шее, отвожу взгляд.

Откашливаюсь. — Ты починил свет у входа. Как? Я годами пыталась это сделать.

Он делает шаг вперед, заставляя меня посмотреть на него. — Ты думала, принц не умеет пачкать руки?

Пячусь назад. — Нет, просто это странно. Вот и всё. Пойду переоденусь. Разворачиваюсь к нему спиной. Ускоряю шаг; сердце колотится где-то в горле. Не оборачиваясь, дохожу до своей комнаты. Закрываю дверь и выдыхаю весь воздух, который задерживала.

«Я не могу так больше».

Снимаю рабочую одежду и надеваю лиловую пижаму с вышитым медвежонком. *«Ты справишься, Лавиния».* Глубоко вдыхаю, прежде чем вернуться в гостиную. Мне просто нужно держать дистанцию.

— А вот и ты!

Оборачиваюсь на звук его голоса. Он держит в руках две пустые белые чашки и идет ко мне.

— Хочешь чаю? — Он улыбается.

«Не улыбайся мне».

— Да, я сама сделаю. — Иду на кухню. Слышу его шаги за спиной. *«Он идет за мной?»* Беру чайник и наполняю его водой из-под крана. Поворачиваюсь и обнаруживаю его в паре сантиметров от себя; сглатываю и отхожу в сторону. Включаю чайник, чувствуя, как щеки пылают всё сильнее.

Кошусь на него: он открывает верхнюю полку и достает стеклянную банку с пакетиками чая.

— Какой хочешь, Лавиния?

«Почему моё имя в его устах звучит так мелодично?»

— Какой есть, — бормочу я.

— Черничный?

— Пойдет.

Он берет два пакетика черничного чая, один протягивает мне, затем убирает банку на место. Подхожу ближе, тянусь за пакетиком, и в тот миг, когда я собираюсь отстраниться, его пальцы обхватывают моё запястье. Мелкие электрические разряды разбегаются от руки по каждому сантиметру кожи.

— Ты пытаешься от меня сбежать?

Сердцебиение выходит из-под контроля.

— Нет, — лгу я. Его глаза парализуют меня: он вглядывается с предельной внимательностью, подмечая каждую деталь, и заставляет меня отвести взгляд. — Вода! Вода закипела! — Высвобождаю руку, хватаясь за повод с чайником.

Ухожу, поворачиваюсь спиной, но этого мало. Он подходит сзади, его дыхание щекочет шею. *«Я схожу с ума?»* Беру первую чашку и наполняю её, ищу глазами вторую, но не нахожу.

— Эту ищешь?

Поворачиваю голову: вторая чашка зажата в его ладони. — Держи, — он протягивает её мне.

На мгновение я колеблюсь. Если я возьму её, он снова воспользуется случаем, чтобы подойти ближе? В таком случае я окончательно потеряю способность дышать, думать или просто вести себя нормально. Артур ставит чашку на стол и пододвигает её ко мне, будто прочитав мои мысли. Разворачивается и выходит из кухни. Я вздыхаю с облегчением и поспешно наполняю вторую чашку. Ставлю обе на поднос, беру пакетики и выхожу.

Его нигде нет. Ставлю поднос на стол, сажусь на диван и оглядываюсь по сторонам.

— Ар… — слова застревают в горле. — …тур.

Он держит в руках маленькую облезлую скамейку и с трудом опускает её на землю. Вытирает пот со лба, прежде чем посмотреть на меня.

— Я нашел её в глубине сада, она вся в пыли.

Я сжимаю руки в кулаки, изо всех сил стараясь сдержать лавину воспоминаний, которые разум настойчиво проецирует перед глазами, но я проигрываю этот бой — вихрь образов оказывается сильнее моей воли. Прижимаю руку к груди; комок в горле мешает дышать. Лицо Артура становится серьезным, он подходит ближе и склоняется передо мной. Протягивает руку и кончиками пальцев стирает слезу, скользнувшую по моей щеке.

«Я плачу?»

Четыре года назад

Я тороплюсь домой, крутя педали так быстро, как только могу. *«Меня приняли!»* Наконец-то я смогу порадовать папу, наша мечта сбудется. Сворачиваю за угол и лечу прямо к калитке. Прислоняю велосипед к стене, поправляю рюкзак на плечах и вхожу в дом. *«Дверь открыта?»*

— Папа! — кричу я. — Папа!

Вхожу в гостиную: на столе лежит газета, телевизор всё еще включен. Перехожу на кухню: на столе тарелка дымящейся пасты, приборы и стакан воды. Он оставил мне поесть.

— Папа!

«Ну куда он делся?»

Открываю дверь в ванную, проверяю его комнату, потом свою. От него ни следа. Пытаюсь дозвониться, но отвечает автоответчик.

Наверняка он на скамейке в саду. Он проводит там всё время за чтением, и я никак не пойму, что он нашел в этом куске дерева. Выбегаю из дома, сердце колотится где-то в горле. Бегу в сад, на задний двор, где он обычно сидит.

Его нет.

Подхожу ближе и вижу маленькое белое письмо на книге, прижатое камнем. Беру его и вскрываю. Неподражаемый почерк папы, его подпись, его печать.

«Дорогая Лавиния, я видел твою маму на улице! Она пришла к нам, я знал, что это случится. Пойду заберу её и приведу домой. Спокойно, не волнуйся за меня. Я справлюсь. В сейфе есть деньги. Код 68978. Папа тебя любит. Ты же это знаешь?»

«Нет. Только не снова».

Я бегу по улице, во всю глотку выкрикивая его имя, заглядывая в каждый переулок, в каждый проулок. Соседи выходят из домов, окружают меня с сочувствием. Они уже видели эту сцену раньше; они печально качают головами. Кто-то пытается помочь, а кто-то не упускает случая удовлетворить свое любопытство.

— Бедная Лавиния, у отца опять галлюцинации… куда он забрел на этот раз?

— Альцгеймер изменил его до неузнаваемости. Был таким волевым человеком, а посмотрите, во что они оба превратились.

— Если бы его положили в больницу, а не оставляли дома…

Я закрываю уши руками, пока их взгляды беспощадно пронзают меня. Сжимаю его письмо в кулаке. — Папа! — кричу я. — Папа, где ты? Папа!

Я кричу так сильно, что становится трудно дышать.

Полиция, скорая и прохожие пытаются меня успокоить: — Он вернется. Мы его найдем.

Но он не вернулся. Я так его и не нашла. Папа был объявлен пропавшим без вести, и у меня остались только письмо и старая облезлая скамейка.

Сегодня

— Что случилось? — мягкий голос Артура нежно баюкает мой страх.

— Н-ничего.

— Лавиния. — Он гладит меня по щеке. — Номер три: если кто-то причинит тебе боль… ты скажешь мне.

Я приоткрываю губы. Это третий пункт нашего пакта о сожительстве. Он терпеливо ждет ответа, продолжая нежно касаться меня.

— Эта скамейка.

— Скамейка? — повторяет он. — Хочешь, чтобы я её выбросил?

Трясу головой. — Это папина скамейка.

Артур кивает, предельно внимательно вслушиваясь в каждое мое слово. Переносит руку с моей щеки на пальцы и крепко их сжимает.

— Когда мне было семнадцать, я вернулась из школы и не нашла его. У него начал проявляться Альцгеймер, первые симптомы. Он скрывал от меня диагноз, но мне и не нужно было ничего читать, чтобы понять.

Глаза Артура наполняются грустью.

— На выпускной вечер приглашали всех родителей. Папа пришел вовремя, но все смотрели на него косо. Он пришел в пижаме и в разных носках, без обуви. У него бывали такие провалы, когда он не понимал, где находится, и его разум рисовал ему иллюзии. Когда он приходил в себя, ему было смертельно стыдно. В тот день я поняла, что папа больше не тот человек, что раньше. Сначала он забывал ключи, а потом начал спрашивать, кто я такая и что делаю в его доме.

— Мне так жаль, — шепчет он.

— Когда он ушел, он написал, что видел маму на улице. Но моя мать умерла, когда я родилась.

Тяжесть в груди заставляет меня замолчать. Я должна была лучше его защищать, должна была уделять ему больше внимания. Если бы только… если бы только…

Вытираю слезы тыльной стороной ладони. — Забудь. Это ничто, — бормочу я. Артур обходит диван и садится рядом со мной.

— «Ничто» не заставляет плакать. — Он берет пакетик чая, вынимает из упаковки и кладет в чашку. Помешивает ложечкой, прежде чем протянуть мне. — Я не хотел вторгаться в твое личное пространство, но я нашел документы, пока переставлял коробки из гаража. Это письма о зачислении в Стэнфордский университет пятилетней давности. Тебе писали не один раз.

Горькая улыбка появляется на моем лице. — И ты, наверное, спросил себя, как я оказалась на трех подработках, верно?

— Ты ждешь его, не так ли?

— Рано или поздно он вернется, я в этом уверена.

— Поэтому ты не уезжаешь отсюда? Несмотря на то, что здесь всё разваливается, несмотря на то что район небезопасен… ты ждешь, когда он вернется.

Я смотрю прямо на него. — Я думаю о том дне, когда он придет сюда и не найдет меня. Я не могу так с ним поступить. Я буду стоять здесь. Знаешь, Артур, я умею ждать.

Артур

Она вытирает слезы тыльной стороной ладони, а румянец на её щеках становится всё ярче. Она начала плакать, даже не заметив этого. *«Насколько же глубоким может быть её одиночество?»* Все эти годы она страдала одна, у неё нет ни братьев, ни сестер… нет никого. Она дует на чашку и делает глоток обжигающего чая. В её глазах всё еще стоят слезы, но она молчит, устремив отсутствующий взгляд на скамейку.

«Кто знает, сколько воспоминаний связано с человеком, у которого самих воспоминаний больше не осталось».

— Хочешь, приведем её в порядок вместе?

Её голубые глаза мгновенно устремляются на меня. — Папину скамейку?

— Мы можем покрасить её и поставить в саду. Если твой папа увидит её со стороны, он сразу её узнает. Тебе так не кажется?

Она молча кивает. Я бы отдал что угодно, лишь бы понять, что творится у неё в голове. Она вечно борется сама с собой, погруженная в навязчивые мысли, которые держат её в оцепенении, вдали от остального мира.

Я встаю. — В какой цвет её покрасим?

Она ставит чашку на стол и подходит к скамейке. — Не знаю, мне всё равно… наверное.

Я беру банки с краской, валики и непромокаемую пленку. — Какой твой любимый цвет?

Она моргает. — Мой? — Она прикладывает руку к подбородку, будто этот вопрос ей никто никогда не задавал. Я киваю.

— Лиловый, — шепчет она едва слышно, словно это какая-то тайна.

— Лиловый, — повторяю я, очарованный чистотой её черт.

— А… твой?

— Лазурный, — улыбаюсь я. — Как небо.

Я расстилаю пленку на земле, ставлю скамейку в центр и беру наждачную бумагу. Прежде чем красить заново, нужно содрать старую краску, поэтому я начинаю с силой

тереть дерево. Она несколько секунд наблюдает за моей работой, затем берет другой кусок наждачки и начинает тереть с другого боку. Вместе дело идет быстрее, и когда мы заканчиваем, я достаю банки.

Я смешиваю в ведре фиолетовый с белым, пока не получается оттенок, максимально похожий на лиловый. Лавиния внимательно следит за каждым моим движением. Раскрасневшиеся щеки и сияющие от волнения глаза — это самый чистый образ, который я когда-либо видел. Я протягиваю ей кисть, чтобы перемешать краску. Она берется за неё обеими руками, чтобы сделать полный круг, и я с трудом сдерживаю смех.

Она поднимает глаза. — Ты надо мной смеешься?

Поразительно: кажется, она витает в облаках, но стоит мгновение — и она уже обижена.

Я вскидываю руки в знак капитуляции. — Вовсе нет. Глядя на этого медвежонка у тебя на пижаме, никто бы не посмел.

Она прищуривается, вытаскивает кисть из ведра и невозмутимо проводит ею по моей руке. — Это тебе наказание.

Я беру другую кисть, макаю её в белую краску и направляю на неё. — Ты посмела испачкать принца, Лавиния?

— Нижайше прошу прощения за то, что испачкала вас, сейчас исправлю. — Она проводит кистью по моей футболке. — Ой, какая я неловкая! Слабая улыбка освещает её лицо, до этого искаженное болью.

Я заключаю её в объятия, и её нежный аромат наполняет мои ноздри. Быстрым жестом я мажу её щеки — по полоске на каждой.

— Теперь ты похожа на бродячую кошку.

Она дуется, хмурит брови, и я даю ей ускользнуть. — Ты не можешь применять ко мне свою силу.

— Принц может нарушать правила.

Она закатывает глаза и фыркает. — Ты только что закатила глаза перед Его Величеством?

— О боже, теперь мне отрубят голову! Что же делать, молю вас о прощении…

Я прижимаюсь губами к её лбу и оставляю короткий поцелуй. Аромат её кожи дурманит меня. Лавиния замирает. Её голубые глаза избегают моих, а щеки снова вспыхивают. Я улыбаюсь, видя её реакцию.

Она отстраняется и откашливается. — Нам… нам надо красить…

Есть что-то, чего она боится, что-то, что заставляет её отстраняться и мгновенно «гаснуть». Словно она заставляет себя не переступать невидимую хрупкую границу.

Лавиния

— Ты готова?

Он открывает дверь дома, включает свет в саду и идет на задний двор. Я следую за ним, и сердце колотится где-то в горле. После того как мы закончили красить, он запретил мне подходить близко. Он вынес скамейку на улицу и оставил сохнуть.

Я сворачиваю за угол сада — и вот она: лиловая скамейка стоит на траве. Он поставил её на то же самое место, будто знал. Глаза мгновенно увлажняются, и дрожь пробегает по спине. Я закрываю глаза и снова открываю их: передо мной возникает образ папы. Он поднимает глаза от книги и улыбается.

«С возвращением, Лавиния. Я тебя ждал. Как дела в школе?»

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Слеза катится по щеке. Я сажусь, провожу пальцами по поверхности, и воспоминание об отце согревает меня. Сжимаю края скамейки. Всё точно так же, как было при нем.

«Папа тебя любит. Ты же это знаешь?»

Его голос эхом звучит в моих ушах, и я зажмуриваюсь. С того самого дня я не могла прикоснуться к этой скамейке — она была символом его ухода, шрамом, который я не могла принять, поражением, которое было слишком горьким, чтобы его признать. *«И вот я здесь, папа. На скамейке. Сижу на твоем месте. Твой запах — в каждом атоме вокруг меня, и море воспоминаний заставляет моё сердце биться».*

— Лавиния.

Голос Артура заставляет меня поднять взгляд. Золотистые кудри падают ему на лоб; он опускается на колени передо мной.

— Он тебя любил.

«Ты же это знаешь?»

— Ты же это знаешь? — шепчет он.

Улыбка, которую я не в силах сдержать, полная слез и страха, расцветает на моем лице.

— Знаю, — бормочу я сорвавшимся говором.

Артур отвечает мне улыбкой — сияющей и теплой.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 8

Лавиния

«Погодные условия на этой неделе будут только ухудшаться. Ожидается наводнение, сопровождаемое проливными дождями. В северных городах многие дома уже затоплены; рекомендуем вам укрыться в безопасном месте».

По всему ресторану проносится ропот жалоб. Новости по телевизору становятся всё мрачнее; кажется, в ближайшие дни нас ждет настоящий хаос. Я беру готовые блюда, расставляю тарелки вдоль рук и выхожу в зал.

— Приятного аппетита. — Ставлю две тарелки, одну справа, другую слева. Клиенты слишком заняты просмотром выпуска новостей, чтобы заметить еду. Возвращаюсь на кухню. Даже Камилла обеспокоена: она задумчиво замерла за кассой, глядя на экран.

Она достает телефон и листает список контактов. — Что же мне теперь делать? Если станет совсем плохо, придется запереть дом и переехать к тете. — Я прохожу мимо, беру тряпку и вытираю стойку, сдвигая листки с заказами. — А ты куда пойдешь, Лавиния?

Я пожимаю плечами. — Никуда. Всё будет не так уж страшно…

— Ты шутишь? В прошлом году у тебя через окна вся вода зашла. Ты живешь в самой старой постройке во всем квартале, на твоем месте я бы давно её продала и переехала в центр.

— Я и это переживу. — Улыбаюсь я.

В прошлый раз затекло столько воды, что мне пришлось выталкивать её наружу шваброй. Страх, что потолок может рухнуть в любой момент, не давал мне спать. Я не смыкала глаз, выжимая и высушивая всё, что могла. Адская ночь.

Последние клиенты уходят через пару часов, оставив стол в ужасном состоянии. Сегодня очередь Камиллы закрывать ресторан. Я кладу руку ей на плечо. — Я сама закрою, иди.

— Правда, Лавиния? Ты моё спасение. — Она улыбается мне. Дважды повторять не приходится. Она хватает сумку, куртку и в мгновение ока исчезает за дверью.

Я протираю столы, поднимаю стулья, подметаю пол и выключаю новости. *«На сегодня всё».* Беру сумку и пальто, гашу свет. *«Пора домой».* Выхожу из ресторана и запираю входную дверь, обхватываю себя руками и вздрагиваю. *«Ну и холодина».* У ресторана, прислонившись к невысокой стене, стоит парень с золотистыми кудрями.

Он подходит ближе. — Пойдем домой?

Я киваю, и холод уже не кажется таким уж кусачим. Мы идем по аллее под привычное мерцание фонарей, освещающих дорогу.

— Тебе не обязательно приходить каждый раз.

— Ты всегда заканчиваешь так поздно? — Он игнорирует мои слова. — Почему вы не заканчиваете все в одно время?

Пешеходный светофор загорается красным, я останавливаюсь. — Потому что я работаю в последнюю смену, привожу всё в порядок и запираю ресторан.

— И этого не может сделать кто-то другой? С тех пор как я здесь, это всегда делаешь ты.

Я приоткрываю рот. — И в чем проблема?

Загорается зеленый, и Артур идет вперед, не удостоив меня ответом. Я следую за ним в недоумении. *«Да что на него нашло?»*

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Мы подходим к дому, я прислоняюсь к мюрцу, пока ищу ключи в сумке. *«Нашла».* Хватаю их и вставляю в замок. Открываю калитку и вхожу. Артур остается стоять на месте.

— Ты чего? Не заходишь?

Он касается рукой калитки, внимательно её осматривая. — Тебе нужно её сменить. Кто угодно может её взломать и войти.

«Войти в разваливающийся дом с крышей, которая вот-вот рухнет? О да, я в огромной опасности». Единственное приличное место в этом жилище — сад, который он сам привел в порядок, а в остальном — красть здесь абсолютно нечего.

— И кто же это сделает?

И снова я не получаю ответа. Вздыхаю. Раскат грома заставляет меня вздрогнуть. *«Вот и начинается непогода».* Спешу войти, снимаю куртку и обувь, надеваю тапочки и направляюсь на кухню. Открываю холодильник, но вспоминаю, что не ходила за продуктами. Пусто.

Закрываю дверцу. — Схожу куплю что-нибудь, Арт…

Он протягивает мне мою куртку. — Пойдем вместе.

Сегодня он странный, я не могу это точно объяснить, но что-то меня настораживает. — Ладно, пойдем вместе.

Маленький супермаркет за домом еще открыт. Внутри всего пара человек; я беру корзинку у входа и иду к первому ряду. Беру овощи, немного мяса и какие-то сладости. Должно хватить на пару дней. Теряю Артура из виду, ищу его — нет… может, ждет снаружи. Отделы пустые, люди смели почти всё с полок из-за метеопредупреждения. Осталось только самое дорогое. *«Обойдусь этим».*

Подхожу к кассе, выкладываю то немногое, что взяла, на черную ленту. Достаю карту для оплаты, пока кассирша проводит каждый товар через сканер.

— Можно мне пакет?

— Конечно, — кивает она, протягивая его левой рукой. Начинаю складывать продукты, когда тонкий аромат мускуса щекочет мне нос.

«Артур?»

Он выкладывает на ленту бесконечное количество еды. — И это тоже, спасибо.

У меня нет денег, чтобы оплатить всё, что он набрал. — Что ты творишь? — шиплю я сквозь зубы. Мало того что это закупка на пятьдесят голодных солдат, а не на двоих, как он вообще представляет, что я смогу себе это позволить?

— Оплата картой или наличными?

— Наличными. — Артур протягивает ей купюру в двести долларов. Кассирша в изумлении вскидывает брови, отдает ему чек и сдачу.

— Думаю, вам понадобится еще пара пакетов. — Она улыбается.

— Спасибо, — подтверждает Артур. Продукты, которые он купил, заполняют три огромных пакета, набитых почти до отказа.

Со своим единственным пакетом в руках я выхожу из супермаркета, а Артур следует за мной. В его руках эти три баула кажутся легкими, как перышки. Стоит нам выйти на улицу, подальше от глаз кассирши, я испепеляю его взглядом.

— Можно узнать, что на тебя нашло? Для кого эта гора еды?

Он шагает вперед, вынуждая меня идти за ним по всей аллее, прежде чем я получу ответ. То, что он такой высокий и каждый его шаг равен моим пяти, ставит меня в затруднительное положение.

— Для кого, по-твоему? Тебе нужно перестать есть впроголодь, по крохотному кусочку за раз.

— Это называется экономия, Артур. Я не миллиардерша.

Он хмурится. — Ты экономишь на еде?

Я уже собираюсь возразить, когда звук велосипеда заставляет меня резко обернуться. Он несется на огромной скорости, не давая мне ни времени, ни возможности уклониться. Артур притягивает меня к себе, закрывая своей грудью, как щитом.

Его глаза пронзают меня. — Ты хочешь, чтобы тебя сбили? — Его тон вовсе не шутливый и не нежный, скорее… это похоже на выговор. *«Почему он сегодня такой другой?»* Я быстро отстраняюсь, опуская взгляд. Мы продолжаем путь в молчании; мысли вихрем кружатся вокруг парня слева от меня, который несет три мешка еды.

Я ставлю покупки на кухонный стол. Уже поздно, думаю принять душ, прежде чем что-то готовить. Артур открывает дверцу холодильника и расставляет припасы по местам. Улыбаюсь: пусть сегодня он кажется более меланхоличным, чем обычно, он никогда не перестает быть заботливым. Думаю, это часть его натуры.

— Я пока пойду в душ. Если хочешь, приготовим пасту, когда я выйду.

Он поднимает голову, его глаза на несколько секунд оказываются в плену моего лица. Почему он так на меня смотрит? Тень омрачает его лицо, но это длится лишь мгновение, затем он маскирует всё улыбкой. Сегодня он действительно странный.

Он кивает. — Да, хорошо. Я начну разогревать воду. Не торопись.

— Ладно.

Выхожу из кухни, но странное ощущение не покидает меня даже в душе. Под струями горячей воды нервы расслабляются. Не понимаю: может, он скучает по своей семье? По Эдоардо и остальным? Но это не объясняет, почему он отчитал меня на улице.

Намыливаюсь, смываю пену и кутаюсь в халат. Высушившись, надеваю пижаму и собираю мокрые волосы в полотенце. Мне остается только спросить его, в чем причина такой внезапной смены настроения; возможно, я смогу помочь, если он немного откроется…

В конце концов, я перед ним обнажила душу так, как ни перед кем другим. Он знает об отце, знает о том вечере, знает о скамейке… он знает так много обо мне, а я о нем — почти ничего.

Иду по коридору и вхожу на кухню. — Артур, паста гото…

Стол накрыт только на одного. Тарелка пасты, приборы, стакан воды и салфетка. *«Он уже поел?»* Открываю холодильник: продукты идеально разложены по полкам с таким порядком, какого у меня никогда не было. Он изрядно постарался. *«Но куда он делся?»*

Перехожу в гостиную. — Артур?

На диване, где он спит, лежит медвежонок, которого он выиграл на ярмарке. Одна деталь особенно привлекает моё внимание: на столике лежит листок, а рядом телефон и белый конверт. Сажусь на диван, беру листок в руки. Дыхание перехватывает.

Что-то внутри меня уже всё поняло.

Что-то внутри меня крошилось так мелко, что оставалось невидимым.

«Спасибо за твоё гостеприимство, за то, что позволила мне быть рядом эти недели и показала свой мир. Не задерживайся допоздна в ресторане, будь осторожна,

когда идешь по улице, не оставайся без продуктов и еды, не пропускай приемы пищи из-за того, что слишком хочешь спать, перестань работать так много, что забываешь о себе. Запирай заднюю дверь перед сном, ты вечно о ней забываешь. Придут рабочие из фирмы починить тебе окна, чтобы сделать их надежнее. Я уже заплатил им наперед, так что не беспокойся.

Я никогда не смогу отблагодарить тебя сполна… но надеюсь, у меня будет возможность отплатить тебе в будущем. Прости меня, Артур».

«Прости меня?»

Сжимаю листок пальцами. *«Артур».*

Открываю белый конверт — он набит банкнотами. Кладу его на стол рядом с телефоном, который он здесь оставил. *«Он просит меня стереть его из памяти? Будто его никогда не существовало?»*

Выдыхаю, с трудом сглатывая, пока все мои нервы натягиваются.

Каждая деталь напоминает мне о том же самом оставлении, которое я пережила пять лет назад. Горячая еда, стол, накрытый на одного, письмо и пустота.

Пустота, в которой моя душа живет и умирает в вечной борьбе. Пустота, которая душит меня, напоминая, что любой, кто попытается быть рядом со мной… в итоге уйдет.

«Точно так же, как папа, а теперь — Артур».

Улыбаюсь. Люди не перестают меня бросать, а я не перестаю оставаться одна. Будто я вызываю отвращение, будто одиночество — мой единственный друг, единственная семья. Встаю, иду на кухню и сажусь за стол.

Беру вилку и начинаю есть.

Слеза капает в тарелку. Затем еще одна. И еще одна.

Но несмотря на это, я продолжаю есть, съедаю всё до конца. С покрасневшими глазами и мокрыми щеками я хватаю салфетку и вытираю уголки рта.

— Всё хорошо, Лавиния, — шепчу я едва слышно. — Всё хорошо.

***

Беру капсулу и вставляю в кофемашину. Выпиваю всё залпом, обжигая язык. Стон боли вырывается у меня, но времени на страдания нет. Бросаю взгляд на часы и выбегаю из дома. Небо становится всё серее. Сажусь на велосипед и еду к супермаркету. Все утро расставляю товары на полках, а затем встаю за кассу.

Провожу товары последнего клиента через сканер, один за другим. Смотрю на настенные часы: скоро я должна быть у Хавьера на доставках.

Пожилой мужчина передо мной достает кошелек. — Слышали? На вечер передали штормовое предупреждение, ситуация становится серьезной.

Знаю. Улыбаюсь. — Вам нужен пакет?

Он кивает. — Не задерживайтесь на работе допоздна, синьорина. Это опасно!

Протягиваю ему пакет. — Спасибо, хорошего дня.

«Перестань работать так много, что забываешь о себе».

Парень, который должен меня сменить, открывает дверь. — Привет. — Снимаю форменную куртку и надеваю свою.

— Идешь на вторую работу? — спрашивает он, подходя ближе. Я киваю. — Будь осторожна, там штормовое предупреждение.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Выхожу, сажусь на велосипед и еду к ресторану Хавьера. Гром и молнии сопровождают меня в пути; на улице мало людей, а те немногие, что есть, бегут в поисках укрытия. Подъезжаю к ресторану. Прислоняю велосипед к стене.

Вхожу в заведение, Хавьер за стойкой. — Сколько у нас заказов?

— Привет, Лавиния, их много. Шторм пугает *много людей*, поэтому *они все* заказывают онлайн. Ты как, справишься?

В этой тревоге есть один плюс: для меня будет больше работы. — Да, — шепчу я.

Я лучше буду работать, чем остановлюсь и вернусь в тот пустой дом. Доставляю заказы направо и налево; на полпути останавливаюсь, чтобы спрятать волосы под шлем. Дождь хлещет неистово, безжалостно барабаня по всем поверхностям. Я понимаю, что выгляжу ужасно, когда люди открывают мне дверь и спрашивают, не нужно ли мне полотенце.

Кручу педали, пока мышцы не начинают гореть. Одной рукой достаю телефон и смотрю на количество оставшихся заказов в приложении. *«Осталось еще пятнадцать».* Их становится только больше, а дождю конца не видно. Сворачиваю налево, но скутер подрезает меня, заставляя резко вильнуть в сторону. Я падаю на землю, а этот тип, даже не затормозив, на полной скорости уносится прочь. Я остаюсь одна в переулке с ободранными коленями и исцарапанными ладонями. *«Только этого не хватало».* Провожу рукой по брюкам и, прихрамывая, поднимаю велосипед. К счастью, я возвращалась в ресторан, и в багажнике ничего не было.

«Будь осторожна, когда идешь по улице».

Трясу головой. Прихрамывая, тащу велосипед к ресторану. Прислоняю его к стене, прежде чем зайти внутрь, под крышу. Стойка, где обычно стоят коробки с заказами, пуста.

— Где следующий заказ?

— Сейчас… — Хавьер осекается. — *¡¿Estás loca?!*

Выслушав его ругательства на испанском в адрес парня на скутере, который меня так отделал, я получаю от него решительный запрет продолжать доставки. Он связывается со своим дальним кузеном, говорит, что тот ему поможет. Он выпроваживает меня, угрожая уволить, если я буду настаивать.

Подавленно вздыхаю и бреду к ресторану на другом конце города. Пока жду зеленого света, приходит сообщение от Камиллы: сегодня она не выйдет. *«Всё хуже и хуже».* Прихрамываю, опираясь на велосипед; боль заставляет меня буквально тащиться.

«Не задерживайся допоздна в ресторане».

Раскат грома заставляет меня вздрогнуть. Достаю ключи и вставляю их в замок дома. Замираю и несколько минут сверлю дверь взглядом. *«Почему у меня нет смелости войти в собственный дом? Почему у меня дрожат руки? Почему щиплет глаза?»*

— Смелее, Лавиния, — шепчу я.

С сердцем в горле пересекаю сад и вхожу, запирая за собой дверь. Снимаю промокшие туфли и носки, вешаю куртку на батарею и иду в ванную. Пока раздеваюсь, замечаю, что из ссадин на коленях течет кровь. *«Черт, синяки будут знатные, это уж точно».* Встаю под горячий душ, затем кутаюсь в халат и надеваю чистую пижаму. Беру аптечку и, пошатываясь, бреду к дивану в гостиной.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Оголяю правое колено и вижу, что вокруг содранной кожи начинает наливаться багровый круг. Беру антисептик и пару марлевых салфеток. Слегка смачиваю их и прикладываю к ране. Всхлипываю, зажмурив глаза.

«Прости меня».

Беру пластырь и осторожно накладываю на рану. Поднимаю левую ногу и кладу её на диван. Оголяю колено, дезинфицирую. *Как больно.* Задерживаю дыхание.

«Артур».

Я сжимаюсь в углу дивана — в том самом месте, где он лежал, — и вдыхаю аромат мускуса, впитавшийся в каждую ниточку ткани. Рядом со мной плюшевый медведь, которого он выиграл; я беру его в руки и прижимаю к груди… будто он может меня утешить. *«До чего же я докатилась».* С тяжелыми веками я закрываю глаза, и сон окутывает меня. Просыпаюсь я от грома, который врывается с такой силой, что я подпрыгиваю на месте. Прижимаю ладонь к груди. *«Что это было?»* Надеваю тапочки и с сердцем в горле иду к окну. Дождь смывает всё на своем пути, сейчас по улицам пройти невозможно.

«Запирай заднюю дверь перед сном, ты вечно о ней забываешь».

Прихрамывая, иду к запасному выходу: дверь распахнута настежь, коридор залит водой, а мощный поток воздуха толкает меня назад. *«Катастрофа».* Закрываю дверь коридора, чтобы вода не пошла в остальную часть дома. Иду по щиколотку в воде к задней двери, толкаю её обеими руками, но ветер с неистовством снова её распахивает. *«Нужно что-то тяжелое, чтобы её подпереть».* Выхожу в сад под дождь, который мочит меня с головы до ног. Содрогаюсь, холод проникает до самых костей; хватаю садовый стул и тащу его внутрь. Вклиниваю его под ручку.

— Пожалуйста, пусть это сработает, — шепчу я.

Кашляю, тело сотрясает дрожь, но дверь, кажется, пока держится. Только я вздохнула с облегчением, как порыв ветра сбивает меня с ног, и я валюсь навзничь, теряя равновесие. Дверь снова с грохотом распахнулась, и стул летит прямо на меня. Закрываю лицо рукой, сжавшись в комок, мышцы напряжены, челюсть стиснута.

Жду удара, но ничего не происходит. Убираю руку и поднимаю взгляд. Что-то удерживает стул в сантиметре от моей головы. Задираю подбородок. *Что?..*

Две медовые радужки изучают каждый сантиметр моего тела. Правой рукой он сжимает стул и ставит его на пол. Он опускается на мой уровень; его тело мокрое, одежда прилипла к коже, а влажные кудри свисают на лоб.

— Это ты? — едва слышный выдох срывается с моих губ.

Воздух наполняется ароматом белого мускуса, моё сердце пропускает удар, дыхание покидает легкие, а боль в коленях растворяется.

— Это ты, — повторяю я, но на этот раз это утверждение.

Артур вернулся.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 9

Лавиния

Опираюсь рукой о стену, поднимаюсь; вода доходит мне до щиколоток. *«Это правда он».* Он выходит в сад и почти сразу возвращается с камнем, сжимает его обеими руками и кладет на пол. Закрывает дверь и подпирает её этим валуном. Его грудь тяжело вздымается, мокрые волосы прилипли ко лбу, одежда насквозь пропитана водой; он молча смотрит на меня. *«Зачем?»* Он делает шаг вперед, но я тут же отстраняюсь.

— Держись от меня подальше, — шепчу я.

Он не двигается. Я отворачиваюсь, придерживаясь за стену, и, прихрамывая, бреду в свою комнату. Вхожу и запираю дверь на ключ. Ложусь на кровать, закрываю глаза и выдыхаю.

— Почему… почему он здесь? — бормочу я про себя. Слышу шаги в коридоре, они затихают прямо перед моей дверью, но Артур не смеет постучать. Сжимаю простыню пальцами, слеза катится по щеке.

Я не подпущу его к себе.

Больше — никогда.

Он не причинит мне боли снова.

Протираю глаза и откидываю одеяло. Трель будильника заставляет меня подняться; протягиваю руку и выключаю его. Спускаю ноги на край кровати и надеваю тапочки, встаю, но резкая боль заставляет меня вскрикнуть. Раны на коленях всю ночь пульсировали и горели. Глубоко вдыхаю, ковыляю к двери, поворачиваю ручку и открываю.

Прямо передо мной Артур: он сидит, прислонившись спиной к стене, его голова бессильно опущена. На нем та же вчерашняя одежда, мокрая и испачканная грязью. *«Он всю ночь просидел под моей дверью?»* Трясу головой и прохожу мимо, стараясь не шуметь. Мне не должно быть до него дела, пусть хоть на полу остается.

Захожу в ванную и запираюсь. *«Я не должна о нем думать».* Снимаю пижаму, оставаясь в одном белье. Лицо искажается гримасой, я закусываю щеку, когда убираю марлевые повязки, пропитавшиеся кровью. *«Черт, рана открылась».* Выдыхаю сквозь стиснутые зубы — только этого не хватало. Мне нужно идти на работу. Поднимаю взгляд на полки, ищу глазами аптечку. *«Она в гостиной!»* Я взяла её вчера и не убрала на место. *«Проклятье».*

Это значит, что мне нужно выйти отсюда, не привлекая его внимания, забрать аптечку и снова запереться в ванной. Хватаю ближайшее полотенце, обматываю его вокруг себя, оставляя ноги открытыми. С трудом тащусь к двери и открываю её. Хромаю до гостиной, коробка всё еще на столе. Подхожу и беру её. Поворачиваю голову — Артур, прислонившись к дверному косяку, молча смотрит на меня. *«Давно он там стоит?»* Он внимательно изучает каждый сантиметр моего тела, его глаза сужаются, когда он замечает содранные колени. Он стискивает челюсть.

— Что случилось? — тон его резок.

Игнорирую его, прохожу мимо, ковыляя к ванной. Протягиваю руку к ручке, но она выскальзывает, и в следующий миг я чувствую, что мои ноги больше не касаются пола. Руки Артура прижимают меня к его груди, а во взгляде читается решимость, не терпящая возражений. Он идет к дивану, опускает руки и усаживает меня так бережно, будто я сделана из хрусталя. Забирает аптечку из моих рук.

Упираюсь ладонями в диван и подаюсь вперед. *«Я и не подумаю подчиняться его приказам».*

Его ладонь обхватывает мою щиколотку. — Не двигайся.

— Теперь ты мне приказываешь?

Он бросает на меня ледяной взгляд. — Лавиния, — шипит он сквозь зубы.

Фыркаю, потрясенная такой наглостью. *«Кем он себя возомнил? Героем-спасителем?»*

Он опускает взгляд на мои колени, хмурит брови и достает марлю, антисептик и пластыри. Он оголяет участок кожи, приподнимая полотенце над коленом. Проводит большим пальцем по краям синяка, слегка касаясь его. Мурашки пробегают по телу сильнее, чем когда-либо.

Вырываю марлю из его рук. — Я сама. — Смачиваю её антисептиком и прикладываю к первой ране. Всхлипываю от боли, но крепко стискиваю зубы и продолжаю. Артур накрывает мою руку своей, забирает марлю и аккуратно перекладывает мою руку на диван.

Он дезинфицирует раны в тишине, а на его лице лежит тень глубокой печали. Не проронив ни слова, он накладывает повязку справа, затем слева. Встает, протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. Я уклоняюсь от его помощи и медленно, сама встаю на ноги. Одной рукой крепко держу край полотенца. Иду к ванной медленным, хромающим шагом.

— Как… ты поранилась? — шепчет он.

Я дохожу до двери, поворачиваю ручку, а его голос продолжает наполнять воздух:

— Ты упала или тебя толкнули?

Сжимаю ручку двери; пальцы покалывает, а на языке жжет ярость. — Меня оставили одну. Это другое. Он замолкает. Я поворачиваю голову и захожу в ванную, закрывая за собой дверь. Выдыхаю; руки дрожат, а желудок сжался в узел. *«Я его не выношу».*

Умываюсь холодной водой — нужно успокоиться. Надеваю чистую одежду и заплетаю волосы в привычную длинную косу. Беру пальто, сумку и обуваюсь. Шум на кухне дает понять, что он всё еще там. Выхожу, не оглядываясь, подхожу к велосипеду, но тут же передумываю. Если я поеду, мне придется сгибать колени, а значит, раны снова откроются и потечет кровь. Разворачиваюсь на каблуках и иду к дороге. Достаю телефон и пишу Хавьеру: не думаю, что смогу заниматься доставками в таком состоянии. Вздыхаю; сегодня придется ограничиться супермаркетом и рестораном вечером.

Артур

Я починил дверь, убрал воду в коридоре и привел в порядок гостиную. *«Она меня ненавидит».* Фраза, которую она бросила, не перестает эхом звучать у меня в ушах. Снова и снова. Я нашел письмо, которое написал ей, скомканным в мусорной корзине.

Я сделал то, чего хотел меньше всего на свете. Причинил ей боль. Беру одежду, которую оставил на батарее — она уже высохла. Одеваюсь и сушу волосы феном. Этот дом пахнет ею, каждый сантиметр пропитан её нежным ароматом. Надеваю пальто, обуваюсь и выхожу, закрывая за собой дверь. Ветер бьет в лицо, тучи застилают небо.

Иду по аллее. *«Как мне заслужить прощение?»* Тот взгляд, которым она посмотрела на меня вчера: полный слез и какого-то горького утешения. Сворачиваю за угол, ускоряю шаг, когда вижу, что светофор вот-вот станет красным. Перехожу на

другую сторону улицы и иду прямо. Может, мне стоит просто позволить ей ненавидеть меня. Останавливаюсь перед рестораном, где она работает, сажусь на скамейку и наблюдаю за ней сквозь витрину. Загораются фонари, и её фигура, словно по волшебству, появляется среди столиков. Гармония её форм, мягкость черт и чистота в каждом жесте.

Она грациозно ставит тарелку перед клиентом. Я даже могу понять, что она говорит, хотя и не слышу её. *«Этого у нас нет, но если хотите…»*

Улыбка, сопровождающая каждое её слово, очаровывает любого, кто на неё посмотрит. Никто не может оторвать от неё взгляд. Она останавливается у кассы и касается колена с гримасой боли на лице. *«Ей больно».* Но она тут же маскирует это выражение, когда коллега протягивает ей тарелки, которые нужно подать.

Вздыхаю; с губ срывается облачко пара и растворяется в ледяном воздухе. Проходят часы, но для меня они летят как минуты. Её коллеги разошлись, и она, как обычно, выходит последней. Вижу, как её светлая коса мелькает в дверях. Она запирает заведение, опускает рольставни и вешает замок. Когда она оборачивается, наши взгляды встречаются, и каждая черточка на её лице ожесточается. *«Снова эта барьера».* Она отступает и задевает плечом прохожего. Я встаю и подхожу к ней вплотную.

— Прошу прощения, — бормочет она мужчине.

Тот кивает, но, когда его взгляд переходит на меня, он бледнеет.

Он ошарашенно хватает ртом воздух. — Ваше Величество…

«Он меня знает?» Лавиния хмурится в замешательстве. Я прищуриваюсь: борода закрывает его подбородок, а черная шляпа скрывает лоб. Его внешность мне ни о чем не говорит, я никогда не видел его раньше.

— Ты меня знаешь?

Он моргает. — Нет, простите… я, должно быть, обознался… — Он пятится с улыбкой, которая кажется мне крайне неубедительной. *«Он лжет».* Я выбрасываю руку вперед и хватаю его за горло. Мужчина хрипит под моими пальцами, с трудом вцепляется руками в мою кисть, его глаза наливаются кровью. Лавиния от испуга роняет сумку на землю.

— Я спросил: ты меня знаешь? Отвечай, — шиплю я.

Лавиния бросается, между нами, кладет руку на моё предплечье и изо всех сил пытается оторвать меня от него. — Ты что, с ума сошел? Мы же посреди улицы!

Игнорирую её, усиливая давление, не отводя от него взгляда. *«Он знает, кто я».* В его глазах разливается ужас, и я ослабляю хватку. Лавиния отталкивает меня, дергая за руку.

— Уходим отсюда, — шепчет она, с опаской озираясь по сторонам.

— Нижайше прошу прощения, Ваше Величество. — Мужчина падает ниц на мокрый асфальт у моих ног. Вздыхаю. *«Я так и знал. Он лгал».*

— Значит, ты мой подданный. Назови себя.

Он не поднимает головы, прижав руки к земле. — В этом мире я работаю в ресторане, но два года назад я был частью королевского двора.

«Два года назад. Значит, он тоже застрял здесь?»

— Я работал на кухнях, Ваша Милость. Прошу вас простить меня, я не хотел проявить к вам неуважение.

Неужели люди из моего мира уже бывали здесь? Сколько их? Где они и как сюда попали? И главное… почему они не вернулись?

— Следуй за мной. У меня много вопросов, а тебе есть что объяснить.

Он поднимается на ноги, низко склонив голову. — Вы слишком добры, Ваша Милость. Слишком добры!

Лавиния смотрит на него, приоткрыв рот и вскинув бровь. Я вижу замешательство на её лице, но она не задает вопросов. Она лишь отворачивается и молча идет дальше по аллее. Она отбросила свою холодность по отношению ко мне лишь на короткий миг тревоги. Ничего более. Я следую за ней шаг за шагом; позади меня человек из моего мира идет не дыша, пока мы не оказываемся перед калиткой дома.

Лавиния достает ключи из сумки и вставляет их в замок. — Сумасшедший дом, — фыркает она, открывает калитку и уходит вглубь дома.

Я провожу её взглядом, переступая порог; она заходит на кухню и исчезает. Вздыхаю и сажусь на диван. *Она даже в глаза мне не смотрит.*

— Позвольте мне снять с вас пальто, Ваше Величество.

Я качаю головой. — Оставим формальности. Я хочу, чтобы ты рассказал мне всё, — приказываю я.

Он опускается на колени на холодный паркет, не поднимая глаз, и, переплетя пальцы рук, кивает. — Каждый ваш приказ для меня закон, Ваше Высочество. Я оказался в этой реальности два года назад. Я возвращался в замок… знаете, я выходил по семейной визе, чтобы повидаться с родителями. На обратном пути начался такой ливень, что нам пришлось укрыться под навесом. Рядом со мной была женщина, у неё не было зонта, и она совсем промокла. Когда она попыталась перейти дорогу, кто-то толкнул её вперед, а прямо на неё на огромной скорости неслась машина. Не раздумывая, я дернул её на себя, спасая её.

Он делает паузу, с нежностью касаясь кольца на безымянном пальце левой руки. *Они поженились.*

— Что было потом?

— А потом я очнулся здесь. Когда я спас её, она поблагодарила меня, и я направился к машине, но…

— Но её больше не было, — вздыхаю я.

Он кивает. — Словно её что-то поглотило. Не осталось ни следа, я искал как одержимый, бродил вокруг, не получая ответов. С того дня я живу здесь, и волею судеб та женщина помогла мне, а теперь… вот… мы женаты уже год.

Он пытался защитить женщину из этого мира и в этот миг был втянут сюда. Возможно, всё зависит от намерения помочь, спасти. Но я не понимаю: похоже, лишь некоторые люди способны видеть жителей этой параллельной реальности в опасности. На чем это основано? И как это работает? Происходит ли это в обратном порядке или касается только нашего измерения?

Прижимаю руку к виску. *Нужно подумать…*

— Хотите горячего чая, господин?.. — голос Лавинии прерывает мои мысли.

Мужчина поднимает на неё взгляд. — Раффл. Благодарю вас, вы очень добры. — Лавиния снова уходит на кухню, и я пользуюсь случаем, чтобы задать самый важный вопрос.

— Как вернуться назад?

Из того, что я понял, климат должен совпасть, и именно бурные ливни позволяют перемещаться между двумя мирами. Но мне этого оказалось недостаточно. Я бросился

в море и плыл вглубь, пока не начал замерзать. Когда я поднялся на поверхность, я всё еще был здесь.

— Ваша Милость, я узнал, что для возвращения нужно воссоздать ту же ситуацию: погоду, время… всё. Должно быть идентично до мелочей, ничего нельзя упустить.

Погода и время были теми же, но это не сработало.

— Откуда такая уверенность? Ты пробовал?

Он качает головой. — Я встретил человека из нашего королевства, когда искал ответы. Он сказал мне, что намерен вернуться назад, воссоздав в точности ситуацию своего отправления. Это казалось логичным и, возможно, даже простым.

Откидываюсь на спинку дивана и продолжаю слушать.

— И он, должно быть, вернулся, потому что его больше никто не видел… — его голос затихает.

Я хмурюсь. *Почему у него такое лицо?*

— В чем же проблема?

— Проблема именно в воссоздании ситуации: нужно подвергнуть спасенного человека опасности, чтобы в точности повторить сценарий, Ваше Высочество.

Я приоткрываю рот. *Спасенного человека?*

— При этом… если человек выживает в этой опасности, он переносится в наш мир и, оказавшись там, уже не может вернуться назад. Переход работает только в одну сторону.

Это значит, что…

— Если позволите, Ваша Милость, кого спасли вы, чтобы оказаться здесь?

…я должен подвергнуть опасности Лавинию.

Игнорирую его вопрос. — Почему ты этого не сделал? Почему не вернулся назад, воссоздав ту же ситуацию?

Он касается кольца на пальце, и улыбка трогает его губы. — Я никогда не смог бы подвергнуть её опасности. Никогда.

Я опускаю взгляд, пораженный, словно меня окатили ушатом ледяной воды. Образы Лавинии проносятся перед глазами: от того, как она приняла меня в своем доме, до того, как мазала моё лицо краской.

— Но для вас всё иначе, разумеется. Ваша Милость, на вас лежит бремя правления целой нацией. Если вы не вернетесь, вы подставите под удар принца Эдоардо. Вы заставите его взойти на престол в слишком юном возрасте, не говоря уже о Короле. Ваш отец… он сочтет вас мертвым. Они будут оплакивать утрату, хотя на самом деле вы живы. И вероятнее всего, они объявят войну соседним государствам, подозревая, что вас тайно убили. Начнется хаос, если вы не вернетесь.

Сжимаю руки в кулаки. *Я знаю, я прекрасно это знаю.* Это тяжелое решение. Я в любом случае заставлю кого-то страдать, что бы я ни выбрал. *Мне суждено причинять боль.* Делаю глубокий вдох и хрущу шеей, пытаясь ослабить натянутые нервы.

Либо я погублю целую нацию, ввергнув её в бессмысленную войну, либо…

Лавиния входит в гостиную с подносом в руках, не подозревая о моих мыслях и реальности, с которой мне придется столкнуться. Она идет к нам, её хрупкое тело кажется еще тоньше, а взгляд устремлен прямо перед собой.

…либо я причиню боль ей, девушке, брошенной отцом, которая прячет свои раны даже от самой себя.

Она ставит поднос на столик и подает чашку господину Раффлу.

— Благодарю вас, — улыбается он ей.

Она отвечает взаимностью. — Хотите сахара?

Раффл меняется в лице, заметив, что мне Лавиния чай не принесла. — Ваша Милость, прошу вас, выпейте сначала вы. — Он склоняет голову, протягивая мне чашку.

Я открываю рот, собираясь ответить, но Лавиния опережает меня. Она отводит его руку обратно. — Господин Раффл, здесь мой дом, а не дворец. Пейте свой чай. А это существо, если захочет, встанет и приготовит себе само.

«Это существо»? Это вызывает у меня невольную улыбку. Раффл бледнеет, ставит чашку на стол и падает ниц у моих ног. — О, Ваше Величество, молю вас о прощении.

— За что он должен тебя прощать? Встаньте же, ну. — Лавиния приподнимает его голову, заставляя снова сесть. — Пейте, а то остынет.

— Н-но… — Раффл только хватает ртом воздух, переводя растерянный взгляд с Лавинии на меня.

Она встает и даже не смотрит в мою сторону. — Знаю, уже поздно, но, если хотите остаться и перекусить, милости просим. Я готовлю курицу. — Она замирает в своей безмолвной борьбе против меня. И уходит на кухню.

— Ваше Величество, это она, верно? Та девушка, которую вы спасли… — неуверенно произносит Раффл.

Провожу рукой по волосам, прежде чем взглянуть на него. — С чего ты это взял?

— По тому, как вы на неё смотрите, Ваше Высочество.

Я хмурюсь, упираюсь локтями в колени и кладу подбородок на ладонь. — И как же я на неё смотрю?

Он поднимает голову. — Так, будто хотите спасать её вечно.

Весь вечер Лавиния только и делала, что игнорировала меня. Она провела время, болтая с Раффлом о его личной жизни. Так я узнал, что у его жены сеть ресторанов, и что он, работая на королевской кухне и будучи отличным поваром, был сразу принят на работу и теперь управляет флагманским заведением. Он живет в достатке.

Он вытирает уголок губ салфеткой. — Вот, Ваше Высочество, это для вас. — Он протягивает мне кредитную карту. — Прошу вас, пользуйтесь ею во время вашего пребывания здесь, для меня это было бы честью. Кроме того, утром я доставлю вам машину, которую вы сможете использовать по своему усмотрению. Скажите, какую модель вы предпочитаете, Ваша Милость?

Лавиния поперхнулась водой. Я с трудом сдерживаю улыбку, закусывая щеку изнутри. Выражение её лица сейчас просто неописуемое, но я не могу над ней подшучивать: наши отношения дали трещину после того, что я с ней сделал.

Я принимаю серьезный вид. — В этом не будет нужды, Раффл. — Возвращаю ему карту. — Как я уже упоминал, у меня другие планы. Не беспокойся.

Лавиния хмурится, тень грусти пробегает по её лицу, и это чувство передается мне.

Раффл встает, достает из кармана визитку. — Тогда возьмите мою карточку. Если вам что-нибудь понадобится, не колеблясь обращайтесь ко мне, Ваша Милость. Я также могу предложить вам кров и пищу.

— Спасибо, я буду иметь это в виду.

Напряжение на лице Лавинии дает мне понять, в какой ярости она сейчас находится. Она встает, забирает тарелки и начинает их мыть.

Раффл склоняет голову. — С вашего позволения, я удаляюсь в свою обитель.

Я поднимаюсь. — Ступай.

Лавиния поворачивается к нему. — Приходите еще, была рада знакомству. — Улыбка озаряет её лицо. Но этот свет длится лишь мгновение. Стоит Раффлу переступить порог, как тишина снова воцаряется в доме.

Прислонившись к дверному косяку, я наблюдаю, как она расставляет тарелки по местам. Если я приближусь, она уйдет… поэтому мне остается только смотреть на неё… пока я еще могу. Она ставит последнюю тарелку, оборачивается и проходит мимо, даже не взглянув на меня.

— Тебе нужно сменить повязку, Лавиния.

Она делает вид, что не слышит.

— Я знаю, что ты, возможно, никогда меня не простишь… но…

Она останавливается посреди коридора, поворачивает голову ко мне. Её глаза цвета неба снова берут меня в плен. Она ждет, когда я закончу фразу.

«Но что? Но я всё равно тебя предам? Но я использую тебя, потому что должен?»

— …у меня не было намерения причинить тебе боль, — признаюсь я.

Это правда. Я бы никогда этого не сделал. Ни сегодня, ни в будущем.

На её лице проступает легкая насмешливая улыбка, затем она отворачивается и уходит.

Вздыхаю. Мне не стоит желать её прощения. *Так даже лучше. Так будет проще. Мне будет легче обмануть тебя, если ты не простишь меня, Лавиния.*

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 10

Лавиния

Последние несколько дней я всеми силами старалась избегать Артура. Видеть его — значит злиться, а находиться рядом — чувствовать себя невыносимо глупой. Но я так и не потребовала, чтобы он ушел жить к Раффлу, хотя и слышала его предложение. И сам Артур об этом ни разу не заикнулся. Несмотря ни на что, я не могу перестать искать его взглядом на той самой скамейке у ресторана; несмотря ни на что, я не могу не готовить две чашки черничного чая по вечерам; несмотря ни на что, я могу уснуть только тогда, когда знаю, что он дома.

Несмотря ни на что… я не перестаю хотеть, чтобы он был рядом. И от этого я чувствую себя идиоткой.

Артур, с другой стороны, почти не бывает дома: уходит рано утром и возвращается поздно вечером. С тех пор как появился господин Раффл, в нем что-то надломилось. Роскошная машина увозит его неведомо куда на целый день, а когда вечером они возвращаются вместе, то постоянно шепчутся. Стоит мне подойти, они замолкают или меняют тему.

— Вы в прекрасной форме, синьорина Лавиния, — улыбается Раффл на пороге. Он никак не может перестать обращаться ко мне на «вы», хотя я тысячу раз просила его перейти на «ты». Но в его голове я, очевидно, неразрывно связана с его принцем.

— Спасибо, проходи. Хочешь чего-нибудь выпить?

Артур появляется за моей спиной. — Он ничего не будет пить. Он берет пальто с вешалки и, даже не взглянув на меня, выходит. — Не жди меня, — бросает он.

Всё идет в таком духе с самого его возвращения. По идее, это я должна быть злой, верно? Это я должна быть раздражена. Так почему же у меня такое впечатление, будто это он возводит стену, между нами, словно это я его ранила?

Мои сомнения растут с каждым днем, пока не наступают выходные. Прибавляю звук телевизора. *Снова метеопредупреждение.* Власти призывают граждан не покидать свои дома. Сообщения о закрытии ресторана и супермаркета подтверждают серьезность ситуации. В ближайшие три дня они будут недоступны.

Вздыхаю, кладу телефон на стол и растягиваюсь на диване, подтянув ноги к груди. *И что мне теперь делать?* Всего шесть вечера, время будто застыло, а снаружи настоящий всемирный потоп заливает каждый сантиметр земли.

Артур всё еще с Раффлом, обсуждают бог весть что. *Слышал ли он о штормовом предупреждении?* Внезапный стук заставляет меня повернуть голову вправо: через щель в оконной раме просачивается дождь. Встаю, ищу какой-нибудь прочный скотч, чтобы хоть как-то это заделать. Иду на кухню, нахожу его в ящике. Возвращаюсь в гостиную и встаю на цыпочки на стул, чтобы дотянуться до окна.

Это временное решение, хотя бы пока не утихнет буря. Отрываю кусок зубами, леплю на поврежденное место. Отрываю еще один и наклеиваю поверх первого. Но когда я тянусь выше, стул под моими ногами качается. Теряю равновесие и валюсь навзничь, тщетно пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь.

Закрываю глаза; свежий мускусный аромат щекочет ноздри. Мне не нужно открывать их, чтобы понять: Артур поймал меня на лету. Я знаю это, я чувствую. Чувствую его дыхание на моем лбу, запах мяты, чувствую, как его руки крепко сжимают меня. Я чувствую всё это.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Открываю глаза; медовые радужки пронзают меня в паре сантиметров от лица. — Ты могла пораниться.

Когда он вернулся? Я не слышала. Моргаю. — Знаю, я просто хотела…

— Просто?

Его напряженное лицо меня бесит. Почему он ведет себя так сурово? Будто я ему в тягость. Высвобождаюсь из его рук, беру стул и ставлю на место. *Невероятно.*

Он снимает пальто, бросает его на диван. На нем белая рубашка, слегка расстегнутая сверху. — Хочешь чего-нибудь выпить? — шепчет он.

Он правда меня об этом спрашивает?

Не дожидаясь ответа, он уходит на кухню, а когда возвращается, в руках у него два бокала и бутылка вина. *Откуда он её взял? Верный подданный Раффл снабдил?* С потухшим взглядом, лишенным всяких эмоций, он садится на ковер перед столиком. Наливает вино в оба бокала, затем опустошает свой одним глотком.

Трясет головой, глаза сужены, лицо нахмурено. Снова берет бутылку и наполняет бокал. Я хмурюсь. *Да что с ним такое?*

— Тебе не стоит так много пить… — шепчу я.

Он игнорирует мои слова, осушая второй бокал в мгновение ока. Я никогда не видела Артура таким — будто его терзает какое-то Зло, которое выпивает из него все силы. Когда он тянется, чтобы налить третий, я вмешиваюсь. Сажусь напротив, забираю бутылку из его рук и прижимаю к груди.

— Хочешь напиться в стельку? Ладно, но хотя бы постарайся, чтобы тебя потом не вывернуло… Ты пьешь слишком быстро. — Беру свой бокал и делаю маленький глоток. Кислый вкус заставляет зажмуриться. — Сделаем так. — Вытираю губы тыльной стороной ладони. — Будем задавать друг другу вопросы. Кто не отвечает — тот пьет. Идет?

Мне достаточно задавать ему простые вопросы, так он не будет пить слишком много и быстро. По крайней мере, пока не успокоится.

Он изучает меня взглядом. — Ты уверена?

Киваю. — Начнем. — Наполняю бокал. — Где ты проводишь время в последние дни, Артур?

Уголок его губ приподнимается. — С господином Раффлом.

— Твоя очередь, спрашивай.

Он недовольно качает головой. — Это и был твой вопрос?

Я не отвечаю. Жду, скрестив руки на груди. Он проводит рукой по волосам, прежде чем долго и пристально посмотреть на меня.

Вздыхает. — Хорошо. Почему ты не уедешь из этого дома?

Я хмурюсь. *Что он затеял?* — Ты и так знаешь почему, Артур. Ты должен задать вопрос, ответа на который не знаешь.

— А если из-за обстоятельств непреодолимой силы ты больше не сможешь здесь оставаться? — Он медленно поднимает на меня взгляд, и серьезность его лица заставляет меня оцепенеть.

— Я никогда не смогла бы жить в другом месте. Что это за вопрос?

— Что бы ты делала? — настаивает он.

— Ничего. Я бы ничего не делала, потому что я не сдвинусь с места, как не сдвигалась годами.

— Ни за что на свете?

— Ни за что на свете, — подтверждаю я. *Почему он так настаивает?*

— Теперь я: ты чувствуешь вину за то, что ты со мной сделал?

Я внимательно слежу за ним, пытаюсь расшифровать реакцию. Хочу понять, что скрывает его разум, какие мысли он мне не открывает, почему он стал совсем другим человеком. Хочу понять, почему он даже не попытался оправдаться. Будто он не хочет быть прощенным.

Он не встречается со мной взглядом, тянется к бокалу и, прежде чем я успеваю хоть слово сказать, выпивает его залпом.

Я приоткрываю рот. *Не могу поверить. Какого черта с ним происходит? Он не чувствует вины? Он бросил меня как ни в чем не, бывало, оставив письмо… точь-в-точь… как папа.* Сжимаю кулаки, глубоко выдыхая. Не нужно было мне садиться с ним, совсем не нужно было.

— Моя очередь. — Его голос охрип. — Ты меня ненавидишь?

Я тянусь к бутылке, наполняю бокал и пью. Артур молчит, не выказывая никакой реакции. *Что такое? Разочарован тем, что я не ответила, прямо как ты?*

— А ты… ты меня ненавидишь? — рискнула я.

— Это был мой вопрос.

— И что? Я не могу задать его тебе в ответ? — Опираюсь руками о стол, приближая лицо к его лицу. Артур отводит взгляд. — Ты меня ненавидишь, Артур? — повторяю я.

Он молчит. Это заставляет меня затаить дыхание на бесконечные секунды, которые кажутся минутами.

— Да, я тебя ненавижу. — Тон решительный, без тени сомнения. Его взгляд прикован к бутылке, он не смеет поднять его на меня.

Удар по лицу был бы менее болезненным. *Ненавидит меня. За что? Почему? Что я ему сделала?* У него даже нет смелости смотреть мне в лицо, когда он это говорит. Нет даже порядочности объясниться. К чему эта ложь? Я должна поверить, что он меня ненавидит вот так… ни с того ни с сего? Какой в этом смысл?

Беру бутылку, выливаю остатки в свой бокал, подношу к губам и выпиваю залпом.

— Если бы была возможность вернуть сюда твоего отца, чем бы ты была готова пожертвовать?

И это — тот «гениальный» вопрос, который он выдает после слов о ненависти? Сдерживаю истерический смех.

— Всем, — шепчу я.

— Всем, — повторяет он. Слегка кивает головой, словно я только что подтвердила его догадку.

— К чему эти вопросы об отце?

— Чтобы понять.

— Что понять, Артур?

Впервые с момента возвращения он поднимает на меня взгляд и не отводит его. — Ошибаюсь ли я.

Что?

Он больше ничего не добавляет, забирается на диван и ложится. Закрывает глаза рукой, оставаясь в таком положении без дальнейших объяснений. Я ухожу в свою комнату; нервы натянуты, а вопросов стало еще больше. *Что это значит?* Закрываю за собой дверь и ложусь в постель.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Из всех возможных вариантов я никак не ожидала чего-то подобного. Никогда бы не подумала услышать от него, что он меня ненавидит; не ожидала увидеть его таким далеким, даже когда он совсем рядом. Я его не узнаю…

— Он меня ненавидит, — шепчу я сама себе. — Почему?

Неужели он правда меня ненавидит?

Тук-тук-тук.

Медленно открываю глаза. *Я уснула?* Бросаю быстрый взгляд на настенные часы напротив. Девять вечера.

Тук-тук-тук.

Кто-то стучит.

— Лавиния.

Голос Артура прямо за дверью зовет меня. Спускаюсь с кровати, подхожу к двери и открываю её. У него покрасневшие глаза; он смотрит на меня так, будто удивлен тому, что я действительно стою перед ним.

— Ты звал меня? — спрашиваю я, стараясь, чтобы в голосе не проскользнуло ни тени слабости.

— Мне нужно уйти.

Я хмурюсь. — Уйти? Там штормовое предупреждение, Артур. На улице настоящий потоп.

— Я просто хотел предупредить тебя, — шепчет он, прежде чем развернуться и исчезнуть из виду.

Иду за ним в гостиную. Он берет пальто, надевает ботинки и шарф. *Он серьезно?* Перевожу взгляд на столик и замечаю, что бутылка вина пуста. Он выпил её целиком.

— Артур, — вздыхаю я. — Тебе нельзя сейчас выходить.

— А я всё равно это сделаю.

— Куда ты собрался в такой шторм? Ты вообще слышишь, что говоришь?

Он идет к входной двери, поворачивает ключ в замке и распахивает её. Порыв ветра вперемешку с дождем тут же бьет мне в лицо. *Похоже на настоящий буран.* Он переступает порог, не добавив больше ни слова. Я бросаюсь к нему и хватаю за руку.

— Можно узнать, что на тебя нашло? Тебе нельзя выходить. Это опасно! — кричу я, стараясь перекрыть рокот грома.

Он убирает мою руку со своего предплечья и выходит. *Он издевается надо мной?* Ладно, пусть он отстраняется, пусть говорит, что ненавидит меня — пусть что угодно. Но нельзя позволять ему подвергать себя опасности в состоянии, когда он не может здраво мыслить.

Быстро хватаю куртку, натягиваю ботинки и беру зонт у входа. Запираю дверь перед выходом. Холод обжигает кончик носа; раскрываю зонт, но с трудом удерживаю его в руках. Ливень настолько неистовый, что я промокаю в мгновение ока. Бегу за силуэтом Артура, но чем сильнее я пытаюсь его догнать, тем быстрее он идет.

— Артур! — кричу я.

Он сворачивает на пустынную дорогу, переходит улицу не глядя, совершенно не заботясь о дожде, который пропитал его насквозь. Он словно под гипнозом: не слышит меня, не замедляется и не останавливается. Улицы пусты, вокруг ни тени машины. Мы — единственные безумцы, вышедшие в такой шторм.

Он сворачивает за угол и исчезает из виду. Бегу изо всех сил, ищу его взглядом, но его нигде нет. *Куда он делся?* Дыхание сбито, волосы мокрые, руки ледяные, а губы становятся всё синее. В таком темпе я просто свалюсь с болезнью.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Если бы я только знала, куда он забив…

Прищуриваюсь. *Это шутка такая?* Подбегаю ближе. Артур стоит на городском мосту — том самом, что соединяет две главные дороги и возвышается над рекой. Тот же мост, с которого я спрыгнула в день нашего знакомства. Он балансирует на парапете, стоит без тени страха, раскинув руки, с отсутствующим выражением лица. Прижимаю руку к груди; меня охватывает паника.

— Немедленно слезай, Артур. Это не смешно.

Сколько бы я ни кричала, он не слышит меня, или, скорее… делает вид, что не слышит. Касаюсь его ноги, умоляя спуститься, но я для него — словно муравей, от которого только щекотно. Оглядываюсь: никого, ни души, кто мог бы мне помочь.

Может, вызвать полицию? Но тогда его не найдут в базах, и возникнут проблемы с его личностью. *Так, Лавиния. Ты справишься, ты разрешишь эту ситуацию.* Нужно просто выстоять и перестать вспоминать тот день. Глубоко вдыхаю.

Кладу зонт на землю, хватаюсь за железные перила и забираюсь к нему. Глубоко выдыхаю; тревога берет верх, когда я смотрю на реку под собой. Воспоминания о том ледяном дне нахлынули и парализовали меня.

«Всё хорошо, ничего не случится», — твержу я себе. Встаю на ноги, дрожа всем телом; сильный ветер испытывает мое равновесие на прочность, но мне удается устоять. Затаив дыхание, я приближаюсь к нему.

— Артур! — кричу я, хватая его за руку, крепко вцепляясь в его пальто.

Он поворачивает голову в мою сторону; его лицо совершенно мокрое. *Он плачет?* Кажется, из его глаз текут слезы. *Он плачет или это дождь?* Выражение лица больше не бесстрастное и не пустое. Оно печальное.

Артур глубоко опечален.

— Давай спустимся, пожалуйста. Я не хочу здесь находиться. Что бы ни случилось, мы со всем разберемся вместе, прошу тебя.

— Лавиния, — шепчет он почти со страхом.

Киваю. Дождь хлещет его по лицу, волосы намокли и прилипли ко лбу, но губы всё еще сохраняют розовый оттенок.

— Ты сможешь когда-нибудь меня простить?

Простить его?

— Артур, ты ради этого залез на мост? Я прощаю тебя, а теперь давай спустимся… умоляю.

— Поклянись, — настаивает он.

— Клянусь тебе.

Он слабо кивает. Я вздыхаю с облегчением, когда вижу, что он наклоняется, чтобы спуститься. Неужели весь этот спектакль был из-за того, что он не мог попросить прощения? Может, я была слишком сурова с ним? С тех пор как он вернулся, я не подпускала его к себе ни на сантиметр. Да, он стал холоднее, но и ко мне самой было не так-то просто подойти.

Я была слишком строгой. И я сама довела его до этого. *«Глупая Лавиния».*

Внезапный раскат грома заставляет меня потерять равновесие, я хватаюсь за плечи Артура. Он подхватывает меня на руки, ладонью прижимает моё лицо к своей шее, не давая мне поднять голову.

Я больше ничего не вижу.

Чувствую только воздух вокруг, а затем внезапно вода заливает мне легкие, заставляя задержать дыхание.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Тьма. Самая глубокая тьма.

Открываю глаза и чувствую, как их печет; пытаюсь вырваться из его объятий, но он держит меня, прижав к груди, словно от этого зависит его жизнь. Я бьюсь в воде, чувствую, как дыхание исчезает, а все мышцы каменеют. Голова раскалывается; пытаюсь выплыть на поверхность, но не нахожу сил.

Артур прижимает меня к себе и гребет вверх, таща за собой. Я кашляю, меня сотрясает дрожь, руки крепко сцеплены на шее Артура; кажется, я не могу вдохнуть ни капли кислорода. Жажда воздуха, недоверие, страх, ужас и смятение. Всё это одновременно.

Он быстро вытаскивает меня на берег. Почувствовав под собой твердую землю, я впиваюсь в неё пальцами, не веря своим ощущениям. Артур укладывает меня, а затем сам падает рядом; его дыхание прерывистое и частое. Нас обоих сотрясает сильная дрожь.

Вокруг стоит оглушительный шум.

Вой сирен, топот ботинок вооруженных до зубов агентов, бесконечные черные машины и рокот вертолетов в небе.

«Что… что происходит?»

Пытаюсь подняться, но резкая боль пронзает висок, заставляя остаться на месте. Задыхаясь от страха и недоумения, я оглядываюсь. Зрение слегка затуманено; я тру глаза рукой, прежде чем удается сфокусироваться.

Артур уже на ногах, в нескольких шагах от меня, он говорит с какими-то полицейскими. *«О нет, если его заберут в участок, они поймут, что у него нет документов. Нужно вста…»*

Какой-то юноша бежит к нему и крепко прижимает к себе… будто боится снова потерять. Они остаются в этом объятии несколько минут. Я в недоумении вскидываю бровь. Только сейчас я замечаю: дождя нет, небо кажется ясным, а вокруг нас — полсотни агентов, которые обыскивают каждый сантиметр. Желтые ленты перекрывают доступ к зоне, и даже кинологи с собаками готовы к действию.

Шеренга солдат вырастает перед Артуром. Все они склоняют головы и замирают в поклоне на несколько секунд. Затем один из них с гордым видом произносит немыслимую фразу:

— Принц Артур, наследник престола, вернулся к нам. Слава небесам!

— Слава небесам! — эхом повторяют солдаты хором.

Я встаю, и сердце колотится где-то в горле.

«Минутку…»

Я прищуриваюсь: полиция, солдаты, вертолеты…

«Всё не так, как я думаю. Это не может быть тем, о чем я думаю».

Артур переводит взгляд на меня, подтверждая все мои худшие подозрения. Я открываю рот и отступаю на несколько шагов. Его глаза полны вины, которую я не в силах вынести. *«Ты сможешь когда-нибудь меня простить?»* Теперь все слова, все его бессмысленные фразы обрели ясность. Теперь я сложила этот пазл.

Он столкнул меня в реку, чтобы попасть сюда.

Он вырвал меня из моего мира.

Он разлучил меня с папой.

Он мне лгал.

Он… меня обманул.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

С повлажневшими глазами и яростью, которую я не могу ни выразить, ни измерить, я бросаюсь прямо к Артуру. Гвардейцы напрягаются, солдаты растерянно переглядываются, но, несмотря на то что я окружена толпой вооруженных людей, я делаю то, чего требует моё нутро. То, что позволяет выплеснуть хотя бы малую часть моего гнева.

Я вскидываю руку и быстрым движением наношу ему удар по щеке. — Ты ублюдок, кусок дерьма и лжец, — произношу я сквозь стиснутые зубы.

В мгновение ока на меня наставляют сотни стволов, я оказываюсь в прицеле лучших солдат страны, но мой взгляд прикован только к одному человеку.

К парню, который убил меня дважды: первый раз — спасая от жизни, которую я больше не хотела, и второй — лишив меня жизни, которой я всё еще дорожила.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 11

Лавиния

Ярость и разочарование смешиваются в огненном дыхании; я сгораю от желания уничтожить всё, что вижу. Мне хочется проснуться от этого кошмара, осознать, что это просто глупая шутка. Но это не так.

Совсем не так.

Я окружена стеной из солдат, готовых открыть огонь.

— Не двигаться! — рявкает один из них.

— Руки вверх.

Их оружие, наставленное на меня, отходит на второй план, потому что мой взгляд прикован к парню напротив. К тому, кому я доверилась и кто мне солгал, кто использовал и обманул меня.

Артур вскидывает руку, подавая знак солдатам опустить оружие.

— Ваше Высочество, это опасно…

Он поворачивается к ним: — Никто не смеет даже пальцем её тронуть. Я ясно выразился?

Они подчиняются с явной неохотой.

Рука, которой я ударила его по щеке, ноет так сильно, что становится больно. Сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладонь. Дыхание сбито, а в глазах полыхает огонь, который я не могу ни выплеснуть, ни погасить.

Двое солдат тащат меня к черной машине, а у Артура даже не хватает смелости посмотреть мне в глаза. *Трус.* Сажусь в салон, рядом со мной устраивается охранник, вооруженный до зубов; он тут же приказывает водителю трогаться. Дорога летит перед моими глазами, полными недоверия и шока. За весь путь я не проронила ни слова: я застыла где-то между ступором и осознанием реальности.

— Возьмите, синьорина. Вам, должно быть, холодно.

Поднимаю голову. *Холодно?* Я даже не заметила промокшую насквозь одежду, дрожь, от которой стучат зубы, и капли воды, стекающие с волос. Охранник протягивает мне белое одеяло; я беру его и кутаю плечи.

— Могу я узнать… куда мы едем?

— Во дворец, синьорина. Принц возвращается домой, весь королевский двор ждет его.

Всё хуже и хуже. Запускаю руки в волосы, чувствуя, как воздух покидает мои легкие. *Я в другом мире.* Глубоко выдыхаю. *Я никогда не найду дорогу к своему дому.*

— Вам что-нибудь нужно?

— Я хочу выйти.

Он качает головой: — О, мне жаль, но мы должны сопроводить вас во дворец. Приказ принца Артура.

Принц Артур. Какое безумие. Пытаюсь открыть дверь, дергаю за ручку, но она заблокирована. Закатываю глаза.

— Простите меня, но принц дал четкий приказ не отпускать вас…

Серьезно?

— Он всего лишь паяц, трус, ничтожное и бессердечное существо. На что вы уставились? Меня что, посадят в тюрьму? Давайте, арестуйте меня. Поехали в полицию.

Он ошарашенно моргает от моих слов. Обменивается коротким взглядом с водителем, затем откашливается и отворачивается к окну. Раздражение, которое я чувствую, невозможно даже измерить. *Я хочу убраться отсюда.*

Машина замедляется, перед нами распахиваются внушительные ворота, и впереди вырастает вилла имперских масштабов. Справа и слева стоят два ряда гвардейцев — чопорных и невозмутимых. Все вооружены, на всех черная форма с золотыми пуговицами. Позади нас едут другие черные внедорожники, в одном из которых наверняка везут Артура.

Машины, включая нашу, останавливаются возле сада. Охранник, сопровождавший меня, выходит и встает по стойке «смирно» у моей двери. Пытаюсь открыть её, но тщетно. Она всё еще заперта.

Это шутка такая?

Водитель бросает на меня насмешливый взгляд через зеркало заднего вида. — Сначала должен войти Его Величество, только потом мы сможем двигаться, синьорина.

Почему он говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся? Улыбается мне, как наивному ребенку.

Снова дергаю ручку. — Послушайте, я хочу уйти. Я не собираюсь входить во дворец следом за «Его Величеством», скорее наоборот. Я пойду в противоположную сторону, поверьте мне. Вы разблокируете дверь или вам отрубят руку, если вы это сделаете?

Он кивает: — Руку — это если мне повезет. Его Высочество особо просил не давать вам уйти. Мне жаль, синьорина…

— Лавиния, — шепчу я сквозь зубы.

Он издевается надо мной.

Трясу головой, задыхаясь от ярости, которую даже не на кого выплеснуть. Черный внедорожник останавливается в центре площадки, охранник открывает заднюю дверь, и оттуда выходит Артур. Гнев закипает во мне с новой силой; чем больше я смотрю на него, тем сильнее недоумеваю: как я могла так дать себя обмануть? На его плечи накинуто одеяло, его тут же окружает свита. В мгновение ока они поднимаются по лестнице и входят в здание, исчезая из виду.

Дверь передо мной распахивается, и волна холода заставляет меня вздрогнуть. — Прошу вас, я провожу.

Выхожу из машины, сжимая в руках белое одеяло под взглядами солдат, которые смотрят на меня как на потенциальную террористку. Вижу троих охранников у ворот и еще пятерых по всему периметру. *Сбежать невозможно.* Иду с опущенной головой по ступеням к тяжелой деревянной двери.

— Это черный ход, парадный сейчас осаждают журналисты. Прошу, сюда. Я открываю рот от изумления. *Это всего лишь черный ход?* Совершенно сбитая с толку, иду за ним по коридору, застеленному ярко-красной ковровой дорожкой. Белые стены увешаны картинами — бесконечная череда семейных портретов. Охранник сворачивает за угол и замирает в благоговейном молчании. Догнав его, я смотрю туда же: передо мной раскинулась огромная гостиная с гигантскими витражными окнами. С потолка свисают изысканные золоченые люстры, а пространство очерчивает круглый бордовый ковер. Эту комнату тоже охраняют солдаты.

Прищуриваюсь и узнаю золотистую шевелюру Артура; с такого расстояния я вижу только его спину. К нему подходит мужчина с седыми волосами в элегантном костюме,

его глаза блестят от слез. — Сын мой, — шепчет он сорвавшимся голосом. Обнимает его, крепко прижимает к себе, пока слеза катится по щеке. — Я думал, ты погиб.

Артур гладит его по спине: — Папа.

Этот человек — его отец? Король Давид, о котором он упоминал.

Охранник жестом велит мне идти дальше по коридору, прикладывает палец к губам, призывая к тишине. Следую за ним мимо роскошных украшений, парчи и старинных фарфоровых ваз. Мы поднимаемся по лестнице, и он останавливается перед закрытой дверью, поворачивает ручку и приглашает меня войти. — Это ваша комната. Скоро придет придворная дама, она всё объяснит и принесет подходящую одежду. — Он застывает передо мной. — Входите.

А я-то надеялась улизнуть немедленно.

Переступаю порог и замираю. Комната размером с мой дом. Белые простыни укрывают огромный матрас с разбросанными золотистыми подушками. За кроватью высится серый встроенный шкаф. Солнечный свет пробивается сквозь окно, освещая часть комнаты с кожаным диваном и столиком, на котором лежат журналы. Дверь в углу ведет в ванную. Позади меня закрывается дверь. *Наконец-то он ушел.* Жду несколько секунд: мне нужно просто тихо выйти и сбежать отсюда. Поворачиваю ручку, распахиваю дверь — и натыкаюсь на того же охранника. Он смотрит на меня в замешательстве.

— Вам что-нибудь нужно, синьорина?

— Вы будете тут стоять?

Он кивает.

Выдавливаю натянутую улыбку: — В этом нет нужды, я в порядке.

— Это приказ, синьорина Лавиния.

Фыркаю и закрываю дверь. Приказы. Мне ничего этого не нужно. Я не хочу быть здесь, пока Артур играет в королевскую семью. Я хочу домой — в тот разваливающийся дом, полный дыр, с текущим краном и полупустым холодильником. *Если я вернусь к реке… может, я смогу… смогу уйти.* Подхожу к окну, отодвигаю штору и распахиваю створку. Прыгать нельзя — слишком высоко. Метра три-четыре до земли. Внизу газон, а сбоку дорожка, ведущая к воротам. Двое охранников стоят спиной, патрулируя зону. *Нужно найти что-то, чтобы спуститься без шума и ускользнуть.* Оглядываюсь на кровать, подхожу и срываю простыню. Скручиваю её, привязываю конец к оконной ручке, крепко затянув узел, и выбрасываю в окно. *Мне нужно спуститься хотя бы до середины, а там я смогу спрыгнуть.* Забираюсь на подоконник, глубоко вдыхаю и хватаюсь за импровизированный канат; мои ноги скользят по стене.

— Еще немного ниже…

Ладони горят, я тяжело дышу и стискиваю зубы. Осталось совсем чуть-чуть. Опускаю взгляд и замечаю приоткрытое окно прямо под собой. *«А если меня кто-нибудь увидит?»* Нужно спускаться без колебаний. Я соскальзываю слишком быстро, пролетаю мимо окна нижнего этажа, но простыня выскальзывает из рук. Вытягиваю пальцы и вцепляюсь в подоконник; ноги болтаются над пустотой. Мышцы рук натянуты до боли, я стону. *«Долго не продержусь. Так я просто рухну вниз».* Окно над моей головой распахивается, и парень с темными волосами высовывается наружу, вытаращив глаза. — Какого черта… — бормочет он.

Он протягивает руку и втягивает меня внутрь, к себе. Перелезаю через подоконник и валюсь на пол. Поднимаю взгляд: я оказалась в спальне, которая раз в десять больше той, где была до этого.

— И кто же ты такая? Зачем ты лезла в моё окно?

Белый свитер облегает его грудь; он проводит рукой по волосам и хмуро смотрит на меня. *Где я его уже видела?*

— Я уже ухожу, не волнуйся. Прости за беспокойство. — Разворачиваюсь к окну и смотрю вниз. *Всё еще слишком высоко…* Нужно спускаться как-то иначе.

— Ты сумасшедшая? Я вызываю стражу.

Я резко оборачиваюсь, бросаюсь к нему и оказываюсь в паре сантиметров от двери. Раскидываю руки, задыхаясь. — Мне ничего от тебя не нужно. Я просто хочу убраться отсюда, — признаюсь я. — Пожалуйста, не зови никого.

— О, ну конечно. Сумасшедшая, которую я нахожу висящей на моем окне, совершенно ничего от меня не хочет.

— Именно.

Забавная улыбка пробегает по его лицу. Он чешет затылок, прежде чем взглянуть мне в глаза. — Ты ведь не знаешь, кто я, верно?

— Ты тоже не знаешь, кто я. Так как насчет того, чтобы дать мне спокойно спуститься?

Он качает головой. — Дело в том, что я не уверен, что могу это сделать. Видишь ли, я, кажется, понял, кто ты, но ты и понятия не имеешь, кто перед тобой.

Я прищуриваюсь. *Только не говорите мне, что этот парень… его брат.*

— Я прин…

— Эдоардо, — вздыхаю я. — Ты брат Артура.

У него то же лицо и те же черты, что и у того парня, которого мы с Артуром встретили на улице в моем мире. Та знаменитость, от вида которой он пришел в шок, — точная копия его брата. Теперь, когда я присматриваюсь, они действительно идентичны. *Поразительно.* Разница лишь в стиле: этот Эдоардо изыскан, элегантен; тот был куда более небрежным и бунтарским. Он улыбается: — А ты, должно быть, та девушка, с которой он прибыл.

— У меня есть имя! — огрызаюсь я. — Но это не важно. Ваше Высочество, я исчезаю. Никого не зови.

Улыбка Эдоардо становится шире, будто он надо мной издевается. Когда я оборачиваюсь, я понимаю почему.

Артур стоит передо мной, скрестив руки на груди. Он переоделся, на нем сухая одежда — в отличие от меня. Черная облегающая футболка подчеркивает мускулы; золотистые кудри зачесаны назад с помощью геля, на запястье сияют серебряные часы. *Он кажется совсем другим человеком.*

Он переводит взгляд мне за спину: — Оставь нас. Я сам разберусь.

— Да, Эдоардо. Оставь нас, чтобы я могла влепить ему еще одну пощечину, не боясь нарушить закон и угодить за решетку.

— Что? Ты ударила его? — Он округляет глаза. — И ты еще жива?

Артур кладет руку ему на плечо и шепчет что-то на ухо, чего я не могу разобрать. Брат слегка кивает и оглядывает меня так, будто я окончательно лишилась рассудка.

— Что такое? На меня нужно надеть наручники? В вашем сказочном королевстве у женщины нет права выбирать, где ей находиться? — повышаю я голос. — Ах да… я и

забыла: у вас есть право обманом сталкивать людей с моста и силой удерживать их в воде.

— Сталкивать куда? — переспрашивает Эдоардо.

Артур стискивает челюсть. — Хватит.

— А то что? Что ты мне сделаешь? Снова попросишь прощения, прежде чем причинить новую боль? У вас так это работает?

Ярость, ненависть и обида жгут мне грудь, перехватывая дыхание. Артур обходит брата и приближается почти вплотную к моему лицу. Его холодная маска дает трещину, обнажая нежность. Я узнаю Артура из своего измерения — того, кто чинил папину скамейку, кто провожал меня на работу, кто защищал меня, кто готовил мне еду и наполнял мой холодильник.

Я узнаю его по медовым глазам и по той печали, что искажает каждую черточку его лица.

— Эдоардо, ты можешь оставить нас одних? — шепчет он.

Брат отходит. Открывает дверь и выходит, закрывая её за собой.

— Лавиния, — произносит он моё имя так бережно, будто боится его испортить.

Я сжимаю руки в кулаки. — Ты мне лгал, — шиплю я.

Он смачивает нижнюю губу. — Я знаю…

— Ты использовал меня.

Он кивает.

— Ты предал меня, Артур. — Я с трудом сдерживаю слезы, которые жгут глаза, стремясь вырваться наружу.

Он делает глубокий вдох и проводит рукой по шее, будто ему не хватает кислорода. *Абсурдно: это я здесь задыхаюсь. Не он. Я.*

— Ты с самого начала решил принести меня в жертву… ведь что терять? Ничего. Такое существо, как я, было идеальной жертвой. Без семьи, без проблем, никого вокруг и…

— Хватит! — Он тяжело выдыхает. — Я никогда так о тебе не думал. Никогда, Лавиния. Никогда.

— Ах, нет? — я нервно улыбаюсь. Каждая клеточка моего тела напряжена, покалывание в руках становится невыносимым, а кровь кипит в жилах.

— Нет. Клянусь тебе. Я был вынужден, здесь меня считали мертвым… ты понимаешь? На мне целая нация, я должен защищать брата, должен быть опорой отцу и… — он осекается, его взгляд замирает на моей щеке.

Слеза катится вниз, касаясь подбородка; я смахиваю её ладонью. — И я не была в приоритете. Я правильно понимаю?

Горечь, которую я чувствую, пожирает мой желудок, она бьет по мне так сильно, что я больше не могу сдерживать слезы. Они текут по щекам одна за другой. Артур опускает взгляд с выражением полного бессилия.

— Я, Артур, — человек! — Я тычу пальцем в свою грудь. — Я не король, не принц и не нация… но я человек с чувствами и правами. И ты растоптал их все. Все до единого. Ты не можешь бросить меня, оставив письмо, ты не можешь обращаться со мной как с вещью!

Он качает головой. — Замолчи, прошу тебя, — шепчет он, будто мои слова пытают его.

Моя нижняя губа дрожит. — У меня было право жить так, как я хотела, пусть даже моя жизнь не была такой величественной, как твоя.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

В дверь стучат, я быстро вытираю слезы. В комнату врывается дама, а за ней — пять девушек. На всех черные юбки и белые рубашки с золотыми пуговицами. Волосы идеально собраны в пучок на затылке, ни одна прядь не выбилась.

Дама — единственная, кто осмеливается поднять голову на Артура, остальные девушки не сводят глаз с пола. Голубые радужки на овальном лице, алые губы и маленькая золотая брошь на рубашке у ключицы.

— Я слышала, наша гостья сбежала по простыне, спустилась из окна и оказалась в спальне Его Высочества Эдоардо. Это правда?

Артур делает глубокий вдох, прежде чем обернуться. Словно за одну секунду он способен сменить личность. Лицо становится бесстрастным, и вот он снова входит в роль принца.

— Произошло недоразумение. Прошу тебя, позаботься о ней, Дама. Она для меня — особая гостья.

— О… разумеется. — Женщина бросает на меня взгляд, оценивая мою одежду с выражением крайнего отвращения. — Вам нужно переодеться, дорогая…

Она ждет, пока я закончу её фразу. — Мне нужно убраться отсюда, — поправляю я её.

Она в замешательстве моргает. Артур изнуренно вздыхает. — Дай ей сухую одежду, покорми и проводи обратно в её комнату.

Она склоняет голову: — Слушаюсь, Ваше Высочество.

Артур направляется к двери, поворачивает ручку и выходит. Придворная дама что-то говорит мне, но я её не слышу. Разочарование пожирает меня изнутри, отрезая от реальности. Я следую за Дамой на верхний этаж, служанки идут следом за нами. Мы проходим по лестницам, украшенным роскошными красными коврами и золотым декором.

— Я всё еще не до конца понимаю, что произошло, но из того малого, что мне удалось уяснить — вы иностранка. Из какой страны вы прибыли, синьорина…?

Она открывает дверь комнаты, в которой я была раньше.

— Лавиния, — шепчу я, входя внутрь. Прежний охранник бросает на меня сочувствующий взгляд, к нему присоединился еще один вооруженный солдат. *«Усилил охрану, чтобы я не сбежала?»* Я в ярости сжимаю кулаки. Одна из девушек закрывает дверь за нашими спинами, а другая кладет на кровать черную юбку и белую рубашку.

— Итак, Лавиния. Из какой страны вы прибыли?

Я отвожу взгляд. Как мне объяснить ей, что я из параллельной вселенной, а её обожаемый принц вырвал меня оттуда из чистейшего эгоизма? Вздыхаю, подхожу к кровати и беру одежду, которую мне приготовили.

— Я хотела бы принять душ, если позволите.

Она улыбается. — О, разумеется. Вы наша гостья, не стесняйтесь сообщать о любых просьбах страже за дверью. Ужин вам принесут прямо в номер.

Я киваю. Она смотрит на меня так пристально, будто хочет прочитать мысли. — Это всё? — спрашиваю я.

— На данный момент — всё. Вы кажетесь слишком изнуренной, чтобы слушать то, что я должна вам сказать, но, думаю, вы осознаете: прыгать из окон нельзя, а главное — нельзя вторгаться в личное пространство Их Величеств. На этом всё, доброго вечера.

«Вторгаться куда?» Они выходят из комнаты, закрывая дверь. Закатываю глаза. *«Куда, черт возьми, я попала?»* Отодвигаю штору и замечаю, что стражников

расставили даже под моим окном. *«Мне нечем дышать».* Задергиваю штору и скрываюсь в ванной. Горячий душ поможет прояснить мысли и немного успокоиться. Если я хочу отсюда сбежать, мне нужно перестать походить на зомби или воровку. Я затеряюсь среди них и рано или поздно выберусь. Я справлюсь. Я еще смогу вернуться домой.

Теперь я понимаю, почему Артур привык подолгу принимать ванну: это место больше похоже на частный спа-салон, чем на обычную душевую. Тщательно вытираюсь и натягиваю длинную облегающую юбку — она настолько узкая, что я едва в неё втискиваюсь. Надеваю белую блузку и заплетаю волосы в косу, доходящую до лопаток. Складываю мокрую одежду в корзину и выхожу. Стоит мне сделать шаг из ванной, как в дверь стучат.

— Войдите, — шепчу я.

В дверях появляется молодая придворная девушка. — Надеюсь, я не помешала вам, синьорина Лавиния.

Я помню, любезная Придворная дама говорила, что мне принесут ужин. Должно быть, это он.

— Вас что-то не устраивает?

— Всё хорошо, спасибо.

— Прекрасно, — кивает она. — В таком случае, следуйте за мной.

Я вскидываю бровь. — Куда?

— Король пригласил вас отужинать с королевской семьей. Он желает познакомиться с вами лично.

«Отец Артура? И что мне теперь наплести?»

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 12

Лавиния

Я иду за девушкой по коридору, и тревога пожирает мой желудок. *«Как мне себя вести? Что говорить?»* Я понятия не имею, что наплел Артур и почему его отец теперь хочет меня видеть. Если бы я только могла раствориться в воздухе. Мы спускаемся по лестницам; с каждым шагом дворец кажется всё огромнее. Поднимая взгляд к потолку, я замечаю, что на каждом углу установлены камеры наблюдения. *«Тюрьмы охраняются меньше».*

Девушка останавливается перед двойной деревянной дверью, которую охраняют двое вооруженных до зубов гвардейцев.

— Гостья, которую желал видеть Король, здесь, — объявляет она.

Гвардеец кивает, подносит руку к наушнику. — Девушка прибыла. Пропускать?

Менее чем через две секунды приходит ответ. Он делает знак коллеге открыть дверь. Створки распахиваются, и у меня перехватывает дыхание от величественного зрелища. Я замираю на месте.

В центре зала стоит длинный стол, украшенный цветами и сияющей посудой; по бокам замерли придворные лакеи с блюдами и бутылками вина в руках. Король восседает во главе стола, а рядом с ним стоит лысоватый мужчина в пиджаке и галстуке. Король потягивает вино из бокала и поглаживает седую бороду. Короткие белесые волосы, тонкие губы и густые брови. От него исходит почти осязаемая аура власти. Справа от него сидит Артур, слева — Эдоардо.

Гвардеец отодвигает мне стул. — Прошу. — Делаю глубокий вдох, сажусь; нервы натянуты, сердце колотится как безумное.

— Подайте гостье ужин. — Хриплый голос Короля нарушает тишину. В мгновение ока передо мной выставляют порции курицы, говядины, салата и рыбных рулетов. Официант наполняет мой бокал вином.

Я удивленно приоткрываю рот, перевожу взгляд на Артура, но он кажется полностью сосредоточенным на своей тарелке и хранит молчание.

Король улыбается: — Мы точно не знаем, что тебе по вкусу и нет ли у тебя аллергии, поэтому я велел приготовить всего понемногу. Угощайся.

Киваю. — В этом не было необходимости, — бормочу я так тихо, что слышу себя только я сама.

Он поднимает бокал: — Что ж, можем приступать. Приятного аппетита.

Лысоватый мужчина повязывает белую салфетку вокруг шеи Короля. Артур берет нож и вилку, принимаясь резать мясо, Эдоардо делает то же самое. *«Они ждали меня?»* Протягиваю руку, беру бокал и делаю глоток вина, который немного успокаивает нервы. Затем еще один и еще — в два счета я опустошаю бокал. Официант тут же наполняет его снова. Поднимаю голову и натыкаюсь на ледяной взгляд Артура. Он с укором смотрит на мой бокал.

Король откашливается: — Итак, сын рассказал мне всё.

Перевожу всё внимание на него. — Ах, вот как? *«Что именно он ему рассказал?»*

— Мы прочесали каждый сектор, каждый уголок нашей территории… но так и не смогли его найти. Это большая удача, что ты оказала ему помощь после инцидента.

— Инцидента? — переспрашиваю я, бросая растерянный взгляд на Артура. — О чем вы?

Король промачивает губы салфеткой. — Артур прыгнул с моста, чтобы спасти женщину, но при этом ударился головой, потерял сознание и память. Скажем так, мой сын слишком печется о безопасности своих подданных, но порой бывает излишне импульсивен. Но ты проявила себя как образцовая гражданка, и мы никогда не сможем тебя отблагодарить сполна. Ты проходила по берегу реки и оказала ему помощь. Ты не могла знать, кто он, но приняла его в своем доме и сделала всё, чтобы помочь ему вернуть память, не ожидая ничего взамен.

«Так вот что он наплел. Ложь. Конечно, кто бы поверил в существование двух параллельных миров…»

— Это было меньшее, что я могла сделать, — бормочу я, с трудом сглатывая.

— Лавиния, верно? — голос Эдоардо заставляет меня повернуть голову вправо. Две темные радужки пристально изучают меня. С трудом сглатываю и киваю. — Где ты работаешь? Чем занимаешься в жизни? Где живешь?

Лавина вопросов обрушивается на меня. Я прячу руки под стол, сжимая их так сильно, что ногти впиваются в ладони.

— Я… — бормочу я.

Артур ставит бокал на стол. — Это не допрос. Дай ей отдохнуть, завтра сможешь спрашивать о чем угодно.

— И как вышло, что его нашла именно ты, а не спасатели, вызванные водителем? Знаешь, это странно.

Он подозревает меня, он не верит в версию, которую Артур изложил отцу. Но зачем подставлять брата перед Королем? Зачем втягивать меня в это? Боже, я просто хочу уйти отсюда.

— Не знаю. Я никого не видела… может, они искали не там, или приехали слишком поздно, — лгу я.

Выдыхаю, выпуская воздух, хватаю бокал вина, подношу к губам и делаю глоток.

Эдоардо открывает рот, чтобы задать еще один вопрос, но Артур вовремя его прерывает: — Мы ведь не хотим допрашивать гостью в первый же вечер её пребывания, папа. Она измотана, дай ей отдохнуть. Детали обсудим завтра.

Король кивает: — Разумеется. Лавиния, ты наша гостья, и добро пожаловать во дворец. Завтра вечером состоится праздник в честь возвращения принца Артура; само собой, ты приглашена, и возражения не принимаются.

«Только праздника мне не хватало». Мне нужно выбраться отсюда до завтрашнего дня, нужно вернуться в мой мир, в мой дом. Подальше отсюда и от этой реальности.

Лысоватый мужчина рядом с Королем наклоняется и что-то шепчет ему на ухо. — Простите меня, долг зовет. Лавиния, — он озаряет меня сияющей улыбкой, снимая салфетку с шеи, — я буду рад видеть тебя завтра вечером на празднике и узнать больше о женщине, которая спасла моего сына. А пока наслаждайся пребыванием во дворце и дай нам знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Я не успеваю ответить: его уже уводят пятеро гвардейцев из столовой. Лысоватый мужчина следует за ним. Когда двери закрываются, между нами воцаряется тишина. Нас осталось только трое: я, Артур и Эдоардо. Не считая, конечно, официантов, замерших по краям стола с блюдами в руках. *«Всё это так сюрреалистично».*

— О чем ты мне недоговариваешь, брат?

Артур отрезает кусок мяса и подносит к губам. — Ни о чем.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я поверил в эту чушь? Ладно, тогда как вышло, что мы нашли вас мокрыми на берегу реки?

— Я уже сказал тебе. Я прыгнул в воду, чтобы попытаться вернуть утраченные воспоминания, пережив ту же ситуацию. Лавиния пошла за мной, чтобы помочь.

— И ты думаешь, я это проглочу? Хотя о твоем исчезновении не объявляли публично, чтобы не волновать население, поиски велись по всей округе, и от тебя не было ни следа.

— Лавиния живет в сельской местности, в изолированном месте девяносто первого сектора, и её дом очень далеко от реки. Я уверен, что поиски туда просто не дошли.

Артур продолжает спокойно есть, не обращая внимания на напряжение в разговоре. Медленно жует, сглатывает и потягивает вино. Я — единственная, кто на грани истерики. *«Лучше вернусь в свою комнату».* Встаю и направляюсь к деревянным дверям, но гвардейцы не открывают их, а когда я пытаюсь подойти ближе, они преграждают мне путь.

— Что ты пытаешься сделать? — голос Эдоардо заставляет меня обернуться.

— Выйти отсюда. Я не голодна.

Официанты по краям зала обмениваются растерянными взглядами.

Эдоардо хмурится: — Видишь? Эта девчонка слишком странная. Она даже не знает дворцового этикета! Его ведь в начальной школе преподают.

Артур промакивает губы салфеткой. — Лавиния училась не здесь, а за границей. Она не знает этих правил, Эдоардо. — Он переводит взгляд на гвардейцев. — Пропустите её, — шепчет он, и двери распахиваются.

Я только хлопаю ртом, возмущенная этим безумием. Он не только вырвал меня из моего мира, но еще и требует, чтобы я лгала, втягивая меня в свою паутину лжи. С досадой качаю головой и выхожу, но голос Артура меня останавливает:

— Проводите её в комнату.

Поворачиваюсь к нему. Апатичный, ни капли эмоций в голосе, глаза прикованы к тарелке. *«Манекен, раздающий приказы направо и налево».* Двое гвардейцев пристраиваются ко мне, один справа, другой слева, и во мне закипает ярость.

***

Уже за полночь. Теперь я могу сбежать отсюда, из этого бессмысленного заточения. Медленно приоткрываю дверь и выглядываю в коридор. Там только один охранник, он не смыкает глаз и даже не моргает. Вздыхаю. *«Нужно заставить его уйти оттуда».* Идея вспыхивает в голове молнией.

— Простите!

Охранник поворачивается ко мне. — Вам что-нибудь нужно, синьорина?

— Да… я… я видела насекомое в ванной. Не могли бы вы от него избавиться? Я маскирую свои намерения самым ангельским и безобидным выражением лица, какое только могу изобразить. Охранник следует за мной в ванную и, оказавшись внутри, внимательно осматривает каждый угол.

Медленно отступаю, пока не выхожу из комнаты. Бегу по коридору, сворачиваю направо, затем налево. Кажется, я в огромном лабиринте. Прохожу мимо кухни и прижимаюсь к стене, когда мимо проходит горничная.

«Где, черт возьми, выход из этого ада?!»

Урчание в животе совсем не помогает в этой ситуации. Продолжаю идти по коридору, пока не упираюсь в две лестницы: одна ведет направо, другая налево. *«И*

что теперь?» Позади эхом отдаются шаги, времени нет. Спускаюсь налево и попадаю на площадку без выходов, где есть только закрытые двери. Тяжело дышу, лицо искажается гримасой боли. Колени горят — раны от падения с велосипеда еще не затянулись. *«Нужно замедлиться».* Бормотание приближающихся гвардейцев заставляет меня вздрогнуть. *«Они прямо за мной».*

Внезапно меня резко дергают назад, ноги скользят по полу. Одна рука зажимает мне рот, другая подхватывает за бок. Замираю, сердце колотится в горле, а вокруг разливается знакомый аромат. *«Минутку… это он».* Моргаю: я прижата спиной к стене, а Артур наваливается на меня всем телом. Он прищуривается, глядя на приоткрытую дверь. Когда шаги затихают, он ослабляет хватку, поворачивает голову и упирается рукой в стену рядом с моим ухом.

Он бросает на меня укоризненный взгляд. — Ну?

— Я хочу домой.

Он качает головой. — Ты ведь поняла, да? Ты в другом мире. Если ты что-то сделаешь не так, я не смогу тебя… — он осекается.

— Не сможешь спасти мне жизнь? Может, тебе стоило подумать об этом раньше, прежде чем затаскивать меня сюда обманом?

Он опускает взгляд на мои губы, затем снова смотрит в глаза. — Ты не понимаешь.

— И не хочу понимать, ясно? Отпусти меня, — повторяю я. — Я не хочу здесь быть. Мне плевать на ваши законы и обычаи… я не принадлежу этому миру!

— Я не могу этого сделать.

Цокаю языком. — И что теперь? Я останусь здесь и буду поддерживать твою ложь? Ты хоть понимаешь, в какое положение меня поставил?

Он убирает руку и отстраняется, будто мои слова его обожгли. Пустота, возникшая из-за этой дистанции, ощущается мгновенно; моё тело жаждет его близости, и это лишь сильнее меня злит. Он садится за стол, заваленный кипами документов. Только сейчас я осознаю, что мы в каком-то подобии кабинета. На стенах висят географические карты, на деревянных полках ряды книг, а у окна стоит светящийся глобус.

— У меня не было выбора. Я не мог сказать правду.

— Почему? Боишься, что тебя примут за сумасшедшего?

Артур вздыхает. — Хуже.

Я хмурюсь. Что еще он хочет сказать?

— Лавиния, здесь совсем другое измерение. Всё не так, как у тебя. Здесь каждое моё слово может стоить жизней, может развязать войну. Они могут даже… — Он колеблется.

Подхожу к его столу. — Могут что?

В его глазах вспыхивает искра тревоги, которую я не могу до конца расшифровать. Что-то, что он, кажется, совсем не контролирует.

— Эта страна — монархия.

Закатываю глаза. — Ну, это я уже поняла…

— Но это не всё, — прерывает он меня. — Власть королевской семье даруют Жрецы. Группа религиозных фанатиков, которые считают, что управление нацией должно быть в руках идеального суверена, предсказанного в их священных писаниях. Между нами и Жрецами натянутые отношения.

— И при чем здесь я? — вздыхаю я.

— Если они узнают, что ты из другого измерения, они могут потребовать для тебя смертной казни.

«Смертной… казни». Запускаю руку в волосы. Кажется, я попала в Средневековье.

— Они строго следуют священным текстам — куче дерьма, которую интерпретируют как им удобно, чтобы управлять гражданами и муштровать их. Никто не смеет возражать, это заведомо проигрышная партия. У них слишком много влияния.

— Это абсурд, Артур! — повышаю я голос, доведенная до исступления.

Меня прерывает шум у двери, я резко оборачиваюсь, сердце уходит в пятки. Входит горничная с подносом еды. Вздыхаю с облегчением. Девушка ставит поднос на стол и молча выходит. От вида тарелки с дымящимися спагетти в животе начинает урчать.

— Садись и ешь. Ты не притронулась к еде за ужином, только влила в себя два бокала вина один за другим. В его тоне смешиваются упрек и забота.

«Когда это он успел заказать еду?»

— Я бы принес её в комнату, но ты меня опередила. Давай, если хочешь сбежать, тебе понадобятся силы.

Качаю головой, несмотря на пожирающий меня голод. Я уж точно не стану есть при нем после того, как он запер меня здесь. Исключено. Я не могу.

Он берет со стола телефон и смотрит на дисплей. — Ладно, как хочешь. Я выйду на минуту, успокою стражу, скажу, что ты не сбежала. Они сейчас прочесывают каждый угол дворца. — Он направляется к двери, но перед тем как открыть её, поворачивается ко мне. — Просто чтобы ты знала: окно не открывается, а снаружи стоят десять гвардейцев.

Смешно.

Он закрывает за собой дверь. В тишине этого маленького кабинета мой желудок сводит от голода. Запах пасты с соусом наполняет ноздри, заставляя зажмуриться и вдыхать этот аромат. Слюнки текут, а спазмы в животе рождают непреодолимое желание съесть хотя бы капельку.

Придвигаю стул к подносу. — Только одну вилку, — шепчу я.

В мгновение ока я сметаю спагетти. Я даже не замечаю, как передо мной оказывается пустая тарелка. Выпиваю глоток воды и вздыхаю с облегчением. Теперь определенно лучше.

Встаю, прячу поднос за стол и с любопытством рассматриваю кипу документов. Артур читал и подписывал их, даты старые… должно быть, у него накопилось много работы за то время, пока его здесь не было.

Подхожу к окну и пытаюсь его открыть, но оно, разумеется, не двигается ни на миллиметр. Вздыхаю и снова сажусь. Кладу голову на стол, веки тяжелеют, мысли путаются. *«Где я оказалась?»*

Усталость накатывает внезапно, я зеваю, охваченная дремотой, с которой не могу совладать. Возможно, потому что в этом пыльном кабинете, набитом книгами, я вижу что-то похожее на мой дом. Огромная спальня с охранником у двери заставляла меня чувствовать себя мышью в мышеловке. Закрываю глаза и позволяю себе немного отдохнуть. Слышу, как открывается дверь. *«Артур?»* Лежу с закрытыми глазами, разрываясь между смущением из-за того, что сожрала пасту, и отказом от гнева, который сейчас потребовал бы слишком много сил. Его аромат окружает меня, он накрывает мою спину чем-то вроде пледа — чем-то, что пахнет его мускусом.

Слышу скрип стула, а затем звук ручки, скребущей по бумаге. Он продолжает работать в паре сантиметров от меня. Он не будит меня и не произносит ни слова. Просто сидит в тишине, изучая документы.

Я проваливаюсь в глубокий сон. Несмотря на неудобство деревянной столешницы, несмотря на то что в этот момент я презираю и ненавижу его за то, что он сделал… уверенность в том, что Артур рядом, где-то в глубине души успокаивает меня.

***

Моргаю и зеваю. Солнечный луч, пробивающийся сквозь окно, заставляет меня прикрыть глаза рукой. На моих плечах пиджак Артура, а от него самого нет и следа. Вчерашняя стопка документов аккуратно сложена в углу стола, рядом остались только чашка кофе и пара ручек. Потягиваюсь.

— Доброе утро.

Вскакиваю на ноги, пиджак падает на пол, а щеки заливает румянец смущения. Артур закрывает за собой дверь, держа в руках еще один поднос с едой.

— Я отключилась. Почему ты меня не разбудил?

Буду притворяться, что не засыпала на его столе осознанно. Признать, что рядом с ним я могу чувствовать себя настолько спокойно, что теряю бдительность… это чересчур.

Он подходит и ставит поднос передо мной. — Ты спала очень крепко. Я не хотел тебя беспокоить.

— Ну, следовало бы разбудить. Я бы ушла куда-нибудь в другое место… Погоди, что ты делаешь?

Он намазывает джем на тост. — Ты сядешь завтракать или мне снова нужно выйти под каким-нибудь предлогом, чтобы ты поела?

Я замолкаю, застигнутая врасплох. Приоткрываю рот, чтобы ответить, но в дверь стучат.

— Войдите, — отвечает Артур.

Придворная дама в сопровождении свиты горничных входит в кабинет с крайне раздраженным видом. Она бросает на меня быстрый взгляд, затем её взор падает на валяющийся на полу пиджак и поднос с завтраком, который приготовил Артур.

— Принц Артур, вы должны завтракать с Его Величеством Королем. Не здесь.

Он не отвечает ей, продолжая невозмутимо намазывать джем. Закончив с одним тостом, он кладет его передо мной и берется за следующий. Кивком головы он велит мне сесть рядом с ним.

— Вы не можете нарушать правила двора и запираться здесь с… *ней*, чтобы завтракать и заниматься бог знает, чем еще!

Я открываю рот от возмущения. *«Бог знает, чем еще?»*

— Да за кого вы меня принимаете?!

Артур прерывает меня, вставая рядом. — Для этого ты присылала сюда одну из своих девок ночью?

Она поджимает губы, вытягивая их в прямую линию. — Я послала её проверить, так как не могла найти синьорину. — Она поворачивается ко мне. — Вы должны идти за мной, нам нужно привести вас в порядок к вечеру. Король пригласил вас, и, к несчастью, мне придется сделать всё возможное, чтобы вы выглядели… нормально.

Брезгливость в её выражении лица настолько меня ошарашивает, что я не нахожу слов для ответа.

Стискиваю челюсть. — В этом нет нужды. — Я направляюсь к двери, чувствуя, как нервы натянуты до предела, но рука Артура обхватывает моё запястье. Горничные в изумлении округляют глаза, а Придворная дама застывает, не смея дышать.

— Номер один, Лавиния. Ты обещала.

Условия нашего пакта о сожительстве. Пусть мы больше не одни, Артур помнит все три пункта. И я тоже.

«Номер один: мы будем есть всегда вместе. Я ненавижу есть в одиночестве».

Он тянет меня обратно к стулу, садится за стол и потягивает свой кофе. Я нехотя кусаю тост под яростным взглядом Дамы. Её горничные стоят, опустив головы, не смея поднять глаз.

Артур допивает кофе, и стоит ему поставить чашку на поднос, как Дама тут же вмешивается:

— Желаете что-нибудь еще, принц Артур?

— Это всё, Дама. — Он поворачивает голову ко мне. — Сегодня я буду занят. Скорее всего, увидимся вечером на празднике, который устроил отец. Не убегай, даже не пытайся.

Я с досадой качаю головой. Снова приказы. *«Он что, больше ничего не умеет?»*

— Пожалуйста, — добавляет он вполголоса, так, чтобы слышала только я. Я поднимаю взгляд, встречаясь с его медовыми глазами; вспышка тревоги в них заставляет меня промолчать. Он встает и выходит из комнаты. Я остаюсь наедине с этой стервятницей, которая сверлит меня взглядом так, словно я её злейший враг.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 13

Лавиния

Разглядываю свое отражение в зеркале. Волосы, рассыпавшиеся по спине ниже лопаток, заставляют меня чувствовать себя не в своей тарелке. Даже если Придворная дама убьет меня за это, я всё равно собираю их в небольшую косу — ту самую, которую всегда заплетаю перед работой. Не люблю ходить с распущенными. Не люблю я и это черное платье — элегантный наряд, который Дама заставила меня надеть. Оно открывает плечи и шею, а руки окутаны тонким кружевом. Платье плавно облегает бедра, но высокий разрез позволяет разглядеть левую ногу.

Вздыхаю. — Манекен.

Вот на кого я похожа. Чертов манекен, марионетка. Весь день я только и делала, что выслушивала приказы и следовала инструкциям этой женщины, помешанной на порядке. Она не давала мне вздохнуть ни секунды. Это была бесконечная череда предупреждений вроде: «Придворный этикет требует, чтобы при общении с членом королевской семьи ты не смела поднимать глаз». От всех этих глупых правил меня бросает в дрожь.

Она потащила меня к королевской портнихе, затем заставила читать книги о правилах поведения во дворце и, наконец, заперла в комнате с заданием вызубрить перед праздником всё генеалогическое древо и структуру разделения власти.

Сажусь на кровать, беру книгу, и она едва не выскальзывает из рук. — Она приняла меня за служанку? Я не собираюсь оставаться здесь так долго, чтобы учить всё это.

Это кирпич объемом более четырехсот страниц. Она, должно быть, совсем выжила из ума, если надеется, что я это осилю. Скучающе листаю страницы, пока не дохожу до схемы иерархии власти в этом королевстве. Она в форме пирамиды: в основании — граждане, выше — представители городов, еще выше — Управляющий совет, и на самой вершине две главные фигуры, делящие власть. Королевская семья и Жрецы. Переворачиваю страницу, заинтригованная системой, которая так отличается от привычной мне.

«Жрецы избирают будущего наследника престола, который будет вести народ согласно канонам священных писаний. Каждая ветвь рода была выбрана именно так», — читаю я вслух. У этих Жрецов власти больше, чем кажется, именно они держат бразды правления… Об этом ли говорил Артур? Это те самые люди, от которых он не может меня защитить?

Просматриваю следующую страницу и замираю перед картой, изображающей континенты, разделенные на королевства. Хмурюсь в замешательстве: неужели монархия царит в каждом уголке мира? Королевство Америка, Европа, Африка, Азия и Австралия. Приглядываюсь к мелкой легенде в правом углу, где указаны имена правящих домов.

«Королевством Америка правит семья Мейер, состоящая из Короля Давида и двух преемников: принцев Артура Мейера и Эдоардо Мейера», — читаю я, ведя пальцем по бумаге.

Мои размышления прерывает приход придворных горничных. Их пятеро, но только одна из них осмеливается поднять на меня взгляд. Огромные ореховые глаза сияют на нежном лице с ослепительной улыбкой. — Остальные гости уже прибывают, Придворная дама послала нас за вами, чтобы сопроводить вниз, синьорина Лавиния.

Закрываю книгу. — Как тебя зовут? — Спускаюсь с кровати.

— Вирджиния, синьорина.

Она кажется моложе меня, интересно, как долго она работает в этом дворце. *Может, она поможет мне понять, как отсюда выбраться.* Наклоняюсь, чтобы взять обувь, но она меня останавливает. — Это туфли, которые Дама подготовила для вас.

Одна из девушек передает ей картонную коробку; та берет её и достает черные босоножки на каблуке. Опускается к моим ногам.

Качаю головой. — Я сама, Вирджиния. — Сопровождаю свои слова вежливой улыбкой, надевая босоножки. *И как мне ходить на этих ходулях?* Когда встаю, меня пошатывает, пока я не нахожу равновесие.

— Они слишком неудобные, синьорина Лавиния? — спрашивает Вирджиния.

— Не волнуйся, я потерплю немного. Веди, я за тобой.

Она кивает и выходит из комнаты. Иду следом, за нами — дежурные гвардейцы. *Будто я могу раствориться в воздухе.*

Мы спускаемся по лестнице, и я едва не спотыкаюсь о собственные ноги. Вирджиния предлагает мне локоть для опоры. — Эти каблуки не слишком удобные, мне жаль, — шепчет она.

— Ты не виновата. Просто я никогда не ношу каблуки, жду не дождусь, когда это всё закончится, — вздыхаю я.

Я пробуду на этом празднике ровно столько, сколько нужно для приличия, минут десять, чтобы не выказать неуважения Королю и не закончить на гильотине. А потом рвану к выходу. Такое мероприятие — отличная ширма, чтобы исчезнуть.

— Вы никогда не видели придворные праздники по телевизору?

Трясу головой. — Я… не очень слежу… за новостями. — Выдумываю оправдание, надеясь не показаться дурочкой, вылезшей из пещеры.

Мы спускаемся на последнюю ступеньку, я держусь за её руку, и мы идем по коридору. Мимо постоянно снуют лакеи с подносами еды и бокалами вина.

— Нет такой женщины, которая не мечтала бы хоть на миг заглянуть во дворец. Это место, которое немногим везет увидеть.

— О, конечно, — бормочу я.

— Говорят, вы спасли Его Милость, наследного принца.

Киваю.

Её глаза сияют от восторга. — И какой он вблизи?

— Ты никогда его не видела?

— Только издалека. Видеть его — огромная привилегия, вы же знаете, что ни один гражданин не знает его лица в целях национальной безопасности.

Звуки классической музыки щекочут слух, а аромат еды дразнит ноздри. Поворачиваю голову: мы стоим перед огромной резной дверью, которую охраняют двое вооруженных гвардейцев. *Только не говорите мне, что я войду отсюда.* Вирджиния собирается объявить мой выход, но я хватаю её за руку.

— Вирджиния, а здесь нет черного входа? Чтобы не ловить на себе взгляды половины мира? — шепчу я ей на ухо.

Она улыбается. — Конечно, есть, но это вход для слуг. Вас это не смутит?

— Нисколько. Наоборот.

Она пытается скрыть это, но я вижу: отчаяние в моем голосе заставляет её улыбнуться. Она, должно быть, думает, что только сумасшедшая не захочет войти как

все остальные гости, но она не может и представить, что я не принадлежу этому миру и мне ни в коем случае нельзя быть обнаруженной.

Она ведет меня по узкому коридору, где официанты и горничные снуют с пустыми тарелками. Несмотря на удивленные взгляды некоторых слуг, заметивших меня среди них, мне удается пройти без помех. Вирджиния останавливается перед дверью, её глаза лихорадочно блестят от нахлынувших эмоций. Огромный бальный зал, украшенный до мелочей, кишит элегантными аристократами, которые переговариваются, держа в руках бокалы вина. Король восседает в золоченом кресле, на его голове — серебряная корона. Его трон возвышается на помосте, поодаль от остальных; справа от него сидит принц Эдоардо, а слева — Артур.

Я замираю взглядом на нем и не могу не заметить, что он — совершенно другой человек. Кудрявые волосы уложены гелем, ни одна прядь не выбилась, шею стягивает черный галстук. Лишь немногие могут подняться к ним и перекинуться парой слов с принцами. Это продолжается несколько минут: люди поднимаются, пожимают руки наследникам, целуют руку Королю и спускаются, давая место другим.

Это должен быть праздник в честь возвращения Артура, но всё это больше похоже на процессию членов высшего общества. — Настоящее веселье, — бормочу я. — Не слишком-то оживленный праздник.

— Пожать руку Его Высочеству принцу Артуру… это мечта.

Смотрю на неё — она буквально пожирает его влюбленным взглядом. — И что в Его Высочестве такого особенного?

Вирджиния переводит взгляд на меня и вскидывает бровь. — Вы не знаете?

Трясу головой. — Кроме того, что он принц, я не понимаю, что еще вызывает такой восторг и глубокое почтение.

— Вы, должно быть, совсем отстали от новостей, синьорина Лавиния. — Она кивает в сторону принцев. — Король начинает стареть, пришло время преемственности. Один из двух его сыновей вскоре станет нашим новым сувереном: через год Жрецы проголосуют и укажут, кто из двоих взойдет на трон и возглавит нацию.

— И что?

Надо благодарить небеса, что Вирджиния поверила в ложь о том, что я отшельница с нулевым интересом к политике. Но я правда не понимаю: любой, кто поднимается по ступеням к Королю, не смеет даже поднять глаз, и такое же отношение — к Артуру, но когда они здороваются с Эдоардо, то делают это почти с легкостью.

— В прошлом году все думали, что Королем станет Эдоардо, — шепчет она. Я придвигаюсь ближе, чтобы лучше слышать. — Но поговаривают, что он не в состоянии пройти Испытания.

— Какие испытания?

— Те, что доказывают пригодность к трону, очевидно. Первое — на хитрость и ум, измеряет коэффициент интеллекта: кандидат должен превзойти всех в каждой дисциплине с высшим баллом, его оценивает глава Разведки страны. Второе основано на боевых навыках: кандидат должен сразиться с группой опытных воинов, будучи вооруженным лишь мечом, со всеми одновременно. Председательствует на этом испытании первый рыцарь Короля, он же его брат и дядя принцев. Его еще никто не побеждал в дуэли на мечах — это древняя традиция королевства, передаваемая веками.

Я округляю глаза. Такое бывает только в кино. Да ладно вам, что за бред? Кто вообще может пройти все эти испытания? И разве права крови недостаточно, чтобы получить трон напрямую? Надо было мне повнимательнее читать ту книгу.

— Третье… — Она колеблется. — Всегда находился кто-то другой, кто проходил его вместо него. — Она замолкает, словно боится об этом говорить.

— Что это за испытание? — спрашиваю я. Полет на Луну и обратно? Экспедиция на Марс за инопланетянином? Воскрешение динозавров?

Она внимательно оглядывается по сторонам, прежде чем открыть рот. — Его проводят Жрецы. Они ведут кандидата в мультисенсорный зал и подключают его к аппаратам, которые проецируют его самый большой страх, делая его реальным. Они оценивают, как он справляется с ним, и, главное, не мешает ли этот страх способности править нацией. Если он оказывается в его власти, кандидат не может взойти на трон. Это испытание изматывает эмоционально: Эдоардо пытался пройти его несколько раз, но так и не смог. В прошлый раз от его криков оцепенел весь дворец. Он не выходил из своей комнаты месяцами.

Наблюдаю за Эдоардо, стоящим рядом с братом. Его глаза безжизненно смотрят на толпу внизу: ни улыбки, ни капли эмоций.

— И никто из вас не вмешался?

Она пожимает плечами. — Мы не могли даже приблизиться. Так выявляют избранного. Все предшественники были избраны только после прохождения Трех испытаний. Включая нынешнего Короля.

Вздыхаю. — Мне кажется, это чересчур. Заставлять парня обнажать свои страхи, выставлять их напоказ, будто картины, которые каждый может судить… это форма насилия.

Я не осознаю, что говорю, пока слова не срываются с моих губ.

— Никогда больше этого не повторяйте. Если кто-то услышит, о вас могут донести Жрецам… — Страх разливается в её глазах.

Я хочу сказать ей, чтобы она не волновалась, но появление Жрецов заставляет меня замолчать. Это шестеро мужчин в длинных белых одеяниях с тонкими венцами на головах. Один из них возглавляет группу, сжимая в руках скипетр. Никто не смеет шелохнуться, даже Король поднимается с трона. Взгляд Эдоардо меняется; Артур отодвигает его за спину, закрывая своим телом.

«Это принц Артур, верно? Это он помогает брату», — заключаю я.

— Да, каждый раз он проходил испытание вместо него. Поэтому все говорят, что именно принц Артур будет наследником престола, а не Эдоардо.

— А почему тогда не его выбрали изначально?

Королевская семья спускается по лестнице: впереди Король, следом принцы, окруженные дворцовой стражей. Жрецы останавливаются в центре зала, готовые принять Его Величество. Взоры всех присутствующих прикованы к ним.

— Король выдвинул Эдоардо, и никто не знает почему, — шепчет Вирджиния мне на ухо.

Значит, Король выбрал младшего сына для наследования трона, но именно старшему приходится противостоять Жрецам и их безумным испытаниям.

Король останавливается перед Жрецом со скипетром и жмет ему руку. Они смотрят друг на друга с притворной вежливостью, от которой воздух буквально искрится от напряжения.

Жрец поправляет очки на носу и кривит губы в ухмылке. — Ваше Высочество.

— Жрец Леннон, — отвечает Король. — Вы получили известие? Артур снова с нами, так что нет никакой нужды устраивать государственный переворот.

У Жреца злобное выражение лица, у меня мурашки по коже только от взгляда на него. — О, я вижу. Принц Артур, кажется, свалился с неба как раз вовремя, чтобы избавить вас от дурного финала. Без наследника, способного пройти все Три испытания, мне пришлось бы лишить вас власти. Но вы ведь не затаили на меня обиды за это? Не так ли, Ваше Величество?

Его голос пропитан жгучим ядом.

— Никакой обиды. В конце концов, это долг, который ваша каста исполняет годами с предельной строгостью, даже ценой уничтожения целых семей.

— «Уничтожение» — звучит слишком громко. Мне пришлось бы казнить принца Эдоардо за недостоинство и отправить вас в изгнание. Неприятная ситуация, конечно. Но, слава небесам, принц Артур вернулся к нам.

«Казнить?» Я открываю рот от шока. Он серьезно? Смотрю на Вирджинию в надежде, что она скажет, что это метафора или образное выражение, но она мрачнеет. Подтверждением того, что это не шутка, служит лицо самого Эдоардо. Страх искажает его черты, заставляя отступить на крохотный, почти незаметный шаг.

Жрецы, Артур и Король направляются к обеденному столу. Эдоардо же пятится, пока не выходит из зала. Артур шепчет что-то охраннику — полагаю, он попросил присмотреть за братом, так как через мгновение тот следует за принцем.

«Так вот почему Артур предал меня? Он знал, что его брат погибнет, если он не вернется. Ему пришлось выбирать меньшее из зол, и в тот момент этим злом была я». Меня бросает в дрожь.

— Пойду подышу воздухом, — шепчу я. Вирджиния кивает, и я выхожу из зала с тяжелым комом в груди. Иду мимо гвардейцев, которые не сводят с меня глаз, один из них начинает следовать за мной.

Разворачиваюсь и смотрю на него: — Я не собираюсь сбегать, ясно? Мне просто нужно подышать, можно?

— Конечно, синьорина. — Он склоняет голову, но всё равно идет за мной к выходу. *«Он тоже надо мной издевается?»* Прохожу по аллее до сада. Охранник остается в нескольких метрах, позволяя мне побыть одной.

Выдыхаю весь воздух, который неосознанно задерживала в этом зале ужасов. Желудок так свело, что меня подташнивает. Сажусь на землю; ноги болят, а каблуки начинают действовать на нервы. Снимаю босоножки и отшвыриваю их подальше. *«Просто не верится. Я оказалась во вселенной, где кучка психопатов решает, кому жить, а кому умирать, на основании каких-то абсурдных испытаний».* Прижимаю ладонь ко лбу.

— Стадо идиотов. Вот где я оказалась. Среди стада идиотов, которые держат в руках палку и думают, что вправе распоряжаться чужими жизнями.

Гравий на земле холодит ноги и ладони.

— Как можно быть такими тупыми? Я просто хочу домой, где за проваленный тест мне не отрубят голову. Хочу просто спать в своей сломанной кровати, в своем маленьком доме, где не работает отопление. — У меня дрожит голос. — Я хочу назад в свою конуру… — шепчу я.

Нервы постепенно расслабляются. Сказать это вслух — единственный способ перевести дух в мире, где роскошь переплетается с секретами, смертными казнями и властью.

— Можешь потише? Я пытаюсь расслабиться.

Я вскакиваю. Эдоардо лежит за кустом, прикрыв лицо рукой. *«Неужели он всё слышал?»*

— Как давно ты… — бормочу я.

— «Стадо идиотов. Вот где я оказалась». — Он передразнивает мои слова.

Хмурюсь, но сдерживаюсь. Лучше не лезть на рожон, у него наверняка нервы на пределе после встречи со Жрецами. Вздыхаю. Поворачиваюсь к нему спиной, сажусь на прежнее место и молча смотрю на небо.

— Почему ты здесь, с принцем-неудачником? Почему не вернешься в зал, чтобы восхищаться любимчиком, наследником престола?

— Единственное, чем я хотела бы восхищаться — это мой дом. Если бы я только могла выбраться из этой тюрьмы…

Слышу его смех. — Никто не называет дворец тюрьмой. Если это тюрьма… ты еще не видела королевские темницы.

— Для меня это именно она, раз я не могу уйти и лишена свободы.

— Артур тебя не отпускает?

— Именно так, держит меня здесь гнить. Я его не понимаю… он сам решил так со мной поступить, так хотя бы дал бы мне уйти.

Закусываю губы — я сболтнула лишнего. Замолкаю, надеясь, что он не воспримет мои слова слишком серьезно. Слышу шорох травы рядом. Поднимаю глаза — он сидит в паре сантиметров от меня.

— Я ни хрена не понимаю, что ты несешь, — шепчет он. — Но из дворца всегда есть способ выбраться…

Мои глаза загораются: — Какой способ?

— Тайные ходы. Мы с Артуром пользовались ими, чтобы ускользать от стражи. — Он понижает голос.

— Отлично, где они?

Не могу скрыть ликования в голосе. Наконец-то я вижу свет в конце туннеля, крошечную надежду.

Он качает головой. — Я не скажу тебе это просто так, без выгоды для себя.

— Чего ты хочешь? — отвечаю я не раздумывая.

— У меня и так всё есть. Что ты можешь мне дать? — Искра веселья проскальзывает в его глазах. Сейчас он совсем не похож на того потухшего принца, которого я видела в зале.

Беру босоножки и встаю на ноги. — Я ничего не могу тебе дать, и ты никогда не скажешь мне, как выйти отсюда. Ты просто издеваешься надо мной.

Он тоже встает. — Одно ты всё же можешь сделать: стань моим другом.

Вскидываю бровь и вопросительно указываю на себя.

— Да, именно ты. Наконец-то хоть кто-то критикует Жрецов, кто-то считает этот дворец тюрьмой… Если ты будешь моим другом, я скажу тебе, как выйти отсюда.

«Я должна стать его другом?»

— С чего мне тебе верить?

Он пожимает плечами. — У тебя нет выбора. Если Артур не хочет, чтобы ты уходила, ты никогда не выберешься. Ему никто не смеет перечить, и он всегда очень внимателен к деталям. Так что либо так, либо никак.

Что дает мне уверенность, что он сдержит слово? Ничего. С другой стороны, он прав, у меня не так много вариантов.

— Соглашайся или забудь, — подначивает он.

— И когда ты скажешь мне, как выйти?

— В свое время, обещаю. Я сам выведу тебя отсюда, к твоему дому. Просто побудь моим другом несколько дней, ты ничего не теряешь.

«Несколько дней». Вздыхаю. Я ненавижу всё это, но других реалистичных решений у меня нет. Скоро гвардейцы будут ходить за мной даже в ванную, особенно после того, как я обманула одного из них. Если всё, что от меня требуется — это говорить с Эдоардо без всяких титулов и быть собой, то я справлюсь.

«Иметь союзника внутри может быть полезно». Я уже открываю рот, чтобы согласиться, но взгляд Эдоардо перемещается мне за спину. Поворачиваю голову, и сердце начинает молотить в груди.

— Брат, чему мы обязаны этим визитом в разгар твоих обязанностей наследника престола?

Артур изучает меня с головы до ног, ища ответ в моих глазах. — Что случилось? — Он переводит взгляд на Эдоардо.

— Она проклинала Жрецов. Слышал только я, иначе она бы уже сидела в камере.

Испепеляю Эдоардо взглядом. *«Хорош друг, нечего сказать».*

— Мне противна их политика, она омерзительна. Но я вынуждена торчать здесь и гнить, так что я возвращаюсь в свою комнату… — Я пытаюсь обойти Артура, но он преграждает мне путь, хватая за руку. Он прищуривается, изучая каждый сантиметр моего лица.

Эдоардо был прав. От Артура не скрыться: он читает людей с одного взгляда и сейчас чувствует, что за нашими словами кроется нечто большее. Он впивается взглядом в мои глаза.

— Эдоардо, оставь нас.

Брат подчиняется, уходит к входу и исчезает из виду. Остаемся только мы — я, Артур и гвардеец вдалеке.

Он ослабляет хватку. — Ты мне лжешь, — шепчет он охрипшим голосом. — Почему?

— Ты принес меня в жертву, потому что иначе в жертву принесли бы его? Я отвечаю вопросом на вопрос.

Он стискивает челюсть. — Кто тебе это сказал? Что ты знаешь?

Я горько улыбаюсь. — Ничего, Артур. Я ничего не знаю, потому что ты исчезаешь на несколько часов и оставляешь меня запертой в комнате, где я задыхаюсь среди незнакомых мне людей.

Он опускает взгляд, тень ложится на его лицо.

— Отпусти меня отсюда. Я не хочу здесь быть, это место мне чужое. Что это за мир, где угрожают убить парня за то, что… он не соответствует каким-то критериям?

Он вздыхает, наши глаза встречаются, и на мгновение я вижу тень того Артура, которого знала раньше.

— Я не должен был приводить тебя сюда. — Он отпускает мою руку. — Но не было способа вернуться в моё измерение, не забрав тебя с собой. Я не мог поступить как Раффл и остаться жить с тобой…

Я и так это знала, но слышать это из его уст — больно. И я даже не могу объяснить почему. Возможно, я бы предпочла, чтобы он промолчал.

— Потому что тот разваливающийся домишко не идет ни в какое сравнение с этим, — шепчу я.

Он хмурится. — Что? Нет! — Он глубоко вдыхает. — Ты прекрасно знаешь, что дело не в этом. Я должен был вернуться, иначе они бы сослали моего отца и убили брата. Это не та спокойная и безопасная жизнь, это не то, о чем я мечтаю или чего желаю. Я правда хотел бы всё забыть и остаться там… с тобой.

Желудок сжимается в тугой узел, перехватывая дыхание. Он подходит ближе, и его дыхание касается кончика моего носа.

— Я правда хотел этого, Лавиния. Поверь мне. Те дни позволили мне перевести дух, спать без кошмаров, дышать без вечных взглядов стражи и придворных горничных. С тобой я глотнул свежего воздуха.

Сжимаю кулаки. — Значит, я была лишь этим… глотком воздуха? — Мой голос надламывается.

Он приоткрывает губы, но тут же смыкает их, борясь с самим собой. Он замыкается в молчании, которое подтверждает мои слова, и этого достаточно, чтобы окончательно разрушить ту крохотную крупицу доверия, что между нами оставалась. Грусть нахлынула на меня и сдавила горло так сильно, что стало трудно дышать. Моргаю и глубоко вдыхаю. *«Этого и следовало ожидать».* И всё же, это больно.

— Принц Артур, Король ищет вас, — голос гвардейца нарушает тишину.

Артур даже не удостаивает его взглядом, он всё так же смотрит мне в глаза, застыв в мыслях, которые не может облечь в слова.

Стискиваю челюсть. — С вашего позволения, Ваше Высочество, — бормочу я, прежде чем обойти его и вернуться во дворец.

Поднимаюсь по лестнице и иду обратно по коридору. Придворный гвардеец следует за мной по пятам. Сворачиваю за угол, узнаю дверь своей комнаты, подхожу и открываю её. Глубоко вдыхаю, закрываюсь изнутри и ничком падаю на кровать.

Почему мне кажется, будто я что-то потеряла? То, что мне никогда не принадлежало?

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 14

Лавиния

Апельсиновый сок, клубничный смузи, кофе, тосты, джем, крепы и омлет. Отодвигаю поднос на тумбочку и сажусь на подоконник. *«Есть совсем не хочется»*. Отодвигаю штору. Перед входом выстроилась шеренга гвардейцев, а у ворот дворца замерла длинная вереница машин. Я прищуриваюсь: Артур спускается по лестнице в сопровождении охраны — мужчин в черном. На переносице у него темные очки, длинное черное пальто окутывает фигуру. Он садится в машину, и гвардейцы почтительно склоняют головы.

«Куда он собрался?»

Машины в очереди трогаются за ним вместе с полицейскими автомобилями и четырьмя мотоциклистами. Отхожу от окна, открываю дверь комнаты и выхожу.

— Вам что-нибудь нужно, синьорина? — тут же спрашивает дежурный охранник.

— Вы знаете, куда уехал принц?

Он качает головой. — Государственные дела. Большего знать не положено.

Вскидываю бровь. — И как долго его не будет?

После вчерашнего вечера я думала, он поймет, что я не принадлежу его миру. Я надеялась, что он придет ко мне и позволит уйти, но я его больше не видела.

— Не могу сказать точно, синьорина. В прошлый раз его не было несколько месяцев.

Я приоткрываю рот. Мне придется застрять на месяцы в измерении, которого я не знаю? Хожу взад-вперед по коридору. *«О чем он только думает? Неужели ждет, что я буду смирно сидеть в комнате и ждать его возвращения?»* Сжимаю пальцы в кулак. *«Ни за что»*. Дворец кишит гвардейцами, они молча провожают меня взглядами, пока я мечусь из стороны в сторону. В их глазах я, должно быть, выгляжу сумасшедшей, но мне плевать.

Внезапный громкий звук заставляет меня замереть. *«Что это было?»* Будто что-то разбилось, но в коридоре только я и охрана. Они и бровью не ведут, не тревожатся и не удивляются, словно подобные звуки здесь — обычное дело. Еще один удар, на этот раз громче. Иду на шум и оказываюсь перед гостиной. Дверь приоткрыта; я вытягиваю шею и заглядываю внутрь. Пол усыпан осколками тарелок и битым стеклом, а в центре стоят Король Давид и Эдоардо.

Лицо Короля искажено ослепительной яростью. — Ничтожество, вот ты кто! Твоему брату приходится быть цепным псом этих ублюдков-Жрецов, потому что ты ни на что не годен.

Его черты так напряжены, что он совсем не похож на того человека, которого я видела в первый день. Он хватает со стола миску и швыряет её прямо в лоб Эдоардо. Вскрикиваю от неожиданности и зажимаю рот рукой.

— Одну вещь ты должен был сделать! Всего одну! — орет он. — С самого твоего рождения от тебя одни проблемы.

Миска отскакивает и с грохотом падает на пол. Я смотрю на них с замиранием сердца. Король ведет рукой по столу, нащупывает, не глядя, нож и швыряет его в сына. На белой рубашке Эдоардо расплывается кровавое пятно, нож падает на пол, но Эдоардо продолжает стоять неподвижно. Озираюсь по сторонам. *«Почему никто ничего не делает?»* Молчание гвардейцев, горничных и всех, кто работает во дворце, — это соучастие в безумии Короля.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Когда я снова перевожу взгляд в гостиную, у меня перехватывает дыхание. Король поднимает над головой стул, вцепляется в него пальцами и отступает, готовясь обрушить его на сына. Мои ноги срабатывают быстрее, чем я успеваю сообразить: я оказываюсь перед Эдоардо, широко раскинув руки. Закрываю глаза и жду удара, но его нет. Звук падающего стула раздается справа от меня.

Распахиваю глаза: Король тяжело дышит, его грудь ходит ходуном. Он хватается рукой за сердце, лицо искажено болью; верный советник тут же бросается к нему на помощь.

Он поддерживает его: — Довольно, Ваше Величество. Вам может стать плохо.

Веки Короля подергиваются, лицо побагровело, а вены на шее, кажется, вот-вот лопнут. — Уберите его с глаз моих! — хрипит он.

Он вскидывает руку и тычет пальцем мне за спину, в сторону Эдоардо. — Уберите его! Он не заслуживает быть моим сыном! Это чудовище!

Он выплевывает слова, полные ненависти, будто не узнает собственную кровь. Советник делает знак гвардейцам увести Короля; те подхватывают его под руки и выводят из комнаты.

Поворачиваюсь к Эдоардо — он склонился к полу и собирает осколки стекла, которые отец швырнул в него. Его спокойствие пугает меня до глубины души. В дверях появляются придворные девушки со швабрами и совками, за ними — врач в белом халате с черным чемоданчиком в руках. Они действуют с такой слаженностью, что у меня всё переворачивается внутри: они привыкли к этому кругу насилия, который повторяется раз за разом.

Врач ставит чемоданчик на стол, открывает его и достает марлю, антисептик, зажимы и нити. Эдоардо садится на край стола и снимает рубашку. Он остается в футболке с коротким рукавом; на его руках — бесконечное количество пластырей и зашитых шрамов. Я открываю рот от ужаса. *«Как долго это продолжается? И знает ли Артур?»*

— Сегодня он не слишком усердствовал, — бормочет Эдоардо, проводя рукой по распухшей скуле.

Врач надевает перчатки, смачивает марлю антисептиком и прикладывает к его лбу. Эдоардо морщится, вцепляясь пальцами в край стола.

— Вам всё же следует быть осторожнее, принц… он ведь едва не швырнул в вас стул.

— Это было бы больно. — Эдоардо поднимает на меня взгляд. — Вижу, ты восприняла предложение о дружбе буквально.

Я упираюсь руками в колени и глубоко вдыхаю; шок от увиденного леденит кровь в жилах. Я не могу этого постичь. *«Отец не должен быть таким».*

Эдоардо склоняет голову. — О, неужели никто не предупредил тебя, что папочка бывает слегка агрессивным? Не волнуйся, это только со мной. Твой Арт… — Гримаса боли заставляет его умолкнуть. Он стискивает челюсти и тяжело дышит.

Врач зашивает рану на руке, оставленную ножом Короля. Обматывает руку марлей и закрепляет её.

— У вас осталась мазь с прошлого раза? Мажьте лоб на ночь перед сном. — Он наклеивает пластырь на место удара. — Я велю принести льда.

Эдоардо снова надевает рубашку. — Я понял, спасибо.

Он спрыгивает со стола. Врач уходит, бросив мне на прощание улыбку. — Уберете позже, оставьте нас, — приказывает принц девушкам, которые собирали осколки и поднимали перевернутые стулья. Те кивают и в мгновение ока исчезают из гостиной.

Эдоардо засовывает руки в карманы джинсов. — Дворцовые тайны остаются во дворце.

Хмурюсь. — Тайны? Это… ты… как ты можешь оставаться таким невозмутимым? Как долго это длится?

Он вздыхает. — Это никогда не прекращалось. Когда Артур здесь, он сдерживается — любимчик умеет унимать его тревогу и обуздывать ярость.

Я не нахожу логики в его словах. — Обуздывать ярость… — повторяю я. Чем дольше я смотрю на него, тем сильнее меня трясет; я гадаю, сколько синяков, порезов и ударов он скрыл и вытерпел. Я смотрю на него совсем другими глазами, пока он с полным спокойствием застегивает пуговицы на рубашке.

— Тебе не следовало вмешиваться, ты сильно рисковала.

— Он же чуть не швырнул в тебя стул, боже мой!

— И что? — Он пожимает плечами. — Это не самое тяжелое из того, что он в меня кидал.

С трудом сглатываю. — Почему? Почему ты ничего не скажешь? Почему терпишь это? Артур знает?

Он качает головой. — Он не знает, что отец никогда не переставал меня бить. Он пообещал ему больше этого не делать… просто стал осторожнее, чтобы не оставлять видимых следов. А с тех пор, как Артур исчез, он бросил и эту предосторожность. — Он касается рукой распухшей скулы. — На этот раз мне пришлось туго: еще чуть сильнее, и я бы осталась без челюсти. Он улыбается, но тут же кривится от боли.

Запускаю руку в волосы. Я не могу осознать его мнимое спокойствие, не понимаю, как он может даже казаться забавным. Заметив моё отчаяние, он склоняет лицо к моему. Точно так же, как делал Артур, когда хотел меня отвлечь, но Эдоардо делает это, чтобы прижать меня к стенке.

— Шок в твоих глазах заставляет меня чувствовать вину. Твой отец никогда тебя не бил?

— Разумеется, нет.

Он усмехается. — Даже пощечины не было?

Встречаюсь с ним взглядом. — Мой отец был самым добрым человеком на свете. — Вспышка промелькнула в его глазах. — То, что делает Король — это неправильно, это ненормально. Так не обращаются с детьми, если их любят.

Уголок его губ приподнимается. — Твой отец мертв, Лавиния?

Я моргаю. *«При чем здесь это?»*

— Нет, он… пропал. — Я на мгновение отвожу взгляд.

— Как его звали?

— Нейт, — шепчу я его имя, и сердце тут же сжимается от воспоминания о взгляде, опустошенном болезнью и стертом потерянной памятью.

— Нейт любил тебя?

Он задает этот вопрос с таким акцентом и тоном, что у меня содрогается душа. *«Папа тебя любит. Ты же это знаешь?»*

Сжимаю пальцы, ногти царапают ладони. — Да.

— Нейт… кто?

Поднимаю на него взгляд в замешательстве.

— У него есть фамилия? — спрашивает он.

— Лайен, — шепчу я. — Нейт Лайен.

Он кивает. — Что ж, похоже, твой отец никогда тебя не бил. Мой же делает это всегда, как ты сама видела. Но я только что получил подтверждение, что твой тоже причинил тебе боль, Лавиния Лайен.

Слышу, как стук сердца отдается в ушах. Отступаю на шаг, пока его взгляд становится всё более проникающим, всё более зловещим. С ухмылкой на губах он сверлит меня глазами, подмечая каждую деталь.

— Физическое это насилие или психологическое… какая разница? Родители в любом случае не должны причинять боль своим детям. Они должны их любить, — он повторяет мои слова. — А если кого-то любишь, ты не швыряешь в него тарелки… но и не бросаешь его.

Я стискиваю челюсть, глаза наполняются влагой, но я не позволяю себе проронить ни единой слезы перед лицом его высокомерия. Я не понимаю, почему он чувствует потребность уничтожить меня, чтобы ощутить удовлетворение.

— Благодари небо, что ты ранен и мне тебя жаль, иначе я бы разукрасила тебе и вторую скулу.

Я задеваю его плечом, прохожу мимо и выхожу из гостиной. Тяжесть давит на грудь, пока я поднимаюсь по лестнице к своей комнате. Глаза жжет, но я сдерживаюсь; провожу рукой по щекам, пытаясь взять себя в руки под взглядами стражи. Дойдя до комнаты, я запираюсь изнутри и, только задернув штору на окне, позволяю себе сползти на пол. Он смотрел на меня так, будто предвкушал мой крах. Его довольная ухмылка, когда я уходила, этот забавленный блеск в глазах… что-то настолько гнилое и темное, что мне было трудно даже просто отвернуться и уйти.

«А если кого-то любишь, ты не швыряешь в него тарелки… но и не бросаешь его».

Эдоардо даже не понимает, о чем говорит. *Папа меня не бросал.*

Я прячу лицо в руках, делаю глубокий вдох и закрываю глаза.

«Папа тебя любит. Ты же это знаешь?»

Медленная, меланхоличная мелодия пианино разливается в воздухе. Я поднимаю голову, зажмуриваюсь, впитывая каждую ноту. *Откуда это?* Встаю, выхожу из комнаты, и звук становится громче. Шаг за шагом я дохожу до лестницы и опираюсь руками о перила. Выглядываю вниз, в холл — вот оно. Источник этой печальной мелодии. Пальцы Эдоардо порхают по клавишам, он даже не моргает, с безупречным талантом извлекая волну звуков без единой фальшивой ноты. *Кажется, он рожден только для этого.* Это не тот сын, покорно принимающий удары отца, и не циник, наслаждающийся чужой болью. Словно олененок перед чужаком, он внезапно замирает. Поднимает взгляд, и его глаза впиваются в мои. *Он меня увидел. Как он меня услышал?* Я отступаю.

— Ты ведь хотела выбраться отсюда? — его голос останавливает меня. — Я выведу тебя. Спускайся.

Я приоткрываю рот. *Вон отсюда?* Смесь радости и изумления отражается на моем лице. Я была готова сидеть запертой в комнате, пока не найду другое решение. Вместо этого решение преподносят мне на серебряном блюде — в облике принца с колючими шутками и глазами, готовыми сожрать любую чужую слабость.

Его личный водитель сопровождает нас к машине. Гвардейцы Артура не идут за мной; одного знака Эдоардо достаточно, чтобы они не шелохнулись. Сажусь на заднее сиденье, Эдоардо справа от меня; между нами — пустое пространство, которое никто

не хочет заполнять. С сердцем в горле я наблюдаю, как за окном проносится пейзаж. *Я действительно ухожу*. Я вернусь в свой маленький разломанный дом, которому принадлежу. Я даже не попрощалась с Артуром, и нашими последними словами были холод и ярость. Но, возможно, так лучше: пусть он сосредоточится на том, что для него действительно важно, ведь здесь я — лишь лишняя деталь. Или, как он сказал, «глоток воздуха». Терзаю пальцы, перескакивая с одной мысли на другую.

Машина останавливается. Поднимаю взгляд и вижу ворота начальной школы с шеренгой родителей у выхода. *Почему мы здесь?*

— Выходи.

— Где мы?

— Я могу довезти только досюда. Сектор, к которому ты принадлежишь, в нескольких шагах отсюда, если я не ошибаюсь.

Сектор? Я почти забыла, что Артур назвал моим сектором девяносто первый или девяностый… что-то в этом роде. Какая-то окраина, где нет сети и плохо ловит телевизор.

Киваю, кладу руку на дверцу. — Спасибо, что вывез меня… — шепчу я. — Если я задела тебя сегодня…

— Тебе не за что извиняться.

Может, он не такой плохой, каким кажется. Может, раньше он просто защищался, а я была недостаточно понимающей.

— Ладно, — бормочу я. Открываю дверцу, ставлю ногу на землю. — Артур… — шепчу я. Он поворачивает голову ко мне. — …защищает тех, кого любит. Он любит тебя больше всех на свете, больше самого себя. Твой отец, может, и не лучший папа, но ради тебя Артур предал бы любого.

Он молча отводит взгляд. Выхожу из машины, закрываю дверь и вдыхаю запах свободы во всей его красе. Делаю несколько шагов вперед; нужно сделать вид, что я иду в сторону сектора, иначе Эдоардо что-то заподозрит. Как только буду уверена, что машина уехала, спрошу дорогу к мосту, и этот кошмар закончится раз и навсегда.

Звонок колокольчика привлекает моё внимание. Заглядываю за школьные ворота: дети выходят с ранцами на спинах и ищут родителей в толпе. Эта сцена вызывает у меня улыбку. Вздыхаю и поворачиваюсь к тротуару.

Светофор загорается зеленым, я ступаю на белую полосу, но не могу идти дальше. Глазами я следую за фигурой впереди, пока все внешние раздражители не исчезают. Мужчина в пиджаке и галстуке переходит дорогу, проходит мимо и обгоняет меня. Его улыбка становится шире, лицо светлеет, в уголках глаз собираются морщинки. Я не могу оторвать от него взгляд.

Он опускается на колени, раскрывает объятия и ловит мальчика с зеленым ранцем.

Папа?

— Папа! — ликует малыш, обхватывая его шею ручонками.

Ноги не слушаются. Дыхание становится таким тонким, что причиняет боль. Дышать больно.

Почему мой отец — папа другого ребенка?

Он снимает рюкзак со спины сына и берет его за руку. Мальчик улыбается во все тридцать два зуба, с гордостью глядя на мужчину рядом.

Они проходят мимо, не подозревая ни о чем, свободные от любого бремени. Пока я рассыпаюсь на части, они смеются. Замирают в паре сантиметров от меня, ожидая зеленого света.

Почему мой отец меня не узнает?

Впиваюсь ногтями в ладони. Наверное, я уже истекаю кровью, но не могу пошевелиться. Мне хочется броситься к нему, обнять, прижать к себе, вдохнуть его запах, смотреть на него, трогать его.

Но я не могу пошевелить ни единым мускулом.

Почему мой отец здесь?

Светофор зеленеет, а я не могу вымолвить ни слова. Они переходят дорогу, окутанные коконом счастья и радости. Никакой унизительной болезни, никакой потери памяти. Мужчина, ухоженный от пальцев ног до кончиков волос, обеспеченный человек, ведущий сына домой.

Мужчина с обликом моего отца.

Только вот от моего отца… у него только внешность.

Черная машина притормаживает передо мной, стекло опускается. Эдоардо смотрит на меня, приоткрывает губы, что-то говорит, но я его не слышу. На самом деле я ничего не слышу. Есть только оглушительная пустота фоном; я не слышу гула машин, гудков, детского смеха, шума толпы.

Я не слышу ничего.

Эдоардо

Я оборачиваюсь; доктор Ясс входит в медицинский кабинет после осмотра её в комнате. Выражение его лица не предвещает ничего хорошего. Он обходит стол и садится.

— Она вошла в состояние шока. Тело понимает, что что-то не так, но разум не позволяет ей ничего с этим сделать. Что бы ни случилось… это вызвало у неё своего рода диссоциацию.

— Я не знаю, что с ней произошло. Я думал… думал, она нам лжет, — шепчу я.

Он что-то печатает на компьютере и недовольно качает головой.

— Что-то здесь не сходится! Она сказала мне, что её отца зовут Нейт Лайен и что он пропал.

— И вы решили поискать его в базах Национального реестра. Вы хоть понимаете, что если Жрецы или ваш отец узнают об этом…

Я закатываю глаза. — Дело не в этом. В базе было три Нейта Лайена, подходящих под описание отца Лавинии. Двое мертвы, а один работает в банке, у него есть сын, а жена заправляет кондитерской. Сначала я подумал, что это совпадение, но потом вспомнил, что о ней никто из нас ничего не знает. Артур защищает её как-то странно: изолирует в комнате, не дает даже есть с нами или выходить на улицу. Я хотел понять, кто она такая.

Я не думал, что её парализует на несколько часов. Я не хотел ничего из этого, мне просто нужны были ответы.

— Что ж, теперь вы поняли, что она не лгала… тот человек действительно должен быть кем-то важным для неё.

— Но он её даже не заметил, он вообще не подозревал о существовании Лавинии. И это еще не всё, — признаюсь я. Ясс поднимает взгляд от монитора. — Я и её поискал в базах.

Секунда тишины. Я приоткрываю губы. — Никакой Лавинии Лайен не существует.

Ясс хмурится. — Родители, должно быть, забыли её зарегистрировать, им грозит штраф. Или это не её настоящее имя. В общем, что угодно может быть.

Трясу головой. — Не сходится. Всё, что она нам наплела — ложь. Артур знает об этом? Что он скрывает?

Единственный момент, когда я могу разузнать о ней — это сейчас. Когда Артур вернется, я больше не смогу к ней приблизиться, не смогу искать информацию. А мне нужно знать. Голубые глаза этой девчонки, непроницаемые, смотрят на всех свысока, будто мы для неё лишь глупые куклы.

Утром она влезла в ситуацию, которая её не касалась, и не только попыталась строить из себя героиню, но еще и вздумала учить меня, каким должен быть отец. Судя по тому, что я видел, она и сама этого толком не знает.

В дверь стучат, в кабинет быстро входит гвардеец.

— Принц Эдоардо, люди Жрецов только что арестовали синьорину Лавинию. Её заперли в наших камерах.

Я округляю глаза. — Что?

Он опускает голову. — Мы ничего не могли сделать, приказ сверху.

Бросаю взгляд на Ясса; он прикладывает руку ко лбу и вздыхает. — Информационные системы находятся под контролем Жрецов, принц Эдоардо.

— И что теперь? — спрашиваю я в порыве тревоги.

Ясс качает головой. — Значит, они так или иначе заметили ваш поиск, или система отправила им уведомление. Думаю, синьорина Лавиния не выйдет из их камер, пока не откроет им, почему её нет ни в одной базе данных.

О нет.

Когда я искал её имя, я и подумать не мог, что они зайдут так далеко. Зачем искать её и запирать? Если Артур узнает, если поймет, что это моя вина, он никогда меня не простит.

Но, что еще важнее, если она не даст им ответов…

— Её будут пытать, — холодно заключает Ясс.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Глава 15

Лавиния

Водопад ледяной воды обрушивается на меня; я задыхаюсь, распахиваю глаза и задерживаю дыхание. *Где я? Что происходит?* Озираюсь, пытаюсь пошевелиться, но цепи больно впиваются в кожу. Приоткрываю рот, и сухость в горле заставляет с трудом проглотить слюну. Я привязана к стулу, мокрая и дрожащая, в маленькой темной камере.

Передо мной стоит мужчина с ведром, а другой приближается с угрожающим видом. — С пробуждением. Сразу предупреждаю: молчание тебе не поможет. Ты должна сказать нам правду, девчонка. От его зловонного дыхания меня подташнивает. Я растерянно моргаю. Моя реакция его не устраивает; он прищелкивает языком, кладет руку мне на голову и с силой дергает за волосы назад. Вскрикиваю от боли, затаив дыхание. — Ты меня не слышала? Сейчас не время играть в молчанку! — рявкает он.

Стискиваю зубы; он отпускает меня, и я наконец перевожу дух. *Я хочу просто исчезнуть отсюда.* Я не могу сказать им правду, но и не знаю, что соврать. Скрежет замка заставляет меня поднять голову: в дверь входит человек в форме. Пытаюсь сфокусировать на нем взгляд, но усталость затуманивает зрение.

Мужчина снимает очки и убирает их в карман кителя. — Пришли результаты анализов крови и отпечатков.

Мои отпечатки? Должно быть, они взяли их, пока я была в обмороке. Это значит только одно…

— Тебя нет ни в одной базе, — заключает он. — И я не выйду отсюда, пока не пойму, кто подослал тебя шпионить за нами. От его ледяной улыбки меня бросает в дрожь.

Они думают, что я шпионка? Я округляю глаза.

Тюремщик качает головой: — Она не проронила ни слова, капитан. Будто не понимает, о чем её спрашивают.

Человек в форме, капитан, спокойно закатывает рукава. Он обходит стул и развязывает веревки, которые меня удерживают; резкая боль заставляет меня вздрогнуть. — Неужели? Интересно. Значит, нам будет весело вместе. Он пододвигает к себе бочку с водой и подходит ближе. Склоняется к моему лицу, а я отворачиваюсь, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. С грубой силой он хватает меня за плечи и рывком поднимает на ноги. Пытаюсь вырваться, но он слишком силен.

— Сейчас посмотрим, развяжется ли у тебя язык. Он хватает меня за голову и погружает её в бочку с ледяной водой. Я пытаюсь вытолкнуть голову вверх, но сильное давление на затылок заставляет меня оставаться на месте. Вода проникает повсюду: в ноздри, в рот, в уши, добирается до самых легких. Стук сердца молотит по барабанным перепонкам, дыхание исчезает всё быстрее, пока мне не начинает казаться, что я умираю.

Капитан вытягивает меня наверх; слезы смешиваются с водой, пока я кашляю в приступе паники. Смотрю на него горящими глазами, сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Кто ты и откуда пришла? — повторяет он.

Мое молчание заставляет его неодобрительно покачать головой. Я не успеваю даже вдохнуть, как снова оказываюсь в той ледяной воде, чувствуя, что тону всё глубже в бесконечном водовороте. Сжимаю зубы до боли. Он снова вытягивает меня.

— Я спросил… кто ты?

Дышу с трудом, вода стекает по шее и груди, дрожь сотрясает меня без пощады. *Хватит, хватит, хватит…* С моих губ срывается лишь стон боли — этого ему недостаточно. Он погружает меня снова, на этот раз на бесконечно долгие минуты, пока я не теряю сознание.

«Номер три: если кто-то причинит тебе боль… ты скажешь мне».

Когда я снова открываю глаза, моя щека прижата к холодному полу. Кашляю пару раз — вода, должно быть, осталась в горле. Сворачиваюсь калачиком. Маленькая лампочка на потолке то гаснет, то загорается; перевожу взгляд на дверь и замечаю, что там остался только один охранник. Кладу голову на колени, изнеможенная и разбитая. *Как мне выбраться из этого дерьма?*

Желудок урчит, а от сильной дрожи стучат зубы. Стискиваю челюсть, когда резкая боль пронзает висок. *Сколько времени прошло?* Я хочу исчезнуть отсюда; слеза катится по щеке.

Шум у двери заставляет меня насторожиться. *Это они? Хотят пытать меня… снова?* Страх овладевает мной, я отползаю назад, пока не упираюсь спиной в стену. По лестнице спускается женщина с корзиной в руках и приказывает охраннику открыть камеру; тот беспрекословно подчиняется. Затуманенное зрение не позволяет мне узнать её, пока она не подходит ближе. *Придворная дама? Это галлюцинация?* Закрываю и снова открываю глаза, но это действительно она.

Она опускается на колени, ставит корзину и открывает её, достает флягу с водой. Подносит к моим губам и жестом велит открыть рот. Мне не нужно повторять дважды: я пью взахлеб, прохладная жидкость медленно стекает в горло. Затем она берет кусок хлеба и прикладывает к моим губам. Жую быстро, боясь, что больше не смогу ничего попробовать еще бог знает сколько времени.

— Тебя изрядно потрепали, а? Я знала, что ты влипнешь в неприятности.

Жую с набитым ртом, проглатываю и кусаю другой кусок хлеба прямо из её рук.

— Тише, тише, — шепчет она. — Ситуация становится серьезной. Если ты не ответишь на их вопросы… вмешаются сами Жрецы, а у них нет пощады.

Её черты лица строги и напряжены, губы накрашены темно-красной помадой, а волосы собраны в пучок, из которого не выбивается ни единая прядь. Её глаза изучают меня с предельным вниманием; она мрачнеет, видя мои ободранные лодыжки, покрытые всё более темными синяками.

— Я не могу ответить, — признаюсь я едва слышным шепотом. — Заберите меня отсюда, я никогда больше не вернусь во дворец. Вы меня больше не увидите, я уеду далеко, — умоляю я.

Она качает головой. — Я не могу этого сделать. Это максимум того, что я могу. Я услышала от девушек, что тебя потащили в камеры, связалась с капитаном, который тебя захватил, но… по закону ты иностранка, более того — призрак без личности.

Лицо искажается от отчаяния. *Меня убьют? Будут пытать дальше? До каких пор?*

— Артур… — шепчу я, голос охрип и вырывается из груди как слабый хрип.

— У меня нет возможности связаться с ним. Связь с Его Величеством прервалась из-за непогоды. Я не знаю, когда он вернется. Единственное, что ты должна сделать — дать им ответы, максимально похожие на правду, которая их убедит. Молчание только злит их. Ты меня слышишь?

Я не хочу этого делать. Я не могу этого сделать. Я не справлюсь.

«Тот человек, капитан, вернется сюда, и я… и я…»

Распахиваю веки, и тут же мне кажется, что вода заливает легкие, удушая меня. Страх поселяется в мыслях и управляет моим дыханием, парализуя меня.

Что-то касается моего плеча. — Лавиния, — голос Дамы доносится до моих ушей легким шепотом. — Сейчас не время сдаваться. Не сейчас. Ты меня слышишь? Скажи, если слышишь.

Поднимаю на неё взгляд. — Слышу. Её суровое выражение лица не терпит оправданий.

— Ты не должна сдаваться. Найди мысль, воспоминание, что-то, за что можно уцепиться. Визуализируй это в своем сознании и оставайся там.

Она берет корзину, прижимает её к груди и встает на ноги.

— Почему вы мне помогаете? — спрашиваю я в замешательстве. С самого первого момента мне казалось, что она меня терпеть не может. Она только и делала, что бросала на меня ядовитые взгляды и жаловалась на моё невежество в правилах дворца.

Она отворачивается, делает знак охраннику открыть камеру и выходит. Поднимается по лестнице, оставляя меня одну.

«Сейчас не время сдаваться. Не сейчас».

Веки становятся всё тяжелее, прислоняю голову к стене и закрываю глаза.

«Найди мысль, воспоминание, что-то, за что можно уцепиться».

Блуждаю мыслями в поисках единственного воспоминания, способного согреть. — Папа, — бормочу я. — Я снова видела папу. Его голубые глаза, полные жизни и лишенные боли, его походка, осанка, легкая щетина…

Это действительно был он. Физическая боль, усталость, страх отходят на второй план. Меланхоличная улыбка появляется на моих губах. Тот ребенок, которого он держал за руку, тот, кто звал его «папа» — неужели это действительно был его сын? Я чувствую себя потерянной, совсем как Артур, когда увидел в моем мире певца, идентичного Эдоардо. Те же люди, но другие версии. Те же глаза, но разные сердца. Трудно поверить. Они были похожи как две капли воды. Но он меня не узнал. Не знает, кто я, и не догадывается.

Потому что в этом мире меня не существует, как и Артур не существует в моем. Никого из нас нет в мире другого — два призрака без истории, без имени.

Эдоардо

Капитан Фернон проходит через огромный зал к самому трону. Его люди стоят за ним, вооруженные и готовые исполнить любой его приказ. Они почтительно кланяются, затем Фернон встречается взглядом с Королем. — Сир, простите за нашу порывистость.

Отец, сидя на троне, поглаживает бороду рукой, в то время как слева от него королевский советник записывает что-то в блокнот, зажатый в пальцах. — Что это за шум, о котором я слышал? Почему вы заперли гостью дворца в камерах? Объяснитесь, капитан Фернон.

Фернон поправляет очки на носу. — У нас есть основания полагать, что девушка не зарегистрирована в базе данных Реестра.

Отец слегка морщится. — Что ж, это значит, что ей придется заплатить штраф. На каком основании вы её удерживаете?

Я улыбаюсь. Он не дает капитану Фернону себя облапошить, в конце концов, на кону его репутация. Если гости в его собственном дворце рискуют оказаться за решеткой без его ведома, что он за суверен? Поэтому он притворяется, что знает, притворяется, будто его проинформировали с самого начала.

— Сир, девушки нет ни в одной базе. Её отпечатки и анализы крови не позволяют идентифицировать личность.

Хмурюсь. Отец ерзает на стуле — этого он явно не ожидал. — Как такое возможно?

— У нас есть основания полагать, что она — международная шпионка, иностранный агент, которого невозможно опознать и выследить. Вы знаете, насколько опасен такой субъект, Ваше Высочество? Она могла совершить покушение на вашу жизнь и исчезнуть в никуда.

— Покушение? Мы говорим о девчонке! — выпаливаю я. Командор бросает на меня недоуменный взгляд. Откашливаюсь. — Такая хрупкая девушка — как она может покушаться на жизнь Короля? Она всегда окружена гвардией, и не забывайте о самом главном: она спасла жизнь Артуру.

Папа задумчиво кивает. Но командор остается непреклонен. Для него Лавиния — реальная опасность. — Именно это и могло быть её планом с самого начала, Ваше Высочество. Заставить вас поверить, что всё продиктовано случаем. Сами Жрецы поручили мне провести расследование.

— Но…

— Капитан прав, Эдоардо. Мы должны быть начеку и понять, с кем имеем дело. Папа доверяет словам капитана. Стоит упомянуть Жрецов, и он тут же сдается — знает, что ему невыгодно идти против их власти.

Да и в самом деле, зачем ссориться со Жрецами из-за какой-то девчонки?

Пытаюсь потянуть время. — По крайней мере, дождемся возвращения Артура. Она его гостья, не забывайте об этом.

— Учитывая сомнительность личности девушки, я уверен, что принц поймет срочность, с которой был решен этот вопрос.

Сжимаю кулаки. Бесполезно. Что бы я ни сказал — этого мало. *Как мне предотвратить катастрофу?*

— Я тоже буду участвовать в расследовании. Хочу услышать её ответы, — заявляю я. И Король, и капитан Фернон смотрят на меня с удивлением. Я никогда не проявлял интереса к подобным делам, скорее наоборот. Всегда держался подальше от инквизиций, допросов и государственных обысков.

Фернон растягивает губы в вежливой улыбке. — Могу я спросить, почему, Ваше Высочество? Вы не доверяете нашей работе?

— Ни в коем случае. Я хочу присутствовать при признании. В конце концов, она вошла в доверие к моей семье, к моему брату. Это личное, — лгу я.

— Думаю, для вас будет лучше, Ваше Высочество, остаться с вашим от…

— Не помню, чтобы я спрашивал вашего разрешения, капитан. Это был приказ. Ведите.

Минута ледяного молчания. Напряжение в воздухе можно потрогать руками, но капитан не теряет улыбки. Он лишь слегка склоняет голову, прежде чем повести меня к камерам. Его люди следуют за нами, мои гвардейцы тоже. Мы доходим до подвала; он достает ключи и открывает дверь. От холода меня тут же бросает в дрожь. Чем ниже мы спускаемся, тем сильнее падает температура.

— Сюда, принц. — Капитан жестом велит следовать за ним и сворачивает направо. За углом еще несколько ступеней вниз; гвардеец перед камерой склоняет голову в знак почтения. Когда я перевожу взгляд за решетку, хрупкое тело Лавинии заставляет мое дыхание замереть. Она забилась в угол на полу, руки и ноги связаны, волосы мокрые, губы потрескались.

Как… во что они её превратили?

Капитан велит стражнику открыть камеру. Лавиния провалилась в глубокий сон; она не слышит, как мы входим, не осознает нашего присутствия. Её специально оставили без еды и воды, чтобы изнурить, лишить ясности мысли и заставить признаться. Фернон берет бочку, стоящую в углу, и приказывает подчиненному наполнить её водой.

— Зачем это? — спрашиваю я.

Он жестом велит мне понизить голос; блеск веселья в его глазах меня пугает. Стискиваю зубы и сжимаю челюсть. *Он хочет окатить её ледяной водой?* Гвардеец возвращается с полной бочкой; Фернон берет её, готовый разбудить пленницу. Пока капитан не видит, я пинаю ногой пустой ковш на полу. Ковш ударяется о решетку и с грохотом катится. Шум пробуждает Лавинию: она открывает глаза и часто моргает.

Она бледнеет, встретившись взглядом с капитаном, пытается отползти назад, но уже прижата к стене.

— Доброе утро. Я уже был готов тебя освежить. Какая жалость, — пожимает плечами капитан. — Итак, на чем мы остановились? — ухмыляется он. Опускается перед ней на колени, берет за подбородок и улыбается. — Кто ты и откуда пришла?

Лавиния пытается отстраниться, вырваться, но он крепко держит её, заставляя смотреть прямо в глаза. Я не могу не заметить синяки на её лодыжках — тот разгром, в который её превратили всего за две ночи.

— Я Лавиния.

Её голос охрип — слабый, тонкий шепот, почти неразличимый.

Капитан качает головой. — Это не тот ответ, который я хочу услышать! Лавиния округляет глаза, будто уже знает, что её ждет. Капитан хватает её за волосы и тащит к бочке. Она тщетно сопротивляется, и прежде, чем я успеваю пошевелить пальцем, он погружает её голову в воду, с силой удерживая за затылок. Её крики и приглушенные стоны режут мне уши.

Я отталкиваю его руку. — Довольно, — приказываю я. Лавиния поднимает голову, валится на пол и кашляет.

Фернон качает головой. — Вы не знаете, как это работает, принц. В таких случаях нужно доходить до крайности. Не беспокойтесь, она не умрет. Он снова протягивает руку, чтобы схватить её, но я преграждаю ему путь.

— Я сказал: довольно, — повторяю я сквозь стиснутые зубы. Мои гвардейцы делают шаг вперед, мгновенно напрягаясь, люди капитана делают то же самое. Капитан знаком велит им успокоиться, с улыбкой встает и кладет руку мне на плечо.

— Позвольте мне делать мою работу, Ваше Высочество. Твердый тон не терпит возражений.

— Только не так, капитан.

— Не могли бы вы отпустить мою руку?

Разжимаю хватку, которой заблокировал его. Поворачиваюсь и склоняюсь над Лавинией, приподнимаю её лицо. Её голубые глаза встречаются с моими — сначала с ужасом, потом с облегчением. Будто я — последняя зацепка, которая у неё осталась. —

Помоги мне… — шепчет она сорвавшимся голосом. Она не дает мне ответить, прижимаясь лбом к моей груди. Она холодная, просто ледяная.

Капитан смотрит на меня с раздражением, но я настаиваю: — Такое обращение применимо только к шпионам, а она им не является.

Лавинию сотрясает непрерывная дрожь. Её дыхание щекочет мне шею, пока я пытаюсь согреть её как только могу.

— Ваше Высочество, вы препятствуете расследованию.

Стискиваю челюсть. — Нет никакого расследования. Вы закончили пытать её. — Я подхватываю её за ноги, поднимаясь. Её голова падает мне на плечо.

— Я вынужден не согласиться. — Его люди вскидывают оружие, целясь в меня; мои гвардейцы реагируют мгновенно, выхватывая пистолеты и направляя их на противников. С одной стороны — мир Жрецов, с другой — королевской семьи. — Поскольку девушка не дает нам достоверных ответов, мы вправе использовать любые методы. Напоминаю вам, что вопросы шпионажа и безопасности находятся в ведении Жрецов, а не в вашем.

Он пытается запугать меня, упоминая Жрецов. Он знает, в каком шатком положении я окажусь, если посмею проигнорировать его слова и увести Лавинию. Это будет равносильно попранию духовной власти всей нации. Я могу развязать затяжную гражданскую войну — риск, который годами удерживали под контролем благодаря вежливости и взаимному уважению. Королевская семья не вмешивается в дела Жрецов, а Жрецы не лезут в наши.

Я крепче прижимаю к себе хрупкое тело Лавинии. Я не могу оставить её в их руках, это моя вина, что она здесь. Мне не следовало проводить те поиски… я не должен был…

Лавиния касается моей груди ладонью. — Опусти меня, — еле слышно бормочет она.

— Сейчас не время нести чушь, — шепчу я ей.

Капитан подает знак одному из своих людей забрать Лавинию из моих рук. Отступаю назад, пока мои гвардейцы прикрывают меня. Упираюсь спиной в стену.

— Оставь меня… — Она с трудом прочищает горло. — Оставь меня здесь.

Если я оставлю её здесь, чувство вины не даст мне спать всю ночь. Лавиния и не подозревает, что во всём виноват я. Она не знает, кто истинный виновник. Она встала между мной и самим Королем, не раздумывая, а я не могу даже переступить через капитана из-за Жрецов.

— Вы ведь не хотите втянуть королевскую семью в гражданскую войну, принц Эдоардо?

Стискиваю зубы. *И что мне теперь делать?*

Целый патруль королевской гвардии спускается по лестнице маршем, затем выстраивается в ряд, замирая «смирно» в знак почтения к фигуре, медленно сходящей по ступеням.

— Он — нет.

Знакомый голос заставляет меня вздохнуть с облегчением. *Он пришел в самый нужный момент.*

— А я — да.

Золотистая копна волос показывается в дверях камеры. В сопровождении лучших гвардейцев дворца, вооруженных до зубов, Артур движется вперед с угрожающим видом; его глаза горят мстительным блеском. Он хватает капитана за ворот мундира, и

тот вскидывает руки в знак капитуляции. Никто из его людей не смеет перечить наследнику престола.

— Как ты посмел коснуться её? — Артур встряхивает его.

— Принц, у девчонки нет лич…

Артур усиливает хватку, почти удушая его. — Я спросил: как ты посмел коснуться её? — повторяет Артур сквозь стиснутые зубы. Капитан сглатывает, его лицо багровеет.

Артур не задумывается, злость взяла верх. Он слегка наклоняет голову. — Тебе лучше самому свести счеты с жизнью, капитан. Потому что даже Жрецы не спасут тебя от моего гнева.

Он отшвыривает его; капитан хватается за горло и отступает, жадно ловя воздух с искаженным от ужаса лицом. Артур поворачивается ко мне, и его взгляд падает на тело Лавинии. Я крепче прижимаю её к себе. Сейчас ярость застилает ему взор, и никто не смеет проронить ни звука. Люди Фернона в полной тишине освобождают Лавинию от цепей.

Артур подходит ближе, протягивает руки, и я передаю ему Лавинию. Она машинально цепляется за него дрожащими пальцами. Ей достаточно вдохнуть его аромат, чтобы расслабиться и зайтись в рыдании от пережитого страха.

Он гладит её по спине с нежностью, которая является полной противоположностью его мрачному и ледяному взгляду. Он выходит из камеры, его люди следуют за ним, и никто не смеет возразить.

— Вам лучше бежать, капитан. Артур убьет вас, — предупреждаю я его.

И если он убьет капитана, Жрецы объявят нам войну. Это меня пугает, потому что я не сомневаюсь — Артур это сделает. Я прочитал это в его глазах: он убьет любого, кто посмел её тронуть.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 16

Лавиния

Я даже не знаю, когда начала плакать. Стоило почувствовать его запах, как слезы непрерывным потоком хлынули из глаз. Он прижимает меня к себе, останавливается и медленно опускает на что-то мягкое. Приподнимаю голову: я в комнате, но не в своей.

Королевский врач склоняется надо мной и направляет в глаза резкий, раздражающий свет. Моргаю, меня колотит дрожь, а усталость сковывает тело. Две придворные девушки обнажают мои запястья и лодыжки; я вздрагиваю от резкой боли — антисептик коснулся разорванной кожи. Жжет так сильно, что я стискиваю зубы. Отвожу взгляд в сторону и натыкаюсь на медовые глаза Артура: он смотрит так пусто, что меня пробирает озноб. Приоткрываю рот, хочу что-то сказать, но голос не слушается. Хмурюсь. Должно быть, я наглоталась воды, горло горит при каждом вдохе. Когда я снова поднимаю взгляд, Артура уже нет. *«Куда он ушел?»* Это выражение лица было пугающим. *«Что он задумал?»* Пытаюсь пошевелить рукой, приподняться, но сил нет совсем.

— Лежите, лежите смирно. Вы так слабы, что упадете в обморок через два шага. Врач удерживает меня на кровати. Трясу головой, пытаюсь заговорить, но всё еще не могу. Затем чувствую, как по венам растекается тепло; опускаю глаза и вижу, что он что-то вводит мне. В мгновение ока сознание туманится, а зрение расплывается.

— Мне пришлось дать ей успокоительное, иначе мы не сможем обработать раны. Она слишком взвинчена…

Слова на ветер, далекое бормотание. А затем — полная тьма.

Когда я просыпаюсь, в комнате никого нет. Не знаю, сколько я проспала и сколько времени прошло. Справа от меня стоит стойка с капельницей, подключенной прямо к вене. На мне сухая и чистая одежда: светло-голубая пижама и белые носки. *«Они меня переодели?»*

Резкая боль в виске заставляет меня поморщиться. Сажусь, спускаю ноги на пол, дышу. Воспоминания о том человеке, капитане, о том, как он таскал меня за волосы и окунал лицом в ледяную воду; свист в ушах; мои крики и его смех… Всё это обрушивается на меня разом.

«Артур…»

У него был пугающий взгляд. Мне нужно немедленно найти его. Встаю, комната плывет перед глазами. Вцепляюсь пальцами в тумбочку. Вдох, выдох. *«Я справлюсь»*. Тяну за собой стойку с капельницей, дохожу до двери и открываю её. Гвардейцы тут же напрягаются; объясняю им, что мне срочно нужно видеть принца.

— В данный момент он в камерах, — отвечает тот, что постарше. — Вам нужно что-то передать?

Я бледнею. — Его арестовали? — спрашиваю едва слышно, дыхание перехватывает.

Он качает головой. — Нет. Он наказывает капитана за то, что тот бросил вас в застенки.

— Вы можете отвести меня к нему? Пожалуйста, это срочно.

Должно быть, я выгляжу жалко, потому что он без лишних слов кивает. Поддерживая под руку, он ведет меня по коридору. Мы спускаемся в подвалы. И чем дальше мы идем, тем отчетливее становятся воспоминания о том, что со мной здесь вытворяли. Сжимаю его руку, тревога молотит в груди.

— Вы уверены, что в порядке, синьорина?

— Да, я… — бормочу я.

— А ты что здесь делаешь?

Резко оборачиваюсь. На меня ледяным взглядом смотрит Дама, за ней — две девушки с опущенными головами. Она изучает меня с ног до головы, ожидая объяснений. Гвардеец говорит ей правду.

— Даже не вздумай. Хочешь сделать еще хуже? Ты не понимаешь, в каком состоянии Его Высочество? Если бы они увидели тебя здесь… я даже представить боюсь последствий. Она прикладывает ладонь ко лбу.

— В каком состоянии? Что случилось? — спрашиваю я в ужасе.

Дама качает головой. — Случилось то, что он перестал трезво мыслить и отдался ярости. Ты не знаешь, каким мстительным он может быть.

Жуткий крик прорезает воздух. Это не голос Артура, кажется, кричит капитан. Сердце колотится как бешеное, кровь стынет в жилах. Дама жестом велит стражнику открыть дверь тюрьмы. Спускаюсь на пару ступенек, прищуриваюсь, пытаясь сфокусировать взгляд: от того, что я вижу, к горлу подкатывает тошнота. Сдерживаюсь, глубоко дышу.

У Артура рукава белой рубашки закатаны до локтей, он с силой удерживает голову капитана, чье лицо залито кровью. Глаза опухшие и багровые, губы разбиты, лоб искажен гримасой боли. Артур окунает его лицом в бочку с водой и держит обеими руками, несмотря на то что тот бьется и издает пронзительные стоны. Он топит его, удерживая до тех пор, пока тот не перестает двигаться. *«Он м-мертв?»* Артур вытаскивает его и швыряет на пол, делает знак гвардейцу, который тут же принимается проверять пульс. Тот прикладывает палец к его шее.

— Я спустилась как раз для того, чтобы остановить его, не волнуйся.

Дама проходит мимо меня в сопровождении своих подчиненных. Ни один гвардеец не смеет преградить ей путь — её здесь безмерно уважают. Она поворачивается ко мне: — Не пускайте её. Уведите обратно в комнату, — приказывает она. Стражники кивают, и последнее, что я вижу — это Артур, поворачивающийся к Даме.

Он поднимает руки: — Я должен был это сделать.

***

Сидеть запертой в комнате, лежа на кровати и ожидая, пока кто-нибудь скажет мне, жив ли капитан, накажут ли Артура, подставила ли я его… это невыносимо.

«Ты не знаешь, каким мстительным он может быть».

Неужели это он имел в виду под третьим правилом нашего пакта? Когда говорил, что отрубит голову тому пьянице в ресторане… значит, всё это было правдой. Пытки и месть — ужасы, которые мне чужды и которые я никогда не думала увидеть так близко.

Дверь открывается, я смотрю на неё с замиранием сердца. — Артур… — шепчу я.

Передо мной — лицо Эдоардо. *Это не он.* Сжимаю простыню пальцами.

— Тебе лучше? — Он закрывает за собой дверь. Подходит медленно; на нем черная футболка под цвет его темных глаз.

— Артур? — тут же спрашиваю я.

Уголок его губ приподнимается — вероятно, от того, как быстро я спросила о брате. — Жрецы назначили экстренное собрание на завтрашнее утро. Наверняка потребуют объяснений: они посылают своего человека для расследования, а находят его замученным в камерах. Не самый дружелюбный жест, скажем так.

— Экстренное собрание… — повторяю я. Опускаю взгляд. *«Что это значит? Его накажут?»*

— Он выкрутится, не волнуйся. У капитана всего лишь пара сломанных костей и порезы, ничего серьезного. Твой потрясенный вид говорит о том, что ты не знала этой стороны моего брата.

С трудом сглатываю. Здесь его все знают именно таким. Только я была в неведении насчет этой пугающей, мстительной стороны, насчет этой пустой бездны в его глазах. Я привыкла к улыбкам и сияющему лицу; здесь же он носит маску человека, которого нужно бояться и уважать. *«Будто совсем другой человек».*

— Лавиния, это я искал твоего отца. Я привез тебя к той школе, потому что знал: он пройдет там, чтобы забрать сына. Я обманул тебя.

Я приоткрываю рот. *«Это он всё подстроил?»* — Зачем ты сказала мне, что он исчез?

— Так и есть, — шепчу я. — Папа исчез много лет назад.

— Да, но…

— Эдоардо, — вздыхаю я. — Ты ведь проводил несанкционированное расследование обо мне, так? Ты думал, что я здесь под чужим именем, и расставил ловушку. Ты позволил мне застыть на том переходе перед человеком, который подходит под описание моего отца. — Тяжесть давит на грудь; какая же я была дура. Я ведь даже верила ему. — А я еще и поблагодарила тебя…

— У меня не было дурных намерений. — Он проводит рукой по волосам. — Но что-то здесь не так, что-то Артур пытается от меня скрыть. Даже капитан не нашел о тебе информации. Я просто хочу понять, кто ты такая. Он подходит еще ближе и склоняется надо мной. Упирается руками в матрас, вглядываясь в моё лицо с предельной концентрацией. Я отстраняюсь, едва не коснувшись его лица. — Почему Артур так тебя защищает? — выдыхает он эти слова мне прямо в губы.

Открываю рот, но тут же закрываю. *Что я могу сказать? Ничего.*

— Я не собираюсь отвечать тебе, Эдоардо. Ты меня обманул. Ты поэтому спустился в камеры помочь мне? Из-за угрызений совести?

Он склоняет голову, кривит губы в легкой гримасе и снова смотрит на меня. — В том числе. Скажем так, капитан — не единственный, кто боится гнева Артура. Никто не хочет идти против него без веской причины.

Мне становится душно от мысли, что он использовал меня как марионетку для проверки своих теорий, в то время как я подставилась, чтобы защитить его от собственного отца. *«Какая же я была идиотка. Не могу поверить».* Пытаюсь отодвинуться, но он хватает меня за руки и прижимает их к матрасу.

— Убегаешь, когда не знаешь, какую еще ложь сочинить?

— Мне нечего тебе сказать. Я жалею, что помогала тебе.

Искра веселья вспыхивает в его глазах. — О, ты выпустила коготки?

— Это то, чем ты занимаешься, когда отец тебя избивает? Вымещаешь злобу на тех, кто тебе помогает? Очень по-взрослому, принц Эдоардо, — шиплю я сквозь стиснутые зубы. Тень ложится на его лицо.

Он прищелкивает языком. — А вот это было больно.

Дверь распахивается, и в самый подходящий момент в комнату врывается Придворная дама в сопровождении двух верных служанок. Она отвешивает Эдоардо легкий поклон, но он продолжает хмуро смотреть на меня, игнорируя её.

— Артур не должен об этом знать. Мы друг друга поняли? — Его взгляд мрачен и темен. Он выпускает мои руки и отходит. Я делаю глубокий вдох, глядя, как он беспрепятственно выходит. Горничные молча склоняют головы.

Дама жестом велит одной из них закрыть дверь. — Ты просто не можешь не искать неприятностей, верно? Тебе не стоит играть с принцем Эдоардо, он может превратить твою жизнь здесь в ад.

— Но это он начал! Если бы не его идиотские поиски…

Она прикладывает указательный палец к губам, приказывая мне замолчать. Я умолкаю. Она подходит и садится на край кровати. Одна из девушек держит поднос с едой; Дама велит ей подать его мне. Аромат блюд щекочет ноздри — я ничего не ела с тех пор, как она покормила меня тайком. Желудок урчит при виде порции дымящегося риса. Беру ложку, подношу к губам, но рис слишком горячий, и я обжигаю язык.

— Ай! — вздрагиваю я.

Дама подает мне стакан воды и вздыхает. — Ты не выживешь во дворце, если продолжишь в том же духе.

Хмурюсь. — В каком — «в том же»?

— Тебе не понять. — Она качает головой. — Тебе нужно держаться подальше от принцев.

— У принца Эдоардо явные проблемы с личност…

— Тсс! — Она бросает на меня испепеляющий взгляд. — Здесь даже у стен есть уши. Не ввязывайся в дела принцев. Рискуешь сгореть дотла. То, что я видела раньше, мне совсем не понравилось.

— Но это Эдоардо…

— Я говорю об Артуре. Он давно не давал воли своему гневу, он обещал мне, что больше не потеряет контроль. Но… появилась ты, он нашел тебя в таком состоянии и лишился рассудка. Я своими глазами видела, как он ломал кости тюремщикам, одну за другой, без малейшего колебания. И что хуже всего — их крики доставляли ему удовольствие.

Ложка выпадает из моих рук и со звоном ударяется о поднос. Когда мы были в моем мире, я помню, он действовал импульсивно, если кто-то причинял мне боль. Например, он избил полицейского без моего ведома. Но я никак не ожидала такой убийственной ярости. Чувство вины пожирает меня. — Что же мне делать? Выпустите меня отсюда, я буду держаться от него подальше… я…

Мысль о том, что я больше никогда его не увижу, сжимает желудок, но осознание того, что я — причина той тьмы в его глазах, ужасает меня.

Горькая, ироничная усмешка срывается с её губ. — Выпустить тебя из дворца? Артур этого никогда не позволит. И больше всего меня пугает наказание, которое завтра наложат на него Жрецы. Он не сможет уклониться от их требований. Отвечать за свои проступки перед этими существами, этими паразитами — последнее, чего бы он хотел.

— Разве нельзя ничего сделать? Король? Кто-нибудь?

— Король? Сейчас у Артура больше власти, чем у Короля. Я же не значу ничего — я могу распоряжаться жизнью внутри дворца, но за его пределами у меня нет влияния. — Она встает, разглаживает юбку. — Завтра будет видно.

Я моргаю, желудок сжимается, голод исчезает. Он не должен был спасать меня, если ставки так велики, не должен был… делать ничего из этого.

— Ты можешь помочь ему, не влипая в неприятности и, прежде всего, держась от него подальше, — произносит она, выделяя последние слова. — Ты должна постараться всеми силами, потому что он этого явно делать не станет.

Я встаю, чтобы проводить её к двери, но она жестом велит мне оставаться на месте.

— Как только тебе станет лучше, вернешься в свою комнату. Ты уж точно не можешь оставаться в постели принца Артура, Лавиния.

В постели… Артура? Я только хлопаю ртом, растерянно оглядывая комнату. Придворная дама выходит вместе со служанками, дверь за ними закрывается. *Это его комната?* Я не обращала внимания ни на что вокруг: ни на изысканные люстры, ни на бесконечные зеркала, что вдвое выше меня. Поднимаю голову: окна выходят прямо в королевский сад, солнечный свет отражается от пустых стен. Переставляю поднос на тумбочку и опускаю голову на подушку — значит, это его кровать. Такая широкая, что здесь поместились бы десять человек. Вдыхаю аромат, которым пропитаны белые простыни, и закрываю глаза.

— Зачем он всё это делает? — шепчу я сама себе.

Остаток дня я провожу в одиночестве. Изредка заходит дворцовый врач, чтобы проверить показатели и дать таблетки. От одной из них голова становится такой тяжелой, что глаза закрываются сами собой, и я проваливаюсь в глубокий сон.

Не знаю, сколько я спала, но, когда открываю глаза, рядом со мной лежит Артур. Я мгновенно деревенею. Его глаза закрыты, ладони под щекой, лицо — само ангельское спокойствие. Он расслаблен, черты лица такие мягкие, что та его версия, которую я видела в тюрьме, кажется нереальной. Его грудь мерно вздымается и опускается под моим неподвижным взглядом. Я любуюсь его полными губами, густыми ресницами и безупречной кожей.

— Зачем ты так рискуешь ради меня? — шепчу я едва слышно.

Непослушный локон падает ему на лоб, и я протягиваю руку, чтобы поправить его. Убираю его наверх, мои пальцы скользят по мягким волосам. Я замираю, коснувшись ладонью его щеки.

— Мы давно не были так близки… с тех пор, как были в моем мире, — бормочу я. Мы отдалялись, ранили друг друга, сталкивались лбами. Но стоило кому-то нарушить наши три правила, и он стал прежним. С той лишь разницей, что эту его неуправляемую и яростную сторону я никогда раньше не видела.

Убираю руку и кладу её на узкую полоску матраса, между нами. Артур вытягивает руку, берет мою ладонь и возвращает её на прежнее место — к своей щеке. Он всё еще погружен в сон и не осознает, что делает.

Я глажу его по щеке, очарованная мягкостью кожи и его обволакивающим ароматом. Этот момент кажется настолько сюрреалистичным, что в глубине души я жажду оказаться в другом месте. *«Если бы мы только были в моем доме, одни, как раньше».*

— Надо же, «никто не смеет тебя касаться», Ваше Высочество… — я играю с прядью его волос, накручиваю на палец и убираю за ухо. Вздыхаю — лучше мне уйти. Если он проснется, то наверняка не даст мне покинуть комнату, а я явно не могу здесь оставаться.

Смотрю на него в последний раз, затем переворачиваюсь и сажусь. Ноги на полу, ступни касаются холодного паркета. Бросаю взгляд на капельницу — она уже закончилась. Отсоединяю её от руки, но когда пытаюсь встать, меня рывком тянут назад. Матрас прогибается под моим весом.

Затаив дыхание, я смотрю в медовые глаза, которые сверлят меня сверху вниз. Артур навис надо мной, пригвоздив к постели своими руками; золотистые кудри щекочут мне лоб. Я не могу вымолвить ни слова: сердце в горле и пылающие щеки говорят сами за себя. Он проводит рукой по моей щеке с медленной нежностью, спускается пальцами ниже и отодвигает ткань пижамы, обнажая плечо. Он наклоняется, и его губы касаются моей кожи, вызывая тысячи мурашек.

Затем, словно этого мало, он перемещается губами к мочке уха, и его дыхание щекочет шею. — Тебе можно касаться меня всегда, Лавиния. Я думал, уже объяснил это тебе, — выдыхает он. Сжимаю простыню пальцами, чувствую, как лицо горит. Пересохшее горло не дает вымолвить ни слова; я вздрагиваю, когда он слегка прикусывает мое ухо. Он находит мои ладони и переплетает со своими, крепко сжимая. Глубоко вздыхает, будто всё это время сдерживался.

— Ты такая сладкая, — мычит он, утыкаясь губами в мою шею. Закрываю глаза, пока он поглаживает большим пальцем тыльную сторону моей ладони.

Он поднимается губами выше, до самой щеки. — Никто не причинит тебе боли. Он прижимается губами к моей щеке и замирает на время, которое кажется вечностью. Затем отстраняется и смотрит на меня с сияющей искрой в глазах. — Никто, Лавиния.

С трудом сглатываю, прочищаю горло. — Я… я в порядке, — шепчу я сорвавшимся голосом. — Врач осмотрел меня, ничего серьез…

— Он ранил тебя. Я уже говорил, что мне это не нравится. — Искренность в его глазах выбивает почву у меня из-под ног.

— Ты из-за этого подверг себя опасности, верно? Завтра утром встреча со Жрецами, что ты скажешь? О чем они тебя спросят? — Мои страхи льются бурным потоком, но он улыбается. Ложится рядом, выпуская меня из своих объятий.

— Кто наплел тебе всё это? — спрашивает он забавленным тоном. — Ты быстро освоилась во дворце, поздравляю.

Я сажусь. — Сейчас не время шутить. Что ты скажешь? И обо мне тоже… Они узнали, что у меня нет личности, увидели, что мои отпечатки никому не принадлежат.

Уголок его рта приподнимается, на щеке появляется ямочка, пока он слушает меня. Я не понимаю, почему он не воспринимает ситуацию всерьез. Все напуганы, а он смотрит на меня и смеется. Будто всё это на самом деле его не волнует.

— Надеюсь, ты не будешь смеяться в лицо и Жрецам.

Он хватает меня за руку, притягивает к своей груди и крепко обнимает. Я прижимаюсь лицом к его шее, а его ладони гладят меня по спине. — Подумаем об этом завтра. Сейчас я хочу только спать.

Пытаюсь высвободиться, но он не дает. — Я не могу здесь оставаться, — шепчу я.

— Если ты уйдешь, я не смогу сомкнуть глаз.

От этого внезапного признания сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Единственный плюс — в темноте он не видит, как сильно я покраснела.

— Так что, пожалуйста, останься со мной, — шепчет он сонным голосом. Я замираю: мышцы напряжены, дыхание сбито. Пока я боюсь даже вздохнуть слишком

громко, он проваливается в такой мгновенный и глубокий сон, что я невольно задаюсь вопросом: как же он устал? Он отключился за секунду.

Единственный звук теперь — его дыхание.

Во мне борются осознание того, что нельзя оставаться так близко к нему, и желание подарить ему хоть немного покоя. Если я пошевелюсь, он точно проснется, а ему нужно отдохнуть — завтра будет тяжелый день, в том числе и по моей вине… Поэтому я сдаюсь и стараюсь утешить его как могу.

Я поднимаю руку и кончиками пальцев легонько похлопываю его по спине; невинная улыбка озаряет его лицо. Вот это — тот Артур, которого я знала. Тот Артур, на которого я не могу перестать смотреть.

***

Открываю глаза: солнечный луч заставляет меня проснуться. Провожу рукой по лицу и с замиранием сердца оглядываюсь. От Артура нет и следа.

Который час? Встреча уже состоялась? Почему он дал мне спать?

Откидываю одеяло, соскакиваю с кровати и бегу к двери. Поворачиваю ручку, открываю — гвардейцы переговариваются, шепча что-то об Артуре. Заметив меня, они тут же умолкают.

— Вам что-нибудь нужно, синьорина?

— Принц Артур?

Сердце колотится в горле. Они обмениваются мимолетными взглядами — безмолвными знаками согласия, от которых у меня перехватывает дыхание.

— Он направился в резиденцию Генерального ордена Жрецов.

— Что это значит?

Они смотрят на меня как на сумасшедшую. Вдруг они почтительно склоняют головы перед фигурой, идущей за моей спиной; оборачиваюсь и вижу Придворную даму — руки скрещены на груди, брови нахмурены.

— Это значит, Лавиния, что Артуру придется согласиться стать их верным цепным псом.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 17

Лавиния

Дама идет впереди меня по узкой аллее, усыпанной гравием. *«Куда мы идем?»* Следую за ней в благоговейном молчании; она останавливается перед деревянной дверью. Поднимаю взгляд: небольшое сероватое здание, примыкающее к дворцу, с редкими окнами по бокам, лишенное роскошного декора остальной части виллы. Она открывает дверь; на полу лежит паркет, а вешалка у входа завалена куртками. Встречаю лица, которые уже видела раньше: некоторых узнаю среди гвардейцев, охранявших мою дверь, другие — те самые люди, что подают блюда во время трапез.

Дама останавливается в конце коридора перед белой дверью. Достает из кармана ключ, отпирает и жестом велит мне войти. Множество двухъярусных кроватей, маленькие деревянные шкафы и длинное зеркало, висящее на стене.

— Отныне ты будешь жить здесь.

Вскидываю бровь. *«Что?»*

Она подходит к застеленной кровати. — Это будет твое место. Скоро одна из девушек принесет тебе сменную одежду и объяснит все правила, которым ты должна следовать.

— Правила? О чем вы говорите?

— Дорогая. — Она улыбается так, как улыбаются потерявшемуся ребенку, но с оттенком иронии. — Столкновение между королевской семьей и Жрецами вызвало огромный переполох. Поскольку никто не хочет, чтобы твоя таинственная личность создавала новые проблемы, нужно сделать так, чтобы всё утихло и о тебе забыли. Ты не можешь оставаться здесь в качестве гостьи — для этого тебе пришлось бы раскрыть, кто ты такая, к тому же ты бывшая заключенная. Поэтому вот решение: ты присоединишься к придворным девушкам под моей опекой.

Скорость, с которой она начинает раздавать приказы, лишает меня дара речи. Она переходит от норм одежды к правилам осанки и этикета. Ко всему тому, к чему я совершенно не привыкла.

— Артур знает об этом? — спрашиваю я, прерывая её речь. Она хмурится, её губы сжимаются в суровую линию.

— Как ты его назвала? — Она откашливается. — Его Высочество, Лавиния. Никакого «Артура». Тебе ясно?

Секунда тишины. Её взгляд впивается в меня, заставляя чувствовать себя такой ничтожной, что перехватывает дыхание. В комнату входит Вирджиния: волосы собраны в идеальный пучок, губы накрашены светло-розовой помадой. На ней белая рубашка и черная юбка чуть ниже колена. В руках она держит комплект, идентичный её собственному, который явно предназначен мне. Она бросает на меня мимолетную улыбку.

— Я спросила: тебе ясно? — раздраженно повторяет Придворная дама. Трудно поверить, что эта женщина вызвалась взять меня под свое крыло, чтобы избавить от проблем. По правде говоря, единственный проблеск доброты она проявила, когда принесла мне еду в камеру. Только в те мгновения её взгляд казался почти нежным. Сейчас же она смотрит с такой холодностью, что у меня стынет кровь в жилах. Это женщина, внушающая ужас.

— Мне ясно, — ограничиваюсь я ответом.

— Придворная дама, — добавляет она.

— Что?

— Каждый раз, когда ты обращаешься ко мне, ты должна заканчивать фразу титулами, подобающими дворцовым нормам. И поскольку мой ранг выше твоего, ты должна использовать формальный язык. Ты меня слушаешь?

Меня уже подташнивает. Чтобы спастись из когтей Жрецов и их солдат, мне придется стать невидимкой. Я не могу ни выйти из дворца, ни жить в нем нормально. *«Ловушка. Вот где я оказалась»*. Вирджиния бросает на меня предостерегающие взгляды; поднимаю глаза на Придворную даму, которая скрестила руки на груди и ждет моего подтверждения.

— Всё ясно, — шепчу я. — Придворная дама, — добавляю едва слышным вздохом.

Мне нужно приспособиться, если я не хочу подвергнуться физическим пыткам и допросам, на которые не могу ответить.

— Хорошо. Вирджиния объяснит тебе остальное и распорядок, которого ты должна придерживаться. Знай, что я не буду давать тебе поблажек, не жди привилегированного отношения, потому что ты его не получишь. Тебя будут считать такой же, как и всех остальных: ни больше ни меньше.

Она выходит из комнаты, оставляя меня в оцепенении. Она настолько холодная и жесткая, что это кажется нереальным; ни один человек не излучает такой преданности дисциплине, как она. Выдыхаю, напряжение в плечах спадает.

— Ты скоро привыкнешь, — улыбается Вирджиния. — Не волнуйся. — Она кладет форму на то, что должно стать моей новой кроватью. — Я помогу тебе, ты не должна чувствовать себя брошенной. Здесь мы — маленькая семья, это не то же самое, что в королевском дворце. Познакомишься с остальными и привыкнешь к нашему ритму.

«К какому ритму?»

Моё выражение лица говорит само за себя. Вирджиния объясняет, что для придворных девушек день начинается в пять тридцать утра. Они разделены на небольшие группы и сменяют друг друга в зависимости от дня: кто-то на кухне, кто-то прислуживает за столом, кто-то занимается уборкой и одеждой королевской семьи, кто-то прислуживает лично Королю, кто-то занимается садом и так далее.

— Есть лишь небольшая группа девушек, которые помогают непосредственно Придворной даме в её бюрократических делах. Она координирует всё во дворце, лично занималась воспитанием принцев, когда те были детьми, и растила их с величайшей заботой и вниманием. Она единственная женщина с таким авторитетом, что её уважает даже сам Король.

Молча киваю и вспоминаю, как Артур объяснял, что Придворная дама — один из тех людей, по кому он скучал больше всего. Вот почему: потому что она его вырастила. Одного образа Артура достаточно, чтобы я потерялась в море мыслей. Когда я проснулась, его уже не было, а теперь я узнаю, что он подписал пакт с теми существами, которых все боятся — со Жрецами.

Он сделал это из-за меня. Сжимаю пальцы в кулак, не осознавая, в каком напряжении тону, пока не чувствую руку на плече. Поднимаю глаза: Вирджиния смотрит обеспокоенно. Спешу улыбнуться ей, успокаивая.

Я не собираюсь создавать Артуру новые проблемы. Не сделаю этого. Я постараюсь быть невидимой, пока совсем не исчезну. Пока не уйду из этого места, где я никогда не существовала.

Я думала, это будет просто. В конце концов, всю свою жизнь я только и делала, что работала на полставки и без проблем выполняла самую скромную работу. Но

оказалось слишком много вещей, которые я не учла, когда думала, что смогу изображать придворную девушку, как все остальные.

Первое — это чертовски узкая юбка, которая мешает мне ходить как нормальный человек и сковывает движения. Не говоря уже о волосах: они наотрез отказываются держаться в аккуратном пучке. Всегда выбивается какая-нибудь прядь, чувствую себя клоуном посреди разваливающегося цирка. Среди других девушек я — фальшивая нота.

Второе — это бесконечное множество правил, которым я должна следовать без возражений и о существовании которых забываю через раз. «Ты не можешь идти впереди Дамы, ты всегда должна быть позади неё в пяти шагах». «Когда член королевской семьи поднимает руку, ты должна склонить голову и ждать, пока Дама укажет тебе, что делать». «Принц Эдоардо любит чай с двумя кусочками сахара и небольшим количеством меда». «Склони голову, не смотри в глаза членам королевской семьи, это запрещено». «Держись прямо, голову вниз».

Третье — прямо перед моими глазами: Придворная дама смотрит на меня с вершины лестницы, её губы сжаты в жесткой гримасе. Её взгляд пронзает меня такой холодностью, что я мгновенно застываю. Прячу руки за спину и подхожу к ней с опущенной головой.

— Скажи мне, Лавиния… как ты намерена оправдать этот немыслимый проступок?

— Но я всего лишь хотела помочь садовни…

Она испепеляет меня взглядом, парализуя. Медленно подходит ближе, её глаза впиваются в мои, высасывая все слова.

— О, неужели? И когда это видано, чтобы придворная девушка управляла газонокосилкой, пачкая одежду без всякого стыда? — Она приподнимает моё лицо пальцами. — Ты не только нарушила придворный этикет, но и выставила меня в дурном свете. Король и его сыновья обедали на террасе, и угадай, под какой аккомпанемент? Под звуки твоего вульгарного смеха, пока ты носилась туда-сюда, как гиперактивный ребенок.

Закусываю губу, опускаю взгляд на свои черные туфли и всем сердцем надеюсь, что этот момент поскорее закончится. Дама в ярости. Она только и делает, что отчитывает, поправляет или ругает меня при всех за малейшую ошибку. В этот раз я правда хотела всего лишь помочь садовнику: он старик, а газонокосилку заело. Вот я и попыталась её завести. Я не могла представить, что это запрещено.

— Я просто хотела помочь, — повторяю я.

— Неужели? — шипит она, пока на её лице расплывается широкая улыбка. — Хорошо, тогда иди за мной. — Она поворачивается к заднему входу во дворец. Пока я следую за ней, ловлю в коридорах сочувственные взгляды других девушек — они жестами призывают меня держаться и не сдаваться, уже привыкнув к нагоняям, которые я получаю от Дамы.

Она останавливается перед дверью, открывает её и входит. Это спальня, маленькая, но чрезвычайно ухоженная. Здесь нет ни единой детали не на своем месте, начиная от штор с золотой вышивкой и заканчивая резной шкатулкой для украшений на столе у стены. Солнечный свет льется из окна.

— Садись, — приказывает она.

Оглядываюсь. Есть кровать, есть стул перед зеркалом. Куда мне сесть? *«Может, нужно взять стул…»*

— На пол, — уточняет она ровным тоном, лишенным чувств. Киваю и опускаюсь на ковер, всё больше недоумевая. Что она задумала?

Дама поворачивается к шкафу, открывает дверцы и достает старые, пыльные и к тому же тяжелые книги. Неужели она хочет, чтобы я зубрила всё это про дисциплину? У меня голова начинает болеть от одной этой мысли. Она берет их в руки, а затем поворачивается ко мне.

— Подними руки, — снова приказывает она. Подчиняюсь, но она, кажется, недовольна. — Выше, они должны быть полностью выпрямлены. Вытягиваю их вверх как только могу, чувствуя, как мышцы напрягаются и горят. Придворная дама подходит ко мне, разворачивает мои ладони и кладет на них книги. Под внезапной тяжестью локти сгибаются, но она легонько бьет меня по спине.

— Как и раньше, Лавиния, — жестко напоминает она. С трудом снова выпрямляю руки; книги балансируют на ладонях. Я не могу даже поднять взгляд, чтобы понять, сколько их, но точно знаю: они слишком тяжелые, чтобы долго их так удерживать. Она хочет пытать меня таким образом?

Ответ очевиден. Это её способ наказать меня; она никогда не делала этого раньше, и, если подумать, я бы предпочла, чтобы она отчитала меня перед всем светом, чем терпеть такое. Она садится на кровать, берет с тумбочки журнал и звонком вызывает двух девушек. Как только они входят, их взгляды на мгновение мелькают в мою сторону.

— Желаете чего-нибудь, Придворная дама?

— Да, горячий чай и печенье. Мне придется работать сегодня здесь, раз уж кто-то не умеет соблюдать дисциплину.

Они молча кивают и выходят из комнаты, оставляя нас наедине. Проходит полчаса в тишине. Никого не видно, кроме тех девушек, что принесли чай. Слышно, как муха пролетит. Пальцы немеют всё сильнее, я чувствую, как мышцы тянет так, что, кажется, они вот-вот откажут. По щекам катится пот. Ослабляю хватку и выдыхаю, борясь с приступом истерики.

— Нет, нет, нет. Держи как было, — хмуро выговаривает мне Дама, не отрывая взгляда от журнала и переворачивая страницу.

Раздраженно фыркаю. Со стоном боли я мучительно восстанавливаю прежнее положение. Хмурюсь, стискиваю зубы и сжимаю челюсть. *«Глупые дворцовые правила»*. Как она может требовать, чтобы за пять дней я выучила всё наизусть? Я только и делала, что носилась туда-сюда, даже когда, по идее, имела право на отдых — Дама не хотела, чтобы я бездельничала, считая, что я еще не заслужила паузу.

— Всё это только из-за того, что я подстригла траву? — шиплю я сквозь зубы.

Сначала я думаю, что она меня не слышит, но затем уголок её губ приподнимается в улыбке, хотя она всё так же смотрит в журнал. — Значит, это наказание продлится еще долго. Ты, похоже, совсем не понимаешь. Ты это нарочно?

— Понимаю что? — выдыхаю я из последних сил, чувствуя, как в венах кипит ярость. — Я сделала всё, что мне приказали. Я стирала, убирала и чистила. Я соблюдала график, работала до седьмого пота каждую минуту без секунды передышки, даже помогала другим… конечно, я не понимаю. Почему вы всегда меня наказываете? Почему вы так сильно меня ненавидите?

Грудь тяжело вздымается, я с трудом ловлю воздух. Я больше не чувствую ни рук, ни ног.

Она поднимает взгляд. — Ты думаешь, я не заметила, как ты продолжаешь поглядывать в сторону принца Артура?

— Так дело в этом? Из-за того, что я посмела взглянуть на него, когда несла подносы? Ну да. Я сделала это. Из-за меня он подписал пакт, о котором я ничего не знаю и о котором мне никто не говорит. Я беспокоюсь, а мне нельзя даже столкнуться с ним в коридорах или набраться смелости подойти и спросить. Он не ищет меня и не заговаривает со мной. Как мне прикажете это понимать?

Я выплескиваю на неё каждую мысль, которая меня мучает, без стыда и страха. Всё равно она меня уже наказывает, хуже быть не может, и это действительно приносит облегчение — дать голос своей тревоге.

— Я хочу знать, — отчеканиваю я. — Хочу знать, на какие условия он пошел, хочу знать, в порядке ли он. Не думаю, что прошу слишком многого.

Она с разочарованием качает головой. Встает, подходит ко мне вплотную и склоняется к моему лицу. Я стараюсь сохранять твердое выражение, но лицо, изможденное непрерывным усилием, дергается против моей воли.

— Ты дура. Дура, которая испытывает чувства, которые не может контролировать; дура, которая без колебаний помогает тем, кто в беде. Ты… — она вздыхает. — Ты так погубишь себя.

Я не понимаю.

Искра в её глазах выражает не только привычный упрек: там что-то еще. Что-то, что я мельком видела в тот день, когда она помогла мне в камерах. Что-то похожее на беспокойство.

— Держи руки. — Она повышает голос, заставляя меня вздрогнуть. Выпрямляю руки, мои мышцы молят о пощаде. С губ срывается стон боли.

— Так ты хочешь видеть Артура? Хорошо, ты его увидишь.

Резкая нота в её голосе меня пугает. Что она хочет этим сказать?

Я не успеваю задать ни одного вопроса, потому что она выходит из комнаты. Изможденная, я роняю книги, которые одна за другой с грохотом падают на пол; я округляю глаза, видя, что это были фолианты в тысячу страниц. Перевожу дух, массируя руки и пытаясь унять жгучую боль.

Когда Дама возвращается, я едва не лишаюсь чувств. Вскакиваю на ноги, несмотря на боль в конечностях. Спешу склонить голову и спрятать руки за спину — всё строго по правилам.

— Ты пойдешь в общий зал, — приказывает она. У меня не хватает смелости поднять на неё взгляд, поэтому я просто киваю. — Будешь подавать чай королевской семье.

У меня перехватывает дыхание.

«Это значит, что… Артур… я увижу его».

Сжимаю поднос пальцами; от волнения руки дрожат так, будто я увижу Артура впервые. Чем ближе я к залу, тем сильнее колотится сердце. Почему я не могу вздохнуть? Почему мне кажется, что пол вот-вот уйдет у меня из-под ног?

Выпрямляю спину, выдыхаю и вхожу в зал следом за Вирджинией. Придворная дама не настолько опрометчива, чтобы посылать меня одну: она убедилась, что Вирджиния будет рядом и проконтролирует каждый мой шаг. Не свожу глаз с подноса в своих руках, идя с опущенной головой. Вирджиния замедляется и останавливается, жестом велит мне подойти к ней, и я подчиняюсь. Медленно поднимаю взгляд, и дыхание застревает в горле, когда я вижу его сидящим у окна: в руках он держит

бумаги и читает их с предельным вниманием. Я разглядываю его густые ресницы, бледную кожу и розоватые губы. Мне хочется впитать каждую его черту, навсегда запечатлеть её в памяти.

«Пять дней».

Пять дней, за которые я не могла даже пройти по тому же коридору, что и он. Пять дней, за которые я не слышала его голоса. Пять дней, когда никто из нас не смотрел на другого.

«Тебе можно касаться меня всегда, Лавиния. Я думал, уже объяснил это тебе».

Я помню шепот этих слов у самого уха, и сейчас мне кажется, что я чувствую тепло его дыхания на шее; я жажду, чтобы он коснулся меня с той же заботой, с какой касается этих листов. Трясу головой, отвожу взгляд. *«Я не должна об этом думать».*

За столом сидит Король Давид с советником, а на диванчике растянулся Эдоардо, подложив руку под голову и закрыв глаза. Похоже, он спит. У всех изможденный вид, будто они бьются над неразрешимой головоломкой. И подтверждение этому я получаю через несколько секунд.

— Это безумие. Мы не можем отправлять на плаху каждого встречного подозреваемого, — встревоженно говорит Король. — Мы должны защищать своих граждан, а домыслы Жрецов только посеют панику. Что нам совсем не нужно.

Артур массирует шею рукой. Мысли терзают его, но он не жалуется, как отец — он молчит и продолжает читать.

Советник Короля улыбается. — Как насчет чая, Ваше Высочество?

Король поспешно кивает. — Посмотрим, поможет ли что-нибудь горячее найти выход из этого сумасшествия.

Вирджиния бросает на меня взгляд; киваю, готовая подать свои две чашки. Она держит поднос для самого Короля, а я подхожу к принцам. Сначала подаю Эдоардо: он спит и даже не замечает моего присутствия. Ставлю чашку на столик рядом с ним и отхожу.

Остается чашка Артура. Аромат черники наполняет ноздри и пробуждает воспоминания о том, как он пил этот чай за завтраком в моем мире. *«Должно быть, его любимый вкус».* Иду к нему. Он сидит ко мне спиной, и чем ближе я подхожу, тем сильнее сжимается сердце.

Останавливаюсь рядом и протягиваю ему чашку чая. Он ничего не замечает, настолько погружен в чтение, что не видит и не слышит ничего вокруг. Я успеваю разобрать несколько слов на листах, которые он читает. «Граница», «Зло», «Охота», «Люди».

Хмурюсь. *«Что это значит?»* Я наклоняюсь слишком сильно, моё плечо касается его плеча. Артур замечает меня. На краткий, неуловимый миг в его глазах вспыхивает изумление от того, что я действительно перед ним. Он приоткрывает губы, моргает и отводит взгляд. Будто совершил ошибку, посмотрев на меня. Он забирает чашку из моих рук и сдвигает бумаги, не давая мне прочесть больше.

— Спасибо, — шепчет он так тихо, что я задаюсь вопросом: поблагодарил ли он меня на самом деле или мне это почудилось. Он подносит чашку к губам.

Прочищаю горло, собираясь заговорить с ним, выразить своё беспокойство, но он опережает меня, словно вовсе не хочет слышать.

— Можешь идти.

Сухо, жестко, холодно, официально.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Полная противоположность тому, каким он был в нашу последнюю встречу. Противоположность тому, кого я знала. Противоположность тому, кто пытал человека, чтобы защитить меня. В груди разрастается пустота, я сжимаю поднос и пытаюсь выровнять дыхание.

Приоткрываю губы. — Ар… — Его имя замирает у меня на языке.

— Артур! — вскрикивает прелестный женский голос.

На пороге появляется девушка. Она чуть выше меня, с длинными до самых бедер волосами, черными как смоль, кристально чистыми глазами и нежным румянцем на щеках. Её красота лишает меня дара речи. Коричневое пальто спадает ниже колен, а белая юбка идеально подчеркивает изгибы. Она приближается размашистыми шагами, и в мгновение ока мне кажется, что я умираю. Она заключает Артура в объятия, и что-то внутри меня рассыпается. Она обнимает его так крепко, что утыкается лицом в изгиб его шеи. Артур не отстраняет её, а наоборот, прижимает к себе. Отступаю на шаг; поднос в моих руках молит о пощаде — так яростно я его стискиваю.

— Прости, мне нужен сахар. — Голос Эдоардо доносится до моих ушей. Поворачиваюсь и вижу, что он наблюдает за сценой с огоньком веселья в глазах, будто ждал этого момента несколько дней. Приближаюсь и склоняюсь к его столику, беру с подноса кубики сахара.

— Сколько? — спрашиваю раздраженно. Он смотрит на меня и улыбается. — Сколько сахара, Ваше Высочество? — шиплю сквозь стиснутые зубы.

Он вскидывает руки. — О, я не думал, что попросить сахар — это преступление. Что такое? Твой возлюбленный тебя игнорирует? Чувствуешь себя лишней? Или ты просто… ревнуешь?

Перестаю его слушать. Собираюсь встать и уйти, но он хватает меня за запястье и удерживает. Бросаю на него яростный взгляд. Будь моя воля, я бы засунула этот поднос ему в глотку, только бы он перестал смотреть на меня со своей самодовольной ухмылкой.

— У тебя есть все причины для ревности. Анна влюблена в Артура с самого детства, думаю, она достойная соперница, — шепчет он.

— Тебя это забавляет? Ты жалок.

— Придворные девушки обычно… как бы это сказать… воспитаны. Что бы подумала Придворная дама, узнай она, что ты мне только что наговорила? Знаю, она с тобой не церемонится.

Вздыхаю, нервы на пределе. *«Только его мне не хватало»*. Вирджиния спасает меня из этой ситуации. Она машет рукой, приглашая следовать за ней к двери. Дохожу до неё с пустым подносом в руках и замираю рядом в углу зала. Смятение охватывает меня так быстро, что я проваливаюсь в глубокое молчание. Вирджиния замечает это и прослеживает за моим взглядом, прикованным к девушке, которая теперь сидит рядом с Артуром. Они погружены в разговор, которого я не слышу.

— Анна Мейер, дочь брата Короля. Помнишь, я упоминала тебе о трех испытаниях, установленных Жрецами для выбора наследника?

«Три испытания… На хитрость и ум, на силу и последнее, анализирующее личные слабости. Да, я помню». Киваю.

— Так вот, отец Анны — тот самый рыцарь, что руководит испытанием силы. Леди Анна — одна из самых доверенных лиц принцев, единственная женщина, которой позволено прикасаться к ним без всяких последствий.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Единственная женщина, которая может касаться Артура так легко и не быть наказанной. Она. Девушка, чья обольстительная красота лишает меня слов.

«Тебе можно касаться меня всегда, Лавиния. Я думал, уже объяснил это тебе».

Лжец.

Он никогда не говорил мне, что есть другая, кому это позволено.

Я была дурой, когда верила, что я — единственная. Нужно было бежать, когда я узнала, что меня отдали на попечение Придворной даме; но я этого не сделала. Не сделала, потому что боялась, что Артур согласился на что-то ужасное из-за меня, и чувство вины сожрало бы меня, если бы я просто ушла. Поэтому я терпела, выносила любое правило в надежде снова его увидеть. Оказавшись под властью Дамы, я больше не могла пошевелить и пальцем без её строгого надзора.

Сжимаю ручки подноса. Чувствую себя идиоткой: я потеряла из виду свою главную цель и теперь, прижавшись к стене, смотрю, как он улыбается другой женщине с такой легкостью, что мне сдавливает грудь.

— Интересно, почему она вернулась во дворец. Должно быть, Его Высочество принц Артур позвал её, чтобы договориться о свадьбе.

Сердце замирает в горле. Комок в груди мешает вздохнуть.

— Что? — бормочу я, надеясь, что ослышалась. Вирджиния переводит взгляд на меня.

— Тебе плохо? — спрашивает она. — На тебе лица нет.

— Что ты сейчас сказала? — настаиваю я.

Она моргает, очень медленно приоткрывает губы, и я чувствую, как в ожидании её слов во мне умирает каждая клетка. — Ты не знала? — Она смотрит на Артура и Анну с улыбкой. — Принц Артур и леди Анна обручены с самого детства.

Ярость захлестывает меня, сжигая каждый сантиметр кожи. Я заставляю себя стоять прямо, пока зал, кажется, начинает вращаться. Прислоняюсь спиной к стене и вдыхаю носом; дыхание ускользает от меня и моего контроля.

— Мне… мне нужно выйти отсюда, — задыхаюсь я. Вирджиния оборачивается, её спокойное выражение лица мгновенно меняется. Она забирает поднос из моих рук, пока сердце колотится в неуправляемом и почти болезненном ритме.

Я не осознаю, что происходит вокруг, пока не чувствую руку на своей талии. Поднимаю взгляд: Эдоардо обхватывает меня за бок и помогает выйти из зала. Не понимаю, когда он успел заметить моё состояние, но его помощь всегда приходит в моменты моей величайшей уязвимости.

Он закрывает меня своим телом от чужих взглядов, избавляя от неприятных вопросов и неловких ситуаций. Вирджиния остается в гостиной — в конце концов, она не может покинуть свой пост. Успокаиваю её слабой, вымученной улыбкой.

Как только мы переступаем порог, Эдоардо прислоняет меня к стене и тянется к воротнику моей рубашки, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу. В обычной ситуации я бы отпрянула и испепелила его взглядом, но сейчас его помощь позволяет мне сделать вдох.

Кислород медленно возвращается в легкие.

— Ты знал? — спрашиваю едва слышно.

Мне не нужно говорить больше, он понимает. — Это знают все, Лавиния.

Все.

Кроме меня.

Горькая улыбка кривит моё лицо. Придворная дама тоже знала, она сделала это нарочно… хотела ткнуть меня в это носом, она всё продумала. Вот почему она позволила мне увидеть его. *«Какая же я была глупая»*. Не успеваю я прийти в себя, как двери зала распахиваются, и воздух вокруг наполняется ароматом мускуса.

Мне не нужно поднимать взгляд, чтобы понять: он здесь.

Эдоардо встает передо мной, закрывая меня от него. — Брат, оставлять гостей одних не в твоем вкусе. Особенно когда гостья — это… что-то вроде жены. — Тон Эдоардо ироничен и явно провокационен, но тот его игнорирует.

— Ты в порядке?

Его голос, теплый и надежный, умудряется затянуть трещины, из-за которых я только что едва не рухнула. Достаточно двух его слов, и каждый разрушенный уголок души, кажется, снова становится целым.

Отворачиваюсь, становлюсь к нему спиной. Не хочу, чтобы он видел меня такой — он способен прочитать меня с пугающей легкостью.

— Никогда не была лучше, Ваше Высочество.

Я иду по коридору. Не оборачиваясь, немедля, ничего не чувствуя. Не знаю, куда иду, знаю только, что не хочу останавливаться, не хочу встречаться с ним глазами и не хочу его видеть.

Не сейчас.

«Ты была дурой, Лавиния».

***

— Спасибо, Лавиния. Не знаю, как я могла об этом забыть.

— Не волнуйся, бывает. Отнесу это наверх, и на сегодня всё, иди к остальным. Я вас догоню.

Беру последнюю стопку чистых полотенец и крепко прижимаю к груди. Джесс, девушка, которая спит на полке надо мной, забыла разложить полотенца в ванных на завтрашний день. Я помогла ей на нижних этажах, осталось только несколько ванных в комнатах наверху.

Она бросает на меня взгляд, полный благодарности. — Если бы Дама узнала, что я снова об этом забыла, она бы меня убила.

— Она не узнает, не бойся.

Она улыбается и выходит из кладовой. Я спешу вверх по лестнице.

Уже стемнело, и сегодняшний день хочется забыть навсегда. Я мечтаю только о том моменте, когда опущу голову на подушку и отключу мозг. Чтобы не вспоминать то, от чего бегу. Чтобы не прокручивать в голове услышанные слова. Я как чумы избегала любого, кто заговаривал о визите леди Анны, избегала Придворную даму и её взглядов в духе «я же тебя предупреждала».

Раскладываю полотенца в трех ванных на верхнем этаже. Осталась последняя — гостевая за углом. Кладу пальцы на ручку, но стоит мне собраться повернуть её, как дверь открывается сама собой. Сцена, представшая передо мной, перерезает дыхание пылающим лезвием.

Артур без рубашки, за его спиной — Анна в простом банном халате. Она кладет руку ему на живот, а он смотрит на меня неподвижно. Он скользит взглядом по моему лицу, не моргнув, будто я посторонняя и помешала их близости.

— О, полотенца! — Анна с радостью забирает их из моих рук. — Спасибо, дорогая, они нам были очень нужны. — Она озаряет меня улыбкой, от которой желудок выворачивает наизнанку.

Стискиваю зубы, отступаю на несколько шагов и оборачиваюсь. *Что я только что увидела?* Спускаюсь по лестнице. Иду к главному выходу и ускоряю шаг. Бегу от парня, способного управлять моими эмоциями с легкостью, которую я не считала возможной. От парня, которого я больше не узнаю, или, быть может, которого никогда по-настоящему не знала.

Я начинаю задаваться вопросом: а не был ли тот человек, которого знала я, всего лишь постановкой, кем-то, кто никогда не существовал на самом деле? Начинаю гадать, не были ли слова, что он шептал мне, лаская мою кожу, лишь ложью, продиктованной моментом? Тысячи вопросов проносятся в голове, пока я пересекаю порог и выхожу в сад. Стук дождя заглушает все остальные звуки и мысли; позволяю воде намочить мои волосы. Стою под проливным дождем, надеясь, что он сможет заморозить раздражение, пылающее внутри меня. Всхлип, слеза и боль, которую я не в силах сдержать.

— Ты лжец, — шепчу я.

Бормотание неразличимых голосов пробуждает меня. Моргаю и открываю глаза: я окружена лицами Джесс, Вирджинии и других девушек из общежития. *Что происходит?* Обеспокоенные выражения — единственное, что я различаю в этих встревоженных, нахмуренных лицах.

Закрываю глаза и снова открываю: Придворная дама касается моего лба. — Горит, — говорит она. В её взгляде проскальзывает та же нежность, с какой она кормила меня в камере. *Я сплю?*

Пытаюсь заговорить, но не могу пошевелить губами — наваливается тяжелый сон, одурманивая меня. Дама подносит холодное полотенце к моему лбу, и я вздрагиваю, вцепляясь руками в простыню.

— Хватит, — бормочу я.

— Тсс, тсс. Это скоро пройдет, ты поправишься. Ты и это преодолеешь, Лавиния. — Она произносит эти слова с материнской ноткой, которая согревает моё сердце. *Это правда она?* Её руки ласкают мои щеки, убаюкивая меня. Интересно, это иллюзия или далекий сон?

Закрываю глаза.

Запах мяты наполняет мои ноздри. Моргаю, открываю глаза, и резкая головная боль заставляет меня застонать. Прикладываю руку к виску и оглядываюсь. Я не в общежитии. И не во дворце.

Где я, черт возьми, оказалась?

Помню, как промокла под дождем, потом вернулась в общежитие и сразу уснула. Дальше в памяти блуждают лишь размытые, неясные образы. Поворачиваю голову: ряд коек тянется до противоположной стены, по бокам от каждой — прямоугольные тумбочки. Тело окутано простыней, пахнущей лавандой. Сажусь и поднимаю взгляд. Здесь всё сделано из дерева. Спускаю ноги и встаю, на полу стоят белые тапочки. Надеваю их и только сейчас замечаю, что на мне дворцовая пижама.

Иду к окну: оно выходит на людную деревенскую улочку. Там уличные торговцы, прилавки со свежими продуктами и ремесленными изделиями. Дети, бегающие по дороге, и матери, болтающие группами. *Я выбралась из дворца? Но как?*

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Дверь открывается, впуская пожилого господина, чья лысина сияет ярче солнца. На одном глазу у него линза, а на шее болтается фонендоскоп. Он одет в белый халат, он ниже меня, весь сгорбленный, а голос у него такой добрый, что вызывает щемящую нежность.

— Доброе утро, милая барышня.

— Я… я ничего не помню, — шепчу я в смущении.

— Ну еще бы. Кто бы что помнил с такой лошадиной лихорадкой, как у тебя? А ну-ка, присядь, я проверю, как ты.

Лихорадка? У меня? Растерянно моргаю. Старик недовольно фыркает.

— Милая барышня, ты еще и оглохла? От этого я тебя вылечить не смогу. — Он вскидывает руки и прихрамывая идет к кровати. Я не могу сдержать улыбки, хоть он только что и назвал меня глухой. Спешу сесть на кровать рядом с ним.

Он достает из кармашка ручку-фонарик, светит мне в глаз и задает несколько простых вопросов: имя, фамилия, какой сейчас год, какого цвета у меня глаза.

— Хорошо, ты цела. Моя дочь так волновалась, когда привезла тебя сюда. Работаете во дворце, а эти бездельники даже не обеспечивают вас медицинской помощью. Глупые остолопы. — Он кривится от отвращения.

— Кто ваша дочь?

— Анджелина, она там у вас Дама чего-то там.

Придворная дама? Она правда дочь этого пухлого и доброго человека?

Теперь всё сходится: она привезла меня к отцу, который, судя по всему, является кем-то вроде военного врача на пенсии. И что бы он мне ни дал, я чувствую себя гораздо, гораздо лучше.

— Спасибо, что вылечили меня.

Он откашливается. — А что мне оставалось делать? Проигнорировать пациента? Я бы никогда так не поступил. Давай, отдохни еще немного. Скоро я принесу тебе что-нибудь перекусить.

Он встает и ковыляет к двери. Должно быть, у него застарелая травма правой ноги: он не очень хорошо ею двигает, а когда делает шаг, лицо искажается гримасой боли.

— Как вас зовут? — спрашиваю я прежде, чем он успеет открыть дверь и выйти.

— Рантал, но здесь все зовут меня «дядя Ран». Место, где ты сейчас находишься, было лазаретом при моем кабинете, теперь я превратил его в травяную лавку. Как только тебе станет лучше, я всё тебе покажу, а пока отдыхай и набирайся сил, милая барышня.

Киваю. Он оборачивается, открывает дверь и исчезает из виду. Уютно устраиваюсь под одеялом и закрываю глаза. Вспышки вчерашнего вечера перехватывают дыхание; трясу головой, стараясь отогнать их. *Я не хочу о нем думать. Совсем не хочу.* Проваливаюсь в глубокий сон, убаюканная ароматом лаванды и добротой человека, который, вероятно, называет всех женщин «милыми барышнями».

Вечером Рантал стучит в дверь. Говорит, что, если я хочу, могу поужинать с ним, и я с радостью соглашаюсь. Чувствую, что если проведу еще хоть мгновение наедине со своими мыслями, то просто взорвусь. Так я узнаю, что отец Придворной дамы живет один и содержит себя сам, ни на кого не полагаясь. За тарелкой горячего супа он рассказывает мне о годах службы: он был военным врачом, и там ему прострелили ногу. Из-за этого он хромает, но говорит, что ему повезло. Кто-то потерял конечность или саму жизнь.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Помогаю ему мыть посуду. Маленькое здание разделено надвое: есть помещение для посетителей, где он продает натуральные средства от обычных недугов, и жилая зона. У него милая кухонька, крошечный стол и диван. *Значит, Дама выросла здесь*. Всё, что я вижу, я связываю с ней, пытаясь представить её молодой в этих стенах. Это так не вяжется с тем, какой она стала сегодня — или, может быть, это я плохо её знаю.

— Здесь не так элегантно, как во дворце, к которому ты привыкла. — Рантал сжимает в руках одеяло. — Возьми это, вечером будет прохладно, а ты из тех девушек, что легко простужаются, милая барышня.

Трясу головой. — У меня уже есть одеяло в той комнате…

Не хочу забирать его одеяло. Кажется, у него немного вещей, и тем немногим, что есть, он делится со мной без раздумий. Но он кладет его мне на руки, не принимая возражений.

— Послушай этого старика и иди спать. Завтра, если захочешь, я смогу научить тебя какому-нибудь народному средству, если тебе нравятся растения.

Мои глаза сияют от волнения. — Это была бы большая честь.

Наконец-то место, где я не чувствую себя маленькой и неправильной. Место, где мне не нужно постоянно оправдываться. Место, где никто не может безжалостно растоптать меня в мгновение ока. Место, которое пахнет домом — тем самым, в котором я привыкла жить.

На следующее утро Рантал застает меня уже на кухне. На мне одежда Придворной дамы из её юности: белый свитер с высоким горлом и джинсы. Поверить не могу, что они моего размера — иногда удача всё же на моей стороне. Завтракаем молоком с печеньем, затем он убеждается, что я в полной форме, прежде чем достать все свои «волшебные порошки» из шкафа.

Всё утро я слушаю его рассказы о свойствах растений, методах их обработки и смешивания. Рантал показывает мне огромную книгу с описанием всех техник применения и цветными рисунками. Зачарованно глажу её края.

— Рантал, это потрясающе.

— Годы и годы учебы, милая барышня.

Время от времени заходят клиенты, которых интересуют средства для сна или натуральные снадобья от головной боли. Пока Рантал беседует с посетителями, я решаю принести пользу и прибраться на полках, где он хранит травы. Протираю всё сначала влажной тряпкой, потом сухой, пользуясь маленькой деревянной табуреткой, чтобы расставить всё по местам…

Дзиньканье дверного колокольчика подсказывает, что пришел новый клиент. Рантал в подсобке с какой-то дамой, достает другие травы, поэтому не может выйти.

— Сейчас выйду! — предупреждаю я.

Спешу вниз, задвигаю табуретку в угол, чтобы Рантал не споткнулся, когда вернется. Закрываю дверцу шкафа и поворачиваюсь к входу.

— Добро пожаловать, чем я могу вам по… — Слова застревают в горле. Сама не замечаю, когда именно начинаю задерживать дыхание.

Медовые глаза исправляют каждую фальшивую ноту, исцеляют каждую открытую рану. Черное пальто контрастирует с золотом его кудрей.

— Лавиния, — шепчет он, будто и сам долго был в состоянии гипноза.

Артур.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 18

Лавинья

Он не перестает смотреть на меня, и в этом взгляде я чувствую себя обнаженной: будто он способен расшифровать любую мою эмоцию одним лишь взмахом ресниц. Губы приоткрываются, а сердце колотится так сильно, что, боюсь, это слышно снаружи. Мы стоим в паре шагов друг от друга, тишина окутывает нас коконом, изолируя от всего мира. Он держит меня в плену своих нежных глаз, пока каждая моя частица оказывается пронзена его сущностью. Я — добыча, одурманенная своим хищником.

— Чего желает этот прекрасный юноша? — Глубокий голос Рантала заставляет его отвести взгляд, и я снова начинаю дышать. Моргаю: Рантал не узнает его. Артур упоминал, что за пределами дворца никто не знает его в лицо; внешность наследников держат в секрете, чтобы избежать покушений или досадных инцидентов.

— Я друг Лавинии. — Он протягивает руку. Рантал несколько мгновений пристально смотрит на него, затем переводит взгляд на меня, словно ища подтверждения словам Артура, и мое молчание заставляет его нахмуриться. Артур опускает руку.

— Девушка поправляется, во дворце совсем не умеют обращаться с людьми. Она прибыла в состоянии полного истощения, с лихорадкой, которая никак не хотела спадать. — Он недовольно качает головой. — Как можно так относиться к своим работникам, к своим гражданам…

Артур переводит взгляд на меня и тяжело сглатывает. — Я не знал, что тебе было так плохо.

Я обращаюсь к Ранталу: — Я прибрала полку с травами. Можно мне взять ту книгу, которую ты показывал? Я хочу ее почитать.

Игнорировать его, возвращать ему хотя бы малую часть того, что он заставил меня пережить, — единственный способ подавить желание влепить ему пощечину. Рантал кивает без лишних вопросов, я подхожу к прилавку и беру книгу. Прохожу мимо Артура, не удостоив его даже мимолетным взглядом, и запираюсь в лазарете — комнате, где провела ночь.

Как только дверь за спиной закрывается, накопившееся напряжение тает в глубоком вздохе. Осознание того, что он так близко, щекочет сердце и одновременно крадет дыхание, воскрешая в памяти образы, которые я тысячи раз пыталась прогнать.

Он и Анна в ванной. Анна, касающаяся его, и он, который не отстраняется.

Ложусь на кровать, открываю книгу и листаю страницы. Пытаюсь сосредоточиться на словах, на картинках, но все усилия тщетны. *«Анне можно его трогать. Он мне солгал».*

Листаю страницы в лихорадочном ритме, пальцы со злостью скользят по бумаге. В таком темпе я рискую ее испортить. Глубоко вдыхаю. *«Нужно сохранять спокойствие. Нужно сохранять спок…»*

Дверь открывается, показывается золотистая макушка, и Артур идет ко мне. Аромат мускуса вскоре окружает меня, пропитывая воздух. По тому, как прогнулся матрас, я понимаю, что он сел на кровать; краем глаза вижу его руки рядом с моими ногами. Вены на них проступают, как корни дерева; он барабанит указательным

пальцем по одеялу, вызывая во мне безумное желание превратиться в кусок ткани под его прикосновением.

Я не поднимаю глаз, не дарю ему своего внимания, хотя каждый сантиметр моей кожи умоляет о контакте с ним. Он продолжает постукивать пальцем по простыне, не произнося ни слова, и это лишь раздувает мой гнев.

«Продолжай игнорировать его, Лавиния».

Чем больше я упрямлюсь, тем громче, кажется, становится этот звук. Или я схожу с ума? Он кажется мне оглушительным грохотом, который врывается в череп и парализует.

Я с силой переворачиваю страницу и случайно режу подушечку пальца. Вздрагиваю, глядя, как на коже проступает темно-красная капля. Артур тянется к моему запястью, обхватывает его и, прежде чем я успеваю возразить, достает платок и прижимает к порезу.

— Я не хочу, чтобы ты причиняла себе боль, — шепчет он, и его слова ложатся медом, заполняя все пространство, способные обезболить любую рану. Он подносит мою ладонь к губам и целует ее, закрыв глаза, будто этот вдох помогает ему дышать. По спине пробегают внезапные мурашки. Пытаюсь отстраниться, но он не позволяет.

Он продолжает целовать меня, поднимаясь выше по руке к самой шее. Его дыхание обжигает каждый атом, носом он щекочет мою кожу, а рукой закрывает книгу у меня на коленях. Он обнимает меня за спину и прижимает к своей груди, замирая лицом в изгибе моей шеи.

Я прочищаю горло и, упершись ладонью в его живот, немного отстраняюсь — ровно настолько, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. — Ты мне солгал.

Он качает головой: — Это неправда.

— Анна? Твоя невеста? — Мой желчный тон заставляет его удивленно вскинуть брови.

— Она? Из-за нее ты даже не хочешь на меня смотреть?

Закатываю глаза. — Ты издеваешься? Я искала тебя всеми способами, Артур. Я стала придворной служанкой и терпела каждый нелепый упрек только ради возможности хоть как-то тебя увидеть. Но ты игнорировал меня с тех пор, как подписал этот пакт, не говоря уже о том, что никто не хочет объяснить мне, что именно он предусматривает.

— Это сложно, — признает он, на миг поднимая на меня взгляд.

— Что? Что здесь сложного? Запереться со своей будущей женой в ванной, полуголым, потому что она — единственная, кому можно тебя трогать? — Вырываюсь из его объятий. Гнев ослепляет меня, образ их двоих вместе уничтожает любые другие чувства. Вскакиваю на ноги, меня тошнит от воспоминания об их лицах: он без рубашки, а она пожирает его взглядом, полным вожделения.

— Все не так, как кажется. Ты убежала…

— Я убежала, потому что иначе меня бы вырвало. Или я бы поддалась порыву влепить тебе пощечину, и, поверь, это желание до сих пор не прошло.

Он встает, пытается подойти, но я пячусь назад. — Лавиния. — Он облизывает губы.

— Никакая я не «Лавиния». Ты должен был сказать мне, что тебя с детства обручили с этой девушкой. Должен был сказать, что я не единственная, кому можно тебя касаться. Ты должен был сказать это сам, а не заставлять меня узнавать вот так.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Бурный поток ярости захлестывает меня. Я машу руками, нервно хожу взад-вперед, а он все это время не сводит с меня глаз. Будто ждет, пока я остыну.

— И не смотри на меня так, — обвиняю я, тыча в него указательным пальцем. — Теперь, когда мы не при дворе, ты вспомнил обо мне. А раньше нет, раньше ты меня не знал. Знаешь, что я тебе скажу? Отправь меня назад, Артур. Я хочу домой. Я не принадлежу этому месту и отказываюсь возвращаться во дворец. Я хочу остаться в четырех разваливающихся стенах своей комнаты. Без всего этого дерьма.

Его взгляд задерживается на моих губах. Он делает несколько шагов ко мне, пытается схватить за руки, но я ускользаю, отстраняясь.

— Не трогай меня, — шиплю я. — Иди трогай Анну, как ты уже делал. Ты ведь к ней привык, не так ли?

Он пытается скрыть забавленную усмешку.

— Что ты смеешься? — почти кричу я от нервного напряжения.

— Ничего. — Но его глаза не лгут. У него вид человека, смотрящего комедийное шоу, ему не хватает только попкорна.

— Перестань! — Бью его руками в грудь, но он не сдвигается ни на полсантиметра. Неудовлетворенная, бью его снова, и снова, и снова. Он не останавливает меня, не сопротивляется, снося удары, не моргнув глазом. Останавливаюсь после пятого захода, тяжело дыша, глаза полны ярости.

— Теперь я могу говорить? — шепчет он.

— Не знаю, Ваше Высочество. Достойна ли я ваших слов?

Он прищелкивает языком. — Ладно, я понял. — Он хватает меня за руки и прижимает к стене. Блокирует каждое мое движение: ногой мешает шевельнуть ступнями, а руками удерживает мои запястья по бокам. Его живот прижат к моему, наше дыхание смешивается.

— Теперь ты должна меня выслушать, Лавиния. — Тон, которым он говорит, — смесь упрека и нежности. — Анна — моя кузина, между нами, ничего нет. Во дворце тебе сказали обратное, так? Но с каких это пор ты слушаешь сплетни? Знаешь, сколько слухов ходит обо мне?

— Просто кузина? Я видела вас полуголыми в ванной… — В горле встает ком.

Его взгляд смягчается. — Ты все не так поняла. Анна не могла включить душ, позвала меня, и пока я пытался его починить, намочил рубашку. Я снял ее и вытирал пол, чтобы она не поскользнулась. В это время я вызвал ремонтников, а Анна искала полотенца, чтобы я прикрылся, но они закончились. В этот момент постучала ты.

Я смотрю на него, взвешивая каждое слово.

— У тебя в руках были полотенца, те, что нам были нужны. Я ничего не делал с Анной, Лавиния. Выбрось это из головы. Я не могу поверить, что ты считаешь меня таким…

Приоткрываю губы. — Но почему ты мне не сказал? Почему смотрел на меня так, будто я лишняя?

Сжимаю руки в кулаки, Артур замечает это и касается своей щекой моей, снимая напряжение.

— Я не мог сказать тебе это при ней. Анна приехала ко двору по просьбе Жрецов, они доверяют ее суждениям, и находиться рядом с ней — значит всегда быть под наблюдением. Это потому, что она дочь самого искусного солдата нации, она непревзойденный боец, и Жрецы очень с ней считаются.

Моргаю, замешательство постепенно вытесняет гнев в груди. Артур видит, что у меня остались сомнения, отпускает мои руки и кладет ладони мне на бедра.

— Я никогда не хотел причинить тебе боль. Я правда не мог ничего сказать во дворце, за мной постоянно следят. Мне пришлось так себя вести: я заставлял себя не смотреть в твою сторону каждый раз, когда слышал твой голос, заставлял себя не останавливать тебя и не обнимать, я правда заставлял себя не прикасаться к тебе. — Он ласкает мои волосы. — Потому что, если они узнают, как ты важна для меня, боюсь, они могут тебе навредить. И если кто-то поднимет на тебя руку, если кто-то посмеет… я себя не проконтролирую.

Образ капитана Ландона и беспощадной мести Артура всплывает в памяти. Я помню слова Придворной дамы об Артуре: *«Ты не знаешь, каким мстительным он может быть»*. Она была в ужасе от мысли, что он может взорваться, и я прекрасно помню пустоту в его глазах, когда он держал голову капитана под водой до потери сознания.

Он берет мое лицо в ладони. — Я пошел против Жрецов, я пытал их человека, и такого еще не случалось в истории. Я бы не сделал этого ни для кого другого, слышишь? Ни для кого, Лавиния.

Поцелуй в лоб. — Ты… — Поцелуй в правую щеку. — У меня… — Поцелуй в левую щеку. — Крадешь… — Поцелуй в шею. — Дыхание.

Он прижимает губы к моей коже, поднимаясь к уху, и слегка прикусывает мочку.

— И самое главное, — шепчет он, — перестань думать, что я могу желать чьих-то еще прикосновений.

Он берет мои руки и кладет их себе на шею.

— Коснись меня, — умоляет он обжигающим шепотом.

Ладонью я ласкаю его затылок, и его глаза сияют с такой интенсивностью, какой я никогда раньше не видела. Поднимаюсь выше, переплетаю пальцы в его волосах и притягиваю его к себе. Наши лица разделяют считанные сантиметры; Артур наклоняет голову и с пугающей медленностью прижимается своими губами к моим — это чистый и нежный поцелуй, будто он боится меня сломать. Он пробует меня на вкус крошечными дозами, но вскоре поцелуй становится всё более захватывающим и страстным. Он крадет моё дыхание, не давая вымолвить ни слова.

Голод моих губ, кажется, пожирает его; его руки блуждают от моих бедер к спине, касаясь каждой частички моего тела, не останавливаясь. Он касается моей души, касается моего сердца. Он отстраняется, чтобы перевести дух. Его взгляд горит желанием, которое он не может ни скрыть, ни контролировать.

Он снова набрасывается на мой рот, просовывая пальцы под край свитера и обнажая участок кожи. Он касается губами шеи, кусает её и смакует с желанием заклеймить навсегда; у него вырываются вздохи и стоны, полные наслаждения. Дрожь пробирает меня до костей.

— Ты не знаешь, — шепчет он, и его хриплый голос царапает мою кожу, — что бы я хотел сделать с тобой прямо сейчас.

Он снова смотрит на меня, и его глаза приковывают меня к стене. Я наблюдаю за ним и думаю о том, как сильно мне хочется сфотографировать это выражение его лица и распечатать, чтобы любоваться им вечно. Он охвачен жаждой, вожделением и огнем. Чем-то, что способно расплавить меня с поразительной легкостью. Моё лицо пылает, а сердцебиение совершенно вышло из-под контроля. Я провожу языком по нижней губе, прикусывая её под его взглядом.

— О боже, — вздыхает он. — Не делай этого ни для кого другого.

— Ч-что? — только и могу пробормотать я.

— Ни на кого не смотри так. Никогда, Лавиния. Я могу сойти с ума.

Он крепко обхватывает моё тело руками, и я чувствую, что умираю от эмоций. Мы никогда не были так близки, наши дыхания сливаются в одно. Пальцами он касается моих губ.

— Эти губы — мои и ничьи больше.

Мне кажется, мои щеки пылают так сильно, что по цвету идеально совпадают с красным одеялом на кровати. И всё же Артур не перестает смотреть на меня так, будто я самое прекрасное существо, которое он когда-либо видел. Он берет мою руку и прикладывает её к своей груди.

— Почувствуй, — шепчет он. — Оно бьется так сильно ради тебя, а ты этого даже не осознаешь.

Под подушечками пальцев я чувствую непрестанный стук его сердца — кажется, оно вот-вот взорвется. Я удивленно поднимаю глаза, с улыбкой на губах и согревающим светом внутри.

— Как я могу принадлежать кому-то другому, когда один твой вид лишает меня рассудка?

Я опускаю голову, побежденная смущением.

— Но… Анна…

Он наклоняет голову, ловя мои глаза, которые тщетно пытаются ускользнуть. Он упирается руками в стену по обе стороны от моего лица и ищет мой взгляд, пока не находит его.

— Она не заставляет меня чувствовать и десятой части того, что я ощущаю рядом с тобой. Анна не крадет моё дыхание. Анна не смотрит на меня так, как ты. Анна меня ни капли не привлекает.

Ярость, которую я чувствовала до сегодняшнего утра, тает. Тяжесть в груди сменяется чувством легкости и освобождения, позволяя мне снова дышать. На моих губах играет новая, искренняя улыбка.

— Тебе следовало сказать мне это с самого начала.

— М-м-м, думаешь? — насмешливая искорка пробегает по его лицу. — Когда ты ревнуешь, ты гораздо сексуальнее.

Я закатываю глаза.

— Это не смешно, Артур.

— В какой-то момент ты едва меня не испепелила, это было возбуждающе, — шепчет он.

— Ничуть. У меня поднялась жуткая температура, я ни черта не помню.

Он прикладывает руку к моему лбу.

— В следующий раз постарайся ревновать, не заболевая.

Его шутка не смешит меня; напротив, я деревенею. *Следующий раз? Я не хочу снова через это проходить. Не хочу снова видеть их как пару со стороны. Я не могу. У меня не получится.*

— Эй, — тревожится он. — Я пошутил, это была просто шутка. Ты так сильно во мне сомневаешься? Ты мне не веришь?

Мне почти становится стыдно: он полностью открылся мне, но я не могу вынести мысли об этой красивой и соблазнительной женщине, которая крутится вокруг него весь день. Которая обнимает и целует его при всех. Не могу.

— Я верю тебе, — признаюсь я.

Он гладит меня по щеке.

— Но…?

— Но я чувствую себя лишней. Дворец, камеры, королевская гвардия, Жрецы… для меня всего этого слишком много. Я к этому не привыкла.

Он кивает, и от чувства вины опускает взгляд.

— Мне очень жаль, Лавиния. Они не должны были пытать тебя, не должны были прикасаться к тебе. Я… я думал, что, держа тебя рядом, смогу тебя защитить.

Он делает короткую паузу. Берет моё запястье, оголяет его и проводит пальцами по обнаженной коже. Следы от цепей всё еще видны, несмотря на то что прошло несколько дней. Его лицо мрачнеет. Я отдергиваю руку.

— Ты не виноват.

Горькая улыбка кривит его лицо.

— Я должен был подумать об этом. Если бы я только подействовал раньше.

Он достает из кармана джинсов сложенный вдвое лист и протягивает мне. Я беру его и разворачиваю.

— Твоя новая фальшивая личность. В тот день, когда я уехал из дворца, я отправился за поддельными документами. Я знал, что рано или поздно о тебе начнут задавать вопросы, поэтому должен был уладить это дело лично и незаметно. Когда я вернулся и мне сообщили о том, что капитан вытворял с тобой…

Я быстро пробегаю глазами слова, описывающие меня как обычную гражданку, работающую во дворце у Придворной дамы. Когда я поднимаю на него взгляд, то вижу хмурое, полное ярости лицо — кажется, он застрял в мыслях о капитане, который меня пытал. Я кладу руку ему на щеку, пытаясь отвлечь, но ничто не помогает. Будто меня на самом деле нет перед ним.

— Артур, — шепчу я. — Артур, — повторяю снова.

Нахмуренный лоб, сжатые кулаки по бокам и эта волна гнева, которая снова искажает его черты. Я трясу его за плечи, приближаю своё лицо к его и пытаюсь поймать его взгляд. Он пару раз моргает и медленно расслабляется. Он делает глубокий вдох, садясь на край кровати.

— Ты в порядке? — Я сажусь рядом с ним.

Он проводит рукой по волосам.

— Меня бесит осознание того, что я тебя не защитил. Я не хочу, чтобы это когда-либо повторилось, поэтому был вынужден перевести тебя к работникам дворца. Жрецы следят за тобой, я с трудом убедил их, что всё это было недоразумением. Они не стали проводить дальнейшее расследование только потому, что воспользовались случаем, чтобы прижать меня к стенке и заставить подписать тот договор.

Его тон меняется; злоба, которую он питает к Жрецам, сметает все следы того беззаботного Артура, которого я знала, или того страстного Артура, что был здесь мгновение назад.

— Ты можешь объяснить мне, в чем он заключается? Думаю, мне будет спокойнее, если ты расскажешь, на что идешь. Так я смогу избежать неверного толкования того, что вижу, — признаюсь я.

Он склоняет голову к полу и на мгновение задумывается в тишине.

— Этот вопрос уходит корнями в истоки нашей нации. Что-то вроде древней легенды, которая передается из поколения в поколение. — Он вздыхает, кажется, этот разговор причиняет ему дискомфорт: Жрецы, должно быть, были в отчаянии, раз

заставили его подписать пакт силой. — Есть история, которую Жрецы рассказывают веками и которой предостерегают каждое поколение правителей. Она касается пришествия человека, несущего бедствия, голод и засуху. Человека, явившегося в мир лишь для того, чтобы его уничтожить: они называют его «Зло». Никто не знает, кто он и как именно он всё разрушит, но говорят, что его ярость против рода человеческого настолько глубока, что даже время не сможет её утихомирить, и когда он проснется, то сметет всё на своем пути.

Зло? Это какая-то фэнтезийная история? То есть я знала, что эти Жрецы особенно преданы своим священным писаниям и законам, но не представляла, что они говорят и о непобедимом враге, судьба которого — убить каждого человека.

— То есть ты хочешь сказать мне, что есть человек по имени «Зло», который должен уничтожить мир? — Я с трудом улавливаю суть его рассказа.

Артур потирает лоб.

— Я не верю в эти бредни, я всегда отказывался их распространять, но народ верит. Особенно старики верят Жрецам и легенде. Они до глубины души боятся призрачного разрушителя, и их страх растет с каждым днем, потому что, согласно расчетам, именно в этом году он должен проснуться.

— Он… спит? — Я чувствую себя почти глупо.

Артур усмехается, забавленный моим испугом.

— Сон, который длится веками. Никто его никогда не видел, и всё же все убеждены, что он действительно существует. Безумие. В твоем мире такой чуши не было.

— В моем мире есть фильмы ужасов, но этот бьет их все своей фантазией. И чего Жрецы хотят от тебя? Чтобы ты отыскал его тайное убежище? — иронично предполагаю я, но выражение лица Артура оставляет горький привкус во рту.

Он кивает.

— Не верю, — бормочу я.

— Не говори мне об этом. Они хотят, чтобы я прочесал каждый уголок страны, прежде чем начнутся знаменитые «сигналы тревоги».

— Что это за сигналы?

Он устраивается на кровати, берет меня за бедра и притягивает к своей груди. Я задерживаю дыхание, снова во власти дрожи.

— Первым сигналом станет засуха на возделываемых землях, за ней последует заражение пищи и воды, затем начнутся мощные сейсмические толчки по всей территории и, наконец…

Я моргаю.

— И наконец?

Артур убирает прядь волос мне за ухо и поглаживает большим пальцем щеку. — Смерть младенцев во сне.

Моё сердце пропускает удар. Это катастрофический, леденящий душу сценарий: как они могли вообразить столь ужасающие знамения? От одной мысли об этом кожа покрывается мурашками.

— И этот человек, Зло, должен вызвать всё это своим пробуждением? — спрашиваю я. Попытка постичь больные умы Жрецов сейчас кажется мне непосильной задачей. Это противоречит любой логике.

Артур кивает. — Именно поэтому Жрецы настаивают на том, чтобы его нашли вовремя и убили.

— Но почему этим должен заниматься именно ты? Если ситуация настолько серьезная, почему они не сделают этого сами или не поручат своим людям?

Хотя я и не представляю этих стариков в белом, сражающихся с чем-то настолько зловещим, я думаю: если бы такая угроза существовала на самом деле, они должны были что-то предпринять. В конце концов, в их распоряжении целая армия гвардейцев и людей, вооруженных до зубов.

Артур перебирает мои волосы, отвечая: — Потому что здесь-то и начинается самое интересное. Легенды гласят, что только наследник престола сможет победить Зло. Они годами пытались втянуть нас в свои поиски, но мы всегда сопротивлялись. Ни я, ни Эдоардо, ни отец не верим в этот апокалиптический сценарий, но у нас связаны руки.

Жрецы коварно заставили Артура — а значит, и всю королевскую семью — охотиться за легендарным призраком. Округляю глаза. Они сделали это из-за меня, использовали меня как предлог. Не могу в это поверить. Использовать меня как рычаг для шантажа — вот их стратегия… Теперь многое становится ясно. Те бумаги в руках Артура, слова Короля в зале, отчаяние Эдоардо…

— Не волнуйся. Мы просто должны помочь им прочесать все подозрительные зоны. Они думают, что он прячется в какой-нибудь глухой лесной чаще. Идеальное место — там, где не ступала нога обычного человека. В этом нет ничего опасного.

Трясу головой. — Конечно, «ничего опасного», всего лишь мистическое существо, само существование которого угрожает человечеству. — Вздыхаю. — Как они представляют себе, что наследник его убьет?

Артур смеется, забавленный моими словами. — Учитывая, что против него мы с Эдоардо, я бы сказал, что у него нет шансов.

Испепеляю его взглядом. — В этом нет ничего смешного, Артур. А если он убийца? Если в этом нет никакой мистики, но доля правды всё же существует?..

Моя уверенность колеблется. Еще год назад я и подумать не могла о существовании параллельного мира с монархией и возможностью перемещения. Так кто мне скажет, что это неправдоподобное существо не существует на самом деле?

— Лавиния. — Голос Артура звучит как мелодия, способная унять любую безумную паранойю. — Это просто легенда, и только. История, выдуманная Жрецами, чтобы пугать народ и навязывать свою волю. В этом нет ни капли правды. Хорошо?

Он притягивает меня к себе, укладывая на грудь и обнимая за спину. Моё лицо утыкается в изгиб его шеи, аромат мускуса щекочет ноздри, и я полностью доверяюсь ему.

— Значит, ты не будешь сражаться с мистическим существом, вызывающим землетрясения? — бормочу я, прижавшись лицом к его коже.

От его раскатистого смеха вздрагивает грудь, и я думаю, что это один из самых прекрасных звуков, что я когда-либо слышала. — Думаю, если бы такой человек существовал на самом деле, нам всем пришел бы конец, и я бы не сидел здесь, вдали от дворца, поглаживая тебя по спине.

Краснею и благодарю небо, что он не видит, как пылают мои щеки. — Мне жаль, — признаюсь я. — Эдоардо теперь, должно быть, ненавидит меня до смерти.

Я и раньше не вызывала у него особой симпатии, а теперь из-за меня ему придется бродить по лесам в поисках следов мифологического существа.

— Эдоардо ненавидит всех, — шепчет он мне на ухо. Дрожь пробегает по позвоночнику. — У него скверный характер, но он один из тех людей, кому я доверяю больше всего.

Вспоминаю момент, когда Король чуть не швырнул в него стул. Артур ничего об этом не знает. Эдоардо велел мне не рассказывать о постоянном насилии со стороны отца. Интересно, неужели у Артура нет ни малейшего подозрения?..

— Какие у него отношения с вашим отцом? — бормочу я.

Хочу понять, осознает ли он критическое положение брата, хотя бы отчасти.

— Хм… — размышляет он. — Нормальные. В прошлом они не ладили, но теперь, к счастью, всё иначе.

Что-то внутри меня надламывается. Артур не знает, что отец избивает Эдоардо и никогда не переставал этого делать. Боюсь представить, на что он будет способен, если узнает. Он, стремящийся защитить каждого; он, готовый нарушить любое правило, чтобы отомстить за тех, кто ему дорог.

Любовь, которую он питает к брату, всегда была для меня очевидной. Их связывает глубокая нить, которую ничто не в силах разорвать. Но почему Эдоардо не говорит ему? Не понимаю. Он казался напуганным самой мыслью о том, что Артур может всё выяснить.

Рука Артура гладит мои волосы. Закрываю глаза и расслабляюсь под его пальцами. Хотела бы я остаться так на целую вечность. Молча касаюсь его груди.

— Как мне вернуться во дворец, если ты так делаешь? — шепчет он.

Я знаю, что он должен вернуться. Знаю очень хорошо. Не отвечаю ему, притворяясь спящей, лежу неподвижно, прижавшись к его груди. Не шевелюсь, не двигаю ни единым мускулом.

— Придворная дама, — произносит Артур. *Он шутит?* Хмурюсь, тишина заставляет меня усомниться, что она действительно здесь, но когда я сажусь, то вижу её на пороге: руки скрещены на груди, губы сжаты в жесткую линию.

Мгновенно бледнею. Это конец: она убьет меня и закопает останки в саду за нарушение как минимум двадцати правил этикета. Артур — единственный, кто улыбается; единственный, кого она, само собой, не может наказать.

— А я-то думал, ты заснула, — бормочет он. Бросаю на него обиженный взгляд.

— Почему ты не сказал мне, что она здесь? — шепчу сквозь стиснутые зубы, слезая с кровати. Замираю, ожидая грандиозной выволочки. Меня бросает в дрожь от мысли о её наказаниях. Неужели она снова заставит меня часами балансировать с тяжелыми книгами?

Она подходит ко мне, пара шагов — и она уже напротив. С трудом сглатываю под её испытующим взглядом. Опускаю голову, прячу руки за спину, затаив дыхание. Она поднимает ладонь, и я резко зажмуриваюсь, думая, что она хочет меня ударить, но чувствую лишь её ледяные пальцы на своем лбу.

Исподлобья наблюдаю за ней. — Жар спал. Чувствуешь себя лучше?

Поверить не могу, что она меня не ругает. — Д-да, спасибо.

Она кивает, осматривая меня. Замечает, что на мне её старые вещи, и вспышка меланхолии проносится в её глазах. Она старается этого не показывать, но я замечаю, что её лицо стало менее суровым.

— Дама, ты беспокоишься только о своей подопечной? А у меня ничего не спросишь? — голос Артура звучит совсем близко. Краем глаза замечаю, что он встал рядом со мной.

Она слегка склоняет голову. — Ваше Высочество, — вздыхает она. — Лавиния под моей ответственностью, поэтому я слежу за тем, чтобы она была в порядке и ни в чем не нуждалась.

— О, когда-то и я был под твоей ответственностью. Помнишь, Дама? Когда ты учила меня математике, науке, астрологии, правилам этикета, моральным принципам, осанке… — Артур выдает бесконечный список, от которого у меня округляются глаза. Придворная дама — чрезвычайно образованная и умная женщина. Она никогда не совершает неверных шагов, каждое её движение выверено. Интересно, каково это — жить с таким грузом на плечах и таким чувством долга.

Она вздыхает. — Помню, Ваше Высочество. Я вырастила и вас, и принца Эдоардо, исполнила свой долг, и теперь вы достаточно взрослые, чтобы защитить себя сами. — Она переводит взгляд на меня, протягивает руку и материнским тоном произносит слова, способные согреть моё сердце: — Пойдем домой, Лавиния?

Домой. Д-о-м-о-й.

Какой сладкий, гипнотический и мелодичный звук. Не знаю, потому ли это, что мне никто никогда не говорил таких слов, или из-за чувства защиты, исходящего от её взгляда, но на моих губах сама собой появляется улыбка. Киваю, беру её за руку и следую за ней.

— Конечно, оставьте меня здесь, — ворчит Артур мне в спину.

— Вы прекрасно знаете дорогу, — поддевает его Придворная дама. Иду за ней, её пальцы переплетены с моими. Она останавливается у двери, и когда собирается её открыть, глубокий голос Рантала останавливает её.

— Уже уходишь, Анджелина?

Он ковыляет к нам. Белая рубашка ему тесна, но это его не смущает. Он потирает лоб. — Если не перестанешь быть такой зажатой, все от тебя сбегут. Тебе сорок четыре года, а к моим годам у тебя уже будет язва. Вечно эти дворцовые правила, к черту этих индюков! — ворчит он.

— Папа, — упрекает она его. — Тебя кто-нибудь услышит, будь осторожнее.

Придворная дама сурова даже со своим отцом, но тот не обращает внимания. Думаю, он единственный человек, способный так с ней разговаривать и оставаться безнаказанным. Моё уважение к этому человеку растет с каждой секундой.

— Кто? Я ничей не слуга! Ни самого Короля, ни принцев! — отвечает он, повышая голос.

— Браво, синьор. Так держать, — аплодирует Артур. С трудом сдерживаю смех, Дама разочарованно качает головой.

— Мы уходим, папа. Закрой дверь.

Рантал берет меня за свободную руку. — Милая барышня, когда захочешь, можешь снова навестить меня. Я всегда буду рад тебя принять, — он улыбается с таким нежным выражением лица, что мне хочется его обнять. Дама подталкивает меня к двери.

Отвечаю улыбкой: — Спасибо тебе за всё, дядя Ран. Надеюсь, вскоре увидеться снова.

Машу рукой, следуя за Придворной дамой из дома Рантала. У обочины нас ждут две машины. Полагаю, одна принадлежит Артуру, а другая — та, на которой приехала она. Водитель первой машины выходит, чтобы открыть нам заднюю дверцу. Только тогда Дама отпускает мою руку.

Она поворачивается к Артуру и указывает на вторую машину: — Ваше Высочество.

Артур закатывает глаза. — Во дворце мне нельзя быть рядом с ней, так хоть дай мне проехать обратный путь вместе, — жалуется он. В моем животе оживает целый муравейник, краснею под внимательным взглядом Дамы.

— И речи быть не может. Вас нельзя видеть входящими вместе, это слишком рискованно, — парирует она. — Вы же не хотите подвергнуть Лавинию опасности? — Она скрещивает руки на груди в своей типичной манере, когда ведет спор, в котором знает, что одержит верх.

Он качает головой и вскидывает руки. — Понял, больше ни слова. — Он поворачивается прежде, чем я успеваю сообразить, что происходит, наклоняется ко мне и запечатлевает нежный, быстрый поцелуй на кончике моего носа. Уверена, мои щеки… нет, всё лицо в огне. Прикладываю руку к носу и удивленно смотрю на него.

Он никогда не делал этого при ком-то. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди, я чувствую. Он улыбается с задорным блеском в глазах, затем, довольный своим поступком, отходит ко второй машине. Водитель открывает ему дверь, и он садится внутрь, исчезая из виду.

Придворная дама качает головой и вздыхает, садится в машину, и я следую за ней. Весь путь я провожу во власти тысячи эмоций, с бешено колотящимся сердцем.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 19

Лавиния

По возвращении во дворец я застаю девушек в сильном беспокойстве за меня. Хотя я совершенно поправилась и чувствую себя отлично, они настаивают на том, чтобы поручать мне самую легкую работу. Да и Придворная дама, кажется, смягчилась по отношению ко мне… или она осталась прежней, а это я теперь смотрю на неё другими глазами. Как бы то ни было, она больше не распекает меня как раньше и даже оставляет мне свободное время, как и всем остальным работникам.

— В шеренгу, — командует она сейчас ледяным голосом.

Забираю свои слова обратно.

Я и остальные девушки выстраиваемся в коридоре дворца в ровную линию. В руках я сжимаю поднос с фруктами, рядом Вирджиния держит две тарелки с шоколадными десертами. Опустив головы, мы молча стоим под её пристальным взглядом. Она изучает нас по одной: волосы убраны, ни единой выбившейся пряди, юбки идеально отглажены, туфли на каблуках чистые, без малейшего пятнышка.

Она приближается ко мне, и я задерживаю дыхание. *«Пожалуйста, пусть мои волосы не торчат в разные стороны»*. Нужно сосредоточиться, чтобы не поднять глаза и не встретиться с её пронзающим взором. Она задерживается возле меня на целую вечность. Каждой частичкой своего тела я молюсь, чтобы эта пытка закончилась.

Наконец она отходит и направляется к лестнице. Одна за другой мы снова начинаем дышать, следуя за ней гуськом в полном молчании. Я иду последней, передо мной десять девушек, и каждая несет какое-то блюдо в зал.

Когда я ступаю на первую ступеньку, кто-то хватает меня за руку и прижимает к стене. Вскрикиваю и едва не роняю поднос.

— Бу! — Он улыбается. Золотистые кудри падают ему на лоб.

— Что ты делаешь? — шепчу я сквозь стиснутые зубы. Быстро оглядываюсь на девушек: они спускаются по лестнице, никто из них не заметил моего отсутствия. Снова смотрю на Артура, который с забавленным выражением лица пригвоздил меня к стене.

— Хотел тебя увидеть, — шепчет он едва слышно. От этих простых слов сердце в груди пускается вскачь. Моргаю и прихожу в себя.

— Если нас най…

Он прикладывает палец к моим губам, приказывая молчать. Его взгляд направлен мне за спину; кошусь краем глаза и замечаю, что девушки остановились. Артур кладет руку мне на спину и легким толчком направляет обратно в коридор. Ускоряю шаг, сбегаю по первым ступеням и едва не врезаюсь в девушку впереди. Крепко сжимаю поднос и выдыхаю. Придворная дама оглядывается, ищет меня взглядом и, обнаружив, продолжает путь.

У неё как будто радар встроен. Она чует любое отклонение от нормы, улавливает его в воздухе и ловит тебя на месте. Я гадаю, что нашло на Артура: хотя мы продолжаем держать дистанцию, теперь я справляюсь с ситуацией гораздо лучше. Если вижу, как он проходит мимо, опускаю голову, как и все остальные. Если он проводит время с Анной, я теперь понимаю, почему.

Мне достаточно вспомнить то, что он доверил мне в доме Рантала, и любая неуверенность тает. От одной мысли об этом на лице появляется улыбка, которую я не

могу стереть. Мягкость его губ на моих, его прикосновения, сбивчивое дыхание, его вкус… все эти ощущения захлестывают меня, вызывая дрожь.

Не знаю, чувствует ли он то же самое, но иногда мне удается поймать его мимолетный взгляд — знаки настолько неуловимые, что их никто не замечает. Только мы вдвоем делим эти мгновения, когда кажется, что даже воздух замирает.

Поэтому я продолжаю выполнять любые поручения. Придворная дама присматривает за мной и никогда не дает заданий слишком близко к принцам. Я не жалуюсь: меня утешают воспоминания, которыми я живу каждую ночь перед сном.

Убираю серебряный поднос на верхнюю полку и закрываю дверцу. Спускаюсь со стула, который использовала как подставку, и Габриэль, охранник восточного крыла, качает головой со смехом.

— Что такое? — спрашиваю я, возвращая стул на место и разглаживая юбку.

— Ты полезла наверх, чтобы убрать поднос, хотя это даже не твоя работа. Придворная дама поэтому тебя всё время отчитывает?

Закатываю глаза и вздыхаю. — Никто не умрет, если я помогу. Не говори мне, что я должна была мобилизовать пятьдесят шесть гвардейцев ради дела, которое решается с помощью стула и небольшой растяжки.

Мой ответ заставляет его улыбнуться еще шире. Наш спокойный момент прерывает Вирджиния: она входит в кухню с растерянным видом. Смотрит на меня, и я с трудом верю тому, что слышу.

— Синьорина Анна потребовала твоего присутствия в саду.

Указываю на себя: — Меня?

Она кивает, поправляя волосы. — Не спрашивай. Они упражняются в стрельбе из лука, устроили что-то вроде состязания между ней и принцами. Она просила прислать «ту девушку, блондинку с косой». Ты сегодня единственная, у кого вместо пучка коса. Так что… леди Анна тебя ждет.

Что ей может быть нужно от меня? И тем более в разгар состязания лучников? Следую за Вирджинией по коридору к саду за дворцом. Там стоят два стола, ломящихся от еды; Король сидит в тени, наслаждаясь полдником. Его окружает шеренга гвардейцев, а дальше я вижу золотистые кудри Артура.

Его очередь: с предельной концентрацией он вытягивает руку и крепче сжимает лук. Прищуривает один глаз и выпускает стрелу. Метко, быстро и точно. Он довольно ухмыляется: стрела попала в самый центр мишени, установленной в нескольких метрах.

Присутствующие гвардейцы обмениваются одобрительными взглядами. Анна хлопает в ладоши, а Эдоардо готовится стрелять следующим. Скрестив руки на груди, я наблюдаю за ними издалека. Я не единственная, кто восхищается способностью Артура превращать любое дело, даже самое трудное, в нечто простое, как глоток воды. Будто всё это — лишь детская забава.

Эдоардо натягивает тетиву, направляет стрелу в цель и уже готов выпустить её. Анна кладет руку ему на плечо. — Погоди, давай сделаем игру интереснее. — Она улыбается.

Она поворачивается ко мне и жестом велит подойти. Подчиняюсь, на краткий миг встречаясь взглядом с Артуром, прежде чем он снова переводит внимание на Анну.

— Вы звали меня? — спрашиваю я, остановившись перед тремя молодыми аристократами.

Эдоардо недовольно качает головой. — У меня дежавю, — бормочет он, будто уже разгадал планы Анны. Она смотрит на меня с блеском в глазах, который я не могу расшифровать, и кивком указывает на мишень.

— Встань там, перед мишенью, и не двигайся. — Ангельский тон выдает всё высокомерие её слов.

Приоткрываю рот. Она действительно хочет использовать меня как живое препятствие, чтобы отточить их мастерство? *Это безумие.* Эдоардо замечает ужас на моем лице и спешит меня «успокоить». — Я не попаду в жизненно важные органы, успокойся и дыши.

Смех Анны на фоне заставляет меня чувствовать себя такой ничтожной, что хочется провалиться сквозь землю. — Дорогая, мы не собираемся тебя убивать. Ты побледнела, хочешь воды перед началом?

Заставляю себя скрыть охватившее меня смятение, прочищаю горло. — Как пожелаете.

Забавная ухмылка исчезает с её губ, она задумчиво потирает подбородок, изучая меня с любопытством. Обхожу её, иду по траве к большой круглой мишени. Вдох, выдох — пытаюсь унять тревогу, которая безжалостно пожирает меня. *«Может, дать дёру?»* Если все трое так же хороши, как Артур, то, возможно, я не потеряю руку или ногу. Сжимаю кулаки, вздыхаю и оборачиваюсь.

— Правее! — кричит Анна. Стискиваю челюсть и смещаюсь на несколько сантиметров в указанном направлении. Она жестом подтверждает позицию. *Почему она позвала именно меня для такого?* Я не понимаю её.

Анна, Артур и Эдоардо с такого расстояния кажутся крошечными. Выстрел Артура был действительно выдающимся. Бросаю на него взгляд — он занят подготовкой к следующему выстрелу, кажется, эта ситуация его совсем не трогает, будто его это не касается. Он так искусно маскирует эмоции, или ему действительно плевать, что леди Анна хочет пронзить меня стрелами?

Эдоардо направляет стрелу на меня, и кровь стынет в жилах. Он слегка наклоняет голову, затем без колебаний выпускает стрелу. Свист над моей головой и глухой удар. Поднимаю взгляд: стрела вонзилась в сантиметре над макушкой. Ошибись он на самую малость — и попал бы прямо в лоб.

Резко выдыхаю весь воздух, который неосознанно задерживала. Слышу аплодисменты Анны вдалеке, вижу, как Эдоардо поворачивается ко мне спиной.

Очередь Анны. Гвардеец протягивает ей лук и стрелу, но она отказывается. Что-то шепчет ему на ухо, и мужчина исчезает в неизвестном направлении. И Эдоардо, и Артур смотрят на неё в замешательстве. Когда я вижу, как гвардеец возвращается с сумкой в руках, сердце сжимается.

Анна открывает её и достает острые ножи, с которыми обращается так бережно, будто это её самая большая любовь. Округляю глаза. *Она хочет использовать это против меня?* Эдоардо бросает взгляд на Артура, словно они общаются телепатически.

Я изо всех сил стараюсь стоять смирно и дышать, но, когда вижу, как она встает в позицию, сжимая в пальцах лезвие ножа, моё сердце взрывается тысячью ударов в минуту. Оно колотит так сильно, что я слышу гул в ушах.

Прежде чем я успеваю сообразить, нож вонзается в правую часть мишени, совсем рядом с моим лицом. Впиваюсь ногтями в ладони. Анна поворачивается, берет другой нож и подбрасывает его в воздух. Почему у меня ощущение, что она забавляется,

заставляя меня рисковать жизнью? Мгновение — и с тонким свистом слева от меня второе лезвие вонзается в нескольких миллиметрах от другой щеки.

Анна поворачивается к парням, кажется, она довольна собой. Артур делает знак рукой, и гвардейцы начинают собирать луки и стрелы. *Пытка окончена.* Падаю на колени, выдыхаю, выпуская всё напряжение. Ладони потные, во рту пересохло, я не могу постичь, откуда взялось мужество, позволившее мне не шелохнуться во время бросков.

Леди Анна выглядит ангельски и соблазнительно, но она становится совсем другим человеком, когда берет в руки оружие. Я бы никогда не хотела сойтись с ней в бою. Она могла бы выбить мне глаз взмахом кисти раньше, чем я успела бы это заметить. Трясу головой, собираясь подняться, но тут вижу, как мимо пробегает кролик. Он останавливается пощипать пучок травы.

Зверёк вызывает у меня слабую улыбку. *«Как ты здесь оказался, малыш?»* Сажусь перед ним и осторожно беру его на руки. Решаю отнести его в более безопасное место, иначе он рискует быть нанизанным на следующий нож Анны.

Я не успеваю подняться с земли, как вижу нож, летящий в меня на огромной скорости. Я парализована: не могу шевельнуться, не могу ничего сделать. Движение в это мгновение кажется чем-то запредельно сложным. Я лишь успеваю зажмуриться и крепче прижать кролика к груди.

Сухой щелчок.

Вздрагиваю и оглядываюсь, сердце колотится где-то в горле. Справа от меня лежит нож, отбитый в сторону и вбитый в землю стрелой. Поднимаю дрожащий взгляд: Анна смотрит на меня с весельем, в то время как Артур сжимает в руках лук в позе человека, только что совершившего выстрел с точностью до миллиметра.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать произошедшее. Артур сбил её бросок в самый последний момент.

— Ты совсем с катушек съехала? Что ты творишь? Решила добыть дичь к ужину? — ворчит Эдоардо на Анну.

Она пожимает плечами и с невинным видом поворачивается к нему.

— Я всего лишь хотела кое-что проверить.

С трудом сглатываю и медленно встаю, ноги почти не держат. Чувствую, как кровь закипает в венах; кролик прячет голову в моих руках. Она хотела попасть в него? Или просто хотела доказать своё превосходство, показать, что может убить меня, когда ей заблагорассудится? В любом случае, я не собираюсь молча смотреть, как она упивается этим поступком.

Быстрым шагом иду прямо к ней. Я не опускаю голову, не жду разрешения или согласия приблизиться к аристократам, как должна была бы сделать. Останавливаюсь прямо перед ней; она поигрывает кончиком ножа, хвастаясь точностью своих смертоносных бросков.

Заметив моё присутствие, она отмахивается от меня коротким жестом.

— Здесь ты закончила, можешь идти.

У меня вырывается нервный смех. Все трое смотрят на меня, я кожей чувствую жгучий взгляд Артура. Он понял, что я на грани срыва, и делает несколько шагов навстречу.

— Ты меня слышала? Да как вообще обучают этих придворных девок? — фыркает она.

Приподнимаю кролика в руках.

— Вы хотели попасть в него? — Мой голос звучит сухо, холодно и без тени страха. Будто моё сердце не готово взорваться в этот миг.

— Даже если и так? — Она пронзает меня взглядом, не терпящим возражений.

— Что ж, либо вы целились в него, либо в меня, — продолжаю я.

Она кривит губы и вздыхает.

— Цена игры.

Моргаю, окончательно ошарашенная.

— Ах, это была игра? Я и не знала, Ваше Высочество. Но благодарю, что прояснили, с нетерпением жду возможности сыграть с вами снова. Теперь, когда вы объяснили правила, уверена, будет гораздо веселее.

Минута тишины. Слышен лишь шелест ветра.

У Эдоардо вырывается смешок, он прижимает ладони к губам, пытаясь вернуть лицу серьезное выражение. Анна делает шаг ко мне, сжимая этот проклятый нож, и я уверена, что она собирается меня проткнуть, но Артур кладет руку ей на талию и притягивает к себе.

Я бы предпочла, чтобы он позволил ей напасть на меня, лишь бы не видеть, как он касается её на моих глазах. Скрываю досаду и смотрю на неё не моргая.

— Пойдем, живо. Не будем терять время, — шепчет ей Артур.

Она качает головой, всё еще недовольная, её костяшки побелели от силы, с которой она сжимает рукоять ножа. Если бы не Артур, она бы точно меня ранила. Он проводит ладонью по её щеке, задерживается на подбородке и двумя пальцами приподнимает её лицо к своему. Они замирают так, в двух сантиметрах друг от друга — будто только контакт с ним способен её успокоить.

Анна глубоко дышит, теряясь в медовых глазах Артура. Какая постыдная сцена. Меня сейчас вырвет. Отворачиваюсь, сдерживая порыв сорвать руки Артура с её лица.

— Предложишь мне выпить? — шепчет она вкрадчивым голосом. Закатываю глаза.

Артур дарит ей согласную улыбку, и они уходят, держась за руки, поворачиваясь ко мне спиной. Рядом остается только Эдоардо: он с интересом наблюдает за разыгравшимся спектаклем. Хотела бы я уметь так же смеяться над этим, как он, но я не в силах. Меня тошнит от того дерьма, что я только что увидела.

«Как Артур может так искусно играть? Он кажется совсем другим человеком».

— Не думаю, что тебе выгодно иметь её в качестве врага. — Эдоардо не упускает случая подколоть меня. Поворачиваюсь к нему.

— И вы позволяете ей всё? Она использует меня как мишень, чтобы добавить адреналина в ваши тренировки, а потом пытается прирезать просто так? — Глажу кролика, который безмятежно спит у меня на руках. Его белый мех такой мягкий и чистый.

Он пожимает плечами.

— Скажем так, она такая с детства, ей ни в чем нельзя отказывать, иначе… — Его лицо искажается досадой.

Приоткрываю губы. *«Иначе что?»* Не успеваю спросить: тихий хлопок, и что-то горячее пачкает мои руки. Опускаю взгляд: сердце замирает, дыхание перехватывает, я бледнею от ужаса. Нож вонзен в грудь кролика. Маленькая лужа крови растекается у моих ног; тельце содрогается в последних конвульсиях, прежде чем окончательно затихнуть. Он больше не шевелится.

Поднимаю голову: Анна удовлетворенно улыбается и подмигивает мне, в то время как Артур, стоящий рядом с ней, бросает на меня взгляд, полный сожаления. Он пытается сделать шаг в мою сторону, но Анна хватает его за руку и тащит во дворец.

Слеза катится по щеке. Я парализована. Смотрю в пустоту перед собой. Не осознаю, что происходит вокруг: чувствую лишь, как Эдоардо забирает кролика из моих рук, чтобы передать его гвардейцам. Его губы шевелятся, но я не слышу ни слова.

Он берет меня за руку и ведет за собой. Не знаю, откуда у меня берутся силы идти и куда мы направляемся. Вздрагиваю и моргаю, когда чувствую на руках холодную воду. Передо мной зеркало, в котором я вижу своё отражение и Эдоардо. Он умывает меня, нежно проводя пальцами по щекам.

Звуки вокруг смешиваются: шум воды из крана и голос Эдоардо, пытающегося меня успокоить.

— Дыши, Лавиния. Ты меня пугаешь.

Но воздух ускользает из легких, я тщетно пытаюсь выровнять дыхание.

— О-она уб-била… — заикаюсь я.

— Да, убила. Она сумасшедшая, которая не принимает отказов. — Он промакивает моё лицо полотенцем. Смотрю на раковину, и пятна крови на белой керамике заставляют меня округлить глаза. — Эй, эй. — Он ласково заставляет меня посмотреть на него. Эдоардо никогда раньше не был так заботлив.

— О-она могла попасть в меня.

— Она бы никогда этого не сделала, — возражает он, его большие пальцы касаются моего подбородка.

— Она могла! — Повышаю голос, слезы снова готовы брызнуть из глаз.

— Никто не может убить тебя здесь. Я тебе обещаю. — Его тон решителен и тверд. Он заканчивает вытирать мне лицо. — Тебе придется привыкнуть к показным выходкам Анны, к её играм власти. Она такая, и изменить её невозможно. Единственный человек, которого она слушается, — мой брат. Если он скажет ей прекратить, она прекратит.

Горько улыбаюсь.

— О, вау. Теперь мне гораздо спокойнее. — Всхлип прерывает меня. Глубоко вдыхаю.

Мне кажется, я всё еще чувствую этот мягкий комочек в своих руках. То, как он замер от страха, и тишину, в которой он погас. Две секунды. Потребовалось всего две секунды, чтобы прикончить его.

— Что ж, в этот раз она, скажем так, увлеклась. Но она бы никогда в тебя не попала, поверь мне. Она не может этого сделать.

— Потому что Артур бы никогда не позволил? — Я почти смеюсь над абсурдностью своих слов. — Да кого ты пытаешься обмануть? Он и пальцем не пошевелил. — Ярость сменяет первоначальный страх и шок.

Эдоардо откладывает полотенце.

— Я бы этого не позволил, Лавиния. — Он отходит на несколько шагов к двери. — Сейчас у твоего Артура связаны руки и ноги, не жди от него многого.

Он выходит из ванной. Смотрю на свои дрожащие руки, подставляю их под струю воды и тру. Раз, два, три, четыре раза. Обида сжигает меня изнутри.

Вскоре в ванную входит Вирджиния. Её взгляд полон скорби, она прижимает меня к груди. Просит прощения, будто это её вина.

— Ты ни при чем, не извиняйся. Это не твоя вина.

Она качает головой.

— Я должна была догадаться. Она ничего не делает просто так, я должна была придумать оправдание… сказать, что тебя нет…

Страх, который Анна внушает окружающим, омерзителен. Она манипулирует ужасом каждого, кто смеет приблизиться к её территории.

***

На следующее утро меня назначают в группу, выезжающую из дворца. Насколько я поняла, мы будем сопровождать королевскую семью на охоту в леса. Мы должны отвечать за их трапезы, снаряжение и любые другие нужды. Надеваю рюкзак, нагруженный оружием, которое понадобится принцам для охоты, и следую за Вирджинией. На мне форма с темными брюками и тяжелой курткой, похожей на ту, что носят гвардейцы.

Наш отряд состоит из десяти придворных девушек и двадцати гвардейцев. Впереди — Артур, Эдоардо и Анна. Они едут верхом, окруженные охраной. Путь долгий и трудный: попадаются ямы, грязные рытвины и корни, через которые приходится переступать. Вирджиния рассказывает, что принцы обычно устраивают такие экспедиции два-три раза в год.

Представляю, что для Анны убивать беззащитных животных — пара пустяков. Это у неё в крови. Её длинные черные волосы покачиваются на спине; она поворачивается к Артуру и что-то рассказывает с такой сияющей улыбкой, что невозможно поверить, будто именно она — то бездушное чудовище, которое убило кролика из мести.

Вздыхаю. Единственное, что меня радует, — это окружающая зелень. Слышу щебет птиц, солнечные лучи греют кожу, а ветер ласкает щеки. Глоток свежего воздуха за пределами стен заставляет меня чувствовать себя легче.

С другой стороны, постоянно видеть Артура и Анну перед глазами — как она обнимает его, касается, ласкает… это невыносимо давит на нервы. Я хотела бы реагировать иначе, хотела бы лучше контролировать себя, но не могу. Не после вчерашнего.

Стараюсь не встречаться с Артуром взглядом, держусь как можно дальше от него и от Анны. Не хочу давать этой кровожадной психопатке повода запустить в меня ножом или устроить очередную игру власти. Поэтому я держусь от неё подальше. А она — она ни на шаг не отходит от Артура.

Мы останавливаемся посреди поляны. Гвардейцы привязывают и кормят лошадей, пока знатное трио снаряжается для охоты. Опускаю рюкзак на землю и перевожу дух. Тем временем девушки раздают им выбранное оружие: Анне — её любимые ножи, Эдоардо — лук, а Артуру — ружье.

— Посмотрим, кто подстрелит самую крупную дичь, — шутит Анна.

— О, и какой приз? — Эдоардо поправляет лук за спиной.

Она улыбается и переводит взгляд на Артура. — Поцелуй?

Меня сейчас вырвет. *«Нужно уйти отсюда, иначе я её придушу»*. Сообщаю Вирджинии, что схожу за дровами, чтобы согреть лошадей. Один из парней-гвардейцев вызывается меня сопроводить, но я вежливо отказываюсь. Обхожу несколько деревьев и углубляюсь в густые заросли.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Моя куртка то и дело цепляется за ветки, я несколько раз останавливаюсь, чтобы высвободиться из колючек. Как только я отхожу достаточно далеко от лагеря, замедляю шаг. Останавливаюсь на небольшой прогалине с видом на озеро.

Сажусь на берегу. Закрываю глаза и вдыхаю чистый воздух. Звуки природы убаюкивают мою тревогу, вытесняя образ этой психопатки ровно настолько, чтобы я могла расслабиться.

Внезапный шум нарушает гармонию момента. Резко вскакиваю, спотыкаюсь о взявшийся из ниоткуда камень и лечу назад. В последний момент, когда до воды остаются считанные сантиметры, меня спасает дворцовый гвардеец — он хватает меня за руку и притягивает к себе.

— Всё в порядке? Я подумал, тебе пригодится помощь с дровами. Не хотел тебя напугать, прости. Взгляд обеспокоенный, голос мягкий. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Щурюсь и узнаю его — это Габриэль. Один из самых молодых гвардейцев, примерно мой ровесник, обычно он патрулирует восточное крыло дворца.

Он осматривает мои брюки, замечая дыры на коленях. Расстроенно чешет затылок. — Ты поранилась?

— О, нет. Я быстро шла, наверное, зацепилась за терновник. Не волнуйся. — Высвобождаюсь из его рук. Делаю шаг вперед, но стон боли вырывается из груди, и я оседаю на землю.

Смотрю на лодыжку, касаюсь её пальцами. Вздрагиваю: она уже распухает. *«Только этого не хватало»*. Не успеваю я подняться, как Габриэль подхватывает меня на руки.

— Ты не сможешь идти, пойдем. В лагере есть лёд.

Я деревенею. Я не привыкла к прикосновениям другого мужчины. Кого-то, кто не Артур. С Артуром расслабиться получается само собой, будто я точно знаю: он никогда не причинит мне вреда. Любому другому мужчине я не могу доверять полностью.

— Я могу дойти са…

— Я настаиваю.

Он делает пару шагов вперед и тут же замирает. Поднимаю взгляд: перед нами Артур с ружьем в руке, а за его спиной — Анна и Эдоардо. Они видели всё. Интересно, как долго они так стоят и смотрят на нас?

— Ваше Высочество. — Габриэль коротко кивает.

Лицо Артура — ледяная стена, готовая вот-вот треснуть. Он ни на мгновение не смотрит на меня, его глаза прикованы к рукам гвардейца, обнимающим моё тело. Габриэль этого не замечает, он стоит неподвижно, не моргнув и глазом.

— Приведи лошадь. Она ранена и не может идти, — приказывает Артур. Кажется, каждое слово дается ему с огромным трудом.

— Ваше Высочество, будет быстрее, если я донесу её на руках. Для меня это не проблема, — возражает Габриэль.

Артур наклоняет голову, задумчиво потирая лоб дулом ружья. — Зато это проблема для меня.

Похлопываю Габриэля по руке, давая знак опустить меня. Сначала он пребывает в замешательстве, но затем неохотно отпускает. Делает короткий поклон и уходит за лошадью. Анна испепеляет меня недовольным взглядом, Артур же так и не смотрит на меня.

— Не думала, что ты из таких женщин. Я тебя недооценила, — усмехается Анна.

Эдоардо отвлекает её, указывая на какое-то животное за озером, и её внимание тут же переключается на новую добычу. Лишь Артур остается безучастным; он стоит у дерева, пока Габриэль не возвращается с лошадью.

Пытаюсь подняться, Габриэль подставляет руку, помогая мне удержаться на ногах. — Спасибо, — шепчу я. Он дарит мне слабую улыбку. Когда я поднимаю глаза, Артур уже сидит в седле.

Он протягивает мне руку; его глаза пусты, но в то же время я чувствую огонь, пылающий под этой маской безразличия, которую он носит с таким мастерством. Габриэль подхватывает меня за бедра, а Артур тянет к себе.

Анна едва не выходит из себя. — Безумие, придворная служанка не может пользоваться такими привилегиями.

— Ты хотела оставить её валяться в траве? — парирует Эдоардо. Она закатывает глаза, крутя ножи в пальцах.

Артур не утруждает себя объяснениями. Он трогает лошадь с места. — Отвезу её в лагерь и вернусь.

Габриэль идет рядом. Артур прижимает меня к себе так сильно, что перехватывает дыхание; я чувствую его дыхание на шее и его грудь у себя за спиной. Его рука скользит по моей ноге, вызывая волну мурашек. Кажется, его пальцы излучают электричество.

Он указывает на лодыжку. — Больно? — шепчет он.

Трясу головой.

— Лгунья.

— Я не лгунья, — возражаю я.

Кошусь вправо. Габриэль молча идет рядом, он ничего не замечает. Он не слышит слов, которые Артур шепчет мне на ухо, и не видит, как он ласкает мою ногу, сводя меня с ума.

— Больше не подпускай его к себе. — Его раздраженный тон заставляет меня почти улыбнуться.

— Ревнуешь? — иронизирую я. — Это было бы верхом абсурда.

— Я видел, как он на тебя смотрел. Я едва не всадил ему пулю в грудь. «Ревность» — не совсем подходящее слово.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 20

Лавиния

Когда я прибываю в лагерь в седле вместе с самим принцем, взгляды придворных девушек буквально прошивают меня насквозь, проникая до самых костей. Гвардейцы тут же спешат на помощь; Габриэль протягивает руки, чтобы я могла опереться на него и слезть.

Всё было бы намного проще, если бы Его Высочество не вмешивался.

Артур спрыгивает с лошади, подхватывает меня под ноги и в мгновение ока прижимает к своей груди. Он проходит мимо Габриэля и усаживает меня у дерева, затем вскидывает руку — и не успеваю я опомниться, как придворные девушки уже окружают меня с аптечкой.

— Она вывихнула лодыжку. Никаких нагрузок, — приказывает он.

Вирджиния задирает мне штанину, и когда она касается вывиха, я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не закричать от боли. Она ощупывает ногу со всех сторон. Стискиваю зубы, заставляя себя улыбнуться ей.

Артур наблюдает за мной. — Ей больно, но она не подает вида. Охлаждающий спрей и мазь облегчат боль. Позже, во дворце, её осмотрит врач.

Он поворачивается и снова вскакивает на своего белого коня. Двое гвардейцев сопровождают его в лес. Как только Артур скрывается из виду, напряжение спадает, и девушки обступают меня, сгорая от любопытства.

— Он вез тебя в седле? Сам лично?

— Он, должно быть, очень сильный — поднял тебя одной рукой, будто ты пушинка.

— А как на это отреагировала Анна?

Они засыпают меня вопросами, заставляя лишь растерянно хлопать глазами. Вздрагиваю, когда Вирджиния брызгает на лодыжку ледяным спреем. — Девочки, за работу. Они скоро вернутся и захотят есть. Живо. Её слов достаточно, чтобы остальные разошлись по своим местам. Перевожу дух и бросаю на неё благодарный взгляд.

Она улыбается. — Не думай, что так легко отделаешься. Мы все в шоке, потому что принц никогда не проявлял заботы ни о ком, кроме своей семьи. — Пока она говорит, то густо намазывает мазью распухшее место.

— И как я должна была вернуться? На руках у Габриэля? — шепчу я; не знаю, куда он делся, и очень не хочу, чтобы он возник у меня за спиной.

— Ну… это уж точно было бы менее странно. То, что принц Артур подвез тебя, потому что ты поранилась, я еще могу понять. Но делать это лично, держать тебя на руках и не позволять ни одному гвардейцу даже коснуться тебя… вот это действительно очень необычно.

Она обматывает лодыжку бинтом и закрепляет его пластырем. Мое молчание подогревает её подозрения еще сильнее. Боюсь представить, какой разнос устроила бы мне Придворная дама, увидь она эту сцену.

Сглатываю, сердце колотится в горле. — Ты ведь не скажешь Даме, верно? Она меня убьет.

— Слухи до неё дойдут, это уж точно.

Прикладываю руку ко лбу. — Мне конец, — констатирую я. — Я труп. Нужно было ползти на четвереньках с распухшей ногой, а не позволять никому себя везти.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Смех Вирджинии не очень-то помогает. Сижу неподвижно минут пятнадцать — мне запретили любое движение. Тем временем готовится пышный банкет для королевской семьи. Длинный деревянный стол, покрытый белой скатертью и окруженный стульями, похожими на троны, заставляют фруктами, шоколадными сладостями, расставляют золотые кубки для вина и всевозможные напитки. В нескольких кострах на вертелах вовсю жарится дичь. Я поражена точностью организации. Собирают свежие дрова, чтобы согреть воздух вокруг принцев.

Опираясь ладонями о дерево за спиной, я умудряюсь встать. Оказавшись на ногах, пробую наступить на землю; морщусь от дискомфорта, но, по крайней мере, острой боли больше нет. Хромая, дохожу до двух лошадей в углу — все так заняты банкетом, что забыли их накормить.

Подхожу к пустому ведру на земле и наполняю его водой. Подношу вороному коню — коню Эдоардо. Он выпивает воду в один миг, что вызывает у меня улыбку. Проделываю то же самое для другого. Беру сено и подвигаю к ним: они спокойно едят. Не могу перестать гладить их, их шерсть такая гладкая и чистая, что пальцы просто скользят по ней.

В конце концов, это кони принцев — они в отличной форме и прекрасно вышколены. Вороной тянется мордой к моим рукам; трусь лбом о его лоб, и он закрывает глаза.

— Хочешь ласки? Твой хозяин тебя не балует?

Он ржет, будто подтверждая мои слова. Эдоардо не кажется мне особенно заботливым типом, так что я могу представить, с каким безразличием он относился к нему все эти годы.

Слышу вдали смех Анны; вытягиваю шею и вижу её. С ней оба принца, а за ними тянется вереница гвардейцев с оленями, убитыми меткими стрелами. Анна плюхается на центральный стул, Артур садится справа от неё, Эдоардо — слева.

Девушки тут же начинают им прислуживать. Анна, сидя между двумя кузенами, совсем не похожа на опасную убийцу — скорее на кроткую барышню. Трясу головой: невероятно, как она меняется с оружием в руках.

Анна отпивает вино. — Мы найдем его, и эта охота на призрака закончится.

— Ты правда в это веришь? — Эдоардо усмехается. — Я тебе скажу, чем всё закончится: найдут кого-то, отдаленно похожего на Зло, какого-нибудь беглого преступника. Жрецы закричат «волк!», и народ это схавает.

Она пожимает плечами. — Главное, чтобы нас перестали учить убивать. Это тянется слишком долго. Я не могу заниматься тем, что мне нравится, потому что должна быть готова вырвать сердце у этого «мистера Легенды».

Их учат убивать?

Я об этом как-то не задумывалась. Перевожу взгляд на пять оленей, бездыханно лежащих на земле. Все трое великолепны в бою: я думала, для наследников королевской династии умение сражаться — это норма, но их навыки выходят далеко за рамки обычного.

Мой взгляд падает на парня с золотистыми кудрями, который заряжает ружье, отстранившись от разговора. Анна толкает его локтем. — Я-то спокойна, но хочу посмотреть на вас, когда вам придется с ним столкнуться.

Никто из них не отвечает.

— Наследник престола, тот, кто возглавит королевство, единственный, кто способен победить Зло и спасти мир от засухи, голода, от…

Артур бросает на неё взгляд, который заставляет её замолкнуть. — Ты будешь готова держать его, пока мы с Эдоардо будем его убивать?

Анна улыбается, накручивая прядь волос на палец. — Как в старые добрые времена. Помните первого человека, которого мы убили? Я держала его связанным, а вы вдвоем пронзили ему грудь своими кинжалами. Зло должно нас бояться. Вместе нас ничто не остановит.

Округляю глаза. Надеюсь, это шутка, но азарт Анны дает мне понять, что всё всерьез. Кто-то касается моего плеча; я резко оборачиваюсь и вижу Вирджинию. Руки скрещены на груди, на лице — упрек.

— Подслушиваешь? — шепчет она.

Вскидываю руки, пойманная с поличным, и сажусь на бревно перед лошадьми. Она присаживается рядом и по моему лицу понимает, что кровавые рассказы Анны меня потрясли.

— Их учат убивать, Лавиния. Они делают это с самого детства.

— С самого детства? Хочешь сказать, вместо того чтобы играть в прятки, они…

Она кивает. — Иногда я им завидую, знаешь… их привилегиям позавидовал бы любой. Но потом я вспоминаю, как их воспитывали, и меняю мнение. Старшие горничные рассказывали мне, что они втроем целыми днями сражались против взрослых, которые были намного сильнее и крупнее. Когда им исполнилось по одиннадцать лет, Король и Жрецы устроили им бой с приговоренным к смерти. Они должны были убить его раньше, чем он начнет защищаться. И поверь мне: никто бы не вмешался, чтобы им помочь.

Меня передергивает. Как можно было так их растить? — Не могу в это поверить… А если бы они погибли? Сомневаюсь, что они стали бы рисковать всеми наследниками престола.

Вирджиния качает головой. — Тот человек, о котором они говорили, первый, кого они прикончили… он чуть не убил Анну. Артур умолял Жрецов остановить это, бой был неравным, они были всего лишь детьми. Но никто и пальцем не пошевелил. Их доводили до предела, заставляли убивать, чтобы выжить. Жрецы растили их с убеждением, что один из них однажды победит Зло и принесет мир.

Атмосфера террора, которую создали Жрецы, чтобы вылепить сознание троих детей, вызывает у меня отвращение. Теперь я немного лучше понимаю экстаз Анны при убийстве даже самых невинных существ. Есть только одна проблема: я совсем не представляю Артура убийцей. Не могу видеть его таким. В моих мыслях он всё еще тот парень, который перекрашивал папину скамейку.

А не убийца, взращенный для резни.

— Как ты думаешь, это Зло правда существует?

Задаю вопрос, который пугает меня больше всего — тот самый, который Артур каждый раз недооценивает. Он даже не допускает мысли, что такое существо может быть реальностью.

Вирджиния встает. — Тебе это покажется безумием, но я думаю — да. Возможно, большинство легенд, что нам рассказывали, раздуты страхом, но я уверена, что его существование — не ложь.

Она наполняет ведро водой и подталкивает его к гнедому коню Анны; тот опускает морду и пьет. Пользуюсь случаем, чтобы расспросить её побольше об этом мифе: Артур не любит углубляться в эту тему, и теперь, когда я знаю, что его растили, чтобы он убил это существо… я понимаю его нежелание.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— Почему Зло должно принести столько бед? Засуха, землетрясения, смерть младенцев… Почему оно так ненавидит этот мир?

Она смотрит на меня, тень печали пробегает по её лицу. Она вздыхает. — Из мести. Потому что мир был жесток к нему, Лавиния. Рассказывают, что Зло было незаконнорожденным сыном одного Короля из прошлого и жило взаперти в дворцовой тюрьме. Никто не должен был его видеть, потому что никто не должен был знать, что у монарха была связь с Придворной дамой.

— Но это ужасно, — бормочу я.

Чем дальше она рассказывает, тем отчетливее я понимаю, насколько темно прошлое королевской семьи.

— Кроме того, — продолжает Вирджиния, — некоторые говорят, что он родился слепым. Он не мог видеть, и потому Король считал его еще большим позором. *«Что мне делать с сыном, который не видит?»* — вот о чем он думал. Он сохранял ему жизнь только из жалости. И всё же незаконнорожденный принц продолжал лелеять надежду, что отец рано или поздно научится его любить. Он рос как зверь в клетке, никогда не бунтуя, лишенный любого человеческого контакта. По крайней мере, в свой день рождения он всегда надеялся, что его навестят, но этого так и не случалось.

Вирджиния делает короткую паузу.

— Но случилось так, что Королева не могла забеременеть, а если и удавалось… она теряла ребенка через несколько недель, случался выкидыш. Казалось, её тело отвергало кровь Короля. Все были в отчаянии: нужен был наследник, иначе королевство рухнет. И тогда Жрецы предложили жертву: нужно было…

Её голос дрожит, а шелест ветра ласкает мои волосы.

— Нужно было? — подгоняю я её.

Она поворачивается ко мне:

— Нужно было заживо сжечь незаконнорожденного сына, за которого Небеса покарали Короля.

Я приоткрываю рот.

— Нет…

Она кивает, опуская голову.

— В день его рождения стража открыла камеру и сообщила, что Король хочет его видеть. Мальчик подумал, что отец наконец готов признать его. Он привел себя в порядок, насколько это было возможно: слепота мешала понять, причесаны ли волосы и чиста ли одежда. Его вывели в дворцовый сад, где уже ждали Жрецы. Ему велели ждать прихода Короля, и он ждал — покорно и терпеливо. Он позволил кротко увести себя на костер. Когда он понял, что ему связывают руки и ноги, было уже поздно: вскоре пламя пожрало его конечности и обуглило лицо. В тот день шел такой сильный дождь, что улицы и дома затопило; это было похоже на всемирный потоп, словно вся вода мира изливалась на планету.

Сожгли собственного сына.

Либо это история, выдуманная больным умом, либо отвратительная правда, от которой у меня кожа покрывается мурашками.

— На следующий день Король устроил пир, чтобы объявить, что Королева беременна — он был уверен, что на этот раз всё получится. Девять месяцев спустя… у него наконец появился наследник престола.

У меня отвисает челюсть.

— Да, один умер, а другой родился. Абсурдно, правда? Кажется злой шуткой судьбы. В любом случае, это только легенды… никто не знает, происходило ли это на самом деле и когда именно. Даже сам Король не знает больше нашего. Эта история слишком туманна. Но Зло ищет мести: оно проснется, убьет всю королевскую семью и Жрецов за то, что они с ним сотворили, и в процессе разрушит мир. Священные писания гласят, что это уже случалось в прошлом и что его вовремя остановили, но оно всегда находит способ вернуться.

Одна из девушек зовет её: принцы закончили трапезу, пора возвращаться во дворец. Вирджиния уходит, оставляя меня с узлом мыслей, который не перестает меня терзать.

Зло — это всего лишь мальчик, преданный отцом.

Анна вскакивает в седло к Артуру. Она хватает его прежде, чем он успевает что-то сказать. Оправдывается тем, что на её лошадь придется погрузить добычу. Поправляю рюкзак за спиной и присоединяюсь к остальным девушкам. Эдоардо подходит к своему коню, но животное отстраняется. Ржет и мечется, никто не понимает, что с ним.

Выхожу из строя и приближаюсь; конь идет ко мне и, когда подставляет морду, как делал раньше, я понимаю, что он хочет ласки. Протягиваю руку и провожу по гриве.

Эдоардо хмурится.

— Что ты с ним сделала? Он тебя знает?

Пожимаю плечами. Конь щекочет мне шею, у меня вырывается тихий смех. Чувствую на коже взгляд Артура; когда поднимаю глаза, замечаю, что он смотрит на меня в упор. Анна сидит перед ним, их тела так близки, что я не нахожу в себе сил смотреть на них дольше секунды.

Эдоардо протягивает мне руку.

— Садись, поедем ко двору вместе.

— Я не думаю, что…

Он сжимает мою руку. Сначала запрыгивает сам, затем поднимает меня и усаживает впереди себя.

— Посмотрим, кто придет первым, брат? — голос Эдоардо щекочет мне ухо.

Прежде чем Артур успевает что-то сказать, Эдоардо дает шенкеля коню и срывается с места на полной скорости. Он выбирает другие тропы, не те, по которым мы шли сюда — лесные дороги, позволяющие оторваться от стражи и уйти подальше от лишних ушей.

Он замедляет ход.

— Ты не сказала ему про отца.

Пытаюсь повернуться, чтобы посмотреть на него, но он не дает. Вздыхаю.

— Нет, не мне ему об этом сообщать. Но я думаю, что тебе не стоит лгать Артуру.

Тихий смех заставляет его грудь вздрогнуть.

— А почему ты не сказала ему про своего отца?

— У меня не было возможности. Ты сам знаешь, как трудно говорить с вами, принцами, — признаюсь я. Я не забыла о папе, точнее, о человеке, чертовски на него похожем, его двойнике в этом измерении, который меня не знает и даже не догадывается, кто я такая.

— Справедливое замечание. — От его забавленного тона я закатываю глаза. — Если бы он узнал об отце… поверь, ты бы не хотела видеть его в таком состоянии.

— Что ты имеешь в виду?

— Я, Артур и Анна настолько похожи и так связаны, что нас ничуть не впечатляет та жестокость, на которую мы способны. Для тебя всё иначе, это видно за версту. У тебя на лице написано, что ты нас судишь.

Качаю головой.

— Я вовсе вас не сужу.

Он смеется.

— О да, еще как. Я видел тебя за деревом, когда Анна говорила о человеке, которого мы убили вместе. Заметил, как изменилось твое лицо. Словно ты нас боишься.

Почему от этих слов мне становится не по себе? Будто я должна стыдиться своего смятения. В конце концов, это нормально — чувствовать себя так, нормально думать, как это безумно и дико — расти с убеждением, что убивать необходимо.

— Что такое? Теперь уже не споришь?

— Сколько еще осталось? — вздыхаю я. У меня ощущение, что ему слишком нравится меня подначивать.

— О, неужели мы обиделись? Спокойно, дворец уже перед тобой. Смотри.

Поднимаю взгляд и вижу вдали внушительные ворота дворца. Они открываются, пропуская отряд гвардейцев, которые выстраиваются в две параллельные линии, готовые принять принцев. Я совсем не скучала по этому заточению.

— Вас растили, чтобы вы убили Зло, — бормочу я. — Но ни ты, ни Артур не верите в его существование. Я не понимаю.

Эдоардо убирает прядь моих волос за ухо.

— Если бы оно существовало на самом деле, мы не были бы так спокойны. Мистическое существо, которое хочет меня убить, потому что когда-то давно кто-то его сжег? Это что, плохо написанное фэнтези?

— Тем «кто-то» был его отец, — поправляю я.

— О, тебе и это рассказали. Что такое? Теперь ты на его стороне?

Качаю головой и собираюсь слезть с коня, но его рука прижимает моё бедро.

— Мне нужно слезть, Дама не должна видеть, как я вхожу с тобой. Она накажет меня, даже если я ни при чем.

— Ты на стороне Зла, Лавиния? — Его тон больше не шутливый, он серьезен. — Ты понимаешь, что одно его существование принесет смерть и разрушение? Или ты сочувствуешь ему, потому что отец его истязал? У тебя слабость к отверженным детям?

Поворачиваюсь к нему с раздражением, от которого кончики пальцев покалывает. Его нос в сантиметре от моего, он крайне медленно переводит взгляд на мои губы, будто сдерживаться стоит ему огромных усилий.

— И даже если так? — рискую я. — Ты и меня убьешь?

Секунда тишины, в его глазах вспыхивает искра, которую я не могу расшифровать, затем уголок его рта приподнимается в легкой ухмылке.

— Если бы ты угрожала человечеству, я бы тебя убил. И ты бы сделала то же самое со мной. Не строй из себя моралистку, у тебя плохо получается.

Стискиваю челюсть.

— Не говори за меня. Я не убиваю.

— Видишь? Вот оно, твое осуждение — так и сквозит.

Его улыбка становится шире, будто он только что поставил мат. Но слова, которые он добавляет, по-настоящему меня шокируют.

— Анна не судит Артура, даже когда он показывает свою худшую сторону. Не знаю, смогла бы ты оставаться рядом с ним с той же непоколебимой верностью, которую демонстрирует она.

Моргаю, сердце колотится в горле, забавленное выражение лица Эдоардо действует на нервы. Будь моя воля, я бы влепила ему пощечину, но боюсь, что этим подпишу себе смертный приговор. Ржание заставляет меня повернуть голову. Из-за дерева на своем белом коне появляется Артур, Анны нигде не видно.

Эдоардо гладит меня по боку, и я тут же отстраняюсь.

— Брат, вижу, ты высадил Анну. Я не собирался убивать Лавинию, можешь мне верить.

— Вы опоздали. Я знал, что ты выберешь самую длинную дорогу, я знаю твои мысли лучше, чем ты думаешь. — Артур протягивает мне руку. — Пойдем, Лавиния.

Дворец буквально в нескольких метрах, я могу дойти пешком. Не понимаю, почему оба настаивают на том, чтобы везти меня в седле, рискуя гневом Дамы. Увидев моё нежелание, Артур смягчается.

— Я введу тебя через черный ход. Не волнуйся, я приехал специально.

Эдоардо недовольно качает головой, а я протягиваю руку к плечу Артура. Если раньше я была сгустком напряжения, со сжатыми на седле руками и одеревеневшими плечами, то теперь я расслабляюсь и вдыхаю аромат Артура.

Прижимаюсь спиной к его груди и позволяю его дыханию ласкать мою шею. Он отдаляется от Эдоардо, берет в противоположную сторону и скрывается в густой зелени.

Абсурдно, что только в присутствии Артура я способна разрушить любые барьеры. Словно знание о том, что он рядом, в самой глубине души заставляет умолкнуть все страхи. *Он излучает ауру защиты, которую я никак не могу сопоставить с образом ребенка, выращенного для того, чтобы убивать.*

Он останавливает лошадь. Оглядываюсь: мы окружены высокими деревьями, тропа впереди еще долгая, и вокруг — ни души. Когда я собираюсь обернуться, Артур обхватывает мои ноги руками и разворачивает меня к себе. Усаживает меня к себе на колени.

Лицо Артура совсем рядом, на губах — сияющая улыбка.

— Так-то лучше, — шепчет он.

— Не думаю, что ты сможешь так управлять лошадью, — тревожусь я.

Вместо ответа он сильнее сжимает ноги и заставляет животное сорваться вперед. Вцепляюсь руками в его рубашку, вызывая у него задорный смех. Звук, вибрирующий в его грудной клетке, очаровывает меня. Артур обнимает меня за спину одной рукой, а другой держит поводья. Опускает взгляд на мои глаза, его губы касаются моего лба.

— Сегодня я почти тебя не видел. И за это короткое время все пытались взять тебя на руки, включая моего брата. Могу я удостоиться чести оставить тебя ненадолго только для себя?

Пытаюсь скрыть смущение, из-за которого мои щеки заливает румянец.

— Если ты не слишком занят, — бормочу я.

— О, мне ждать очередной сцены ревности? — Улыбка не покидает его лица.

Трясу головой. Я уж точно не могу сказать ему, что не хочу, чтобы он превращался в убийцу, обреченного карать любого, кого Жрецы назначат причиной всех бед.

— Что-то не так. Ты слишком притихла. Это из-за кролика? Анна ведет себя немного вызывающе, я говорил с ней, но она совершенно не слушает. Она импульсивна. Мне жаль, что ты испугалась.

«Немного вызывающе?»

— Она проткнула кролика ножом. Она не импульсивна, она сумасшедшая, — раздражение снова захлестывает меня. — Что ей сделал этот зверек? Ровным счетом ничего. И почему я должна была стоять там и служить мишенью?

Он облизывает губы.

— Ты к этому не привыкла, я понимаю.

Хмурюсь.

— Артур, мы говорим не о чертовом колесе или тяжелой работе. К чему я должна привыкнуть? К безумной хладнокровной убийце, которая привыкла нанизывать на ножи животных и… людей? — мой голос срывается. — Она делает это с детства и даже не осознает, насколько это неправильно.

Он останавливает коня, опускает взгляд на меня. Улыбка исчезает, лицо превращается в серьезную, застывшую маску.

— Ты всё еще говоришь об Анне?

Дыхание перехватывает.

— О ком же еще?

Он пристально смотрит на меня, качает головой, и я чувствую, как внутри меня что-то умирает.

— Ты говоришь обо мне, Лавиния. Хотя бы не лги мне.

Резкое движение — и конь снова галопом несется к дворцу. Теперь Артур смотрит куда-то мимо меня. А я не нахожу слов, чтобы разбить этот возникший между нами лед. Голос Эдоардо бесконечным эхом отдается в ушах: *«Анна не судит Артура, даже когда он показывает свою худшую сторону. Не знаю, смогла бы ты оставаться рядом с ним с той же непоколебимой верностью, которую демонстрирует она».*

Может быть, в этом и есть мой предел.

Она его не судит, и он чувствует себя свободным быть самим собой во всём. Возможно, это именно то, что ему нужно — кто-то, кто знает его до конца и не боится его резких перемен. Чувство вины тяжелым грузом ложится на грудь, затягивая в порочный круг мыслей, которые тянут меня на дно всё глубже.

Я не замечаю, что мы уже у черного входа, пока не слышу скрип открывающейся двери. Артур спрыгивает с лошади, не оглядываясь. Делает знак стражнику подойти; я не слышу, что он говорит, потому что он стоит ко мне спиной. Просто вижу, как он уходит вглубь дворца, больше не удостоив меня ни единым взглядом. Гвардеец протягивает мне руку.

— Принц приказал сопроводить вас к врачу. Пойдемте, я помогу вам слезть и отведу к нему.

К безразличию Артура я не привыкну никогда. Это то, что заставляет меня чувствовать себя ничтожной и невидимой.

***

Дворцовый врач выписывает мне обезболивающее и мазь, которую нужно втирать в лодыжку каждый вечер. Благодаря своевременной помощи Вирджинии нога

не сильно распухла. Но болит у меня вовсе не лодыжка и не ступня при ходьбе — болит ледяная стена, которую Артур воздвиг, между нами.

Я была слишком порывистой. Нужно было позволить ему объясниться, а не попадаться в ловушку осуждения, но в моих глазах и словах он узнал страх. Он читает меня с пугающей легкостью, и это пугает. Я не хочу, чтобы он думал, будто я считаю его безумным, сумасшедшим убийцей. *Я думаю о нем совсем не так.*

На следующее утро я решаю, что нужно объясниться. Я не могу еще одну ночь засыпать с этим грузом. Сжимаю поднос с чаем в руках, следую за Вирджинией в банкетный зал вместе с двумя другими девушками. Король сидит во главе стола со своим советником, а наше трио устроилось на диване у окна: Анна посередине, принцы по бокам. Перед ними стол, заваленный бумагами, которые они изучают с сосредоточенными лицами.

Два тяжелых удара в дверь — и в зал входит человек, которого я раньше никогда не видела. Вирджиния делает мне знак подождать с подачей чая Артуру и оставаться рядом с ней. Новоприбывший снимает шляпу и отвешивает легкий поклон.

— Это один из гвардейцев, несущих службу за пределами дворца. Их много, они патрулируют территорию и следят за порядком среди граждан. Что-то вроде полицейского, но рангом выше, — шепчет мне на ухо Вирджиния.

Киваю. Мужчине на вид лет пятьдесят, волосы тронуты сединой. На нем черный мундир с золотыми пуговицами. Король Давид поворачивается к нему.

— Таффол, надеюсь, ты принес добрые вести.

Гвардеец выглядит подавленным, он прочищает горло.

— К сожалению, Ваше Высочество, должен сообщить, что сегодня утром приграничные земли оказались непригодными и иссохшими.

Краем глаза заметила, как Артур вскакивает на ноги. Они с Эдоардо обмениваются быстрыми взглядами. Не успеваю я опомниться, как в зал входят еще пять гвардейцев в такой же форме, как у Таффола.

— Сир, земли на Севере бесплодны.

— Ваше Превосходительство, на Юге крестьяне жалуются на страшную засуху.

Сердце колотится в горле, я всеми силами надеюсь, что это не то, о чем я думаю. Но паники, мелькнувшей в глазах Короля, Вирджинии и всех присутствующих, достаточно, чтобы подтвердить мои догадки.

«Первым сигналом станет засуха на возделываемых землях».

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 21

Лавиния

Напряжение в стенах дворца — лишь малая часть того, что творится снаружи. Газеты, пресса и выпуски новостей не говорят ни о чем другом. «Зло пробуждается? Это первое знамение, указанное в Священных Писаниях, или всего лишь совпадение?» Журналисты и ученые спорят в прямом эфире, и всё общественное внимание приковано к ним.

Вирджиния прибавляет звук телевизора; вокруг неё сидят придворные девушки и свободные от смены гвардейцы. Мы собрались в общей комнате здания для персонала. Кто-то вцепился в плечо соседа, кто-то в ярости заламывает руки, а кто-то с ужасом смотрит на пугающую реальность. На экране мелькают кадры иссохших земель у границ страны.

«Иссохшие» — это еще слабо сказано. Это полностью выжженные, голые зоны, где не видно ни единой травинки. Земля, некогда богатая зеленью, теперь изрезана глубокими трещинами, будто вот-вот расколется на куски. Репортер передает слово фермеру.

— Я не мог поверить своим глазам, всё случилось так внезапно, что я подумал, у меня галлюцинации, — он вытирает потный лоб тыльной стороной ладони. — Всего час назад всё было в порядке: свежие помидоры, салат, яблони и… и… теперь всё мертво. Да защитят нас небеса, что за демоническое существо воскресает лишь для того, чтобы уничтожить всё живое? Что за тварь несет такое разрушение?

По залу проносится испуганный шепот. Джесс, девушка, что спит на полке надо мной, совершает защитный жест, прижимая переплетенные пальцы ко лбу; остальные девушки повторяют за ней. Журналист снова берет слово и передает линию коллеге в центре города, где группы верующих в Писания Жрецов вышли на митинг с плакатами и транспарантами.

— Собирается всё больше людей: они протестуют, требуя, чтобы Жрецы избрали преемника, который сможет наконец выследить Зло и убить его.

Всматриваюсь в плакаты демонстрантов. «Пора избрать нашего спасителя». Они хотят наследника престола, способного уничтожить причину их страхов.

Ведущий в студии благодарит репортера, завершая включение, затем встает и с серьезным видом обращается в камеру: — Население разделилось надвое: есть те, кто твердо верит, что это первое знамение возвращения Зла, и те, кто считает это совпадением. Но факт остается фактом: ничто уже не будет как прежде, и от имени граждан мы просим Короля и Жрецов взять ситуацию в свои руки. Появится ли у нас наконец наследник престола или нам придется ждать дальше?

Начинается реклама, но даже в роликах сквозят сообщения о пробуждении Зла. Качаю головой — вся эта история становится всё более сюрреалистичной. Я понимаю, что это вызывает ажиотаж, но происходящее уже за гранью абсурда. Когда я поворачиваюсь к двери, у меня едва не останавливается сердце. На пороге застыла Придворная дама, скрестив руки на груди, её губы сжаты в тонкую линию.

Прочищаю горло. — Дама.

Вирджиния меньше чем за секунду выключает телевизор, и девушки мгновенно вскакивают. Гвардейцы выходят из комнаты с опущенными головами, как побитые хозяином собаки.

— Хорошо, хорошо. Я вижу, у вас есть время смотреть новости по телевизору…

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Девушки выстраиваются в ровную шеренгу, глядя в пол и пряча руки за спину — дисциплинированные, как солдаты. Власть Придворной дамы никогда не перестанет меня удивлять: эта женщина способна внушить страх любому. Даже члены королевской семьи уважают её и не смеют перечить, хотя формально они выше. Возможно, потому что она сама их вырастила и они видят в ней своего рода материнскую фигуру, которой невозможно не подчиниться. Она так не похожа на своего отца, мне кажется, у них нет ничего общего, кроме кровного родства.

Дама размыкает губы и хмурит брови, делая шаг вперед, её руки напряжены вдоль тела. *Грядет бесконечная выволочка.*

— Дама, я как раз хотела спросить насчет чая для Короля, я ведь готовлю его впервые… — я перекрываю ей обзор, вставая прямо перед ней. За спиной я машу рукой, подавая девушкам знак бежать. — Не хотелось бы ошибиться, у него много непереносимостей, а мы говорим о самом монархе, так что… в общем, я не хочу быть обвиненной в покушении на убийство. Не сейчас, когда все ищут козла отпущения.

— Лавиния, отойди, — приказывает она.

— Но я… я хотела бы посмотреть, как это делается… Я знаю, что Король очень ценит ваш чай и никто не может его повторить, поэтому…

Дама, фыркнув, обходит меня, но за моей спиной уже никого нет. Все девушки улизнули, и её полный разочарования взгляд падает на меня.

— Теперь ты их еще и защищаешь?

Качаю головой, будто не понимаю, о чем она. — Так что, мы можем приготовить чай? — я решаюсь на невинную улыбку.

Она вздыхает, уперев руки в бока, её брови изогнуты в гневном выражении. Я уверена, что те морщинки у глаз исчезли бы, если бы она меньше злилась и была больше склонна принять тот факт, что что-то может ускользнуть из-под её навязчивого контроля.

— Тебе лучше научиться заваривать безупречный чай, Лавиния.

Она направляется к выходу из комнаты, и я вынуждена следовать за ней в абсолютном молчании. И зачем я это сделала? Я была единственной среди девушек, кто имел право остаться в комнате, я наслаждалась своим часом отдыха в полном покое. А теперь? Теперь мне нужно следить за каждым движением, потому что Дама может убить меня за то, что я помешала ей сорваться на крик и выплеснуть гнев.

Отлично. Просто замечательно.

Мы выходим из вспомогательного здания, проходим по аллее и подходим к главному входу во дворец. Следую за ней в одну из многочисленных королевских кухонь. Она встает за прилавок и быстрыми движениями готовит любимый чай Короля, не моргнув и глазом. Берет какие-то травы из банок на подоконнике и тщательно их смешивает, затем пересыпает в сферическое ситечко, от которого в воздухе разливается аромат имбиря. Помещает ситечко в фарфоровый чайник и наливает кипяток для настоя. В конце добавляет ложечку дикого меда.

Она поворачивается ко мне. — Видела? Хорошо, теперь сделай это ты. Вот другой чайник.

Моргаю в замешательстве. Что именно я должна была увидеть? Она двигалась так быстро, что я едва уловила этапы. Я не помню ни одной из использованных трав, не говоря уже о пропорциях. Подхожу к прилавку с замирающим сердцем. К счастью, в кухню входят Эдоардо и Анна, отвлекая внимание Дамы.

— Мы не можем так поступить! Это слишком рискованно, — жалуется Анна. На ней облегающий черный топ и белая кожаная юбка, её пальцы унизаны серебряными кольцами, а на шее — цепочка с кулоном в форме меча. Она даже не замечает моего присутствия, слишком занятая спором с Эдоардо.

Он открывает холодильник и достает бутылку воды. — Что ж, это единственный способ. Твои любимые Жрецы дышат нам в затылок, и я не намерен подписываться на их бесконечные тренировки, где меня заставляют убивать случайных людей.

Уровень напряжения делает воздух тяжелым. Анна настолько сосредоточена на разговоре, что не осознает ни моего присутствия, ни присутствия Дамы. Беру какие-то травы, напоминающие мне аромат, который я чувствовала раньше, и начинаю смешивать их в миске.

Дама встает между спорящими. — Вам не стоит обсуждать это на кухне. Это неуместно.

Анна закатывает глаза. — О, тебе стоит увидеть, какая атмосфера там, в другом зале. Жрецы кричат о казнях всех подозреваемых, Король думает, что нам пора начать интенсивную подготовку, чтобы перерезать друг другу глотки, а народ хочет, чтобы мы избрали будущего кандидата на трон. Красота.

Я никогда не видела её такой взвинченной. Если она и в обычное время не знает границ между тем, что правильно, а что нет, то сейчас, думаю, она могла бы использовать свой кулон, чтобы выколоть глаза первому встречному.

Эдоардо выпивает бутылку воды залпом, вытирая губы тыльной стороной ладони. — И всё это потому, что несколько полей иссохли. Мы осознаем масштаб этого безумия? Через неделю об этом забудут, и я смогу вернуться к роли манекена на праздниках королевства.

— Забудут? — Анна смеется. — Надо же, всё высохло одновременно и в один миг? Хуже, чем в пустыне. Непригодные земли, погибшие растения… Тебе лучше проснуться и принять тот факт, что скоро один из вас двоих будет назначен наследником Короля.

Эдоардо качает головой, его лицо искажено гримасой отвращения. — Я не стану снова проходить через эти Три испытания ради трона. — Он подходит к Анне. — Легко говорить, когда рискуешь не ты. Тебе лучше помолчать и не впадать в истерику, об этом уже заботятся Жрецы.

Анна, кажется, собирается возразить, но замолкает. Её лицо светлеет, а взгляд устремляется к порогу кухни. Артур одет в облегающую черную футболку и джинсы с серебристым ремнем.

— Ваше Высочество.

Дама слегка склоняет голову и, подняв её, поворачивается ко мне. Притворяюсь занятой чаем в надежде, что она не подойдет проверять мою работу, так как боюсь, что в ней нет никакого смысла.

Эдоардо оборачивается и замечает его. Разводит руками. — А вот и наш любимый принц. Ну что, они уже решили, как использовать нас, чтобы успокоить общественное мнение?

— Замолчите оба.

Хриплый голос Артура заставляет обоих замолкнуть. Его тембр и интонации выбивают меня из колеи. Я не слышала его несколько дней, с той охоты, когда ранила своими словами. У меня больше не было возможности ни подойти, ни объясниться. Он постоянно заперт в Королевском Зале на бесконечных и крайне секретных совещаниях, присутствовать на которых запрещено всем нам. Даже Даме.

— Скажи это своему брату, — шипит Анна, скрестив руки на груди. Эдоардо в ответ закатывает глаза.

Артур — единственный, кто способен утихомирить Анну и заставить Эдоардо слушать. Он обладает харизмой, которая действует на окружающих, естественной властью, которой никто не может противостоять.

— Я пытаюсь быть посредником, но если вы встаете и уходите в разгар голосования… вы никому не помогаете. — Глубокий тон вибрирует в воздухе.

Анна подходит к нему, берет за руку. — Ты ведь не позволишь им заставить нас снова проходить те ужасные тренировки? — её взгляд умоляющий, испуганный. Наступает тишина.

Эдоардо задорно смеется. — Либо это, либо гильотинированное Зло перед дворцом. У нас не большой выбор.

Она топает ногами, крепче вцепляясь в Артура. — Ты мне обещал. Я не могу туда вернуться, не хочу. Мне плевать, если это существо проснется. Я провела всё детство и юность, убивая приговоренных к смерти раньше, чем они убьют меня. Я не смогла вырасти обычной девушкой. Потому что… — голос Анны срывается.

Артур приоткрывает губы, но не произносит ни слова. Он не находит способа ответить ей, успокоить её, и она это замечает. Она понимает, что её надежды разбиты, что у златовласого юноши, вероятно, меньше контроля над ситуацией, чем она надеялась.

В этот момент Анна вызывает у меня почти нежность. Заплаканные глаза, сорванный голос, дрожащие пальцы и опустошающий страх, который бьет её всё сильнее.

— Ты мне… обещал, — шепчет она.

Эдоардо вмешивается: — Даже Артур не спасет нас от этого. Если Жрецы хотят, чтобы мы вернулись на Арену, мы это сделаем. Потому что мы — марионетки, и будем ими всегда, верно, брат?

Арена? Что это значит?

Придворная дама разочарованно качает головой; у меня такое чувство, что она понимает, о чем они говорят, и это не предвещает ничего хорошего.

Артур глубоко вдыхает: — Я не намерен сдаваться. На Арене я буду защищать вас, как делал это всегда.

У Анны едва не вырывается истерический смех. Она отпускает руку Артура и запускает ладонь в волосы. — У меня украли всё! Восемнадцать лет я только и делала, что готовилась стать эффективным киллером: изучала точки, где артерии легко пережимаются, где расположены основные нервы, чтобы одним касанием заставить противника рухнуть… И больше ничего. Я истощена. Не говори мне, что защитишь меня, потому что я не собираюсь стоять за твоей спиной и ждать, пока ты принимаешь на себя удары… как в прошлые разы.

Меня мгновенно пробирает дрожь. Перевожу взгляд на Эдоардо и замечаю, что его лицо омрачено тревожной тенью. Он так сильно сжимает пластиковую бутылку, что она хрустит; его костяшки побелели от усилия, а глаза кажутся отсутствующими.

— Значит, решено? — шепчет он.

Артур медленно кивает: — С завтрашнего дня начнутся циклы. Это лишь для того, чтобы унять страх граждан, это продлится всего несколько дней, не больше. Я вам обещаю.

Анна, кажется, вот-вот взорвется. Она проходит мимо него, не добавив ни слова, и выходит из кухни. Впервые она так обходится с Артуром.

— Свои обещания оставь для кого-нибудь другого. Мы больше не дети, Артур. Ты не можешь убить их всех сам и ждать, что мы будем стоять в углу, — вздыхает Эдоардо. — Я думал, мне больше не придется этого делать… — шепчет он едва слышно. Его взгляд потух, а лицо осунулось от тревоги.

Артур делает несколько шагов к нему, кладет руку на плечо и заставляет встретиться взглядом: — Ты не будешь этого делать. Ты меня понял? Я не позволю никому из вас двоих делать это.

Вскидываю бровь. *Делать что, конкретно?* Словно прочитав мои мысли, он размыкает губы и заканчивает фразу: — Вы не будете убивать. Это сделаю я, я буду так быстр, что мы закончим меньше чем за четверть часа. Клянусь тебе, Эдоардо. Я сам их устраню, ты должен просто доверять мне и не усложнять ситуацию. Я твой брат, никогда об этом не забывай.

Я замираю с ложкой в руке. *Он будет убивать?* Смотрю, как он обещает лишить жизни любого, кто окажется перед ним на этой мифической Арене, даже не моргнув глазом. Словно это настолько естественно, что даже банально.

Эдоардо качает головой: — С самого детства ты убивал без малейшего колебания. Будто тебе это нравилось, будто ты чувствовал неудержимый прилив сил после того, как вонзал меч в грудь человека. Ты не устал?

Артур не отвечает, но на его бесстрастном лице я не вижу ни тени сожаления и, прежде всего, никакого желания опровергнуть слова Эдоардо. Невозможно, чтобы он получал удовольствие от убийства; Артур, которого знала я — не такой человек. *Он… не… такой.* У меня из рук падает ложка, и оба принца оборачиваются в мою сторону.

Придворная дама бросает на меня укоризненный взгляд и кивком велит поднять её. Киваю и тут же наклоняюсь, прячась за прилавком. Дама отвлекает принцев и сопровождает их в Королевский Зал. Сижу на корточках, пока не слышу, как их шаги удаляются от кухни.

Облегченно вздыхаю и поднимаюсь. — Почти попалась, — шепчу я.

— На чем именно? — слышу голос.

Вздрагиваю. Эдоардо смотрит на меня, скрестив руки на груди, с полуулыбкой. С трудом сглатываю, избегая его взгляда, и когда пытаюсь ускользнуть, он преграждает мне путь.

— Тебе неловко? — шепчет он забавленным тоном.

— Тебе больше нечем заняться? — спрашиваю я.

Он кивает: — О да, раз уж ты всё подслушала, то знаешь, что Арену одобрят… и с этого момента ты больше не будешь на нас так смотреть, я в этом уверен.

Вскидываю бровь: — Как — «так»?

— Забудь, — вздыхает он. — Единственное, о чем я тебя прошу: не приходи смотреть на бои.

Замешательство только растет. Мало того что я не совсем понимаю, о чем он говорит, я не понимаю и причины этой просьбы. Похоже, Арена предполагает схватки, в которых все трое рискуют жизнью и должны убить прежде, чем убьют их.

Скрещиваю руки на груди: — Ты просишь меня об одолжении?

— Нет, поправлюсь: это приказ, Лавиния. Не смей приходить на Арену. — Он отворачивается ко мне спиной. Идет к двери с таким равнодушием, будто моё послушание — вещь само собой разумеющаяся. Меня охватывает раздражение.

— Ты чего-то стыдишься? Боишься, что я увижу, что ты не так хорош, как кажешься? Потому что, предупреждаю, для этого уже слишком поздно.

Он поворачивает голову и смотрит на меня в профиль; уголок рта ползет вверх, лицо искажает ухмылка. — Мне плевать, если тебя шокирует немного крови. Ты не должна приходить из-за Артура: если он застынет, испугавшись твоего осуждения, мы все трое будем мертвы.

Он выходит из кухни, и в моей груди разливается пустота, которая безжалостно меня пожирает.

Новость об Арене уже стала официальной: Король выпустил коммюнике, которое тут же разлетелось по всем телеканалам страны. Демонстранты, кричавшие на улицах в ужасе от первого знамения пришествия Зла, успокоились, и Жрецы добились желаемого эффекта.

— В чем именно заключается эта Арена? — спрашиваю я у Вирджинии, пока мы прибираем королевские покои.

— Ты не знаешь, что это? — Она удивленно моргает.

Я вечно забываю, что здесь все считают меня местной жительницей. Смущенно улыбаюсь: — Я слышала об этом, но… ты ведь живешь во дворце, наверняка видела бои? — Стараюсь не встречаться с ней взглядом, поправляя простыню на кровати.

— Арена огромна, но я никогда не видела её вживую.

Она явно говорит об этом неохотно, но я пытаюсь выудить хоть какую-то информацию, хочу знать, чего ждать.

— Принцы будут сражаться, верно?

Она кивает: — Ну разумеется. Не только принцы, но и леди Анна. Они втроем против приговоренных к смерти, это длится около пяти циклов. Это единственный случай, когда разрешено ранить или убить членов королевской семьи.

Сердце прыгает к самому горлу. Она замечает это и спешит меня успокоить: — Такого никогда не случалось, не волнуйся. Они прекрасно обучены, их не зря называют «Трио смерти». Не бойся, в бою у них нет соперников.

— Ты не находишь это немного… — вздыхаю я. — Заставлять их хладнокровно убивать из-за какой-то легенды — это ужасно… если честно.

Она поднимает на меня взгляд, сжимая в руках наволочку: — Никого никогда не волновало психическое здоровье принцев. Граждане боятся пробуждения Зла? Значит, долг принцев — доказать им, что бояться нечего, потому что они могут их защитить. Так это работает, такова цена за право быть наследниками престола. Считаю ли я это правильным? Нет, но мы ровным счетом ничего не можем с этим поделать.

Печаль омрачает моё лицо. Неужели это единственный способ успокоить народ? Артур и Эдоардо не заслуживают этого, и мысль о том, что им приходилось делать это с самого детства, злит меня еще больше. Теперь я понимаю полные отчаяния слова Анны, её ярость из-за того, что ей снова приходится приносить себя в жертву ради общего блага.

В последующие часы дворец лихорадит от подготовки к бою на Арене. Мы сможем следить за ним в прямом эфире, но чтобы защитить лица принцев, которые никто из граждан не должен видеть до коронации, они наденут полные боевые костюмы с масками, оставляющими открытыми только глаза.

Арена расположена в подземельях дворца; Король и Жрецы будут единственными зрителями на трибунах, в то время как весь город будет следить за боем с экранов своих домов.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

«Мне плевать, если тебя шокирует немного крови. Ты не должна приходить из-за Артура: если он застынет, испугавшись твоего осуждения, мы все трое будем мертвы».

Слова Эдоардо продолжают звучать у меня в голове. Я разрываюсь между желанием увидеть схватку и желанием не видеть её вовсе. Я не могу представить Артура таким, каким мне его описали — безжалостно убивающим любого, кто окажется перед ним. Совсем не могу. Я боюсь, что, увидев его в той обстановке, не смогу сохранить лицо, чтобы он не почувствовал моё осуждение.

В конце концов, именно поэтому он не разговаривает со мной несколько дней. Я не могу его винить, учитывая мою реакцию. Страх парализует меня, я не знаю, что делать.

Я сижу на диване в общей комнате общежития для персонала. Ради такого события гвардейцы и девушки собрались перед телевизором. Вирджиния прибавляет звук, и на экране появляется лицо Короля, который аплодирует, подбадривая сыновей. Он сидит на троне на возвышении, а справа от него — Жрецы в белых одеждах, расслабленно ожидающие начала.

— Всё закончится быстро. Принц Артур вытащит меч, и через несколько минут там будет лужа крови, — комментирует один гвардеец.

Дрожь пробегает по моей спине.

— Думаешь? Приговоренные к смерти могут вернуть себе свободу, если им удастся убить хотя бы одного из троих королевских бойцов, а мы все знаем, насколько опасными могут быть преступники, которым нечего терять. — Джесс садится на ковер в нескольких сантиметрах от экрана.

Все трепещут от предвкушения боя, словно это цирковое представление.

Гвардеец качает головой. — Когда кто-то попытается хоть пальцем тронуть Его Высочество Эдоардо, вы увидите, как принц Артур превращается в машину войны. Я видел его в прошлых схватках… он был настолько беспощаден, что я дрожал от одной мысли о том, что он рядом.

Сжимаю кулаки. Возможно, мне не стоит этого видеть, возможно, мне стоит встать и уйти. Но та же тревога, что мучает всех присутствующих в зале, приковывает меня к телевизору.

На экране появляется леди Анна. Облегающий костюм подчеркивает её женственные формы, волосы собраны в высокий хвост. Она сжимает в пальцах всего четыре ножа, выходит в центр Арены и замирает. Камера ловит её взгляд: в её глазах пылают печаль и ярость — выражение, от которого у меня выворачивает желудок.

Следом за ней появляются Артур и Эдоардо. Они встают по обе стороны от кузины. По походке я узнаю их без труда, но для граждан, которые их не знают, у Артура на руке красная повязка, а у Эдоардо — синяя. Черные костюмы защищают их торс и ноги.

У Эдоардо в руке уже меч, в то время как меч Артура пока в ножнах на поясе. Он еще не вынимает его. И одного этого достаточно, чтобы я немного приободрилась.

Арена огромна, она имеет круглую форму и тянется на десятки метров. Короля и Жрецов охраняют несколько гвардейцев и, прежде всего, прозрачный стеклянный барьер, делающий любую прямую атаку невозможной. *Трусы, вот они кто.*

Задаюсь вопросом, как у Короля хватает духу подвергать своих сыновей такому риску: он бросает их на растерзание львам, а сам сидит и смотрит. Меня пробирает дрожь от мысли, что он делает это с тех самых пор, как они были детьми.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

С противоположной стороны Арены входит стражник, за ним — трое мужчин, массивных и угрожающих, с видом тех, кто не даст себя легко растоптать. Стражник снимает с них наручники и что-то втолковывает.

— Что он говорит? — спрашиваю я.

— Обычные вещи, — объясняет Вирджиния. — Им нельзя атаковать королевских бойцов до сигнала к началу, бой длится максимум тридцать минут, и если за это время им не удастся убить кого-то из этой троицы, засчитывается победа королевской семьи.

Я выпрямляюсь. — То есть всё может закончиться без кровопролития?

Надежда озаряет моё лицо. Один парень из гвардейцев усмехается, будто я сморозила глупость. — Это всегда заканчивается кровопролитием.

Качаю головой. — Им нужно лишь продержаться установленное время, а потом…

— А потом что? — смеется он. — Эти три здоровяка за полчаса переломают тебе все кости, если ты не убьешь их первой. Ты здесь впервые, да?

Я не отвечаю. Он поворачивается к телевизору и начинает спорить с другими гвардейцами о том, сколько минут пройдет, прежде чем Артур вытащит меч. Похоже, одного этого жеста достаточно, чтобы ознаменовать поражение противников.

Габриэль, гвардеец, с которым я подружилась, входит в последний момент и садится на диван рядом со мной. — Успел вовремя, — улыбается он.

Он не станет надо мной смеяться, если я задам вопрос. — Сколько всего циклов? Когда они закончат с этими тремя пленниками, впустят других?

Тем временем на Арене бойцы занимают исходные позиции. Осужденным разрешено выбрать оружие, за исключением пистолетов или винтовок.

— Бои длятся пять дней. Каждый день предусмотрен цикл: трое осужденных против троих королевских бойцов, если только кто-то из них не умрет раньше.

Пять дней?

Я не успеваю спросить больше, потому что схватка начинается. У одного из приговоренных к смерти — страшный шрам через всё лицо — он сжимает молот, второй, покрытый татуировками, держит длинный кнут, а третий, темнокожий, поигрывает острым ножом. Он первым бросается на принцев.

Он выбирает целью Анну, пытается схватить её, но она уворачивается от каждого удара с такой легкостью, будто парит в пустоте. Татуированный мужчина присоединяется к напарнику, атакуя Анну и не давая ей ни секунды передышки; он замахивается и бьет кнутом. Эдоардо перехватывает его на лету, сжимая в ладонях до крови, и дергает противника на себя, заставляя того потерять равновесие.

Смотрю на экран, сердце в горле. Анну хватают за волосы, и она издает крик боли, от которого у меня перехватывает дыхание. Артур вмешивается как раз вовремя: хватает нападавшего за горло и прижимает к земле. Тот пытается вырваться, задыхается, но тело Артура блокирует его на полу. Внезапным ударом приговоренный ранит Артура в плечо, и каждый мой нерв дрожит от страха.

— Почему он не вынимает меч? Он слишком сдерживается, — комментирует Габриэль.

Анна с пугающей точностью и без малейшего колебания вонзает один из своих ножей в шею заключенного, ранившего Артура. Из раны тут же начинает хлестать кровь, образуя под ним лужу, его тело сотрясается в конвульсиях. Артур поднимается, не успевая вытащить лезвие из своей раны, как по всей Арене разносится крик боли.

Эдоардо задыхается — его противник затягивает веревку на его горле. Меньше чем за секунду Артур бросается к нему, хватает врага за волосы и трижды подряд бьет лбом об пол.

— Похоже, началось, — шепчет один из гвардейцев.

Пока Анна помогает Эдоардо подняться, Артур сжимает горло человека перед собой до полной неподвижности. Затем бросает быстрый кивок Эдоардо; тот поднимает меч и вонзает его мужчине в грудь. Когда он вынимает его, второй приговоренный рушится на землю.

— Резня… это просто резня, — бормочу я. — Они закончили? Мой голос дрожит, а в голове пульсирует только одна мысль: Артур уже кажется другим, хотя он еще даже не коснулся своего меча.

Я не получаю ответа, потому что третий приговоренный только что набросился на Анну. Судя по всему, все они считают её слабым звеном и начинают с неё в надежде убить первой.

Её застают врасплох, ударом в спину сбивая на землю. Эдоардо заносит меч и ранит противника вскользь. Артур внимательно следит за каждым движением, загораживая Анну своим телом. Когда она пытается подняться, он жестом приказывает ей оставаться на месте.

Меч Эдоардо выбит из рук; этот последний приговоренный кажется самым сильным из троих. Он крепко сжимает молот, на его лице — ухмылка, будто он и не заметил, что перед ним два принца, прикончивших его товарищей.

Из заднего входа на Арену врываются еще пятеро заключенных с острыми ножами. Они бегут к принцам и окружают их. Артур поднимает взгляд на Короля.

— Их же должно было быть всего трое? Что происходит? — не могу сдержать беспокойства.

Габриэль качает головой. — Когда цикл на Арене грозит закончиться слишком быстро или слишком легко… Жрецы поддают жару.

Сжимаю зубы. *Что это за хреново объяснение?*

Я не вижу лица Артура, но уверена, что он возмущен не меньше моего. Он вынимает лезвие, застрявшее в плече, не издав ни звука, и использует его как оружие против первого человека, пытающегося напасть на Эдоардо. Он попадает точно в грудь с меткостью, от которой у меня отвисает челюсть.

Все приникают к экрану, затаив дыхание.

Эдоардо уворачивается от ударов двоих мужчин, пытающихся его схватить. Он бежит за мечом, лежащим в паре метров. Анна поднялась на ноги и использует один из ножей против бегущего к ней человека. Раненный в ногу, он тут же падает.

Артур берет на себя мужчину с молотом. Он защищается без оружия, уворачиваясь с ловкостью, за которой почти невозможно уследить. Он валит противника ударом ноги в челюсть, вырывает молот и использует его, чтобы заблокировать врага. Эдоардо и Анна делают то же самое с теми, кто перед ними. Анна держит на мушке двоих, а Эдоардо тяжело ранил еще двоих, что лежат без чувств на земле.

Только я думаю, что всё кончено, как из ворот входит еще одна группа — десять человек. Округляю глаза. Это какая-то шутка, этого не может быть. Королевская троица измотана и ранена. Анна опускается на колени, тяжело дыша, она пытается прийти в себя, но видно, как она вымотана. Эдоардо вытирает лоб, его грудь лихорадочно вздымается. Он касается бока и, отняв руку, видит на ладони кровь.

Артур обеспокоенно подходит к нему. Эдоардо пытается отстраниться, но по их движениям я понимаю, что Артур его отчитывает.

Десять мужчин бегут на принцев, их убийственные вопли разносятся по Арене, и именно в этот момент я вижу то, чего все ждали. Артур за руку оттаскивает Эдоардо к Анне. Он прячет их за спиной и, повернувшись к бойцам, впервые обнажает меч.

— О боже, — бормочу я перед лицом жестокости, которую невозможно описать словами.

Это не Артур.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 22

Лавиния

С того мгновения, как его рука касается меча, Арена превращается в безумие из крови и криков. Лицо Артура не выражает ни единой эмоции, пока он яростными ударами кромсает тела людей перед собой. Первые двое нападают на него вместе, безжалостно занося оружие.

Я даже не успеваю понять, что происходит в этой свалке, но вскоре оба осужденных замирают на месте; их лица бледнеют, а лбы прорезают морщины боли. Они рушатся на землю один за другим, и изо ртов у них хлещет кровь. Артур смотрит на них сверху вниз с явным пренебрежением, прежде чем повернуться к остальным троим.

Те пробуют иную тактику: с невероятной скоростью метают в него маленькие острые лезвия. Артур уворачивается от всех, кроме двух. Он ловит их на лету рукой, рассекая ладонь, затем впивается в противников взглядом, полным леденящего спокойствия, и возвращает «подарки» отправителям. Он швыряет лезвия — одно направо, другое налево, — и двое мужчин падают как подкошенные, прижимая дрожащие руки к шеям в том месте, куда пришелся удар.

Последний выживший в ужасе пятится вглубь Арены, где стоят последние пятеро приговоренных. Никто из них не решается сделать шаг вперед.

Артур уверенной походкой идет к телам своих последних жертв и решительно вырывает лезвия из ран. Кровь всё еще бьет фонтаном. Словно этого недостаточно, он берет свой меч и вонзает его в грудь первого мужчины с жестокостью, от которой я застываю. Затем переходит ко второму, уже дышащему на ладан, и проделывает то же самое. Меч теперь полностью покрыт кровью людей, которых он убивает без малейшего колебания.

Когда он поднимает взгляд, все шестеро оставшихся приговоренных уже стоят перед ним на коленях. Они умоляют его, задыхаясь от ужаса.

— Прошу вас, Ваше Высочество! Вы же знаете, мы бы никогда не посмели, у нас нет выбора… молю, пощадите нас! — кричит один из них.

— Ваше Высочество, будьте милосердны, заклинаю вас, — шепчет другой.

Страх заставляет их дрожать, искажая лица, мокрые от слез. В знак капитуляции они бросают оружие на землю и продолжают молить на коленях. Артур решительно идет к ним и с чудовищной быстротой пронзает их одного за другим: кого в грудь, кого в шею, кого в живот. Он вонзает меч в их тела, и когда вынимает его, слышны лишь вздохи и стоны боли.

Прикончив последнего, Артур поворачивается к трибунам и устремляет взгляд на Жрецов. Те встают и аплодируют, довольные этим зрелищем насилия. Артур бросает меч на землю и подходит к Эдоардо и Анне.

Никто из них двоих не потрясен той свирепостью, с которой он растерзал и растоптал этих людей. Артур обхватывает Эдоардо за плечи и помогает ему выйти с Арены, Анна следует за ними. Они идут, переступая через окровавленные тела, лежащие на земле.

Я потрясена, не могу вымолвить ни слова. Гвардейцы обсуждают увиденное с благоговейным трепетом.

— Он устроил настоящую бойню. Их было десять, и он убил всех в одиночку! — комментирует один.

Его друг рядом улыбается: — Теперь я буду спать спокойнее. Даже если Зло решит проснуться, на нашей стороне Его Высочество принц Артур.

Вирджиния вмешивается: — Всё было спланировано. Позволить Артуру сорваться в прямом эфире — это способ напомнить народу, что есть кому их защитить, что королевская семья крепка и сильна.

Габриэль чешет затылок: — Они собираются продолжать в том же духе еще четыре дня? Да они вымотаются прежде, чем бросят вызов Злу.

Они рассуждают об этом почти буднично, словно видеть такую резню — в порядке вещей, в то время как я превратилась в комок дрожи. В моем сознании прокручивается каждое действие: холодность, с которой он проигнорировал мольбы этих людей, жестокость, с которой он убивал их по одному, и апатичное безразличие, с которым ушел.

Как… как это может быть тот же Артур, которого я знала?

— Эй. — Габриэль касается моей ноги рукой. Поднимаю на него взгляд и вижу, что он смотрит с беспокойством. — Тебя это впечатлило? Не стоило смотреть всё до конца, принц Артур бывает по-настоящему жесток в бою.

«Артур не жесток. Он заботливый, порой глуповато-ироничный и импульсивный». Вот что мне хочется сказать, вот что мне хочется прокричать. Но у меня нет сил, потому что мне он никогда не показывал ту сторону, по которой его, кажется, знают все. Мне он никогда не демонстрировал, во что превращается с мечом в руках. Мне он никогда не рассказывал, как его заставляют убивать.

Вот что имел в виду Эдоардо. Анна и глазом не моргнула на Арене, оставаясь бесстрастной перед лицом этих смертей. Я же едва могу прийти в себя.

— Спорим, теперь ты будешь смотреть на него иначе. Такое действие он оказывает на всех, кто видит его в бою впервые.

Моргаю, заставляя себя казаться равнодушной, как и остальные, но чем больше я слышу их комментарии, тем сильнее леденеет кровь в жилах. Встаю и иду в туалет, чувствуя, как желудок сводит судорогой. Открываю кран, даю воде стечь несколько секунд, затем пару раз ополаскиваю лицо и всматриваюсь в свое отражение.

Побледневшее лицо, расширенные зрачки, прерывистое дыхание. *«Это правда был он?»*

— Тебе лучше было не смотреть, Лавиния.

Резко оборачиваюсь. Вирджиния прислонилась к дверному косяку; она протягивает мне полотенце, которым я промакиваю лицо и лоб.

— Я в порядке, — лгу я.

— Конечно… Тогда почему у тебя такой вид, будто ты сейчас выплюнешь собственную душу? — парирует она. — Что тебя шокировало больше всего?

Вздыхаю. — Не знаю… — Запускаю руку в волосы. — Всё, наверное? То, как их заставляют кромсать друг друга, например. Разве это не абсурд? Как вы это принимаете? От одной мысли кожа покрывается мурашками. Боже, они же умоляли его, и…

Вирджиния выгибает бровь. — И Артур всё равно их прикончил, не колеблясь. В этом же суть, не так ли?

Опускаю взгляд в пол, глубоко вдыхая. Мысли накладываются одна на другую. Возможно, Эдоардо прав, возможно, я не соответствую этому миру, недостаточно сильна, чтобы наблюдать за бойней, как за обычным матчем по регби. Возможно, Анна

принимает это лучше меня. Возможно, она… заставляет его чувствовать себя менее судимым.

— Не вини себя, Лавиния. Твоя чувствительность — это дар, поверь мне. Ты не должна её прятать или пытаться превратить во что-то, что тебе не принадлежит.

Приоткрываю губы, но слова умирают на языке. Мне хочется выплеснуть вихрь эмоций, терзающих меня; хочется сказать ей, что дело не только в чувствительности: моя вселенная — другая, в ней совершенно иные принципы. В моем мире любой бы содрогнулся, увидев подобное зверство в прямом эфире, а здесь это норма, здесь даже заключают пари и ставят деньги на исход.

Вздрагиваю, когда её пальцы с нежной заботой касаются моей спины. — Мы так привыкли видеть казни, публичные наказания и стычки на грани безумия, что уже не осознаем, насколько это неправильно. И это нехорошо, поэтому я очень тебе завидую, Лавиния, за то чистое сердце, которое ты проявляешь в любой ситуации.

«Завидует мне?» В её глазах светится искренность, которая согревает мне душу. Тонкие черты лица, добрые слова и нежный голос. Благодарно сжимаю её руку, и прежде чем я успеваю ответить, в дверях появляется Джесс.

— Девочки, нам пора на «пост-Арену». Вы идете?

Вирджиния кивает. — Сейчас будем.

Меня снова накрывает смятение, и она это тут же замечает. — Если не можешь, иди в свою комнату. Я что-нибудь наплету Даме, сделаю твою часть работы, проблем не будет. По крайней мере, пока ты не привыкнешь.

Решительно качаю головой: только лишних слухов мне не хватало, моя личность снова окажется под вопросом.

— Я с тобой, — заверяю я её. Пару раз хлопаю себя по щекам, прежде чем выйти в коридор. Остальные девушки молча следуют за нами. Мы входим в здание дворца и спускаемся в подземелья, которые я узнаю мгновенно. Но вместо того, чтобы повернуть направо, к камерам, Вирджиния сворачивает налево. Перед нами возникает еще один пролет винтовой лестницы.

Спускаемся еще ниже, темноту разгоняют лишь слабые огоньки факелов на стенах. Иду по узкому мрачному коридору, пока не упираюсь в арочные ворота. Гвардейцы открывают их, и у меня перехватывает дыхание. Я узнаю это место сразу.

Арена.

Обширная боевая площадка залита кровью. Это единственный оставшийся след — тела осужденных уже убрали. Мне не требуется много времени, чтобы понять, в чем заключается наша задача. Гвардейцы вручают нам ведра со всем необходимым для уборки. Отбеливатель, аммиак, моющее средство для полов, горячая вода, перчатки и гора тряпок.

Запах смерти, пропитавший всё вокруг, бьет в нос, и я едва сдерживаю тошноту. Следую за девушками, беру тряпку и моющее средство, начинаю возить по полу. Взад и вперед, глаза щиплет от подавляемых слез, а желудок сводит судорогой.

Смех, доносящийся сверху, нарушает тишину. Подняв голову, я замечаю, что они всё еще сидят в своей защищенной ложе, безразличные к только что закончившейся бойне: Король, доведший собственных сыновей до крайности; Жрецы, решившие добавить еще осужденных, чтобы затянуть схватку и сделать её более «зрелищной». Те самые люди, что насаждают эти глупые и бессмысленные правила.

— Сначала я испугался, что Артур забыл, как сражаться, — скалится один из Жрецов. На нем прямоугольные очки и нелепая белая шапка, нахлобученная на лоб.

Король Давид довольно ухмыляется: — Он только разогревался. В конце концов, чтобы принять такой вызов, который мы увидели, нужна концентрация.

— Доведение их до предела выносливости всегда работает, — парирует Жрец. — А если не работает… мы прекрасно знаем, что делать, верно?

Король Давид довольно смеется, почесывая подбородок. Я сжимаю тряпку в руке так сильно, что всё моющее средство выплескивается на пол.

Другой Жрец, лысый мужчина с посохом, вступает в спор: — Нам достаточно подвергнуть опасности Эдоардо, и он убьет любого; он способен в одиночку выстоять против пятидесяти человек, лишь бы защитить брата.

Вскакиваю как ошпаренная, гнев застилает разум с такой скоростью, что я теряю рассудок. Руки дрожат от желания затащить их самих на эту пропитанную кровью арену. Мне хочется задушить их за эти позорные речи.

— Простите! — вскрикиваю я.

Глаза всех присутствующих, включая гвардейцев и придворных девушек, устремляются на меня. Король и Жрецы смотрят сверху вниз, пораженные тем, что кто-то столь низкого ранга посмел их побеспокоить. Смотрю на них с ненавистью, подавляя порыв осыпать их оскорблениями.

Я приоткрываю рот, но мужской голос опережает меня: — Прошу разрешения взять с собой одну из придворных девушек, чтобы помочь в перевязочной.

Резко оборачиваюсь. Артур обращается к Королю и Жрецам, не моргнув и глазом; его лицо открыто, хотя тело всё еще скрыто боевым костюмом. Кудри прилипли ко лбу, еще влажному от пота.

Король Давид выгибает бровь: — Что такое, Артур? Королевские медсестры тебе не по вкусу?

Среди Жрецов проносится издевательский шепот; сжимаю кулаки, пока Артур отвечает с полным спокойствием: — В данный момент они занимаются Эдоардо и Анной. Им досталось куда сильнее, чем мне, но девушка мне нужна не для этого. К сожалению, в лазарете тоже всё залито кровью, поэтому, с вашего разрешения…

Он слегка склоняет голову. Король кивает и торопливо машет рукой, после чего возвращается к обсуждению со Жрецами неудержимой жестокости и непобедимости своего сына в бою.

Артур направляется к выходу, а я застываю со сжатой в руке тряпкой. Вирджиния протягивает мне ведро со всем необходимым и слегка подталкивает к двери. Медлю, сердце колотится в горле. Не знаю, откуда у меня берутся силы идти за ним; я вижу только его внушительную спину и широкие плечи. Следую за ним по узкому коридору в абсолютном молчании. *Как он может быть таким спокойным? Почему не взорвется от ярости?* Он останавливается перед деревянной дверью, поворачивает ручку, пригибается и входит.

Захожу следом и закрываю дверь. Это маленькая комната, где на столике разбросаны перевязочные средства, а в центре стоит медицинская кушетка. Вверху слева — крошечное прямоугольное окно, а круглый плафон на потолке освещает сероватые стены тусклым светом. Опустив взгляд, замечаю пятна крови на деревянном полу.

Ставлю ведро на пол, беру тряпку, щетку и моющее средство. Боковым зрением вижу, как Артур ложится на кушетку, закрывает лицо рукой и замирает в строгом молчании, будто спит. Поднимаю на него взгляд: его грудь медленно вздымается и опускается; он, должно быть, истощен после только что закончившейся битвы.

Надеваю перчатки и принимаюсь за дело. В голове теснятся тысячи вопросов, но я не смею произнести их вслух. Тряпкой стираю самые крупные пятна, затем лью на пол моющее средство и прохожусь щеткой по всем углам комнаты.

Слышал ли он слова Короля и Жрецов?

С силой тру место, где кровь уже успела засохнуть.

Наверняка слышал, так почему же… почему он молчит?

Пальцы крепко сжимают рукоять щетки, вожу ею взад-вперед.

Почему он не бунтует? Почему ничего не предпримет?

Взад и вперед.

Неужели он действительно готов позволить использовать себя как марионетку, позволить им заставлять его убивать, выставлять напоказ его навыки киллера?

Продолжаю повторять себе, что это не тот Артур, которого я знала. Это не тот человек, что чинил мой разваливающийся дом; не тот, кто слушал мои слезы; не тот, кто каждый вечер ждал меня после работы, чтобы вместе вернуться домой.

Перед глазами вспыхивают самые страшные сцены боя на Арене. Одна за другой. Снова и снова. Мольбы осужденных, покрытый кровью меч, предсмертные стоны, крики боли и та брутальная холодность, с которой Артур сметал каждого, кто оказывался перед ним.

Вздрагиваю — чья-то рука обхватывает моё запястье. Артур стоит передо мной, его пальцы касаются кожи, а кивком он указывает на опрокинутое ведро. *Это я сделала?* Удивленно приоткрываю рот — должно быть, я задела его, сама того не заметив.

Он изучает моё лицо, заглядывает внутрь, одним взглядом считывая слова, которые я не произношу. Будто почувствовав мои эмоции, он отпускает руку и отступает на шаг.

— Почему? — шепчу я.

Ответа нет.

— Почему, Артур? — Повышаю голос. — Ты не был таким… ты… ты не был этим человеком.

Горькая улыбка кривит его лицо: — В твоем мире.

— Да, в моем мире. И что с того? Кого я знала? Призрака?

— Ты снова меня судишь. У тебя это хорошо получается, — в его голосе сквозит сарказм.

Трясу головой: — Прости, я должна сказать, что ты герой? Этого желает Ваше Высочество?

Он смеется, и этот смех совсем не похож на тот веселый и полный жизни, что я помню — он мрачный и пустой.

— Я не чувствую раскаяния. Не чувствую стыда. Не чувствую, что совершил ошибку. Потому что… — он подходит ближе, наши тела разделяет лишь вздох, — …убивать для меня естественно. Совесть, отвращение и чувствительность в бою мне не знакомы. Либо я, либо они.

— Не знакомы? А вот ложь сидит на тебе как влитая.

Его лицо становится серьезным: — Поверь, я еще никогда в жизни не был так искренен.

— Они тебя умоляли, Артур. — Мой голос срывается, глаза наполняются влагой, и я впиваюсь ногтями в ладони. — Я ни на секунду не верю, что тебе действительно всё

равно. Можешь носить эту бесстрастную маску сколько угодно, но рано или поздно… то, от чего ты бежишь, тебя догонит.

Он стискивает челюсть: — Поверь мне, когда я говорю, что мне плевать. Я убиваю всегда. Меня никогда не мучило чувство вины, и это делает меня отличным от тебя и от других. Так что суди меня сколько влезет, это ничего не изменит. — Он отворачивается ко мне спиной.

Что-то внутри меня гаснет. — Я тебя не узнаю, — признаюсь шепотом.

Он снимает верх костюма и бросает на кушетку, скрывая лицо от моего взгляда. Всё, что я вижу — его спина. Он не отвечает, не говорит ни слова. Молчит, будто ему совершенно наплевать.

Снова начинаю возить щеткой по полу и не замечаю, что в глазах стоят слезы, пока одна из них не скатывается по щеке. Торопливо вытираю её тыльной стороной ладони и продолжаю уборку. Еще не хватало, чтобы «мистер Холодность» увидел меня такой. Он, который без малейшего труда способен стереть даже тень эмоции.

Поднимаю взгляд и замечаю, что он сидит на кушетке с обнаженным торсом; его живот покрыт синяками и кровоподтеками. Округляю глаза, видя, как он снимает пропитанную кровью марлю с правой руки, чуть ниже плеча. Пытается одной рукой открыть антисептик, но у него не получается.

Тут же бросаю щетку и подхожу ближе. Забираю антисептик из его рук, лью его на чистую марлю под его взглядом, который пробирает до костей. Поворачиваюсь к столику с медикаментами и беру всё необходимое, прежде чем снова встать перед ним. Начинаю промокать рану — она довольно глубокая, и только сейчас я вспоминаю момент, когда один из осужденных ударил его ножом.

— Ты плачешь? — шепчет он, наклонив голову.

— Нет. — Мой голос дрожит. Влажные глаза выдают меня; я сильнее прижимаю марлю, которая тут же пропитывается кровью. Беру другую и снова прикладываю к коже.

Его дыхание касается меня, а аромат мускуса наполняет ноздри. Несмотря на то, что я видела ярость, с которой он убил больше десяти человек, мне не страшно быть рядом с ним.

— Плачешь, — повторяет он, но на этот раз это утверждение.

Изо всех сил стараюсь смотреть только на его плечо и не поднимать глаз. — Нужно было сразу сказать, что ты ранен, — бормочу я. Печаль от того, в каком он состоянии, омрачает моё лицо и тяжестью ложится на грудь.

— Когда я должен был тебе сказать? Когда ты смотрела на меня как на монстра?

С трудом сглатываю: — Я не смотрела на тебя так, я вовсе не считаю тебя монстром.

— Конечно, поэтому ты и не можешь смотреть мне в лицо, когда говоришь это.

Выбрасываю марлю и использую следующую, смоченную антисептиком. Краем глаза вижу, как он стискивает зубы от боли. Поднимаю взгляд на него и с предельной серьезностью нарушаю тишину:

— Я не считаю тебя монстром, но не жди, что я буду рукоплескать такой бойне. Я никогда не смогу этого сделать. Если бы ты не вмешался, я бы сама высказала Жрецам всё, что думаю.

Заканчиваю дезинфицировать и перебинтовываю ему руку. При этом я наклоняюсь вперед, оказываясь в нескольких сантиметрах от его груди. Его губы почти касаются моего лба.

— Знаю, что высказала бы, у тебя это на лице было написано. Я вмешался специально, — шепчет он.

Его слова вызывают целую вселенную мурашек, которые пробегают от кончиков волос до кончиков пальцев ног. *Он сделал это специально.* Он наблюдает за тем, как я осознаю смысл сказанного. С бешено колотящимся сердцем закрепляю повязку пластырем.

— Почему? — спрашиваю я его.

— Скажи мне ты, почему ты решилась на такое безумие — пойти против Жрецов в одиночку? — В его словах слышится легкий упрек, который, не будь мы в такой ситуации, заставил бы меня улыбнуться.

— Ты не слышал их, они тебя... — осекаюсь. *Как мне сказать ему? Что твой отец использует тебя как оружие и хвастался перед Жрецами, что умеет играть на твоих слабостях, заставляя убивать любого, кого он пожелает?*

— Я слушаю.

Вздыхаю: — Забудь.

— «Нам достаточно подвергнуть опасности Эдоардо, и он убьет любого; он способен в одиночку выстоять против пятидесяти человек, лишь бы защитить брата». — Я округляю глаза. — Они ведь это говорили, верно?

В моем взгляде отражается замешательство: — Ты их слышал?

Он кивает: — Я слышал всё. Эти разговоры сопровождают меня с самого детства. Я прекрасно знаю, как легко им мной манипулировать. Но я не понимаю одного — почему ты хотела вмешаться?

Моргаю: — Чтобы заставить их замолчать! Они же животные... мне противно видеть, как они говорят о вас... как... как они тебя воспринимают. Ты не машина. Ты — Артур.

В его медовых глазах вспыхивает искра, озаряющая всё лицо. Он приоткрывает губы, удивленно вскидывая брови. Затем опускает взгляд и улыбается.

— Что такое? — спрашиваю я. — Почему ты смеешься?

— Приятно, когда есть кто-то, кто напоминает мне об этом, понимаешь? Иногда я и сам об этом забываю.

Гнев, что кипел во мне раньше, сменяется нежностью. Он слезает с кушетки, подходит к столу и берет мазь. Начинает втирать её в синяки круговыми движениями; пытается достать до самых болезненных мест, а те, до которых не дотягивается, оставляет как есть. Качаю головой и вздыхаю. Забираю мазь из его рук, на что он бросает на меня озадаченный взгляд. Его растили с одной целью — сделать способным на хладнокровное убийство. И теперь он сам с трудом понимает, где его предел.

Осторожно наношу крем на его обнаженную спину. Сначала он вздрагивает, но затем упирается руками в кушетку и позволяет мне продолжить. Я касаюсь каждого сантиметра израненной кожи, и он не отстраняется — напротив, мышцы под моими пальцами расслабляются.

— Артур, ты ведь покрасил папину скамейку в мой любимый цвет и вернул её в сад, — шепчу я.

Он поднимает голову и смотрит на меня искоса.

— Я буду напоминать тебе о каждом твоем добром поступке всякий раз, когда они будут обращаться с тобой как с машиной войны. Чтобы ты не забыл, кто ты такой, — обещаю я.

Потому что, даже став свидетелем бойни, даже не увидев на его лице тени сожаления за содеянное, я, глядя на него, не могу видеть никого другого, кроме юноши, который не хочет терять тех, кого любит. Он ложится на кушетку, погружаясь в глубокое молчание, словно смакуя мои слова. Вздыхаю. Он бы сделал всё ради брата. Всё что угодно, невзирая на мораль. У его преданности близким нет границ, и Жрецы знают это слишком хорошо.

Я заканчиваю дезинфицировать комнату, пол теперь буквально сияет. Оборачиваюсь и вижу, что Артур уснул прямо на кушетке. Его ангельское лицо, расслабленное во сне, вызывает у меня непроизвольную улыбку. Что-то внутри заставляет меня остаться рядом, что-то отказывается уходить.

Существо с ангельскими и невинными чертами, превращенное в безжалостного убийцу с самого детства — он похож на прекраснейшее из плотоядных растений, способное сожрать любое насекомое, заманив его к себе.

Дверь открывается, и сердце замирает в горле. Анна смотрит на меня с раздражением и жестом велит выйти. Оставляю Артура одного, стараясь запечатлеть в памяти этот чистейший образ, почти сверхъестественный в своей красоте.

Выхожу в коридор и закрываю за собой дверь. Анна стоит, скрестив руки на груди, челюсть плотно сжата. Порезы на её лице заклеены пластырями, на лбу и скуле темнеют синяки. Мой взгляд падает на её забинтованное запястье.

— Это первый раз, когда ему удалось уснуть после схватки на Арене. Что ты ему дала?

Растерянно моргаю: — Ничего, леди Анна.

Что я должна была ему дать? И что значит — «первый раз удалось уснуть»?

— Хочешь сказать, он просто взял и заснул? Без кошмаров, без криков? Совсем ничего?

Киваю: — Я убиралась, как мне и велели. Принц прилег на кушетку отдохнуть.

— Хорошо, — бросает она, но тон остается раздраженным. — Я останусь на часах. Можешь возвращаться к остальным. — Она садится на пол прямо перед дверью Артура.

Выгибаю бровь: — На часах? Не совсем понимаю, — признаюсь я.

Она вздыхает: — Он страдает бессонницей, а те редкие разы, когда ему удается забыться сном, он просыпается с криком. Впрочем, тебе этого знать не обязательно. Можешь идти. — Ядовитая улыбка напоминает мне о жестокой стороне характера Анны.

На мгновение я забыла об этом, видя её в таком состоянии и зная, к чему её принуждали с малых лет. Киваю — сейчас не время с ней спорить. Отворачиваюсь и иду прочь. Я не знала о бессоннице Артура. Пытаюсь вспомнить моменты, когда видела его спящим: он никогда не казался измученным, и я ни разу не слышала его криков посреди ночи.

Может, это просто предлог, чтобы выставить меня? Но зачем? Она могла просто приказать, и я была бы обязана подчиниться без лишних слов.

Делаю несколько шагов, но останавливаюсь. Оборачиваюсь и смотрю на неё: она выглядит изможденной и опустошенной, лишенной привычного высокомерия и спеси. Сидит, прислонившись затылком к стене, обхватив себя руками.

— Леди Анна, — шепчу я. Возможно, ей, как и Артуру, нужен кто-то, кто напомнит, что она человек. Ей, которая, вероятно, завидует таким девушкам, как я — выросшим без мысли о том, чтобы отнимать чужую жизнь.

Она фыркает: — Ну и что еще? — огрызается она.

— Вы не были рождены для того, чтобы убивать.

Никакой реакции. Она лишь закатывает глаза и снова начинает меня игнорировать. *«Что ж, я хотя бы попыталась»*. Иду дальше по коридору, и когда уже собираюсь свернуть за угол, бросаю на неё последний мимолетный взгляд. Могу поклясться — в этот миг внутри меня что-то надламывается.

Анна плачет, содрогаясь от рыданий.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 23

Лавиния

Эти циклы были мучительными: четыре дня подряд повторялся один и тот же сценарий. Океан крови и жестокости, который затихает лишь после вмешательства Артура и его меча. Аплодисменты, громкие анонсы, официальные заявления…

С каждой схваткой трое аристократов покрываются всё новыми ранами и синяками, но Короля и Жрецов это не волнует. Для них достаточно того, что Артур демонстрирует в прямом эфире свой потенциал. Физическое или ментальное состояние этих молодых людей не имеет значения — важны лишь удовлетворение народа и экстаз толпы, ликующей перед экранами.

После завершения второго цикла меня вызвали в перевязочную под тем же предлогом, что и накануне: отмыть кровь с пола. Артур лежал на кушетке, избитый, с такой пустотой в глазах, которая способна поглотить любой свет.

— Ты провожал меня домой каждый вечер после работы, чтобы мне не пришлось идти одной.

Я увидела изумление в его глазах, а затем, наконец, искру живой эмоции. Его губы растянулись в слабой улыбке.

Так продолжалось и в последующие дни, вплоть до сегодняшнего — предпоследнего. Открыв дверь, я застаю его за попыткой перебинтовать руку. Забираю марлю из его пальцев и помогаю продезинфицировать свежую рану.

— Артур, всего лишь одним взглядом ты понял, что в прошлом кто-то касался меня без моего согласия. И благодаря этому я почувствовала себя менее грязной и менее виноватой.

Он замирает, и его лицо озаряется человечностью, бесконечно далекой от этой ненасытной жажды насилия.

Остался всего один. Всего один день, и этот ад закончится. Иду по коридору, ведущему к общежитиям вспомогательного здания. Сегодня последний цикл — мне больше не придется смотреть, как он хладнокровно убивает, не придется видеть, как он угасает. С ним обращались как с машиной смерти, и он подавляет в себе малейшие намеки на чувства, чтобы просто пережить эту боль.

Отворяю дверь в общую комнату; девушки уже собрались у телевизора. Сажусь на диван. На экране показывают Арену, а в дверях появляются королевские гвардейцы — они рассаживаются в креслах, обсуждая исходы предыдущих боев. Анна хромает, Артур и Эдоардо поддерживают её под руки.

Габриэль разочарованно качает головой, закинув руки за голову и не отрывая взгляда от экрана. — Они на пределе, им нужно остановиться.

Парень рядом с ним кивает: — Ну, сегодня последний день. Кто знает, какое безумие припасли Жрецы, чтобы пощекотать нервы публике.

— Но это же их уничтожит. Они уже более чем достаточно доказали, на что способны, не понимаю, зачем их так гнать, — комментирует Вирджиния.

Габриэль вздыхает: — Потому что это работает. На улицах больше нет паники. Внимание граждан переключилось на события на Арене, а не на Первое знамение. Жрецы отвлекают их, чтобы те забыли о серьезности ситуации снаружи.

Подтягиваю ноги к груди и обхватываю их руками. Принцы и Анна не выдержат новых боев, они истощены и покрыты ранами, которые не успевают заживать.

— Это правда… как бы ни было горько это признавать, — шепчет Джесс, сидя на ковре. — Это работает. Тревога из-за пробуждения Зла утихла, все чувствуют себя в безопасности, зная, что королевские потомки так сильны.

Хмурюсь. *Сильны? Это их определение силы? Доводить до крайности, бросать в ситуации жизни и смерти, принуждать к нечеловеческой жестокости. Какая мерзость.* Дрожь пробегает по всей спине, пока в кадре Король Давид и Жрецы проходят по трибунам к своим обычным местам. Массивная стеклянная преграда отделяет их от возможных атак, поэтому они спокойны — они знают, что защищены. Гвардейцы окружают их со всех сторон.

Артур и Эдоардо, кажется, обсуждают стратегию. Они держат Анну за своими спинами — она выглядит слабее всех. Оба принца закрывают её собой от любой угрозы.

Тревога молотит в груди. Это финальный раунд, последний цикл. Всё будет хорошо, мне просто нужно успокоиться. Массирую шею рукой. Дурное предчувствие перехватывает дыхание: оно преследует меня с самого утра, будто тело знает что-то, чего не осознает разум.

— Всё будет как обычно, верно? — шепчу я Вирджинии.

— Ну… я бы не стала слишком доверять Жрецам, — признается она. — Но принцы справятся, не волнуйся. — Она поворачивается и дарит мне нежную улыбку.

Киваю и с трудом растягиваю губы в ответном жесте. Я даже не пытаюсь скрыть тоску и отвращение, которые вызывают у меня эти глупые бои. Я уже несколько дней смотрю их в тишине, а в самые брутальные моменты отворачиваюсь и закрываю глаза, зажимая уши, пока не стихнут крики. Затем я неизменно встаю и с замирающим сердцем иду в перевязочную. И только когда вижу его живым на кушетке, облегченно вздыхаю.

Он всегда там, покрытый чужой кровью.

Но сегодня под кожу вползает этот липкий страх, рисуя в воображении катастрофические картины, где Артур не сидит на кушетке, а лежит бездыханным посреди Арены.

Габриэль прибавляет звук: — Начинается!

В комнате воцаряется глубокая тишина. На экране появляются более десяти бойцов. Хмурюсь, глядя, как они точат оружие.

— Начинают с размахом, — вздыхает Джесс.

Привычный сигнал к началу — и снова резня, вопли и жаждущее крови оружие. Эдоардо берет на себя осужденных справа, Артур — тех, что слева. Анна остается за их спинами, но не сидит сложа руки: она достает ножи и с предельной точностью метает их в каждого, кто пытается ранить принцев. Она прикрывает им тылы и предупреждает, если кто-то заходит со спины.

Они подготовились на совесть. Бой идет без заминок: Артур не останавливается ни на секунду, он орудует мечом с такой ловкостью, что тот кажется легким как перышко. Камеры показывают Жрецов — они выглядят слишком спокойными. Один из них взмахивает рукой, и из ворот выходит группа людей, непохожих на тех, кого мы видели в эти дни. Они вооружены до зубов.

— О нет… — бормочет один из гвардейцев.

— Ч-что п-происходит? — от тревоги я начинаю заикаться. — Кто это?

— Это не приговоренные к смерти. Это… это солдаты королевской армии.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Моё сердце пропускает удар. Я приоткрываю рот и изумленно вскидываю брови. Когда я снова перевожу взгляд на экран, камера показывает Артура и Эдоардо. Несмотря на то что их лица скрыты масками, я читаю в их глазах глубокое отчаяние. Эдоардо крепче сжимает меч, Анна качает головой. Артур склоняется к ней и что-то шепчет на ухо, успокаивая её.

— Что это значит? — спрашиваю я. — Они должны убивать невиновных?

Никто из гвардейцев не может мне ответить: они переглядываются, избегают моего взгляда, кто-то качает головой, кто-то чешет затылок. Даже Габриэль собирается что-то сказать, но передумывает. Будто правда слишком ужасна, чтобы произносить её вслух.

Вскакиваю на ноги: — Они не могут этого сделать!

Кто-то сжимает мою руку; опускаю голову и встречаюсь с печальным взглядом светло-карих глаз Вирджинии. — Они могут сделать что угодно. Даже это.

— Но…

Звон скрестившихся мечей и стоны боли возобновляются с новой силой. Эдоардо с трудом сдерживает противников, Анна уже на ногах и тоже сражается рядом с принцами. Она бьет яростно, но она уже не так ловка, как раньше, и с трудом выдерживает темп, хотя и не сдается. Пятеро мужчин навалились на Артура, они пытаются атаковать его со всех сторон, не давая ни секунды на передышку. Они знают, что только он может решить исход боя, и хотят устранить его любой ценой.

Они эксперты — сильные и свежие. Они совсем не похожи на осужденных — изнуренных и часто неуклюжих. Эти люди — высококвалифицированные военные, и сейчас преимущество на их стороне.

— Лавиния, возможно, тебе лучше не смотреть. — Голос Джесс доносится до меня как далекий шепот.

Трясу головой. *Как я могу притвориться, что ничего не происходит?*

Вирджиния загораживает мне обзор. — Может, выйдем? Глотнем свежего воздуха.

Смещаюсь вправо, но на этот раз Габриэль не дает мне смотреть. Он встает передо мной, а на фоне раздается мужской крик, от которого в венах стынет кровь. *Артур.* Вскакиваю, сердце в горле, а лихорадочный стук пульса бьет по барабанным перепонкам.

Приоткрываю губы, я не вижу его. *Где он?* Вирджиния обхватывает меня за плечи, будто я могу рухнуть в обморок в любой момент. Не понимаю, почему они все так встревожены, пока камера не ловит нужный ракурс. Минимум шесть солдат ожесточенно бьют Артура ногами в грудь и по спине, пока он лежит на земле без движения. Воздух застревает в легких.

— Артур, — шепчу я.

Анна на земле, она пытается подняться, но один из противников придавливает её голову к полу подошвой. Эдоардо пытается противостоять мечу другого солдата, который раза в пять больше него. Он опускается на колени, из последних сил удерживая клинок нападавшего, который, кажется, вот-вот одержит верх без особых усилий. Эдоардо стонет от боли, кричит от отчаяния. Его ноги подкашиваются… это почти конец.

На трибунах Король Давид встает с места, на его лице промелькнула тень беспокойства, он вцепился в край кресла перед собой. Эдоардо теряет равновесие,

падает, его обезоруживают. Солдат с издевательской ухмылкой наставляет на него меч и заносит его для смертельного удара.

Я в ужасе. Гвардейцы вокруг опускают головы, кто-то закрывает глаза, кто-то затыкает уши. Слеза ярости катится по моей щеке, бессилие накрывает меня, как неодолимая волна.

Эдоардо размыкает губы, закрывает глаза и выкрикивает лишь одно слово: — Артур!

Ситуация меняется мгновенно. Артур хватает солдата, который его избивал, за ногу и валит на землю. Он снова вскакивает на ноги; пятеро гвардейцев, уже похоронивших его, смотрят на него с суеверным ужасом, как на привидение. Прижимаю руку к груди — моё сердце снова начинает биться.

Артур с яростью, которую я не считала возможной, расправляется с ними один за другим. Один из солдат заносит меч, но Артур перехватывает лезвие голой рукой и, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из ладони, вырывает оружие и отшвыривает его в сторону.

— Но как… — потрясенно шепчет Габриэль.

Я бросаюсь к двери и бегу изо всех сил. Все слишком заняты зрелищем боя и не замечают моего внезапного исчезновения. Мне плевать, что Эдоардо запретил мне приближаться к Арене — я должна его видеть.

Сбегаю по лестнице в подземелья, едва не спотыкаясь на каждом шагу. Чем ближе я, тем громче и неистовее становятся крики. *«Нужно спешить»*. Сворачиваю за угол, охранники смотрят на меня с недоумением; я замедляю шаг, избегая их взглядов. Я не знаю, что соврать, если меня остановят.

Оказываюсь перед воротами Арены, распахиваю их и делаю несколько шагов вперед. Глаза отчаянно ищут Артура. Нахожу его быстро: он стоит посреди бездыханных тел, направив меч на человека, который держит Эдоардо в заложниках.

— Что ты здесь делаешь?

Вздрагиваю.

— Тебе здесь не место, Лавиния.

Придворная дама, находящаяся здесь вместе с немногими допущенными слугами, вскидывает руку, подавая знак гвардейцу вывести меня.

— Прошу вас… дайте мне досмотреть… я должна…

Внезапный тяжелый удар, а затем — тишина. Все замирают. Я резко оборачиваюсь, страх скручивает желудок. Артур стоит над телом человека, ранившего его брата; его меч вонзен тому прямо в грудь. Предсмертная судорога вибрирует в воздухе и затихает.

Артур поворачивается к последнему оставшемуся противнику — тому, кто удерживает Анну. Тот видел всю резню своими глазами, видел, на что способен принц, поэтому он хватает Анну за волосы и приставляет нож к её горлу.

— Не двигаться, или я убью её! — угрожает он. — Бросайте оружие.

Она медленно моргает; она истекает кровью, и силы покинули её. В обычном состоянии ей не составило бы труда защититься, но сейчас она не может даже стоять: она виснет на своем враге, с трудом открывая глаза.

Делаю шаг вперед, но Дама преграждает мне путь рукой. — Стой. Хочешь, чтобы тебя прирезали? — в её тоне звучит презрительный упрек.

— А какая теперь разница? — шепчу я сквозь стиснутые зубы. Запускаю пальцы в волосы, глядя, как Артур и Эдоардо медленно опускают оружие.

Дама не отводит взгляда; она сильно напугана, но умеет скрывать это с изысканным изяществом.

Артур обменивается взглядом с Эдоардо, затем делает несколько осторожных шагов вперед. — Возьми меня, я более ценный заложник. Угрожать Анне, когда она не может даже защититься… это недостойно такого солдата, как ты.

Тот качает головой. — Думаешь, я идиот? — Он вдавливает острие ножа в шею Анны, по коже бежит тонкая струйка крови.

— Я не буду сопротивляться, обещаю, — продолжает Артур. Солдат смотрит на него с недоверием; его лоб покрыт испариной, он постоянно переводит взгляд с трибун на принцев. И именно в тот неуловимый миг, когда его глаза устремляются на Жрецов, Артур вырывает Анну из его хватки и толкает её в руки брата. Но солдат успевает вцепиться Артуру в горло и со всей силы прижимает его к земле.

Нет! Я порываюсь бежать к нему, но Дама крепко хватает меня за руки, лишая возможности пошевелиться. С расширенными от ужаса глазами я беспомощно наблюдаю за происходящим.

Артур пытается освободиться, хватается руками за шею, но хватка солдата намного сильнее. Артур задыхается, жадно ловит ртом воздух, лихорадочно бьет ногами по полу, а его лицо становится багровым.

Я понимаю, что плачу. Анна лежит на земле, совершенно обессиленная; Эдоардо же замер в оцепенении. *Почему он ничего не делает?* Он медлит, не помогая брату: может, он напуган, может, изнурен боем, а может… просто хочет, чтобы всё это наконец закончилось.

— Эдоардо! — кричу я во всё горло. Он поворачивает голову ко мне, наши взгляды встречаются, и террор, который я читаю в его глазах, заражает каждую мою клетку. Его глаза потухшие, пустые и темные. Они пугают меня, он сам на себя не похож. Слезы быстро катятся по моим щекам, и он смотрит на них словно завороженный. И тут же, будто зажигалка, которая с щелчком обретает пламя, глаза Эдоардо вспыхивают. Он подхватывает свой меч и яростным ударом вонзает его в спину последнего солдата.

Тот падает прямо на Артура, из его губ вытекает темная кровь. Эдоардо отталкивает тело и бросается на помощь брату. Только когда я слышу кашель Артура, ко мне возвращается способность дышать.

— Всё закончилось? — спрашиваю я, чувствуя сердце в горле.

Дама кивает, и в то же мгновение пронзительный свист провозглашает завершение циклов на Арене победой принцев. Жрецы встают и удовлетворенно аплодируют, пока вереница врачей и медсестер спешит на помощь троим молодым аристократам, чтобы вывести их оттуда.

— Как они могут аплодировать? Им не стыдно? — выпаливаю я, вытирая глаза.

— Молчи. — Дама прикладывает указательный палец к губам, её лоб прорезают морщины недовольства. — Тебе нужно уйти отсюда. Ты явно не умеешь справляться со своими эмоциями, ты опасна.

Я почти смеюсь от нервного напряжения. — Это я опасна? Конечно, давайте осуждать невиновных и позволять безумцам заставлять троих ребят убивать, чтобы выжить.

Она быстро оглядывается, а затем впивается в меня взглядом. — Ты хочешь, чтобы тебя убили? — повторяет она. — Не ты одна печешься об Артуре.

— Ах, неужели?! Что-то не похоже, чтобы кто-то здесь его защищал! — шиплю я.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

К нам подходит гвардеец, Дама жестом велит мне замолчать, чтобы не подставлять её. Пока они обсуждают детали королевского банкета, я прижимаюсь к стене и тихо ускользаю из её поля зрения. Бегу не оглядываясь к перевязочной.

Поворачиваю ручку и открываю дверь: пусто. Оглядываюсь и иду на гул голосов из коридора, пока не достигаю просторного зала, заполненного суетящимися медиками. Замечаю несколько кушеток: на одной лежит Анна без сознания, к её запястью подключена капельница; на второй — Эдоардо, он стискивает зубы, пока врач накладывает швы. *Артур?* Пробегаю глазами по залу, но его нигде нет.

Сердце колотится в груди от тревоги.

— Запасной выход из дворца, Лавиния. — Голос Эдоардо заставляет меня резко обернуться. — Он там, — добавляет он, словно с легкостью читая мои мысли. Я не задерживаюсь и не благодарю его. Проношусь мимо тележек с медикаментами и пустых кушеток к двери. Распахиваю её и вылетаю на улицу. Ветер ласкает мои щеки; я бегу по аллее, освещенной фонарями, к задним воротам.

Щурюсь, вглядываясь в темноту: передо мной стоит черная машина с открытой дверцей. Я подхожу достаточно близко, чтобы увидеть того, кто сидит внутри, и дыхание спирает в груди.

Артур на заднем сиденье, глаза полуприкрыты, дыхание прерывистое. Его грудь лихорадочно вздымается и опускается, лицо бледное и мокрое от пота.

— Ты меня опередила. — Голос Придворной дамы парализует меня. Поднимаю голову — она стоит за моей спиной. Вижу, что она несет одеяло. Протягивает его мне. — Садись, водитель отвезет вас к Ранталу.

Рантал? Её отец?

Хмурюсь. — Но… разве они не заметят, что он исчез?

Она вздыхает. — Сейчас принцу Артуру лучше отдохнуть подальше от козней Жрецов. Я что-нибудь придумаю, не смотри на меня так. Всего несколько минут назад ты готова была сама броситься на Арену ради него.

Сажусь рядом с Артуром, Дама подходит ближе. — Не ты одна печешься о нем, Лавиния, — повторяет она. Не успеваю я ответить, как она захлопывает дверцу, машина трогается и покидает пределы дворца. В окне её образ отдаляется.

Накрываю грудь Артура одеялом, которое дала Дама, и он, словно узнав меня, утыкается лицом в изгиб моей шеи. Он прижимается ко мне, его дыхание щекочет кожу, а я боюсь пошевелиться хотя бы на сантиметр.

— Изрядно они его потрепали, — бормочет Рантал, входя в лазарет. В руках он держит таз с водой, а через плечо перекинута белая тряпка. Он поудобнее устраивается на стуле, окунает ткань и хорошенько её выжимает.

Артур, растянувшись на кровати, спит глубоким сном, будто не отдыхал годами. Он вздрагивает, когда Рантал прикладывает мокрое полотенце к его лбу.

— Нужно сбить температуру. Помоги мне, милая барышня, сними с него рубашку, — приказывает он.

Я спешу расстегнуть пуговицы, пока Рантал готовит лекарства на тумбочке рядом. Мои пальцы скользят по груди Артура; что-то внутри меня надламывается при виде багровых синяков, усеивающих его кожу.

Завожу руку ему за шею и слегка приподнимаю его, чтобы высвободить рукава. Тепло контакта мгновенно передается мне. *Он горит.* Осторожно опускаю его голову обратно на подушку. Румянец на его щеках густеет прямо на глазах.

Рантал вводит ему лекарство в вену, затем придвигает стальную стойку с уже готовым пакетом раствора и подключает капельницу к руке Артура.

— Держи его за руки.

Киваю, беру его ладони и крепко сжимаю в своих. Рантал прикладывает холодные компрессы к самым чувствительным точкам: на лоб, шею, грудь и руки. Всё это время Артур стонет и впивается пальцами в мою ладонь, будто в единственный якорь спасения.

— Почему у тебя глаза на мокром месте, милая барышня?

Моргаю, пытаясь скрыть чувства, которые тянут меня в бездонный колодец. Но чем дольше я смотрю на то, в каком состоянии сейчас Артур, тем сильнее меня грызет чувство вины. Знаю, что я ни при чем, что я никак не могла повлиять на ситуацию, но видеть его превращенным в изломанный манекен… это меня убивает.

— Всё в порядке, — лгу я, но дрожащий голос выдает меня с головой.

Рантал встает. — Ему станет лучше, не переживай. — Он кладет руку мне на плечо, прежде чем выйти за дверь.

— Спасибо, — шепчу я, но не уверена, что он меня слышит.

Когда я пытаюсь пересесть на стул, Артур не отпускает мои руки. Чувствую, как сердце тяжелеет; его лицо искажается гримасой, словно он ведет борьбу в своем подсознании. Смотрю на него, беззащитного: он кривит рот и хмурит брови. *Даже во сне он сражается за жизнь.*

Вспоминаю слова Анны: она говорила, что Артур страдает бессонницей, а те редкие моменты, когда он засыпает, сопровождаются жуткими кошмарами. Это, должно быть, один из них — я понимаю это по тому, как он дрожит.

Переплетя свои пальцы с его, я начинаю поглаживать большим пальцем тыльную сторону его ладони.

— Артур, ты подарил мне плюшевого медведя. Выиграл его в тире и размахивал им так, будто это величайший трофей в мире, — я улыбаюсь. — Он остался в моем мире, но когда я скучала по тебе, я обнимала его. Каким-то странным и забавным образом он напоминал мне тебя. Наверное, потому что вы оба добрые и надежные.

Пока я говорю, хватка Артура ослабевает. Словно ребенок, убаюканный колыбельной, он расслабляется, и морщинка на его лбу разглаживается.

— Если бы ты сейчас не спал, ты бы ответил что-то вроде: «Я куплю тебе столько медведей, сколько пожелаешь!», — я тихо смеюсь между словами.

Любуюсь его густыми ресницами, золотистыми кудрями и полными губами. Я завороженно смотрю на него, теряя счет времени. Переворачиваю полотенца, как только они нагреваются, и слежу за капельницей. Я провожу у его постели всю ночь.

Не свожу глаз с принца, способного использовать собственное тело и как щит, и как смертоносное оружие.

***

Солнечный блик, пробившийся сквозь окно, слепит меня. Пару раз моргаю, тру глаза руками. Кровать перед моими глазами пуста. Я уснула, прислонившись головой к изголовью, и ничего не заметила.

Вскакиваю на ноги; резкая боль в основании шеи заставляет меня поморщиться. *Вот что бывает, когда засыпаешь как попало.* Массирую затекшие мышцы, оглядываясь по сторонам. *Куда он делся? Он не мог уйти далеко в таком состоянии…*

Сомнение пронзает мозг вспышкой: а если он вернулся во дворец? Бросаюсь к двери, но не успеваю коснуться ручки — она распахивается сама.

— Артур? — шепчу я.

На пороге стоит Рантал с подносом в руках: там омлет, пара булочек и два стакана сока. На его лице расплывается широкая улыбка. — Он вышел не так давно, сказал, что у него срочное дело.

Сердце колотится в груди. — Что? Но как же лихорадка? Он не может вернуться во дворец… он же…

Рантал ставит завтрак на столик и беспомощно пожимает плечами. Паника берет верх. Я вылетаю на крыльцо, жмурясь от яркого света.

Вглядываюсь вдаль, ища глазами черный автомобиль с тонированными стеклами, но из-за рыночной суеты невозможно понять, уехал он или нет. Перед глазами лишь толчея прохожих с пакетами, дети, играющие в прятки, и пожилые пары на скамейках.

Ни следа Артура.

Закусываю губу. — Нужно было не спать, — бормочу я. Провожу рукой по волосам и вздыхаю. Остается только просить Рантала связаться с Дамой и вернуть меня во дворец. Боюсь представить, какие еще зверства припасли для наследников престола.

И когда я в последний раз оборачиваюсь к дороге, я замечаю парня, подозрительно похожего на Артура. Щурюсь, прикрываю ладонью глаза от солнца. Он идет ко мне медленным шагом. Когда я наконец его узнаю, сердце пропускает удар.

— Да где ты был?! — кричу я.

Артур подходит ближе. Он всё еще очень бледен, но выглядит куда лучше, чем вчера вечером. За спиной он что-то прячет.

— Тебе нужно отдыхать! — сердито отчитываю его я. — Ты не можешь…

Остановившись в паре шагов от меня, он достает коричневого плюшевого медведя. Я удивленно приоткрываю рот, когда он протягивает его мне.

Он откашливается. — Чтобы и в этом мире у тебя был такой, Лавиния.

На его лице — сияющая улыбка, свет, способный развеять насилие битвы или предсмертные хрипы мужчин. Чистая и искренняя улыбка, как у беззаботного ребенка, не знающего боли.

И пока это тепло заливает моё сердце, я улыбаюсь ему в ответ.

Артур.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 24

Лавиния

Прикрываю дверь, стараясь шуметь как можно меньше. Не хочу, чтобы Артур проснулся. Он отключился, едва его голова коснулась подушки, и хотя он утверждает, что в порядке, вид у него измученный и совершенно обессиленный.

Ставлю поднос с завтраком на стол. Рантал жестом приглашает меня присесть рядом.

— Умчалась отсюда как стрела. Похоже, этот мальчишка и правда тебе небезразличен.

На моих губах сама собой появляется улыбка.

— Он пошел покупать мне плюшевого медведя в таком состоянии. Ну как я могу остаться равнодушной к его заботе? — шепчу я.

Я спрашиваю об этом скорее себя, чем Рантала. Чем сильнее я пытаюсь сорваться с его орбиты, тем глубже меня затягивает эта неконтролируемая пучина его поступков. Одно время я подумывала сбежать — тогда, когда ко мне почти не проявляли внимания, но потом… потом всё изменилось.

Рантал протягивает мне чашку кофе и сахарницу.

— Почему ты боишься привязаться к нему?

— Я не принадлежу к его миру, — признаюсь я с предельной искренностью. Произнести это вслух — всё равно что получить ушат ледяной воды на голову. Делаю глоток кофе и от спешки обжигаю кончик языка. Вздрагиваю, беру салфетку и промакиваю уголки губ.

— Видишь ли, милая барышня, чувства не признают правил. Это сила, которую никто из нас не способен подчинить. Думаешь, любви есть дело до социальных кругов, к которым вы принадлежите? — Он качает головой. — Любовь просто хочет, чтобы её проявляли, ценили и проживали.

Согреваю чашку в пальцах; сковывавший меня лед тает, пока слова Рантала проникают в душу и плавно, словно масло, скользят между мыслями.

— Мы действительно слишком… — делаю короткую паузу, поднимая на него взгляд, — …разные.

Даже когда я пытаюсь рассуждать здраво, сердце предает меня, зажигая в глазах искру каждый раз, когда я слышу его имя.

Рантал снова укоризненно качает головой.

— Что-то ты не договариваешь, милая барышня. Тебя удерживает что-то большее… Интересно, что же это.

Прихлебываю кофе, но на этот раз сначала дую на его поверхность. Избегаю его взгляда — боюсь того, что он может в нем прочесть. Сейчас меня слишком легко разгадать: мои слабости настолько обнажены, что я боюсь потерять над ними контроль.

— Хочешь, сегодня займемся отделом лечебных трав?

Внезапный вопрос заставляет меня облегченно выдохнуть. Успокоившись, киваю. Рантал обладает удивительным даром чувствовать мои границы и не давить. Он никогда не пытается их переступить: он замечает их, изучает и уважает.

И благодаря этому я чувствую себя понятой и защищенной. Он поднимается, берет поднос и ковыляет в сторону кухни — со своей беззубой улыбкой, морщинками у глаз и прихрамывающей походкой.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Расставляю последнюю банку с травами на подоконнике, выходящем на входную дверь. Рантал исчез, дав мне несколько указаний — думаю, принимает какого-то клиента. Закончив работу, направляюсь в гостиную. То, что предстает моему взору, лишает меня дара речи.

— Слушай, юный синьор, я-то знаю, что ты сжульничал. Ты что, думал, сможешь вот так просто меня обыграть?

Артур лишь пожимает плечами.

— Я же говорил тебе, что я профи. Готов проиграть все свои деньги?

Рантал почесывает подбородок перед старой, потрепанной шахматной доской. Он двигает пешку вправо, и улыбка Артура становится еще шире.

— Ну же, парень. Или ты только болтать горазд? — Рантал скрещивает руки на груди, довольный своей стратегией.

Бросаю взгляд на кассу: покупатели терпеливо ждут в очереди. Запускаю руку в волосы и вздыхаю. Не могу в это поверить. Быстро прохожу за прилавок и с приветливой улыбкой начинаю принимать оплату и выдавать сдачу. Отмечаю каждую покупку, раскладываю товары по маленьким пакетам и благодарю каждого, желая хорошего дня.

Рантал серьезно играет в шахматы, когда магазин полон людей? Кошусь в их сторону: вокруг столика уже собралась группка пожилых мужчин, которые замерли, наблюдая за партией, словно это поединок чемпионов.

Я никогда не видела Рантала настолько увлеченным. Даже когда он готовит свои любимые натуральные снадобья, в нем нет такой концентрации. Артур подначивает его, выводит из себя, отвлекает замечаниями, вынуждая действовать импульсивно.

— Только не говори мне, что собираешься ходить слоном?

— Помолчи, малец, — ворчит Рантал. Его рука тянется к коню.

— Конём? Банально до невозможности, — бормочет Артур.

Щеки Рантала багровеют, он замирает и погружается в долгие раздумья. Между тем постоянные клиенты поддерживают его советами и подсказками. Кажется, все ополчились против Артура, и это выглядит довольно комично.

Я бы и сама присоединилась, если бы не тот факт, что мне приходится в одиночку управлять магазином, пока они режутся в шахматы. Поразительно, как они отдались этой партии, будто на кону стоят их честь и само существование.

— Спасибо, до свидания, — улыбаюсь я последнему посетителю. Очередь наконец иссякла, так что я могу на время отойти от кассы и подойти к ним. К моему удивлению, толпа вокруг стола удвоилась, и люди уже вовсю болеют за игроков.

Артур улыбается с такой непринужденной легкостью, что все шрамы и порезы на его коже отходят на второй план. Он лучится светом, о котором сам даже не подозревает, и это делает его еще более особенным. Понимаю, что они подошли к кульминации: один решающий ход — и кто-то из них выиграет этот долгий и ожесточенный поединок.

Приближаюсь и застываю. Рантал пару раз потирает ладони, а затем объявляет мат. Он вскакивает на ноги, ликует вместе со своими приятелями и разражается длинным монологом об опыте и мудрости стариков.

Артур вскидывает руки в знак поражения.

— Должен признать, это было захватывающе.

Мне хватает секунды, чтобы понять: он подыграл ему и уступил победу намеренно.

Подхожу ближе, кладу руку ему на плечо.

— Артур, нам нужно сменить повязки.

Он кивает, поднимается и следует за мной в комнату. Идет медленным шагом — он всё еще очень слаб, хоть и пытается показать, что находится в идеальной форме. По словам Рантала, это уже чудо, что он так быстро идет на поправку. Словно его тело обладает куда большей способностью к регенерации, чем у обычных людей.

На кровати, возле подушки, лежит подаренный им медвежонок. Беру его в руки, и у меня вырывается слабая улыбка, которую Артур тут же перехватывает.

— Мне ты никогда так не улыбаешься. Я начинаю думать, что мне стоит вызвать его на дуэль.

Качаю головой, поворачиваюсь к нему и вижу, как он снимает футболку. Делает это совершенно буднично, и его мышцы перекатываются под моим взглядом. Приоткрываю рот, не в силах вымолвить ни одной связной фразы. Слова просто застревают в горле.

Пару раз прочищаю горло.

— Ты ведь не можешь всерьез ревновать к игрушке, — шепчу я.

Он поднимает на меня взгляд, бросает футболку на тумбу и подходит ближе. Я упорно смотрю ему прямо в глаза — хочу избежать участи глупо застыть перед его точеным прессом и покраснеть, как малолетка под властью гормонов.

Но глаза Артура — хуже любого искушения. Они отражают свет, проникают в самые потаенные узлы твоих мыслей и становятся их неотъемлемой частью. Мне хочется сойти с его траектории, но сзади меня кровать, отрезающая любые пути к отступлению. Его взгляд пожирает и подчиняет с такой легкостью, что я чувствую себя абсолютно обнаженной и беззащитной.

Он делает шаг, затем еще один, и я пячусь, пока не опускаюсь на мягкий матрас. Артур наклоняется надо мной, упирается руками по обе стороны от моего тела и позволяет своему дыханию нежно ласкать мою кожу.

Он облизывает губы, и я задерживаю дыхание.

— Я способен ревновать ко всему, что связано с тобой, Лавиния.

Сжимаю простыню в пальцах; его глаза диктуют сумасшедший ритм моему сердцу. Клянусь, в этот момент в моем животе мечется целый зоопарк.

Он отстраняется, подходит к рабочему столу, где разложены перевязочные средства, и садится на подоконник рядом. Выдыхаю весь зажатый в легких воздух, пока он невинно подмигивает — словно только что не выбил у меня почву из-под ног одной-единственной фразой.

Встаю, подхожу к столу и беру всё необходимое, чтобы продезинфицировать раны. Повернувшись, замечаю, что Артур сверлит меня тем самым блеском, какой появляется у него, когда ему нравится загонять меня в тупик. Он прекрасно осознает свое магнетическое обаяние и с удовольствием им играет. Он отворачивает голову к стене напротив, и я тихонько выдыхаю с облегчением. Если он не будет на меня смотреть, я справлюсь быстрее.

Снимаю первую марлю с руки — рана затягивается хорошо, на месте недавнего пореза уже формируется тонкий рубец. Судя по всему, целебные травы и успокаивающие смеси Рантала действительно творят чудеса.

Смачиваю чистую марлю антисептиком и приступаю к обработке.

— Ты всегда так делал? — шепчу я.

— Лишал тебя дара речи? — Он вздрагивает, когда я прижимаю поврежденное место. — Мне что, мысли твои читать? Всегда делал что?

Покрываю рану чистой салфеткой, обматываю руку бинтом и ловлю себя на том, что разглядываю рельефно проступившую сетку вен.

— Всегда защищал Эдоардо и Анну ценой собственной жизни? — Закрепляю первую повязку.

Он жмет плечами.

— А ты не сделала бы то же самое, будь у тебя брат?

— Наверное, — признаю я. — Повернись, мне нужно осмотреть спину.

Он спускается с подоконника и крайне медленно поворачивается; провожу пальцами по его коже, и мне кажется, будто я касаюсь шелка. Следы прошлых сражений отчетливо бросаются в глаза. Проверяю, спадают ли отеки. Синева уже бледнеет; выдавливаю мазь на подушечки пальцев и распределяю её по синякам.

— Тебе больно? — спрашиваю я.

Замечаю, как его мышцы расслабляются; чем больше я очерчиваю их контуры, тем податливее становятся его плечи, а напряжение уходит.

— Нет, — его хриплый тон щекочет мои чувства.

Я обрабатываю каждый ушиб легкими круговыми движениями. Меняю пластыри на глубоких порезах. Его внезапное молчание заставляет меня насторожиться.

— Артур?

Он поворачивает голову, наши глаза сцепляются, и я не могу не заметить, с каким выражением он смотрит на меня. Словно готов в любой момент поглотить меня, опустошить и повторять этот цикл до бесконечности.

Я прочищаю горло.

— Остались только синяки на животе, если ты хочешь…

Он разворачивается, упирается руками и снова садится на подоконник, притягивая меня к себе. Только сейчас я понимаю, что сама загнала себя в глупое и двусмысленное положение. Оказавшись в ловушке прямо перед ним, я с трудом сглатываю, пока мой взгляд блуждает по его безупречному телу, по широко расставленным ногам, по коже с отчетливо проступившими венами чуть выше края джинсов. Сжав пальцами край подоконника, он смотрит на меня и ждет.

Делаю вдох, набираю на пальцы мазь и осторожно распределяю её по его торсу, хранящему следы былых ударов. Пытаюсь держать хотя бы видимость дистанции, но это дается с трудом: он смыкает ноги у меня за спиной, притягивая еще ближе.

Потеряв равновесие, я опираюсь свободной рукой о его бедро и задерживаю дыхание. Он приподнимает пальцами мой подбородок, и я сталкиваюсь лицом к лицу с тем, от чего пыталась сбежать. Медовые радужки, убаюкивающие каждую частичку моего существа своим гипнотическим соблазном.

— Если бы мы были не у Рантала… — шепчет он.

Его голос царапает воздух, пока он с вожделением разглядывает мои губы. У меня дрожат ноги, а дыхание становится прерывистым. Если я ничего не предприму, то действительно рискую рухнуть прямо здесь.

Отвожу взгляд и молча продолжаю втирать мазь в его пресс. Густой румянец на моих щеках служит более чем исчерпывающим ответом. Но Артур, к несчастью, не прекращает эту пытку: мало того что его ноги ласкают мои, вызывая лавину неконтролируемых мурашек, он еще и берет прядь моих волос, наматывая её на пальцы.

— Ты всегда ходишь с хвостом, — выдыхает он эти слова, и его ладонь скользит к моему затылку. Я не успеваю осознать, что он делает, как мои волосы уже рассыпаются по спине. — Мне нравится, когда они распущены.

Три слова.

Три слова — и я вспыхиваю, теряя остатки самообладания под этим чистым и одновременно порочным взглядом принца, который, кажется, не признает никаких границ.

Он обнимает меня за талию, его руки смыкаются на моей спине, прижимая меня к его обнаженной груди. Он улыбается — словно не он только что убивал меня с мучительной медлительностью.

— Почему ты всегда их собираешь? — спрашивает он серьезно, будто это дело государственной важности.

— Я не знаю… — едва ли не заикаюсь я. Прочищаю горло. — Так удобнее работать. Помнишь мои подработки? В баре, в ресторане?

Он кивает.

— А теперь, когда ты во дворце, придворные девушки обязаны собирать волосы, — заявляет он. Уголок его губ ползет вверх, и то, что он собирается сказать или сделать, не предвещает ничего хорошего. — Тем лучше.

Его пальцы ласкают мой затылок гипнотическими движениями, заставляя затаить дыхание. Он едва касается губами моей шеи, поднимается выше и щекочет мочку уха.

— Распускай их только при мне.

Он целует меня за ухом, оставляя дорожку, которая спускается ниже, клеймя каждый сантиметр моей кожи. От этой дрожи я лишь крепче вцепляюсь в его ноги; я сгораю и тону в океане неконтролируемых эмоций.

— Только для меня, — настаивает он, и это звучит как приказ, не подлежащий обжалованию. Он поворачивает мое лицо к своему, и жажда в его глазах вспыхивает так ярко, что меня это слепит. — Я пугаю тебя?

Внезапная уязвимость, прозвучавшая в этом вопросе, выбивает меня из колеи.

— Нет, Артур. — Мне не требуется и секунды на ответ.

Он впивается взглядом в мои губы.

— Ты напряжена, я чувствую.

Пару раз моргаю. Он думает, что я оцепенела от страха перед ним? Если бы он только знал, что дело в другом: он крадет мое дыхание, каждое его слово и каждый вздох дурманят меня.

Сейчас он смотрит на меня с промелькнувшей в глазах тревогой… я узнаю её, как бы он ни пытался её скрыть.

Я переставляю тюбик с мазью на полку рядом, поднимаю руку и позволяю своим пальцам очертить контуры его лица. Задерживаюсь на полных и мягких губах, касаюсь их подушечкой указательного пальца и наблюдаю, как он теряет голову из-за меня.

Интересно, оказываю ли я на него такое же разрушительное действие, какое он оказывает на меня?

Приближаю лицо, прогоняя страх из его глаз коротким, невесомым поцелуем. Он не двигается ни на миллиметр, лишь вздрагивает ресницами и смотрит на меня с таким изумлением, какого я в нем никогда не видела. Затем он улыбается, и на его щеке появляется маленькая ямочка, от которой я не могу отвести взгляд.

— Еще, — выдыхает он.

В замешательстве вскидываю бровь, но делаю то, о чем он просит. Прижимаюсь своими губами к его, чувствуя, как его вздох растворяется на моей коже. Отстраняюсь, вся дрожа, и снова всматриваюсь в него.

— Еще, — его тон становится хриплым и глубоким, словно ему не хватает воздуха.

Желание внутри меня разрастается до опасных масштабов, и этот пьянящий взгляд Артура ничуть не помогает. Мы отравляем друг друга, каплей за каплей.

Касаюсь его губ — медленно, с нежностью. Он сжимает край моей футболки, крепко удерживая меня у своей груди. Когда я полностью отдаюсь поцелую, Артур уже не дает мне ускользнуть: из медленного и невинного он мгновенно превращается в страстный, лихорадочный, полный прерывистых вздохов и бьющей током дрожи.

Одной рукой я сжимаю его бедро, пальцы другой переплетены с его пальцами. Я чувствую, что готова рухнуть в любой момент, и он, словно угадав это, опускает ноги на пол и принимает весь мой вес на себя. В редких паузах я вижу в его глазах яростный огонь, который ни один из нас не хочет тушить.

Он переводит дыхание, и я делаю то же самое. Его грудь ходит ходуном, губы припухли и раскраснелись. Не успеваю я прийти в себя, как он прижимает меня спиной к рабочему столу, блокируя моё тело своим. Его руки смыкаются за моей спиной, и эти голодные глаза снова отражаются в моих.

— Еще, — шепчет он. Мольба, безумное и ненасытное желание — что бы это ни было, ни один из нас не останавливается, чтобы подумать. Он целует мой рот, шею, щеки, спускается к самой ключице. Каждая клетка моего существа горит от этой отчаянной потребности в его прикосновениях.

Вздыхаю. Мне хочется попросить его остановиться, но одновременно с этим — умолять продолжать вечно. Хочется сказать, что моя грудь сейчас разорвется от эмоций, которые он во мне пробуждает. Хочется попросить, чтобы он прикасался ко мне сильнее, но в то же время бережнее, потому что я боюсь оказаться слишком хрупкой. Хочется признаться, что я не знаю, как совладать с собой, но, честно говоря, я не уверена, что хочу возвращать этот самоконтроль.

Он поднимает взгляд, его лицо в сантиметре от моего, и он выдыхает дурманящие слова:

— Я мог бы травиться тобой целую вечность, Лавиния.

Прикусываю изнутри щеку, подавляя порыв коснуться его еще откровеннее, пока по коже пробегают покалывающие разряды. Его голос совсем охрип, мой же, кажется, исчез окончательно. Прячу лицо в изгибе его шеи; аромат мускуса пьянит меня, рождая внутри глухое желание никогда не отпускать его от себя.

Закрываю глаза, вдыхаю и шепчу единственные мысли, которые способна сформулировать:

— Я тоже, Артур.

Его объятия способны пробудить чувства, о существовании которых я даже не догадывалась. Он поднимает меня на руки, я обхватываю ногами его бедра, пока он гладит мои распущенные волосы.

Я понимаю, что мы оказались на кровати, только когда чувствую спиной мягкий матрас. Артур ложится рядом, притягивает меня к себе: моя спина прижата к его животу, а его дыхание щекочет мне шею. Я больше не управляю своими реакциями. Мы так близко, что я слышу его ровный, размеренный стук сердца — спокойный, гипнотический звук. В отличие от него, моё сердце колотится с бешеной скоростью.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Он убирает прядь волос с моей щеки и заправляет её за ухо. Касается скулы, осторожно поглаживая её, но я буквально чувствую, как летят искры.

— Мы не можем просто остаться здесь и никуда не идти? — шепчу я. Едва слышный лепет, отчаянная просьба, сорвавшаяся вопреки моей воле. Следует минута тишины, за которую я успеваю осознать, какую глупость спорола. Смущенно закрываю глаза. Щеки заливает краской. Единственный плюс — в таком положении он не видит моего лица.

— Мне бы хотелось, — признает он.

— Но?

Позволяю его тихому, неторопливому голосу коснуться мочки моего уха.

— Эдоардо.

В глубине души я и так знала, что он произнесет это имя. Эдоардо — вот причина, по которой он лжет, по которой убивает и уничтожает самого себя. Воспоминание о том, как он сжал меня в объятиях и увлек за собой в воду, живо стоит перед глазами. Артур ни за что не повернется спиной к брату: нить, которая их связывает, сильнее любой морали и любых правил.

— Такое чувство, будто ты должен защищать его от целого мира.

— Так и есть, — вздыхает он. — Хочешь, я расскажу тебе одну историю?

Киваю. Он ласкает мою щеку, и я позволяю его пальцам убаюкать меня, с любопытством прислушиваясь к его словам.

— Мне было четырнадцать, Эдоардо — семь… если я правильно помню. Король организовал серию состязаний, чтобы проверить наш уровень в сравнении с детьми из других знатных семей. Первыми шли теоретические экзамены: от географии и астрономии до алгебры и иностранных языков. Затем оценивали творческие способности: в этом Эдоардо всегда блистал, превзойти или победить его было невозможно. И наконец, нас подвергли испытаниям на скорость, силу и выносливость.

Моргаю.

— И вы, будучи детьми, должны были преуспевать во всем этом?

У него вырывается короткий смешок, от которого моя грудь едва не взрывается.

— Мои результаты были посредственными, я не стремился блистать… вообще не старался, потому что не видел причин. Эдоардо же целыми днями тренировался и учился, но вечно оказывался вторым. Его усилия не соответствовали королевскому рангу. Первое место неизменно занимал сын посла из Королевства Европа. В день оглашения результатов Король вызвал нас с Эдоардо в свой кабинет, приказал страже выйти, и мы остались одни.

Он делает короткую паузу, его пальцы всё еще перебирают мои волосы.

— Он посмотрел на меня и спросил, почему я ни капли не старался. Я пожал плечами и ответил, что мне не интересны эти предметы. Он спросил, почему я не учил партию на пианино, я ответил, что не люблю музыку. Тогда он спросил, почему я не сражался в рукопашном бою, и я сказал, что не хочу тратить силы впустую. Эти искренние ответы, продиктованные детской невинностью, и привели нас туда, где мы сейчас. Я помню всё до мельчайших деталей: Король поднял руку, схватил Эдоардо за предплечье и уволок его в другую комнату.

Голос Артура надламывается. Я замираю, боясь пошевелиться: страх, что любое мое движение напугает его и уничтожит этот хрупкий просвет доверия, сковывает тело.

— Я попытался пойти за ними, но он запер дверь на ключ. Единственное, что я слышал, — это крики, мольбы и плач моего брата. Что-то внутри меня тогда сломалось. Потом Король открыл дверь, и я увидел Эдоардо: его руки были вытянуты вперед, а на коже горели багровые полосы. На них было больно даже смотреть. Слезы искажали его лицо, его колотило от ужаса. *«Твои поступки, Артур, всегда будут отражаться на Эдоардо»*. Так сказал нам отец, прежде чем уйти и велеть лекарю перебинтовать раны моего брата, будто это был сущий пустяк. В ту ночь я не сомкнул глаз, а Эдоардо не мог смотреть мне в лицо. Я подставил его своей легкомысленностью: он, тот, кто выкладывался с самого начала, был наказан вместо меня. Я чувствовал себя таким виноватым.

Меня передергивает. Поворачиваюсь к нему; его нос касается моего, а медовые радужки затуманены болью, выжегшей в них любой намек на свет.

— С того дня я начал истязать себя тренировками. Я побил все мыслимые рекорды и лимиты. Победить всех стало моей миссией, я грызся зубами и когтями, добиваясь абсолютного совершенства во всём. Никто больше не мог со мной конкурировать. Я получал награды, завоевывал титулы и стал любимым сыном.

Он стал тем, о ком Король всегда мечтал. Наследником, идеальным в любой сфере и при любых обстоятельствах. Образованным, смертоносным в бою и расчетливым в решениях. Тем, кто может беззвучно дергать за ниточки за кулисами, вдали от зрелищ, которые Король устраивает для толпы.

И всё же… я помню, что Король продолжает жестоко избивать Эдоардо. Я сама видела, как он давал волю безумной ярости, не испытывая ни малейшего раскаяния. Осколки тайного пазла наконец складываются воедино, и только сейчас я постигаю всю чудовищность Короля. Он ненавидит младшего сына за то, что тот не соответствует его стандартам, и калечит его лишь ради того, чтобы Артур отдавал всего себя без остатка ради Королевства.

— Я буду идеальным преемником, а он взамен поклялся мне больше никогда его не трогать.

От слов Артура у меня перехватывает дыхание. Он не знает, что…

— Я дал слово Эдоардо: я буду его щитом и его мечом.

…что Король нарушил свое обещание.

Из окна машины я наблюдаю за мелькающими зданиями. В руках я сжимаю плюшевого медведя, пока в моей голове тысячи мыслей ведут непрекращающуюся войну.

Артур сидит рядом, он спит, положив голову мне на плечо. Он настоял на возвращении во дворец, не желая оставлять свое место пустующим слишком долго, пока Жрецы рыщут поблизости. Он вызвал личного водителя, мы попрощались с дядей Раном, и теперь мы на обратном пути.

Вздыхаю. Почему никто и никогда не сказал Артуру, что Король до сих пор бьет Эдоардо? Сердце разрывается от понимания, что он искренне верит, будто защитил брата своей жертвой, хотя это не так. Это никогда не было так, ему просто позволили в это поверить, а Эдоардо в это время молчит и прячет синяки. Я больше не уверена, что правильно хранить этот секрет.

«Он никогда не останавливался. В присутствии Артура он сдерживается — любимый сын способен унять его тревогу и обуздать ярость».

Что-то касается моей ладони. Опускаю взгляд — пальцы Артура легонько перебирают мои.

— Что тебя тревожит? — шепчет он.

Моргаю, с трудом сглатывая слюну.

— Ничего.

Я не вижу его лица, но уверена, что он улыбается.

— Не лги мне. Ты затихла еще там, тебя что-то беспокоит?

Меня беспокоит то, что ты не знаешь правды, что все вокруг скрывают её от тебя. Меня беспокоит то, что я хочу сказать тебе, но не знаю как. Приоткрываю рот — возможно, мне стоит просто признаться во всем, что я видела, и извиниться за то, что не рассказала раньше.

Возможно… стоит поступить именно так.

«Артур ничего не должен знать. Мы поняли друг друга?»

Угроза Эдоардо, тот ледяной тон, которым он приказал мне даже не думать раскрывать рот перед Артуром, намертво врезались в мою память.

— Жрецы, — выдыхаю я едва слышным шепотом.

Он сжимает мою руку.

— О Жрецах я позабочусь сам.

Киваю, и в машине снова воцаряется абсолютная тишина.

Пока я терзаю себя бесконечными мыслями, машина незаметно подъезжает к главным воротам дворца. Мы выходим, и наше появление застает гвардейцев врасплох. Они не ожидали, что Артур вернется так быстро; они мгновенно вытягиваются по струнке, отдавая честь, и сопровождают его внутрь.

Я держусь на несколько шагов позади, чтобы не плодить лишние слухи и не быть заколотой Жрецами за нарушение законов. Прежде чем переступить порог, Артур поворачивает голову в мою сторону и улыбается. Отвечаю тем же, маскируя гложущую тревогу. Он разворачивается и уходит в окружении гвардейцев, которые на ходу докладывают ему последние новости.

Улыбка умирает на моих губах. Я не могу продолжать в том же духе и скрывать от него эту правду. Особенно теперь, когда я знаю об их уговоре. Я должна поговорить с Эдоардо.

Быстрым шагом иду по коридорам. Ищу его в каждом зале на первом этаже, даже в медицинском кабинете, но его нигде нет.

— Лавиния, ты вернулась! Дама сказала, что ты помогала Ранталу с перевязками, я и не знала, что тебе это интересно, — окликает меня Джесс. В руках она держит огромный поднос, который, судя по всему, несет обратно на кухню.

Иду за ней.

— Скажем так, Рантал умеет увлечь делом. Скажи, ты не знаешь, где я могу найти принца Эдоардо?

Она останавливается, задумчиво хмурясь.

— В подземельях, думаю, он всё еще в лазарете. А что такое?

Благодарю её и бегу к лестнице. Я стараюсь не попасться на глаза Даме — если она меня увидит, то наверняка сразу завалит работой и не даст поговорить с Эдоардо. Спускаюсь по ступеням, сворачиваю налево и иду по мрачному коридору. Холод щекочет кожу, я ускоряю шаг и останавливаюсь перед дверью лазарета.

Хватаюсь за ручку и толкаю дверь. Внутри ни души: ряды пустых больничных кушеток, перевязочные тележки и резкий запах антисептика в воздухе. Но в самом конце зала я замечаю место, отгороженное ширмой.

Приближаюсь, резко дергаю занавеску и нахожу его. Он раздраженно открывает глаза, одаривая меня недовольным взглядом.

— Я тебя нашла, — облегченно выдыхаю я.

Он садится на край постели.

— Что ж, поздравляю. Можешь забрать свой приз на кассе.

Колкая ирония на этот раз меня не задевает. Хмурюсь. Его скула распухла, под глазом темнеет багрово-фиолетовый синяк, а в правую ноздрю вставлен небольшой гемостатический тампон.

— Но… что…

— Я только что прошел через смертельные бои. Прости, если выгляжу не так неотразимо, как обычно, я это исправлю. — Он поднимается, собираясь уйти.

Хватаю его за руку, и у него вырывается гримаса боли, заставляющая меня нахмуриться еще сильнее.

— Эдоардо, этих следов не было в конце последнего цикла Арены. И даже если бы они были оттуда, они должны затягиваться, а не выглядеть свежими.

Выражение его лица подтверждает мои худшие опасения. Дрожь пробирает до костей, я испуганно округляю глаза.

— Нет… — слетает с моих губ.

Он сверлит взглядом мои пальцы на своем предплечье.

— Отпусти меня, — приказывает он ледяным тоном.

— Ты должен рассказать Артуру.

Он смеется, словно я рассказала анекдот.

— Ты шутишь, я надеюсь. Ты ему что-то вякнула? — Он надвигается на меня с видом человека, способного переломить меня надвое.

Качаю головой.

— Если не расскажешь ты, это сделаю я. Это несправедливо по отношению к нему, но прежде всего — по отношению к тебе.

— Займись своими делами. Если я узнаю, что Артур что-то знает…

Вздыхаю.

— Ты хочешь скрывать это от него всю жизнь? Я не намерена больше нести этот гребаный груз вины и стоять в стороне, пока тебя превращают в сплошной синяк.

Радужки Эдоардо темнеют еще сильнее, затягивая меня в колодец, переполненный яростью.

— Если я сам молчу, не вижу причин, почему ты не можешь делать то же самое. Если весь двор игнорирует это годами, значит, это не так уж и трудно. — Лицо его искажает ухмылка. — Что ты там говорила? Не намерена больше терпеть чувство вины? Расслабься, просто смотри в другую сторону. Думаешь, не справишься, Лавиния?

Он делает шаг вперед, и я на автопилоте пячусь назад.

— Я терплю это годами, и у меня есть причины так поступать. Ты думаешь, рассказать моему брату — это акт мужества? — Он качает головой. — Ты понятия не имеешь, что тогда произойдет. Ты даже представить себе этого не можешь.

Он с яростью разворачивается и дергает ширму, но мгновенно застывает на месте.

За его спиной я встречаюсь взглядом с Анной, но не она пугает меня.

Позади неё, замерев с абсолютной пустотой в глазах, стоит Артур. Он смотрит на Эдоардо с такой страшной интенсивностью, словно видит его впервые в жизни.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Никто из нас не смеет сделать и вдоха.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 25

Лавиния

Вспыхнувший хаос делает Артура неузнаваемым — волна ярости и удушающей обиды обрушивается на человека, который предал его и посмел нарушить свое слово. Артур врывается в зал, где обедал Король, вышвыривает всех вон, а затем запирается изнутри, отрезая нам любой путь.

— Где остальные ключи? — исступленно орет Эдоардо.

Гвардеец пытается вставить те, что есть при нем, но ни один не подходит. Присутствующие переглядываются — в их глазах паника, замешательство и шок. Никто не понимает, что происходит, но оглушительных ударов, доносящихся из зала, достаточно, чтобы напугать каждого.

— Он заблокировал дверь изнутри, принц Эдоардо. Войти невозможно, только выламывать.

От резкого грохота я вздрагиваю; поднимаю взгляд и приоткрываю рот, видя, как Эдоардо с безумной жестокостью начинает бить по двери ногами.

К нам подбегает Анна — бледная, задыхающаяся, её физическое состояние всё еще шаткое, а порезы на лице заклеены бесчисленными пластырями.

— Блядь, я хотела приструнить его, а не заставить взорваться к чертям!

Эдоардо резко поворачивает к ней голову и ледяным тоном задает один-единственный вопрос:

— Это была ты?

Напряжение становится осязаемым.

— А что? Ты ждал, что я буду молчать? Черта с два, я никогда не лгу Артуру. Знай я об этом раньше, давно бы его предупредила.

Это она раскрыла секрет Эдоардо и привела Артура в ярость. *Что подумал Артур? Посчитал ли он, что я тоже его предала?* Чувство вины разрастается так сильно, что крадет мой воздух; впиваюсь ногтями в ладони, пока в голове ведут войну тысячи мыслей.

Эдоардо набрасывается на неё:

— Ты не имела на это никакого права, Анна! — гремит он. Я никогда не видела его в таком исступлении: лоб нахмурен, лицо багровое, а вены на шее вздулись и бешено пульсируют.

— Почему ты ничего нам не говорил? Я думала, дядя перестал это делать… Боже, Эдоардо, — она качает головой, и в её голосе звучит глубокая скорбь. — Чего ты ждал? Пока он тебя прикончит? Этого ты хочешь?

Прежде чем он успевает ответить, воздух прорезает звук, от которого у меня кровь стынет в жилах. Выстрел. Сердце колотится где-то в горле, и ощущение полного бессилия безжалостно пожирает меня.

Дергаю ручку — бесполезно. Вздыхаю.

— Поругаетесь позже. Как нам открыть эту чертову дверь?

Эдоардо жестом велит мне уйти с дороги. Отчаяние заставляет его использовать собственное тело как таран. Он отходит, разбегается и всем весом обрушивается на дверь — с такой силой, что я физически чувствую, как трещат его кости.

Должен же быть другой путь. Безумная мысль вспыхивает в сознании, и я без колебаний бросаюсь её исполнять. Ноги двигаются сами собой, я несусь вниз по лестнице, ладонь скользит по перилам, а впереди лишь одна цель — окно, выходящее в

сад. Вылетаю на улицу, задираю голову и судорожно пробегаю глазами по бесконечным рядам окон на фасаде дворца, пока не нахожу нужное. С силой тащу за собой садовника, который понятия не имеет, какой кошмар разворачивается за стенами замка.

— Мне нужна самая длинная лестница, какая у вас есть. Живее! — моё дыхание сорвано, в голосе паника, глаза расширены от ужаса.

Должно быть, мой вид пугает его до смерти — он помогает мне без лишних слов. Распахивает подсобку и вытаскивает лестницу высотой почти в два метра. Помогает приставить её к стене, точно под окном. Пока он испуганно удерживает её внизу, я, не теряя ни секунды, карабкаюсь вверх.

— Синьорина, это опасно! Нужно сначала закрепить её, вы расшибетесь! — кричит он мне вслед.

«Не смотри вниз, только не смотри вниз».

Чем выше я поднимаюсь, тем тише становится его голос. Лестница слегка покачивается, я крепче вцепляюсь в следующую перекладину и зажмуриваюсь. Перевожу дух. *«Я смогу, я должна смочь».* Боюсь представить, насколько Артур сейчас ослеплен яростью, как сильно он чувствует себя преданным всеми вокруг. Его связь с Эдоардо настолько глубока, что он принесет в жертву кого угодно, лишь бы защитить брата.

Вскидываю голову, протягиваю руку и цепляюсь за подоконник. Из последних сил подтягиваюсь и закидываю ногу через раму. Оказавшись внутри, я наконец вижу трагедию, разыгрывающуюся в зале.

Артур прижимает дуло пистолета прямо к шее Короля Давида. Вокруг них — месиво из осколков стекла, перевернутые стулья, разбросанные бумаги, разбитые тарелки. Ударом ноги распахиваю створку и запрыгиваю в комнату. Они орут друг на друга, и никто из них не замечает моего появления.

— Ты во власти эмоций, Артур. Ты сам знаешь, что в таком состоянии принимаешь опрометчивые решения, — Король поднимает руки, его лоб покрыт потом, а глаза лихорадочно изучают сына, пытаясь нащупать хоть малейшую возможность достучаться до него. — Я никогда не нарушал данного слова.

— Заткнись, — от ледяной силы в голосе Артура у меня по коже пробегают мурашки.

Король судорожно сглатывает: — Послушай меня, умоляю. Ты исчез, мы не могли тебя найти… мы боялись, что с тобой случилось что-то страшное, а твой брат… он просто сидел и играл на пианино. Точь-в-точь как тогда, когда умерла ваша мать, помнишь? Женщины, которая произвела его на свет, не стало, но для Эдоардо это будто ничего не значило. Ты помнишь, или мне освежить твою память?

Молчание Артура пугает сильнее, чем его ярость. Он не выдает ни своих мыслей, ни намерений. На его лице застыла лишь одна человеческая эмоция — чистый гнев. Я пригибаюсь и на четвереньках, абсолютно бесшумно, ползу вперед — это единственный способ остаться незамеченной. Мне нужно открыть дверь, в одиночку мне его не остановить.

Артур крайне медленно наклоняет голову набок: — Это всё? Твои последние слова, отец?

Король моргает, дикий террор искажает его черты: — Ты не можешь убить меня, Артур! Тебе этого не простят, ты не выйдешь отсюда живым. Я твой правитель и твой отец, нравится тебе это или нет.

— Мне это очень не нравится, — отчеканивает он и бьет его по голове рукоятью пистолета.

Король рушится на пол, когда мне остаются считанные сантиметры до двери. Артур держит его на мушке, но не стреляет. Он просто замер над ним, словно страх в глазах отца способен насытить его голод. Вскакиваю на ноги, протягиваю руку к ключу и резко поворачиваю его в замке. Эдоардо буквально влетает внутрь, а за ним — орда гвардейцев, которые мгновенно выхватывают оружие.

Они берут Артура на прицел, окружая его со всех сторон. Король Давид приподнимает руку, приказывая не атаковать его. Анна застыла на месте, в ужасе глядя на происходящее, пока Эдоардо пытается вмешаться.

— Артур, умоляю. Если ты сделаешь это… я останусь совсем один.

Братская мольба, замешанная на общей крови и тайных узах. Хрупкость Эдоардо прорывается сквозь слезы, которые он не в силах сдержать. Гвардейцы блокируют его, не давая сделать ни шагу вперед.

— Принц Артур, у вас десять секунд, чтобы опустить оружие. В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь.

«Вынуждены открыть огонь?»

В зал влетает Придворная дама — по её лицу видно, что она бежала изо всех сил, чтобы успеть. Тяжело дыша, она бросает быстрый взгляд на Артура.

— Десять…

Эдоардо опускается на корточки, зажав уши руками и широко раскрыв рот. Словно прямо перед ним наяву разворачивается худший из его кошмаров. Так вот о чем он говорил, утверждал, что я даже представить себе не могу, что произойдет? Этого он боялся?

— Девять, восемь…

Анна пытается протиснуться вперед, чтобы закрыть Артура собой, сделать из себя щит, но гвардейцы жестко пресекают её попытку. Они никого не подпускают.

— Семь, шесть…

— Артур, немедленно опусти оружие. Не делай глупостей, — вмешивается Анджелина Йиферд, и её тон полон сурового упрека, смешанного с глухой тревогой.

— Пять…

Я слышу, как удары собственного сердца грохочут в ушах, отдаваясь оглушительным шумом. *«Они не могут по-настоящему убить его. Не могут»*. Когда я пытаюсь протиснуться ближе, гвардеец грубо толкает меня назад, отчего я теряю равновесие. Падаю, и острый осколок стекла рассекает мне руку, но я едва замечаю эту боль — ведь чем больше я смотрю по сторонам, тем сильнее ситуация катится в ад.

— Четыре…

Я оказываюсь рядом с Эдоардо в тот момент, когда его дыхание срывается на хриплый рант. Он хватается рукой за грудь, мучительно хмурится, в удушье бормоча бессвязные, неразборчивые слова. Он мертвой хваткой вцепляется в мою ладонь, словно я — его единственное спасение.

— Три…

— Эдоардо… дыши! — шепчу я и лихорадочно расстегиваю пуговицы на его камиче, но ему не становится лучше. Его лицо приобретает пугающий багрово-синий оттенок, а судорога боли сгибает его пополам. Оглядываюсь. Все сосредоточены исключительно на Артуре и Короле, никто не видит его приступа. Дама и Анна намертво заблокированы стражей.

— Два…

Остается последний, единственный выход.

— Артур! — кричу я со всей силой, что есть в моих легких.

Наступает мертвая тишина. Все оборачиваются, и в образовавшемся коридоре Артур перехватывает мой взгляд. В его глазах пусто — лишь бушующий вихрь древней ярости, с которой он сам не знает как совладать. Но стоит ему перевести внимание на то, что происходит рядом со мной, как его лицо мгновенно меняется, и пистолет с глухим стуком падает на пол. Он расталкивает гвардейцев и, не раздумывая ни секунды, бросается к Эдоардо.

— Я здесь, я здесь… Эдоардо. — Он ласкает его щеку, и мертвая хватка Эдоардо на моей руке постепенно слабеет. Артур удерживает брата, пока гвардейцы неотступно следуют за ним, продолжая держать принца на прицеле.

— Сир, ваши приказания? — спрашивает один из них, не сводя оружия с принца.

Король Давид уже поднялся на ноги и массирует разбитый висок, откуда струится тонкий ручеек крови.

— Отпустите их, и пусть никто не смеет заикаться о случившемся, — командует он.

Гвардейцы опускают оружие, выстраиваются вдоль стен и хором выкрикивают:

— Да, Сир!

Дама проводит ладонью по покрытому потом лбу и жестом велит Артуру и Эдоардо уходить. Анна следует прямо за ними, в то время как я остаюсь сидеть на полу, парализованная, с застрявшим в горле воздухом.

— Впустите королевского лекаря, — приказывает Дама, лихорадочно пытаясь исправить последствия катастрофы. Лицо Короля искажено шоком; он опускается в кресло, пока медик спешит к нему на помощь.

Опираюсь ладонями о пол — острые осколки стекла покалывают подушечки пальцев, — и с трудом поднимаюсь на ноги. Только сейчас Дама замечает меня. Она надвигается, как разъяренный зверь:

— Я отослала вас подальше, чтобы вы отдохнули, а не для того, чтобы ты возвращала его в таком состоянии, — цедит она сквозь стиснутые зубы.

Качаю головой. *Как мне ей объяснить?* Её взгляд горит упреком, который в это мгновение я просто не в силах вынести.

— Он не мог долго оставаться в неведении, рано или поздно это всё равно бы случилось, — признаюсь я, скорее себе, чем ей.

— Вон отсюда, Лавиния. Только не хватало, чтобы Король что-то заподозрил. И немедленно займись своей рукой. Не смей ходить тут раненой.

Киваю. Я даже не пытаюсь оправдаться и сказать, что не я открыла Артуру правду, потому что в глубине души знаю: рано или поздно я бы сама это сделала. И потому что часть вины за весь этот кошмар лежит на мне. Я боюсь взгляда златовласого юноши. Мне следовало рассказать ему обо всём еще в доме Рантала. Тогда я смогла бы справиться с его реакцией.

Почему я промолчала? Сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и выбегаю из зала.

Взбегаю по лестнице и останавливаюсь перед комнатой Эдоардо. Дверь открыта. *Они здесь?* Заглядываю внутрь: Эдоардо лежит на постели, кажется, ему ввели успокоительное. Рядом с ним сидит Артур, и моё сердце сжимается, начиная бешено

колотиться. Он смотрит на брата, и в его глазах застыла пугающая, зловещая пустота. От Анны нет и следа.

Пару раз стучу, но не получаю ответа.

— Артур, — зову я его. — Мне жаль, — признаюсь едва слышным шепотом.

Взгляд, который он бросает на меня, обрушивается как ушат ледяной воды. Полное безразличие, подернутое яростью и облеченное в глухую обиду. Впервые я чувствую себя рядом с ним чужой.

— Я… я правда хотела сказать тебе. Хотела, чтобы ты знал, но… Эдоардо просил меня молчать, и…

От его молчания меня пробирает дрожь; он просто сидит и смотрит на меня с леденящей отстраненностью. Пуля принесла бы меньше боли. Он поднимается на ноги, его пустой взгляд сканирует моё тело.

— Как давно ты знала?

В горле пересохло, я с трудом сглатываю, прежде чем ответить:

— С первых дней, как ты привез меня сюда, — признаюсь я. Лицо его темнеет еще больше. — Я видела, как Король истязает Эдоардо.

Он горько кивает:

— Я никогда не причинял тебе боли намеренно.

Паузы после каждой его фразы ложатся на грудь тяжестью, не давая вздохнуть. Хмурюсь. *К чему он клонит?*

— Я знаю.

— Хорошо, что ты это знаешь. — Он снова умолкает на миг. — Потому что ты — причинила. Ты ранила меня осознанно… и ты была последним человеком на земле, от которого я мог подобного ожидать.

Моргаю. Чувство вины разрывает меня на части, буквально кромсает грудную клетку. Сердце колотит как безумный барабан.

— Я… прости меня, Артур. Я бы сказала тебе, поверь. Я просто боялась твоей реакции, и потом… вначале я совсем не знала тебя. Я ничего не понимала, я просто злилась на тебя за то, что ты уволок меня в свое Королевство против моей воли. Я искала способ сбежать, я не думала о том, чтобы быть с тобой.

Уголки его губ ползут вверх в дьявольской ухмылке:

— Ты не хотела быть со мной, ты хотела сбежать от меня, — повторяет он.

— В первые дни, Артур! — подчеркиваю я.

— Что ж… — вздыхает он, и что-то в этих потухших глазах меня пугает до смерти. — У тебя нет ни единого шанса вернуться в свой мир, Лавиния. Ни сейчас, никогда-либо еще.

Земля уходит у меня из-под ног. Всё вокруг начинает вращаться в бешеном вихре.

— Больно? — он улыбается пугающей, темной улыбкой.

Это не Артур.

— Больно, правда ведь? — настаивает он.

— Ты лжешь, — лепечу я, голос дрожит, а глаза щиплет от подступающих слез.

Он качает головой:

— Я не похож на тебя. Я не лгу.

Подхожу к нему ближе:

— О чем ты говоришь? — повышаю я голос.

Он прикладывает указательный палец к губам, приказывая мне замолчать.

— О правде, Лавиния. — Серьезное выражение лица не оставляет места для сомнений. — Я привез тебя сюда, зная, что ты никогда не сможешь вернуться домой. Никогда.

И внутри меня словно кто-то выключает рубильник, вызывая непоправимое короткое замыкание. Это уничтожает меня. Чем дольше я смотрю на него, тем меньше узнаю. Безликая, холодная маска, которую он носит с пугающим мастерством. Во рту остается лишь горький вкус, а лицо заливают слезы.

— Я не вовремя? — звук голоса Анны доносится до меня как далекое эхо, и это последнее, в чем я сейчас нуждаюсь.

Артур никак не реагирует на мое отчаяние. Он поворачивается к Анне:

— Нет, она уже уходила.

Не дожидаясь, пока он добавит что-то еще, разворачиваюсь и бегу от него как можно дальше. Сбегаю по лестнице, даже не глядя перед собой, пару раз спотыкаюсь и врезаюсь в придворную девушку, которая испуганно на меня смотрит. Мне плевать на всё.

Мой мозг отключен, звуки вокруг затихают, пока не исчезают совсем, и единственное, что я слышу, — это навязчивый, оглушительный стук собственного сердца, бьющий по барабанным перепонкам.

Гвардейцы, охраняющие главные ворота, смотрят на меня с тревогой. Задыхаясь, я требую открыть, но они видят, в каком я состоянии.

— Всё в порядке? Может, вам стоит присесть на минуту?..

Опираюсь руками о колени и пытаюсь сделать вдох. Воздух бежит из легких; если я останусь в этих стенах еще хоть на пару минут, то просто задохнусь. Здесь абсолютно всё пахнет Артуром, и раньше это приносило мне радость. Теперь же, когда он меня ранил, эта память причиняет невыносимую боль. Она жжет меня изнутри, кромсает надвое и кровоточит без конца.

— Бежишь вот так, даже не попрощавшись? Смотри, не возвращайся на этот раз. — Анна пошла за мной. Поворачиваюсь к ней; она с ухмылкой разглядывает мои слезы. — Погодите открывать, — приказывает она страже.

Она подходит ближе, её взгляд змеёй скользит по моему лицу.

— Ты думала, что знаешь его? Ты вообще ничего о нем не знаешь. Он выбросит тебя при первой же возможности, особенно если на кону будет стоять человек, которого он любит больше всего на свете. Мы трое — я, Эдоардо и Артур — связаны одной судьбой. Тебе никогда не понять эту нить, и знаешь почему?

С силой дергаю ручку, не желая больше её слушать, но дверь заблокирована. Закрываю глаза, судорожно вдыхаю и выдыхаю.

— Потому что ты всегда была одна.

И что-то внутри меня с треском разлетается на тысячи осколков.

Я наблюдаю за тем, как речные волны с яростью бьются об аргоны. Ледяной ветер, бьющий в лицо, — единственное, что дает мне почувствовать себя живой. Пока я дрожу, как осенний лист, он ласкает мою кожу и путает пряди моих волос.

Я не могу вернуться назад.

Я думала, что у меня есть право выбора, или, по крайней мере, отчаянно на это надеялась. Вместо этого я сижу на берегу реки после того, как ныряла снова и снова, заходя до самого дна, но так ничего и не добилась. Осознание того, что выхода нет, заставляет почувствовать себя крысой в мышеловке. Собакой, которая без конца кусает собственный хвост.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Один взмах ресниц — и слезы снова омывают моё лицо.

Разочарование въедается глубоко внутрь, роет колодцы, в которых сеет свои кошмары, а затем присыпает их скорбью. Меня утешала мысль, что этот мир — не мой, что мой настоящий дом совсем в другом месте… но теперь я не знаю, как примириться с окружающей реальностью.

Не знаю, как оставаться на плаву в этой вселенной, сотканной из войн за власть, средневековых традиций и суеверий. Во вселенной, где я — никто.

— Что ты здесь делаешь?

Моргаю, продолжая неотрывно смотреть на реку. Придворная дама садится рядом со мной, терпеливо ожидая ответа. Я не удивлена, что она нашла меня — наверняка приказала тайно следовать за мной.

Мой голос сорван от плача:

— Меня не существует.

Вокруг лишь грохот бурлящей воды, свист ветра и темнеющее с каждой минутой небо.

— Меня здесь не существует, — шепчу я. У меня больше нет страха быть разоблаченной, потому что внутри горит лишь одно отчаянное желание — быть стертой. — Этот мир не мой. Я не придворная девушка, я приехала не из дальнего дистрикта. Я Лавиния Лайен, чей отец бесследно исчез много лет назад. Я девчонка, которая живет в маленьком, старом, разваливающемся деревянном доме, но никогда не осмеливается переехать. Я девчонка, которая проводила каждое Рождество и каждый день рождения в полном одиночестве, у которой никогда не было друзей… — Горький смех срывается с моих губ. — С чего бы вообще кому-то хотеть быть со мной рядом? Тот, кто приближается ко мне, рискует отравиться чернотой моих мыслей. Мое несчастье способно заразить любого.

Перевожу взгляд на Даму, её светлые глаза смотрят на меня не моргая.

— «Лавиния приносит несчастье, если ты будешь с ней дружить, с тобой случится что-то плохое», — так говорили мои одноклассники. Сначала это был шепот, который потом превратился в сплетни за спиной и злые пересуды. Все в это верили, никто ко мне не подходил. В какой-то момент… я и сама в это поверила. — Мой голос срывается от подступающих рыданий. — Я годами спрашивала себя, почему мама умерла, когда я родилась, почему отец сбежал из дома и не вернулся, почему меня изнасиловали и никто не защитил. Я не нашла ответов. Почему я всегда должна оставаться одна против всего мира? Почему мир так безжалостен ко мне? Я никогда не просила о жизни, не думаю, что когда-либо этого хотела. Я просто существую. — Пожимаю плечами и вздыхаю. — Каждый раз, когда я пыталась покончить с собой… что-то вмешивалось. Мне даже умереть спокойно нельзя? Абсурд. И когда я была уже близка к этому, вмешался Артур.

Уголок губ Дамы слегка приподнимается, словно это признание ничуть её не удивляет.

— Я помню тот день, помню ярость, которая выжигала мне грудь. Помню всё до мельчайших подробностей. Он не должен был меня спасать. — Смотрю на неё, и мои мысли текут свободно, я говорю с предельной искренностью. — Он не должен был этого делать, если вся его цель заключалась в том, чтобы притащить меня сюда и запереть в клетке. Он не имел права. — Вытираю щеку пальцами. — Я просто хотела, чтобы всё закончилось, — шепчу я.

Дама молчит несколько секунд, словно расшифровывает мои слова. Я не знаю, понимает ли она хоть что-то из того, что я говорю, или сочтет меня сумасшедшей и прикажет где-нибудь запереть.

Она размыкает губы:

— Лавиния. — Моё имя на её языке звучит почти по-матерински. — Ты думаешь, что я идеально вписываюсь в этот мир?

Киваю.

Её улыбка становится шире.

— Чтобы стать той, кого ты видишь сегодня, в прошлом я разбилась на тысячу мелких осколков. Сейчас ты смотришь на меня и думаешь, что мне уютно в этом Королевстве, но это совсем не так. Мне не по себе ни в одном из моих вздохов, просто я умею скрывать это лучше остальных.

Приоткрываю рот. *Как это возможно?*

— Я делаю вот так, посмотри на меня внимательно. — Она приподнимает уголки губ, разглаживает лоб и демонстрирует лицо, лишенное малейшего изъяна, лишенное грусти. — А теперь попробуй ты, ну же.

С глазами, полными слез, и в промокшей насквозь одежде, я оглядываюсь по сторонам в полном потрясении.

— Чего ты ждешь? — упрекает она меня.

Я натянуто улыбаюсь; она жестом велит мне сделать улыбку шире, и я подчиняюсь.

— А теперь слушай меня и не смей переставать улыбаться, пока я не закончу. Никто не выбирает — существовать ему или нет, поверь мне. Все просто тянут лямку, выкладываясь по полной. Знаешь почему? Потому что жизнь — это дорога, усыпанная лужами, которых не всегда удается избежать. Но ты не просто переходишь эту лужу, Лавиния, ты позволяешь ей превратиться в зыбучие пески и утянуть тебя на дно, пока сама провожаешь взглядом остальных и думаешь, как легко они выбираются. Но в глубине души ты ведь тоже знаешь, как перепрыгнуть их, как перебежать, просто ты этого не делаешь.

Моргаю, влажная слеза катится по моей щеке и срывается вниз, пока внутри меня отпирается то, что слишком долго было запечатано.

— Словно ты сама хочешь, чтобы боль поглотила тебя, словно ты хочешь, чтобы она обняла и спрятала тебя в себе.

Эти слова бьют с абсолютной точностью по тем ранам, которые я всегда скрывала от чужих глаз. Улыбка дрожит под её пристальным взглядом.

Она вздыхает:

— Дождливые дни напоминают нам о том, как прекрасны солнечные. Чем больше дождя прольется в твоей жизни, Лавиния, тем ярче в твоих глазах будут сиять минуты солнца. Запомни это.

Прижимаю ладонь к лицу, пряча слезы, которые хлынули безудержным потоком, словно её голос обладал силой пробуждать их.

— Артур растравил тебе раны, которые только-только начали затягиваться. Для тебя он сейчас как фантомная конечность: его больше нет рядом, и никто его не видит, но ты всё еще ощущаешь его присутствие, чувствуешь боль.

Киваю, не в силах вымолвить ни слова.

— Если тебя это утешит, он, скорее всего, уже пожалел о том… что бы он ни наговорил тебе. Просто его связь с Эдоардо сильнее всего, и так будет всегда, Лавиния.

Я вырастила их и уверена, что он бросится в огонь ради брата. Это первобытный, древний инстинкт, который трудно понять тем, кто устроен как мы. Но то, что мы разбиты и куда более одиноки, чем остальные, не означает, что мы не можем найти свое место здесь. — Она касается ладонью земли. — Мы живы, потому что есть еще что-то, что мы должны совершить. Что-то, в чем этот мир — волей-неволей, Лавиния, — нуждается. И это то, что можем дать только мы.

Её слова сшивают края рваной, глубокой раны с мастерством истинного художника. Она поднимается на ноги и протягивает мне руку. Черты её лица смягчаются.

— Пойдем домой, Лавиния?

Звук моего имени на её губах обретает ту нежность, которая никак не вяжется с привычным образом властной хозяйки дворца. Это заставляет меня почувствовать себя защищенной, напоминая о материнском тепле, которого у меня никогда не было. Я и подумать не могла, что именно суровая Придворная дама сможет подарить мне это чувство.

Протягиваю руку, переплетаю свои пальцы с её и поднимаюсь. Пару раз выжимаю подол юбки. Она мягко улыбается:

— Чего ты ждешь? Повторяй за мной.

Я тоже улыбаюсь — глаза покраснели от слез, но в груди стало гораздо легче. Давивший на нее булыжник рассыпается в прах, и я наконец могу дышать.

Внезапно выражение лица Дамы меняется и мрачнеет. Она хмуро всматривается в реку у меня за спиной; я с любопытством следую за её взглядом и застываю с открытым ртом. Вода приобрела темный, почти черный оттенок. *Что за…*

Подхожу к берегу, прыгаю на один камень, затем на другой. Наклоняюсь и протягиваю руку к воде, зачерпываю немного — и дрожь пробирает до самых костей. Она грязная, черная и отравленная в каждой своей капле. Всего мгновение назад всё было иначе, я ведь ныряла несколько раз и ничего не заметила.

Поднимаю взгляд на Даму и вижу то, что заставило её побледнеть еще сильнее: волны вынесли на берег бесчисленное множество мертвой рыбы.

— Возвращаемся во дворец, живей! — её тон полон ужаса, лоб прорезала тревожная складка. Не задавая лишних вопросов, я бегу за ней к внедорожнику, припаркованому у обочины. Водитель заводит мотор, едва мы успеваем сесть. Дама нервно постукивает носком туфли, и у меня такое чувство, что она прекрасно понимает, что происходит, но не хочет мне говорить.

Внезапно машина резко тормозит. Смотрю в окно и вижу толпу горожан, заполонившую всё пространство у дворцовых стен. Их лица бледные и изможденные. Кто-то прижимает к себе детей, кто-то стоит на коленях, схватившись руками за живот; некоторых рвет кровью, и они замертво валятся на землю, пока другие в отчаянии цепляются за прутья входных ворот. Шеренга гвардейцев пытается сдерживать натиск толпы.

Нас узнают и пропускают внутрь. Стоит машине въехать, как тяжелые ворота с грохотом захлопываются за нашей спиной.

— Что с ними? Что происходит? — спрашиваю я.

Едва автомобиль останавливается, Дама выскакивает наружу и быстрым шагом направляется к лестнице, ведущей во дворец. Бегу за ней, сердце колотится в горле.

— Ну же? Что случилось? Что с теми людьми? Они выглядели больными.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Она останавливается перед дверью главного зала, делает глубокий вдох и берется за ручку.

— Надеюсь, это не то, о чем я думаю, — бормочет она и распахивает дверь.

Внутри царит абсолютный хаос. Бесчисленное множество людей лежит прямо на полу на временных подстилках, укрытые белыми простынями, пока мужчины в защитных масках лихорадочно снуют между ними. Многие корчатся в судорогах, издавая глухие стоны боли, заходясь яростным кашлем и плачем.

Моргаю, мне не хватает воздуха. Дама перешагивает через больных, некоторые из которых уже закрыли глаза, а другие находятся при смерти. В замешательстве следую за ней. Она входит в кухню, и девушки мгновенно выстраиваются в шеренгу. На прилавке лежат гнилые овощи, чей зловонный запах буквально пропитал воздух.

— Докладывайте, — приказывает она, пока гвардеец протягивает ей маску. Она передает её мне, и я смотрю на этот кусок ткани, чувствуя себя еще более потерянной, чем прежде.

Вирджиния делает шаг вперед, её лоб покрыт потом, а влажные глаза полны глубокой скорби.

— Придворная дама, еда и вода отравлены.

Еда и вода отравлены? Округляю глаза, приоткрываю рот, и у меня вырывается судорожный вздох осознания.

«Первым сигналом станет засуха на возделываемых землях, за ней последует заражение пищи и воды, затем начнутся мощные сейсмические толчки по всей территории».

— Мы столкнулись со Вторым знамением. Немедленно наденьте средства индивидуальной защиты, отныне ходить без них запрещено. Мы проведем дезинфекцию… — Дама продолжает отдавать приказы, но её голос превращается для меня в далекое эхо.

Я парализована перед лицом того ужаса, свидетелем которого только что стала.

Это Второе знамение?

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 26

Лавиния

Запах дезинфицирующих средств пропитал каждый угол, лица людей скрыты за белыми защитными масками. Я выбрасываю старую простыню, беру чистую, расстилаю её по кушетке и разглаживаю ладонью, убирая складки. Когда поднимаю взгляд, то вижу вокруг лишь измученные лица и глаза, полностью высушенные, лишенные какой бы то ни было энергии.

Место, где я нахожусь, — лишь один из многочисленных бараков, построенных Королем для борьбы с внезапной пандемией. Всего их развернули около ста пятидесяти. Король решил сосредоточить помощь в этом районе, поскольку нищета местного населения здесь самая беспросветная, а число больных неуклонно растет. В богатой части страны ситуация выглядит куда лучше, но проблема всё равно остается катастрофической.

Реки и источники приобрели грязный, смоляной оттенок, а свежая еда гниет с пугающей скоростью. Единственный незараженный источник находится в дворцовых садах, и именно оттуда черпаются запасы для отправки населению. Ни один фермер больше не может обрабатывать поля — земля бесплодна и иссушена, любые попытки что-то исправить оборачиваются крахом. Руководящий совет обеспечивает все дома сухими пайками и питьевой водой. Гвардейцы на улицах контролируют ситуацию и распределяют больных, направляя их к баракам.

Рантал своей прихрамывающей походкой подходит к рабочему столу и опускает на него коробку с марлей и медикаментами. Он вытирает пот со лба рукавом, на мгновение сдвигает маску вниз и жадно ловит воздух. Придворная дама сочла за благо отослать меня в барак, где работает её отец, — как можно дальше от дворца. Я не стала возражать: для меня лучше держаться на расстоянии от того, кто обратил меня в прах с беспрецедентной легкостью.

Прошла неделя, но его жестокие слова до сих пор эхом отдаются внутри меня, я не могу стереть ту резкую, леденящую холодность, с которой он на меня смотрел. Ту простоту, с которой он меня сломал.

— Мне нужна помощь! Мой сын! — раздается с улицы отчаянный мужской крик.

Вокруг меня остальные придворные девушки раскладывают продуктовые пайки. Немногие присутствующие здесь медсестры переходят от одной кушетки к другой — дозы антибиотиков, которые приходится вводить, становятся всё выше. Стоны больных — единственный звук, сопровождающий меня в эти дни.

Рантал возвращает маску на лицо, бежит к выходу и заводит внутрь мужчину, умоляющего о помощи, ведя его к моему месту. Откидываю простыню, готовая выполнять первые манипуляции, которые теперь повторяю автоматически, словно машина.

Единственный плюс во всём этом — находясь здесь, я почти не чувствую себя в другом мире, я забываю, что заперта в клетке. В камере, откуда нет выхода, нет ни единой лазейки.

Мужчина укладывает своего хрупкого мальчика на матрас передо мной. Хватаю электроды, обнажаю его торс и прикрепляю их один за другим. Пока ребенок стонет от боли, я не могу не заметить его бледность, сухие и потрескавшиеся губы. Он держится рукой за живот, его черты искажены страданием.

— Больно, — хнычет он слабым, едва различимым вздохом.

— Тише, сын мой. Я здесь.

Замираю от звука этого до боли знакомого голоса. Испуганно поднимаю взгляд, дыхание перехватывает, а я шокированно моргаю. Передо мной стоит папа. Точнее, его версия в этом мире. Стетоскоп от избытка чувств выпадает из моих рук.

На нем белая рубашка, расстегнутая на первые пуговицы, серебряные часы на запястье, а лицо прорезали глубокие темные круги. Он гладит мальчика по волосам, его пальцы баюкают и защищают его с такой любовью во взгляде, которая меня уничтожает. *Он точь-в-точь как мой папа.*

Рантал кладет руку мне на плечо:

— Тебе нужен перерыв, Лавиния?

Трясу головой, приходя в себя меньше чем за секунду. Наклоняюсь, чтобы поднять стетоскоп. Мои пальцы едва касаются пальцев папы.

— Держите. — Его губы приподнимаются в улыбке, которая меня сокрушает. Глаза жжет, я с трудом сдерживаю слезы, а ноги буквально кричат от напряжения — только бы не сбежать отсюда.

Он выпрямляется как ни в чем не бывало. Ошарашенно моргаю, поднимаюсь и передаю стетоскоп Ранталу; тот прижимает его к груди ребенка, выслушивая сердцебиение.

— Расскажите мне… что с вашим сыном? — спрашивает он.

— Я старался кормить его только той едой, которую выдает государство, — упакованной и проверенной. Но, должно быть, я отвлекся… не знаю… его начало рвать, поднялся жар, а затем, не успел я опомниться, начались долгие судороги.

Не знаю, что потрясает меня сильнее — его голос или это невероятное сходство. Факт остается фактом: я не могу оторвать от него глаз. Слеза катится по моей щеке, я стираю её прежде, чем кто-то заметит. Опускаю взгляд; мальчик удивленно смотрит на меня. *Неужели он увидел, что я плачу?*

Он дарит мне беззубую улыбку, которая длится всего пару секунд, прежде чем спазмы в желудке заставляют его скорчиться. Поправляю подушку у него за спиной, мягко поглаживая её. Он сжимает руку отца, и этот жест лишает меня воздуха.

Я ведь тоже хотела сделать это. Я тоже хотела сжать его руку вот так…

Рантал зовет медсестру, и они, как и каждый раз, сверяют оставшиеся медикаменты и обсуждают схему лечения. Процедура уже отточена до автоматизма: анализ крови, антибиотик, обезболивающее и мониторинг. Проблема лишь в том, что лекарства на исходе, лаборатории завалены неисследованными анализами, а люди продолжают заражаться.

— Мы сделаем всё возможное, не волнуйтесь. — Рантал бросает на отца полный уверенности взгляд, объясняет план терапии и правила, которые тот должен соблюдать, находясь внутри барака.

Тот кивает в благоговейном молчании, пока я теряюсь, изучая его черты и заново запечатлевая их в памяти. Всматриваюсь в то, как щетина колется на его щеках, любуюсь этими радужками цвета неба и беспорядком, с каким седые пряди рассыпаются по каштановым волосам. *Он точь-в-точь как мой папа.* Сжимаю кулаки, тело дрожит, пока я подавляю дикий инстинкт броситься в его объятия, почувствовать его прикосновение и раствориться в его запахе.

Он переводит взгляд на меня, заставая врасплох. В его глазах нет ни чувств, ни искры узнавания. Для него я чужая. Он не подозревает, что в другой жизни приходится мне отцом, он даже отдаленно не может помыслить ничего подобного.

Наши взгляды сталкиваются, и я перестаю слышать звуки вокруг, пока ладонь Рантала мягко не касается моего плеча.

— На тебе лица нет. Ты уверена, что сможешь остаться? Ты работаешь неделю без продыху и почти ничего не ешь. Милая барышня, если ты продолжишь в том же духе, я буду вынужден вызвать Придворную даму, чтобы тебя вернули во дворец.

Качаю головой, выдавливая натянутую улыбку:

— Я в порядке, правда.

Он сомневающе кивает, отворачивается и, что-то бормоча под нос, направляется к следующему больному. Вздыхаю, прикладываю ладонь ко второму лбу. Мне нужен глоток воздуха, нужно выйти отсюда и подышать.

— Простите?

Голос папы заставляет меня замереть, затаив дыхание. Оборачиваюсь, и его глаза выжидающе смотрят на меня.

— Мне ведь нужно надеть маску, верно? Я забыл свою дома, не могли бы вы одолжить мне одну на время?

Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Подхожу к коробке за углом и беру упаковку. Открываю её, достаю маску и протягиваю ему, избегая встречаться взглядами. *«Нужно уходить».* Но когда я собираюсь повернуться в противоположную сторону, его слова намертво парализуют мою душу.

— Спасибо, Лавиния.

Лавиния.

Приоткрываю рот, глаза мгновенно превращаются в обитель для моря слез, которые я больше не могу сдерживать. Они хлынули прямо под его испуганным взглядом.

Он только что назвал меня по имени.

Я… он… он назвал меня.

Он натягивает маску на лицо, обеспокоенно хмуря брови.

— Я слышал, как доктор назвал вас так минуту назад. Я ошибся?

Вопрос повисает в пустоте. Я лечу к выходу, срываю маску и глубоко вдыхаю. Щеки расчерчены слезами, а сердце затоплено лавиной эмоций, которая накрывает меня с головой.

Я всегда спала и видела тот миг, когда наконец снова его встречу, тот миг, когда он вернется домой ко мне.

Превратившись в сплошной комок дрожи, я бреду к уединенному углу, скрытому от снующих вокруг королевских гвардейцев, утопающему в зелени деревьев. В этих краях засуха еще не проявилась так, как на приграничных территориях, здесь нет возделываемых полей — только дикие леса.

Я углубляюсь между стволами, иду вперед, пока шумы, доносящиеся от бараков, не стихают окончательно. Мышцы ног горят, умоляя о передышке, но я бегу как можно дальше.

Щебет птиц и стрекот сверчков — единственные звуки вокруг; шелест ветра ласкает мокрые щеки, вытираю их ладонью. Сажусь, прислонившись спиной к стволу дерева, подтягиваю ноги к животу и утыкаюсь лбом в колени.

Позволяю тяжести, что давит на грудь, вырваться наружу; рана, которую я так долго прятала, раскрывается и жжет, словно кровоточащий рваный разрез. Плачу, и мое дыхание прерывается частыми, лихорадочными всхлипами.

«Папа любит тебя. Ты ведь знаешь это, правда?»

Я знаю.

Теряю счет времени.

Не знаю, сколько часов прошло, но небо начинает темнеть, и я понимаю, что пора возвращаться в барак. Солнце исчезает за горизонтом. Не хочу, чтобы Рантал волновался, я действительно рискую тем, что меня отошлют во дворец, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Иду с опущенной головой, волоча ноги, желудок пуст. Я предпочитаю смотреть на лицо человека, который должен быть моим отцом, чем на лицо…

Артура.

Земля содрогается. Испуганно вскидываю голову — вокруг меня всё ходит ходуном с бешеной силой. Вцепляюсь в дерево и замираю на месте, не в силах сдвинуться.

Это землетрясение?

Кажется, будто мир переворачивается вверх дном, пугающий гул бьет по барабанным перепонкам. Под моими ногами почва осыпается с пугающей скоростью. *Что за…*

Я еще крепче обхватываю ствол руками, до крови царапая ладони о кору, но неумолимо сползаю вниз, лишенная всякого спасения. Равновесие потеряно, я рискую рухнуть в бездну, которая шаг за шагом разверзается прямо у моих ног.

— Помогите! — кричу я во всё горло.

Мне не следовало уходить так далеко.

Чем отчаяннее я пытаюсь удержаться на ногах, тем сильнее скольжу. Стискиваю челюсть и зажмуриваюсь. Пальцы соскальзывают со ствола, сила тяжести влечет меня назад, я вот-вот рухну навзничь. Оглушительный свист в ушах лишает чувств. Издаю крик ужаса, зависнув над пустотой.

Я молюсь лишь о том, чтобы этот кошмар поскорее закончился, прежде чем я сорвусь.

Наконец рокот стихает, и дрожь прекращается. Мне удается твердо встать на землю, хоть тело и колотит от страха. *Что это сейчас было?*

Моя одежда испачкана; провожу руками по рукавам и брюкам, стряхивая плотный слой пыли. Захожусь кашлем — должно быть, я успела её наглотаться.

Моргаю, зрение снова становится четким, ясным, и то, что предстает моему взору, повергает меня в шок. Сердце лихорадочно бьется в груди. Вокруг меня нет ни единого намека на зелень — всё иссушено и лишено жизни. Что бы здесь ни произошло, оно полностью выжгло растительность, иссушило деревья, оставив их голыми и мертвыми.

Пустыня, рожденная этой катастрофой, раскинулась на десятки метров вокруг. Встаю на ноги и иду в сторону барака. *Надеюсь, с остальными всё в порядке.* Тревога не дает мне стоять на месте, бегу изо всех сил, чувствуя, как дыхание обжигает горло.

Заметив вдали гвардейцев, я облегченно улыбаюсь. Почти на месте. Но чем ближе я подхожу, тем отчетливее вижу, что на них нет ни царапины, ни единого следа от недавнего подземного толчка. Вокруг них природа осталась прежней, деревья целы и невредимы.

Они смотрят на меня, округлив глаза, на их лицах застыло полное замешательство. Выстраиваются в шеренгу передо мной, но никто не решается приблизиться. Нас разделяют считанные метры, но когда я пытаюсь дойти до них, то с силой бьюсь обо что-то, что отбрасывает меня назад.

— Эй… там девчонка! — выкрикивает один из них.

Прижимаю ладонь к ушибленному носу. *Что… что это было?*

Делаю шаг вперед, снова пытаюсь подойти и натыкаюсь на что-то невидимое, но при этом твердое, как каменная стена. На ощупь оно напоминает стекло…

— Что ты там делаешь? — кричат они мне издалека.

Словно они знают что-то, чего я не понимаю.

— Я из группы дворцовых волонтеров, вышла глотнуть свежего воздуха и… вы разве не почувствовали землетрясение?

Они переглядываются на мгновение, и знаки, которыми они обмениваются, не сулят мне ничего хорошего. Прижимаю ладонь перед собой — ощущение такое, будто я касаюсь прозрачной ледяной пластины. Потрясенно приоткрываю рот.

— Что это значит? — шепчу я.

— Не волнуйся, мы попробуем тебя вытащить.

Тревога удушающим узлом стягивает горло.

— Вытащить откуда, конкретно? — едва не кричу я.

Гвардеец, который говорил со мной, снимает фуражку, чешет затылок и обращается ко мне уже с большим сочувствием:

— Только что был небольшой толчок, мы вышли проверить периметр, и тут возник этот невидимый барьер. Он отрезал весь лес от города. Мы не можем его преодолеть.

Что… возник барьер?

Парень продолжает что-то говорить, но мой мозг застыл на фразе: «Мы не можем его преодолеть».

Что это значит? Мне придется остаться здесь, отрезанной от всех, на этой бесплодной, мертвой земле? Запускаю пальцы в волосы.

Гвардеец жестом велит мне отойти назад и перезаряжает пистолет. Смещаюсь в сторону и наблюдаю, как он прицеливается и стреляет, но пуля просто растворяется в пустоте. Словно барьер способен испепелить свинец. Поверить не могу своим глазам.

— Мне конец.

Опускаюсь на землю. Вдали замечаю Рантала, который ковыляет к солдатам. Его маска сдвинута на подбородок.

— Неужели Зло должно было выбрать именно этот момент, чтобы проснуться? Проклятье, от этих толчков я чуть кувырком не полетел, — он вытирает лоб. Подходит к самой преграде и смотрит на меня без тени страха. — Не бойся, отдохни, поспи, если сможешь. А когда проснешься, мы уже придумаем, как тебя оттуда вызволить.

Выдавливаю натянутую улыбку.

— Ты ведь не скажешь Даме, верно? — вздыхаю я. — Я просто хотела подышать воздухом…

Я уже отчетливо представляю, как она мчится сюда, вне себя от ярости, вытаскивает меня, а затем запирает во дворце и отчитывает целую вечность.

Он качает головой:

— У неё и без того забот хватает. — Облегченно выдыхаю. Рантал переводит взгляд мне за спину и мрачнеет. Прослеживаю траекторию его глаз, и вид иссушенной пустыни заставляет мою кровь заледенеть. — Какое демоническое отродье способно уничтожить живую природу и травить людей? Какое дьявольское создание творит такой кошмар? — бормочет он, нахмурив брови. Медсестра из барака окликает его, вынуждая уйти. — Не переживай, я тут, рядом. Улыбнись, милая барышня. На тебе лица нет от ужаса.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

«На лице нет лица… еще бы. Наверное, перспектива быть раздавленной деревом и заживо погребенной в недрах земли посреди мистического землетрясения никого не оставит равнодушным. К тому же, он даже близко не подозревает, что тот мужчина с ребенком… это мой папа».

Тяжелый камень снова давит на грудь.

Тем временем гвардейцы всеми силами пытаются сокрушить эту невидимую стену, что разделяет нас: стреляют одновременно из нескольких пистолетов, пробуют ружье, а затем и вовсе пускают в ход тяжелое оружие. От грохота я вздрагиваю.

Чем дальше, тем более обреченными становятся их взгляды, устремленные на меня. Словно я крыса в мышеловке. Им даже не нужно ничего говорить, чтобы я поняла: я в глубоком дерьме. Холод начинает подступать, нижняя губа дрожит, а пальцы приобретают пугающий синеватый оттенок. Я утыкаюсь спиной в ствол дерева, не сводя глаз с солдат. Наблюдаю, как они разводят костры, пока тьма поглощает лес.

Веки становятся тяжелыми, глаза закрываются, но непрекращающийся звук выстрелов не дает мне забыться сном. Сжимаю подол испачканной в земле рубашки. *Как мне отсюда выбраться…*

Один из солдат подходит к барьеру и прижимает к нему ладонь:

— Послушай меня, девочка.

С трудом поднимаюсь на ноги, чтобы подойти к нему. Зуб на зуб не попадает от холода, я не могу вымолвить ни слова, изо рта вырывается лишь густой пар, растворяющийся в воздухе.

— Тебе нужно найти дрова, желательно сухие. Разведи костер на ночь, иначе рискуешь замерзнуть насмерть.

Киваю. Следуя его указаниям, отхожу на несколько шагов в поисках веток, которые сгодились бы для костра. Подбирая их с земли, я ловлю себя на мысли об этой безумной разнице между моим пространством и тем, что находится по ту сторону барьера. Они там не страдают от холода так, как я. Неужели здесь совсем другой климат?

Пальцы онемели; разжимаю их пару раз, подношу к губам, пытаясь согреть дыханием. Бесполезно. Температура упала слишком низко. Торопливо подбираю последние ветки, прежде чем вернуться к барьеру.

Сваливая дрова в кучу, я замечаю, что давешний солдат смотрит в мою сторону.

— Ч-что м-мне д-делать д-дальше? — заикаюсь я от холода.

— Командир, это нормально, что её так колотит? — спрашивает подчиненный.

— Нет, — старший качает головой. — У меня предчувствие, что по ту сторону барьера температура стремительно падает глубоко ниже нуля.

Их уверенность тает, они пытаются скрыть панику, но я вижу её в каждом их движении. Чувствую себя жертвенным ягненком, которого ведут на убой.

Присаживаюсь на корточки перед ветками.

— К-как м-мне е-го р-разжечь? — бормочу я.

Солдат, который, судя по всему, возглавляет отряд, принимается подробно объяснять, но мороз сковывает меня, и каждое движение выходит медленным, беспомощным. Вздыхаю, слезы щиплют глаза. Боже, я просто хочу оказаться в теплой комнате и уснуть. Вместо этого я замерзаю насмерть за магической стеной, возникшей из ниоткуда.

«Глупая ты, Лавиния».

— Не сдавайся. Делай всё, как я говорю. Я Лукас. А тебя как зовут?

Голос Лукаса доносится до меня как мягкий, спасительный шепот. Его каштановые волосы гладко зачесаны назад с помощью геля, зеленые глаза внимательно вглядываются в меня, а на менте темнеет легкая щетина.

— Л-Лавиния.

Он присаживается на корточки рядом, берет несколько прутиков и начинает быстро тереть их о ладони. Повторяю, за ним, и он подбадривает меня, веля продолжать и ни в коем случае не терять самообладания. Я не вижу никаких сдвигов. Вздыхаю, готовая сорваться на истерику. Собираюсь уже бросить это бесполезное занятие, как вдруг слабый запах гари щекочет мне ноздри.

Вспыхнувшая искра огня озаряет моё лицо. Приподнимаю уголки губ, мгновенно забывая обо всех тревогах.

— Умница! — хвалит солдат. Парни вокруг него хлопают в ладоши, искренне облегченные моим успехом.

Я никогда в жизни не видела, чтобы кто-то так радовался обычному костру, но ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь как ребенок. Не знаю, как объяснить эту внезапную радость, пронзившую меня из-за такой малости. Протягиваю руки к пламени, не касаясь его, и тепло согревает мои ладони.

Я знаю этих ребят уже неделю — они постоянно патрулируют наш барак, но я никогда не перекидывалась с ними и парой слов. Теперь же я смотрю на них как на свою единственную надежду. Будь моя воля, я бы привязала себя к ним канатом. Страх остаться здесь в полном одиночестве, посреди этого леденящего холода, намертво въедается в мысли.

Я сижу, съежившись перед огнем, словно это самое драгоценное сокровище на свете.

— Такое… уже случалось когда-нибудь в прошлом? — спрашиваю я.

Лукас качает головой:

— Нет, никогда. Это первый раз. Похоже, Второе знамение полностью вступило в силу.

Он делает паузу, давая мне осознать весь ужас происходящего.

— Оно предполагает не только заражение пищи и воды. Но и подземные толчки по всей территории.

Приоткрываю рот. Значит, это правда? Пророчество Жрецов, знаменитые три знамения… всё это правда. Происходящее — лишь прелюдия к пробуждению существа, жаждущего мести. Не знаю, чем больше охвачена моя душа — завороженностью перед этой вековой легендой, которая наконец оживает наяву, или диким, первобытным ужасом.

Прислушиваюсь к словам остальных гвардейцев, сидящих у другого костра чуть поодаль. Они спорят о личности Зла, и я с жадностью ловлю каждую крупицу информации.

— Не понимаю. Оно хочет мести за то, что его принесли в жертву? Ладно, так проснись и убей только своих мучителей. При чем здесь остальное человечество? — спрашивает один.

— Еще как при чем, — отзывается его напарник, сидящий напротив. — Его сожгли заживо ради того, чтобы у нашего королевства появился наследник престола. Это значит, что, так или иначе, вся нация причастна к убийству. В его глазах мы все виновны без разбора.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Вздрагиваю. В памяти всплывает рассказ о том, как незаконнорожденного сына по воле Жрецов и собственного отца сожгли на костре — чудовищный, бесчеловечный поступок.

Лукас делает им знак замолчать. Он поднимается на ноги, застывая в напряженном ожидании, ладонь замерла у кобуры пистолета. Оглядываюсь по сторонам, но ничего не замечаю. *Что он услышал?*

За его спиной появляется отряд конных солдат, их мундиры в точности повторяют форму королевской гвардии. Они выстраиваются в две параллельные линии, образуя живой коридор. Ребята мгновенно вскакивают, прикладывая руку к фуражкам. Воцаряется мертвая тишина.

Золотистые кудри, сияющие глаза цвета солнца, мягкие, розовые губы. Он летит галопом, сжимая поводья своего белого коня. Останавливается в считанных сантиметрах от барьера. Спрыгивает точным, легким движением; черный плащ скрывает его фигуру, но я успеваю заметить эфес меча. Его лицо открыто — с теми самыми тонкими чертами, напоминающими весенний воздух.

— Принц Артур, к вашим услугам! — Лукас стоит перед ним, склонив голову.

Артур игнорирует его. Он уверенным, размашистым шагом идет прямо ко мне, и вокруг никто не смеет даже вздохнуть. Он останавливается в паре дюймов от преграды, опускается на колено и пристально смотрит на меня.

Впервые за семь дней наши взгляды сталкиваются снова. Те самые глаза, что ранили меня осознанно. Те, что не задумываясь переехали меня напрочь. Те, что желали видеть мои слезы.

Темные круги выдают его крайнюю усталость, но я не позволяю этому зрелищу смягчить мое сердце. Я предпочту остаться в ледяном плену этого непреодолимого барьера, чем в его компании.

— Как ты, Лавиния?

Я едва не смеюсь ему в лицо. Ярость пульсирует во мне, она хищно царапается наружу, умоляя дать ей волю. Каждая клетка моего существа горит.

— Пошел ты, Артур, — шепчу я.

Дрожь снова скручивает тело, я сильнее обхватываю себя руками. Его взгляд мгновенно темнеет, за его спиной гвардейцы испуганно округляют глаза. Отворачиваюсь, утыкаясь взглядом в костер, и полностью игнорирую его присутствие — по крайней мере, заставляю себя это делать.

Он поднимается на ноги. Лукас докладывает ему собранные сведения и рассказывает о тщетных попытках пробить стену. Они говорят вполголоса, чтобы я не могла расслышать.

Не знаю, откуда у него вообще взялась наглость прийти сюда. На что именно он рассчитывал? На теплый прием? Чтобы не возвращаться мыслями к его словам, я всю неделю изнуряла себя работой. Чем тяжелее было задание, тем легче мне становилось. Что угодно, лишь бы не думать о нем.

И что он делает теперь? Спрашивает, как я. Лицемер. Чертов лицемер.

Шмыгаю носом — холод пробирается до самых костей, — тянусь за сухой веткой позади себя и бросаю её в огонь. Резкий шорох у меня за спиной заставляет меня рвануться вперед, к самой границе барьера. Артур оборачивается, гвардейцы напрягаются, в мгновение ока выхватывая мечи и закрывая его собой.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Из-за дерева выходит мужчина. У него темная кожа, на вид ему около сорока лет. На нем простая зеленая рубаха; кажется, стужа его ни капли не трогает, словно он её вообще не чувствует.

Неужели это… он?

В руках он сжимает массивный тяжелый меч. Мужчина останавливается в паре шагов от меня. Теперь, когда я могу разглядеть его лучше, замечаю глубокий шрам, перечеркивающий его правый глаз. Вздрагиваю.

— Подними руки и опусти меч. Это приказ, — гремит Артур, но незнакомец устремляет свой пустой взгляд прямо на меня, и мои нервы натягиваются как струны.

С трудом сглатываю, медленно отступая назад. Мне некуда бежать — этот проклятый барьер отделяет меня от любого человека, оставляя один на один с пугающим незнакомцем. Он поднимает свой меч, и моё сердце замирает. Мужчина с силой вонзает клинок в землю, и почва под моими ногами внезапно снова начинает ходить ходуном.

Но Артур и гвардейцы ничего не чувствуют — на их стороне нет никакого землетрясения. Толчки становятся всё яростнее, я падаю, и этот жуткий, пронзительный свист снова впивается в мои барабанные перепонки. Стону от боли, прижимая ладони к ушам.

— Хватит, умоляю! — кричу я.

Мужчина крепко держит рукоять меча и с закрытыми глазами бормочет что-то — странную литанию, которая полностью поглощает его, изолируя от всего мира. Бессвязные фразы, шипение и неразборчивый шепот. *Значит, это он виновник всего этого кошмара?* Землетрясение усиливается, деревья за его спиной с треском рушатся, и этот оглушительный грохот парализует меня.

Я в полнейшем шоке. Поворачиваюсь к барьеру — гвардейцы что-то кричат, но я не слышу ни слова. Их голоса не долетают до меня. Перевожу взгляд на Артура — он уже обнажил свой меч. Искра, вспыхнувшая на его лице, предвещает катастрофу.

Он уверенным, жестким шагом идет прямо на барьер. Гвардейцы слишком поздно понимают, какую безумную глупость он задумал, — никто из них не успевает его перехватить.

Я жду, что его отбросит назад, что он рухнет на землю, расшибшись о невидимую стену. Именно этого я и жду.

Но мои глаза видят совершенно обратное.

Артур идет без тени сомнения, словно для него этой прозрачной, непреодолимой преграды вовсе не существует. К всеобщему потрясению, его тело абсолютно естественно проходит сквозь барьер. Гвардейцев же, попытавшихся двинуться за ним, с силой швыряет обратно. Они сыплются на землю как кегли.

Он даже не осознает, что пересек черту. Артур вырастает прямо передо мной, сжимая меч в пальцах, а в его глазах полыхает яростный огонь. Земля мгновенно перестает содрогаться, невыносимый гул обрывается, и ко мне возвращается способность дышать. Поднимаюсь на ноги, чувствуя, как сердце бьется в безумном ритме.

Что сейчас произошло?

Темнокожий мужчина поднимает на нас взгляд:

— Этот барьер соткан из той же материи, что и Зло. И ты его преодолел.

— Это ты его создал? — отрывисто бросает Артур, закрывая меня рукой за своей спиной.

Тот качает головой:

— Его создал меч Зла. Я лишь его смиренный слуга.

Слуга Зла?

Он ухмыляется, глядя на нашу реакцию:

— Только тот, кому суждено убить Зло, способен пройти сквозь этот барьер. И я вижу это в твоем роке: ты — тот самый наследник, который положит конец его существованию.

Артур — один из преемников престола, пророчество гласило именно это. *Но кто этот человек?* От его пристального, пронизывающего взгляда меня бросает в дрожь.

— Я убью любого, кто посмеет угрожать моей стране. Тебе это ясно? — шипит Артур.

Он вскидывает на него меч, но земля снова начинает трястись, и невыносимый свист с новой силой бьет по моим ушам. Кажется, этот звук слышу только я. Я кричу, заходясь в стоне, пока из мочек ушей начинает сочиться кровь, пачкая мои ладони. Артур в ужасе опускает клинок.

Толчки тут же прекращаются, и звук, сверливший мне мозг, затихает. Судорожно выдыхаю с облегчением. Бросаю взгляд на незнакомца — его оскал подтверждает мои худшие догадки.

— Если ты посмеешь напасть на меня, принц Артур, девчонка умрет.

Я пронзаю его взглядом, полным чистой ненависти.

— Выбор за вами, Ваше Высочество.

Проходит три часа.

Три часа, в течение которых солдаты лихорадочно снуют взад-вперед; их число растет, а во дворец уже передали сигнал тревоги. Известие о принце, запертом по ту сторону барьера, мгновенно подняло на ноги суверена. За это время Артур испробовал все способы: пытался пробиться обратно, но безуспешно. Судя по всему, сквозь стену можно было пройти только внутрь, но выйти наружу он не может.

По ту сторону барьера гвардейцы спорят о его протяженности и о том, какую стратегию выбрать, чтобы обойти преграду. Таинственный мужчина, напротив, сидит на том же самом месте, что и раньше. Его глаза полуприкрыты, а губы шепчут какую-то молитву, языка которой я не понимаю.

Чем дальше, тем сильнее путаются мои догадки. Если он и есть Зло, он должен хотеть убить Артура, пока тот не сделал это первым. Тогда почему он бездействует? У него на руках все карты, чтобы бросить ему вызов теперь, когда стража не может вмешаться. Кажется, он чего-то ждет, словно замер в предвкушении особого события, и это не дает мне успокоиться.

Что он ждет? Что замышляет?

Он приподнимает уголки губ в улыбке, которая меня парализует. Открывает глаза и устремляет взгляд прямо на меня; наклонив голову, он смотрит так, что мне трудно расшифровать этот посыл. Не понимаю. Он с самого начала разглядывает меня со странным выражением, словно проникает в мои мысли… словно знает мой разум.

Из глубины леса появляется Артур с охапкой дров в руках. Он опускает их передо мной и раздувает костер, который уже готов был погаснуть.

— Почему ты не укутаешься в пальто, что я тебе дал? — спрашивает он, протягивая ладони к огню.

Верхняя одежда так и лежит на земле, а меня продолжает колотить как осенний лист. Моё упрямое молчание заставляет его вздохнуть. Он тянется к пальто, берет его в руку, поднимается и идет ко мне.

— Не прикасайся ко мне, — шиплю я.

Пальто опускается мне на плечи; вдыхаю аромат Артура, наблюдая, как он садится напротив меня.

— Не буду. — Пламя освещает его лицо. *Он даже не коснулся меня.*

Он не отрывает взгляда от огня, время от времени подбрасывая ветки, но не произносит ни слова. Его безмолвие сталкивается с моим.

Поворачиваюсь к нему спиной и ложусь на землю. Не хочу на него смотреть.

Артур

И надо же было ей оказаться запертой в самом эпицентре землетрясения? Именно ей? Никому другому? Как будто этого мало, её еще и отрезало несокрушимым барьером.

У неё есть какая-то особая способность лишать меня дыхания: вечно она вязнет в неприятностях, которые больше её самой, и каждый раз я задаюсь вопросом, как это вообще возможно. Собираю еще немного веток — пожалуй, этого хватит. Лавиния уснула, а костер почти потух.

Возвращаюсь к лесу; тропа иссушена, вокруг нет ни единой травинки. Хуже того, между деревьями я наткнулся на мертвых животных. Что бы ни натворил этот человек, он истребил любую форму жизни в радиусе нескольких километров.

— Что ты видела?

Голос таинственного незнакомца доносится до моих ушей. Вскидываю бровь, медленно приближаясь к нему. *Возможно… если я нападу, когда он меньше всего этого ожидает…*

Протягиваю свободную руку к мечу и укрываюсь за стволом.

— Лавиния, что ты видела? — повторяет он.

Он говорит с Лавинией? Высовываю голову: она стоит на ногах, её глаза расширены от ужаса, а лоб покрыт каплями пота.

— Это был ты? Убирайся из моей головы! — в ярости выдыхает она, запуская пальцы в волосы. Её глаза блестят, полные слез, она будто на грани истерики.

О чем они говорят?

Крепче сжимаю рукоять меча и пригибаюсь к земле, медленно опускаю дрова, а затем снова выпрямляюсь.

Мужчина качает головой: — Что ты видела, Лавиния?

— Я не стану играть в твои психопатические игры. Оставь меня в покое! — кричит она. Я никогда не видел её настолько взвинченной кем-то. Пользуясь тем, что он отвлекся, перебегаю за другое дерево, ближе к нему. Теперь нас разделяют считанные сантиметры. Отсюда я могу напасть.

— Что ты видела? — повторяет мужчина, но на этот раз земля снова начинает ходить ходуном.

— Если это ты мне показал, то сам должен знать! — отбивается она, пытаясь руками нащупать хоть какую-то опору.

— Я знаю, что ты видела. Это твоя прошлая жизнь. Ты лишь должна сказать мне, знаешь ли ты его и где видела в последний раз.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

С каждым вопросом его голос гремит всё властнее, а землетрясение становится яростнее. Я должен его остановить. Со всей силы бросаюсь на него. Он оборачивается за мгновение до того, как я наношу удар, и непринужденно улыбается. Он перехватывает мое лезвие рукой; кровь хлещет из его ладони, но он не разжимает пальцев, напротив — оказывает бешеное сопротивление.

Я едва удерживаю натиск, пячусь на пару шагов, пока не опускаюсь на колено. *Откуда в нем столько силы?* Другой рукой он выхватывает нож и приставляет его к моему горлу. Лавиния издает крик, который приводит в движение солдат по ту сторону барьера. Они наставляют на него пистолеты и ружья, хоть стрельба и бесполезна, и требуют остановиться.

— Убей меня и покончи с этим, — шепчу я.

— Не я должен это сделать. Но ты не оставляешь мне выбора. — Тьма затапливает его глаза. Позволяю мечу упасть на землю, чувствуя, как взгляд Лавинии жжет мне кожу. Краем глаза вижу, что она приближается.

— Назад, Лавиния, — шиплю я.

— Нет… — возражает она и переводит взгляд на человека, держащего меня на мушке. — Вы не можете причинить ему вред.

Тот оскаливается, почти с весельем: — Это еще почему? — Он сильнее вдавливает лезвие мне в шею; стону от боли, не в силах сдержать скрежет зубов.

Лавиния отвечает дрожащим голосом: — Потому что он — тот человек, которого я видела.

Незнакомец роняет нож. Прижимаю ладонь к горлу в том месте, где он меня ранил, и сильно надавливаю, чтобы остановить кровь, одновременно заслоняя собой Лавинию. Сжимаю её руку, даже не отдавая себе отчета в том, что нарушил её запрет не прикасаться к ней.

Достаточно этих странных слов Лавинии, чтобы взгляд мужчины намертво впился в меня — в нем читается дикая скорбь и террор одновременно.

— Этого не может быть, — бормочет он.

С неба внезапно обрушивается плотный проливной дождь, барьер растворяется в воздухе, и гвардейцы бросаются к нам на выручку, мгновенно заковывая незнакомца в наручники. Моя рука продолжает мертвой хваткой сжимать ладонь Лавинии, я крепко держу её за своей спиной, а моя грудь судорожно вздымается от пережитого страха.

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё, из её глаз вовсю льются слезы. Она оседает на землю, выскальзывая из моих рук. Опускаюсь на её уровень, и когда она встречается со мной взглядом, из её груди вырывается надрывный, душераздирающий плач, равного которому я никогда не слышал.

Почему мне кажется, что она оплакивает меня?

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 27

Лавиния

Эдоардо уверенным, жестким шагом идет по Арене, пока толпа неистово скандирует его имя. Гнев щекочет ему руки, струится по венам и подчиняет себе каждую мысль. Лоб нахмурен, губы сжаты в прямую линию, а глаза сочатся темным вожделением. На его голове сияет золотая корона, приковывая взгляды всех граждан.

Гвардеец распахивает ворота, и тут же появляются двое солдат, которые волоком тащат Артура за руки на середину поля боя. Вид у него истощенный, одежда испачкана грязью и кровью, губа разбита, а лицо покрыто ссадинами. В этот миг над толпой взрывается хор яростных оскорблений.

— Смерть ему! Смерть! — ревут все вокруг.

Изломанного и обессиленного, его швыряют к ногам Эдоардо, который ни секунды не медлит и выхватывает из-за пояса острый меч.

Он заносит клинок и точным, резким движением пронзает грудь Артура насквозь. Кровь пачкает лезвие и капает с губ Артура; он рушится на землю с глухим стуком, эхом разнесшимся по всей округе.

Горожане ликуют, празднуя победу и славя своего героя.

Героя, который без единой эмоции взирает на бездыханное тело Артура.

Человека, который убил собственного брата, даже не моргнув глазом.

Артур мертв.

— Артур!

Я просыпаюсь вся в поту, грудь ходит ходуном от лихорадочного, непрерывного удушья, глаза расширены от ужаса, а сердце колотится как безумное.

Оглядываюсь по сторонам, пытаясь прийти в себя. Белизна больничного барака немного успокаивает. Пальцы судорожно сжимают простыню, пока осколки памяти медленно складываются воедино. Я лежу на кушетке для пациентов; Рантал велел мне отдыхать и строго-настрого запретил любую работу.

Промакиваю лоб, пока меня накрывает волна сильнейшего головокружения. Нужно съесть хоть что-нибудь, иначе я просто рухну в обморок.

Спускаю ноги с постели. Я только что открыла глаза, но дикая усталость накатывает внезапно. Моё отражение ловится на стеклянной перегородке, отделяющей меня от соседней, пустующей кушетки. Осунувшееся лицо, отмеченное клеймом страха, и сухие, потрескавшиеся губы. С этими растрепанными волосами я могу напугать кого угодно. Пытаюсь собрать их в хвост, но даже это минимальное движение кажется невыносимо тяжелым, и я сдаюсь.

Только сейчас я замечаю марлевые повязки на ушах. Едва касаюсь их пальцами, как шорох отодвигаемой занавески заставляет меня замереть.

Взгляд резко испуганно стреляет вправо. Медсестра держит в руках лоток с перевязочными средствами; она подходит ближе и осторожно меняет повязки. Тот невыносимый, сверлящий ультразвук истерзал мои барабанные перепонки до крови. Меня снова передергивает от одного воспоминания.

— У тебя обезвоживание и очень низкое давление. Тебе нужен покой, скоро принесут обед. Лучше не вставай, — объясняет она с укоризненным видом. Я послушно ложусь обратно, заставляя её улыбнуться. — Это приказы Рантала.

— Я поняла, не шевелюсь, — шепчу я.

Она уходит, снова оставляя меня в одиночестве. Вздыхаю, забираясь под одеяло. Мне приносят еду, но я слишком отвлечена мыслями, которые заплетаются в тугой узел внутри моей головы. Короткие вспышки, леденящие кровь картины и раздирающие слух звуки мелькают перед глазами, безжалостно сжигая меня изнутри. Не могу забыть эту сцену, этот чудовищный кошмар. Всё было настолько реальным, настолько осязаемым…

Почему я увидела это?

— Вы не голодны?

Моргаю, вскидываю голову — и сердце застревает в горле. Папа пристально смотрит на меня, сидя в кресле рядом с кроватью беззубого мальчугана. Только теперь я осознаю, что моя кушетка расположена точь-в-точь напротив места, где лежит сын моего отца в этом измерении. И он смотрит на меня с такой глубокой тревогой, словно ему действительно есть до меня дело.

— Вам плохо? Хотите, я позову медсестру? — спрашивает он. Мальчик безмятежно спит, прижавшись щекой к подушке и приоткрыв рот.

Качаю головой.

— Не нужно, спасибо. И… давай на «ты». — Поднос с едой стоит на тумбочке; протягиваю руку, но не дотягиваюсь. Сделав глубокий вдох, я поднимаюсь, покачиваясь всем телом. *Почему я чувствую такую слабость?*

В глазах темнеет, я опираюсь рукой о стену и судорожно моргаю, но ситуация становится только хуже.

Вздрагиваю, когда чья-то рука обхватывает мою талию, удерживая от падения. Руки папы провожают меня обратно к постели и помогают лечь. Я не в силах выдержать его взгляд — знаю, что сломаюсь и разрыдаюсь как маленькая девочка.

— Не вставай, я помогу.

Он укрывает меня одеялом, берет поднос с едой и садится на край кушетки. Под его весом матрас заметно проседает.

Он берет нож и вилку, начинает резать мясо на маленькие кусочки, и в моей душе лавиной оживают воспоминания. Накалывает кусочек и протягивает его мне.

Мне хочется сказать, что я справлюсь сама; хочется умолять его отойти, вернуться к своему сыну, не смотреть на меня так и не тратить свою заботу. Хочется оттолкнуть его. Хочется закричать и спросить, почему он так и не вернулся домой. Спросить, начал ли он уже забывать вещи или в этой параллельной жизни Альцгеймер его не коснулся.

Мне хочется спросить, искал ли он меня вообще, ведь я… я всегда его ждала.

Приоткрываю рот и покорно жую, не протестуя. Я слишком устала бежать, устала отталкивать от себя людей. Или, возможно, я просто до безумия хочу почувствовать его тепло. И пока он продолжает резать мне еду, я не отрываясь смотрю на него, буквально пожирая глазами каждую черту. Заново запечатлеваю в памяти малейшие детали, рисуя их светлым оттенком его радужек и теми мягкими тенями, что ложатся на его лицо, когда он сосредотачивается.

Он прикусывает изнутри щеку — он всегда так делал, когда о чем-то напряженно думал. Уголок моих губ ползет вверх в слабой улыбке: даже здесь у него осталась эта привычка. Он резко поднимает глаза и ловит меня с поличным; я тут же испуганно опускаю голову. Моё глупое, растерянное выражение лица сейчас абсолютно неуместно — это то, что я не могу ему ни показать, ни объяснить.

Как мне заставить его понять, что я ждала его всю свою жизнь?

Его голос разрезает тишину:

— У тебя нет родителей?

Судорожно сжимаю простыню в пальцах.

— Я спрашиваю, потому что на тебе лица нет. В такие моменты рядом должен быть кто-то близкий. — Черты его лица смягчаются.

— У меня их нет, — шепчу я едва слышным морганием бессилия.

Встречаюсь с его взглядом — в нем сквозит искреннее сострадание.

— Мне жаль, — говорит он с простотой.

— Я уже привыкла, не беспокойтесь.

Он хмурится:

— Ты привыкла быть одна?

Киваю. Звук его голоса — словно ласковый зов из прошлого, напоминающий о временах, когда он был рядом. О временах, когда наш деревянный дом еще хранил его запах и не был заброшенным прибежищем для девчонки, ставшей пленницей собственного одиночества.

— Если позволишь… а где они?

Он имеет в виду моих родителей?

— Они… — С трудом сглатываю вязкую слюну. — …моя мама умерла, даруя мне жизнь. А отец, он… в общем… он исчез. — Моя нижняя губа дрожит на этих словах, а сердце лихорадочно колотится.

Вижу, как его лицо омрачается; он опускает вилку на поднос и снова прикусывает щеку, охваченный бурей прозрачно читаемых эмоций. Или, быть может, это я вижу их с такой пугающей легкостью.

— Как давно он исчез?

Прочищаю горло:

— Много лет назад.

— Его так и не нашли?

Качаю головой, не добавляя больше ни слова.

— И ты жила одна всё это время?

— Я его ждала, — признаюсь я. Слезы подступают к глазам, но я сдерживаю их изо всех сил.

Он проводит ладонью по волосам, затем оборачивается к сыну, который безмятежно спит на соседней кушетке. Когда его взгляд снова возвращается ко мне, я замечаю, что его глаза повлажнели, а к щекам прилил румянец.

— Я бы сгорел со стыда и вины, если бы мне когда-нибудь пришлось оставить своего сына Майка одного против целого мира, — его голос заметно дрожит. — Где бы ни был твой отец, я уверен — нет, я просто убежден, — что он гордился бы тем, какой женщиной ты стала, Лавиния.

Цепь, которой я сковывала каждую свою эмоцию, с треском разлетается в прах.

Этого достаточно, чтобы высвободить плач, который я так долго подавляла, — надрывный, судорожный стон, рвущийся наружу вопреки моей воле, прямо под взглядом отца, который так и не узнал брошенную им дочь.

Артур опускается передо мной на колено, поднимает взгляд и достает из кармана брюк золотое кольцо. Его медовые радужки отражают солнечный свет, а лицо озаряет мягкая улыбка.

— Ты выйдешь за меня? — его голос слегка подрагивает, пока он преданно смотрит на женщину перед собой.

Он смотрит на неё так, словно она — самое прекрасное создание, что ему доводилось видеть; так, будто в целом мире существует только она и больше никого. Смотрит с таким неистовым обожанием, что она чувствует себя единственной женщиной на всей Земле.

— Да, Артур, — шепчет она. — Конечно, я выйду за тебя. — Слезы омывают её щеки, он улыбается, видя её нежность, и прижимает к своей груди, заключая в объятия, у которых нет границ.

В мгновение ока сцена резко меняется, и лицо этой женщины теперь отражается на начищенном серебряном лезвии меча Эдоардо. Он заносит клинок над ней, пока двое мужчин мертвой хваткой удерживают её за руки. Она отчаянно бьется, но они слишком сильны. Они её поймали.

Без малейшего колебания Эдоардо вонзает меч ей прямо в грудь. Женщина рушится на землю с мучительной гримасой боли, кровь капает с её губ. Она остается лежать неподвижно в течение бесконечных минут, воздух со свистом покидает её легкие, а кожа бледнеет, становясь мертвенно-белой.

Эта женщина — я.

Лавиния.

— НЕТ! — кричу я.

Я снова просыпаюсь как от толчка. Меня колотит как осенний лист под ошарашенными взглядами медсестер барака. Оглядываюсь по сторонам, прижимая ладонь к груди в отчаянной попытке унять бешено колотящееся сердце.

Чертовы видения.

Что бы ни сотворил со мной тот человек, эти картины не перестают терзать меня, едва я закрываю глаза. Запускаю пальцы в волосы и глубоко вдыхаю. Это был всего лишь кошмар, мне нужно успокоиться. Ничего не произошло на самом деле. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

Просто кошмар. В нем нет никакого смысла, нельзя позволять ему пугать меня.

Прямо передо мной беззубый мальчуган удивленно сверлит меня глазками. Он сидит один на кушетке и играет с желтыми строительными кубиками. Папа, должно быть, отлучился на минуту. Неужели ребенок видел, как я только что сходила с ума? Выдавливаю слабую улыбку, но он тут же опускает голову.

Отлично, я напугала ребенка.

— Тебе приснился плохой сон? — спрашивает он тонким, ангельским голоском, способным сокрушить любую мою защиту.

— Да, прости меня. Я не хотела тебя напугать.

Он поднимает на меня свои лазурные глаза:

— Папа говорит, что когда снится плохой сон, нужно себя ущипнуть. Чтобы вспомнить, что всё это неправда.

Его пухлое круглое личико резко контрастирует с моим — осунувшимся и угловатым. Этот мальчик настолько чист и невинен, что мне становится легче от одного взгляда на него.

Прижимаю пальцы к руке, захватываю кожу и сильно сдавливаю.

— Ты прав. Это действительно помогает, Майк.

— А что ты видела такого страшного?

— Одного человека… — бормочу я.

В мыслях снова всплывает образ Артура с кольцом в руке. В его взгляде не было ни тени, ни намека на страдание или муку. Он был самим воплощением счастья, чем-то настолько прекрасным, что это казалось сюрреалистичным.

— И какой он был? Страшный?

Качаю головой.

— Нет, он… у него золотые волосы и глаза цвета меда. Он был невероятно красив, — признаюсь я.

Не знаю, стоит ли говорить об этом с больным ребенком из параллельного измерения. Но слова льются сами собой, этот разговор освобождает мою грудь от тяжести, которой я ни с кем не могу поделиться. И, возможно, дело в том, что в этом мире он сын моего отца, но я чувствую между нами некую связь.

Он начинает выстраивать кубики в башню:

— И что он делал в твоем сне?

Мои губы растягиваются в улыбке, почти ностальгической:

— Он просил меня выйти за него наперекор всему. — Поглаживаю большим пальцем безымянный палец левой руки, и меня пронзает странное ощущение — будто это кольцо действительно когда-то принадлежало мне. Я физически чувствую его отсутствие, и это оставляет во мне жуткую, сосущую пустоту.

— А у него был меч?

Поднимаю взгляд и вижу, что мальчик смотрит куда-то вправо от нас. Прослеживаю траекторию его глаз, и у меня едва не перехватывает дыхание. Артур идет уверенным, размашистым шагом, минуя одну кушетку за другой, под пристальными взглядами всех присутствующих. Его ни капли не волнует, что он находится посреди барака, забитого тяжелобольными людьми; он даже не замечает, что приковал к себе всё внимание своей царственной осанкой, мечом и элегантной одеждой. Впрочем, ему не привыкать.

На нем белая рубашка, подчеркивающая мускулистое тело, черные джинсы на высокой талии с коричневым ремнем и мокасины. Меч покоится в серых кожаных ножнах.

Он останавливается перед моей кушеткой, золотистые кудри слегка щекочут ему лоб, пока он подтягивает стул поближе к моей постели. Садится и совершенно буднично опускает меч на колени.

Его взгляд проникает мне до самых костей.

— Уходи.

На нас смотрят абсолютно все. Гвардейцы, медсестры и пациенты продолжают коситься в нашу сторону. Никто из них не знает, что перед ними принц Артур, никто, кроме личной охраны, ожидающей у дверей.

Артур наклоняет голову набок:

— Еще вчера ты смотрела на меня и ревела как маленькая девочка. А сегодня я прихожу тебя навестить, и ты так со мной обходишься? Пожалуй, тебе придется мне кое-что объяснить.

Когда барьер рухнул, я не смогла сдержать слез от увиденного в ментальном кошмаре. Я была не в силах отличить реальность от вымысла. Те эмоции казались настоящими, моими. Те крики, та кровь, та разрывающая боль.

— Я не обязана тебе ничего объяснять, — шиплю я. — И убери этот меч, незачем держать его так близко.

Воспоминание о том, как клинок пронзает его грудь, лишая жизни, крадет мой воздух. Пытаюсь замаскировать пожирающий меня страх. Что бы ни сделал со мной тот человек у барьера, я больше не могу смотреть на окружающий мир прежними глазами.

Он качает головой:

— Что-то здесь не так… — шепчет он.

Резким, внезапным движением он протягивает руку к занавеске и задергивает её, изолируя нас от чужих навязчивых глаз и ушей. Теперь есть только я и он. Он упирается ладонью в матрас, его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего.

— Что ты видела?

— Ничего.

— От «ничего» так не плачут.

Стискиваю зубы:

— Думаешь? Ты сам прекрасно умеешь доводить меня до слез. Помнишь?

Он цыкает языком, и выражение его лица становится пугающе серьезным:

— Серьезно, Лавиния? — в его тоне закипает ярость.

Я не сдаюсь:

— Серьезно, Артур.

Ни один из нас не уступает другому, никто не отводит взгляда и не двигается с места. На его лице нет ни малейшего намека на покорность — напротив. Уголок его губ ползет вверх в почти издевательской ухмылке, но я не намерена прогибаться под его волю. Я хочу, чтобы он оставил меня в покое, убрался обратно во дворец и исчез из моей жизни.

— Ну хорошо, — шепчет он.

Он отстраняется, и воздух наконец возвращается в мои легкие — словно от страха он прятался где-то вдали от меня. Но прежде, чем я успеваю это осознать, его руки обвивают мои ноги и торс. Он с легкостью поднимает меня с кушетки и направляется к выходу из барака.

— Немедленно отпусти меня, — шиплю я. Любопытный шепот вокруг нас становится громче.

Он даже не удостаивает меня ответом. Пытаюсь вырваться, но его хватка становится еще более железной. Чем сильнее я барахтаюсь, тем крепче его руки прижимают меня к его груди. Его пальцы скользят под подол больничной халаты, сминая кожу и поднимаясь по внутренней стороне бедра.

Вздрагиваю, замечая в его глазах искру веселья.

— Посидишь смирно, Лавиния?

С трудом сглатываю вязкую слюну:

— Смирно? — у меня вырывается короткий нервный смешок. — Куда ты меня тащишь? Я не хочу никуда с тобой идти.

Его губы приближаются к моему правому уху, едва задевая мочку, отчего меня пробирает дрожь.

— Какая жалость, а мне казалось — как раз наоборот.

На улице один из гвардейцев торопливо распахивает дверцу черной машины. Артур пригибается, прикрывая мою голову ладонью, и усаживается на заднее сиденье.

— Можем ехать, Джефф, — приказывает Артур, всё еще крепко обнимая меня за спину.

Машина трогается, и я оказываюсь зажатой наедине с человеком, от которого всеми силами пыталась отстраниться. Я сижу прямо на его коленях, прижатая к его груди, и его дыхание щекочет мою кожу. Тонкая, невесомая ткань халаты, задравшаяся выше колен, ничуть не помогает ситуации.

— Не смотри на меня так, иначе я рискую растрогаться, — шепчет он.

Вскидываю бровь:

— Ты меня похитил.

— Это был единственный способ.

Я едва не смеюсь ему в лицо:

— Важно только то, чего хочешь ты, верно? Ты никогда не думаешь о том, что чувствую я? Я тебе не тряпичная кукла.

Его пальцы скользят от моих голеней выше к бедру, сантиметр за сантиметром преодолевая расстояние с мучительной медлительностью. Он смотрит на меня с яростным огнем в радужках, которым управляет по собственному усмотрению, пока я изо всех сил пытаюсь сохранить бесстрастное выражение лица.

Он облизывает нижнюю губу:

— О, поверь мне. Я прекрасно это знаю. Ты самое непредсказуемое и упрямое существо, что мне доводилось встречать. Если бы я мог вылепить тебя под себя, мне было бы куда спокойнее.

— Простите меня, Ваше Высочество, за то, что я живой человек.

Он смеется, и на его щеках проступают две ямочки. Мгновенно пронзаю его уничтожающим взглядом.

— Это не смешно. Куда ты меня везешь?

— Во дворец.

— Зачем?

— Скоро узнаешь.

Его парфюм пьянит мои чувства. Прижав ладони к его груди, я отчетливо слышу стук его сердца и ритм дыхания. Поднимаю взгляд — он всё так же неотрывно смотрит на меня, а его руки продолжают ласкать мою обнаженную ногу.

Пытаюсь отстраниться, но он оказывает сопротивление.

— Я вообще-то могу пересесть на сиденье, знаешь ли? — огрызаюсь я. Мне жизненно необходимо выбраться из-под его удушающего влияния.

— Насколько я тебя знаю, ты способна выкинуться в окно на полном ходу. Я хочу избежать досадных происшествий, к тому же, мне и так отлично.

Вздыхаю.

— Но мне так не отлично, — отчеканиваю я.

Он не успевает ответить: машина резко, со свистом тормозит, и я лечу вперед. Он перехватывает меня прежде, чем я успеваю расшибить лицо. Прячу голову в изгибе его шеи, пальцы мертвой хваткой вцепляются в его руки, словно он может раствориться в воздухе.

— Простите, Ваше Высочество, — голос водителя возвращает меня к реальности.

— Всё в порядке, — голос Артура вибрирует в его груди, приглушенный, хриплый и глубокий.

Он приподнимает пальцами мой подбородок, жадно изучая каждую черточку лица. Он напуган; его фанатичная забота одурманивает меня.

Перевожу взгляд на окно, и то, что предстает моему взору, переворачивает всё внутри.

— Но… что…

Артур пытается меня успокоить:

— Не смотри, там ничего нет.

Улицы превратились в палаточный лагерь для больных и умирающих. Грязные желтоватые шатры усеивают каждый угол, пока вооруженные солдаты жестко подавляют малейшие вспышки агрессии. Дети на земле, одетые в лохмотья, старики в инвалидных креслах с кислородными канюлями в носу. Их тела согнуты от голода, лица осунулись от непреходящего страха.

Снова смотрю на Артура — его понимающий, тяжелый взгляд служит подтверждением: он уже видел эту картину.

— Что здесь происходит? И только не вздумай говорить, что ничего.

— Второе знамение.

— Почему никто не сказал мне, что снаружи такой ад? Дама ничего не сообщила, почему?.. Я бы пришла на помощь.

Он горько улыбается:

— Вот именно.

В один миг кристальной ясности я осознаю, что натворили Дама и Артур.

— Вы держали меня в том бараке намеренно… вы сговорились.

— Ты к этому не привыкла, Лавиния. Мы управляем ситуацией настолько эффективно, насколько это возможно, и этих людей уже распределяют по баракам, не думай, что мы бросили их на произвол судьбы. Но знай ты правду, ты бы сейчас выскочила из машины и усадила их всех на свое место. Верно?

Гнев закипает во мне с новой силой.

— И что с того? Поверить не могу. Ты обманул меня, чтобы держать в узде, словно глупую маленькую девочку? Ты приказал всем молчать?

— О нет. — Он качает головой. — Я никого не просил, Лавиния. Я отдал приказ.

Хмурюсь. *Что он сделал?*

Черты его лица напряжены, губы сжаты в тонкую линию, а в медовых радужках залегла зловещая тень.

— Я приказал, чтобы тебя перевели в самый безопасный барак, в район, который пострадал меньше всего, и где численность стражи была максимальной. Я отправил туда Рантала, чтобы он присматривал за тобой в моё отсутствие, но даже так… ты умудрилась найти неприятности.

Кажется, у меня сейчас отвиснет челюсть.

— Это был ты? — шепчу я.

Смесь ярости, горечи и глубокого разочарования затапливает душу. Растоптав меня своими жестокими словами, он спрятал меня в безопасный угол, думая тем самым смыть свою вину?

— Ты бы никогда туда не поехала, попроси я тебя по-хорошему.

— Можешь не сомневаться! — кричу я, и под моим натиском его взгляд меняется. — Ты сделал мне больно, Артур!

Машина останавливается, но мы слишком поглощены этой дуэлью, чтобы заметить чертовы стены вокруг. Обида выжигает мне грудь, она рвется наружу, заставляя меня выплеснуть ему в лицо всё до единой капли.

Уголки его губ приподнимаются в улыбке — словно он наконец добился своего.

— Наконец-то ты даешь волю чувствам.

Моё дыхание сорвано, пальцы лихорадочно сминают дорогую ткань его рубашки.

— Я сходил со ума от беспокойства за тебя. Веришь ты мне или нет, но я думаю о тебе каждую долгую секунду. Я знал, что ты не подпустишь меня близко, но это не помешало мне защитить тебя. И я буду делать это всегда, Лавиния. Я уберегу тебя, даже если ради этого придется лгать.

Я не успеваю осознать собственный порыв: моя ладонь с размаху врезается в его щеку в яростном, неконтролируемом исступлении. Звук пощечины оглушительным эхом разрывает тишину замершего автомобиля.

Вне себя от ярости, я смотрю, как он медленно массирует челюсть.

— Ты не защитил меня. Ты ранил меня осознанно. С вашего дозволения, Ваше Высочество.

Толкаю дверцу, выхожу из машины и иду босиком прямо по раскаленному асфальту. Вокруг высятся стены дворца, а гвардейцы застыли как каменные изваяния, готовые приветствовать своего принца. Некоторые косятся на меня.

Неужели они что-то видели?

Не успеваю я об этом подумать, как на мои плечи опускается тяжелый груз. Поворачиваю голову вправо: Артур набросил на меня свое длинное черное пальто. Пытаюсь сбросить его, но он жестко пресекает моё движение.

— Можешь бить меня сколько влезет, но не смей разгуливать в одной тонкой халате среди солдат.

Его ладонь ложится на мою спину, и когда я пытаюсь вырваться и оголить плечи, его рука сжимает меня еще крепче, превращаясь в тиски.

Он улыбается, хотя его щека по-прежнему пылает красным.

— Хочешь, чтобы я приказал им выколоть себе глаза? Оставь это чертово пальто на себе и шагай.

Испепеляю его взглядом, взвинченная этой его маниакальной потребностью всё контролировать. Он подталкивает меня к главному входу, и стоит мне переступить порог дворца, как воспоминания лавиной обрушиваются одно за другим. Вздыхаю.

— Зачем ты привез меня сюда?

Он тащит меня по погруженным в гробовое безмолвие коридорам, не удостаивая даже минимальным объяснением. Его рука по-прежнему намертво прижата к моей спине — словно я могу испариться в мгновение ока. Каждая встречная стража провожает меня озадаченным взглядом. Сильнее укутываюсь в пальто — оно мне безнадежно велико, но по вине этого безумного златовласого принца у меня просто нет другого способа прикрыться.

Мы спускаемся к подземным тюрьмам, и от местного холода меня пробирает дрожь. Я ни капли не скучала по этому склепу. Артур сворачивает за угол, и едва я замечаю узника, как инстинктивно пячусь назад.

Мужчина, появившийся тогда из-за барьера, закован в цепи как дикий хищный зверь. Его лицо превращено в месиво, а тело искалечено до неузнаваемости после бог весть каких пыток. Перед его камерой дежурят пятеро вооруженных до зубов гвардейцев. Один из них распахивает железную дверь.

— Нет… — шепчу я.

— Не бойся. Здесь он ничего не сможет тебе сделать, — обещает Артур.

Делаю еще шаг назад:

— Нет, — повторяю я.

Артур тяжело вздыхает:

— Тогда расскажи мне, что ты видела.

— Что? Нет!

Он качает головой — словно у него не осталось иного выбора, кроме как швырнуть меня в этот капкан. И это его чертова идеальная защита? Поставить меня лицом к лицу с тварью, которая отравляла мои сны жуткими видениями?

Взгляд его неожиданно смягчается:

— Лавиния, умоляю, поговори со мной. Ты отказываешься говорить, что видела, а он не произносит ни слова. Я бы никогда не пошел на это, но ты сама видела, что происходит снаружи с людьми. Они умирают каждый день от проклятия, которое я не в силах разрушить. Я хочу найти решение, хочу спасти свой народ. Пожалуйста.

Я колеблюсь. Последнее, чего мне хочется, — это позволить этому пугающему созданию снова проникнуть в мой разум и играть моими мыслями. Но, с другой стороны, для Артура я — последняя соломинка. В его глазах я читаю неподдельную, искреннюю обреченность. Он бы ни за что не притащил меня сюда, не будь ситуация смертельной.

Киваю.

Артур кивает гвардейцу, приказывая привести узника в чувство.

— Я здесь, с тобой. Не оставлю тебя ни на секунду, — обещает он.

Пленника с силой бьют дубинкой под дых. Он глухо стонет от боли, затем судорожно моргает, и его пустой взгляд блуждает по присутствующим, пока намертво не застывает на мне. Он оскаливается в улыбке — словно только меня и ждал.

— Лавиния.

От звука собственного имени из его уст моё сердце испуганно замирает в груди. Артур осторожно поглаживает мою спину, и дыхание выравнивается.

— Твои воспоминания возвращаются? — спрашивает узник.

Я молчу, парализованная диким страхом. Я прекрасно понимаю, о чем он говорит — о тех катастрофических картинах, которые преследуют меня, стоит лишь закрыть глаза.

— Полагаю, да, иначе ты не была бы в таком ужасе.

Перевожу дух:

— Это не воспоминания. Что бы ты со мной ни сделал, прекрати это немедленно.

— Прекратить? — он смеется лающим смехом. — Всё уже повторяется.

Артур в полнейшем замешательстве переводит взгляд с меня на него, не понимая, почему моё лицо побелело от этих слов. Он вообще не улавливает смысл того, что узник мне внушает.

— О чем ты говоришь? — требует ответа Артур.

Тот молчит.

— Ты разговариваешь только с Лавинией? — тон Артура становится яростным. — Мы уходим, — приказывает он.

Мой взгляд прикован к человеку, который скалится в пугающей ухмылке. Что-то внутри подсказывает мне, что он знает гораздо больше, чем говорит, и мысль о том, что его намеки могут оказаться правдой, уничтожает меня. Должна я верить ему или нет? Трясу головой и разворачиваюсь, чтобы уйти за Артуром как можно дальше от него.

Но всё идет прахом.

В коридоре появляется Эдоардо в сопровождении двоих гвардейцев. Он вскидывает руку, приветствуя брата, но стоит его глазам встретиться с моими, как внезапная, дикая судорога в сердце заставляет меня рухнуть на пол. Я не могу дышать.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— Лавиния! — Артур мгновенно опускается рядом со мной, тревога искажает его лицо.

Я задыхаюсь, обессиленная. Не могу вымолвить ни слова, единственное, что я чувствую, — это пронзительная, разрывающая боль в груди, которая мешается с издевательским смехом заключенного.

— Какого хера ты ржёшь? Хочешь, чтобы я отрезал тебе язык? — гремит Артур. Гвардейцы тут же бьют узника под дых; он умолкает, заходясь громким кашлем.

Я делаю короткие, прерывистые вдохи, мертвой хваткой вцепляясь в ладонь Артура. Словно что-то чужеродное не дает мне набрать воздуха. Я не могу даже объяснить это, потому что говорить сейчас кажется чем-то непосильно тяжелым.

— То, что ты чувствуешь, Лавиния, — это боль от меча, пронзающего твою грудь. И ты прекрасно знаешь, кто тебе её причинил.

Слова этого человека заставляют меня оцепенеть. Откуда он знает? Округляю глаза в диком терроре.

Артур рывком поднимает меня с пола, не позволяя твари произнести больше ни звука. Он берет меня на руки и выносит из подземных казематов. Взлетает по ступеням, пока мы не оказываемся в коридорах. Он бережно опускает меня на пол, прислонив к стене, сжимает мою ладонь и пытается успокоить своей улыбкой. Я не слышу его голоса, вижу лишь, как шевелятся его губы. В долю секунды у моих ног оказывается королевский лекарь, который направляет мне в глаза лучик фонарика.

«Кто тебе её причинил».

Поднимаю взгляд в поисках объяснения, способного распутать этот тугой узел, и рядом с Артуром вижу Эдоардо, который бесстрастно разглядывает меня. Он в точности повторяет образ мужчины из тех кошмаров — того, кто пронзил мечом Артура и проделал то же самое со мной.

Человек с короной на голове, тот, кто убил меня, — это он. Эдоардо.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 28

Лавиния

Манжета тонометра сжимается, пока цифры на экране ползут вверх; еще пара секунд — и тугая хватка ослабевает, воздух с шипением выходит. Королевский лекарь прикладывает стетоскоп к моей груди и велит сделать вдох. Я послушно выполняю его указания.

— Давление немного низковато, но в остальном я не вижу проблем. Ты впервые чувствуешь такую сильную боль в груди?

Киваю. Воспоминание о той зверской судороге до сих пор парализует меня и пускает ледяную дрожь по всей спине. Хватило одного лишь столкновения взглядов с темными радужками Эдоардо, чтобы моё тело рухнуло. Касаюсь пальцами того самого места под ключицей, на уровне сердца, где еще недавно пульсировала боль.

Дверь палаты распахивается: на пороге появляется Артур в сопровождении двоих королевских гвардейцев.

— Ваше Высочество, — лекарь склоняет голову в знак почтения. — Мы провели необходимые обследования: электрокардиограмма без изменений, анализы крови в норме. Давление низкое, но, полагаю, это из-за нехватки сахара. Плотный обед и немного покоя всё исправят.

Артур едва заметно кивает, и лекарь выходит из комнаты вслед за стражей. Дверь закрывается с глухим стуком. Артуру не нужно произносить ни слова — его глаза говорят сами за себя. В них читается тревога, страх и дикое желание заглянуть мне в душу, чтобы выудить оттуда ответы. Всё и сразу.

Запустив пятерню в свои кудри, он подходит к кровати, и с каждым его шагом у меня перехватывает дыхание. Он садится на край матраса прямо передо мной, а я инстинктивно подтягиваю ноги к груди.

Он разминает шею, шумно хрустя позвонками.

— Ты так и не скажешь мне, что увидела?

Моё упрямое молчание служит ему ответом. Опускаю взгляд. Как мне вообще объяснить ему, что я видела его смерть? Как сказать, что в моих видениях его убивает собственный брат? Как? Какие слова способны описать эти кровавые картины, воспроизвести звук его последнего вздоха?

«Всё уже повторяется». Вот что сказал тот человек в темнице. Судорожно сжимаю простыню в пальцах, пока удушающая тревога мешает мыслить здраво. Узник будто предвидит каждый шаг, словно смотрит фильм, который уже видел тысячу раз. И это приводит меня в ужас.

«Неужели Эдоардо суждено убить Артура и меня? Почему? В чем смысл?»

Мысли заплетаются в тугой, неразрывный узел.

«Я должна поговорить с ним. Должна понять, что он имеет в виду и почему с легкостью читает мой разум всякий раз, когда смотрит на меня. Я должна…»

Ладонь Артура перехватывает мою правую лодыжку и бережно вытягивает ногу на матрасе. Затем его пальцы ласкают голень, поднимаясь выше к бедру; он придвигается ближе, полностью лишая меня кислорода. Его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Он излучает столь чистое, магнетическое тепло, что это меня завораживает.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Его кудри едва задевают мой лоб, медовая сладость сочится из его радужек, проникая в мои глаза. Мягкая улыбка кривит губы, являя миру знакомые ямочки на щеках.

— Мне стоит разозлиться из-за того, что ты думаешь о чем-то другом, пока я сижу прямо перед тобой, Лавиния?

И звук собственного имени из его уст кажется мелодией, способной сшить воедино любые раны. С трудом сглатываю вязкую слюну, отклоняя голову назад в тщетной попытке вернуть хотя бы видимость дистанции между нашими телами. Но Артур с этим не согласен.

С лукавой улыбкой он заводит руку мне за спину и рывком прижимает к своей груди. Его дыхание щекочет мне шею, его грудная клетка лихорадочно вздымается, а моё сердце колотится как безумное.

Прочищаю горло:

— Мы во дворце. Если кто-то войдет, я поплачусь жизнью. — Ледяной тон маскирует эмоции, которые затапливают мне душу.

У него вырывается тихий смешок:

— И это всё, что тебя волнует? Я думал, мы уже переросли эту стадию. И, к слову, ты в моей спальне.

Моргаю в полном замешательстве, испуганно переводя взгляд из одного угла в другой. У меня такое чувство, что ему доставляет удовольствие удерживать меня в своих покоях, на своей территории. Здесь он чувствует себя хозяином ситуации, словно только так может быть уверен, что я полностью в его власти.

— К слову, ты сам притащил меня сюда на руках, еще и лекаря за собой притащил. У меня не было особого выбора.

— О, к тебе вернулся голос? Мне это нравится. — Он медленно облизывает нижнюю губу.

Качаю головой:

— Я могу идти? Ты закончил?

Порывают отстраниться, но его хватка за моей спиной становится жестче, а губы приближаются к моему уху. Кожа мгновенно покрывается мурашками, а сердце пускается вскачь.

— Неужели нет совсем ничего, что могло бы заслужить твое прощение? — Он выдыхает эти слова, буквально вымаливая пощаду и умело играя на том, какое действие его тело оказывает на моё. — Я бы отдал всё, чтобы никогда не причинять тебе боли. Мне жаль, Лавиния. Мне правда очень жаль. — Его ладонь ласкает мою спину размеренными круговыми движениями, пока пальцы другой руки зарываются глубоко в мои волосы.

Резкий шорох у двери заставляет меня вздрогнуть. Артур крепко держит меня, пресекая любую попытку вырваться. В дверь стучат пару раз, но ни один из нас не издает ни звука.

— Ты простишь меня? — продолжает он, его дыхание едва касается мочки уха. Он полностью игнорирует опасность положения, словно для него это вообще не в приоритете. Если нас увидят в такой позе, мне конец. Натянутая как скрипичная струна, я задерживаю дыхание, сжав кулаки и не отрывая взгляда от дверной ручки.

Стук повторяется.

— Ваше Высочество, разрешите войти? — С той стороны доносится мужской голос; должно быть, гвардеец. А вдруг это охрана Дамы? Или, что еще хуже… Короля?

Артур поддевает пальцем мой подбородок, заставляя повернуться к нему лицом.

— Я занят. — Хватает этих двух слов, чтобы шаги за дверью удалились. Его глаза полыхают обжигающим, праведным огнем, пока он сверлит меня взглядом не моргая.

— Почему ты не отослал его сразу? Я чуть не умерла от страха! — шиплю я сквозь стиснутые зубы. — Тебе весело? Это твое новое хобби? Доводить меня до слез уже недостаточно?

Он цыкает языком:

— Значит, прощать ты меня не хочешь, я понял, — вздыхает он. — Хорошо, я могу играть в эту игру сколько угодно. Я буду доказывать тебе свою искренность каждый чертов день. Я не отступлю.

Подаюсь назад:

— Тебе так нравятся заведомо проигранные битвы, Артур?

Порочная, хищная улыбка озаряет его лицо:

— Смотря какие… Ты — битва?

Закатываю глаза, но не успеваю ответить, как снова оказываюсь заблокированной в его объятиях. Он нависает надо мной, отрезая любые пути к отступлению, упираясь руками по обе стороны от моего тела. Его пальцы с силой впиваются в матрас, сминая ткань. Чем сильнее я пячусь, тем настойчивее он надвигается, пока окончательно не прижимает меня к деревянной кровати. Его ладонь скользит от моей ноги выше, к подолу ночной сорочки. Вздрагиваю, когда его подушечки пальцев касаются обнаженной кожи. Другой рукой он откидывает мои волосы в сторону, оголяя шею. Он утыкается в неё лицом, вызывая во мне сумасшедшие вспышки жара.

Он глубоко вдыхает, словно я — единственный чистый кислород, которым он дышит.

— Если ты — моя битва, Лавиния… — его хриплый голос царапает мне барабанные перепонки, — …тогда я готов сражаться до последнего вздоха. Ты стала бы самой прекрасной битвой… — выдыхает он с обезоруживающей медлительностью, — …самой сладкой… — его тон глубокий, прерывистый, — …самой хрупкой… — его кудри ласкают мою щеку, пока всё его тело плавно, словно горячий воск, принимает очертания моего, — …в моей жизни.

Мне хочется отстраниться, вернуть контроль над собственными мышцами, встать и сбежать от него как можно дальше… но я не могу. Не могу заставить себя перестать слушать его и глухо желать, чтобы он говорил еще и еще. Я не способна вымолвить ни звука. Я полностью заворожена его голосом, околдована прикосновениями, заперта в плену его парфюма.

Я борюсь с диким инстинктом запустить пальцы в его волосы, крепко прижать его к себе, стирая весь остальной мир. Эгоистично забывая о разделяющей нас реальности, о ранге, который ставит, между нами, стену, о вселенной, которой я чужда, и о правилах, запрещающих мне даже прикасаться к нему. Забывая о боли, которую он мне причинил, и о тех жестоких словах, что бросил в лицо.

Артур смотрит на меня с тем самым выражением, каким обычно изучает мои мысли: удивленно вскидывает брови и приоткрывает рот, слегка наклонив голову вправо.

— Я так хочу твоего прощения, я же чувствую, как ты разрываешься. Что мешает тебе поверить мне?

Его способность читать меня с одного взгляда просто поражает. Маски с ним бессильны.

— Ты не хочешь говорить об этом сейчас, — вздыхает он. Он отстраняется и поднимается, и внутри меня мгновенно разрастается звенящая пустота. Там, где только что его тело прижималось к моему, теперь нет ничего. Ощущение такое, будто меня лишили чего-то жизненно важного. — Я не сдамся, Лавиния. Я узнаю, что ты видела, что пугает тебя до полного оцепенения, и, главное, пойму, как заслужить твое прощение. Мне не хватает того, какими мы были прежде.

Последние слова окончательно крушат мою оборону.

В дверь снова стучат, но на этот раз Артур велит войти. Гвардеец переступает порог и застывает в коротком поклоне, прежде чем заговорить:

— Ваше Высочество, Руководящий совет собрался для обсуждения вопроса о престолонаследии.

Хмурюсь. *О чем он говорит?*

— Все на месте? — спрашивает Артур, поправляя рукой воротник рубашки.

— Да, Сир. Совет в полном составе: Жрецы, королевская семья, знать и высшие сановники. Они ожидают вас.

— Тогда идем. — Артур выходит из комнаты.

Стражник склоняет голову и следует за ним. Я же погружаюсь в океан сомнений и страхов, который затягивает меня всё глубже на дно. Они все собрались, чтобы выбрать наследника престола, а значит, этот момент стремительно приближается. Картины кошмаров, терзающих меня днями напролет, возвращаются с новой силой. Один из двух наденет эту корону. Один из двух убьет другого? В тех чудовищных видениях Эдоардо заносит меч над Артуром и без малейшего колебания пронзает его грудь.

Встаю на ноги; резкий приступ головокружения вынуждает меня замереть, я хватаюсь за край тумбочки и стою так около минуты. Обуваюсь, наспех собираю волосы в высокий хвост и делаю глубокий вдох, пока зрение снова не становится четким. Мелкими шагами иду к двери — гвардейцев в коридоре нет. Сглотнув страх, я выскальзываю наружу и торопливо бреду по длинному коридору, застеленному элегантными коврами кроваво-красного цвета с золотыми узорами. Встречный персонал дворца косится на меня с явным неодобрением; только сейчас я вспоминаю, что на мне лишь тонкая ночная сорочка, которая выглядит, мягко говоря, прозрачной.

Заскакиваю в первую попавшуюся каморку для слуг и, к своему счастью, нахожу там чистую одежду. Хватаю форму придворной девушки — она мне слегка великовата, но выбирать не приходится. Обуваю туфли на каблуках, затем торопливо заправляю белую блузку в черную юбку на высокой талии.

Готово. Теперь на меня хотя бы не будут смотреть как на сумасшедшую, и я смогу спуститься в подземелья, не рискуя быть пойманной и отправленной обратно. Выхожу из каморки и быстрым шагом направляюсь к единственному существу, способному дать мне четкие ответы, — к человеку, запертому в темнице. Как бы меня ни парализовал ужас перед разговором с ним, как бы мне ни хотелось никогда его больше не видеть, он — единственный, кто, кажется, знает финал этой истории.

Я преодолеваю пролет за пролетом, спускаясь по лестнице в подземелья. Те немногие гвардейцы, что попадаются мне навстречу, не обращают на меня никакого внимания: для них я всего лишь очередная придворная девушка, а именно на это я и надеялась. Не зря я переоделась.

Останавливаюсь перед железной решеткой, ведущей к камерам.

Стражник мгновенно преграждает мне путь: — Сюда нельзя.

Я натянуто, через силу улыбаюсь: — Придворная дама приказала мне осмотреть раны заключенного.

Он медлит, подозрительно прищурившись и сканируя меня с ног до головы. Он не верит мне, и у него есть на то все основания. Ложь, которую я сочиняю на ходу, буквально написана у меня на лбу. Но, к моему удивлению, он всё же отступает в сторону.

— Не приближайтесь слишком близко, — приказывает он.

Киваю и почти лечу внутрь. Облегченный вздох срывается с губ, пока я иду по длинному, душному и мрачному коридору. Миную десяток пустых камер. На стенах тускло горят маленькие лампы, но, несмотря на это, всё пространство остается погруженным в гробовую темень.

Я узнаю его сразу. Его руки скованы тяжелыми цепями, лодыжки зажаты в железные колодки, удерживающие его на месте. Голова опущена к полу, лицо иссечено порезами и шрамами, а обнаженный торс покрыт багровыми синяками. Единственная одежда на нем — широкие белые штаны, испачканные бурой кровью.

— Ты вернулась, — шепчет он.

Хватает этих двух слов, чтобы дикий страх заживо сожрал мой желудок. Он смотрит на меня — темнокожий, с радужками, затопленными вечным проклятием, а его губы ползут вверх в издевательской, высокомерной ухмылке.

Я собираю в кулак остатки мужества: — Что это значит? Что со мной происходит? Что это за картины? Что они означают? Я хочу получить четкие ответы. Без твоих дурацких игр и непонятных ребусов. Я ясно выразилась?

Он глухо, со вкусом смеется, а затем болезненно заходится кашлем. — Ты совсем не изменилась, Лавиния.

— Ты не знаешь меня. Перестань говорить так, будто тебе известно абсолютно всё. Это жутко.

— О нет, я прекрасно тебя знаю, — оскаливается он. — Ты любишь его и в этой жизни. Рок — абсурдная штука, не так ли?

Хмурюсь: — О чем ты опять говоришь? Я сказала, что мне нужны ответы, а не загадки, чертов ты психопат.

— Элайджа. Меня зовут Элайджа.

— Что ж, Элайджа, — чеканю я, с силой выделяя его имя голосом, — чего ты ждешь? Объясни мне хоть что-нибудь. Я здесь, как ты и хотел. К несчастью, я не настолько умна, чтобы разгадывать твои заумные пророчества. Тебе это ясно?

Он улыбается: — Тебе всё станет ясно в свое время. Проклятие уже вершит свой ход, и эта история близится к финалу.

У меня едва не случается истерический припадок. Когда он прекратит сотрясать воздух своими загадками?

— Ты не веришь мне, я знаю. Но твоя судьба вплетена в спираль, которая повторяется веками. Хочешь доказательств?

Ошарашенно качаю головой. Нужно сохранять хладнокровие, я не могу просто развернуться и уйти сейчас. Чем сильнее я теряю терпение, тем охотнее он выдает свои бессмысленные фразы. — Если тебя не затруднит, — язвительный тон выдает всё моё колоссальное напряжение. Я уже поняла, что он не скажет ничего, что могло бы мне помочь, ничего, что вернуло бы четкость этой размытой, путаной картине.

— Это может тебя уничтожить, но такова правда. Лавиния, твое существование — не что иное, как бесконечный повтор одного и того же смертного приговора. Все твои прошлые и будущие воплощения имели и будут иметь один зловещий рок, завязанный на твоей крови. Женщина, которая дает тебе жизнь, всегда будет умирать при родах. Мужчина, который станет твоим отцом, неизменно бросит тебя, сойдя с ума от слабоумия, против которого нет лекарств. Твое тело осквернят бездушные твари, и всё это приведет тебя к единственному финалу. К самоубийству.

Земля под моими ногами с каждым его словом рассыпается в прах.

— Все твои прошлые жизни, Лавиния, заканчивались самоубийством. Каждый раз, перерождаясь, ты заново проживаешь те же самые муки. Они выжигают, иссушают и опустошают тебя до такой степени, что ты сама умоляешь о смерти.

— Ч-что… что за бред ты несешь? — лепечу я, удушающий страх сжимает горло.

Он знает про папу, про маму, про насилие и про тот день, когда я стояла на мосту, готовая сделать шаг в пустоту. Он знает всё. Острая, разрывающая боль кромсает мою грудь надвое. Чем дольше я смотрю на него, тем сильнее меня убивает его абсолютная, леденящая серьезность. Он не лжет.

— В каждой твоей жизни эти узлы затягиваются одинаково, и спасения нет. Ты рождаешься, твоя мать умирает, твой отец заболевает и исчезает, мужчины насилуют тебя, и ты сама обрываешь свою жизнь. Проклятый цикл, который крутится по кругу, и его невозможно разорвать.

— Нет… — задыхаюсь я. — Это неправда. — Я каменею, намертво вцепившись пальцами в железные прутья решетки. Мои страдания не могут быть частью какого-то замкнутого круга, из которого нет выхода. — Откуда ты знаешь обо мне эти вещи? В какую игру ты со мной играешь?

Он горько улыбается: — Я и не ждал, что ты поверишь мне сразу, Лавиния. Но это не игра. Это горький рок, который достался тебе в наказание.

Ярость закипает в венах, сливаясь с моей кровью и выжигая легкие. — Допустим, всё, что ты сейчас наговорил, — правда… — Делаю вдох, кончики пальцев немеют от дикого желания разнести здесь всё в щепки. — Кто-то срежиссировал это наказание, где моя жизнь раз за разом превращается в цепочку трагедий, ведущих к самоубийству?

Он опускает голову, и в этом жесте сквозит глубокая, искренняя скорбь. — Всё началось века назад, когда Жрецы покарали тебя за то, что ты защитила и полюбила одного человека.

Я цепляюсь за разделяющую нас решетку, с трудом выравнивая прерывистое дыхание и пытаясь успокоить сорванные нервы. — Надо же, какая трагическая история, прямо слезу вышибает. Наказывать в каждой жизни просто за то, что посмела чувствовать. Вау, поаплодируйте ей, пожалуйста.

Элайджа тяжело вздыхает: — Проблема была не в твоих чувствах.

Он говорит так, словно сам видел или пережил эту историю; его рассказ звучит настолько весомо, что кажется осязаемым. Как он это делает? В его словах столько пугающей убедительности, что, слушая его, я теряю грань между правдой и вымыслом.

— Проблема, Лавиния, заключалась в том, *кого* именно ты полюбила. — Его слова звучат как тяжелый, не подлежащий обжалованию приговор.

Хмурюсь. Всё это полнейший абсурд. — И кого же я, по-твоему, полюбила?

— Зло.

Я смеюсь ему прямо в лицо: — То есть веками ранее я полюбила мужчину, который оказался Злом, и Жрецы прокляли меня за это, обрекая в каждом перерождении испытывать те же муки? Смерть матери, безумие отца и его исчезновение, изнасилование и моё самоубийство.

Я бы предпочла, чтобы он продолжал говорить загадками, изъясняясь своим непонятным языком и бросая на меня издевательские взгляды. Но вместо этого он смотрит на меня с искренним сожалением и жалостью. Словно пытается меня утешить, поддержать.

— Когда ты поймешь, что я не лгу, ты осознаешь, что каждое моё слово — правда. Но тогда будет уже слишком поздно, — вздыхает он.

Я окончательно перестаю что-либо понимать. — Слишком поздно для чего?

Шаги гвардейцев заставляют его напрячься. Их голоса приближаются с каждой секундой.

Он понижает голос до шепота: — Артур взойдет на престол, и история повторится. Мы не сможем её остановить.

— Что это значит? Это связано с моими видениями? — Моего умоляющего взгляда оказывается недостаточно. Он замолкает. Тишина окутывает его, отрезая от меня. Он опускает голову к полу и закрывает глаза, притворяясь спящим.

— Всё в порядке? — спрашивает гвардеец, выросший у меня за спиной.

Поворачиваюсь и киваю. Мужчина бросает тяжелый, неприязненный взгляд на Элайджу, а затем жестом просит меня покинуть темницу. Я иду по коридору к выходу, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. Тысячи мыслей, одна запутаннее другой, штурмуют мой мозг. Поднимаюсь по ступеням и едва не падаю, погруженная в себя, не в силах выкинуть из головы эти проклятые слова.

Он запутал меня еще сильнее, а это было именно то, чего я так отчаянно пыталась избежать. Не знаю, что пугает меня больше — сама история о моем непрерывном перерождении или те точные, убийственные детали, которыми он соткал свой рассказ. Факт остается фактом: этот человек наводит на меня ужас.

Откуда ему известны эти вещи обо мне? О них не знает никто, кроме Артура. Прижимаю ладонь к виску — голова просто раскалывается. Преодолев последнюю ступеньку, я оказываюсь в главном коридоре дворца и перевожу дух. Здесь непривычно пусто, и это кажется подозрительным.

«Артур взойдет на престол, и история повторится. Мы не сможем её остановить».

Я ничего не поняла, и у меня нет никакой уверенности в том, что его слова реальны… но в одном я убеждена твердо: картины, которые я видела, уже никто и никогда не сотрет из моей памяти. Меч Эдоардо, с жестокостью и полным безразличием вонзающийся в сердце брата. Это то, что случится, если Артур наденет корону? Тяжелый свинец давит на грудь, страх пускает глубокие корни внутри меня.

Заметив вдали проходящего гвардейца, я бросаюсь к нему с бешено колотящимся сердцем. — Простите!

Он оборачивается.

— Где все?

Его ответ повергает гвардейца в ступор.

— Ну… сейчас идет ассамблея по выбору наследника престола. Ваше Величество Король решает судьбу всего этого королевства.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Выдыхаю; в моем горле завязался узел, который я не в силах распутать. Пытаюсь набрать воздуха, но слова не слетают с губ. Закрываю глаза и снова открываю их. *Спокойно, Лавиния.*

— М-между Артуром и Эдоардо? — спрашиваю я, и мой тон пропитан диким страхом, выжигающим душу.

Он кивает с таким видом, будто это самая очевидная и банальная вещь во всей вселенной. Он не знает, что в моих кошмарах один из братьев в итоге убивает другого. Всё выглядит так, словно коронация — это фундаментальный шаг для свершения рокового пророчества.

«Артур взойдет на престол, и история повторится. Мы не сможем её остановить».

Голос Элайджи эхом грохочет внутри меня. Искусываю губы, лихорадочно постукиваю носком туфли по полу и впиваюсь ногтями в ладони. *Нет, этого не может быть. Только не сейчас.* Бросаюсь бежать в противоположную сторону; оклик стражника долетает до моих ушей, но у меня нет времени останавливаться.

— Что-то не так? — кричит он мне вслед, так и не дождавшись ответа.

Сворачиваю за угол, слетаю по лестницам, ведущим к главному вестибюлю. Дыхание становится прерывистым, пока я тщетно обыскиваю один зал за другим.

Я не могу нащупать решение. Более того, в эту самую секунду я вообще не способна мыслить. Разум затуманен. У меня нет ни одного рационального плана. Только месиво из безумных идей, страхи, посеянные сомнительным узником, и кошмары с леденящими кровь сценами.

Артур не должен взойти на престол. Если он будет держаться подальше от этой проклятой короны, возможно… то, о чем говорил Элайджа, не случится. Возможно… возможно…

Оказываюсь перед дверями зала, где заседает Совет; вход охраняют двое сотрудников безопасности. Втягиваю голову в плечи, иду с опущенным лицом и уже протягиваю руку к ручке, но меня мгновенно блокируют.

— Заседание закрытое. Вам нельзя войти.

— Это приказ Дамы, — лгу я. Меня трясет, я покрываюсь липким потом.

Охранник качает головой: — Никому нельзя войти. — Он жестом велит мне убираться назад.

Медлю, отсюда я отчетливо слышу доносящийся издалека голос Короля. Киваю, разворачиваюсь, и стражник возвращается на свой пост. В этот же миг, не дав ему опомниться и перехватить меня, я резко прыгаю к двери и толкаю её.

Взгляды примерно пятидесяти человек вонзаются в меня как иголки. Они сидят вокруг круглого стола, занимающего большую часть комнаты; на нем разложены карты и документы, а перед каждым местом установлены маленькие микрофоны. Король Давид восседает между двумя сыновьями: справа от него Артур, слева — Эдоардо. Оба смотрят на меня в полном замешательстве. Но сильнее всех возмущены Жрецы — облаченные в свои неизменные белые одежды, они сканируют меня с леденящим недоверием.

Стражник влетает в зал сразу за мной: — Я пытался её остановить, Ваше Высочество. Простите за оплошность. — Он хватает меня за предплечье, грубо дергая назад.

Артур вскидывает руку, останавливая его. Встречаюсь с ним взглядом и читаю в его глазах дикий страх за меня: его спальня — это последнее место, где он хотел меня

видеть, а этот зал — тем более. Я словно сама пришла в руки к своим палачам, и только сейчас осознаю, насколько эта моя импровизация была безумной и опрометчивой. Но я не хочу, чтобы Артура избрали. Я боюсь даже помыслить о том, что тогда произойдет.

— Что заставило придворную девушку ворваться на ассамблею по выбору наследника престола? — раздраженно спрашивает один из Жрецов.

Приоткрываю рот, в горле мгновенно пересыхает, а лихорадочный стук сердца настолько силен, что бьет по барабанным перепонкам, заглушая любые звуки. Взгляды, устремленные на меня, кромсают моё существо на тысячи мелких осколков, препарируют с презрением и глубоким подозрением. Поднимаю глаза на Артура, и он в долю секунды считывает моё отчаянное положение. Несмотря на то что он понятия не имеет о причинах моего безумного порыва, он закрывает меня собой без малейших колебаний.

Он поднимается с места: — Я сам потребовал её присутствия, но назвал неверное время, — чеканит он спокойным и властным тоном. Дежурной улыбкой он искусно маскирует инцидент. — Прошу меня извинить, я сейчас вернусь. — Обходит стол и подходит ко мне. — С вашего позволения. — Он коротко склоняет голову перед Жрецами, прежде чем вывести меня из зала.

Я быстрым шагом следую за ним. За весь путь до его спальни он не произносит ни единого слова. Он молчит, словно даже эти стены способны шпионить за нами.

Остановившись перед дверью, он жестом велит мне войти. Закрывает её за своей спиной, и его глаза тут же впиваются в меня с суровым упреком: — Что за блажь взбрела тебе в голову?

— Я не… я не хочу, чтобы ты всходил на престол.

Он хмурит брови: — Что за бред ты несешь теперь?

Вздыхаю, мои нервы натянуты до предела, а желудок сводит судорогой от избытка эмоций за этот бесконечный день: — Я не хочу, чтобы ты становился королем. Откажись от короны, делай что хочешь… но… не смей становиться Ре.

Замешательство затапливает его глаза, он запускает пальцы в волосы и резко зачесывает их назад. — Ты хоть понимаешь, о чем меня просишь?

— Я бы не просила, не будь это жизненно важно.

Он разводит руками: — Важно для кого? Объясни мне, поговори со мной, скажи хоть что-то, чтобы я понял! — Он требует ответов, которых я не могу дать. Элайджа ясно дал понять: если Артур наденет корону, история повторится. *Что я могу сделать, чтобы не дать ей повториться?*

— Лавиния, — обрывает он мои мысли, вырастая прямо передо мной. — Ты не можешь просто ворваться на королевскую ассамблею, заставить меня выйти, умолять не всходить на престол и при этом ждать, что я не задам ни одного вопроса. Ты обязана дать мне четкие ответы.

С трудом сглатываю вязкую слюну. Его глаза не примут отговорок, я не смогу уклониться от ответа или солгать. Он поймет, мгновенно раскусит, что я неискренна. Прищурившись, он надвигается на меня, заставляя пятиться, пока не прижимает спиной к стене. Упирается ладонью в стену прямо у моей головы и наклоняет лицо к моему уровню.

Если я не скажу ему что-то, что-то убедительное…

— Ну? — отрывисто бросает он ледяным тоном. — Мне нужно вернуться к Жрецам как можно скорее. Либо ты говоришь сейчас, либо я так и не узнаю причину твоей безумной выходки и ничего не смогу тебе гарантировать.

— Чтобы заслужить прощение, — шепчу я.

Он удивленно вскидывает бровь.

— Ты сказал… — прочищаю горло, — …ты сказал, что хочешь получить моё прощение. Хорошо. Откажись от престола, и я тебя прощу.

У него вырывается короткий смешок, он подносит руку к губам и тут же возвращает лицу серьезность. — Ты серьезно пытаешься скормить мне эту нелепую отговорку?

Он вздыхает, моё упорное молчание начинает его раздражать. Он стискивает челюсть; его черты становятся жесткими и застывшими, пока он целую минуту сверлит меня леденящим взглядом. Я задерживаю дыхание и опускаю глаза.

Убрав руку от стены, он прячет её в карман джинсов и резко разворачивается ко мне спиной: — Я возвращаюсь туда. У меня нет времени тратить его на человека, который мне лжет.

Я сжимаю кулаки так сильно, что чувствую боль от собственных ногтей.

— Кандидата на престол выбирает Совет, — бросает Артур через плечо, вонзая в мою грудь еще одно острое лезвие.

Жрецы и все те люди, которых я видела минуту назад… они изберут Артура, и то, о чем предупреждал Элайджа, случится.

Меч, с силой вонзающийся в грудь Артура, крики вокруг, кровь, сочащаяся из его губ. Картины сменяют друг друга в бешеном танце, не давая мне пощады. Перед глазами стоит лишь одна сцена: тело Артура лежит бездыханным на полу Арены, пока Эдоардо, убивший собственного брата, купается в овациях неистовствующей толпы.

Узел в горле затягивается сильнее, выжимая слезы дикого страха, которые ручьями текут по щекам. Меня колотит в неукротимой дрожи. Я опускаюсь на пол, зажимая уши руками, а мои глаза расширены от подступившей панической атаки.

Артур мгновенно опускается передо мной на корточки, его взгляд резко смягчается; он перехватывает мои ладони и крепко сжимает их у своей груди.

— Лавиния. — Его тон абсолютно спокоен, кожа обжигает теплом, а радужки полны чистого света.

— Я-Я в-видела твою с-смерть, — признаюсь я в хрупком, едва слышном шепоте. — Умоляю тебя, не надо… не надо… — Всхлипы мешают договорить.

Он не шокирован моим признанием, он лишь напуган моим состоянием. Подушечками пальцев он бережно стирает слезы с моих щек, глядя на меня так, словно я могу рассыпаться в прах от малейшего прикосновения.

— Если я взойду на престол, я умру? — спрашивает он.

Киваю, чувствуя в груди тугой удушающий комок. Я не могу перестать плакать. Несмотря на то, что он стоит прямо передо мной, несмотря на то что именно ему следовало бы испугаться… сильнее всех боюсь я сама.

Заведя ладонь мне за затылок, он мягко притягивает меня к себе, заключая в объятия и пряча моё лицо в изгибе своей шеи.

Ровный стук его сердца звучит как ласковый зов, напевающий умиротворяющую мелодию. Он заставляет меня закрыть глаза и просто дышать. Он запускает пальцы в мои волосы, выдергивает шпильки, и моя длинная коса рассыпается по спине. Он перебирает пряди, баюкая меня нежными поглаживаниями.

Мы остаемся в этой позе в течение бесконечных минут.

Я вдыхаю аромат его кожи, и лихорадочный пульс сам собой замедляется, возвращаясь в норму. Обнимаю его так крепко, что пальцы оставляют вмятины на его белой рубашке.

Когда дрожь наконец утихает, он слегка отстраняется. Берет мое лицо в ладони и улыбается так лучезарно, что этой улыбке позавидовало бы само солнце. Я не знаю, на какие потаенные клавиши в моей душе нажимает Артур, но ловлю себя на том, что улыбаюсь ему в ответ, не отрывая взгляда.

— Я никогда не смогу взойти на престол.

— Ч-что? — лепечу я, язык будто онемел.

На его щеке проступает знакомая ямочка: — Я не законный сын Короля.

Потрясенно приоткрываю рот.

— Об этом никто не знает, даже Жрецы, — объясняет он, пожимая плечами. — Меня усыновили во младенчестве. Королева никак не могла понести, и Король нашел меня в лесу, брошенного среди окровавленных пеленок, во время охоты у самых границ страны. В тот момент он был совсем один, поэтому ему удалось скрыть это от всех. Он решил дать народу известие о рождении наследника, а Королеве — младенца, чтобы она почувствовала себя матерью. Они объявили, что беременность государыни держалась в строжайшей тайне ради безопасности, и ни у кого не возникло вопросов.

Шок лишает меня дара речи. Ошарашенно моргаю. — Но как же тогда Эдоардо?..

— Он родился через семь лет после того, как я появился во дворце. Судя по всему, Королева не была бесплодной, это было лишь вопросом времени и капли банального везения.

Король всегда относился к Артуру как к любимому сыну, он никогда и ничем не выдавал, что тот не имеет прав на престол. Напротив. По прогнозам всех придворных и самих граждан, именно Артур воплощал собой идеального преемника.

Он ловит мой взгляд, и в его глазах прыгают забавленные искорки: — Ну и что такое? Я потерял в твоих глазах своё очарование?

— Сейчас не время шутить. — Провожу ладонью по мокрой щеке. — Король правда никому не говорил? Ты уверен?

Артур кивает: — Об этом знаем только я, он и Королева, которая умерла много лет назад. А теперь знаешь и ты.

Элайджа не знает этой тайны, а значит, его пророчества ошибочны. Ничего из того, что я видела в кошмарах, не случится. Ни один из братьев не убьет другого. Артур не наденет корону, и та зловещая «история», о которой твердил узник, не повторится.

— Значит, ты физически не можешь стать королем? — Тяжелый свинец наконец сползает с груди, а удушающая судорога в желудке отпускает.

Он качает головой: — Нет, Лавиния. Эдоардо — законный сын, именно в его венах течет королевская кровь. Он единственный, кто может унаследовать власть Короля.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 29

Лавиния

Придворная дама с полным равнодушием сидит за своим столом, сжимая в пальцах черную ручку, которой заполняет лежащий перед ней документ. Через несколько минут она берет следующий лист из стопки папок и углубляется в чтение.

Всё это время мои руки буквально умоляют о пощаде. Я держу над головой целую гору из энциклопедий и словарей. Жжение в натянутых до предела мышцах вынуждает меня судорожно ловить ртом воздух. Моргаю, обессиленная. Я всерьез могу рухнуть в обморок в любую секунду; стопка книг ходит ходуном всё сильнее, и я боюсь даже представить, что случится, если они с грохотом повалятся на пол.

Такова моя кара за то, что я сорвала королевскую ассамблею. Весть об этом мгновенно разлетелась по дворцу и дошла до ушей Дамы.

— Сколько мне еще так стоять? — шепчу я.

Она даже не удостаивает меня взглядом, спокойно изучая бумагу перед собой.

— Пока не научишься вести себя как подобает, Лавиния.

— Хорошо, я прошу прощения. Я не должна была врываться в зал, тем более в такой момент и в таком виде.

— Извинения приняты, — отзывается она.

Облегчение заставляет мои губы растянуться в слабой улыбке. *Неужели всё обошлось так легко?* Я уже собираюсь опустить локти, но её ледяной голос заставляет меня замереть.

— Кто сказал, что ты закончила? — она пронзает меня тяжелым взглядом.

— Вы сказали «извинения приняты»… я думала…

Она с силой бьет ладонью по столу, и я рывком снова выпрямляю руки вверх, каменея на месте.

— Вот в этом твоя ошибка. Ты думаешь. Тебе не положено думать, потому что, когда ты начинаешь думать, ты совершаешь безумства: например, уводишь принца в разгар Совета по престолонаследию. Что вы делали в его спальне? Мне показалось, вы провели там слишком много времени.

С трудом сглатываю вязкую слюну. Откуда она всё знает? Её ведь даже близко не было, когда это случилось. У этой женщины действительно повсюду есть уши и глаза, это просто невероятно. Моё молчание злит её еще больше; избегаю её взгляда как чумы, втайне молясь, чтобы она перестала задавать вопросы. Как мне объяснить ей, что я умоляла Артура отказаться от трона, потому что самый пугающий узник в темнице раскрыл мне апокалиптические пророчества?

Она просто выставит меня из дворца, сослав в самый глухой и далекий барак.

Резкий стук в дверь становится моим спасением.

— Войдите. — Дама наконец отводит от меня взгляд, позволяя мне перевести дух.

В дверях появляется Вирджиния — мой единственный островок спасения. Волосы безупречно собраны в элегантный пучок, черная юбка едва доходит до колен, а на белой блузке нет ни единой складки. Образцовая придворная девушка.

Полная противоположность мне. Бросаю на неё умоляющий взгляд, и её напускное бесстрастие на миг смягчается состраданием.

Она прочищает горло:

— Гуманитарный конвой готов, Дама. — Вирджиния коротко склоняет голову.

— Прекрасно. Вы погрузили медикаменты, запасы продовольствия и чистые простыни?

Вирджиния кивает:

— Да, Дама. Грузовики заполнены, мы ждем лишь вашего приказа к отправке.

Дама смотрит на меня, и по её лицу я отчетливо вижу: она спит и видит, как бы спровадить меня отсюда.

— Ты вернешься в барак. Рантал примет тебя с величайшей радостью, и там у тебя точно не будет возможности устроить очередную катастрофу. Сначала доставишь груз в остальные пункты, а затем отправишься в свой.

Я с грохотом роняю книги, и они веером разлетаются по полу.

— Я не могу, — тут же выпаливаю я.

Дама изумленно вскидывает бровь. Вирджиния за моей спиной лихорадочно делает мне знаки: сжимает губы и отчаянно трясет головой.

— Я хотела сказать… — быстро исправляюсь я, — …я хотела сказать, что для моего обучения было бы гораздо полезнее присутствовать на избрании будущего преемника престола. Я уверена, что во время торжеств дворцу понадобится любая рабочая сила. Сразу после этого я вернусь в бараки, клянусь вам, только не отсылайте меня сейчас. Умоляю.

Она жестко, пронзительно изучает каждую черточку моего лица. Сцепляет пальцы под подбородком, сужая глаза.

— Для твоего обучения, значит? — повторяет она.

Киваю. Капли пота катятся по моему лбу, а липкая тревога удушающим узлом стягивает горло, мешая дышать. Мне нужно, чтобы она согласилась, любой ценой. Я не могу уехать именно сейчас: я должна быть абсолютно уверена, что на трон взойдет Эдоардо, а не Артур.

Она тяжело вздыхает:

— Хорошо.

Выдыхаю весь зажатый в легких воздух. Я не в силах сдержать вспыхнувшее облегчение: лицо озаряется радостью, и мы с Вирджинией обмениваемся едва заметными победными улыбками.

— Но, — грохочет Дама, — ты будешь находиться под непрестанным надзором Вирджинии. Будешь ходить за ней тенью, помогать во всех её обязанностях, а она обязана докладывать мне о каждом твоем шаге. Если ты выкинешь очередной фокус, наказание понесет она, а тебя сошлют в самый дальний барак Королевства. Я ясно выразилась?

Смотрю на Вирджинию; мне невыносимо стыдно взваливать на неё такую ответственность. Меньше всего я хочу, чтобы её наказали по моей вине, не хочу быть для неё обузой. Она покорно кивает, склонив голову. Поднимаюсь с пола, мышцы коленей отзываются тупой болью; разглаживаю юбку ладонями, прежде чем поднять глаза.

— Спасибо, — шепчу я едва слышным голосом.

Дама вскидывает руку, указывая на дверь:

— А теперь — за работу.

Вирджиния хватает меня за локоть, распахивает дверь, и я спешу за ней в коридор. Она не останавливается до тех пор, пока мы не минуем гвардейцев, патрулирующих это крыло дворца. Только тогда она поворачивается ко мне, сияя ослепительной улыбкой.

— Ты… рада? — неуверенно спрашиваю я её.

— Еще бы! Тебя ведь хотели сослать обратно в бараки, Лавиния. Теперь мы наконец сможем провести время вместе. Во дворце становится жутко скучно, когда никто не нарушает правила, не срывает правительственные ассамблеи, не заставляет принцев грызться друг с другом и не треплет нервы Даме.

В общем-то, с самого моего появления здесь я ни дня не провела спокойно. Одно мое чудачество было хуже другого, у Дамы есть все причины для жалоб.

— Обещаю, я больше не полезу в неприятности. Тебя не подставлю, — заверяю я её. Мне до ужаса не хочется усложнять ей жизнь и видеть, как её отчитывают из-за меня.

— Не переживай, — успокаивает она. Её ореховые глаза излучают такую чистую, безмятежную гармонию, о которой она сама вряд ли догадывается. Каждое её движение выверено, каждое слово безупречно, в ней нет ни капли высокомерия или спеси. Иногда я задаюсь вопросом, почему она примирилась с ролью обычной придворной девушки. Хотя, если оглядеться вокруг, эта должность здесь считается одной из самых желанных.

— Сегодня мы должны ассистировать Его Высочеству Эдоардо. — Её голос обрывает ход моих мыслей.

Эдоардо?

В последний раз я видела его за столом Совета — он выглядел глубоко несчастным и раздраженным. А до этого мне хватило одного его взгляда, чтобы физически ощутить сталь меча, пронзающую мою грудь. Автоматическим движением я прижимаю ладонь к тому самому месту под ключицей, где еще недавно пульсировала эта разрывающая боль.

— Он тренируется перед избранием, — объясняет Вирджиния. — Помнишь Три испытания, которые он так и не завершил? Те самые, о которых я тебе рассказывала, необходимые для восхождения на престол. Первое — на коварство и ум, второе — боевое…

Вспышка озаряет мой разум.

— И третье, проверяющее страхи, — то, которым управляют Жрецы.

Помню день, когда она вскользь упомянула эти знаменитые Три испытания, служащие главным критерием для любого наследника. Чудовищные тесты, определяющие пригодность кандидатов. Преемник должен быть самым расчетливым, самым сильным и не должен бояться абсолютно ничего.

С одной стороны, меня бросает в дрожь. От человека, обреченного на власть, требуют абсолютного совершенства, вынуждая его вытравить из себя остатки человечности, ведь ни один живой мужчина не может быть безупречным во всём.

С другой стороны, это дарит мне слабую надежду. Артуру достаточно завалить хотя бы один тест, набрать меньше очков, чем Эдоардо, — и его кандидатуру отклонят.

Следую за ней вниз по ступеням.

— Именно! Но прежде Эдоардо и Артур должны сойтись в дуэли на мечах. Этот поединок решит, кто из них двоих отправится проходить эти Три испытания.

Дикий террор мгновенно сковывает моё тело; я хватаю её за руку, заставляя замереть на последней ступеньке. Перед глазами яркими красками вспыхивает кошмар, где Эдоардо убивает брата.

— Что еще за дуэль между ними? — Этого не было в моих планах, желудок сводит удушающей судорогой.

Она обеспокоенно вглядывается в мое лицо. Пытаюсь замаскировать панику слабой улыбкой, но сомневаюсь, что она способна скрыть дикий ужас в моих глазах.

— Они решили это на ассамблее, проголосовав почти единогласно, — объясняет она.

Эта проклятая ассамблея. Медленно разжимаю пальцы, отпуская её руку.

— Тебя пугает мысль о том, что им снова придется сражаться, верно? Не переживай, эта дуэль не будет такой кровавой, как Арена.

Пытаюсь ей поверить. Пока мы молча возобновляем шаг, мысли сплетаются в тугие, неразрывные узлы. Я не думала, что они будут биться друг с другом, образ из того кошмара преследует меня по пятам.

— Они братья, они не станут сражаться насмерть. Это просто поединок, чтобы посмотреть, кто первым сможет обезоружить соперника. Иди сюда. — Она заходит в небольшую каморку для инвентаря и протягивает мне тяжелый холщовый мешок. — Осторожно, внутри мечи разных размеров.

— Мечи? — я всё еще дезориентирована.

— Мы должны помогать Его Высочеству Эдоардо во время тренировок, — терпеливо напоминает она.

Вирджиния берет несколько луков и связку стрел, прежде чем выйти из тесного помещения. Она идет быстрым шагом, а я следую за ней, не имея ни малейшего представления о том, что меня ждет. Утешаю себя словами Вирджинии: это просто формальность, они не станут убивать друг друга. Продолжаю повторять это про себя, отчаянно пытаясь поверить в собственную ложь.

Мы останавливаемся перед тяжелой металлической дверью; Вирджиния стучит пару раз, прежде чем гвардеец отпирает её. Он подозрительно изучает наши баулы, а затем пропускает внутрь. Ступая по резиновому покрытию пола, я оглядываюсь по сторонам в полнейшем изумлении. Мы оказались в огромном зале, где обустроены пять рингов для рукопашного боя, развешаны боксерские груши, стоят деревянные манекены, а одну из стен целиком занимает внушительный арсенал огнестрельного оружия. Окон здесь нет, но мощные лампы заливают пространство дневным светом, а массивные белые кондиционеры на стенах обеспечивают непрерывную циркуляцию воздуха.

Вирджиния отходит в угол, жестом призывая меня подойти и опустить нашу тяжелую ношу на пол. Едва мои руки освобождаются, как резкий глухой удар прорезает воздух, заставляя меня вздрогнуть. Оборачиваюсь: Эдоардо бесстрастно смотрит на деревянное чучело, которое он только что повалил на пол. На нем нет футболки, его точеный торс обнажен и лоснится от пота; на нем лишь черные шорты и белые кроссовки.

— Моя вина! — кричит он, затем подходит к манекену и возвращает его в исходное положение.

Рядом с ним появляется довольно мускулистый мужчина в синем спортивном костюме и с серым свистком на шее. Он кладет ладонь на плечо принца и принимается давать наставления, поправляя положение его ног и слегка наклоняя корпус вперед: — Ты должен бить точно в самое уязвимое место. Не маши кулаками наугад, ты просто впустую тратишь энергию и силы.

Эдоардо послушно кивает, сжимает руки в кулаки и впивается взглядом в неподвижного противника. Его лицо мгновенно превращается в леденящую, застывшую маску, внушающую трепет даже издалека. Он наносит три удара — с такой

молниеносной быстротой, что за его движениями трудно уследить. Звук ударов выходит резким, сухим и чистым.

— Отлично! Вот так! — аплодирует мужчина с довольной улыбкой. — Теперь перейдем к мечам. — Он пару раз щелкает пальцами, и Вирджиния, считав сигнал, наклоняется к баулу, который мы притащили сюда. — Самый тяжелый! — выкрикивает тренер.

Вирджиния извлекает массивный стальной клинок, рукоять которого обтянута коричневой тканью; удерживая его обеими руками, она с видимым трудом поднимает его. Подходит к ним, смиренно опустив голову, и протягивает оружие. — Прошу, — шепчет она. Эдоардо перехватывает меч одной рукой и легко взмахивает им в воздухе вправо и влево, словно тот отлит из невесомых перьев.

Его мышцы перекатываются при каждом движении, влажные от усталости и от воды, которой он время от времени освежает лицо. Вирджиния держится в паре шагов; она сжимает в руках полотенце и, едва Эдоардо присаживается, чтобы выслушать тренера, торопливо промакивает ему лоб и грудь.

На миг Эдоардо переводит взгляд на неё. Это длится всего пару секунд, после чего Вирджиния послушно отступает назад, не смея даже поднять лица в его сторону. Она никогда не смотрит принцу в глаза. В конце концов, таковы правила дворца, и Вирджиния соблюдает их безукоризненно.

Тренер оборачивается в мою сторону и указывает на двоих гвардейцев, застывших рядом со мной. Прочистив горло, он привлекает внимание Эдоардо: — Теперь они нападут на тебя с мечами. Если им удастся хотя бы задеть тебя, ты проиграл. И наоборот: если ты сможешь коснуться их груди… победа за тобой.

Эдоардо слегка приседает, принимая боевую стойку, и фиксирует обоих противников взглядом. Сейчас он напоминает хищника, изготовившегося к прыжку; то, как меняются его черты при концентрации, пугает меня. Гвардейцы срываются с места, бросаясь на него, но он уклоняется от выпадов, смещаясь с поразительной легкостью и ловкостью.

Он лишь парирует удары, будто принципиально не желает атаковать первым, изучая и с точностью просчитывая каждое их мимолетное движение. Лязг стали разносится по залу ритмично, словно тиканье часов. Один из гвардейцев утирает лоб рукой, у другого сбилось дыхание. Они изнурены, пока Эдоардо защищается с абсолютной непринужденностью, не прикладывая к этому видимых усилий.

И именно в этот момент принц крепче перехватывает рукоять и сам обрушивается на первого гвардейца. Одним выверенным ударом он выбивает меч у него из рук, а затем касается острием его груди, вынуждая того вскинуть руки в знак капитуляции. Второй противник заходит со спины, готовый нанести удар. Эдоардо уклоняется в самую последнюю долю секунды, подсекает ногу врага и заставляет его рухнуть навзничь. На его губах играет едва заметная ухмылка, пока он угрожающе наступает на поверженного. Он прижимает лезвие к его горлу, прямо под подбородок.

Я не могу на это смотреть, к горлу подступает тошнота — разум на автопилоте проводит параллель между этим Эдоардо и тем, из моих кошмаров. У них совершенно одинаковое выражение лица — холодное, пустое, безликое.

Пячусь назад, пока не упираюсь спиной в стену.

— Превосходная работа! Ты уложился в четыре минуты, твой прогресс очевиден. Если продолжишь в том же духе, у тебя просто не останется соперников, — смеется тренер, и его глаза блестят от гордости.

«Не останется соперников?»

Худший сценарий из моих видений запускается в мыслях по новому кругу, застилая взор туманом. Воздуха начинает не хватать, я опираюсь ладонью о стену и пробираюсь к выходу. Толкаю дверь и несусь по бесконечному коридору, пока не вылетаю в сад. Легкий ветер ласкает мои щеки, лучи солнца согревают кожу, мало-помалу утихомиривая пожирающую меня панику.

Перед моими глазами раскинулись небольшие, ухоженные грядки — уцелевшие островки зелени, не затронутые засухой, что выжгла приграничные земли. Автоматическая система полива выбрасывает фонтаны брызг, создавая хрустальные веера, один из которых из-за резкого порыва ветра обрушивается прямо на меня. Отскакиваю в сторону, но моя блузка уже успевает намокнуть, став почти прозрачной.

— Только этого не хватало, — бормочу я под нос.

Оглядываюсь по сторонам и замечаю неподалеку небольшую оранжерею. Направляюсь к ней в надежде найти внутри хоть какую-то ветошь, чтобы вытереться. К моему удивлению, под этой стеклянной крышей скрывается целый питомник из самых разнообразных цветов. Блуждаю между горшками, утопая в тонких ароматах, которые они источают. Жасмин, магнолии, розы, примулы…

Прохожу дальше, завороженная сочными красками и причудливыми формами. Засмотревшись на эту красоту, я неосторожно натыкаюсь на какое-то препятствие. Вскидываю голову, и мои брови испуганно ползут вверх.

— Что… — слова мгновенно умирают на языке.

— Скучала по мне? — Золотистые кудри слегка небрежно падают ему на лоб, а белая футболка с коротким рукавом безупречно обтягивает рельефные мышцы груди.

Моргаю, судорожно делая шаг назад. — Что ты здесь делаешь? — Суровый тон призван замаскировать бешеный стук сердца, готового вырваться из груди при виде него.

— Вообще-то, это я должен у тебя спросить. Это мой ботанический сад. — Он скрещивает руки на груди. — Так что ты здесь делаешь?

Озираюсь вокруг. Его ботанический сад. Неужели он действительно сам возится с этими растениями, раз они цветут так пышно и дико?

— И с каких пор ты заделался флористом? — огрызаюсь я, занимая привычную оборону.

Он хищно, с явным удовольствием стискивает челюсть, а затем опускает взгляд на мою промокшую блузку. Медленно облизывает губы, и я чувствую себя настолько беззащитной, что щеки мгновенно вспыхивают пунцовым пожаром.

Он делает шаг ко мне: — А мне нельзя?

Пячусь назад, но длинный деревянный верстак за спиной отрезает путь. Опираюсь ладонями о полку, отклоняя корпус назад, пока он нависает надо мной, полностью лишая малейшей лазейки для побега.

— Эдоардо истязает себя тренировками перед поединком, где ему придется сойтись с тобой, а ты торчишь здесь и нянчишься с цветами. Очень умно, Артур.

— Нянчусь с цветами, значит? — у него вырывается тихий смешок, и его горячее дыхание ласкает мою кожу. Он упирается руками по обе стороны от моих бедер. Наши тела соприкасаются; это просто безумие — каждая клетка моего существа буквально умоляет о его близости, словно вдали от него я физически не способна дышать.

Он приближает лицо к моей шее, поднимается выше к мочке уха и обжигает шепотом: — Я не взойду на престол, я же сказал тебе.

— Значит, ты проиграешь намеренно? — лепечу я едва слышным голосом.

— Ты теперь заделалась моим личным советником? Только и делаешь, что твердишь о государственных делах, престолонаследии и борьбе за власть. Я хочу заняться с тобой совсем другим. — Он утыкается носом в мою чувствительную кожу. — Кое-чем куда более интересным. — Он оставляет дорожку из поцелуев, от которой моё тело покрывается мурашками. Я сжимаю пальцами край верстака так сильно, что покалывание волной разносится по рукам. Его губы спускаются ниже, замирая у воротника блузки; одной рукой он расстегивает первую пуговицу, а затем продвигается еще ниже.

Вздрагиваю, когда его вторая ладонь скользит по моей обнаженной спине. Его ласки неторопливы; плавным движением он стягивает намокшую ткань с моих плеч и рук, заставляя её соскользнуть вниз. Пальцы лениво играют с застежкой бюстгальтера, пока его губы впиваются в мою кожу, оставляя влажные укусы. — Твой парфюм… — выдыхает он, тяжело дыша. — Он просто сводит меня с ума. Чувствую, как шелк кружева сдается; не успеваю я это осознать, как белье соскальзывает с тела и бесшумно падает на пол. Артур смотрит на меня так, словно перед ним — самое совершенное создание с безупречными изгибами, когда-либо существовавшее на земле. Его глаза полыхают порочным, голодным вожделением, разжигая пожар в каждой точке, на которой задерживается его взгляд.

— Ты невероятная. — В его голосе нет места для возражений. — Блядь, какая же ты невероятная, — повторяет он. Щеки горят от смущения, и я на автопилоте пытаюсь прикрыть обнаженную грудь руками.

Он жестко перехватывает мои запястья, подносит одну ладонь к губам, целуя пальцы, а затем поднимается выше к плечу и шее. Меня бьет крупная дрожь, я лихорадочно дышу, полузакрыв глаза. — Не прячься от меня, — его тон становится хриплым и глубоким. — В этом нет нужды, — отчеканивает он. Внезапным движением он запускает руку в мои волосы и сдергивает резинку, заставляя их рассыпаться по плечам. Он целует изгиб моей шеи, а его ладонь очерчивает мой бок гипнотическими, сводящими с ума движениями.

Спускается ниже, его взгляд намертво сцепляется с моим, пока он медленно, со вкусом кусает самые чувствительные участки кожи. Заметив, что я до крови прикусила нижнюю губу, лишь бы не издать ни единого звука, он еще яростнее впивается ртом в моё тело. Откидываю голову назад, и моё дыхание срывается на обжигающий стон.

— Артур, — зову я его дрожащим голосом. — Если кто-то войдет… и увидит меня в таком виде…

— И ты думаешь, что я… — он резко поднимается к моему лицу, и его медовые радужки полыхают безумным огнем, который невозможно потушить, — …способно позволить кому-то увидеть тебя обнаженной, Лавиния?

Он не дает мне времени на ответ — его губы намертво запечатывают мои, выжигая любые слова. Он целует меня так, как не целовал никогда прежде — с неукротимой жаждой и ненасытным, диким голодом. Его ладони скользят по моей груди, сминая её, и эта лавина удовольствия заставляет меня глухо застонать прямо ему в рот. Он ухмыляется, сжимает пальцы крепче, чутко подстраиваясь под каждое изменение на моем лице.

Он препарирует меня взглядом, словно я — роскошный холст, на который он собирается нанести свои краски.

Затем он рывком подхватывает меня на руки, одной ладонью смахивая цветочные горшки с верстака у нас за спиной, вообще не заботясь о том, что некоторые из них с грохотом рушатся на пол, разлетаясь на тысячи мелких осколков. Он укладывает меня прямо на деревянную поверхность, нависая сверху. Звук бьющейся глины отходит на второй план. Обхватываю ногами его бедра, притягивая еще ближе к себе.

Оказавшись всем телом надо мной, он накрывает ладонью мою грудь, с силой сжимая её, отчего я вздрагиваю от пронзительного наслаждения. Выгибаю шею, судорожно хватая ртом воздух, но Артур целует меня с неистовством, снова лишая возможности дышать. Его язык бесцеремонно вторгается в мой рот, вызывая волну ощущений, выжигающую грудную клетку. Он прикасается ко мне так, как не прикасался никто в моей жизни — слегка прикусывает нижнюю губу, дразня пальцами сосок. Я стону, полностью потеряв контроль, и он удовлетворенно улыбается. Пытаюсь перевести дух в секундной паузе, которую он мне дарует; он с диким вожделением сканирует моё тело сверху вниз. Прослеживаю траекторию его глаз и только теперь понимаю, что вся моя грудь и шея уже покрыты багровыми следами и мелкими укусами — каждый сантиметр заклеймен его присутствием.

Он нежно проводит пальцем по моей ключице: — Ты хоть понимаешь, насколько ты красива? — Он снова возвращается к моим губам, задерживая на них указательный палец, чтобы заставить их приоткрыться. — Я заставлю тебя пережить это наслаждение сотни раз. И я зацелую каждый шрам, каждую черточку, в которой ты сомневаешься, пока ты не полюбишь себя саму. — Его тон пропитан такой щемящей, глубокой нежностью, что у меня переворачивается душа. Он заводит руку мне за затылок, удерживая что-то, чего я не могу сразу разглядеть, и бережно вплетает это прямо в мои распущенные волосы, перебирая пряди.

— Что это? — шепчу я.

— Что-то столь же прекрасное, ароматное и уникальное, как ты.

Я не успеваю ответить: доносящийся со двора крик Анны, во всю глотку орущей имя Артура, разрезает воздух. Её пронзительный голос вдребезги разбивает кокон, в котором мы заперлись от всего мира. Он швыряет меня обратно в реальность, где я не имею права даже помыслить о том, чтобы находиться к нему так близко. Заметив, как мгновенно изменилось выражение моего лица, Артур лишь мягко улыбается. Он оставляет долгий поцелуй на моем лбу; закрываю глаза, смакуя предсмертные крохи этого тепла. Прежде чем отстраниться, он набрасывает блузку мне на плечи, прикрывая обнаженную грудь.

Когда он уходит, меня привычно окутывает удушающая, вязкая пустота. Он наклоняется, поднимает с пола кружевное белье и бережно кладет его рядом со мной. Подмигивает на прощание и исчезает из виду.

Я сильнее кутаюсь в блузку, заживо съедаемая тоской по его дыханию и прикосновениям. Это невозможно объяснить, но кажется, будто каждая клеточка моего тела была рождена лишь для того, чтобы её ласкали его губы. Рядом с Артуром мой вечный страх перед чужими прикосновениями испаряется, растворяется, превращаясь в невесомую пыль. Рядом с Артуром у меня появляется странная, абсолютная уверенность в том, что я под защитой. Словно моё тело знало его задолго до этой жизни и теперь отвечает ему непоколебимой верностью.

Провожу пальцами по багровым следам его укусов — они рассыпаны от самой ключицы до ложбинки под грудью. Расчерченная его знаками, одетая в его аромат, я

чувствую себя затопленной красотой, которую никогда не надеялась в себе отыскать. Застегиваю белье, натягиваю блузку и поправляю юбку. Когда я запускаю руку в волосы, чтобы снова собрать их, пальцы натыкаются на что-то хрупкое.

«Что-то столь же прекрасное, ароматное и уникальное, как ты».

На мою ладонь опускается восхитительный синий тюльпан. Я и близко не могу сравниться с совершенством этого цветка, но Артур… Артур видит меня именно такой. Его лепестки до безумия мягкие, а глубокий, насыщенный синий цвет приковывает взгляд и завораживает, пока вокруг меня тонким шлейфом расходится его аромат.

Неужели он действительно видит меня такой?

Чем-то прекрасным, ароматным и уникальным. Улыбаюсь сквозь подступившие к глазам слезы, чувствуя, как сердце полнится обретенным домом, а кожа до сих пор горит от его поцелуев.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 30

Артур

Толкаю дверь раздевалки, подхожу к шкафчику и распахиваю его. Достаю черный боевой комбинезон и свой меч. Снимаю футболку, оставшись по пояс голым, и вытягиваю ремень из брюк. Сегодня день поединка с Эдоардо — чистая формальность, от которой мне не терпится поскорее избавиться.

— Арена забита под завязку.

Голос Эдоардо заставляет меня повернуться вправо. Он сидит прямо на полу, скрестив руки на груди и прижавшись спиной к стене. Белый комбинезон плотно облегает его тело, фиксируя торс серебристыми накладками, защищающими жизненно важные точки. Его волосы гладко зачесаны назад, руки обтянуты спортивными перчатками, а остро заточенный меч покоится рядом. Сегодняшний бой — наш финал. Маски больше не понадобятся, подданные наконец увидят наши лица.

Снимаю брюки, аккуратно складываю их в шкафчик, затем беру комбинезон и натягиваю его. Ткань мгновенно облепляет кожу, садясь как влитая. Застегиваю молнию на груди и всматриваюсь в свое отражение на металлической дверце гардероба.

— Я слышал, знать вовсю ставит на тебя, делают безумные ставки… Ты знал об этом?

Качаю головой.

— Аристократы никогда не славились выдающимся умом. — Натягиваю перчатки под пристальным взглядом Эдоардо.

— Почему ты не хочешь корону?

Внезапный вопрос заставляет меня замереть на долю секунды.

— С чего ты взял, что я её не хочу? — Продолжаю крепить экипировку.

— У тебя это на лице написано, Артур.

Беру меч, выхватываю его из ножен и делаю пару пробных замахов сначала правой, затем левой рукой.

— И что же у меня на лице написано?

— Что ты проиграешь намеренно.

Эдоардо сверлит меня взглядом, изучая мою мимику так, словно снайпер просчитывает следующую мишень. С ним мне никогда не удавалось скрыть свои намерения: с самого детства он читал меня с какой-то почти опасной легкостью. Возможно, потому что моё лицо было первым, что он осознал в этой жизни, и он научился улавливать малейшие перемены в моем настроении.

Наша связь всегда была абсолютной. Когда у него случались приступы удушья и плача, испуганные придворные девушки в панике звали меня. Я просто садился перед ним, и он тут же утихал. Ему достаточно было немного посмотреть на меня, чтобы снова уснуть. Он до сих пор смотрит на меня точно так же.

Перевожу на него взгляд и натыкаюсь на тот самый чистый свет, каким он дарил меня в детстве.

Улыбаюсь.

— Корона принадлежит не мне, — чеканю я с искренностью. Только королевская кровь имеет право унаследовать трон, а во мне нет ни единой её капли. Я лишь ношу фасад титула, который мне чужд.

— Мне тоже, — отрезает он серьезно.

— Ты ошибаешься. Именно ты — будущий правитель этой страны. — С силой выделяю каждое слово.

Он тяжело вздыхает:

— Нет, я не приспособлен для этой роли, и кончай вешать мне на уши привычную херню. Всё королевство молится, чтобы этот поединок выиграл ты. Я всего лишь второй сын. Никто не хочет видеть меня у власти, и, честно говоря… я их понимаю. Я бы сам себя не выбрал.

Достаю из шкафчика ветошь и принимаюсь полировать лезвие меча.

— Мне плевать, на что молится королевство. Я хочу, чтобы будущим королем стал ты. И я не отдам этот титул никому другому.

У него вырывается нервный смешок; запустив пятерню в волосы, он поднимается на ноги.

— Да не нужен мне этот чертов титул! Почему я не могу жить как обычный парень? Почему я обязан проходить миллионы изнурительных тестов, чтобы доказать, что я идеальный наследник, и соответствовать какому-то больному эстетическому и интеллектуальному идеалу?

Захлопываю шкафчик. У меня нет ответов, способных его утешить. Нас с пеленок дрессировали, выковывая безупречные модели силы и интеллекта. Количество изуверских испытаний, на которых нас взрастили, за гранью человеческих возможностей. Жрецы смотрят на нас как на лабораторных крыс, а Король использует лишь для того, чтобы держать в узде толпу.

— Эдоардо. — Кладу ладонь ему на плечо. Он смотрит на меня с тем же робким блеском в глазах, что и в детстве, и его черты мгновенно разглаживаются. — У меня нет ответов. Нас швырнуло в эту семью, и проклятие это или благословение — неважно. Но в чем я уверен на все сто процентов и о чем не устану тебе повторять: я был рожден, чтобы защищать тебя. И я буду делать это до последнего вздоха.

Он опускает голову: — Почему ты всегда это говоришь? С таким видом, будто готов принести себя в жертву ради меня в любую секунду? Я никогда не просил тебя о подобном.

Приподнимаю его подбородок; его темные радужки сочатся удушающим сопротивлением, которое меня сметает. Ненависть к роли, которую он никогда не выбирал, отчетливо проступает на его лице.

— Потому что мы братья, Эдоардо. А это значит, что ты — часть меня. Я вел тебя все эти годы. Держал за руку, пока ты не научился ходить сам, учил сражаться и охотиться. Я никогда не оставлю тебя одного, тебе достаточно будет просто обернуться — и я окажусь рядом. Всегда.

Он удивленно вскидывает брови и приоткрывает рот, собираясь что-то ответить, но дверь раздевалки с грохотом распахивается. К нам идет Анна, переводя взгляд с меня на Эдоардо, пристально нас изучая.

Скрещивает руки на груди: — Ну что? Кто из вас мой будущий правитель?

Эдоардо раздраженно качает головой, это явное недовольство делает его тонкие черты жесткими, почти угловатыми. Он сбрасывает мою руку со своего плеча, наклоняется и поднимает с пола меч.

— Какие мы нервные, — подначивает его Анна.

Он награждает её уничтожающим взглядом и, пролетев мимо, выходит из раздевалки, даже не обернувшись. Дверь захлопывается с оглушительным стуком.

— Ну и характерец, — весело комментирует она.

Вздыхаю, закрепляя ножны на бедре. Анна подходит ближе, тянется к воротнику моего комбинезона и бережно поправляет его, пока тень меланхолии омрачает её лицо.

— Что такое? — спрашиваю её.

— Ты ведь позволишь ему победить, верно?

— Я не был рожден для престола, — отчеканиваю я.

Мой ответ заставляет её горько улыбнуться; её пальцы замирают на моих плечах. — Я прекрасно это знаю, — шепчет она. — Ты всегда защищал его слепо, Артур. Но если ты проиграешь намеренно, он никогда этого не примет.

Киваю, высвобождаясь из её рук.

— Я сделаю так, чтобы он выплеснул на меня всю свою ярость. Только в абсолютном гневе Эдоардо становится по-настоящему смертоносным.

Этот поединок нужен не просто для того, чтобы определить, кто достоин трона. Это демонстрация силы для знати Королевства: они должны увидеть, из какого теста слеплен преемник. Он обязан внушить ужас любому, кто замыслит государственный переворот, сокрушить врагов и укрепить веру союзников.

Анна смотрит на меня в полном замешательстве, следуя за мной к выходу. — Что ты несешь? Ты же сам знаешь, что он не умеет управлять гневом и ненавидит работать на публику. — Паника затапливает её глаза. Она хватает меня за руку, сжимая пальцы и вынуждая остановиться. Сбрасываю её руку.

Она до смерти боится увидеть вспышку истинной ярости Эдоардо. Только те, кто видел его в таком состоянии, знают, насколько он становится неузнаваем даже для самого себя. И я всегда оберегал его от этого, даже ценой собственных шрамов. Помогал удерживать эту тьму в узде. Таков был наш негласный уговор: в критических ситуациях на Арену выхожу я. Что угодно, лишь бы не видеть, как в его глазах пробуждается та глухая тень, которая утраивает его силу и полностью выжигает разум.

Кладу ладонь на дверную ручку.

Но теперь пришло время разбудить демонов Эдоардо. — Я его брат, — бросаю я тихо. Единственный способ защитить его от остальных — показать им, на что он способен. Испугать их настолько, чтобы они никогда не осмелились причинить ему вред.

А какой способ может быть лучше, чем заставить его обрушить всю свою ярость лично на меня?

Улыбаюсь, прежде чем толкнуть дверь: — Он меня не убьет.

Лавиния

Арена кишит богатеями, которые лениво потягивают вино из хрустальных бокалов, наперебой ставя баснословные суммы на будущего наследника престола. Они восседают в своих серых костюмах и черных галстуках, а их глаза блестят от предвкушения зрелища этого эпического поединка.

Мертвой хваткой сжимаю в руках поднос с тарталетками и иду за Вирджинией между рядами самых влиятельных людей этой нации. В руках у неё бутылка шампанского, и едва кто-то из мужчин приподнимает палец, она тут же оказывается рядом, наполняя бокал. Нас даже не удостаивают взглядом — лишь ленивое шевеление пальцев или едва заметный кивок. Они не тратят на нас слова, мы сами обязаны угадывать их желания.

Но больше всего меня выводит из себя даже не это их фанатичное высокомерие, а разговоры, лишенные малейшего намека на человечность, сочащиеся из их жадных ртов.

— Наконец-то сегодня мы увидим лица сыновей Короля, — манерно цедит женщина в вызывающем алом платье в облипку. — Мне жутко любопытно узнать, так же они хороши собой, как и сильны в бою.

Мужчина, который, видимо, приходится ей спутником, властно кладет ладонь ей на спину: — Они могут быть какими угодно красавцами, дорогая моя, но они всего лишь марионетки, пешки в руках Жрецов. — Он глухо смеется, искренне довольный собственной репликой.

Смещаюсь в сторону, стараясь держаться от них как можно дальше, пока группка молодых парней не вскидывает руку в моем направлении. Подхожу ближе, протягиваю поднос и замираю не дыша, но и они спорят лишь о том, кто выиграет эту дуэль.

— У Эдоардо нет ни единого шанса! Ты видел Артура в деле? Ты даже не заметишь его лезвия, пока оно не окажется у тебя в глотке. Он же гребаный монстр, — комментирует один из них.

Его приятель осушает бокал одним глотком, а затем подозрительно прищуривается. Его голова обрита наголо, в носу блестит пирсинг, а узел галстука небрежно распущен. — Я говорю тебе, про Эдоардо ходят очень странные слухи. Поговаривают, что в гневе он куда страшнее Артура.

Я из последних сил удерживаю себя от вмешательства. Они не обращают на меня внимания, напротив — я для них абсолютно невидима. Руки вытянуты перед собой, взгляд опущен, лицо застыло в нейтральной маске. Так я обязана стоять. Как и все остальные придворные девушки, что лавируют между трибунами Арены и замирают без единого вздоха, готовые исполнить любую прихоть присутствующих здесь вельмож.

— Да брось, чушь собачья! Эдоардо нет равных в тестах на логику и стратегию. Но в чистом бою Артур размажет его в два счета, — возражает первый.

Его приятель тянется к тарталетке: — Кое-кто во дворце по секрету признался мне, что Артур намеренно держит Эдоардо в тени. Этот поединок еще преподнесет нам сюрпризы, я в этом уверен.

Эти слова выбивают у меня почву из-под ног. Забираю поднос и отхожу к стене, где выстроились в ряд остальные придворные девушки. Пока я иду, в моем разуме набатом грохочет видение: меч Эдоардо с безжалостной жестокостью вонзается в грудь Артура. Я снова вижу этот леденящий оскал и стекающую с клинка кровь. Прижимаюсь спиной к стене, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле.

«Нужно успокоиться».

Ничего из того, о чем предупреждал Элайджа, не случится. Эти чертовы видения не сбудутся, Артур физически не может занять трон, а этот бой — всего лишь пустая формальность.

Взрыв аплодисментов швыряет меня обратно в реальность: под голодные крики публики на Арену выходит Эдоардо. Все присутствующие встают в знак почтения. Он сжимает в руке меч; его белый комбинезон поблескивает серебряными накладками. Он занимает позицию на правой стороне поля.

К Эдоардо подходит мужчина в строгом костюме. Узнаю его: это тот самый тренер из спортзала, который правил ему стойку и заставлял выкладываться на полную. Над зоной боя вспыхивает гигантский экран, проецируя лицо Эдоардо крупным планом. В его темных глазах залегла пугающая, звенящая пустота.

Вирджиния встает рядом со мной, внимательно сканируя взглядом сидящих впереди людей. Убедившись, что всё под контролем, она бросает на меня сочувственный взгляд: — У меня не было времени толком тебе всё объяснить, прости.

Качаю головой. — Я уже достаточно поняла из того, что болтают вокруг, — отвечаю я. — Этот огромный экран здесь действительно так необходим? — Указываю на него мимолетным кивком.

— Это прямая трансляция, за поединком сейчас наблюдает вся нация из своих домов. Нет ни одного человека, который не прильнул бы к экрану в этот исторический миг. За стенами дворца дежурит целая шобла журналистов в ожидании официального заявления.

Трое операторов кружат вокруг Арены, с ювелирной точностью фиксируя происходящее со всех ракурсов. Они держатся на безопасном расстоянии от зоны боя, но объективы четко улавливают каждое движение Эдоардо во время разминки. Его лицо не выражает абсолютно ничего.

Делаю глубокий вдох, пока липкая паника заживо выжигает мне грудь. Я хочу лишь одного — чтобы это безумное шоу поскорее закончилось. Дурное предчувствие удушающей хваткой сжимает мне горло. Внезапно Арену затапливает шквал неистовых оваций.

Под оглушительный рев толпы на поле выходит Артур, сжимая меч в правой руке. Его шаг уверенный, от всей его фигуры веет сокрушительным величием и непреклонной решимостью, заставляющей гвардейцев склонять головы при его приближении. Черный боевой комбинезон плотно облегает тело, подчеркивая мощные рельефы мышц. Он останавливается прямо напротив брата. В отличие от Эдоардо, его глаза лучатся чистым, ослепительным светом.

Между Артуром и Эдоардо встает мужчина лет тридцати со свистком на шее. Похоже, это судья: облаченный в синюю футболку с коротким рукавом, он что-то выговаривает обоим принцам, активно жестикулируя и указывая по сторонам.

— Кто этот человек? — спрашиваю я Вирджинию.

— Главный арбитр. Он оглашает правила и напоминает им о границах периметра, которые нельзя пересекать… видишь те белые линии на песке? — объясняет она.

Резкий трубный глас заставляет всю знать подорваться с мест; даже Вирджиния и девушки рядом со мной вытягиваются по струнке. Вытягиваю шею, чтобы разглядеть происходящее: от главных ворот к центральной трибуне движется шеренга гвардейцев, за которыми шествует Король Давид в окружении Жрецов. Они идут к своим местам, о чем-то переговариваясь и вальяжно посмеиваясь. Король приподнимает ладонь в ленивом приветствии, и в ответ аристократы подобострастно склоняют головы, не смея издать ни звука.

И подумать только: еще минуту назад они цинично перемывали кости принцам, не ставя их ни во грош. А теперь превратились в послушных ручных псов. Монарх добирается до ложи и опускается на свой багровый трон, окруженный яствами, бокалами с вином и всевозможными закусками. Рядом с ним рассаживаются Жрецы, мгновенно приковав свои тяжелые взгляды к обоим наследникам.

Внимание Короля, однако, устремлено лишь на одного из сыновей — на Артура. Он мерно поглаживает бороду, молча прихлебывая вино. Интересно, о чем может думать отец в такой момент? Хотя я уже успела убедиться, что отцовского в этой твари нет вообще ничего. Он использует сыновей как живой щит перед лицом

общественности, позволяет Жрецам ломать их разум, как им вздумается, и в довершение всего с младенчества истязает Эдоардо.

— Они начинают, — шепчет Вирджиния.

Фокусирую взгляд на поле: Артур и Эдоардо замерли на противоположных краях периметра. Они синхронно вскидывают мечи вверх, и в тот миг, когда над Ареной воцаряется гробовое безмолвие, Артур поворачивает голову к трибунам и встречается взглядом с отцом. Словно они без слов заверяют друг друга в чем-то: во вселенной Артура нет ни капли королевской крови, и эта истина связывает их непроизносимой, зловещей тайной. Никто не должен узнать правду, и ради этого они сделают всё, чтобы Эдоардо вышел победителем.

Медленно выдыхаю, чувствуя, как дикий страх скручивает желудок. Артур сканирует трибуны. Знать улыбается ему, думая, что он приветствует их. Но он ищет меня — и в конце концов находит.

— Мы начинаем поединок за право престолонаследия! — металлический голос из динамиков разносится под сводами зала. — Между Его Высочеством принцем Артуром и Его Высочеством принцем Эдоардо.

Я тону в его медовых радужках, и каждая клетка моего существа горит от отчаянного желания вырвать его из этого капкана. Мне хочется схватить его за руку и утащить прочь с этой проклятой Арены, за пределы этой безумной вселенной, где он вынужден драться с собственным братом. Подальше от чудовищных видений, где он лежит мертвым.

Но я бессильна.

Уголок его губ едва заметно ползет вверх, являя мне мимолетную, скрытую улыбку — из тех, что способны озарить своим светом черноту беззвездной галактики. Словно он просит меня не бояться, без слов уверяя, что всё будет хорошо. Это длится лишь долю секунды, короткое мгновение, которое испаряется, едва он поворачивает лицо к своему сопернику.

Бой начинается, и напряжение между братьями становится настолько осязаемым, что кажется — воздух можно резать ножом. Никто не смеет отвести глаз. Они замерли друг против друга, словно видят соперника впервые в жизни, и ни один не спешит делать первый ход.

Но в следующий миг Артур резко взламывает это зыбкое равновесие: он приседает и взрывается молниеносным броском вперед. Он обрушивает меч на брата с такой сокрушительной быстротой, что Эдоардо вынужден лихорадочно отступать. Лязг столкнувшейся стали тонет в яростном реве толпы, подстегивающей бойцов. Артур настойчиво, жестко теснит Эдоардо к самой белой линии периметра. Он не дает ему ни секунды, ни малейшей лазейки, чтобы перевести дух и подумать. Нападает непрерывно — его удары точные, расчетливые и сокрушительные.

Эдоардо стискивает зубы, его лоб прорезала глубокая складка, а дыхание сбилось. Он едва успевает парировать эти яростные выпады; Артур не оставляет ему пространства для маневра. Оказавшись в одном шаге от роковой белой черты, Эдоардо уклоняется от очередного удара и пластом катится вправо по песку. Артур разворачивается к нему и без тени сомнения атакует вновь. Он давит сверху, пользуясь преимуществом положения, пока Эдоардо, растянувшись на земле, мертвой хваткой сжимает эфес и вытягивает руки, из последних сил сдерживая натиск старшего брата.

— Принц Артур взялся за него всерьез! — комментирует один из вельмож, развалившихся на креслах прямо перед нами.

Сидящая рядом девица, усыпанная бриллиантами, порочно ухмыляется: — Я же говорила тебе, тут без вариантов. Бой — чистая формальность. Мы все прекрасно знаем, кто наш будущий Правитель. — Она лениво жует жвачку с открытым ртом, скучающим взглядом стреляя в экран, транслирующий схватку.

Я не понимаю, чего добивается Артур, продолжая с такой жестокостью вжимать Эдоардо в песок. Его мимолетный жест перед началом боя должен был меня успокоить, но то, что я вижу сейчас, не имеет ничего общего с безопасностью. Эдоардо скрежещет зубами, его челюсть сведена судорогой; он полностью заблокирован на земле, пытаясь удержать меч Артура, который бьет без устали, выталкивая его за крайний предел.

Что, черт возьми, он творит?

Меч Эдоардо с глухим звоном вылетает из его рук, и он силой отползает назад по земле. Артур наклоняется над ним, поворачиваясь спиной к телекамерам и трибунам. Проходят минуты, кажущиеся бесконечной вечностью; Арену накрывает мертвая тишина, а моё сердце колотится в безумном, рваном ритме. Никто со стороны не способен разобрать, что они делают и какие слова шепчут друг другу.

Впиваюсь ногтями в ладони до крови, задерживая дыхание и беспомощно наблюдая за этой сценой. Артур выпрямляется, вскидывает меч и направляет острие прямо в грудь брата. *Неужели он действительно собирается нанести удар?*

Арбитр уже подносит свисток к губам, готовый объявить финал поединка, но не успевает сделать вдох, как Эдоардо голыми руками перехватывает лезвие меча, демонстрируя какую-то запредельную, животную силу, которой не было в нем еще мгновение назад. Кровь отчетливо сочится сквозь спортивную перчатку, пачкая песок, но его лицо не выдает ни малейшего намека на боль. Он не разжимает пальцев, с силой дергает чужой клинок на себя и с корнем вырывает его, швыряя далеко в сторону. Волна шока проносится по трибунам: аристократы подрываются с мест, застывая с открытыми ртами. Но меня пугает не вид сочащейся крови, а та зловещая, глухая тень, что мгновенно искажает черты Эдоардо, — то самое чудовищное выражение лица, которое до этого жило лишь в моих кошмарах.

Делаю шаг вперед, парализованная этим абсолютным ужасом. Эдоардо поднимается на ноги, сжимает кулак и с размаху всаживает удар в живот Артура, заставляя того согнуться пополам от острой боли. Не останавливаясь на этом, он мертвой хваткой вцепляется в его шею и сжимает пальцы, полностью перекрывая кислород. Артур медленно слабеет; он опускается на колени, его лицо становится багрово-пунцовым, пока Эдоардо впивается ногтями в его кожу, продолжая душить брата с первобытной жестокостью. Артур не пытается вырваться, не защищается. Он покорно принимает эту слепую ярость, словно внутри него самого сработал механизм, который он не может контролировать.

Внезапная, разрывающая судорога в груди лишает меня последних сил. Задыхаясь, я сползаю по стене на пол, прижимая ладонь к сердцу. Ощущение точь-в-точь такое же, как тогда, в коридоре, — будто сталь пронзает мое тело насквозь.

— Лавиния, что с тобой? Ты белая как полотно, хочешь выйти? — голос Вирджинии доносится до меня как сквозь толщу воды, глухой и далекий.

С трудом качаю головой, через силу выдавливая подобие улыбки, только бы не напугать её. Но прямо сейчас я буквально тону в ледяном омуте панической атаки. Она отбегает к стойке с напитками, торопливо наливает воду и возвращается обратно. Если

Дама застукает меня в таком виде, мне несдобровать — она вышвырнет меня из дворца навсегда. Делаю глоток, но мои пальцы бьет такая неконтролируемая дрожь, что Вирджинии приходится самой придерживать стеклянный стакан у моих губ.

По всей Арене прокатывается ропот потрясения, смешанный с животным ужасом; даже Король Давид подрывается со своего места, в панике взирая на происходящее.

Страх парализует меня, я неотрывно смотрю на экран. Артур распластан на песке, струйки крови текут из его прокушенной губы и носа, пока Эдоардо, нависнув сверху, безжалостно методично избивает его кулаками. Вскакиваю на ноги — меня трясет, разум отказывается верить. Почему он не защищается? Почему покорно принимает эти удары? Почему не уклонится? Почему они не объявят финал поединка?

Я сама не замечаю, как делаю несколько шагов вперед, пока Вирджиния мертвой хваткой не перехватывает мой локоть.

Она с состраданием качает головой, прерывисто объясняя: — Принц Артур должен сам признать поражение, чтобы они остановили бой.

Слезы застилают мне глаза, а ярость удушающей хваткой сжимает легкие. — Да как он это сделает, если тот забивает его до смерти?! — повышаю я голос, напрочь забыв о правилах и обо всём, что меня окружает. Дикий террор берет меня в заложники.

— Он должен поднять левую руку, — шепчет Вирджиния. — Но он принципиально этого не делает, и, кажется, я поняла почему.

Звук ударов, которые Эдоардо продолжает обрушивать на него, становится настолько глухим и тяжелым, что меня пробирает дрожь. Пытаюсь вырваться, но Вирджиния сжимает пальцы еще крепче. — Лавиния, — выдыхает она едва слышным шепотом. — Артур не поднимает руку намеренно. Он хочет, чтобы знать и вся нация увидели, на что способен Эдоардо.

Замираю, чувствуя, как моё сердце разлетается на куски. — Но з-зачем им видеть его таким? — мой голос срывается на плач.

— Потому что… никто больше не посмеет усомниться в его праве, если увидит эту силу. Он защищает его. Как делал всю свою жизнь.

Всматриваюсь в лица аристократов: они смотрят на Эдоардо как на разъяренного, опасного зверя — как на того, от кого нужно держаться подальше и кого нельзя гневить ни при каких обстоятельствах. Изумление, паника, омерзение и первобытный страх мешаются с благоговением перед фигурой, которую они до этой секунды недооценивали. Теперь никто из них не может прийти в себя от увиденного; уважение, которое только что выгрыз себе будущий преемник престола, намертво врежется в их память как неизгладимое клеймо.

Артур с видимым трудом приподнимает левую руку, и арбитр немедленно дает свисток, объявляя финал дуэли. Мертвая тишина сковывает каждый сантиметр Арены. Эдоардо застывает. Он вскидывает голову, и в его глазах полыхает безумный, неукротимый огонь. Он поднимается на ноги, его грудь лихорадочно вздымается, а взгляд ищет в толпе что-то, что он безвозвратно потерял. Потерянный и дезориентированный, он наблюдает, как высшая знать королевства покорно склоняет головы перед его величием.

Арбитр опускается на колено: — Да здравствует Его Высочество Эдоардо, законный наследник престола! — кричит он во всё горло. Гвардейцы подхватывают его слова, им вторят придворные девушки, а затем и вся знать.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Экран Арены транслирует потрясенное лицо будущего Короля: его глаза расширены, а в радужках застыло оцепенение от того, что он еще не способен осознать.

Он оборачивается к Артуру — словно только что очнулся от глубокого беспамятства, — и видит его стоящим на коленях, с опущенной к песку головой. Артур что-то шепчет; отсюда трудно разобрать, но, кажется, он повторяет ту самую фразу, что гремит под сводами зала: *«Да здравствует Его Высочество Эдоардо, законный наследник престола!»*

Нет ни одного человека, который не выказал бы ему почтения. Сам Артур, истощенный, опирается ладонями о колени, пока капли пота катятся по его щекам, мешаясь с соленой кровью и слезами.

Шквал рукоплесканий взрывает Арену, создавая атмосферу ликования, которая резко контрастирует с удушающим отвращением, застывшим на лице Эдоардо.

Король Давид приподнимает кубок с вином с довольной, сытой улыбкой; телекамера проецирует его финальную речь крупным планом. Внимание зала переключается на монарха: — С величайшей радостью я передам корону Эдоардо. Он будет защищать наш народ с той же яростной силой, свидетелями которой вы стали сегодня. Он возглавит нас и убережет от Зла.

И пока Король кормит публику и знать громкими, фальшивыми обещаниями, я замечаю, что Эдоардо едва способен сделать вдох. Он бьется в тисках паники, лицо искажено омерзением; он скрежещет зубами и прижимает ладонь к виску, словно его череп готов взорваться от боли. Артур, чье лицо превратилось в месиво из багровых гематом и крови, приближается к брату и властно кладет ладонь ему на плечо, заставляя повернуться.

Спонтанным, защищающим жестом он привлекает его к себе, пряча Эдоардо в объятиях от жадных объективов телекамер. Он бережно гладит его по спине, напрочь забыв о той дикой жестокости, с которой брат только что истязал его. *Он зашел так далеко…*

Всё это лишь ради того, чтобы укрепить репутацию брата. Он позволил превратить себя в боксерскую грушу, лично вручил ему ключ, отпирающий его первобытную ярость, позволив полностью потерять контроль.

Вздыхаю, чувствуя, как тяжелый свинец в груди не дает мне дышать. Артур сделает ради Эдоардо абсолютно всё. Не думая о себе или о ком-то еще. Он пожертвует своей жизнью без малейших колебаний, и это приводит меня в ужас.

Из-за трибун появляется Придворная дама. Она, та, кто вырастила их, кто дала им воспитание и знала их до последней черточки, впервые в жизни демонстрирует неприкрытые эмоции. На её лице застыл дикий страх, резко диссонирующий с триумфом Короля.

Гвардейцы выводят принцев с Арены. Артур сильно хромает, его скула раздулась, а губа разорвана; он скрывается из виду.

Я без колебаний бросаюсь к выходу. Я должна увидеть его, мне жизненно необходимо его увидеть. Бегу за ними по лестнице, ведущей в подсобные помещения, но уйти далеко мне не дают — дорогу намертво блокирует шеренга стражи. Пытаюсь прорваться, но один из солдат жестко велит мне сделать шаг назад.

— Мы переживаем самый хрупкий момент нашей монархии, синьорина. Никому не позволено приближаться к принцам вплоть до самой коронации, — отчеканивает он.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

«Вплоть… до самой коронации?» Беспомощно наблюдаю за тем, как удаляется фигура Артура, и осознание того, что я не могу до него дотянуться, причиняет невыносимую боль.

Именно в такие секунды мне хочется повернуть время вспять… туда, где между нами не было сословных пропастей и никаких гвардейцев, способных удержать меня вдали от него. Где мне достаточно было просто войти в гостиную, чтобы обнаружить его сидящим на моем диване.

Мне следовало бы испытать облегчение: Эдоардо займет трон, а Артур — нет. Ни одно из моих кошмарных видений не станет реальностью. И всё же… всё же что-то в самых потаенных глубинах моей души не дает мне успокоиться.

Словно всё происходящее — лишь прелюдия к куда более масштабной катастрофе.

Есть только один человек, с которым я могу это разделить. Разворачиваюсь и иду обратно; вся стража сейчас стянута к охране принцев, у входа в казематы дежурит лишь один гвардеец, но он не задает мне вопросов.

Быстрым шагом направляюсь к самой последней камере. Элайджа вскидывает голову еще до того, как я успеваю подойти, словно физически учуял моё присутствие. Обрывки ветхой ткани едва прикрывают его торс, а лицо прорезали еще более глубокие, зловещие знаки. Он безмолвно созерцает меня с издевательским оскалом.

Перевожу дыхание: — Эдоардо взойдет на престол. Твои пророчества оказались фальшивкой.

— Мои пророчества? — переспрашивает он.

Киваю: — Ты утверждал, будто Артур займет трон и история повторится. Что ж, поскольку ты заперт в этом склепе и ничего не знаешь, сообщаю: Эдоардо выиграл поединок за престолонаследие, и скоро его коронуют. Так что ничего из твоего бреда не сбудется.

Я говорю это скорее для того, чтобы убедить саму себя, нежели его. Потому что липкая неопределенность и страх, что всё сорвется в ад, пожирают мои мысли изнутри.

Элайджа кривит губы в улыбке, которая злит меня еще сильнее. — Я знаю, что он победил. — Меня бросает в дрожь. — Но ты ведь и сама понимаешь, Лавиния, что это далеко не конец. Тебя колотит от ужаса, твоё нутро чувствует, что это лишь начало… конца.

Делаю шаг к самой решетке, разделяющей нас: — Ничего из твоих слов не случится. Это последний раз, когда ты видишь меня здесь, разговор с тобой — пустая трата времени.

— И как давно ты лишилась нормального сна? Стоит тебе закрыть глаза, как ты видишь прошлое: видишь, как Эдоардо убивает Артура, а затем и тебя. Я здесь совершенно ни при чем, Лавиния, это твои собственные воспоминания прорываются наружу.

Вцепляюсь пальцами в железный прут: — Это ты заставил меня…

Он бесцеремонно обрывает меня: — Сделать что? Проникнуть в твои сны? Я не наделен такой силой. — Он поднимается на ноги, цепи на лодыжках со звоном натягиваются, удерживая его. — То, что ты видишь, — твоя прошлая жизнь. Ты отказываешься верить, потому что истина страшит тебя. Но попытка сбежать от нее, притворяясь, будто её нет, сделает только хуже.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— И что, по-твоему, я должна делать? Притвориться, что всё нормально? Я не позволю Артуру умереть от руки собственного брата! Что… что мне делать?! — Чудовищные картины вновь штурмуют мой мозг, делая меня заложницей этого бесконечного кошмара.

Я больше не в силах скрывать свое отчаяние. Мне хочется, чтобы этот ад прекратился, хочется схватить Артура и утащить его как можно дальше от любого чертова проклятия.

Элайджа тяжело вздыхает: — Ничего. Ты ничего не можешь сделать, рок вершит свой ход независимо от наших жалких усилий. Я абсолютно уверен, что на престол взойдет именно Артур, этого не избежать. И в этот миг история повтори…

Со всей силы бью кулаками по железным прутьям камеры. — Нет! — мой крик ранит воздух. — Он никогда не сядет на этот трон! — Ярость выжигает мне вены. Разворачиваюсь и лечу прочь, чувствуя, как его тяжелый взгляд буравит мне спину.

«Артур не займет трон».

Взлетаю по ступеням, ведущим наружу. Гвардейцы уже увели принцев, и коридоры больше не перекрыты.

«Артур не займет трон».

Иду по переходам, уставившись пустым взглядом в пространство перед собой.

«Артур не займет трон».

Несколько придворных девушек с криками пробегают мимо меня. Безмолвно следую за ними.

«Артур не займет трон».

Сворачиваю за угол, ведущий к главному вестибюлю. Все служащие дворца сгрудились вокруг огромного экрана, установленного на стене. Замечаю Вирджинию и саму Придворную даму в первых рядах; но в выражении их лиц есть что-то, что заставляет меня похолодеть.

Тень первобытного террора.

Гробовое молчание. Делаю шаг вперед, протискиваясь сквозь толпу, пока сама не оказываюсь прямо перед экраном, к которому прикованы их взгляды.

Прямая трансляция идет из какой-то клиники: сотни новорожденных младенцев имеют жуткий, мертвенно-серый цвет кожи или уже лежат бездыханными в своих колыбелях под истошный плач сломленных матерей и слезы потрясенных отцов.

Журналистка, чье лицо осунулось от скорби и удушающего страха, сжимает в дрожащих пальцах микрофон: — Третье и последнее знамение только что вступило в силу. Это означает лишь одно: Зло пробудилось.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 31

Лавиния

Оставаться в стенах дворца — всё равно что находиться в коконе, защищающем от адского пламени внешнего мира. Снаружи на улицах правит хаос, каждый божий день собирая свою кровавую жатву, несмотря на все попытки помочь населению. Сначала бесплодные поля, затем отравленная вода и землетрясения, а теперь последняя, самая чудовищная катастрофа — смерть в колыбели. Больницам остается лишь констатировать кончину: это невозможно предотвратить, а причины не поддаются никакому объяснению. Все эти бедные новорожденные дети уходят тихо — они просто перестают дышать во сне.

Вся нация сломлена, подкошенная проклятием неумолимых бедствий. Несчастья в прах крошат любую надежду. Подданные страдают от голода и жажды, правительственные запасы на исходе. Отчаяние толкает людей пить зараженную воду и есть тухлую пищу, но они лишь сильнее заболевают. Больницы и эвакуационные бараки переполнены, мест на всех не хватает. Недовольство растет, протесты и бунты стали делом обыденным, и военные вынуждены круглосуточно патрулировать улицы.

Кадры этой катастрофы транслируются в прямом эфире прямо в главном вестибюле дворца. С тех пор как вступило в силу Третье знамение, самые горячие точки страны круглосуточно снимают камеры безопасности, подключенные к огромному плазменному экрану на стене.

Вот уже пошел пятый день, как здесь царит удушающее, тяжелое напряжение; коридоры дворца кишат гвардейцами, а многие вельможи укрылись внутри замка. Избалованные богатеи, которые едва ситуация обострилась, тут же затребовали убежища, апеллируя к своему высокому статусу. Жрецы, члены королевской семьи и высшие чины заседают без перерыва. Каждый день они запираются в зале совещаний и не выходят оттуда до позднего вечера. Ни одной придворной девушке вход туда не позволен.

Не знаю, о чем они спорят, но сдвигов к лучшему не вижу. И кроме того, я не видела Артура с того самого дня… когда он дрался с Эдоардо. Эта вынужденная разлука сводит меня с ума. Мы находимся в одном и том же месте, но дальше друг от друга, чем когда-либо.

— Ты не будешь есть?

Габриэль сидит напротив меня за кухонным столом. Он кивает на сэндвич в моей тарелке. Мне следовало бы считать себя счастливицей за то, что я имею доступ к пище, которая меня не отравит… и всё же сама мысль о том, что я настолько привилегированна, внушает мне омерзение.

Протягиваю ему тарелку. — Почему мы прячемся за этими стенами, Габриэль?

Он впивается зубами в хлеб, удовлетворенно мычит и зажмуривается. Персонал имеет право на двухразовое питание, состоящее из замороженных полуфабрикатов и горсти витаминов. Ровно столько, чтобы поддерживать в нас жизнь и способность выполнять свои обязанности. Он делает глоток воды, прежде чем посмотреть на меня.

— Потому что снаружи — полная гибель. Меня в дрожь бросает от одной мысли об этом.

Скрип стула справа заставляет меня обернуться: Вирджиния опускается на сиденье и в изнеможении роняет голову на стол. — А меня в дрожь бросает от мысли, что придется пережить еще один такой день, — бормочет она.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Вокруг — только осунувшиеся от усталости лица, отмеченные печатью непреходящей скорби. В помещении царит изнуряющее безмолвие. У придворного персонала, когда-то безупречного и опрятного, больше нет ни времени, ни сил на этикет. Кто-то жадно заталкивает в себя скудную дневную рацию, а кто-то пользуется перерывом, чтобы поспать где придется, точь-в-точь как Вирджиния.

— Они найдут решение, — шепчу я. — Зачем еще нужны эти бесконечные консилиумы, которые они устраивают?

Сидящий чуть поодаль гвардеец хмыкает. Он чешет пальцами щетину, и его темные радужки заживо хоронят мою слабую надежду. — Да ни хера они не знают, что делать. Врага, у которого нет плоти, мечом не убьешь. Всё это показуха, они просто тянут время в надежде, что ситуация как-нибудь сама рассосется.

Артур никогда бы не стал протирать штаны, пока люди гибнут сотнями каждый день. Остальных я знаю слишком плохо, чтобы судить, но Артур… я знаю, что он никогда не повернется спиной к своему народу.

— Это смешно. Что это вообще за план? — возражаю я.

— План тех, кто пытается выжить, Лавиния, — комментирует Габриэль, продолжая жадно жевать. — Если только кто-то не найдет Зло, не уничтожит его и не положит конец этим знамениям.

Всё завязано на нем, на Зле. Неужели то, что случилось века назад, способно породить такие последствия в сегодняшнем мире? Сценарий мести, предполагающий тотальное истребление, — опасная бомба с часовым механизмом, которую необходимо обезвредить.

— Кто-то вроде наследника престола, — подает голос стражник. — Легенда гласит, что только преемник способен сокрушить его. — Он делает глоток воды. Его коллеги принимаются спорить о том, как можно убить сущность вроде Зла, пока Габриэль продолжает уничтожать еду, а Вирджиния — спать.

Мой же разум блуждает среди тысяч мыслей, полностью отрезая меня от реальности. До сих пор всё, что было предсказано, сбывалось с пугающей точностью. Три знамения неотвратимо исполнились одно за другим. Словно кто-то забавляется, рисуя этот апокалиптический пейзаж, но никто не способен угадать, каким будет финальный мазок.

Один вопрос не дает мне покоя: почему хроники умалчивают о том, что происходит после знамений, после пробуждения Зла?

Если оно действительно уже среди нас… значит, совсем скоро оно попытается покарать тех, кто предал его в прошлой жизни. Начиная с королевской семьи.

Сжимаю кулаки, когда до меня доходит страшная истина: *Это значит, что… дворец — самое опасное место на земле.* Оставаться здесь — верный смертный приговор. Это первая точка, куда явится Зло, чтобы смыть свою обиду нашей кровью. *Неужели никто вокруг этого не понимает?*

— Спасения нет. — Мой шепот обрывает разговоры стражи. Все замирают, уставившись на меня, и в кухне воцаряется леденящий покой. Осознание, накрывшее меня с головой, заставляет резко вскочить на ноги; я бледная как труп, а сердце колотится в бешеном ритме. Вирджиния вздрагивает, испуганно открывает глаза и смотрит на меня в полном замешательстве.

Элайджа имел в виду именно это, когда утверждал, что ход событий невозможно изменить? Он знал, что все три знамения сбудутся так молниеносно? Знал, что Зло пробудится? Знал, что оно нанесет удар по дворцу?

— Спасибо, что напомнила, дорогуша, — огрызается один из солдат.

— Вы не понимаете… — Воздух со свистом покидает мои легкие. — Если Зло воскресло, чтобы отомстить королевской крови, это значит, что оно идет прямо сюда…

В ответ — никакой реакции. Словно всё, что я несу, — полнейший бред сумасшедшей.

Вирджиния берет кувшин и наливает воду в стакан. Затем протягивает его мне. — Зло не настолько тупое, чтобы соваться в место, под завязку забитое солдатами, Лавиния. На, выпей немного. На нервной почве и не такое привидится, не пережи…

— Нет! — кричу я. — Нет у меня никакого срыва, — шиплю сквозь стиснутые зубы. Они смотрят на меня как на умалишенную, несчастную девицу, у которой окончательно поехала крыша. — Как вы можете оставаться такими спокойными, зная, что дьявольское отродие собирается вырезать нас всех под корень?!

Вмешивается Габриэль: — Ну, наследник его остановит. Так написано в священных хрониках Жрецов, — размеренно объясняет он.

Наследник.

Эдоардо.

С трудом сглатываю вязкую слюну. — Как? Принеся себя в жертву? — Я абсолютно уверена, что Артур не позволит никому причинить брату вред. А это означает лишь одно: Артур умрет вместо Эдоардо.

Вирджиния опускает стакан на стол и тяжело вздыхает. — Знаешь что, марш отдыхать. Я тебя никогда такой взвинченной не видела. В последние дни ты вечно витаешь в своих облаках, совсем связь с реальностью потеряла.

Вскидываю ладонь: — Нет, я в порядке.

Она качает головой: — Не в порядке. Ты кричишь и бьешься во сне, а когда я тебя бужу, твои щеки мокрые от слез. Я настаиваю, Лавиния. Сама закончу твою вечернюю работу, а ты иди ложись.

Оглядываюсь по сторонам и ловлю на себе жалостливые взгляды спутников. *Как мне объяснить им, что я не лишилась рассудка?*

Вздыхаю. Мне безумно хочется рассказать им о кошмарах, которые меня истязают. Каждую ночь я просыпаюсь от удушья, убежденная, что сталь пронзила мою грудную клетку, и каждый раз Вирджиния приносит мне воду и помогает прийти в себя.

Выхожу из кухни, чувствуя себя заложницей слов Элайджи. Спускаюсь по лестнице, пересекаю вестибюль и бросаю короткий взгляд на экран на стене. Мать исходит истошным плачем над телом своего младенца. Я бы отдала всё, чтобы не видеть этого, уподобившись остальным слугам, которые проходят мимо не оборачиваясь. Но слишком поздно, и эти беззвучные крики уже разрывают мне барабанные перепонки. Быстрым шагом направляюсь к массивным дверям и распахиваю их. Лучи солнца касаются моей кожи, словно нежная ласка. Делаю глубокий вдох и выдох.

Охрана дворца усилена втрое, и некоторые гвардейцы смотрят на меня с подозрительным прищуром. *Даже здесь мне не найти покоя.* Ощущение такое, будто я на поле боя, застывшем в бесконечном, звенящем ожидании. Иду по дорожке, ведущей к флигелям персонала, но когда мой путь пролегает мимо оранжереи Артура, сердце испуганно замирает. Вздыхаю. *Мне было так хорошо здесь в тот день.* Сворачиваю с тропы и толкаю стеклянную дверь. Захожу внутрь, мгновенно утопая в буйстве сочных

красок. Здесь время будто засыпает — это место абсолютно изолировано от внешней реальности, которая стремительно катится в ад.

И, должно быть, именно поэтому я чувствую себя здесь защищенной — оранжерея возвращает меня в те секунды, когда Артур был так близко, что я ощущала его каждой клеткой своего существа. Он нависал надо мной, смакуя моё тело, словно самый сладкий нектар. Прохожу мимо верстака, на который он меня уложил, и чувствую, как щеки обжигает румянец. Здесь всё осталось нетронутым с того самого дня. Горшки, которые он в спешке сдвинул, чтобы освободить место, до сих пор безмолвно хранят память о нашем безумии.

Присаживаюсь на деревянный край верстака и провожу подушечками пальцев по его поверхности. Интересно, эту щемящую тоску проживаю я одна, или она так же выжигает разум ему? Потому что я мертвой хваткой цепляюсь за воспоминание о его руках на моей коже и о тех словах, сказанных в шелковые пряди.

«Что это?» «Что-то столь же прекрасное, ароматное и уникальное, как ты».

Подношу ладонь к волосам — точно к тому месту, куда он тогда вплел синий тюльпан. Натянуто улыбаюсь от избытка чувств, поворачиваясь к растениям за моей спиной. Подаюсь вперед и ложусь на живот. Беру один цветок, лаская лепестки почти с жадностью. Эти *синие тюльпаны* безупречны и мягки, а аромат, что они источают, одурманивает меня.

Кладу его рядом с собой, скрестив руки под головой. Убаюканная далеким щебетом птиц, я закрываю глаза, и впервые за долгое время меня не штурмуют апокалиптические видения.

Только абсолютный покой и память о поцелуях, выжженных на моей коже как неизгладимые клейма.

Артур

Верховный жрец с силой бьет кулаком по столу.

— Это единственный выход.

В ответ он получает согласный кивок от каждого из присутствующих, никто не смеет возразить. И пока он выбивает у знати зеленый свет для своего безумного плана, Король Давид, восседающий по левую руку от меня, хранит гробовое молчание.

Я бесцеремонно обрываю его монолог:

— Это ваш выход, Верховный жрец, но никак не наш.

Он хватает бокал с вином и осушает его залпом, словно это обычная вода. Кончив, он награждает меня раздраженным и полным спеси взглядом.

— При всём уважении, Ваше Высочество, принц Артур, — вмешивается один из вельмож, — вы не наделены правом решающего голоса. Этот выбор — прерогатива членов Совета.

Мои губы кривятся в едва заметной ухмылке. Мужчина осекается, в его глазах мелькает паника — словно он только в эту секунду осознал, какую глупость совершил, посмев мне перечить.

— Всем членам Совета надлежит принять решение, которое их самих никак не затронет, верно? Короновать Эдоардо, вынуждая его пойти войной на Зло, притом что ни одна тварь здесь не знает ни его обличья, ни имени. Я в чем-то ошибся?

Они без звука проглатывают мои слова. Втягивают головы в плечи, трусливо дожидаясь, пока кто-то другой впряжется за их шкуру.

— Я не позволю вам подставить его под удар ради вашего же блага. Вы этого не сделаете, — отчеканиваю я вновь.

Король Давид приподнимает ладонь:

— Не стоит пороть горячку на ровном месте. Нам и без того хватает хаоса, вам так не кажется?

— Но, Сир, в этот критический для монархии час мы обязаны возвести его на престол, чтобы защитить нацию! — Верховный жрец снова идет напролом.

«Чтобы защитить нацию?» Сжимаю челюсть, пока зловоние их лжи буквально выжигает мне легкие.

— Я согласен с Артуром в том, что это опрометчивый шаг. Вынуждать сейчас принца Эдоардо проходить Три испытания, чтобы ускорить коронацию, когда он еще не восстановил силы после изнурительных поединков последних недель, — значит обречь его на провал.

Голос Короля Давида слушают с благоговейным трепетом, даже Жрецы. Но в глубине души я прекрасно понимаю: отец подыгрывает мне лишь ради фасада. Эдоардо никогда не отличался успехами в этих испытаниях, поэтому Король просто пытается выиграть время, чтобы дать ему хотя бы подготовиться физически. Это не жест отцовской любви — его волнует лишь королевская фамилия, он панически боится ударить в грязь лицом. Провал Эдоардо уничтожит нашу репутацию, вот он и держит меня за руку.

Будь ему действительно не плевать на сына, он бы хоть раз навестил его за эти дни болезни.

— Сир, позволю себе не согласиться, — подает голос Верховный жрец. — У меня нет сомнений, что принц Эдоардо с легкостью преодолеет Три испытания после той невероятной демонстрации животной силы, которую мы лицезрели в дуэли с его братом. И, позвольте добавить, в самом худшем случае… у нас всегда остается принц Артур.

— Изъясняйтесь яснее, Верховный жрец, — шиплю я ледяным тоном.

Он поправляет очки на носу и одаривает меня дежурной улыбочкой, которая заставляет меня перебрать в уме тысячу способов разнести ему череп к чертям.

— Я лишь имел в виду, что если Эдоардо не справится с Тремя испытаниями, нам повезло иметь двоих преемников. Принц Артур взойдет…

— Нет, — выплевываю я.

Резко поднимаюсь с места; стул покачивается и с грохотом валится на пол. Ярость струится по моим венам как бензин, готовый вспыхнуть от малейшей искры. Жрецы сверлят меня взглядами, словно я окончательно потерял контроль над собой.

— Эдоардо взойдет на престол, но не ценой своей жизни ради вашего чертова комфорта. Я ясно выразился?

Никто не рискует возразить. В гробовой тишине они лишь обмениваются многозначительными взглядами.

— Прекрасно. С вашего дозволения.

Разворачиваюсь, гвардейцы распахивают двери, и я выхожу в сопровождении личной охраны.

Расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки, судорожно пытаясь набрать воздуха. *Свора шкурников, которые видят в нас исключительно пушечное мясо, — вот кто они такие.* — Что у нас по северному сектору? — спрашиваю я своих людей.

Гвардеец справа от меня зажигает экран планшета и оперативно докладывает:

— Мы доставили гуманитарный груз: медикаменты, воду, продовольствие и чистую одежду, семьи в безопасности. Эвакуационные лагеря развернуты в каждом населенном пункте. Всё строго по вашему приказу, Ваше Высочество.

Распахиваю дверь кабинета, подхожу к закрепленной на стене карте и упираюсь указательным пальцем в южные и западные рубежи:

— Мы обязаны проделать то же самое в этих районах.

— Ваше Высочество, Жрецы не утвердили эти расходы…

Пронзаю его тяжелым взглядом:

— Я сказал — мы проделаем то же самое. Мне нужно повторить приказ?

Они покорно склоняют головы без лишних слов. Опускаюсь в кресло за рабочим столом, размашистым движением сдвигаю в сторону документы прошлых дней. Достаю черную ручку из ящика — я готов регистрировать очередной список мертвецов, хоронить младенцев и выписывать пособия разоренным семьям.

Когда сработало Третье знамение, я разделил гвардию на четыре крупных отряда, каждый из которых круглосуточно мониторит свой сектор страны, чтобы снабжать меня жесткой, правдивой информацией без прикрас.

— На востоке людям нечего жрать, мародерство стало обычным делом, а полиция почти покинула улицы из-за неуправляемого уровня насилия.

Записываю сводку:

— Отправьте туда батальон королевской армии для восстановления порядка. Но прежде чем применять силу… организуйте бесплатную медицинскую помощь, доставку еды, питьевой воды и палатки для тех, кто остался без крыши над головой. Не смейте бросать их на улице, обеспечьте людей всем необходимым.

— Ваше Высочество, госпиталь на западном побережье фиксирует массовые случаи выкидышей.

Ручка выпадает из моих пальцев. Несколько раз моргаю, прочищая горло. *Святые угодники, теперь они гибнут, даже не успев увидеть свет? Мало им было вырезать детей в колыбели?* — Контакты больницы у тебя?

Он кивает.

— Запланируй визит. Отправляйся туда и узнай… — вздыхаю, и слова застревают в горле. В эти дни я только и делаю, что шлю фальшивые соболезнования, дежурные слова поддержки и жалкие транши денег. Чувствую себя ничтожным, немощным и бесполезным куском дерьма. — Узнай, в чем они нуждаются, и передай, что все расходы на лечение матерей дворец берет на себя.

Голос Придворной дамы доносится до меня как глоток свежего воздуха в душном склепе. Она созерцает меня с порога кабинета, изогнув бровь и сжав губы в строгой гримасе упрека.

— Оставьте нас на минуту. Принц освободится через час, — приказывает она.

Гвардейцы безропотно склоняют головы и спешно покидают комнату.

Дама закрывает дверь, подходит ближе и присаживается на край моего стола, не сводя с меня тяжелого взгляда.

— Это действительно твоя обязанность, Артур?

Делаю вид, будто не слышу, беру папку из стопки справа и раскрываю её. Нахожу страницу со сводкой смертей за неделю. Провожу пальцем по строчкам — цифры перед глазами продолжают неумолимо расти.

Она бесцеремонно вырывает отчет из моих рук.

— Эта этот вечный подсчет мертвецов тебе не поможет.

— И что мне, по-твоему, делать? Уподобиться знати? Или Жрецам? Какой из вариантов тебе больше по душе, Дама? Первые внаглую грабят дворцовые склады, жрут в три горла и утопают в роскоши, вообще не думая о том, какой ад творится за стенами. Другие строят скорбные мины и без конца треплются о спасении нации, хотя на деле палец о палец не ударили. Когда они не торчат в телевизоре со своими лживыми заявлениями, они нежатся в термальных источниках и жрут деликатесы, запивая их коллекционным вином. — Смотрю на неё, чувствуя в груди выжженную пустыню. — Какой из вариантов, Дама?

Забавная улыбка озаряет её лицо — точно такая же, какую я видел в детстве, когда наотрез отказывался подчиняться правилам дворца. Под её взглядом я снова кажусь себе тем самым упрямым мальчишкой, который умел мастерски орудовать мечом, но напрочь игнорировал разум.

— Я бы сказала, что тебе стоит делать то, что подобает принцу.

Хмурюсь.

— Я именно это и делаю.

Она укоризненно качает головой:

— Нет. Ты делаешь работу Короля.

Её голос заметно крепнет на последнем слове. Знаю я это выражение лица, прекрасно понимаю, куда она клонит. Отодвигаюсь от неё, поднимаюсь с кресла и подхожу к окну.

— Королем станет Эдоардо, — отчеканиваю я. — Только не начинай еще и ты, Дама.

Она пожимает плечами:

— Я ничего не сказала, Артур. Понятно, что тебе удобнее отрицать очевидное, но ты рискуешь потерять нечто по-настоящему важное, если твой разум будет забит исключительно заботами о государстве.

Не улавливаю её мысль:

— Я всего лишь пытаюсь не отворачиваться от своего народа, пока сам пользуюсь благами, которые мне даны по праву.

— От своего народа? — переспрашивает она с ядовитой насмешкой. — И скажи мне, Артур, ради этого ты ничем не жертвуешь?

Хмурюсь в полном замешательстве:

— Часами сна, обедами… — лениво перечисляю я.

— А девчонка, которую я нашла спящей на верстаке в твоем ботаническом саду, тебе ни о чем не говорит?

Лавиния.

Лавиния

Шелест воздуха ласкает мои волосы, затем скользит по щекам и настолько пробуждает чувства, что вырывает у меня невольную улыбку. Я потеряла счет времени… мне так хорошо в этом уединении. Вокруг разливается свежий аромат, точь-в-точь как у Артура, — это место будто навсегда впитало в себя его суть.

Мне нельзя оставаться здесь на весь вечер, нужно возвращаться во дворец. Медленно открываю веки, пробуждаясь от сна, и обнаруживаю прямо перед собой две медовые радужки, которые успела изучить слишком хорошо. Снова зажмуриваюсь и тру глаза пальцами. *Может, я всё еще сплю.*

— Доброе утро, Лавиния, — бормочет он, заставляя меня вздрогнуть.

Этот голос.

Артур лежит рядом со мной, подперев подбородок ладонью, а на его лице играет забавленная улыбка.

— Что с тобой?

— Что со мной? — повторяю я, едва не поперхнувшись воздухом. — Что ты здесь делаешь? — Сажусь на верстаке; он смотрит на меня снизу вверх, слегка наклонив голову набок.

— Вообще-то, если ты забыла, это мой питомник.

К щекам приливает румянец. Он вечно разыгрывает эту карту. Готова поспорить, сейчас он спросит, зачем я пришла сюда без видимой причины, ведь он прекрасно понимает: я тоскую по нему и ищу его там, где еще живо воспоминание о его тепле. Собираюсь спуститься с деревянной поверхности, но он жестко перехватывает моё запястье.

— Я пришел ради тебя, а ты сбегаешь?

Пришел ради меня?

— Кто тебе сказал, что я здесь? Гвардейцы?

— У меня свои источники. — Он порочно подмигивает, лаская мою руку. И делает это с такой щемящей нежностью, что я буквально таю.

Мне так отчаянно не хватало его всю эту неделю, что сейчас я с трудом верю, будто он действительно стоит передо мной. С этими золотистыми кудрями, небрежно рассыпавшимися по лбу, с безупречной белизной зубов, которая ослепляет меня всякий раз, когда мы говорим, с его дурманящим парфюмом и ямочками, что проступают на щеках, когда он искренне смеется.

Он прямо передо мной, но я всё равно чувствую эту глухую дистанцию. Возможно, дело в темных кругах, выдающих его крайнее истощение, или в том, что порезы и гематомы после последнего поединка на Арене еще слишком отчетливо видны на его лице.

— Что такое? — спрашивает он.

Молча качаю головой. Не знаю, через какой ад он сейчас проходит, но мне всем сердцем хочется оградить его от любых терзаний, выжигающих тот чистый свет, что всегда в нем жил. Вижу, каких нечеловеческих усилий ему стоит маскировать своё изнеможение, и от этого чувствую себя абсолютно бесполезной.

Он привлекает меня к своей груди; одна его ладонь смыкается на моей спине, а другая бережно стягивает резинку, распуская мои волосы и перебирая пряди.

— Мне жаль, что я не мог побыть с тобой все эти дни. Не хочу, чтобы ты думала, будто я о тебе забыл.

Он произносит эти слова виноватым шепотом, от которого моё сердце начинает крупно дрожать. Задерживаю дыхание, и он, заметив это, продолжает:

— Я бы никогда не смог забыть тебя, Лавиния. Меня с головой затянула работа, ассамблеи, эти внутренние распри, от которых я предпочитаю держать тебя как можно дальше. Рядом со мной сейчас слишком опасно, я не хотел… втягивать тебя в свои кошмары. — Касаюсь пальцами его лица, и его взгляд мгновенно теплеет.

— Мне не хватало тебя, Артур, — признаюсь я. Его глаза вспыхивают, окутывая меня обжигающим жаром. Он прижимается щекой к моей ладони, взирая на меня так, словно я — единственный источник жизни, которым он питается. — Я понимаю, что ты поглощен делами, судьбой королевства… но я не хочу, чтобы это уничтожило тебя.

— Прости меня, — торопливо повторяет он, оставляя невесомый поцелуй на тыльной стороне моей кисти, прежде чем переплести наши пальцы. — Ты прекрасна до безумия, — шепчет он.

Смущенно опускаю глаза и замечаю сорванный ранее синий тюльпан, лежащий неподалеку. Беру его в руку и улыбаюсь.

— Придвинься ближе.

Артур послушно подчиняется, и я бережно закрепляю цветок у его уха. Его радужки так близко, что я готова раствориться в них и утонуть; я замираю, завороженная абсолютным совершенством его черт. Белизна кожи делает насыщенный цвет лепестков еще ярче, резко контрастируя с золотом кудрей.

Он наклоняет голову, прослеживая траекторию моего взгляда.

— Уверен, на тебе он смотрелся бы куда лучше.

Пытаюсь протестовать, забавно морща нос. Мы тихо смеемся вместе, совсем как в прежние времена. Потому что Артур наделен этой безумной силой — заставлять меня чувствовать себя в безопасности, даже когда весь мир катится в ад, дарить ощущение дома везде, где бы он ни находился, и стирать любые болезненные воспоминания одним лишь прикосновением.

Но меня страшит мысль, что он — часть неотвратимого, древнего проклятия. Меня приводит в ужас понимание того, что, пока мы заперты в этой вселенной, я бессильна его защитить. В памяти вспыхивает картина, как на Арене он позволил Эдоардо превратить себя в месиво, затягивая бой лишь ради того, чтобы доказать Совету силу брата. Тяжелая судорога в желудке вынуждает меня сделать судорожный вдох. Он хмурится, но прежде чем он успевает что-то сказать, я обвиваю руками его шею и мертвой хваткой прижимаюсь к нему. Я просто впитываю аромат, который источает его кожа.

— Ты вел себя как безумец на этой Арене. Ты вечно заставляешь меня сходить со ума от страха… — упрекаю я его.

Мои слова заставляют его сжать объятия еще крепче.

— Я знаю, прости меня. Тебе, должно быть, было невыносимо на это смотреть… но я был обязан. Я должен защитить Эдоардо.

Осознание того, что он всегда будет ставить брата на первое место — выше меня и даже выше собственной жизни, — затапливает душу горькой обидой. Эту нить, связывающую его с Эдоардо, мне никогда не постичь до конца, и я не уверена, что он когда-нибудь сможет испытать ко мне нечто хотя бы отдаленно похожее.

Но где-то в самых потаенных глубинах я отчаянно на это надеюсь. Надеюсь, что он выберет спасение.

— Знаю, этого никогда не случится, но… однажды… хотя бы на один единственный день… — шепчу я, убаюканная его размеренными поглаживаниями. — Ты выберешь меня, Артур?

Он каменеет.

Знаю, он понял мой вопрос. Понимаю, что моя просьба продиктована чистым эгоизмом: я просто не хочу видеть его в смертельной опасности. Мне хочется, чтобы он думал обо мне, а не швырял себя на алтарь ради спасения брата.

Думал обо мне — и о том, что я снова останусь в гробовом одиночестве, если с ним что-то случится. Думал обо мне — и о том, что я разобьюсь в прах, если он исчезнет. Думал обо мне — и о том, что я уничтожу себя, если его не станет. Думал обо мне и выбрал меня.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Сможешь ли ты когда-нибудь сделать это, Артур?

Мы застываем в гробовом безмолвии. Он не произносит ни звука. Словно я никогда и не задавала этого проклятого вопроса.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 32

Лавиния

Мать в полнейшем оцепенении прижимает к груди бездыханное тело маленького сына; её бьет крупная дрожь от пережитого шока. Рядом с ней еще две женщины исходят беззвучным плачем, погруженные в пучину безграничного горя. Несмотря на то что это уже пятая по счету больница, которую мы посещаем за сегодня, я не нахожу в себе сил сохранять то же ледяное хладнокровие, что демонстрирует стража. Черствые и натянутые как струны, гвардейцы сопровождают Его Высочество Эдоардо, безукоризненно исполняя свои обязанности и не выдавая ни малейшего намека на душевный надлом.

Я же вынуждена плестись следом за ними, отчаянно подавляя подступающие к глазам слезы, от которых невыносимо жжет веки.

Мне никогда прежде не поручали сопровождать законного наследника престола, но сегодня утром верховное руководство распорядилось именно так. Вирджинию вместе с остальными девушками приставили к охране Артура, а в свиту Эдоардо из всего женского персонала включили только меня. Моя задача предельно проста — держать в руках охапки цветов и протягивать их несчастным семьям.

Эдоардо размеренно произносит дежурные слова соболезнования; его лицо остается неподвижным, а голос ни разу не дрожит.

— Я знаю, что в этот скорбный час никакие слова не способны утешить вас после столь невосполнимой потери, но хочу, чтобы вы знали: мы разделяем ваше горе и сделаем всё возможное, чтобы искоренить это зло любой ценой. — Едва его монолог подходит к концу, я делаю пару шагов вперед и бережно опускаю цветы на постель.

Прежде чем двинуться дальше, принц на несколько секунд смиренно опускает голову в знак почтения. Когда он выпрямляется, стража провожает его в следующую палату.

Личное присутствие преемника престола, выражающего соболезнования простым гражданам, — одна из излюбленных стратегий Жрецов. И надо признать, что, несмотря на исключительно политический подтекст, эта уловка действительно работает, даруя измученным людям хоть какую-то крупицу утешения.

У выхода из каждого госпиталя нас со звериным голодом поджидают репортеры. Стоит нам переступить порог, как вокруг образуется неистовая давка: толпа пытается выудить из Эдоардо хоть каплю свежих новостей. Гвардейцы смыкают кольцо, жестко удерживая зевак на расстоянии. Но кое-кто всё же пытается прорвать оцепление, чтобы привлечь к себе внимание принца. Среди них оказывается старик — явно не журналист, на вид ему под восемьдесят, в руках он сжимает деревянную трость. Вытянув руку, он цепляется за край рубашки Эдоардо, но начальник охраны резко толкает его в грудь, отчего несчастный валится навзничь на землю.

Замираю как вкопанная. Пока разъяренная толпа подается вперед, я торопливо пробираюсь к упавшему старику. На его лбу пролегла глубокая складка, он болезненно потирает ушибленный локоть.

Присаживаюсь перед ним на корточки: — Вы целы? Подняться сможете? Хотите, я позову лекаря?

он слабо качает головой в знак отрицания: — Мне нужно лишь… перевести… дух. — Его дыхание прерывисто и тяжело. На нем старый черный картуз и поношенный

серый пиджак. — Это дряхлое тело уже не держит удары, — хмыкает он, пытаясь разрядить обстановку.

Мне становится невыносимо стыдно, хоть моей вины здесь нет ни капли. Личная охрана Эдоардо не смотрит на лица: их священный долг — оберегать наследника, и они исполнят его, даже если придется швырнуть немощного старика на раскаленный асфальт.

— Зачем вы уцепились за принца? Вы же понимаете, насколько это опасно…

— Я хотел ответов, — тяжело вздыхает он. — Нам уже несколько дней скармливают одни и те же обещания, а толку ноль. Моя жена умерла, отравившись грязной водой, детей у нас нет, я остался совсем один на всем белом свете.

Его бесхитростный рассказ камнем ложится мне на душу.

— Если ему действительно суждено стать нашим спасителем, пусть докажет это делом. Иначе незачем дурить нам голову этими визитами вежливости. — Он пытается подняться, но колена подкашиваются. — Мы не идиоты. Почему они до сих пор не уничтожили Зло? Чего они ждут? Сколько еще нам загибаться здесь, пока они отсиживаются в абсолютной безопасности за высокими стенами дворца?

У меня нет ответов — лишь удушающее чувство стыда, которое становится еще острее, когда старик замечает мою форму. Пытаюсь прикрыть ладонью королевский герб на груди, но слишком поздно. Его глаза сужаются в две колющие щелки.

— Ты из челяди дворца, — отчеканивает он с явным презрением.

С трудом сглатываю вязкую слюну. — Давайте я помогу вам встать. — Протягиваю руку, но он наотрез отказывается от помощи. Поднимается сам — его колотит в неукротимой дрожи, словно сухой осенний лист. Развернувшись ко мне спиной, он бредет прочь, не проронив больше ни слова, будто я внушаю ему глубокое омерзение.

Поднимаюсь с земли с тяжелым сердцем. Когда я возвращаюсь к кортежу, то замечаю, что помимо наглых репортеров вокруг гвардейцев сгрудилась огромная толпа несчастных людей. Их положение в тысячу раз хуже, чем у того старика: лохмотья вместо одежды, лица иссушены голодом и скованы диким страхом.

Вспышки фотокамер слепят Эдоардо; прикрыв глаза рукой, он быстрым шагом направляется к автомобилю. Гвардеец распахивает перед ним дверцу, и принц скрывается в салоне. Направляюсь ко второй машине сопровождения, где сидит остальной персонал, но стражники преграждают мне путь.

— Вам придется сесть в первую, эта забита до отказа, — командует боец, расчищая мне дорогу рукой.

Торопливо заскакиваю в салон и захлопываю дверцу, отсекая навязчивых журналистов и отчаянные мольбы истощенных граждан. Делаю глубокий вдох, наблюдая через тонированное стекло, как их жалкие фигуры стремительно уменьшаются вдали.

Видеть этот ад своими глазами — невыносимая мука. Еще во дворце, глядя на огромный экран в вестибюле, я понимала, что снаружи творится катастрофа, но даже близко не представляла её истинных масштабов. В замкнутом пространстве королевских стен весь этот внешний хаос попросту не виден и не слышен.

Отвожу взгляд от окна и только сейчас осознаю, что сижу лицом к лицу с Эдоардо. Подперев ладонью подбородок, он с полным равнодушием листает какой-то журнал и сонно зевает.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Как он умудряется оставаться настолько безмятежным после всего, что мы только что лицезрели? После встреч с сотнями родителей, чьи сердца разбиты смертью младенцев? Как отчаянный плач собственного народа не способен всколыхнуть в нем ни единой струны, не задевает его душу?

Он резко вскидывает голову, раздраженный моим присутствием: — Долго ты еще будешь на меня пялиться? Оставь свой скорбный вид для тех, кого тебе так безумно жаль.

Мы находимся совершенно одни в этом огромном салоне с кожаными креслами и миниатюрными столиками. На передних сиденьях расположились водитель и телохранитель, но нас от них отделяет плотная стеклянная перегородка.

— Простите, Ваше Высочество. Уверяю вас, я сама не горела желанием ехать в одной машине с вами, — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

— Можешь выйти в любую секунду.

В полнейшем шоке от его цинизма я отворачиваюсь к окну. Он — последний человек, с которым мне хотелось бы делить пространство. Мне и так с лихвой хватает видеть его рожу каждую ночь в тех чудовищных, повторяющихся кошмарах.

Внезапно машина бьет по тормозам; ремень безопасности с силой удерживает меня в кресле. Эдоардо закатывает глаза, когда мы понимаем, что толпа протестующих облепила автомобиль, яростно колотя по капоту и дверям. Придвигаюсь ближе к темному стеклу, и меня затапливает горькая обида. Истощенные, измученные жаждой дети бьют маленькими ладошками по нашему лакированному кузову. Их крики доносятся извне приглушенно и слабо; сотни людей спрессовались в одну сплошную живую массу, преграждая путь.

Вдали замечаю самодельный плакат, который сжимает в руках девчушка лет пятнадцати в серой грязной футболке; её лицо иссушено и покрыто копотью. Всматриваюсь в неровные буквы: *«Когда мы сможем пить воду и не бояться смерти?»* От этой надписи у меня перехватывает дыхание.

— Ваше Высочество, главные дороги перекрыты мятежниками. Мы вынуждены повернуть назад и ехать в объезд через лесной массив, — раздается голос из динамика.

Эдоардо лишь безразлично пожимает плечами, возвращаясь к чтению журнала: — Нам всё равно нужно именно туда, не так ли? — бросает он безучастно.

— Так точно, Сир.

Королевские гвардейцы выскакивают из машин, чтобы силой расчистить путь, пока наш автомобиль сдает назад. Я знала, что у Эдоардо черствое сердце, но не думала, что он способен проявлять настолько скотское безразличие к страданиям своего народа.

Мой взгляд падает на три бутылки с водой, стоящие на столике. Хватаю их и одним резким движением опускаю стекло. Истошные крики, до этого бывшие глухими, мгновенно бьют по барабанным перепонкам, опустошая душу. Прежде чем Эдоардо успевает хоть как-то среагировать или остановить меня, я высовываю руку наружу, и бутылки с дикой яростью вырывают у меня из пальцев. Люди с остервенением бросаются на них, опустошая за считанные секунды.

Спешно задвигаю стекло, и их страшный плач мало-помалу стихает. В салон возвращается тишина, а Эдоардо буквально испепеляет меня уничтожающим взглядом. — Кто дал тебе право распоряжаться здесь?

Я храню гордое молчание. Снова перевожу взгляд на улицу: на подмогу конвою уже подоспели отряды полиции, вооруженные до зубов. Они без разбора бьют

дубинками каждого, кто не успевает отпрянуть назад, каждого, кто пытается прорваться к машине принца. Это непрекращающийся апокалипсис, глухой тупик, из которого нет выхода.

Эдоардо с силой бьет ладонью по кожаному сиденью, свирепо уставившись на меня: — Ты придворная служанка, но ведешь себя так, будто тебе плевать на свой статус и правила.

Жгучая неприязнь закипает в моих венах. Сжимаю губы в тонкую линию, лихорадочно соображая, как вытряхнуть его из этой удушающей апатии. Он исходит на говно из-за того, что я протянула воду умирающим от жажды людям, но его ни капли не колышет, что Зло прямо сейчас вырезает целую нацию.

— Я могла бы сказать то же самое о вас. Вы — принц, без пяти минут Король, но ведете себя так, будто вам плевать на собственный народ, — отчеканиваю я в ответ.

Леденящая, зловещая ухмылка, исказившая его черты, выдает в нем человека, способного на любое безумство. — Твоя правда, Лавиния, — цедит он моё имя с отчетливой, ядовитой злобой. — Я принц и скоро стану королем, но до твоего скудного ума это, похоже, так и не дошло.

Я замыкаюсь в себе. Продолжать эту дуэль не имеет никакого смысла; нужно просто стиснуть зубы, перетерпеть этот кошмар, а там я смогу вернуться к привычной работе, подальше от Его Высочества Эдоардо и его леденящего нрава. Он больше не заговаривает со мной, и остаток пути мы проводим в гробовом безмолвии, пока машина петляет по проселочным дорогам.

Пейзаж за окном мне совершенно незнаком, я понятия не имею, куда нас везут. Сплошная стена из могучих вековых деревьев с густыми раскидистыми кронами тянется на многие километры вокруг. Не знаю, радоваться ли мне виду этой нетронутой природы или поддаться нарастающей тревоге. Этот глухой угол бесконечно далек от городского хаоса.

Наш автомобиль замирает, следом останавливается и остальной кортеж; гвардейцы спешно выходят, готовясь открыть дверцу Эдоардо. Он небрежно отбрасывает журнал, отстегивает ремень и перед выходом лениво поправляет воротник рубашки.

Личная охрана плотным кольцом берет его в окружение, пока он шагает по узкой тропе. Следую за ними на небольшом расстоянии, впитывая лесную прохладу. Лишь далекий щебет птиц да тихий шорох ветра нарушают это безмолвие. *Что это за глухомань? Зачем мы здесь? В такой чаще вряд ли прячут больницы.*

Слегка ускоряю шаг, ровно настолько, чтобы поравняться с последним гвардейцем в шеренге. — Скажите, в этом лесу случайно нет какого-то секретного госпиталя? — шепчу я едва слышно.

Стражник качает головой: — Ничего подобного. Эта глушь — единственное место в стране, помимо дворца, которое вообще не затронули Три знамения. Его Величество приказал лично и досконально всё здесь осмотреть.

Послушно Киваю.

Она не подвластна действию Трех знамений. Именно поэтому растения здесь цветут так пышно и дико: поднимаю взгляд, на миг теряясь в деталях этого зеленого оазиса. Невольная улыбка кривит мои губы, когда я замечаю белку, увлеченно грызущую желудь, а вдали ловлю силуэт маленького оленя, лениво щиплющего траву. Тяжелый свинец в груди мало-помалу тает, а удушающий узел, стягивавший горло, ослабевает.

Возможно… возможно, еще существует способ остановить этот апокалипсис. Быть может, знамения исчерпали свою силу, вода снова станет питьевой, а бесплодные поля удастся засеять заново.

Наше шествие резко замирает; замедлив шаг, я вижу, как Эдоардо вскидывает руки вправо и влево, отдавая своим людям какой-то приказ, слов которого мне не разобрать. Подхожу ближе; гвардейцы рассредотачиваются по лесу, пока мы не остаемся совершенно одни.

Его тяжелый взгляд впивается в меня. Он сканирует меня с ног до головы нечитаемым взором, после чего резко разворачивается ко мне спиной.

— За мной, — шипит он ледяным тоном.

Вздыхаю. Желание находиться рядом с ним равно нулю, особенно после того, как он столь сурово отчитал меня за самоуправство в машине. Но сейчас разумнее не искушать его власть и не доводить дело до открытой ссоры.

Следую за ним; он идет на шаг впереди. Двигается стремительно и уверенно, пока я плетусь следом — неуклюжая, отстающая. С трудом перешагиваю через узловатые корни вековых деревьев, проступающие из-под земли, и отчаянно пытаюсь не увязнуть в грязных топях. Дворцовая форма — длинная, узкая юбка — превращает эту прогулку в изощренную пытку.

Убираю со лба прилипшую прядь волос и перевожу дух. Мы пробираемся сквозь чащу уже больше двадцати минут, а я до сих пор понятия не имею, каков конечный пункт. Эдоардо не выказывает ни малейших признаков усталости; время от времени он бросает через плечо короткий взгляд, проверяя, жива ли я, но темпа не сбавляет.

Резкий порыв ветра ласкает мои щеки. Подняв голову, я вижу, как Эдоардо застывает на самом краю обрыва, спрятав руки в карманы брюк. Он пристально смотрит куда-то вниз. Нагоняю его, ведомая любопытством и диким облегчением от того, что эта бесконечная скачка наконец окончена. Под нами раскинулся бескрайний океан фиолетовых цветов, источающих приторный, карамельный аромат; они образуют колоссальное чернильное пятно, полностью приковывающее к себе взор.

— Они необходимы для дворцовых запасов медикаментов. Эти соцветия обладают уникальными целебными свойствами. Собери столько, сколько сможешь унести.

— Вы притащили меня в эту глушь только ради этого?

— А ты думала, я собираюсь тебя убить? — Зловещая, хищная ухмылка искажает его лицо, пока он награждает меня взглядом, полным неприкрытого презрения. — Ты всего лишь дворцовая служанка. Исполняй приказы без лишних вопросов. Тебе ясно?

Сжимаю кулаки; мне требуется вся моя воля, чтобы не ответить ему той же монетой.

— Предельно ясно, Ваше Высочество.

Разворачиваюсь, лихорадочно осматривая склон в поисках безопасного спуска, и замечаю чуть поодаль пологий склон. Осторожно спускаюсь, пытаясь не сорваться вниз, и едва оказываюсь посреди цветочного моря, как их концентрированное благоухание мертвой хваткой забивает мне ноздри.

Сбрасываю с себя форменный пиджак и расстилаю его прямо на земле — использую его как холст, чтобы сложить стебли и не помять лепестки. Эдоардо сверху контролирует каждое моё мимолетное движение; его глаза неотрывно следят за мной, и это лишь сильнее взвинчивает мои сорванные нервы. Я его не выношу. Кто бы ни додумался включить меня в его свиту, этот человек явно желал мне зла.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Припадаю к земле, срывая первые стебли. Мои руки быстро наполняются фиолетовым ворохом, я переношу их и бережно опускаю на пиджак. Делаю еще два захода, как вдруг ладони пронзает дикий, нестерпимый зуд. Пытаюсь подуть на кожу, но легче не становится. Пальцы полыхают так, словно их заживо подпалили огнем.

— Сколько еще нужно? — кричу я, надрывая голос, чтобы он услышал.

— Еще, — доносится сверху плоский, мертвый голос Эдоардо.

Тяжело вздыхаю, сытая по горло его скотским деспотизмом. *Терпи, Лавиния.* Чем быстрее я закончу, тем скорее уберусь отсюда. Снова тянусь к цветам, но внезапный, чудовищный приступ головокружения заставляет меня пошатнуться. Вскидываю голову и натыкаюсь на тяжелый, изучающий взгляд Эдоардо.

— Мне… мне нехорошо, — лепечу я; провожу ладонью по лбу, и пальцы становятся липкими от холодного пота. Зрение стремительно размывается, весь мир вокруг закручивается в безумном, тошнотворном вихре. Чем сильнее я зажмуриваюсь, тем глубже проваливаюсь в этот омут. Дыхание сбивается, а сердце колотится в рваном, судорожном ритме. Я оседаю на землю — колени больше не держат тело, и остатки сил безвозвратно покидают меня.

— Лавиния. — Голос Эдоардо доносится откуда-то издалека, глухой и неестественный. Я едва способна сфокусировать на нем взгляд — его очертания плывут, я различаю лишь механическое движение его губ. — Ты солгала о том, как появилась во дворец?

— Что? — шепчу я в полном замешательстве едва слышным выдохом. — Мне… мне плохо…

— Ты солгала о том, как появилась во дворце? Отвечай, — повторяет он жестко, с нажимом.

Ощущение такое, будто меня заперли в стеклянном шаре — я полностью отчуждена от собственного разума, зависнув в пустоте. Вопреки своей воле я покорно Киваю: тело словно подчиняется чужеродной, непреклонной силе, которой я не способна противостоять.

— Откуда ты явилась на самом деле?

Веки наливаются свинцовой тяжестью, но яростный, резкий выкрик не дает мне окончательно рухнуть в беспамятство. Эдоардо в бешенстве рявкает моё имя:

— Лавиния, откуда ты, блядь, явилась?!

Почему я не могу пошевелиться? Почему мне так… так странно? — Из своего мира, — срывается с моих губ.

— Ты за идиотку меня держишь?! — Он с раздражением зачесывает волосы назад. Пытаюсь удержать ускользающие крупицы рассудка, но чувства покидают меня с пугающей быстротой. В итоге я замертво валюсь на траву, словно сломанная тряпичная марионетка. Я сознаю, что попала в ловушку, но заперта в собственной плоти, которая больше не слушается команд.

— Ты — это Зло?

— Нет, — шепчу я едва приметным движением губ, но с такого расстояния он физически не способен меня услышать. Безвольно качаю головой.

Зачем он устраивает этот допрос? Почему не поможет мне? Пытаюсь облечь эти мысли в слова, но из горла вырывается лишь надрывный, бессмысленный стон боли. Во рту пересыхает, а в глазах стоит сплошная темень.

— Ты знаешь, кто такое Зло? — настойчиво допытывается он.

— Я… — бормочу я. Пульс зашкаливает, а уши закладывает невыносимый, сверлящий ультразвук.

— Лавиния! — Эдоардо снова надменно выкрикивает моё имя. — Кто такое Зло?!

Воздуха критически не хватает, а внезапная волна жара заставляет поверить, будто меня заживо сжигают на костре. Пытаюсь приподняться, но тщетно.

Я полностью парализована на земле, сожранная диким террором, пока безумный разум проецирует картины и звуки, которых нет в реальности. Из потаенных глубин лавиной вырываются шрамы прошлого, и слезы мгновенно прорезают мокрые дорожки на моих щеках.

«Я грязная».

Через силу заставляя повиноваться одеревеневшие мышцы, я с судорожным омерзением начинаю тереть собственные руки. Снова физически чувствую на своей коже гнилое, липкое прикосновение того подонка, который накачал меня наркотиками, чтобы осквернить моё тело. Зловоние его дыхания, утробный хохот его дружков… Всё то, что я замуровала в самом темном, глухом углу памяти, прорывается наружу, уничтожая остатки моего существа.

Закрываю глаза, став безропотной заложницей этого страшного бреда.

Тихий шорох ветра касается моей кожи. Просыпаюсь, и меня тут же накрывает сильнейший приступ тошноты. Хмурюсь и с величайшим трудом принимаю сидячее положение. Вокруг — ни единой живой души, лишь глухая стена леса.

Как я очутилась на земле посреди чащи? Пытаюсь сосредоточиться: в памяти всплывает, как я шла за Эдоардо, затем… затем он велел мне собирать цветы… а после…

Округляю глаза в полнейшем ужасе. Паника берет меня в тиски. Смотрю на свои покрытые волдырями, обожженные ладони и правое предплечье, исцарапанное моими же собственными ногтями. Я уже целую вечность не возвращалась к тем кошмарам, не ловила это удушающее ощущение собственной грязи.

Эдоардо… он… он вел себя странно. Только сейчас до меня доходит истинный смысл той зловещей ухмылки, с которой он созерцал меня, отправляя в эту фиолетовую долину. Он устроил мне настоящий перекрестный допрос, требуя выдать мое происхождение и имя Зла, — безжалостно, надменно, пользуясь моим беспомощным состоянием.

Поднимаюсь на ноги, но голова идет кругом. Хватаюсь за ствол дерева справа, чтобы удерживать равновесие. Вдох — выдох. Пытаюсь укротить панику. *Он… он спланировал это от первой до последней секунды.* Он хладнокровно обвел меня вокруг пальца. И у него не дрогнула ни одна жила.

Бреду по тропе, полностью выжженная изнутри, лишенная малейшего света. Повторяю пройденный путь в обратном направлении, пока не выхожу к опушке, где по-прежнему припаркован кортеж и дежурит стража. Гвардейцы лениво переговариваются между собой, никто не обращает на меня внимания.

Головокружение замедляет мои шаги, я опираюсь обо всё, до чего могу дотянуться. Обида и страх внутри меня уступают место первобытной, слепой ярости. Она выжигает мне грудную клетку, воспламеняет душу и застилает взор кровавой пеленой.

Гнев.

И этот гнев детонирует, едва до моих ушей доносится далекий голос Эдоардо. Замечаю его в стороне: он совершенно буднично раздает указания одному из своих

бойцов, словно ничего не произошло, но его руки по локоть испачканы грехом, единственной свидетельницей которого стала я. Грехом, который переехала лично я. Стражник покорно кивает и отходит, оставляя принца в одиночестве.

Мой взгляд падает на открытый багажник одной из машин сопровождения — там свалены баулы с экипировкой, и из полураскрытой сумки торчит рукоять меча Эдоардо. Кончики пальцев немеют от покалывания; подхожу ближе и мертвой хваткой вцепляюсь в эфес. Ноги сами несут меня вперед, ведомые неукротимым импульсом, глухой ненавистью и обидой, которые пожирают и кромсают мою душу.

Он стоит ко мне спиной, не видя моего приближения. Стираю разделяющее нас расстояние, вскидываю клинок обеими руками и со всей дури обрушиваю удар.

Резкий металлический лязг с корнем вырывает тишину леса — что-то намертво блокирует моё лезвие в сантиметре от его шеи.

Единственный мужчина, способный украсть мой воздух, сжимает свой меч, гася всю инерцию моего удара. Он закрывает брата собственным телом, вложив в эту защиту всю свою колоссальную силу. Золотистые кудри падают на его нахмуренный лоб; он слегка приоткрывает рот, потрясенный тем, что застал меня в роли хладнокровной убийцы.

Ему не составляет труда заставить меня отступить на пару шагов, но я не сдаюсь, упрямо и ожесточенно продолжая оказывать сопротивление. Стража мгновенно берет меня в плотное кольцо, наставив пистолеты прямо в упор.

Артур резко вскидывает руку, приказывая опустить стволы:

— Мы тренируемся, отставить панику, — чеканит он властно, и бойцы тут же расслабляются. — Лавиния, что, черт возьми, ты творишь? — шепчет он с глубокой тревогой.

Скрежещу зубами, не ослабляя натиска. У него не заняло и доли секунды, чтобы броситься на её защиту. Стреляю глазами за его плечо: Эдоардо взирает на меня с тем же привычным, скотским безразличием, словно на нем нет ни капли вины.

— Спроси у своего ублюдка-брата, что я творю! — ору я, чувствуя, как остатки сил покидают мышцы. Едва я пытаюсь сделать последний отчаянный нажим, Артур резко уходит корпусом в сторону, и я, потеряв опору, беспомощно валюсь вперед.

Он легким движением выбивает меч из моих онемевших пальцев, швыряя его на землю, и подхватывает меня за талию, не давая рухнуть лицом в песок. Глухой звон упавшей стали болезненным эхом бьет по барабанным перепонкам. Его лицо оказывается в считанных сантиметрах от моего, и только в эту секунду он замечает, в какое кошмарное месиво я превратилась. Но прежде чем он успевает произнести хоть слово, я с дикой яростью вырываюсь из его рук.

Бешеная злоба на Эдоардо мешается с леденящим, трезвым осознанием: Артур никогда не сможет выбрать меня. Вопрос, который я вы шептала ему в волосы — полный глупых надежд и детского эгоизма, — теперь получил свой окончательный, беспощадный ответ.

Он никогда не выберет меня. — Почему ты и сейчас закрываешь его собой?! — Мой голос крупно дрожит от удушающего презрения.

Артур

У неё сбилось дыхание, щеки полыхают огнем, а глаза налились такой яростью, какой я никогда в ней не видел.

— Почему ты и сейчас закрываешь его собой?! — выдыхает она.

Смотрю на неё в полном замешательстве. Длинная коса, в которую она обычно собирает волосы, растрепалась, золотистые пряди беспорядочно обрамляют лицо, а лоб покрыт каплями пота. Словно её прожевало и выплюнуло какое-то чудовище, превратив в живую бомбу, готовую сдетонировать в любую секунду.

Она не обращает на меня внимания, уставившись на Эдоардо как на своего самого заклятого врага, и её взгляд сочится такой глухой обидой, причин которой я не могу постичь. Поворачиваюсь к брату — на его лице не отражается ни единой эмоции, и это сбивает меня с толку еще сильнее.

— Что здесь произошло?

Он цинично ухмыляется:

— Мы теперь выслушиваем истерики дворцовой челяди?

Лавиния со звериным неистовством бросается на него. Перехватив её за талию, я намертво прижимаю её спиной к своей груди. Несмотря на крайнее истощение, она демонстрирует поразительную, дикую стойкость — в её действиях сквозит смертельная рана и обреченность. Она нещадно царапает мне руки, пытается вырваться, кусается и бьет ногами.

Придворная девушка из моей личной охраны подоспевает как раз вовремя, забирая Лавинию из моих рук. Лавиния, кажется, мгновенно узнаёт её и испуганно прячется в её объятиях, пока с её губ слетает лишь невнятное, судорожное бормотание.

Вырастаю перед Эдоардо; он продолжает игнорировать мой вопрос, и тогда я прижимаю его к стене:

— Я спросил, что произошло, и не заставляй меня повторять дважды, — шиплю я ледяным тоном. — Лавиния сегодня была с тобой. Что ты с ней сотворил, раз довел до такого состояния?

Он раздраженно бросает в ответ:

— Эта девка пытается пронзить меня мечом, а ты веришь ей? Да она молиться должна за то, что её не казнили прямо на месте. А если бы она меня убила?

Одним резким движением я вздергиваю его вверх, схватив за воротник рубашки.

— Эдоардо!

Сжимаю пальцы крепче, челюсть сведена судорогой, нервы натянуты до предела, а кончики пальцев немеют от ярости. Эдоардо даже не вздрагивает; его лицо остается каменным, он не пытается ни защищаться, ни что-либо объяснять.

Он застыл передо мной, безропотно готовый принять удар. Точно так же, как в детстве, когда отец жестоко наказывал его, а он не сопротивлялся и не издавал ни звука. Эта его скотская покорность лишает меня возможности нанести удар. Разжимаю пальцы и резко отшатываюсь от него. Запустив пятерню в кудри, тяжело вздыхаю. *Что мне делать?* Лавиния сидит прямо на земле; её глаза дико расширены, а голова безвольно качается из стороны в сторону. Она едва слышно шепчет слова, которых мне не разобрать с такого расстояния. Опускаюсь перед ней на корточки. Придворная девушка бережно поглаживает её по спине, взирая на Лавинию с той же сокрушительной тревогой, что разрывает и меня.

Видеть её в таком надломе — значит заживо хоронить что-то внутри себя, чувствуя полное, абсолютное бессилие. Спутавшаяся прядь падает ей на глаза. Протягиваю руку, чтобы убрать её, но Лавиния резко, испуганно отпрядывает назад. Её взгляд прошивает меня насквозь — так, словно я сам способен причинить ей вред, и это бьет меня под дых, раня в самое сердце.

— Грязная… я грязная… грязная… — лепечет она, крупно дрожа всем телом.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Хмурю брови; внезапная вспышка озаряет мозг, и перед глазами лавиной восстает точно такая же картина из прошлого. Она вела себя абсолютно так же, когда в своем родном мире рассказывала мне о пережитом насилии. Она без конца твердила то же самое слово: *«грязная»*. Именно так она клеймила себя, с удушающим отвращением раздирая собственную кожу ногтями и оставляя по всему телу багровые полосы.

Перехватываю её запястье; она отчаянно пытается вырваться из моих тисков, но я действую непреклонно и рывком задираю рукав её блузки. Застываю как вкопанный.

Придворная девушка в немом ужасе созерцает её предплечье, сплошь покрытое глубокими кровавыми царапинами.

— К-кто это сделал? Что произошло? — испуганно спрашивает она.

Лавиния поднимает на меня глаза, и я заживо тону в невыносимой скорби этих небесно-голубых радужек. Одинокая слеза катится по её щеке. Дрожащей рукой она указывает прямо на Эдоардо:

— Он.

— Я к ней не прикасался, клянусь! — огрызается Эдоардо, но я испепеляю его уничтожающим взглядом, заставляя заткнуться.

Она качает головой, словно слова даются ей с нечеловеческим трудом:

— Он заставил меня снова почувствовать себя… грязной, Артур. — Она заходится плачем, и её рыдания как отточенные лезвия кромсают мне сердце. Её надорванный голосок причиняет мне такую муку, что хочется оглохнуть, лишь бы этого не слышать. Нежные черты её лица затоплены глухой тенью, которая нависла над ней, словно тяжелый, удушающий саван.

Она прижимает ладонь к груди, судорожно хватая ртом воздух. Придворная девушка обнимает её за плечи и бережно помогает подняться.

— С вашего дозволения, Ваше Величество. — Она коротко склоняет голову, бережно удерживая её.

Прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, они разворачиваются и уходят. Провожаю взглядом её хрупкий силуэт, исчезающий между деревьями.

«Не заставил меня снова почувствовать себя… грязной, Артур».

Поворачиваюсь к Эдоардо; первобытная, бешеная ярость воспламеняет кровь в моих венах.

— Тебе лучше прямо сейчас выложить мне всю правду о том, что ты с ней сделал, брат, иначе я буду волен сам сделать выводы.

— Живее вставай, — цежу я сквозь зубы.

Он тяжело заходится кашлем, выплевывая на песок кровь, и прижимает ладонь ко рту, пока его правая скула стремительно наливается синевой.

Ни одна тварь из гвардейцев не смеет вмешаться. Единственная, кто рискует встать между нами, — это Анна. Она с разбегу бросается к нему, раскинув руки и закрывая его своим телом как щитом. Я и забыл, что она тоже должна была прибыть в этот сектор.

— С дороги, Анна.

Она отчаянно трясет головой:

— Ты что творишь? Забить его до смерти решил?! — выкрикивает она в панике. — Умоляю тебя, приди в себя! — причитает она. — Что бы ни случилось, мы сможем во всём разобраться… вместе. Все трое. Как в прежние времена.

— В прежние времена, значит? — у меня вырывается горький, ядовитый смешок. — В прежние времена мой брат никогда… никогда бы… — Слова застревают в горле от удушающего презрения. — Никогда бы не заманил девушку обманом на поля ядовитых галлюциногенных цветов ради того, чтобы выудить из неё информацию.

Анна застывает, отказываясь верить собственным ушам; она прижимает ладонь ко лбу и оборачивается к Эдоардо в надежде услышать хоть какое-то безумное оправдание, но он и в этот раз не пытается защищаться. Хранит гробовое молчание, утирая разбитую в кровь губу.

Впиваюсь ногтями в ладони до крови, буравя его взглядом сверху вниз.

— На что ты, блядь, рассчитывал? — шиплю сквозь стиснутые зубы.

Он лишь безразлично пожимает плечами:

— На ответы. Неужели тебе самому не кажется странным, что Три знамения начали сбываться ровно в тот день, когда эта девка загадочным образом объявилась при дворе? Ты ослеп из-за её лазурных глаз и напрочь лишился рассудка. Тот узник, которого мы повязали за барьером, явился вместе с ней, и в темнице он только и делал, что бредил Лавинией. Любой вменяемый человек задался бы вопросами.

Гнев окончательно ослепляет меня. Рывком поднимаю его на ноги; Анна тщетно умоляет меня остановиться. Эдоардо сверлит меня взглядом, не мигая:

— Ну и что дальше? Снова ударишь меня? Ты ведь ничем не отличаешься от отца.

Я каменею, пока тысячи мыслей устраивают бойню в моей голове.

— Ты мой брат, и я никогда в жизни не сделал бы ничего, чтобы причинить тебе боль. Мне лишь хотелось, чтобы ты платил мне той же монетой. — Сбрасываю руки, заставляя его снова рухнуть на песок, и разворачиваюсь к выходу.

«Мне нужно догнать Лавинию». Боюсь даже помыслить о том, что она проживает сейчас, насколько брошенной, растерзанной и беззащитной перед этим миром она себя чувствует.

— Но ведь тебе я боли не причинял, Артур! — Яростный окрик Эдоардо заставляет меня замереть на месте.

— Ты уничтожил её, а для меня это в тысячу раз хуже.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 33

Лавиния

Осколки воспоминаний вонзаются в мой разум подобно острым стеклянным щепкам. Вирджиния бережно поглаживает меня по спине, пока пейзаж стремительно несётся перед нашими глазами. Я делаю глубокие, судорожные вдохи: звуки и картины прошлого удерживают меня в заложниках. Когда я набросилась на Эдоардо, во взглядах присутствующих я увидела точь-в-точь то же самое, что читалось в глазах жандармов, приехавших мне на выручку после изнасилования: тонны липкого сострадания и полнейшее замешательство от обвинения, которое никак не вязалось с непогрешимой, неприкосновенной фигурой палача.

Я отчаянно пытаюсь уцепиться за настоящее, но не могу избавиться от удушающего ощущения, будто моё тело снова осквернено чьим-то склизким, гнилым прикосновением. Я ожесточенно тру руки до тех пор, пока плоть под ногтями не начинает гореть живым огнем.

Вирджиния перехватывает мои запястья: — Перестань, ты же калечишь себя. — Она крепко сжимает мою ладонь в своей.

Мне хочется закричать ей, что это единственный доступный способ заглушить внутренний крик. Единственный путь вынырнуть из разъедающего омута собственных мыслей. Но как ей это понять? Эту зловещую муку осквернённого тела, покрытого несмываемыми грязными пятнами… такое невозможно объяснить словами.

Желудок скручивает болезненной судорогой, и я судорожно зажимаю рот рукой, пытаясь подавить подступивший к горлу приступ тошноты. Стискиваю зубы и зажмуриваюсь.

— Мы уже почти на месте, осталось совсем немного, — обеспокоенно шепчет она.

Её рука продолжает крепко удерживать мою, и Вирджиния не задает ни единого вопроса о случившемся. Словно ей не требуются оправдания, чтобы просто оставаться рядом, словно она верит мне безоговорочно. Она баюкает меня своим мягким, ласковым голосом, и это единственная осязаемая реальность, за которую я цепляюсь, чтобы окончательно не захлебнуться в собственном безумии, пока машина наконец не подкатывает к дворцу. Автомобиль замирает, и я бросаю короткий взгляд в окно: Придворная дама застыла в ожидании у самого подножия парадной лестницы.

Толкаю дверцу, и её лицо мгновенно искажается такой гримасой, какой я никогда у неё не видела. Она приближается стремительным, размашистым шагом. Втайне молюсь, чтобы она не начала кричать, потому что никакого упрека я сейчас просто не выдержу. Выхожу из салона — изломанная, обессиленная и раздавленная тем, что со мной сотворили.

Зубы стиснуты, плечи окаменели, а внутри всё переворачивается. Дама останавливается прямо передо мной, а у меня не находится ни одного внятного слова для объяснений — я чувствую себя слишком покалеченной. Смиренно опускаю голову в гробовом молчании, готовая к тому, что меня обвинят в попытке защитить себя, готовая почувствовать себя еще более грязной, чем прежде.

Но она резко прижимает меня к своей груди, в щепки разрывая любые мои попытки удержать равновесие. Я ломаюсь как маленькая девочка в объятиях матери, пока её ладони укачивают меня размеренными, нежными движениями. — Всё хорошо, всё уже позади, — выдыхает она шепотом, и эти слова словно срывают замок с самой хрупкой, надломленной части моей души. Судорожный всхлип вырывается из груди, и

одинокая слеза перерастает в надрывный плач. Прячу лицо в изгибе её шеи, бессвязно бормоча невнятные слова. Я слепо цепляюсь за эту чистоту, которую излучает её тело, за безупречную белизну и покой её одеяний. Удерживаю её изо всех сил, пытаясь спрятаться от самой себя.

Снова оживает жгучий стыд от пережитого обмана, от поруганной плоти; в деталях воскресает тот проклятый день, когда я неистово желала умереть, та бездонная боль, которой я так и не смогла дать имя. Прорывается наружу всё то, что заставляет меня чувствовать себя ущербной.

Дама бережно гладит меня по голове, запуская пальцы в распустившиеся волосы, и мне хочется, чтобы это длилось вечность.

Она убирает спутавшиеся пряди мне за уши, и её абсолютное хладнокровие мало-помалу усмиряет бурю в моей груди.

Грохот шагов и суета стражи возвещают о прибытии кортежа принцев.

— Вирджиния, немедленно уведи её в мои покои, — чеканит она приказ, разворачиваясь навстречу королевским машинам с яростным, обжигающим огнем в глазах.

Вирджиния мягко подталкивает меня к главному входу. Шаг за шагом, на ватных, едва держащих тело ногах, я бреду мимо дворцовых слуг, которые бесцеремонно сверлят меня навязчивыми взглядами, заставляя чувствовать себя во всём виноватой. Утыкаюсь глазами в пол от удушающего уныния. *Я грязная.*

— Чтобы это было в последний раз, — леденящий, непреклонный голос Придворной дамы громом разносится в воздухе. Я слегка оборачиваюсь, ровно настолько, чтобы увидеть Артура: его костяшки пальцев сбиты в кровь. Она наставляет на него указательный палец: — Чтобы вы больше никогда не смели подвергать Лавинию опасности.

Потрясенно приоткрываю рот. *Она защищает меня? Действительно приняла мою сторону?* Ощущение такое, будто тебя всю жизнь безжалостно втаптывали в грязь, и вдруг удары прекратились… совсем немного, но для меня это настолько спасительно, что кажется, будто я могу коснуться неба руками. Из груди вырывается рваный, неверящий вздох облегчения.

— Я обязан её увидеть, — умоляет Артур, но Дама жестко пресекает его попытку сделать шаг вперед.

Вирджиния тянет меня за рукав, и я поднимаюсь по ступеням с расколотым разумом под недоуменными взглядами придворных. Они наверняка гадают, что за чертовщина стряслась в этой глуши, раз превратила живую девушку в пустую, бледную куклу, которую выворачивает наизнанку от тошноты.

Бреду на автопилоте по бесконечным переходам; Вирджиния останавливается и распахивает тяжелую дверь, ведущую в личные покои Придворной дамы. Подальше от чужого любопытства, подальше от принцев с их изощренными коварными планами, подальше от любого внешнего мира. Опускаюсь на край постели, и гробовая тишина вокруг резко контрастирует с оглушительным хаосом в моей голове.

— Тебе нужно уснуть, Лавиния. Покой пойдет тебе на пользу. — Она нежно касается моей щеки.

Я испуганно отпрядываю назад; дикая паника вновь берет меня в заложники, а воздух со свистом покидает легкие. — Я… я грязная?..

В её глазах залегло немое, глубокое понимание. От моего вопроса в её лице что-то безвозвратно ломается. — Ты никогда ею не была.

— Я грязная, — этот шепот тонет в слезах, которые без конца катятся по лицу.

Она убежденно качает головой в знак отрицания, но всё, что я физически ощущаю, — это гнилой запах собственной кожи, отравляющий воздух в комнате. Она пытается протянуть руку к моему предплечью, но я грубо отвергаю это прикосновение и принимаюсь с новой силой раздирать кожу. Ногти импульсивно, безумно впиваются в плоть, пытаясь с мясом вырвать эту скверну.

Я не могу остановиться.

«Вам лучше поскорее закрыть это дело, синьорина Лайен. К несчастью, у нас нет весомых улик в вашу пользу».

Я не могу проснуться.

«Мы можем легко уладить это мирным соглашением, которое принесет выгоду обеим сторонам. Что скажете?»

Я не способна вернуться в настоящее.

Лавиной возвращаются судороги и жгучая боль внизу живота, приносившие мне когда-то постыдные, невыносимые мучения. В глазах всё окрашивается в багрово-черные, фиолетовые тона — точно такие же, что пачкали мои бедра и стекали по ногам. Я помню каждую деталь: заговорщические знаки между комиссарами полиции, их подлые попытки извратить мои слова, продажных, скользких адвокатов — всех тех тварей, что не поверили в пережитый мной ад.

Легкое прикосновение возвращает меня в реальность. Судорожно моргаю, с трудом переводя дыхание; лоб покрыт липким потом. Надо мной склонилось лицо Дамы, изучающее меня глазами, полными слез. Рядом со мной на кровати сидит Вирджиния. Каждая из них мертвой хваткой удерживает меня за руки, не давая шевельнуться.

Чувствую укол, а затем внезапная волна жара от тыльной стороны правой кисти стремительно распространяется по всему предплечью. Опускаю взгляд: лекарь возится со шприцем, пока второй боец аккуратно заматывает мои раны белоснежными бинтами. Перед глазами всё плывет, чувства окончательно притупляются, и беспамятство затягивает меня на самое дно.

Артур

Время еще никогда не текло с такой изуверской медлительностью.

Я обреченно созерцаю тяжелую дверь с позолоченной ручкой. Она заперта уже больше часа, и за это время никто, кроме королевских лекарей, не переступал этот порог.

Каждый, кто проходит по коридору, застывает в полнейшем изумлении, обнаружив меня в жилом крыле челяди. Они подобострастно склоняют головы, а затем поспешно удаляются в гробовом безмолвии. Я остаюсь сидеть, прижавшись спиной к стене, пока мысли заплетаются в тугой, неразрывный узел.

«Как я допустил это? Зачем я притащил её в этот замок? Почему оказался бессилен её уберечь?»

Я ведь лично клялся, что буду защищать её до последнего вздоха. Это было нашим негласным правилом номер три, скрепленным между леденящими стенами крошечного домика на окраине. Осознание того, что я с треском проиграл эту битву, уничтожает меня.

В тот день в её мире она открыла мне причину, по которой считает себя грязной, по которой с глухой ненавистью и омерзением раздирает собственную кожу. Видеть её

сейчас в абсолютно таком же надломе — значит заживо хоронить себя. И эта мука становится во сто крат сильнее от понимания, что виновником её страданий стал мой родной брат. Тот самый человек, которого я всю свою жизнь ставил на первое место, выше собственной шкуры, — Эдоардо.

«Почему ты и сейчас закрываешь его собой?»

Резкий скрип дверных петель разрывает тишину, и я подрываюсь с места с бешено колотящимся сердцем. Дама выходит в коридор и торопливо захлопывает за собой дверь, не дав мне ни единого шанса заглянуть внутрь. Она быстро утирает щеки, словно только что выплакала все слезы втайне от чужих глаз. Заметив меня, она мгновенно каменеет.

— Что ты здесь забыл? — отрывисто бросает она.

Тяжело вздыхаю. — Я должен увидеть её, ты же сама всё понимаешь…

Она снова отрезает мне любой путь: — Она спит, мы вкололи ей сильное успокоительное. Она драла себя с такой дикой яростью, словно собиралась заживо содрать с себя кожу.

Свинец вины окончательно придавливает меня к земле. Я ведь уже видел это безумие и палец о палец не ударил, чтобы уберечь её.

— С какого перепугу Эдоардо вообще возомнил, что имеет право устраивать ей допросы? Теперь эти твари Жрецы убеждены, что она и есть Зло! Это и был ваш гениальный план? — шипит она сквозь стиснутые зубы, и её ледяной взгляд прошивает меня до самых костей.

— Я понятия не имел об этом, клянусь тебе. Я бы в жизни не подверг Лавинию такой опасности…

— Ты — возможно, но у Эдоардо не дрогнет ни одна жила, — жестко обрывает она. — Если ты не способен выбрать её одну, отступи и даже не смей смотреть в её сторону. Я предупреждаю тебя, Артур: до сих пор я держалась в тени и не вмешивалась, но даже не думай, что я не смогу защитить её от вас двоих.

В её глазах полыхает сила, не знающая границ. Любовь, которую она питает к Лавинии, наполнена чем-то истинно материнским, и у Лавинии никогда не было ничего подобного — даже в её собственном мире. И это единственное, что приносит мне хоть какое-то утешение в этом аду.

Зачесываю пальцами волосы назад.

— Мне жаль, я раздавлен и не могу… правда не могу простить себя, — глухо признаюсь я. — Я лишь хочу… увидеть её, хотя бы на миг. Я не способен вернуться к своим обязанностям как ни в чем не бывало, не могу командовать армией или торчать на ассамблеях Совета… пока не взгляну на неё. Я прошу тебя, умоляю… всего один короткий миг, и обещаю, что уйду в тень и оставлю её в покое.

Она изучает меня с явным колебанием, прежде чем отступить.

— У тебя пять минут, Артур. По истечении этого времени ты уйдешь.

Киваю, чувствуя, как удушающие тиски в желудке немного ослабевают. Дама отступает в сторону и приоткрывает тяжелую дверь; переступив порог, я с трепетом приближаюсь к постели. Лавиния спит, укутанная в лазурную простыню, а к тыльной стороне её ладони тянется игла капельницы. Золотистые кудри беспорядочно рассыпались по её порозовевшим щекам, губы слегка приоткрыты, а лоб нахмурен — словно она продолжает вести войну со своими демонами даже в царстве сна.

Она прекрасна до безумия.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Едва касаясь кожи, я медленно, бережно глажу её лоб, а затем щеку. Не просыпаясь, она едва заметно улыбается. Я и сам не замечаю, как мои губы растягиваются в ответной улыбке, пока глаза не застилают слезы.

Склоняюсь к её лицу, оставляя целомудренный поцелуй, и аромат её кожи пьянит мои чувства. Жадно вдыхаю этот сладкий запах, который узнал бы среди миллионов других. Тонкий, едва уловимый аромат земляники.

Придворная дама негромко напоминает о себе, пару раз прочистив горло. С тяжелым сердцем я отстраняюсь, пытаясь намертво запечатлеть в памяти каждую черточку её лица. Я голоден до малейших деталей, связанных с ней.

«Знаю, этого никогда не случится, но… однажды… хотя бы на один единственный день… Ты выберешь меня, Артур?» Вопрос, который она задала мне с таким удушающим страхом, преследует меня по пятам. Я так и не дал ей ответа, но, несмотря на моё малодушие, она продолжала оставаться рядом.

Наконец я нарушаю это безмолвие, шепча в пустоту:

— Да, Лавиния… я выберу тебя.

Лавиния

Плотный сноп солнечного света согревает мою кожу и заставляет проснуться. Пытаюсь приподнять голову, но резкая боль в руке вынуждает меня глухо застонать. Опускаю взгляд и натыкаюсь на иглу капельницы. Мои руки до самых локтей плотно замотаны белоснежными бинтами, а на мне надета чужая белая ночная сорочка.

Осколки воспоминаний лавиной возвращаются в сознание, и их неподъемный груз давит мне на грудь.

— Ты очнулась, моя прекрасная девица!

Громоподобный голос Рантала с корнем вырывает тишину покоев. Оборачиваюсь: он стоит на пороге, крепко сжимая в руках поднос с едой. Подходит ближе, опускает ношу на кровать, затем плотно притворяет дверь и вальяжно устраивается в кресле рядом со мной. Он разглядывает меня с видом человека, который не потерпит никаких возражений, попутно поправляя стеклянную линзу, зажатую у левого глаза.

— Ну и отделали же тебя, бедняжка. Живее, за дело… я принес тебе ужин.

— Что ты… как ты здесь оказался? — шепчу я едва слышным выдохом.

Он улыбается, и глубокие морщины прорезают его лицо.

— Одна маленькая птичка нашептала мне, что ты занемогла. Вот я и велел гвардейцам, дежурившим у барака, доставить меня во дворец. А теперь — садись ровнее. Ты проспала кучу времени, тебе необходимо подкрепиться.

Наблюдаю за тем, как он щедро крошит сыр в тарелку с похлёбкой, затем размеренно помешивает её ложкой и подносит к моим губам.

— Я не…

Он бесцеремонно кормит меня, и не успеваю я опомниться, как уже послушно сглатываю горячую жидкость. Он зачерпывает вторую порцию, пару раз осторожно дует на бульон и снова протягивает мне. Я покорно, как ребенок, открываю рот. И пока горячий отвар слегка обжигает мне язык, одинокая слеза катится по щеке.

Судорожно сжимаю простыню пальцами. *Я ничего не понимаю… совсем ничего. Неужели он не видит… что я грязная?* — Ну вот, разве не хорошеет на глазах? — добродушно подбадривает он. — А ну-ка гони это уныние прочь со своего хорошенького личика, прекрасная девица.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

В моей груди разливается истомное тепло, и я не знаю, чья это заслуга — горячей похлёбки или того редкого чувства, которого я была лишена слишком долго: искренней заботы отцовской фигуры, до срока исчезнувшей из моей жизни.

Дверь распахивается, и в комнату стремительно входит Придворная дама, сжимая в руке бумажный пакет. Её светлые глаза мгновенно впиваются в меня; изучая меня взглядом, она приближается к кровати. Размашистым движением высыпает содержимое кулька прямо на тумбочку.

— Я говорила с лекарем, тебе необходимо строго соблюдать этот курс лечения. Здесь всё, что нужно. Я не знала, что тебе привычнее — таблетки или порошки, поэтому взяла и то, и другое. Сразу после еды примешь вот эти две. — Она вскрывает упаковки и выкладывает круглые пилюли на салфетку.

Рантал укоризненно качает командой:

— Да ей просто нужно жрать в два раза больше! Ты посмотри, какая она тощая! — ворчит он. — Королевский дворец уже не в состоянии прокормить своих слуг? Что это за притон такой?

— Отец! — строго осаживает она его сквозь стиснутые зубы. — Потише, ты не имеешь права оскорблять двор, находясь в его стенах. Держи себя в руках. И не забывай, что в стране свирепствует голод.

Они без конца препираются друг с другом, а я полностью отдаюсь на волю этой лавины новых, неизведанных чувств.

В моем родном мире, после того как надо мной надругались, я и близко не видела той трепетной заботы, которой меня окружают здесь. Я получала лишь косые, полные подозрения взгляды, меня клеймили лгуньей, пока я в состоянии дикого шока пыталась заявить о насилии со стороны компании парней, чей высокий социальный статус оказался важнее моих разорванных прав. Я знала лишь панику, жгучий стыд и полное одиночество.

У меня не было поддержки Вирджинии.

У меня не было защиты Придворной дамы.

У меня не было горячей похлёбки Рантала.

Я была одна, абсолютно одна, до такой степени, что сама начала сомневаться в собственной правоте перед человеком с бляхой, облаченным в синий мундир и изъяснявшимся со зловещим нажимом: *«Это серьезное обвинение, барышня. Вы могли просто лишнего выпить, отсюда и путаница в мыслях, не находите?»* Он смотрел на меня как на умалишенную девицу, жаждущую внимания. Жертвой была я, но он заставил меня чувствовать себя последней преступницей.

Тогда я начала винить во всём саму себя — и с тех пор так и не смогла остановиться. Наказывала себя, раздирая кожу до крови, но это не приносило облегчения, не смывало эту грязь. Я думала, что, если убью себя, этот мир станет чуточку чище.

Но неужели грязной во всей этой истории действительно была я? Одинокая слеза срывается с ресниц, за ней — вторая, третья. Я выплескиваю свою вековую боль в судорожных рыданиях, словно пороховые заряды в крошечных бомбах, — ведь если бы вся эта лавина рванула разом, она бы разнесла в щепки всё вокруг. Этот плач обжигает мне легкие, но вырывает душу из оков самолично вынесенного приговора.

Дама крепко прижимает меня к себе, мерно баюкая и поглаживая по спине.

— Выплачь всё, моя маленькая девочка.

Её слова окончательно сокрушают плотину. Мертвой хваткой вцепляюсь в ткань её блузки, до ужаса боясь, что она может отстраниться и покинуть меня.

Рантал безмолвно сидит на своем месте, беззвучно созерцая демона, который так долго лишал меня голоса. И ни одному из них не требуются оправдания, улики или доказательства, чтобы просто мне поверить. Ни единому из них.

Так вот каково это — иметь семью? Стискиваю зубы и до крови прикусываю губу: исцарапанная кожа при контакте с антисептиком горит нестерпимым огнем, но я не издаю ни звука. Королевский лекарь обматывает мое предплечье чистым бинтом, затягивает его и крепит у самого края.

— Я вернусь завтра, чтобы обновить повязки. Если боль станет невыносимой, прими обезболивающее, которое я оставил на тумбочке.

Отвечаю ему понимающим кивком. Он собирает инструменты, разбросанные по постели, прячет их в чемоданчик и выходит из комнаты. Оставшись в полном одиночестве, я укутываюсь в простыню и сворачиваюсь калачиком.

Я понятия не имею, что творится за пределами этих четырех стен.

Я безвылазно провела здесь три дня подряд — строгий приказ лекаря, чтобы полностью вывести из крови остатки ядовитого растительного галлюциногена. Кажется, сейчас я почти пришла в норму: голова больше не идет кругом, и тошнота отступила. Но Дама по-прежнему наотрез запрещает мне совать нос за дверь.

Она превратилась в моего личного телохранителя. Не пускает в покои абсолютно никого, за исключением Вирджинии и Рантала, а остальным придворным девицам внушила, будто меня по личному распоряжению Короля сослали на работы в дальний барак.

Еду мне неизменно приносит Рантал; он строго следит за тем, чтобы я опустошала тарелки дочиста, прежде чем унести поднос обратно на кухню. Трапезы с ним скрашивают моё заточение: за его бесконечными байками из прошлого и поучительными рассказами о целебных травах, что он находит в саду, время летит незаметно.

Вирджиния же частенько забегает ко мне во время своих коротких перерывов, и она — единственная, из кого мне удается выудить хоть каплю свежих новостей. Именно она шепнула мне, что коронация стремительно приближается, и, судя по тем обрывкам фраз, что у неё проскакивают, дворец вовсю кипит подготовкой к тем самым Трем испытаниям, которые предстоит выдержать наследнику престола.

В детали она не вдавалась.

Я не спрашивала у неё про Артура, хотя внутри всё кричало об обратном. Мой разум раз за разом возвращает меня к нашему последнему мгновению в лесу — к его потрясенному, почти разочарованному взгляду, когда его клинок заблокировал мой удар. К тому, как безжалостно он оттолкнул меня, лишь бы заслонить собой виновного брата…

«Лавиния, что, черт возьми, ты творишь?» Его слова, пропитанные искренним скомканным ужасом, намертво засели у меня в голове.

Мне так отчаянно хотелось, чтобы он просто поверил мне, не сомневаясь ни секунды. Хотелось, чтобы он защитил меня, а не своего ублюдка-брата. Хотелось… чтобы он вспомнил наше негласное правило номер три: *«Если кто-то причинит тебе боль, ты просто скажешь мне».*

Горький вздох слетает с моих губ, как вдруг я замечаю зрелище, которое с самого первого дня моего заточения неизменно повторяется здесь каждый вечер ровно в

семнадцать ноль-ноль. Навалившаяся тоска мгновенно отступает; забираюсь на подоконник и, затаив дыхание, наблюдаю, как десятки радужных мыльных пузырей взмывают в блеклое небо, расцвечивая этот унылый, серый день. Распахиваю оконные створки и протягиваю ладонь наружу; один из шариков едва заметно касается моих пальцев и лопается, заставляя меня слабо улыбнуться. Ломаю голову над тем, откуда они берутся и почему всегда строго в одно и то же время.

— Не помешаю? — голос Вирджинии заставляет меня обернуться к дверям.

— Входи, конечно.

Её мягкая улыбка становится еще шире, едва она замечает летящие за окном мыльные шары.

— Как раз вовремя! — радуется она, устраиваясь рядом со мной на выступе стены.

— Это какая-то дворцовая традиция или что-то в этом роде? — Еще один пузырь невесомо взрывается на моей ладони. Забавно морщу нос. Подхваченные ветром, они уносят прочь мои мрачные думы, даруя утешение исстерзанной душе и возвращая меня во времена далекого детства.

— Понятия не имею, может и так, но их видно только из окон покоев Придворной дамы. — Она наклоняется через подоконник, пытаясь разглядеть источник. — Они летят откуда-то сверху, скорее всего, прямо с крыши.

— Что ж… Кто бы ни устраивал это зрелище, это истинное спасение, — признаюсь я, пока мыльные пузыри множатся в воздухе, заполняя собой всё небо.

Артур

— Сколько мне еще продолжать, Ваше Высочество?

Я отрываю взгляд от вороха бумаг перед собой и перевожу его на Питера, моего помощника в забавных круглых очках. Откидываюсь на мягкую спинку кресла и одной рукой массирую затекшую шею.

— Думаю, еще с полчаса.

— Слушаюсь.

В кабинет без стука входит Придворная дама, а за ней по пятам — две верные служанки, которые не отходят от неё ни на шаг. Девушки почтительно склоняют головы, сама же Дама даже не подумала постучать. В последнее время она выказывает по отношению ко мне исключительно строптивый и резкий нрав. Она застывает, скрестив руки на груди, с суровым выражением лица.

— Я готов к ежедневной головомойке, Дама, но сначала… — я приподнимаю стопку разбросанных по столу документов, — …мне нужно закончить с этим. — Одной рукой я подписываю бланки, а другой с силой прижимаю печать с королевским гербом.

— Разве этим не должен заниматься законный преемник? — от меня не укрывается её язвительный тон. Поворачиваю лежащий передо мной лист и ставлю подпись в правом нижнем углу.

— Эдоардо готовится к завтрашнему дню. Я предпочитаю, чтобы он сосредоточился на Трех испытаниях, а не растрачивал силы на эту бесконечную канцелярскую волокиту. — Она бесцеремонно вырывает ручку из моих пальцев, требуя безраздельного внимания. — Что еще стряслось?

— Мы оба прекрасно знаем, «что».

Удивленно вскидываю бровь:

— Ты об ужине? — наобум бросаю я.

— Оставьте нас, — приказывает она. В долю секунды обе служанки растворяются в воздухе.

В комнате остаемся только я, она и Питер.

— Что вы задумали, Артур?

— Мне бы хотелось для начала понять, о чем именно идет речь, чтобы дать тебе внятный ответ, понимаешь?

— Эдоардо никогда в жизни не выдержит эти Испытания. Мы все это прекрасно знаем. Ты, я, он сам и даже Король Давид. В какую игру вы играете?

Зачесываю пальцами волосы назад. Всё, что она говорит, — голая правда.

Я абсолютно уверен, что Эдоардо будет безупречен в первом испытании, на коварство и ум: он обладает высочайшим интеллектом, и для него не составит труда распутать любую головоломку Жрецов.

Во втором туре — поединке на мечах — он тренируется изо дня в день под началом королевского наставника и меняется прямо на глазах. Наш дядя, родной брат Короля и главный судья этого состязания, считается самым грозным и искусным клинком при дворе; он станет для брата живой стеной, но Эдоардо справится, если загнать его на самый предел возможностей.

— Но третье испытание он ни разу не довел до конца, Артур. Он раз за разом проваливает все симуляции.

— Я знаю, — признаюсь я.

Последний этап, которым лично руководит Верховный жрец и чья цель — швырнуть тебя лицом к лицу с твоими самыми жуткими потаенными страхами, Эдоардо никогда не мог вынести. Он мгновенно начинает биться в тисках нечеловеческой муки, истошно кричать и в итоге просто теряет сознание.

А я физически не способен выносить его крики. Никогда не мог.

— И что ты планируешь делать? Занять его место в ту секунду, когда он сломается? Снова?

— Боюсь, это единственный доступный выход…

— И если ты пойдешь на это…

— Да, — отчеканиваю я. — Я заявлю свои права на трон.

Придворная дама в глубокой тревоге принимается мерить комнату шагами, шагая взад-вперед. Выдвигаю ящик стола и достаю другую ручку. Возвращаюсь к заверению и штамповке бумаг.

— Ну конечно! Продолжай прикидываться шлангом, гениальное решение! — взрывается она. — Анну Жрецы сослали на приграничные земли, завтра — Испытания… Я когда-нибудь просто умру от разрыва сердца…

Она осекается, только сейчас заметив моего помощника.

— А этот что здесь делает с этой нелепой штуковиной?

— Питер пускает для меня мыльные пузыри.

Она в полном исступлении закатывает глаза и стремительно покидает кабинет, продолжая свой яростный монолог уже в коридоре и с силой захлопывая за собой дверь.

— Сир, если позволите… — робко бормочет Питер, втянув голову в плечи.

— Не обращай внимания на Даму, она на взводе в последнее время, вот и теряет самообладание…

— Мой вопрос касается мыльных пузырей, Ваше Величество. Вы уже три дня подряд велите мне выдувать их из окна строго в одно и то же время. В этом есть какой-то особый смысл? — Он поправляет очки на носу.

Поднимаю голову, перевожу взгляд с него на оконный проем. Поднимаюсь с кресла, подхожу к самому подоконнику и достаю из кармана маленькое карманное зеркальце. Высовываю руку наружу, медленно вращая его, пока не ловлю идеальный угол отражения.

Там, внизу. Осколок ангельской, безмятежной улыбки.

— В ней, — шепчу я едва слышно.

Чистая и хрупкая, словно мыльный шарик в этом блеклом, сером небе.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 34

Артур

Я мерно постукиваю ручкой по столу, внимательно выслушивая детальный доклад королевского советника о положении дел за пределами дворца.

— Гуманитарные отряды достигли всех наиболее пострадавших секторов, Ваше Величество. По вашему требованию вода проходит тщательную фильтрацию, а продовольствие распределяется строго по семейным долям. Медицинские бараки функционируют круглосуточно, сводки по госпитализации вы найдете на третьей странице.

Перелистываю отчет и останавливаюсь на карте страны. Число смертей, указанное напротив каждого города, заметно поползло вниз. Существует лишь одна область, по которой у нас нет достоверных данных, — огромный остров вдали от наших берегов.

— Я требую развернуть новые гарнизоны и там, в Гренландии, — приказываю я. — У нас не должно оставаться слепых зон. Лучше нанести упреждающий удар, пока ситуация снова не вырвалась из-под контроля.

— Но, Сир, простите, что перебиваю… — Советник робко прочищает горло. Киваю, жестом веля ему продолжать. — Гренландия никогда не просила у нас поддержки, она полностью независима от Королевства Америка. Мы обязаны чтить автономию, которую признал за ними еще ваш отец. Вторжение без официального дозволения станет слишком опрометчивым шагом.

Тяжело вздыхаю. *«Автономия, ну конечно».* Согласно договорам, заключенным еще в пору моего глубокого детства, этот регион полностью освободился от нашей власти, хоть территориально и считался частью материка. Их народ обладает колоссальным влиянием и авторитетом, а их древние традиции в корне противоречат догматам наших Жрецов. Гренландцы живут обособленно, и их совершенно не колышет вопрос престолонаследия. Нарушение данного им слова они сочтут за кровное оскорбление.

— Твоя правда, но мне бы всё же хотелось выйти с ними на связь и прощупать почву — возможно, мы сумеем мирным путем предложить свою помощь. Попробуй организовать эту встречу.

Он склоняет голову:

— Будет исполнено, Ваше Высочество. — Не успевает он продолжить, как дверь кабинета с грохотом распахивается и на пороге вырастает Эдоардо. Советник мгновенно умолкает и почтительно опускает голову.

Мой брат стремительным шагом направляется к рабочему столу. На его лице до сих пор красуются следы моих кулаков: нижняя губа разбита и припухла, а вокруг левого глаза наливается багровая гематома.

— Нам нужно поговорить.

Я демонстративно игнорирую его:

— Советник, продолжайте.

— Я сказал — нам нужно поговорить, Артур, — с явной обидой повторяет Эдоардо.

Поняв намек, советник спешно откланивается:

— Пожалуй, мне лучше оставить вас, Ваши Высочества. Мы завершим эти расспросы в другое время.

Киваю, отпуская его, после чего откидываюсь на спинку кресла и в упор разглядываю Эдоардо в ожидании объяснений.

— Ты решил наказать меня своим безмолвием? Я уже признал, что облажался, устроив ей тот допрос в чаще, и уже попросил у тебя прощения. Чего еще ты от меня требуешь?

— Ты признанный мастер в политике, науках, языках и стратегии… Самый блестящий ум всей нашей нации. Но твой разум не в состоянии осознать, как твои скотские поступки калечат тех, кто находится рядом. И что еще страшнее… ты понятия не имеешь, как исправить содеянное.

Он удивленно вскидывает бровь:

— Ты знаешь меня всю мою жизнь, и раньше это никогда не было для тебя проблемой.

— Это всегда было проблемой.

Он качает командой, и с его губ слетает нервный, ядовитый смешок:

— Нет, Артур, не было. И если ты утверждаешь обратное, то ты последний лицемер. Я скажу тебе, почему это стало проблемой именно сейчас: потому что во всё это впутана она. — Он даже не произносит её имени, словно оно внушает ему физическое омерзение.

— Чтобы ты больше близко не смел к ней прикасаться, и всю эту спесь, что ты к ней питаешь, тебе лучше выжечь из себя прямо сейчас, — отчеканиваю я в ответ. — Я достаточно ясно выразился?

Он с раздражением зачесывает кудри назад:

— Завтра у меня Три испытания, и что делаешь ты? Вместо того чтобы стоять со мной плечом к плечу и готовить меня, дабы я не ударил в грязь лицом перед всей нацией, ты просто спихиваешь меня на наставников. Ты вообще отдаешь себе отчет, что завтра поставлено на карту? Или эта твоя Лавиния — единственный способ привлечь твое внимание?

Смотрю на него волком. В его глазах я читаю дикую смесь ярости, потерянности и паники. Его заживо сжирают собственные эмоции, точь-в-точь как в детстве. Он тонет в самом себе.

— Я не бросаю тебя, Эдоардо. Но если этот лай в мой адрес заставляет тебя чувствовать себя лучше — валяй, продолжай.

— Я вижу это сам, как видят и все вокруг, Артур! Ты только и делаешь, что закрываешь её собой, защищаешь и выбираешь её одну. Не такую клятву ты мне давал. Ты её вообще помнишь? — обвиняет он, занимая глухую оборону.

Он впервые в жизни вслух цитирует то обещание. *«Мы братья, Эдоардо. Я никогда не оставлю тебя одного, тебе достаточно будет просто обернуться — и я окажусь рядом. Всегда»*. Впервые он использует эти слова как оружие, чтобы призвать меня к порядку. Словно ставит под сомнение мою преданность.

— Ты закончил? — спрашиваю я холодно.

Он уже собирается пойти в новую атаку, когда двери распахиваются и в кабинет чеканным шагом входят двое личных телохранителей Короля.

— Я что-то прервал? — С золотой короной, безупречно венчающей его седую голову, наш отец шествует к столу и вальяжно опускается в кресло напротив, буравя нас тяжелым, испытующим взглядом в ожидании ответа.

Перевожу глаза на документы и беру ручку:

— Никак нет. Эдоардо уже уходил, — отпускаю я брата. Боковым зрением вижу, как он стремительно вылетает прочь, и оглушительный стук двери — единственный выпад, который я получаю напоследок.

— Что здесь происходит? И не смей вешать мне лапшу на уши, я еще не выжил из ума. У меня есть причины сомневаться в твоей верности брату, Артур?

— Никогда.

— Ты уверен? — Он лениво почесывает пальцами подбородок, после чего приподнимает ладонь, приказывая охране убираться вон. Кабинет накрывает гробовая тишина. — Эдоардо не вывезет это в одиночку, ты сам прекрасно это знаешь. Ты всю жизнь подставлял ему спину и компенсировал его бесчисленные изъяны.

От того, с каким ничтожным презрением он отзывается о собственном сыне, меня буквально выворачивает изнутри.

— Если ты явился сюда лишь для того, чтобы мешать его с грязью, можешь проваливать, у меня нет ни малейшего желания это слушать.

— Поубавь свой пыл и внемли: я умолял Жрецов не усердствовать с третьим испытанием, но эти твари не уступили ни на йоту. Так что, если мы не хотим спровоцировать государственный переворот, нам остается лишь держать порох сухим. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Занять трон вместо Эдоардо. Мы мусолим эту тему уже несколько дней, и если Эдоардо сломается, иного выхода попросту нет. Даже если это последнее, чего бы мне хотелось на этом свете, даже если я лично божился Лавинии, что этого никогда не случится.

— Я не изменил своего решения.

Его черты мгновенно разглаживаются, уступая место довольной ухмылке:

— Вот и славно. Ты можешь сколько угодно презирать меня, ненавидеть и проклинать… но на тебе висит колоссальный долг передо мной. Это я даровал тебе имя, кров над головой и титул. Я сделал тебя частью этой семьи, скормив всей нации грандиозную ложь.

Его слова бьют наотмашь. Мы не поднимали эту тему с тех пор, как в мои семь лет он популярно объяснил, что я никогда в жизни не смогу стать королем. Помню тот проклятый день так, словно это было вчера. Он заставил меня хранить тайну, которая в одночасье сделала меня сиротой и лжецом. Вся моя жизнь — дешевый фарс. Я самозванец, у которого нет права раскрыть свое истинное лицо.

С трудом сглатываю вязкую слюну.

— Я помню. — Мне безумно хочется выплюнуть, чтобы он перестал попрекать меня этим куском хлеба, но я лишь горько Киваю: — Я всё помню.

Он самодовольно улыбается:

— Это будет переходное правление. Ровно до тех пор, пока мы не сокрушим Зло, а затем состряпаем благовидный предлог, чтобы ты отрекся от короны в пользу брата. Тогда мы окажемся в безопасности, паника среди быдла утихнет, и никому — даже этим псам Жрецам — не будет дела до «достойного» наследника, прошедшего все тесты. Когда ты позволил ему одолеть себя в дуэли, толпа воочию увидела его мощь, они станут его уважать. Будем лишь уповать, что Небеса не покарают нас за этот подлог.

— Небеса… — хмыкаю я с презрением. Мен удивляет, как эти дремучие суеверия ломают жизни тысячам людей. Жрецы выдают любое природное явление за божественное знамение, хотя на деле просто выворачивают факты так, как выгодно их

шкурным интересам. — Какая-то страшная кара обрушится на всё королевство лишь потому, что я займу место, не принадлежащее мне по крови. Так ведь написано в ваших священных хрониках?

— Именно так. В истории еще не бывало случая, чтобы на престол взошел человек не королевской родословной. Но цель оправдывает средства: Три знамения исполнились, Зло пробудилось, и Жрецы дышат нам прямо в затылок. Если один из вас не наденет корону, нам конец.

Я думаю об Эдоардо, чья жизнь окажется на волоске, если Жрецы не увидят на троне безупречного лидера. Из речей же этого ничтожества сквозит лишь шкурный страх лишиться власти, престижа и своего сытого положения. Он трясется за свой титул, готовый швырнуть мне корону, которую сам же годами запрещал даже мысленно вожделеть, используя как рычаг долг, который я не просил.

— Ты подобрал меня и выдал за сына покойной Королевы лишь для того, чтобы скрыть её бесконечные выкидыши, обеспечить себе преемника и удержать власть. Ты сотворил из меня свою самую великую ложь.

Он недовольно ворочается в кресле.

— Это было необходимо. И не смей смотреть на меня волком, тебе крупно повезло: я обеспечил тебе роскошь, богатство и безграничное влияние. Если бы я не наткнулся на тебя в той глухой чаще, один бог знает, что бы с тобой стало. Скорее всего, тебя бы сожрали волки.

— По крайней мере, волки не заковали бы меня в золотые цепи…

— Артур! — Он с силой обрушивает кулак на стол и срывается на крик, обрывая меня. Его лицо багровеет, а вены на шее вздуваются от ярости. — Я растил тебя годами! Ты теперь взрослый мужчина, и меньшее, что ты обязан сделать в уплату долга, — принести себя в жертву, чтобы у нас не отобрали королевство!

— Я иду на это исключительно ради Эдоардо. И это мой последний долг тебе, отец, — шиплю я сквозь стиснутые зубы. — Я больше не потерплю шантажа, потому что не намерен всю оставшуюся жизнь расплачиваться за милость, о которой никогда не просил.

В его глазах сталкиваются противоречивые чувства.

Я исполню его волю: взойду на престол, прикрою законного наследника, а затем швырну ему власть, которую он так жаждет. Власть, ради которой этот старик продал бы душу дьяволу без секундного колебания.

— Знаешь, я бесчисленное количество раз задавался вопросом, почему ты выбрал сыном именно меня… Неужели ты спас и вырастил меня потому, что разглядел во мне нечто особенное? Но теперь у меня нет сомнений. Я лишь удобная пешка в твоих шкурных политических раскладах, ведь так?

Мои слова выбивают у него почву из-под ног, но он хранит молчание. Поднимается, разглаживает полы пиджака и поворачивается ко мне спиной.

Он направляется к выходу, но у самой двери на миг замирает, прочищая горло:

— Во время коронации тебе придется взглянуть на свое отражение в зеркале преемников. Такова вековая традиция церемонии. Ты обязан будешь вслух заявить, что видишь чистый свет. Добавь это вранье в список своих последних одолжений этой семье.

Лавиния

Я просыпаюсь как от толчка.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Тяжело дышу; лоб покрыт липким потом, а золотистые пряди намертво прилипли к щекам и шее. Протягиваю руку к бутылке с водой, стоящей на тумбочке, и судорожно подношу её к губам. Делаю жадный, быстрый глоток, но это не помогает унять лихорадочную дрожь.

Я уже несколько недель не видела этой чудовищной картины. Тело Артура лежит на песке бездыханным, его золотые кудри испачканы бурой кровью, а кожа стремительно сереет, теряя последние крупицы жизни. В ужасе трясу головой. *Почему этот кошмар вернулся именно сейчас?* Внезапная, разрывающая судорога пронзает грудную клетку прямо под ключицей. Одно лишь воспоминание о том, как Эдоардо пронзает меня своим клинком, причиняет вполне осязаемую, физическую боль.

Спускаюсь с постели и мелкими, шаткими шагами бреду в ванную комнату. Включаю ледяную воду и торопливо ополаскиваю лицо. Моё отражение в зеркале выглядит мертвенно-бледным, изломанным. Это проклятое видение соткалось из ниоткуда, без малейшей причины. Всё повторилось точь-в-точь как и в прошлые разы, не изменилось ничего… разве что детали стали четче, а звуки — пронзительнее. Тяжело вздыхаю, беру полотенце и промакиваю кожу. *Что со мной происходит?* Возвращаюсь в спальню и принимаюсь торопливо одеваться.

Существует лишь один человек во всем мире, способный дать мне внятные ответы, и он заперт в подземельях замка, превращенный ежедневными пытками в безмолвный призрак. Я обязана вернуться к нему, пусть даже одна эта мысль заставляет меня каменеть от ужаса.

Дрожащими пальцами застегиваю пуговицы форменной блузки. Привычным движением собираю волосы в тугую косу, перетягиваю её на конце резинкой и пытаюсь усмирить непослушные, выбившиеся пряди.

Раздается резкий, тяжелый стук в дверь.

— Сейчас открою, — отзываюсь я.

Достаю из шкафа туфли на каблуках, но они с грохотом вылетают из моих рук, когда, обернувшись, я натыкаюсь взглядом на существо, которое желала видеть меньше всего на свете.

Делаю испуганный шаг назад, пока дикая паника полностью блокирует способность мыслить здраво. Я готова закричать во всё горло, если понадобится, готова на любое безумство, лишь бы защититься от той звенящей, пугающей пустоты, что полыхает в его глазах.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, — от звука его голоса по коже пробегает ледяной мороз.

Яростно наставляю на него указательный палец:

— Замри. — В горле мгновенно пересыхает, а сердце пускается в безумный пляс. — Не смей ко мне приближаться.

Он покорно приподнимает открытые ладони:

— Я хочу всего лишь поговорить.

— Убирайся вон, Эдоардо, — шиплю я, выталкивая слова теми крохами воздуха, что еще остались в легких. — Гвардия! — зову я, втайне надеясь, что дежурные в коридоре меня услышат.

— Тебя никто не услышит. Вся стража сейчас стянута к Трибунам ради Трех испытаний. Первое я уже завершил, а через пятнадцать минут начнется второй тур.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Три испытания… Неужели они уже сегодня? — По твоим округлившимся глазам вижу, что от тебя снова всё скрыли. Если я выдержу эти тесты, то надену корону. И я явился сюда, чтобы расставить все точки над «и» до того, как это случится.

Он делает резкий шаг вперед, но я жестко пресекаю его порыв:

— Стой где стоишь! — бросаю я сквозь стиснутые зубы.

Он тяжело вздыхает и раздраженно запускает ладонь в свои волосы, черные как смоль. Только сейчас я обращаю внимание на его облачение: на нем безупречный строгий костюм цвета грозовой тучи и темный галстук, плотно стянутый у воротника. *Он станет королем.* Он недовольно цыкает языком:

— Ладно, признаю: в лесу я перегнул палку. Я пришел принести свои извинения.

Обида и гнев внутри меня продолжают полыхать живым огнем. Я ни на грош не верю в этот дешевый спектакль — его притворное раскаяние шито белыми нитками. И действительно, после секундной паузы он своим привычным надменным тоном оглашает манифест вечной войны:

— Но это не отменяет того факта, что я тебе не верю. Я знаю, что ты скрываешь от нас нечто грандиозное, Лавиния, и клянусь — я выжгу из тебя эту тайну.

— Прекрасно. А теперь проваливай. — Указываю ему на дверь, отчаянно пытаясь казаться сильной и непреклонной, хотя каждая клетка моего существа бьется в неукротимой дрожи.

— Уясни себе раз и навсегда: это мой дворец. И если ради его спасения мне придется примерить на себя роль главного злодея в этой истории, у меня не дрогнет ни одна жила.

— И это ты называешь извинениями? Из твоих уст звучат одни лишь неприкрытые угрозы. Если ты сию секунду не очистишь комнату, клянусь — я заору так, что стены рухнут.

Исказив лицо порочной, садистской ухмылкой, он отступает к дверям:

— Мы еще вернемся к этому разговору, Лавиния.

Он выплевывает моё имя с такой лютой, концентрированной злобой, словно я — первопричина всех несчастий этого мира. То самое место под сердцем, куда в моем ночном кошмаре вонзился его клинок, снова начинает ныть от вполне реальной боли.

Раздавленная, я молча провожаю его взглядом и далеко не сразу прихожу в себя. Проходит несколько долгих минут, прежде чем оцепенение спадает и я вспоминаю, куда направлялась до того, как Эдоардо застал меня врасплох. Подбираю туфли с пола, обуваюсь и быстрым, чеканным шагом иду по переходам. Избегаю смотреть в глаза встречающимся гвардейцам: заметь они мою лихорадочную растерянность, тут же доложили бы Придворной даме, а мне сейчас жизненно необходимо, чтобы меня никто не остановил.

Ускоряю шаг; я уже знаю эти лабиринты наизусть и вскоре оказываюсь перед лестничным пролетом, ведущим прямиком в подземные казематы.

— Ты за посудой, верно? Собери подносы из всех камер, кроме изолированной. — От внезапного голоса стражника справа я инстинктивно вздрагиваю. Послушно Киваю, искусно маскируя испуг.

— А в изолированной… кто? — спрашиваю неуверенно, пока он отпирает передо мной решетку. Некоторые узники провожают меня тяжелыми взглядами, другие спят, скрючившись в грязных углах, третьи неистово колотят железными кружками по прутьям.

— Приспешник Зла. Его казнят послезавтра.

У меня перехватывает дыхание от ужаса: он говорит об Элайдже.

— Ка-казнят… — эхом выдавливаю я.

Мужчина проворачивает ключ в замке перед нами:

— Такова плата за отказ от признания вины. Новые законы Его Высочества Эдоардо. — Он делает жест, позволяя мне пройти. — Закончишь — я буду ждать здесь.

— Спасибо, — шепчу я едва слышно.

Бреду по узкому, душному проходу. План Эдоардо по искоренению Зла прост и чудовищен — вырезать каждого, кто встанет у него на пути. *«И ради его спасения мне придется примерить на себя роль главного злодея в этой истории, у меня не дрогнет ни одна жила».* С трудом сглатываю вязкую слюну: так вот что он имел в виду сегодня утром. Это была не просто пустая угроза, а полноценный, беспощадный ультиматум.

Сворачиваю за угол и в самом конце тупика натыкаюсь на единственную изолированную камеру. Элайджа застыл в самом центре на каменном полу, скрестив ноги и закрыв глаза, словно погруженный в глубокую медитацию. Руки замкнуты на груди, лодыжки скованы тяжелыми цепями, удерживающими его на месте; истощенный до предела, с багровыми кругами вокруг глаз и потрескавшимися губами. Я способна различить его силуэт лишь благодаря крошечному лучу света, который прорывается сквозь узкую заколоченную щель под самым потолком.

— Сколько лет, сколько зим. — Он медленно открывает веки, и его темные, затопленные бездной радужки прошивают меня насквозь. Он всегда знает, какие мысли роятся в моей голове, еще до того, как я успеваю открыть рот. И эта его мистическая проницательность лишает меня остатков покоя. — Я был уверен, что после нашей прошлой беседы ты сюда больше не сунешься. Что, кошмары спать не дают?

— Тебя казнят.

Уголок его губ ползет вверх в слабой, но искренне лукавой ухмылке:

— Я в курсе, мне уже объявили приговор. И держат на голодном пайке вот уже целую неделю, но сомневаюсь, что ты спустилась в этот склеп из жалости к моей шкуре. Что ты хочешь выведать?

Перевожу дух, прежде чем заговорить:

— Эдоардо сегодня взойдет на престол… — При этих словах лицо Элайджи сводит едва заметная судорога. — И именно сегодня утром я снова проснулась от тех страшных видений.

— Ты хочешь знать, связана ли твоя лихорадка с его коронацией? Нет, связи нет. — Его отрывистый ответ на секунду снимает свинец с моей груди. Я знаю, что верить этой твари нельзя, но он — единственный во всей этой проклятой вселенной, с кем подобные разговоры имеют смысл. И единственный, кто, кажется, знает финал этой пьесы наперед.

— Вот только не Эдоардо займет этот трон сегодня. — Он разрушает тишину этой внезапной, сокрушительной репликой.

— Пока мы здесь препираемся, он прямо сейчас проходит Три испытания, — отчеканиваю я в ответ.

— Я прекрасно знаю, что он сдает тесты, Лавиния, но повторяю: корона достанется не ему.

Если не ему… Нет, этого просто не может быть. Прижимаюсь вплотную к железным прутьям решетки и впиваюсь взглядом в его глаза:

— Нет, — шиплю я яростно. — Артур никогда не пойдет на это. — Мой голос звучит твердо и жестко, но внутри меня всё сгорает от дикого, первобытного страха.

— Мне жаль крушить твои иллюзии, но никто из вас не в силах это изменить. — Он намертво фиксирует мой взгляд своим. — Рок невозможно повернуть вспять, я ведь тебе уже говорил.

— Ты понятия не имеешь, о чем несешь бред.

— О нет, Лавиния, я знаю это лучше кого бы то ни было. Ты действительно наивно полагаешь, будто я не в курсе, что во всем Артуре нет ни капли королевской крови?

Его вопрос выбивает у меня почву из-под ног. Я абсолютно уверена, что Артур не мог выдать ему эту тайну — это зловещий секрет, который связывает лишь его и самого Короля Давида. Откуда тогда этот приспешник Зла знает правду?

— Видела бы ты сейчас свое лицо, — он глухо смеется, но смех перерастает в надрывный кашель, и его черты искажаются от боли. — Я не чернокнижник, Лавиния. Но мне доподлинно известно всё, что происходило в твоих прошлых жизнях, и сейчас я просто пересматриваю этот чертов фильм, финал которого мне прекрасно знаком.

Еще недавно его речи о моих бесконечных перерождениях казались мне полнейшим абсурдом, но сейчас мои убеждения с треском рушатся. Что, если всё это — чистая правда? Что, если он не лжет?

— В тех прошлых жизнях… — я собираю остатки сил, чтобы заставить иссохшие губы повиноваться, — …меня карали за то, что я посмела полюбить Зло, верно?

Он покорно кивает:

— Я вижу, наша прошлая беседа прочно засела у тебя в голове. Это проклятие, неподъемное бремя которого ты тащишь на себе и по сей день, — иначе ты бы сейчас не стояла передо мной в этих казематах.

«Твоя судьба вплетена в маледиционе, которая повторяется веками».

Делаю несколько шатрах шагов назад от решетки. Слова, которые он швырял мне в лицо во время нашей первой встречи, с новой силой оживают в мыслях.

«Все твои прошлые и будущие воплощения имели и будут иметь один зловещий рок».

— Ты начинаешь мне верить… Наконец-то, — осторожно бормочет он.

«Женщина, которая даст тебе жизнь, всегда будет умирать при родах. Мужчина, который станет твоим отцом, неизменно бросит тебя, сойдя с ума от слабоумия, против которого нет лекарств. Твое тело осквернят бездушные твари».

Я парализована. На его лице нет ни малейшей тени фальши — только леденящая, абсолютная искренность.

— Если всё, что ты говоришь, — правда… — едва слышным выдохом я сама подвожу черту под этим кошмаром. — То кто тогда… Артур? — Я до смерти боюсь ответа на этот вопрос.

Элайджа лишь безмолвно кивает, избавляя меня от необходимости договаривать.

Удушающее осознание лавиной накрывает меня с головой. И в то самое мгновение, когда внутри меня с корнем вырывается и гаснет последняя надежда, оглушительный набат колоколов заставляет содрогнуться каменные стены дворца. Этот зловещий гул — призыв, торжество, древний обряд, манифест. Я полностью теряю связь с реальностью и прихожу в себя лишь тогда, когда мышцы ног начинает выжигать острая боль, а легким критически не хватает воздуха. Я снова несусь по бесконечным переходам замка; встречные люди что-то кричат мне вслед, но их голоса кажутся глухим, невнятным шумом. Я бегу, пока не вылетаю на трибуны Арены.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Ложи так и кишат аристократами, которые неистовствуют, рукоплещут и восторженно поднимают кубки с вином. Гвардейцы плотным кольцом патрулируют периметр, пока придворные девицы в полнейшем шоке сверлят взглядами помост перед собой. В стороне замечаю Придворную даму: скрестив руки на груди, она застыла с мрачным, глубоко возмущенным выражением лица.

Дикий террор заживо сжирает меня изнутри, и я перевожу взгляд на самую середину Арены.

«Если я взойду на престол, я умру?» Золотистые кудри, впитывающие в себя все крупицы света, утонченные, благородные черты лица, розовые губы и медовые радужки.

«Я никогда не смогу взойти на престол».

Верховный жрец мертвой хваткой перехватывает запястье Артура и победоносно вскидывает его руку вверх:

— Артур, сын Короля Давида, завтра будет коронован и провозглашен новым правителем нашей нации!

Истошные крики ликования взрываются со всех сторон, пока моё существо с треском разлетается на куски.

Сжимаю кулаки до боли, чувствуя, как ногти вонзаются в кожу. Он выбрал свое проклятое королевство. Он швырнул себя на этот алтарь, наплевав на собственную жизнь. Снова. К горлу подступают слезы.

— Почему?.. — безумный, отчаянный шепот тонет в реве празднующей толпы.

Артур резко оборачивается — словно его нутро безошибочно подсказало ему, где меня искать. Его глаза лихорадочно сканируют трибуны и натыкаются на меня, но это последний раз в жизни, когда я позволяю этому человеку сделать мне больно.

Собирая в кулак осколки разбитого сердца, я, полная удушающей горечи, разворачиваюсь и навсегда покидаю Арену.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 35

Артур

Эдоардо мерно постукивает указательным пальцем по столу, его ледяной взгляд прошивает меня насквозь, пока придворные девушки подают бесчисленные блюда. Протягиваю руку к чашке, делая короткий глоток кофе; горячая жидкость обжигает горло, а аромат кофеина немного возвращает к жизни. Я уже и не помню, когда в последний раз спал больше трех часов подряд.

— Вы ничего не едите, Ваше Высочество. Завтрак вам не по вкусу? — интересуется застывший по левую руку лакей.

Опускаю чашку на стол.

— Наше Высочество просто слишком взволнован перед грядущей коронацией. Не так ли, Артур? — Эдоардо кривит губы в леденящей, зловещей ухмылке.

— У меня нет аппетита. — Беру салфетку и промакиваю губы. — Каковы планы на утро? — Я со вчерашнего дня демонстративно игнорирую непрерывные колкости брата.

Подперев ладонью подбородок, он нагло гнет свою линию, обращаясь к прислуге:

— Живее, если будете скверно исполнять свои обязанности, я вас всех к чертям поувольняю.

С силой бью кулаком по столу, и в обеденной зале мгновенно воцаряется гробовая тишина. Моему терпению есть предел, и я не позволю топтаться по нему существу, ради которого я всю жизнь жертвовал любыми собственными желаниями.

— Оставьте нас, — приказываю я. Вся челядь испуганно и спешно покидает залу.

— Что теперь, к смертной казни меня приговоришь, братец? Ах, нет, постой… Тебе же нужно сначала пойти и пошушукаться с отцом. Вы ведь только это и умеете — плести заговоры у меня за спиной. — Он картинно аплодирует. — Истинный герой нации.

Очередной приступ глухой горечи заставляет меня пожалеть об этом вынужденном выборе.

— И это вся твоя благодарность? — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

— Благодарность? И за что же, интересно? — в его голосе сквозит ядовитый сарказм.

— Ты уже напрочь отшиб себе память о Третьем испытании? Забыл свой дикий ужас? — Его издевательский оскал мгновенно испаряется. — Ты увидел, как отец избивает тебя.

Его затуманившиеся глаза резко контрастируют с окаменевшими чертами лица. Он сжимает кулаки так, что белеют костяшки пальцев.

— Тебя парализовало, ты начал истошно кричать, а из ушей хлынула кровь. В таком состоянии Жрецы не имели права позволить тебе продолжать, но ты упрямо пер напролом. В финале не я вмешался, чтобы «украсть твой триумф», Эдоардо, — ты сам меня позвал.

— Что… что ты несешь?

— Ты орал моё имя, умоляя о помощи… просил остановить этот ад. И я сделал это, потому что мы братья. Я ворвался на Арену и прервал Испытание. Когда лекари дотащили тебя до носилок, ты уже был без сознания. Рухнул в обморок и очнулся лишь спустя часы.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Короткий рваный выдох становится единственным маркером того, что в его разуме наконец ожила заблокированная мозгом травма. Он прижимает пальцы к виску, постепенно осознавая весь ужас вчерашнего дня. Поднимаюсь с кресла, чувствуя, как грудную клетку давит свинец — мне тяжело дышать даже этим воздухом.

— Я никогда в жизни не вожделел этот престол, и ты понятия не имеешь, что именно я потерял, спасая твою шкуру.

Чистые кристаллы небесно-голубых глаз, разорванные предательством, которому у меня нет оправдания. Я видел её вчера лишь долю секунды, но её лицо превратилось в застывшую маску разочарования, которая станет моим личным палачом до конца дней.

— Ты прошел Все три испытания и выдержал их? — В его взгляде больше нет былой спеси.

— Да, — Киваю я и разворачиваюсь к выходу.

— И что было в Третьем испытании?

Прекрасно понимаю, к чему он клонит: он, как и весь Руководящий совет, жаждет выведать, с каким потаенным страхом столкнулся я, какую иллюзию соткал для меня симулятор в зале сенсорных кошмаров.

— Я ничего не увидел, — признаюсь я.

Кладу ладонь на дверную ручку, распахиваю дверь и покидаю залу. Двое дежурных гвардейцев почтительно склоняют головы при моем приближении. Тяжело вздыхаю. Я искренне убежден, что эта адская машина Жрецов попросту не способна на меня повлиять. Я несколько минут в упор созерцал пустую комнату в ожидании подвоха, но ничего так и не произошло, пока ко мне не подошел Верховный жрец и с торжествующей, сытой улыбкой не провозгласил меня законным преемником короны.

— А я как раз направлялся к вам, принц Артур… или мне уже следует величать вас Королем Артуром? — Хвастливый голос Верховного жреца с корнем вырывает меня из размышлений. Он по-хозяйски прижимает ладонь к моей спине и ведет меня по переходам, монотонно излагая распорядок дня. Полы его белоснежной сутаны волочатся по полу, достигая самых носков.

Его бурное ликование идет вразрез с моей выжженной душой. Мы пересекаем монументальный вестибюль, где дворцовый персонал трудится на пределе сил, лихорадочно снуя взад-вперед с охапками посуды, украшениями и тележками, заваленными яствами. Каждый слуга, чей путь пересекается с моим, застывает на месте и склоняет голову с еще большим подобострастием, чем прежде. И весь этот фарс — ради власти, от которой меня тошнит.

Следую за Жрецом к тронному залу; он продолжает свой бесконечный монолог о вековых традициях обряда коронации, но мой разум упрямо возвращается к образу того скорбного ангельского лица.

— Ну вот мы и на месте, именно в этом зале сегодня на вашу голову возложат корону.

Прямо над нашими головами высится колоссальная хрустальная люстра. Опускаю взгляд: перед нами ровными рядами выставлены стулья, разделенные багровой ковровой дорожкой, ведущей прямиком к королевскому помосту. Жрец делает жест, приглашая следовать за ним; шаг за шагом я мерно шагаю по ковру вглубь залы.

Сердце скручивает судорога при виде престола, усыпанного драгоценными камнями, по бокам от которого примостились два кресла поменьше.

— Вы займете центральное место, а две другие полированные сидушки предназначены для вашего отца и принца Эдоардо, — с гордостью растолковывает он. На его лице вспыхивает алчный блеск, природу которого мне трудно разгадать. Он самодовольно улыбается, опуская ладонь мне на плечо: — По крайней мере, так будет до тех пор, пока вы не обзаведетесь супругой, будущей Королевой-консортом.

Меня пробирает ледяной мороз, и Жрец, заметив это, придвигается ближе, конфиденциально сипя мне прямо в ухо:

— О не извольте беспокоиться, Ваше Высочество, если леди Анна вам не по вкусу, у нас припасен длинный список идеальных кандидаток с колоссальным приданым и безупречным благородным происхождением. Вам больше не придется коротать ночи в гробовом одиночестве.

Я цепенею, отчаянно пытаясь подавить рвущийся наружу возглас омерзения. С меня с лихвой хватит и одного золотого ошейника, я не намерен окончательно хоронить свою свободу. Собираюсь жестко осадить его, но внезапный грохот прерывает нашу дуэль.

— Девчонка, аккуратнее с этим сосудом! — Жрец в бешенстве кричит кому-то за мою спину. — Руки из одного места растут, даже переставить вещь без увечий не способны. Ну можно ли быть настолько недотепами? — Сбегает со ступеней помоста, пролетая мимо меня.

Одна из придворных служанок медленно тащит исполинскую фарфоровую вазу к противоположной стене. Сосуд настолько огромен, что целиком скрывает её хрупкую фигуру, видны лишь пальцы, мертвой хваткой удерживающие основание под истошный лай Жреца, который сыплет упреками.

В залу заходят другие слуги, прижимая к груди столь же громоздкие элементы декора. Спускаюсь с помоста, делаю несколько шагов в сторону и застываю у массивного окна, выходящего в сад. С этой высоты я могу во всех деталях разглядеть свою оранжерею — то самое место, где я выращиваю *синие тюльпаны*.

— Ваше Высочество, обождите меня здесь, — Жрец устремляется к выходу с нахмуренными бровями и гримасой глубокого возмущения на лице. — Мне необходимо переговорить с Придворной дамой. Эти безвкусные тряпки совершенно не подходят для церемонии престолонаследия, шобла этих кретинов всё испортила.

Его гневные причитания эхом разносятся по коридору, мало-помалу стихая вдали. Делаю глубокий вдох, раздавленный непреодолимым желанием бежать прочь из этого ада. Снова перевожу взгляд на окно, гипнотизируя глазами стеклянные своды оранжереи, и мертвой хваткой цепляюсь за воспоминания, утопающие в насыщенной лазури цветочных лепестков. Закрываю глаза. Вкус её губ, шелковая мягкость кожи, бархатный шум её дыхания и яркий румянец, заливавший щеки.

Каждая клеточка этой девочки вызывает у меня глухую зависимость.

Помню даже то, как забавно она морщит нос и упрямо трясет головой: она искренне верит, будто способна внушить страх, хотя в эти секунды похожа на маленького капризного ребенка, который в ярости топает ножками. У неё было именно такое выражение лица, когда я без спроса опустошил холодильник в её доме, или когда она в самый первый день с криком распахнула дверь ванной и обнаружила бьющую через край горячую воду.

Она казалась мне пороховой бочкой, непредсказуемой, вечно сыпала упреками и кричала на меня. Но чем сильнее она злилась, тем глубже я узнавал её суть.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Теперь я способен расшифровать любое её мимолетное движение, каждую реакцию. Например, когда ей по-настоящему больно, она уходит в глухую оборону. Впивается ногтями в собственные ладони, удушая внутренний крик, и застывает с абсолютно нейтральной маской на лице. Словно её это вообще не колышет.

Впервые я подловил её на этом, когда объявил, что отыскал способ вернуться в свое измерение. Она сжала кулаки с такой страшной силой, что костяшки мгновенно побелели, но её лицо осталось чистым и ясным как безмятежное небо, пока она размеренно кивала в ответ.

Внезапный шум за спиной заставляет меня резко обернуться. Исполинская ваза ходит ходуном в руках служанки, которая отчаянно пытается удержать равновесие.

— Опусти её на пол, она же неподъемная, разобьешь.

Она не двигается с места, словно вообще не слышит моего голоса. Хмурю брови, замечая, как остальные девицы косятся на неё с подозрением.

— Это приказ, — повторяю я тоном, не терпящим возражений.

Она медленно опускается на колени и бережно ставит вазу у своих ног. Когда она выпрямляется, моё сердце пропускает тяжелый удар.

— Лавиния. — Её имя рассыпается прахом на моих губах. Она не шевелится, не удостаивает меня даже мимолетным взором. *«Она была здесь всё это время?»* Делаю стремительный шаг к ней, но в эту самую секунду в тронный зал размашистым шагом возвращается Верховный жрец, а за ним по пятам шествует Придворная дама. В руках он сжимает какой-то чертеж, активно тыча пальцами в зоны, где по регламенту обязаны стоять украшения. Дама выслушивает его с явным раздражением.

— Ты цела?

В ответ — гробовое безмолвие. Она смотрит строго перед собой, неподвижная и холодная как мраморная статуя; плечи окаменели, а взгляд абсолютно пуст. Подаюсь вперед, оказываясь настолько близко, что могу коснуться её, просто протянув руку. Нас разделяют жалкие сантиметры, которые сейчас кажутся бесконечными километрами сословной пропасти.

Физически ощущаю шлейф её парфюма — тонкий, едва уловимый аромат ванили разливается в воздухе, затапливая мои легкие с мучительной медлительностью. *«Если бы я только мог прижать её к себе, обласкать, укрыть от всего мира»*. Но мы застыли друг напротив друга как двое бездушных чужаков, чьи сердца больше не имеют прав присягать друг другу на верность.

— Ты убиваешь меня этим, — шепчу я, и мой надломленный голос тонет в яростном споре Жреца с Дамой. — Мне не хватает тебя. — Делаю шаг ближе. — Мне не хватает тебя до безумия, Лавиния.

Всматриваюсь в её черты: на лице не проступает ни единой эмоции, но когда я опускаю глаза… вижу, как она мертвой хваткой сжимает кулаки, едва не раздирая кожу до крови.

Перехватываю её ладонь, сжимая в своих пальцах:

— Если ты хочешь причинить кому-то боль, бей меня. Но не смей калечить себя.

Она резко поворачивает голову, и я застываю: её глаза еще никогда в жизни не были такими мертвыми и потухшими.

— Я покорно прошу вас отпустить меня, Ваше Высочество. Мне не позволено прикасаться к членам королевской семьи. — Она грубо высвобождает руку из моих тисков. — Подобная привилегия отныне — священное право той знатной девицы, которую Верховный жрец изволит избрать вам в супруги.

Яд и глухая обида, сочащиеся из её уст, подобны разрывной пуле, которая с корнем вонзается мне прямо в грудную клетку.

— Ты единственная женщина на всем белом свете, которая имеет право ко мне прикасаться, ты прекрасно это знаешь. Не смей вести себя со мной так.

— Как — «так»? Как мне надлежит вести себя с Королем? — цедит она сквозь стиснутые зубы.

Леденящий голос Придворной дамы безжалостно обрывает нашу дуэль:

— Лавиния, ты закончила в этом секторе. Марш помогать остальным, — командует она, награждая меня уничтожающим, предупреждающим взглядом. Её манифест предельно ясен: я обязан оставить девчонку в покое.

Лавиния послушно кивает и без секундного промедления вылетает из тронного зала, мгновенно исчезая из виду.

Провожу взглядом её хрупкий, удаляющийся силуэт, чувствуя, как внутри меня заживо умирает последняя надежда.

Лавиния

Я быстрым шагом иду по коридору. Ярость кипит в моих венах. Он стоял там, как истукан, покорно выслушивая жизненный сценарий, который Верховный жрец накатал для него, словно и не клялся мне когда-то, что этого никогда не произойдет.

«Ты единственная женщина на всем белом свете, которая имеет право ко мне прикасаться, ты прекрасно это знаешь. Не смей вести себя со мной так».

Он предал меня.

«Если ты хочешь причинить кому-то боль, бей меня. Но не смей калечить себя».

Он искалечил меня.

«Мне не хватает тебя до безумия, Лавиния».

И… что горше всего, он так и не выбрал меня.

Какая же я была дура, раз поверила, будто он способен на это, раз оставалась с ним рядом, прекрасно зная, что его приоритеты всегда были совсем иными. И вот результат: я заперта в его измерении и вынуждена созерцать, как он покорно шагает навстречу одному из двух зловещих исходов: его либо прикончит собственный брат, либо он выживет, но женится на девице своего круга, которая станет матерью его будущих наследников.

Тяжелая судорога в желудке заставляет меня замереть на месте. От одной мысли об Артуре с другой женщиной меня выворачивает наизнанку: тошнота подступает к горлу, когда я представляю, как он станет ласкать её тело — точно так же, как ласкал моё в той оранжерее; как станет целовать её губы — точь-в-точь как целовал мои в доме Рантала; как будет нежно гладить её и взирать на неё так, словно она — самое прекрасное создание во всей вселенной… точь-в-точь как он смотрел на меня.

— Ты в порядке?

Один из королевских гвардейцев приближается ко мне, обеспокоенно сканируя взглядом с ног до головы.

— Д-да, мне просто нужно на минуту отойти в уборную. — Я из последних сил выдавливаю безмятежную мину. Офицер провожает меня до ближайших дверей и предупредительно распахивает их. — Благодарю. — Запираюсь изнутри.

Подхожу к раковине, протягиваю ладони вперед, и автоматический датчик заставляет воду хлынуть под моими глазами. Несколько раз судорожно ополаскиваю

лицо, но это удушающее ощущение подступающей к горлу рвоты так и не проходит. Упираюсь руками в фаянсовый край раковины и делаю глубокий вдох.

Придворная дама строго велела мне держаться подальше от любых мест, где я могла бы столкнуться с ним, но я и подумать не могла, что он явится в тронный зал с самого раннего утра. Когда я поднимаю голову, собственное отражение в зеркале пугает меня: я настолько бледная и иссушенная, что похожа на живой труп.

Два резких удара в дверь заставляют меня испуганно вздрогнуть.

— Со мной всё в порядке, — мой голос звучит слабо и мелко, крупно дрожа в воздухе. Должно быть, это тот самый гвардеец, что вызвался меня проводить, — у него был такой вид, будто он готов подхватить меня, падай я прямо сейчас в обморок. В дверь стучат снова, на этот раз куда настойчивее и сильнее.

— Я уже выхожу.

Едва я опускаю ручку замка, как сердце испуганной птицей взлетает к самому горлу. Артур стремительным, властным шагом заходит внутрь и тут же запирает за собой дверь на ключ. Хмурю брови: его здесь быть не должно… Ему надлежит находиться под надзором Верховного жреца и Придворной дамы, готовясь к собственной коронации.

Он наступает на меня, вынуждая лихорадочно отступать назад, пока я не упираюсь спиной в край раковины. Мертвой хваткой цепляюсь за холодную керамику, пока он тяжело наклоняется надо мной. Обвивает меня руками, напрочь отрезая любые лазейки для побега, и чем дальше я пытаюсь отодвинуть голову, тем настойчивее он следует за каждым моим мимолетным движением.

Наши тела прессуются в одно целое, его дыхание щекочет мне нос, а золотистые кудри ласкают лоб. Чем пристальнее он впивается в меня взглядом, тем обнаженнее я себя чувствую — словно он сдирает с меня одежду вместе со всеми потаенными мыслями.

— Мы не покинем это помещение до тех пор, пока до твоего разума наконец не дойдет: ни одна женщина в мире больше никогда ко мне не прикоснется.

— Сюда сейчас кто-нибудь войдет, Ваше Высочество.

Его губы застывают в считанных миллиметрах от моих.

— Артур, — чеканит он с мучительной медлительностью. — Я — Артур.

— У меня нет официального дозволения величать вас по имени, Ваше Высочество.

Он с силой стискивает челюсть, его зрачки хищно расширяются, а каждый мускул под кожей наливается яростью.

— Лавиния, не смей меня наказывать.

— Я бы никогда не посмела наказывать законного преемника престола.

Внешне я храню абсолютную, ледяную мину, но в реальности каждая клетка моего существа безошибочно узнаёт его парфюм и воспламеняется от малейшего соприкосновения с ним. Он сглатывает, смачивая нижнюю губу, и молча буравит меня взглядом, лихорадочно пытаясь отыскать во мне ключ, способный в щепки разнести ту глухую стену, что я воздвигла между нами.

— Ты ведь лично божилась, что всегда будешь напоминать мне о том человеческом, что во мне осталось. Обещала, что никогда не станешь смотреть на меня лишь как на принца или бездушную машину войны.

Я помню то мгновение так, словно это было вчера: он стоял передо мной, сплошь испещренный чужой кровью после жестокого поединка, где ему пришлось выпустить наружу свое самое пугающее, монструозное естество, чтобы просто выжить.

— Ты выжгла это из памяти? — спрашивает он с такой трепетной, обнаженной хрупкостью, какой никогда прежде мне не являл.

Опускаю взгляд, малодушно сбегая от его медовых радужек, которые раскаленным железом выжигают моё нутро.

— Посмотри на меня. — Он бережно приподнимает мой подбородок за край пальцами. — Ты действительно всё стерла?

— Я просто вспомнила, кто вы есть на самом деле, Ваше Высочество.

— Кончай с этим.

Я кривлю губы в горькой, ядовитой улыбке:

— С чем именно, Ваша Милость?

— Лавиния! — шипит он сквозь стиснутые зубы, словно балансируя на грани абсолютного безумия. Его дыхание становится рваным и частым, к щекам приливает багровый румянец, а благородные черты лица сведены судорогой.

— Я слушаю вас, Ваше Величество.

Он резко убирает пальцы от моего подбородка.

— Повтори это еще раз. — Его хриплый, надрывный голос буквально царапает мне барабанные перепонки, отчего по коже волной проносится ледяной мороз.

Впиваюсь в него взглядом с еще большим ожесточением, чем прежде:

— Ваше Величество. — Намеренно и четко выделяю каждую букву, но вместо ожидаемого гнева он лишь медленно, согласно кивает.

— Я весь внимание, моя Королева.

Удивленно вскидываю бровь, с огромным трудом сдерживая порыв рассмеяться ему прямо в лицо.

— Моя кто, простите?

— Моя Королева, — повторяет он, властно заявляя на меня свои права.

— Кто, та самая девица, которую Верховный жрец подберет под твой статус в течение недели?

Он опускает ладони на мои бедра, медленно, собственнически оглаживая их.

— Та самая, чьи глаза цвета грозового неба.

В панике трясу 頭 качаю головой, давая волю скопившейся ярости:

— И эти речи приходят к тебе на ум именно сейчас?! Не тогда, когда твой ублюдок-брат напал на меня, когда ты обязан был защитить меня, не тогда, когда ты предпочел выбрать корону вместо меня одной?! Ты вспомнил про цвет моих глаз только теперь?! Теперь, когда ты совершил единственное злодеяние, о котором я умоляла тебя сквозь слезы не делать?! — тяжело дышу; вся та напускная холодность, которую я так бережно выстраивала, рассыпалась в прах за считанные секунды.

И даже если эти слова ударили его наотмашь, его губы вдруг трогает слабая, едва заметная улыбка.

— Наконец-то, — выдыхает он шепотом. — Вот она — настоящая ты. — Он гипнотизирует меня долгим взглядом, который кажется бесконечной вечностью, словно пытается намертво запечатать мой образ в потаенных лабиринтах своего разума.

Затем резко отстраняется и покидает уборную, оставляя меня полностью выжженной изнутри.

Что мне теперь делать? Я впиваюсь ногтями в собственные ладони до крови, пока из глухого угла, отведенного для дворцовой челяди, наблюдаю, как монументальный тронный зал до отказа забивается знатью королевства и высокопоставленными зарубежными чинами. Шеренга операторов выставляет

объективы камер, а репортеры застыли в томительном ожидании минуты, когда принц Артур совершит свой торжественный выход для принятия короны.

— Ты сегодня натянута как струна, — замечает Вирджиния, застывшая по левую руку от меня. Мы стоим на той самой позиции, которую нам с утра определила Дама: отсюда мы обязаны разносить подносы, заваленные изысканными яствами и деликатесами.

— Я просто задумалась, — признаюсь глухо.

Она бросает на меня мимолетный взгляд:

— И о чем же все твои думы?

Да как ей это объяснить? Как мне растолковать ей, что я проживаю эти чертовы пророческие сны, настолько осязаемые и страшные, что они штурмуют мой мозг каждую ночь, не меняясь ни в единой детали, и полностью лишают меня воли? И прямо сейчас я воочию созерцаю, как они воплощаются в реальность: эта проклятая церемония неизбежно приведет к тому, что Артура прикончит собственный брат.

И это далеко не всё.

«Если то, что поведал мне Элайджа, — чистая правда...» — Ты не хочешь делиться? — снова пробует она, вырывая меня из удушающего оцепенения, в которое я провалилась.

— Нет... дело в том... — я судорожно колеблюсь. — Что, если Зло уже находится в стенах этого дворца? — Изрекаю я эти слова с глухим страхом.

Вирджиния прыскает от смеха, словно я несу полнейший абсурд:

— Это было бы чистым самоубийством со стороны этой твари, её бы уничтожили на месте в ту же секунду. Не думаю, что оно настолько идиотично.

Его.

Бы.

Уничтожили.

На месте.

Несколько раз судорожно массирую шею, делая глубокий, тяжелый вдох.

— Ты бледная как смерть... Ты что, прячешь Зло в подвалах этого замка? — шутит она.

Мой взгляд лихорадочно сканирует зал в поисках возможных путей к бегству, но здесь яблоку негде упасть, а весь периметр намертво оцеплен шеренгами вооруженной стражи. Всё полностью блокировано. Всеобщее внимание ложится на резкий, трубный глас гвардейских рожков: вот он — его торжественный выход в эту адскую, капканообразную западню. Он шагает строго к престолу ради блага королевства, которое уже совсем скоро превратится в его самого лютого и беспощадного врага.

Артур

Вспышки фотокамер слепят меня; я мерно шагаю по ковровой дорожке, пока алчные взгляды буравят меня шаг за шагом. Меня окружают маски с притворными, дежурными улыбками — в моем лице все эти люди видят лишь шанс урвать новые выгодные связи и заключить полезные политические союзы.

Вот кем я стал.

Поднимаюсь на помост с тяжелым сердцем человека, идущего на смертную казнь. Эдоардо и отец уже восседают в креслах по бокам от престола, а Жрецы заняли свои места на трибунах первого ряда.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— Сегодня мы собрались здесь ради события, которого трепетно ждали долгие годы. — Верховный жрец подходит ко мне, крепко сжимая в руке микрофон, а в его глазах полыхает безумный блеск. — Ради события, которое спасет нашу землю и наш народ. — Он взирает на меня так, словно я — недостающий фрагмент головоломки, который позволит ему праздновать триумф. — Сегодня мы чтим нашу великую историю.

Шквал громоподобных рукоплесканий затапливает залу, и удушье с новой силой сдавливает мне грудь; делаю глубокий вдох и тянусь к галстуку, слегка ослабляя узел. Ни одна тварь среди присутствующих никогда не поймет, что эта корона для меня — самая страшная из цепей.

Пытаюсь перевести дух, пока Жрец на заднем плане без умолку вещает об истоках монархии. Мой взгляд падает на отца: он делает мне едва заметный знак рукой, требуя успокоиться, и боковым зрением лихорадочно проверяет, не уловила ли пресса мою минутную слабость.

— Перейдем же к первому этапу. — Склонив голову, слуга смиренно протягивает Жрецу длинный кожаный футляр. Тот распахивает его и извлекает меч с золотым эфесом, в центре которого красуется массивный драгоценный камень, а остро заточенное лезвие ослепительно сверкает на свету.

— От лица Жрецов я вручаю тебе сегодня клинок, которым ты искоренишь любого врага, посмевшего угрожать нашему королевству.

Он протягивает меч мне, и едва мои пальцы смыкаются на рукояти, как вспышки камер и овации взрываются с удвоенной силой. Сжимаю эфес; тяжесть оружия наглядно доказывает, что металл для него ковали высшего качества.

Двое гвардейцев выносят на помост крупный круглый предмет, скрытый под глухим черным полотном.

— А теперь, по завету твоих великих предков, взгляни на свое отражение в зеркале преемников и поведай нам, что ты видишь.

Один из бойцов сдергивает ткань, являя залу ростовое зеркало в потемневшей от времени серебряной раме. Это то самое зеркало, о котором предупреждал отец; поймав его многозначительный взгляд, я чувствую, как он безмолвно понукает меня продолжить.

«Такова вековая традиция церемонии. Ты обязан будешь вслух заявить, что видишь чистый свет. Добавь это вранье в список своих последних одолжений этой семье».

Приближаюсь к стеклу и несколько секунд гипнотизирую глазами свое отражение. С виду — самое обычное зеркало. Единственное, что я отчетливо в нем вижу, — это собственную глухую обреченность, и чем дольше я всматриваюсь, тем большее омерзение испытываю к самому себе.

Мертвой хваткой сжимаю рукоять меча в пальцах.

Бред про чистый свет — это просто великая ложь, которую из поколения в поколение скармливали толпе. И теперь я, как идеальная марионетка, тоже безропотно солгу всем.

Поворачиваюсь к Верховному жрецу.

— Я вижу свет, — выдыхаю я шепотом, словно бездушный паяц, зазубривший свои реплики назубок и не способный ни на что, кроме механического повторения.

Взрыв ликования вторит довольной, сытой улыбке Жреца, и меня вновь слепят объективы репортеров.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— Отлично, переходим к финальному обряду… — с пафосом провозглашает Жрец, и на помост плавной походкой поднимается придворная девушка, бережно удерживая обеими руками бархатную подушечку. На ней покоится венец из чистейшего золота, инкрустированный бриллиантами колоссальной красоты.

Кажется, все вокруг застыли в немом восхищении, кроме отца. Он в дикой тревоге буравит взглядом пространство за моей спиной.

Что с ним стряслось? Собираюсь обернуться, но в эту самую секунду оглушительный треск разлетающегося на куски стекла намертво парализует залу.

Древнее зеркало уничтожено, его осколки мелким крошевом усыпали песок у моих ног.

Оно взорвалось само по себе, без малейшего физического воздействия. Среди знати поднимается испуганный, нарастающий ропот. Двое лакеев торопливо выбегают вперед, стремясь поскорее убрать остатки рамы.

Верховный жрец поспешно прочищает горло:

— Какое счастье, что Ваше Высочество успел совершить обряд, иначе мы бы упустили священный этап, — пытается он разрядить обстановку. — Мы велим восстановить его. Продолжим с того места, где остановились.

Церемония возобновляется, порядок восстанавливают с такой легкостью, словно вековой артефакт не разлетелся в щепки у всех на глазах без единой видимой причины. Внимательно сканирую лица сидящих в зале вельмож — никто из них не выглядит по-настоящему встревоженным.

Тяжело вздыхаю. *«Может, я просто окончательно превратился в параноика… может быть…»* Но тут я замечаю, что отец продолжает неотрывно гипнотизировать взглядом ту самую точку, где только что высилось зеркало. Его глаза дико расширены, лоб покрылся крупными каплями пота, а сам он бледный как полотно. Словно воочию лицезрел восставшего покойника.

— Властью, дарованной мне Небесами… — Жрец бережно приподнимает золотую корону обеими руками.

Его губы беззвучно шевелятся, но я больше не слышу ни единого звука. Его голос доносится до меня глухо, будто сквозь толщу воды, пока не растворяется в звенящей пустоте окончательно. Кончики пальцев немеют от резкого покалывания, я мертвой хваткой вцепляюсь в эфес меча. *Что, черт возьми, со мной происходит?* — …провозглашаю тебя Королем этой нации, — улавливаю я финальный аккорд его речи, после чего Жрец повелительным жестом велит мне склонить голову.

Покорно повинуюсь, и неподъемная тяжесть золотого венца камнем давит мне на затылок.

Вся огромная зала падает ниц передо мной.

— Да здравствует Король! — неистовствуют они в едином порыве, а за массивными стеклами окон я вижу, как праздничные залпы салютов с грохотом расцвечивают блеклое грозовое небо. Удержать рассудок в узде становится нечеловечески трудно.

Верховный жрец победоносно вскидывает мою руку вверх:

— Перед вами Король Артур! — орет он во всё горло, и овации достигают апогея.

Я через силу выдавливаю подобие улыбки.

Через силу заставляю колена не гнуться.

Через силу пытаюсь сделать глоток воздуха.

Но липкий пот на моей коже в долю секунды превращается в чистый бензин, питающий невидимый, яростный пожар. Каждая клеточка моего существа вспыхивает живым огнем, ощущение такое, будто меня заживо сжигают на костре. Жрец с криком ужаса резко выпускает мою ладонь — на его руке наливается багровый ожог, а лицо искажено острой мукой.

Сквозь налившиеся свинцом веки последнее, что я успеваю зафиксировать, — это лицо отца, который взирает на меня так, словно перед ним предстала самая чудовищная, разрушительная катастрофа в истории человечества.

А затем меня поглощает абсолютная тьма.

Артур хватается за горло, то и дело ослабляет галстук, а по его лбу градом катится пот. Он дышит с хрипом, кажется, вот-вот рухнет в обморок.

Верховный жрец вскидывает его руку вверх.

— Вот он, Король Артур! — Залу захлестывают овации. Все ликуют, и никто, кроме меня, не замечает тревожных знаков.

— Сразу видно, что он будет отличным правителем, посмотри, как он взволнован, — комментирует Вирджиния.

— Да здравствует Король! — выкрикивает гвардеец у меня за спиной, сливаясь с общим хором. Всеобщее веселье резко контрастирует с ледяным ужасом, скручивающим мой желудок.

Артур часто моргает, с трудом удерживая веки открытыми. Внезапно Верховный жрец издает истошный вопль и прижимает руку к груди. Зала погружается в мертвую тишину.

Делаю несколько шагов вперед; в воздухе висит растерянность, никто не понимает, что происходит. Артур закрывает глаза, его голова безвольно клонится на грудь. Меня бросает в дрожь, едва я замечаю ладонь жреца. Она превратилась в сплошную кровавую рану, словно с неё живьем содрали слой кожи.

Жрец падает на колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Почему… его кожа… горит?

Напряжение становится почти осязаемым.

— Это тот же самый огонь, которым жгли меня вы. — Голос, похожий на голос Артура, но куда более низкий и тягучий, отчетливо произносит эти слова. Король Давид резко вскакивает на ноги, и на его лице проступает осознание неизбежного.

Артур поднимает голову, и его глаза, некогда сладкие, как мед, теперь пылают цветом раскаленного пламени.

Ничего прежнего в нем не осталось.

Он взмывает меч и с чудовищной силой вонзает его в грудь Верховного жреца, пробивая сердце.

— А теперь вы будете гореть вместе со мной — до последнего, до единого. — Он рывком выдергивает клинок, оставляя тело Жреца в расплывающейся луже крови. Садистская улыбка искажает его лицо, а брызги крови убитого человека оседают на его скулах.

«Элайджа… был прав».

Начинается паника. Аристократы в ужасе мечутся к выходам, многие парализованы страхом. Даже журналисты бросают камеры, не в силах оторвать взгляд от этой бойни.

Жрецы первыми прячутся за спинами вооруженной стражи.

— Остановите его! Чего вы ждете?! — вопит кто-то из них. Гвардейцы медлят; враг — это тот, кому они еще секунду назад присягали на верность. Один из них берет себя в руки и стреляет, я бросаюсь вперед с замирающим сердцем, но пуля сгорает в прах, не долетев до тела Артура каких-то два сантиметра. Выдыхаю, осознав, что всё это время не дышала.

Артур сходит с помоста и с чудовищной жестокостью устраивает кровавую баню. Я не могу поверить в ту легкость, с которой он разрывает на куски любого, кто попадается ему на пути. Его меч разящим вихрем переходит от одного тела к другому, без капли жалости, а толпа в безумном порыве давит друг друга у дверей, пытаясь спастись.

Единственный, кто сохраняет остатки хладнокровия, — Король Давид, он толкает Эдоардо к гвардейцу.

— Уводи его отсюда! — рычит он.

Стражник кивает, но Эдоардо не двигается с места, его глаза остекленели от ужаса при виде брата, идущего прямо на них. Я бегу, в ужасе от того, что Артур может натворить в таком состоянии.

Лицо Короля Давида искажено отчаянием человека, знающего, что выхода нет, но он продолжает отталкивать сына.

— Он не помилует тебя, спасайся от Зл… — Его губы извергают поток крови, забрызгивая лицо Эдоардо.

Опускаю взгляд на его грудь: из грудины торчит лезвие.

— Умирай от моей руки точно так же, как Королева. — Артур резко вырывает меч, оставляя Короля агонизировать на полу.

Эдоардо, скованный шоком, наблюдает, как его родной брат убивает отца. В его глазах застыл невыносимый ужас, но слезы не могут пролиться. Гвардеец, больше не медля, утаскивает его прочь, подхватив под руки.

«Умирай от моей руки точно так же, как Королева». Эти слова эхом отдаются в моих ушах. Я потрясена настолько, что не могу ни говорить, ни даже кричать. Это Артур, но… это больше не он.

«Он убил их мать?» Артур проводит пальцами по лезвию, стирая кровь, затем склоняется над умирающим отцом.

— Я отправлю вас всех в ад — по одному, — шепчет он, пока тот испускает последний вздох.

Я осталась единственной в зале, потому что все остальные пытаются спастись бегством. Когда его глаза, цвета пламени, вонзаются в меня, странный жар разливается в моей груди.

Он наклоняет голову набок.

— Лавиния, — зовет он с такой нежностью, которая пугающе диссонирует с только что совершенным зверством. — Я нашел тебя, — добавляет он так, словно знает меня с незапамятных времен.

«Почему он так на меня смотрит?» Он протягивает руку, испачканную в крови. Я должна дрожать от страха, чувствовать омерзение, но… он улыбается, и в этой улыбке я узнаю того самого парня, что когда-то сравнивал меня с синим тюльпаном. И я, преодолев нерешительность, обретаю голос:

— Ты узнал меня? — Я впитываю каждую тень на его лице, каждое выражение, каждый вдох.

— Я бы узнал тебя в любой жизни.

Вздрагиваю, по коже пробегает ледяной ток, словно я уже видела эту сцену когда-то в глубоком прошлом. Он другой, но в то же время — всё тот же. Он другой человек, но это Артур. Его глаза пылают огнем, но я по-прежнему вижу в них ту самую медовую сладость.

Он смотрит на меня с чувством, которому нет названия.

Странная ностальгия пронзает меня насквозь, словно я обрела часть себя, о существовании которой даже не подозревала.

Он хмурится. Отдергивает руку, сжимая губы. Разворачивается, и я вижу, как позади нас отряд солдат выстраивается в линию, наводя на Артура арсенал огнестрельного оружия.

«Нет…» — Огонь! — приказ, от которого кровь стынет в жилах.

В мгновение ока летят пули; закрываю глаза, но чьи-то руки притягивают меня к себе, и, открыв глаза, я снова делаю вдох. Артур заслоняет меня собой, подставляя спину под пули и крепко прижимая к своей груди.

Я в полнейшем шоке: пули превращаются в пепел, едва коснувшись его кожи. Наблюдаю, как они теряют форму и рассыпаются в пыль. *«Как это возможно?»* Я словно в ночном кошмаре, из которого нет выхода: пол залит кровью, усыпан стеклом, а пороховой дым окутывает нас ядовитым туманом.

Грохот выстрелов сменяется истошными криками боли. Артур смещается в сторону, я кашляю от нехватки кислорода и оглядываюсь. С трудом замечаю, как солдаты валятся с ног под ударами умелого мечника. Фокусируюсь и не верю своим глазам.

«Элайджа?» Он должен был отбывать наказание, но он жив и орудует мечом с безграничной энергией, далекой от того кататонического состояния, в котором я оставила его в камере. Он сжимает в пальцах то же самое оружие, что использовал в лесу, когда вызвал землетрясение. Невероятно, но порезы и раны на его коже затягиваются сами собой. Он возвращает свои силы, словно его плоть питается самим пробуждением Зла.

— Отход! Отступаем! — вопит один из немногих выживших солдат.

Элайджа усмехается: он знал, что этот день настанет, и знал об истинной сути Артура. Он лишь ждал подходящего часа.

Когда зал наконец пустеет, Элайджа вкладывает меч в ножны и идет к нам. Артур узнает его, позволяя подойти без сопротивления. Элайджа склоняет голову в знак почтения:

— Мой господин, я здесь, чтобы служить вам — в этой жизни и во веки веков.

Артур пытается что-то ответить, но вдруг обмякает и падает в его объятия. Задерживаю дыхание. Элайджа подхватывает его и одним быстрым движением взваливает на плечо.

Преграждаю ему путь, вставая прямо перед ним.

— Что с ним? Куда ты его тащишь?

Голова Артура безвольно свисает, золотистые локоны, испачканные кровью, закрывают лоб.

— Он еще не пробудился до конца, поэтому и лишился чувств. Я должен доставить его в безопасное место. Помнишь, что я всегда говорил, Лавиния? Судьбу невозможно изменить, можно лишь наблюдать за её свершением. — Он бегло осматривает зал, выбирая путь к отступлению. — Если ты помешаешь мне унести его отсюда, его растерзают на твоих глазах.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

«Его… растерзают…» В груди стучит, я лихорадочно соображаю, как поступить правильно. Смотрю на десятки мертвых гвардейцев, на тело Короля, на тело Верховного жреца; запах крови и смерти забивает ноздри, дышать становится нечем.

Я не могу объяснить ничего из того, что произошло, и не понимаю, почему тот парень с глазами цвета пламени смотрел на меня как на потерянную часть своей души.

«Единственное…» Элайджа отрывает кусок портьеры и протягивает мне конец ткани.

— Привяжи её покрепче.

«…в чем я уверена…» Со слезами на глазах, сотрясаемая неудержимой дрожью, я перешагиваю через трупы и закрепляю ткань несколькими узлами на балюстраде, опоясывающей помост. Элайджа пару раз дергает её для проверки, затем, с Артуром на плече, перелезает через подоконник и начинает медленный спуск.

«…это то, что я не могу его бросить».

Ставлю ногу на подоконник, сжимая в руках ткань портьеры, и готовлюсь навсегда покинуть дворец. Воспоминания о том, что я пережила в этих стенах, вспышкой проносятся перед глазами. Зажимаю ногами скатанную ткань, мышцы сводит судорогой.

Только сейчас я замечаю Придворную даму на пороге залы, а за её спиной — надвигающуюся волну вооруженной стражи.

Замираю. *«Что теперь?»* Дама смотрит на бездыханные тела вокруг, затем переводит взор на меня — в её влажных глазах мешаются растерянность и тревога.

«Я хочу что-то сказать, я хочу… хочу…» На её лице застыло немое прощание, она торопливо утирает слезы с щек. И тут я осознаю: я никогда раньше не видела её плачущей.

Она оборачивается к гвардейцам и активно жестикулирует, преграждая им путь. Я слегка опускаюсь вниз, зависнув в пустоте; ветер треплет мои волосы, а мышцы горят от предельного напряжения.

— Их здесь больше нет, — говорит она твердым, решительным голосом. — Осмотрите подземелья и восточное крыло.

Она отводит от меня удар, осознаю я с комом в горле. Я спускаюсь вниз, отталкиваясь ногой от стены.

«Судьбу невозможно изменить, можно лишь наблюдать за её свершением».

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 36

Лавиния

Перешагиваю через корень, выступающий из земли, — нога вязнет в липкой грязи, и я с трудом её вытягиваю. Каждый шаг дается всё тяжелее, а холод безжалостно жалит кожу. *«Нельзя останавливаться».* Сирена тревоги, доносящаяся со стороны дворца, заглушает все звуки, не давая набрать в легкие воздуха. Страх отмеряет бесконечность. Сердце колотится так яростно, что я чувствую каждый удар, отдающийся гулом в висках.

— Пришли. — От голоса Элайджи я вскидываю голову. Артур по-прежнему без сознания на его плече. Носками ботинок он отгребает в сторону плющ, обнажая деревянный люк в земле. Элайджа тянет за металлическое кольцо, и его лицо мгновенно светлеет от облегчения. — Лезь первой, живо! — приказывает он мне.

Сжимаю пальцами край юбки, делаю глубокий вдох и приближаюсь к проему. Внутри — приставная лестница, уходящая в черную бездну. Протягиваю руку к поручню, наклоняюсь и начинаю спускаться в абсолютную тьму. Единственный источник света — люк наверху, который Элайджа держит открытым, пока я не касаюсь ногами пола.

В горле пересохло, сглатываю с трудом и прочищаю голос.

— Я внизу, — мой голос гулким эхом разносится вокруг, а лоб покрывается испариной.

— Иди прямо пару метров, справа на стене будет выключатель.

Киваю, разворачиваюсь и бреду вперед по туннелю, который выглядит как вырытая в земле нора. Пытаюсь не обращать внимания на пугающие шорохи и скрежет, источник которых мне неизвестен, и заставляю себя двигаться дальше. *«Справа… вот он!»* Вижу белый выключатель, густо затянутый паутиной, протягиваю руку и нажимаю.

Лампочка над головой вспыхивает, и одна за другой, цепной реакцией, загораются тусклые огни вдоль всего прохода. Грохот захлопнувшегося люка заставляет меня вздрогнуть; Элайджа медленно спускается, прижимая Артура к боку, и наконец догоняет меня.

— Где мы? — шепчу я.

Иду за ним следом, не в силах отвести взгляд от безвольно свисающей головы Артура.

— В подземном убежище. Я не позволил бы схватить себя без четкого плана: я строил это место всю свою жизнь. Здесь нас не найдут, какое-то время мы сможем находиться в безопасности.

Он сворачивает направо, и перед нами вырастает бронированная дверь с небольшим экраном рядом с рукоятью. Он касается его указательным пальцем, и на дисплее всплывает надпись: «Введите код». Элайджа быстро набирает цифры, и дверь с глухим лязгом подается.

— Двенадцатое октября, — он делает мне знак следовать за ним. — Запомни его, когда-нибудь тебе пригодится.

Вскидываю бровь. *«День моего… рождения?»* — Он всегда ставит этот код на свои замки. Он никогда не забывал тебя, Лавиния.

Я погружаюсь в пучину абсолютного замешательства. До этого момента я не была уверена в словах Элайджи, но теперь, когда увидела всё своими глазами… я больше не

могу делать вид, что ничего не происходит. Мы входим в небольшую комнату с длинными серыми диванами вдоль стен. Оглядываюсь: на стене висит экран, транслирующий прямой эфир снаружи, с поверхности земли, а посреди залы примостился крошечный столик.

Элайджа укладывает Артура, всё еще лишенного чувств, на один из диванов. Устраивает его поудобнее, подкладывает подушку под голову, и когда наши взгляды встречаются, я не могу скрыть жгучую тревогу, пожирающую меня изнутри.

— Скоро он придет в себя, а я тем временем покажу тебе убежище. Тебе лучше поскорее освоиться. — Он проходит мимо меня, и я плетусь следом, застыв на грани между осознанием реальности и шоком. Пока он в мельчайших деталях описывает систему безопасности, мысли, словно стервятники, клюют мой мозг, заглушая его голос.

«Что сейчас творится во дворце?» «Король Давид мертв».

«Что подумает Эдоардо?» «Убьют ли Артура?» «Что он сделает, когда проснется?» «Останется ли он Злом навсегда?» Элайджа распахивает дверь слева, являя крошечную кладовку, где едва поместились душевая кабина, унитаз и умывальник. Минимум необходимого. Он проходит дальше и распахивает следующую дверь — там стоят кровати.

«Ни одного окна, разумеется».

Меня охватывает леденящий приступ клаустрофобии. Провожу рукой по шее и глубоко вдыхаю. Мы возвращаемся в главную залу. Артур по-прежнему спит. Сажусь на диван прямо напротив него, подтягиваю ноги к груди и застываю, позволяя этой оглушительной тишине поглотить меня без остатка.

Элайджа занимает пост перед мониторами системы наблюдения, недалеко от меня, и вглядывается в картинку, словно солдат на передовой.

«Как он умудряется не рухнуть от страха?» Подумать только: его должны были казнить сегодня, а он с самого начала знал, что этого не случится, и готовил этот день всю свою жизнь.

— Ты слишком молчалива.

— У меня нет настроения разговаривать, — шепчу я.

— Разумеется, я понял… — Он использует этот свой фирменный тон — интонацию человека, знающего наперед каждый шаг, ту самую, с которой он вещал о грядущем Артура. — Ты до сих пор не принимаешь это. Типично для Лавинии Лайен.

— Я не… — вздыхаю я. Хотела сказать: «Ты меня совсем не знаешь», но теперь я уже ни в чем не уверена. Перевожу тему: — Артур будет в порядке?

Проходят томительные секунды, во время которых никто из нас не меняет позы. Это тот единственный момент, когда он обязан ответить, но он молчит, сводя меня с ума.

— Ну так что?

— Когда он примет каждую часть своей души и своего прошлого — только тогда он вернется.

— Вернется? — Страх сквозит в моем голосе. *«Вернется кем?»* — Знаешь, мне плевать на все твои планы… я просто хочу, чтобы он был в порядке. Он ведь будет в порядке, правда?

Он разворачивается ко мне.

— Я рожден, чтобы защищать его, и буду делать это до конца. — В его темных ирисах нет ни тени лжи, лишь искренняя, исступленная преданность, ради которой он готов пожертвовать своей жизнью. Он снова отворачивается к экрану.

Лицо Артура искажается: он скрежещет зубами, лоб прорезала глубокая складка. Кулаки сжаты, брови насуплены, губы побелели. Поднимаюсь с места и опускаюсь на колени прямо перед ним. С трудом разжимаю его кулак и переплетаю свои пальцы с его. *«Я же просила тебя не занимать престол».*

Он беззащитен, заперт в ловушке и мучим страданиями, которые выжигают его изнутри. Сейчас он ни капли не похож на то существо, чья кожа превращала пули в пепел, на того, с ненасытным клинком и глазами цвета пламени, питающимися кровью. На его щеке всё еще виднеются багровые капли — кровь отца, которого он убил, не моргнув глазом.

— Как ты узнал про Зло? — шепчу я едва слышным дыханием. Тот миг, когда они встретились взглядами перед тем, как Артур потерял сознание, был похож на воссоединение двух половинок одного целого.

— Я рожден, чтобы служить ему — в каждой жизни и во все времена.

— Почему?

— Потому что я с ужасом храню в памяти запах его тела, которое сжигали заживо королевская семья и Жрецы. Помню те крики и чувство абсолютного бессилия… — В его голосе сквозит такая ярость, которую я прежде не слышала. Он всегда сохранял невозмутимый, холодный тон, лишенный малейших эмоций. Сейчас же в нём клокочет зловещая, гибельная ярость.

— Ты был там? — шепчу я, наконец складывая все детали пазла воедино.

Вспоминаю рассказ Вирджинии в день охоты. Зло, по сути, — всего лишь незаконнорожденный слепой сын Короля прошлого, которого заточили в камеру, чтобы спасти честь династии. Наказанный Небесами за то, что нажил бастарда, Король так и не смог зачать наследника. Тогда Жрецы внушили ему, что единственный путь к искуплению — принести жертву и вырвать корень первородного греха.

— Я служил в королевской гвардии, — признается он. Я приоткрываю рот от изумления. *«Он… был королевским гвардейцем в прошлой жизни?»* Он опускает голову, словно в глубоком стыде. — Мне поручили охранять камеру бастарда Короля. Ему было семь, когда я заступил на пост. Поначалу это казалось скучной рутиной, мне грезились великие битвы и стремительная карьера.

Он вздыхает и смотрит на Артура с такой бережностью, словно это его родной брат.

— Но потом знакомство с ним изменило всю мою жизнь. Мы часами болтали, он умолял меня описать, какой цвет у неба. Понимаешь, он был до смерти влюблен в небо, ведь для него оно воплощало свободу. День за днем я перестал быть просто тюремщиком, охраняющим постыдную тайну — я стал другом, который открывал ему этот мир. Так пролетели три года, и это вошло в привычку, от которой я уже не мог отказаться.

Сердце сжимается: та чистота, с которой он описывает его, отражается и в глазах Артура. Бесконечная, медовая нежность.

— Когда мне приказали вывести его в дворцовый сад, он был на седьмом небе от счастья… У меня были недобрые предчувствия, но я никогда бы не подумал… — голос его срывается. — …о том финале. Я был бессилен. Я смотрел, как его пожирает пламя, и чувствовал, как в груди разрывается всё живое. И лишь одно отличие: остальные в

тот миг словно избавились от тяжелого груза. Я видел, как Король поднимал бокал за процветание державы, пока его родной сын превращался в прах.

Меня пробирает ледяной дрожью.

— Мне жаль, — единственное, на что я способна. Мысль о том, что Артура в далеком прошлом сожгли заживо, лишает меня рассудка.

Он никогда не знал покоя.

— Ты начинаешь мне верить… Наконец-то, — осторожно бормочет он.

«Женщина, которая даст тебе жизнь, всегда будет умирать при родах. Мужчина, который станет твоим отцом, неизменно бросит тебя, сойдя с ума от слабоумия, против которого нет лекарств. Твое тело осквернят бездушные твари».

Я парализована. На его лице нет ни малейшей тени лжи — только леденящая, абсолютная искренность.

— Если всё, что ты говоришь, — правда… — едва слышным выдохом я сама подвожу черту под этим кошмаром. — То кто тогда… Артур? — Я до смерти боюсь ответа на этот вопрос.

Элайджа лишь безмолвно кивает, избавляя меня от необходимости договаривать.

Удушающее осознание лавиной накрывает меня с головой. И в то самое мгновение, когда внутри меня с корнем вырывается и гаснет последняя надежда, оглушительный набат колоколов заставляет содрогнуться каменные стены дворца. Этот зловещий гул — призыв, торжество, древний обряд, манифест. Я полностью теряю связь с реальностью и прихожу в себя лишь тогда, когда мышцы ног начинает выжигать острая боль, а легким критически не хватает воздуха. Я снова несусь по бесконечным переходам замка; встречные люди что-то кричат мне вслед, но их голоса кажутся глухим, невнятным шумом. Я бегу, пока не вылетаю на трибуны Арены.

Ложи так и кишат аристократами, которые неистовствуют, рукоплещут и восторженно поднимают кубки с вином. Гвардейцы плотным кольцом патрулируют периметр, пока придворные девицы в полнейшем шоке сверлят взглядами помост перед собой. В стороне замечаю Придворную даму: скрестив руки на груди, она застыла с мрачным, глубоко возмущенным выражением лица.

Дикий террор заживо сжирает меня изнутри, и я перевожу взгляд на самую середину Арены.

«Если я взойду на престол, я умру?» Золотистые кудри, впитывающие в себя все крупицы света, утонченные, благородные черты лица, розовые губы и медовые радужки.

«Я никогда не смогу взойти на престол».

Верховный жрец мертвой хваткой перехватывает запястье Артура и победоносно вскидывает его руку вверх: — Артур, сын Короля Давида, завтра будет коронован и провозглашен новым правителем нашей нации!

Истошные крики ликования взрываются со всех сторон, пока моё существо с треском разлетается на куски.

Сжимаю кулаки до боли, чувствуя, как ногти вонзаются в кожу. Он выбрал свое проклятое королевство. Он швырнул себя на этот алтарь, наплевав на собственную жизнь. Снова. К горлу подступают слезы.

— Почему?.. — безумный, отчаянный шепот тонет в реве празднующей толпы.

Артур резко оборачивается — словно его нутро безошибочно подсказало ему, где меня искать. Его глаза лихорадочно сканируют трибуны и натыкаются на меня, но это последний раз в жизни, когда я позволяю этому человеку сделать мне больно.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Собирая в кулак осколки разбитого сердца, я, полная удушающей горечи, разворачиваюсь и навсегда покидаю Арену.

— О, не жалей меня. Я пытался убить Короля во время банкета, и на следующий день меня гильотинировали за измену и святотатство против гармонии Небес. Я переродился в теле младенца, причем воспоминания о моей прошлой жизни были ясными и четкими; мне потребовалось время, чтобы осознать, что со мной происходит. С тех пор я неоднократно перерождался, но никогда ничего не забывал. Я притворялся сыном пекаря, крестьянином, а потом и нотариусом. Каждая жизнь — новая история. А тем временем в священные писания была внесена пророческая книга о Зле: Жрецы, видевшие вещие сны, предсказали его воскрешение и явление Трех знамений.

— Ты заперт в клетке из этих жутких образов… — шепчу я. Это похоже на бесконечный фильм, заколдованный круг, из которого нет выхода. Впервые я вижу на лице Элайджи горечь одинокой, прожитой тысячи раз жизни.

— Я искал его при каждом перерождении, но зачастую жизнь пролетала, так и не дав шанса опознать его. В былые времена жизнь была суровее, и, возможно, Зло погибало от иных причин, не успев проявиться. Но спустя века, после долгих лет поиска, я нашел его… вернее, нашел вас, — поправляется он. Слушаю его затаив дыхание. — Вы жили в сельском доме, не ведая о своем предназначении и о том, что должно произойти. Вы готовились к свадьбе, Лавиния.

Я вздрагиваю. Все те сцены, что я видела в своих кошмарах, где Артур опускался передо мной на колени, а его лицо светилось любовью, сменялись трагедией: лужа крови и клинок Эдоардо, пронзающий его насквозь.

Они были слишком правдивы, чтобы оказаться лишь плодом фантазии.

— Именно оттуда берет начало твое проклятие. Помнишь, что я говорил?

Киваю.

— Что я проклята за то, что полюбила Зло: обречена проживать каждую жизнь с матерью, умирающей при родах, отцом, сходящим с ума от неизлечимого недуга, и нападением, которое толкает меня к самоубийству. — От горечи у меня дрожит голос. — Всё это лишь за то, что я полюбила его…

— Судьба привела меня к вам, но я не был уверен в личности Артура. В моих видениях его лицо оставалось десятилетним мальчишкой. И прежде чем я успел обрести уверенность, свершилось Первое знамение. Королевская семья бросила армию в пострадавшие районы на поиски любого, кто мог показаться подозрительным.

Первое из Трех знамений. Я ничего не помню, но фрагменты разрозненного пазла начинают складываться в единую картину.

— В те времена я часто захаживал на одну милую веранду, где пара торговала чаем и цветами. Точнее, мужчина ухаживал за цветами, а женщина подавала чай. Я усаживался за деревянный столик, пил чай и ломал голову над тем, как отыскать и опознать Артура, пока до него не добрались Жрецы. Я даже не подозревал, что он у меня под носом: Артур был флористом, а ты — его возлюбленной. Я не обращал на вас внимания, был слишком зациклен на своем плане.

У меня мурашки бегут по коже, желудок скручивает в узел, а глаза наполняются слезами… внутри меня закипает лавина эмоций, готовая смести всё на своем пути. *Почему я плачу?*

— Я захаживал за чаем так часто, что ты сама каждое утро придерживала для меня столик. Ты лишь смотрела на меня и порой улыбалась, а вот Артур был

словоохотлив. Помню его одежду, вечно испачканную землей, и фразу, которую он постоянно повторял клиентам: *«Небо сегодня такое прекрасное, не правда ли?»*

Он ухаживал за цветами.

На моём лице проступает печальная улыбка. *«Значит, он всегда их любил»*. Питомник во дворце и семена, что он посадил в моей реальности в саду за домом. Каждая деталь обретает новый, пронзительный смысл.

— Однажды я пришел и застал двери нараспашку, цветы были растоптаны, посуда валялась на полу — всё вверх дном. Я услышал крики из леса, но прибежал слишком поздно: наследник престола Эдоардо уже пронзил твою грудь мечом. Гнев исказил его лицо, когда он с яростью выдернул лезвие. Артур, связанный и без сознания, лежал в нескольких шагах. Жрец, сопровождавший Эдоардо с приказом подтвердить личность Зла, приблизился к телу Артура, опустился на колени и протянул руку, чтобы коснуться его, но тут же отдернул, словно обжегшись. Он поднялся и доложил принцу, что нашел того, кого искали. В полном смятении я оставался в укрытии, пока не увидел, как наследник тех времен победно ускакал на своем коне вместе со Жрецом и стражей. Они уволокли Артура во дворец, чтобы казнить Зло на Арене, на глазах у всей толпы. Так я слишком поздно понял, что тот мужчина, который выращивал цветы на старой веранде, был никем иным, как мальчишкой, которому я поклялся отомстить. Спустя время Жрецы добавили в священные писания приговор, касающийся тебя. По их версии, ты была женщиной, которая полюбила его и навеки должна была носить на себе клеймо ужасной судьбы. Но на этом они не остановились. Они приказали перебить всех жителей вашего района, автоматически записав их в «соучастники Зла». Вскоре начались проливные дожди, и королевство ликовало, празднуя спасение, ведь Зло было убито и остановлено. Тогда я оплакивал вашу смерть в одиночестве.

Артур сжимает мою руку, его глаза закрыты, а на лице тень нестерпимой боли.

— Мы так и погибли? Без суда, без правосудия… как будто мы были чудовищами. Разве это… — Одинокая слеза скатывается по его щеке. — Разве это справедливо?

— Нет, но королевству было плевать на всё, кроме сохранения равновесия любой ценой.

Я бессильно смотрю на парня с золотистыми кудрями, который всё еще пребывает в беспамятстве. Терзаюсь вопросом: когда он очнется, вернет ли он эти воспоминания, или же, подобно мне, будет владеть лишь обрывками вспышек?

— Он вспомнит всё? — озвучиваю я свои страхи.

Часть меня жаждет, чтобы он оставался в неведении, чтобы не переживал вновь боль сожжения заживо и предательства родного отца. Прижимаю руку к груди. С тех пор как меня терзают кошмары о той жизни, я не могу забыть ощущение клинка, пронзающего меня насквозь. Я даже представить боюсь, как он вынесет это двойное страдание.

— Ему потребуется время. Скорее всего, когда он очнется, его память будет пуста. Ему придется принять свое истинное «я», чтобы вернуть все воспоминания.

Он должен принять, что убил своего отца и покусился на жизнь брата.

— Он никогда на это не пойдет, — утверждаю я.

Артур — тот принц, который готов пожертвовать собой, чтобы защитить королевство и семью. Зло — сущность, цель которой — уничтожение королевства и королевской семьи. Они не смогут сосуществовать.

Элайджа вздыхает.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

— В этой жизни судьба спутала все карты: она подбросила Зло на порог Короля в образе младенца, брошенного в лесах. Он усыновил его: одарил властью, комфортом и богатством. Ввел в свою династию, даже не догадываясь, что крошечное существо, которое он лелеет, — это его смертный приговор. Никто бы и помыслить не мог, что Зло находится в самом сердце дворца. Абсурд, не правда ли?

Все детали встают на свои места, обретая новый смысл. Часть меня всё ещё отказывается верить в увиденное, в ту жестокость, с которой Артур уничтожил самого себя и дал волю древней мести. Я задаюсь вопросом: могла ли я сделать больше, могла ли я предотвратить всё это?

Сперва я сомневалась в словах Элайджи, считала его безумцем, рассуждающим о прошлых жизнях и проклятиях. Но странные совпадения и то, как пророчества сбывались одно за другим, были слишком весомыми доказательствами. Возможно, мне стоило догадаться раньше.

Мне следовало вцепиться в его руку и не позволить ему взойти на тот трон. Следовало… сделать всё возможное. Массирую виски, голова готова взорваться.

— И каков план теперь?

— Держимся в тени, всё королевство идет по нашим следам. Ждем, пока Артур станет Злом на сто процентов, а потом…

Я хмурюсь.

— Ты хочешь вернуть его в то состояние?

Элайджа пытается меня успокоить.

— Не бойся его. Зло любит тебя уже больше ста лет. С его точки зрения, эта месть — в том числе и ради тебя.

Мне от этого не легче. *«Зло любит тебя»*. Но я не знаю его с этой стороны, я не помню ничего из нашей совместной жизни в прошлом. Посреди той кровавой бойни он смотрел на меня так, будто я была его утраченной частью, чем-то, что он искал, ждал и спустя годы обрел вновь. С облегчением и чувством, которые были мне чужды.

— Что будет с Артуром, когда он снова станет Злом? — шепчу я.

— Он не исчезнет. Они станут единым целым. Но чтобы это произошло, он должен найти связь между ними двумя… что-то, что заставит их бороться на одной стороне.

Чем больше он говорит, тем глубже я погружаюсь в хаос.

— Мне нужно… передохнуть пару минут, — встаю я. — Позови меня, если он очнется.

Элайджа кивает и вновь переключает внимание на экраны с записями снаружи.

Бросаю последний взгляд на Артура: правая щека прижата к подушке, брови нахмурены, тело напряжено до предела.

Бреду по узкому коридору в спальню и падаю на первую же свободную койку. Жесткий матрас скрипит, пока я сворачиваюсь калачиком в центре. Как только закрываю глаза, кровь и ужас заполняют мой разум.

Ворочаюсь с боку на бок. У меня слишком много страхов без ответов, слишком много спутанных нитей, скрытых в потайных углах сознания, которые то и дело вырываются наружу. Вспоминаю Придворную даму, Рантала и Вирджинию… всех тех, кого еще вчера считала близкими. Гадаю, будут ли они охотиться и на нас.

Будут ли они считать, что Артура нужно уничтожить навеки.

Раздается истошный крик.

Я вскакиваю, сердце колотится как бешеное. Вцепляюсь в простыню и озираюсь по сторонам. Вокруг — два ряда двухъярусных коек и давящие металлические стены.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Мне требуется пара секунд, чтобы вспомнить, где я и чей это был душераздирающий крик.

«Артур».

С тяжелым дыханием соскакиваю с кровати и бросаюсь к двери. Я понятия не имею, сколько времени провела в беспамятстве — единственное, чего я желала каждой клеточкой своего тела, это чтобы всё произошедшее оказалось лишь нелепым, дурным сном.

Несусь по коридору, и тревога так сильно сжимает грудь, что мысли путаются, становясь невыносимо тягучими. Застаю его у самого выхода — Элайджа перегородил ему путь. Артур смотрит на него, как хищник на добычу, готовый в любой миг вцепиться в глотку.

— Я же сказал: проваливай к чертям, второй раз повторять не стану.

«Он очнулся».

Внутри меня бьется лишь один вопрос: *«Это Артур или Зло?»* — Ты не выйдешь, тебя прикончат на месте.

— О чем ты вообще несешь? — Он раздраженно проводит ладонью по волосам. — Я должен короноваться. Подвинься и дай мне пройти, иначе тебя казнят за соучастие в похищении — вдобавок к тому приговору, что у тебя уже есть.

«Он ничего не помнит… Он…» — Артур? — зову я.

Он замирает на пару секунд, а затем медленно, с тягучей ленцой оборачивается. Встречаюсь взглядом с той самой нежностью, которая начисто игнорирует багровые пятна крови, испачкавшие его скулы. Я хочу что-то сказать, но слова застревают в горле, рискуя рассыпаться в прах.

— Лавиния, — шепчет он мягко, и моё сердце пропускает удар, пока он с ног до головы изучает меня взглядом. — Твоя одежда… она в крови… Что?.. — Он растерянно моргает.

— Ты не помнишь?

— Что я должен помнить?

Невинность, с которой он задает этот вопрос, разрывает моё сердце на куски. Перевожу взгляд ему за спину, и Элайджа едва заметным кивком подбадривает меня продолжать.

— Артур, что я должна помнить? — повторяет он, на этот раз с ноткой легкого нетерпения.

Я не хочу, чтобы он вспоминал. Не хочу видеть, как он ломается. Не хочу… чтобы он жил с этим грузом.

Протягиваю ему руку:

— Хочешь, отойдем ненадолго в сторонку? — предлагаю я, и Элайджа едва заметно хмурится.

Артур смотрит на мою ладонь, зависшую в воздухе; он понимает, что я что-то скрываю, но, несмотря на подозрения, всё равно делает шаг навстречу. И еще один. И еще. Его пальцы едва касаются моих, но в тот момент, когда он готов переплести наши пальцы, он замирает.

— Я убил Короля.

Признание, звучащее как окончательный приговор, превращается в невыносимый стыд.

Ужас искажает его лицо, когда он смотрит на свои дрожащие, окровавленные руки. Он вскидывает голову, словно надеясь найти что-то, что опровергло бы этот

факт, но в моих глазах читает лишь ту страшную истину, которую я пыталась скрыть еще хоть на мгновение.

— Что я наделал? — спрашивает он сорвавшимся шепотом.

Делаю шаг к нему, но он резко отшатывается.

— Что я наделал? Я… я… убил отца… я… убил… — Он вцепляется в волосы, словно пытаясь вырвать их с корнем, чтобы хоть как-то притупить нестерпимую боль и ярость по отношению к самому себе. Он бьет себя кулаками в грудь с такой пугающей силой, что мне становится страшно. Он оседает на пол, сотрясаемый судорожными рыданиями.

«Я никогда прежде не видела, чтобы Артур плакал».

Элайджа пытается помешать ему калечить себя, но физическая мощь Артура берет верх.

«Я никогда не видела, чтобы Артур причинял себе боль».

Опускаюсь перед ним на колени и, вопреки его попыткам отстраниться, заключаю в объятия, бережно поглаживая по спине. Его тело бьет крупная дрожь, а из груди вырывается такой душераздирающий стон, что он звучит как самая печальная на свете мелодия.

«Я никогда не видела Артура настолько сломленным».

— Дыши… просто дыши… — Я страдаю вместе с ним, и отдала бы всё, лишь бы избавить его от этого ада.

Он видел меня в таком состоянии бесчисленное количество раз. Для меня же всё происходит впервые, и я до смерти боюсь, что не смогу вытянуть его из этой бездны, что он утонет в ней на моих глазах. Артур всегда умел возвращать мне улыбку одним лишь взглядом. Он всегда дарил мне свет, развеивающий любую тьму.

Я не уверена, хватит ли у меня сил сделать то же самое для него. Поэтому я просто прижимаю его к груди, и его слезы становятся моими.

Я смотрю, как он плачет, и плачу сама.

Виноватая в том, что люблю его.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 37

Лавиния

Он не ест, не пьет и не разговаривает. Артур полностью изолирует себя от мира, укрывшись за непреодолимой стеной. Его черты лица напряжены, а глаза кажутся безжизненными.

Элайджа опускает тарелку на столик прямо передо мной.

— И сегодня он не притронулся к еде. — Консервированный тунец да пара энергетических батончиков — вот и все источники пропитания, что у нас здесь есть.

Прошло два дня с тех пор, как мы укрылись под землей. Я понятия не имею, что творится там, снаружи, но могу лишь предполагать, что улицы захлестнул тотальный хаос. Видеокамеры, которые установил Элайджа, транслируют патрули королевской гвардии, прочесывающие местность вокруг нашего убежища.

Мы у них под самым носом, но они нас не видят. Они уверены, что мы прорвались к границе, — именно так объяснил мне Элайджа.

Промакиваю губы салфеткой.

— Когда мы сможем выйти? — Опускаю пустую жестянку из-под тунца на столик.

— Сначала всё должно улечься.

— Ему бы не помешало глотнуть свежего воздуха… — осторожно замечаю я.

После того надрывного, страшного плача Артур ушел в глухое, абсолютное безмолвие. Он похож на призрака, и лишь едва заметное дыхание — единственный признак того, что в нем еще теплится жизнь.

— Ему бы не помешало выговориться.

Вздыхаю.

— Я знаю. Пытаюсь подойти, но он меня отталкивает. Он не выходит из той комнаты; вчера вечером я хотела укрыть его простыней, а он резко отшатнулся. Кажется, он просто не хочет видеть меня рядом. — Эти слова даются мне с трудом, и жгучий стыд сдавливает горло.

Элайджа принимается за свою порцию, медленно жуя и обдумывая мои слова.

— Нужно набраться терпения, сейчас самый хрупкий момент. Я абсолютно уверен, что он тебя не ненавидит, он на это попросту не способен.

Сжимаю пальцы в кулаки. *Не способен.* Я должна быть терпеливее… наверное. И всё же я отчетливо чувствую, как внутри нас оборвалась какая-то невидимая струна, что-то, что не подвластно моему контролю. Что-то, что заставляет его держать меня на максимально возможном расстоянии.

Поднимаюсь на ноги.

— Пойду приму душ, — сообщаю я ему.

Он кивает, пока я ухожу.

Отыскиваю свою выстиранную и отглаженную придворную форму и направляюсь в ванную. Элайджа подготовил в убежище запас камуфляжных костюмов, которые я могла бы использовать, чтобы переодеться, но они мне безнадежно велики, а в своем привычном платье я чувствую себя гораздо увереннее.

Свет в коридоре то и дело мигает. Эта нора душит меня, мне хочется вдохнуть чистого воздуха хотя бы десять секунд. Но приходится смириться. Немного горячей воды поможет хоть на миг забыть, что я заперта в капкане здесь, внизу, и немного прояснит мысли.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Запираюсь в ванной. Раздеваюсь, и едва струи воды касаются тела, я закрываю глаза, чувствуя, как хоть немного спадает напряжение в плечах.

Как же может моя жизнь оказаться вечной, непрекращающейся карой? Намыливаюсь, тянусь к флакону с шампунем.

Проклята за то, что полюбила Зло. Боль, которую я терпела каждый божий день, депрессия, в которую я регулярно проваливалась, и одиночество, пожирающее меня настолько, что хотелось просто раствориться в воздухе. Всё это изначально было частью моей судьбы.

Делаю глубокий вдох. Я даже злиться не в силах — печаль полностью обессиливает меня, а смятение тянет на дно.

Погруженная в свои думы, я не замечаю, что шампунь начинает вовсю изливаться из флакона. *Черт, я выдавила слишком много.* Перестаю сжимать пластик, пытаюсь запихнуть часть жидкости обратно и ставлю флакон на маленькую полочку справа.

Пока я массирую затылок круговыми движениями, слова Элайджи продолжают эхом звучать в ушах.

Зло любит тебя уже больше сотни лет. Он всегда ставит этот код на свои замки. Он никогда не забывал тебя, Лавиния. Я схожу с ума.

Два разных человека, но одна судьба. Артур — это Зло, Зло — это Артур. Та «я», которую я не помню, любила Зло настолько, что согласилась выйти за него замуж; нынешняя же «я» намертво связана с ним проклятием.

Позволяю воде смыть пену с волос. Если бы я осталась в своем мире и никогда не встретила Артура, со мной случилось бы именно то, что предрекало проклятие. Я бы покончила с собой в этом бесконечном круге боли.

Выключаю кран, заворачиваюсь в полотенце и выхожу из душа.

Вспоминаю, как яростно я ненавидела Артура за то, что он спас меня в тот вечер, — ведь я всем сердцем, до крика жаждала смерти. Мечтала исчезнуть, и это желание было рождено несчастьями, неразрывно связанными с проклятой любовью.

— Нет, она не пойдет со мной. — Звук голоса, который я не слышала целую вечность, вызывает во мне бурю эмоций, заставляя внутренности сжаться. Голос хриплый, надтреснутый, доносится из гостиной. Я замираю на месте и прижимаю ухо к двери. *Он говорит с Элайджей?* — Вся её жизнь, вернее, все её прошлые жизни были прокляты из-за меня. Как я могу даже смотреть ей в глаза, не чувствуя себя… ничтожеством?

Надеюсь домашние туфли и бесшумным, стремительным шагом выхожу из ванной, направляясь к ним, пока капли воды до сих пор стекают по моим обнаженным плечам.

— Избегать её — не выход, — жестко парирует Элайджа. — И ты точно не можешь выбраться отсюда в одиночку.

— Я сделаю это с твоего разрешения или без него.

Осторожно заглядываю из-за порога: Элайджа качает командой, скрестив руки на груди, а перед ним стоит Артур — я вижу только его широкие плечи. Они уставились в мониторы. Я прижимаюсь к стене и жадно слушаю.

— В одиночку — это слишком большой риск, теперь все знают, кто ты, все тебя ищут.

— С чего ты взял, если никто из нас не сует носа наружу?

— Я слежу за сводками по радио. — Он вытаскивает из кармана старый приемник, выдвигает стальную антенну и крутит ручку, переключая частоты. — Хочешь послушать?

Артур склоняется над ним: передача звучит слишком тихо, отсюда мне ничего не разобрать.

Выхожу из своего укрытия.

— Что они говорят? — спрашиваю я.

Артур мгновенно напрягается и поспешно выключает радио.

— Я уйду тайком, никто меня не заметит. — Он полностью игнорирует мой вопрос, отрезая меня от разговора и даже не удостаивая мимолетным взглядом.

Вскидываю руки, чтобы привлечь его внимание.

— Куда ты собрался?

— Он намерен выйти наружу и написать письмо Эдоардо, — лишь Элайджа снисходит до объяснений. — Ужасная затея, — добавляет он.

— Письмо? А если тебя узнают, что нам тогда… — Я не успеваю закончить вопрос, Артур грубо обрывает меня:

— Тебя это не касается, — шипит он ледяным тоном, который ранит меня до глубины души.

Смотрю на него, ошеломленная, пока ярость и смятение борются в моем сердце. *Почему он так со мной обращается?* Он разворачивается к выходу.

— Я возьму твою одежду, шляпу и маску. И не вздумай меня останавливать, Элайджа. — Он проходит мимо меня, не добавив больше ни слова.

Смотрю на Элайджу, надеясь, что он воспротивится, что-то предпримет или намертво заблокирует выход, но нет. Он даже не шевелится.

— Ты собираешься просто позволить ему уйти?

Легкий кивок головы в ответ.

— Лучше это, чем то гробовое молчание, в котором он пребывал все последние дни. Его не поймают, к тому же увидеть всё своими глазами — лучший способ заставить его поскорее смириться с реальностью.

— Значит, тебя всё устраивает? — Я чуть не смеюсь от бешеного нервного напряжения. — Ты хочешь, чтобы он пошел туда и отправил письмо Эдоардо? Мы ведь даже не знаем, как тот отреагировал, и уж точно его первым порывом не будет броситься к нему в объятия. Дворец сейчас на осадном положении.

— Он хочет выйти и убедиться во всем лично? Пусть идет, это ускорит развязку.

Я в полнейшем шоке. Всё это кажется каким-то сюрреалистичным, спланированным самоубийством. И даже если предположить, что ему удастся пройти незамеченным, как он собирается передать это письмо? Направляю решительные шаги в сторону спальни, где он заперся.

С силой распахиваю дверь — нервы на пределе.

Он поднимает голову; одна его рука застыла на ремне джинсов, грудь полностью обнажена под искусственным светом лампы, а во взгляде сквозит та самая пустота, из-за которой я чувствую себя ничтожной.

— Вон.

Одно слово, один приказ — очередной хлесткий удар вдогонку к его ледяной неприязни.

— Нет. — Захлопываю дверь у себя за спиной. — Это чертовски идиотская затея.

Он опускает голову, уставившись в пол, пальцы по-прежнему неподвижно лежат на ремне.

— Мне теперь раздеться у тебя на глазах?

Пожимаю плечами.

— Валяй, для меня ты всё равно что пустое место. Тебе же от этого хуже не станет, так? — Мой тон звучит уверенно, но внутри я умираю от дикого страха — боюсь, что не смогу достучаться до него, не смогу до него дотянуться.

Он расстегивает пряжку и швыряет ремень на кровать, затем расстегивает джинсы и тянет вниз замок. Если он надеется, что это зрелище заставит меня позорно сбежать, то он крупно просчитался. Устремляю взор в потолок и жду. Слышу, как он медленно стаскивает джинсы.

Терпи, Лавиния. Жду пару минут, затем чуть опускаю взгляд и вижу, что он натягивает черные брюки Элайджи. Они сидят на нем идеально. В поясе слегка проглядывает край белого нижнего белья, кожа у бедер кажется бледнее и испещрена едва заметной сетью вен, уходящих вверх. При каждом движении его мышцы перекатываются со всей гармонией безупречной скульптуры, изваянной великим мастером.

Он хватает черную футболку и стремительно натягивает её. Ткань плотно облегает его грудь, обрисовывая её в совершенстве. Прячет кудри под кепкой, надевает серую толстовку и натягивает черную маску, которая закрывает половину лица, оставляя открытыми лишь глаза.

Он разворачивается, но я продолжаю стоять как вкопанная прямо перед дверью. Чтобы выйти, ему в любом случае придется оттолкнуть меня, а я не сдвинусь с места, пока не пойму, что творится в его голове. Его взгляд падает мне на грудь; опустив немного голову, я замечаю, что полотенце сползло. Слегка обнажившуюся линию груди я торопливо прикрываю рукой.

— У меня нет времени на пустые пререкания, потеснись.

— Ты снисходишь до разговора со мной только для того, чтобы раздавать приказы? — парирую я.

Его глаза блуждают по потолку, полу, переходят на его ботинки, но принципиально, точно боясь оступиться, избегают моего лица. И это лишь сильнее усугубляет моё тягостное смятение.

Он хранит молчание. Уверенно наступает на меня, глядя куда-то мне за спину; я раскидываю руки в стороны, и когда между нами остаются жалкие два сантиметра, я судорожно задерживаю дыхание.

Резким, неуловимым движением он пытается вильнуть влево, но я мгновенно перехватываю его, вцепившись в руку. Он отпрядывает от меня, словно с брезгливым отвращением.

— Не прикасайся ко мне, — цедит он сквозь зубы.

Пытаюсь скрыть, насколько глубоко эти слова ранят моё нутро, и упрямо стою на своем:

— А ты не смей меня игнорировать.

Он пробует прорваться справа, но я перегораживаю ему путь, прижимаясь предплечьем к его груди и буквально впрессовывая его в себя. На его лице я читаю глухую, яростную неприязнь.

Он опускает ладонь к моей руке, и едва его пальцы задевают кожу, как по спине волной проносится ледяной мороз, а щеки вспыхивают живым огнем. Прикосновение

Артура всегда оказывает на моё тело одно и то же сокрушительное действие. Кажется, будто он способен лепить меня по своему подобию, подчинять своей воле одной лишь мимолетной мыслью.

Он давит сильнее, пытаясь сдвинуть меня с дороги, поэтому я мертвой хваткой, до боли вонзаю ногти в ткань его футболки.

Так не пойдет. Чувствую, что пальцы соскальзывают, это вопрос нескольких секунд. Ему ничего не стоит подхватить меня как сухую щепку и отшвырнуть в сторону, поэтому, прежде чем он успевает это сделать, я иду на отчаянное безумство. Повинуясь слепому импульсу, я буквально вскидываюсь на него, намертво обвивая ногами его талию, а руками — шею. Сплетаю наши тела воедино, и наше дыхание смешивается в рваном ритме, пока он пытается сорвать меня с себя.

— Ты… из ума выжила? — выплевывает он со звенящим, измученным раздражением.

Он упорно отводит глаза в сторону, будто я внушаю ему глубокое омерзение.

— Почему ты даже не смотришь на меня?

Он пытается оторвать меня от своей груди, но я держусь намертво. Мои мокрые волосы касаются его щек, а полотенце задирается выше, полностью оголяя бедра.

— Я настолько противна тебе?

— Ты меня задерживаешь.

Вздыхаю.

— Значит, идем вместе в таком виде, для меня это вообще не проблема. Вперед, давай выйдем наружу и позволим пристрелить нас при первой же попытке.

Он измученно закрывает глаза, теряя остатки терпения, а я гипнотизирую его взглядом, сгорая от дикого желания пробиться сквозь хаос его спутанных мыслей. Он делает глубокий вдох, словно из последних сил пытается удержать самообладание.

Внезапно его ладони жестко опускаются на мои бедра; его подушечки пальцев проскальзывают под махровую ткань, мгновенно воспламеняя каждый сантиметр кожи, к которому прикасаются. Замираю, не в силах вздохнуть.

Что он творит? Он делает размашистый шаг вперед, моя спина с силой врезается в стену, и Артур намертво прижимает меня к бетонной перегородке, пока его пальцы продолжают вести на мне свою властную, интимную игру. Он перемещает ладони выше, и когда нажим становится невыносимо требовательным, мои пальцы сами собой разжимаются.

Ноги беспомощно скользят вниз, и как бы я ни пыталась сопротивляться, он оказывается в тысячу раз сильнее меня. Мои ступни касаются пола, и он холодным, неумолимым движением выскальзывает из моих объятий, уходя на дистанцию. Сразу же срезает угол, направляясь к выходу.

За всё это время он ни разу не взглянул на меня — даже вскользь.

Ни единого раза.

Пустота.

— Если ты выйдешь, я пойду за тобой следом! — кричу я ему вдогонку, срывая голос.

Он берется за дверную ручку, начисто игнорируя мою угрозу.

Сжимаю кулаки до побеления костяшек.

— Отлично! Я всегда мечтала прогуляться полуголой на глазах у толпы. Это будет незабываемо. — Вырастаю прямо у него под боком, полная леденящей уверенности в своих словах, без тени страха.

Посмотрим, как далеко ты зайдешь. Он каменеет. Пальцы судорожно стискивают металл ручки, костяшки побелели, а на лице отражается яростная, разрушительная внутренняя бойня. Это первый маркер живых чувств, который я вижу в нем после двух суток глухого безразличия. Он отпускает замок и сжимает кулаки по швам.

— Идем же, живее, — настаиваю я. Толкаю дверь и переступаю порог. Шагаю босиком по сырому коридору; кожей чувствую, как его обжигающий взгляд буквально выжигает мне спину, но он никак не реагирует.

Прохожу в гостиную, и Элайджа мгновенно подрывается со своего стула.

— Ты куда намылилась?! Там же выход! — орет он во всё горло.

— Я знаю, именно туда я и держу путь, — отчеканиваю я с дерзкой бравадой. Пол под ногами ледяной, пронизывающий холод стремительно ползет от ступней к лопаткам и обнаженным рукам.

— Лавиния! Это ни хрена не смешно! — продолжает надрываться Элайджа, свято уверенный, что я устроила глупый фарс.

Распахиваю дверь, ведущую в туннель, и стужа ударяет по телу с удвоенной силой. *Если Артур решил сойти с ума, значит, сойдем с ума все вместе — устроим форменный дурдом.* Быстро преодолеваю полутемный отрезок, ведущий к приставной лестнице, по которой мы спускались в это подземелье.

Заношу ногу на перекладину, но не успеваю даже коснуться поручня, как мне на голову обрушивается плотная тьма. Какая-то ткань, простыня или… нет, толстовка. Мир исчезает, и внезапно мои ноги теряют опору. Земля уходит из-под ног, сильные руки рывком взваливают меня на плечо.

Сдергиваю ткань с лица — путь на свободу стремительно удаляется. Понимаю, что вишу на плече Артура, который молча тащит меня обратно вглубь норы.

— С вами двоими каши не сваришь, вы просто неуправляемые! — Элайджа со вздохом падает обратно в свое кресло перед экранами и утирает покрытый потом лоб.

Артур опускает меня на пол только тогда, когда мы оказываемся в периметре спальни. Он тяжело, прерывисто дышит, а его глаза… его глаза буквально пожирают меня с ног до головы.

Он смотрит на меня. Наконец-то. Тень мимолетной улыбки касается моих губ, но это лишь сильнее взвинчивает его ярость.

— Оденься, блядь, — рявкает он; его челюсть сведена судорогой, а взгляд намертво прикован к моему телу.

— Тебя это задевает?

Его радужки, еще недавно блуждавшие по углам, теперь прошивают меня насквозь, не оставляя путей к отступлению.

— Это сводит меня с ума, — шипит он сквозь стиснутые зубы.

Согласно киваю.

— По крайней мере, ты перестал делать вид, что меня не существует.

— Живо оденься, — повторяет он с глухим раздражением.

— Я иду с тобой.

Он отрицательно мотает командой, вены на его шее натянулись так, словно готовы лопнуть в любую секунду, его терпение иссякло.

— Ладно. Черти с тобой. Но сначала оденься, в таком виде ты на улицу не выйдешь…

Кажется, он больше не планирует бросать меня или обводить вокруг пальца, поэтому я перевожу взгляд на его кровать. Там разбросаны его прежние вещи; подхожу ближе и собираю их в охапку.

Я могу натянуть его футболку, брюки и толстовку… но моё нижнее белье осталось в ванной.

Крепче прижимаю полотенце к груди.

— Моё белье в душевой, — шепчу я едва слышно. — Я быстро заберу.

Делаю шаг к дверям.

— Я сам принесу, — останавливает он меня. Его голос звучит куда спокойнее, чем прежде. Он распахивает дверь и выходит в коридор. У меня нет стопроцентной уверенности, что он не сбежит прямо сейчас, но, думаю, он прекрасно осознал: я рвану за ним следом даже нагишом, не задумываясь ни на миг.

Артур возвращается и протягивает мне вещи, которые я приготовила до этого. Перехватываю узелок из его рук, и без лишних напоминаний он молча разворачивается спиной, подпирая плечом дверной косяк.

Торопливо одеваюсь. Густой, пьянящий парфюм Артура бьет в ноздри, едва я натягиваю его футболку и плотную толстовку. Я могла бы облачиться в чистую дворцовую форму, но в таком наряде я мигом привлеку к себе ненужное внимание — служанкам не место на осадных улицах. Поэтому я туже затягиваю ремень на брюках и застегиваю молнию толстовки. Натягиваю носки и принимаюсь со всей дури затягивать шнурки на ботинках, которые велики мне на несколько размеров, — пытаюсь зафиксировать их так, чтобы не растянуться на первом же повороте. Объемы Элайджи и Артура примерно совпадают, но у меня из обуви при себе были только дворцовые туфли на каблуках, а мои ступни кажутся крошечными по сравнению с их обувью.

— Я готова, — выдыхаю я.

Он оборачивается, награждая меня долгим, испытующим взглядом.

— У тебя волосы мокрые, — замечает он.

— Я только из душа, высохнут по дороге.

Мой беспечный ответ его не устраивает. Он делает шаг ко мне, и моё сердце совершает кульбит при каждом его приближении.

— Ты подхватишь простуду. — В его словах проскальзывает та самая мягкая, трепетная забота, которая всегда была отличительной чертой прежнего Артура. Он бережно подхватывает капюшон толстовки, набрасывает мне на голову и плотно стягивает шнурки под самым подбородком.

— Спасибо, — шепчу я одними губами.

Быть может, тот прежний Артур не стерт безвозвратно, и, быть может, этот новый Артур не питает ко мне лютой ненависти. В ответ я получаю лишь долгий, тяжелый взгляд, истинную глубину которого мне не дано разгадать. И мы в гробовом безмолвии направляемся к выходу.

Вирджиния

Хаос, бушующий снаружи, — лишь жалкая треть того удушья, которым дышат стены этого дворца. Меры безопасности ужесточили вдвое: видеокамеры натыканы на каждом шагу, а досмотры устраивают на каждом этаже, парализуя даже самые простые, обыденные дела.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Напряжение стало почти осязаемым; этот вечный страх и неразбериха медленно выжигают рассудок любого, кто здесь трудится. Нам не дают ни минуты покоя, без конца таская на изнурительные допросы. Я уже, верно, сотню раз повторила одни и те же дежурные фразы: «В тот час находилась на посту в тронном зале, присутствовала на коронации»; «Я понятия не имею, куда они бежали»; «К их побегу я непричастна».

Тяжелый набат колоколов разносится в воздухе, возвещая об окончании погребального шествия. Прильнув к окну, я провожаю глазами траурную процессию, возвращающуюся в цитадель замка. Ради такого случая съехалась вся королевская династия — даже те родственники, что жили в самых глухих, отдаленных провинциях, и вся самая видная знать королевства.

Тех, кто присутствовал на той кровавой бойне, видно сразу: иссушенные, пустые взгляды, багровые круги под глазами и застывший в чертах лица дикий террор.

Дверь кухни распахивается. Чеканный стук каблуков возвещает о прибытии Придворной дамы. На ней строгое черное платье, облегающее фигуру, волосы безупречно собраны, а во взгляде — ни тени сомнения. Выпрямляю спину и замираю в ожидании, разделяя это оцепенение с остальными девицами, застывшими в ожидании приказов. Теперь любое наше мимолетное, спонтанное движение встречается гвардией с подозрением. Ничего от прежнего мира не осталось.

— Король предан земле, — обрывает она тишину. — Мы перейдем к чаепитию, мне нужен отвар, способный усмирить расшатанные нервы. Мы подадим его всему Руководящему совету и знати, делитесь на три группы.

Она рассуждает о подаче чая с такой легкостью, словно весь этот ад её вообще не колышет. *Как она это делает?* Дама тяжело вздыхает:

— А ну-ка выше нос, девочки. Я же не на плаху вас отправляю, право слово… Прямая спина, плечи назад и изобразите на лицах благовидные улыбки.

Пытаюсь натянуть на лицо безмятежную маску.

— Вот, совсем другое дело, — одобряет она. — Я знаю, что Жрецы дышат вам прямо в затылок из-за исчезновения Лавинии, но я ни одной живой душе не позволю содрать с вас хоть волосок. Мы уяснили друг друга? А теперь — за работу, живее!

Её леденящая уверенность возвращает нам почву под ногами. Девушки мигом разбегаются по местам, не теряя ни секунды.

Те, кто знает Даму поверхностно, клеймят её черствой и помешанной на дисциплине бабой… что, в общем-то, чистая правда, но помимо этого она — наш единственный щит. Она всегда трепетно опекала каждую из нас. Видит нас насквозь, и если тучи сгущаются, она неизменно оказывается рядом, готовая подставить плечо.

Она сотрет тебя в порошок своими упреками, но расшибется в лепешку ради твоего спасения. Никогда не бросит.

К слову, жандармы и гвардейцы донимали её меньше всего: никто во дворце не посмел поставить под сомнение преданность Придворной дамы королевской семье. Она нянчила принцев с пеленок, знает их лучше, чем кто бы то ни было… быть может, оттого и бровью не повела.

Вдруг она изначально знала, чем всё кончится… Я свято уверена, что ей доподлинно известно, где укрывается Лавиния, но её уста запечатаны намертво.

— Вирджиния, ты идешь со мной, — командует она резко.

Испуганно моргаю:

— Я? — указываю пальцем на себя.

Она разворачивается, не удостаивая меня ответом; в её руках зажат поднос с чашкой и парой кубиков сахара. Следую за ней без лишних расспросов; мы преодолеваем лестничный пролет и сворачиваем влево, по направлению к её личному кабинету. Она толкает дверь, и я захожу внутрь — это единственная зона во всем замке, лишенная камер наблюдения и вооруженных постов.

Она опускает поднос на стол, я приближаюсь в полном смятении. Над чашкой вьется легкая струйка пара, но внутри, кажется, налита самая обычная горячая вода.

Дама наклоняется и выдвигает ящик стола.

— Ты обязана отнести это кое-кому и заставить выпить до капли. — Извлекает маленький желтый пакетик, надрывает край и опускает фильтр прямо в кипяток.

Всматриваюсь, лихорадочно пытаясь прочесть буквы на упаковке: *«Ромашка, успокоительное… что это?»* Она протягивает поднос мне:

— У тебя нет права вернуться назад, пока чашка не опустеет. Это приказ. — Тон звучит жестко, отрезая любые пути к отступлению.

Перехватываю ношу с бьющимся сердцем.

— Будет исполнено, но… кому мне надлежит доставить отвар, Дама?

Обойдя рабочий стол, она плавно опускается в кресло, смыкает пальцы под подбородком и вздергивает нос к потолку:

— Эдоардо.

Одно короткое слово, имя, семь букв, способных мертвой хваткой сжать моё сердце в груди. С трудом прочищаю пересохшее горло:

— Не думаю, что я — подходящая кандидатура для…

— Именно ты, — жестко обрывает она. — Он должен находиться в своих покоях, я уже предупредила охрану о твоем визите, так что дергать тебя не станут. Еще вопросы есть?

— Никак нет, Дама. — Роняю короткий, этикетный кивок головы.

— Вот и славно. — Она указывает мне на дверь.

— Простите мою дерзость, Дама, но я все же смею настаивать, что я не та, кто должен идти… Принц ясно дал понять, что не потерпит в своем крыле ни одной придворной девицы, это его строжайшее распоряжение.

Их отстранили даже от уборки покоев и доставки провизии. С того проклятого дня никому не позволено приближаться к его дверям.

Она мерно кивает:

— Мне это прекрасно известно, оттого я и посылаю именно тебя. Капли этого седативного средства пойдут ему на пользу, он не смыкает глаз даже по ночам, и личный лекарь прописал ему принудительный покой. Эдоардо упрямо лепит из себя самого бездушного из тиранов, ему нравится, когда толпа верит в эту маску, но он никогда не был черствым.

Так вот что таилось в том желтом пакетике — сильное успокоительное. Пользуясь моим немым оцепенением, Дама вновь с головой уходит в канцелярскую работу: перехватив ручку, принимается заверять придворный реестр. С тяжелой судорогой, скручивающей внутренности, я направляюсь к выходу.

— От тебя он его не отвергнет, — доносится её едва различимый шепот, намекающий на тайну, скрытую от моего понимания. Я уже миновала дверной проем; пытаюсь обернуться, но тяжелые створки безжалостно смыкаются прямо перед моим носом.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

«От меня он его не отвергнет?» Шагаю по коридорам, преодолевая винтовые лестницы, ведущие в верхнее крыло, и, к моему изумлению, ни один гвардеец на постах не преграждает мне путь. Она действительно сняла перед мной заслоны.

Когда Придворная дама что-то вбивает в свою голову, её не сдвинуть и локомотивом. Каждое её действие — всегда элемент колоссального, скрытого от глаз чертежа, где в финале любая щепка встанет на свое законное место. Но прямо сейчас я не способна отыскать смысл в её речах.

Застываю перед дверями покоев принца Эдоардо. По бокам от входа замерли двое вооруженных гвардейцев; один из них делает шаг навстречу, бесцеремонно осматривая содержимое моего подноса. Чем дольше тянутся секунды, тем отчаяннее мне хочется бежать прочь без оглядки. Боец молча кивает и распахивает передо мной створки; с трудом сглатываю вязкую слюну, силой заставляя губы растянуться в подобии улыбки.

Задерживаю дыхание, переступая порог. В комнате царит могильный полумрак, оконные ставни плотно притворены, а тяжелые портьеры намертво отсекают любые крупицы дневного света. Справа от меня обнаруживается небольшая полка; опускаю на неё поднос и судорожно вглядываюсь в темноту, пытаясь заставить зрение приспособиться к полумраку.

Мелкими, шаткими шагами подкрадываюсь к окну и слегка раздвигаю ткань — ровно настолько, чтобы узкий сноп солнечных лучей прорезал темноту. Теперь я способна различить изнанку этого хаоса… например, силуэт принца, погребенный под ворохом одеял. Он распластался на постели, намертво зажав голову подушкой, пока весь пол завален обломками его ярости: разбросанная в полнейшем беспорядке одежда, опрокинутые навзничь стулья и выпотрошенные книги.

— Ваше Высочество, — шепчу я едва слышно.

Я абсолютно уверена, что он не спит — он всегда почивает исключительно на спине. Я уже научилась считывать любые его мимолетные движения без лишних слов. Нас годами муштровали угадывать капризы королевской знати еще до того, как они изволят открыть рот, и с Эдоардо я освоила эту науку слишком безупречно.

Быть может, именно эту деталь и имела в виду Дама.

— Ваше Высочество, я доставила вам успокаивающий отвар, — пробую снова.

В ответ — гробовое безмолвие.

— Ваше Высок…

— Я услышал. — Этот низкий, рокочущий бас прошивает меня до самых костей, заставляя покрыться мурашками.

Он высвобождает голову, рывком сбрасывает с себя простыни и опускает ноги на край матраса. Позволяю себе лишь секундный взгляд на него: черные как смоль волосы в полнейшем беспорядке упали на лоб, обнаженная грудь и штаны из темно-синего шелка, плотно облегающие бедра. Он проводит ладонью по лбу и тяжело вздыхает, заставляя меня заледенеть от ужаса.

Ему скучно. Торопливо утыкаюсь глазами в пол, сплетя пальцы перед собой и опустив голову в знак глубокого подобострастия. Слышу глухой шорох его шагов — он поднимается с постели и принимается размеренно, вальяжно циркулировать вокруг меня.

— Я не стану пить эти помои, — бросает он резко, и у меня не находится сил для ответа.

Он отступает назад, и я ловлю отчетливый скрип пружин — кровать прогибается под его весом. Мне запрещено покидать эти стены, пока чашка не опустеет. Собираю в кулак остатки мужества.

— Эти помои — строгое предписание вашего лекаря, — бормочу я, чувствуя, как сердце бьется у самого горла. — Ваше Высочество.

Кожей чувствую, как его обжигающий взгляд буквально выжигает мне макушку, но мне запрещено вскидывать на него глаза. Застываю как мраморное изваяние.

— С какого перепугу я обязан подчиняться лекарю? Я творю лишь то, что пожелаю. Я — единственный уцелевший преемник этой короны, поскольку второй превратился в тварь, которую мне суждено прикончить, чтобы просто выжить. — В его интонациях не проскальзывает ни единой живой ноты, лишь тонкая, ядовитая ирония, которой он бравирует с пугающей легкостью. — Так с какой стати?

— Потому что вы ранены изнутри.

Его сухой, язвительный смех громом разносится посреди хаоса этой разгромленной спальни:

— Ты имеешь в виду кончину моего отца или тот занимательный факт, что его зарезал мой собственный брат?

Я храню гордое молчание. Физически осязаю ту лавину концентрированной ярости, которую он неизменно выплескивает на любого, кто подвернется под руку, без разбора лиц. Точь-в-точь как в тот самый первый день, когда я только переступила порог этого дворца. Я тогда делала свои первые робкие шаги, умирая от страха совершить оплошность, — в мои обязанности входило лишь наблюдать и наводить лоск на тренировочные залы. Мне было запрещено прислуживать принцам или совать нос в тронный зал.

Простая, плебейская работа, если бы не тот факт, что Эдоардо в ту минуту в пух и прах рассорился с отцом. И я оказалась первой живой душой, на которую он наткнулся, когда я отмывала паркет в спортзале после его тренировки с луком. Он хладнокровно использовал меня в качестве мишени — на моем правом предплечье до сих пор белеет аккуратный шрам от стрелы, пущенной им вскользь.

— Почему ты молчишь? — Он снова поднимается на ноги и сокращает дистанцию, вырастая вплотную ко мне. — До смерти боишься, что я могу сотворить с тобой что-то дурное?

Слегка приподнимаю лицо; его радужки, затопленные глухой тенью, буравят меня, лишенные малейшего выражения.

— Никак нет, Ваше Высочество. Вы страдаете оттого, что исходите злобой на самого себя.

Тишина. Глухая, звенящая.

Он таков со дня нашего знакомства — не подпускает к себе ни одну живую душу… но даже моей скудной плебейской логики хватает, чтобы осознать: он бесконечно, экзистенциально одинок.

Единственным человеком, который никогда не покупался на его напускное зверство, был Артур. Лишь брат умел высечь на его губах искреннюю, чистую улыбку.

В памяти снова всплывают слова Придворной дамы: *«Эдоардо упрямо лепит из себя самого бездушного из тиранов, ему нравится, когда толпа верит в эту маску, но он никогда не был черствым»*. Моё нутро знает, что это истина, ведь я намертво запомнила то, как его глаза безмолвно молили меня о прощении в ту секунду, когда его стрела пустила мне кровь.

— Взгляни на меня, — шепчет он едва слышно.

Вскидываю голову, встречаясь с ним лицом к лицу. Тот самый взгляд из нашего первого дня.

Он медленно подносит чашку к губам и делает короткий, аккуратный глоток. Его веки слегка увлажнились, но он ни за что на свете не позволит слезам пролиться. От его глухой, затаенной скорби у меня в груди разливается свинцовая тяжесть.

Ощущение такое, будто он задыхается от вины за то, что вообще остался коптить это небо.

Внезапный, резкий стук в дверь заставляет его лицо мгновенно вернуть привычную каменную маску. Офицер королевской гвардии переступает порог, сжимая в руках свиток с гербовой печатью Руководящего совета.

— Ваше Высочество, всё готово к обряду престолонаследия.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 38

Лавиния

Я и забыла, как мне не хватало прогулок на свежем воздухе.

Заточение под землей, пусть и продлившееся всего несколько дней, заставило меня почувствовать себя задыхающейся в капкане. Приподнимаю голову ровно настолько, чтобы не вызывать подозрений у патрулей. Небо затянуто тучами… верный предвестник близкого ливня. На улице стужа, но, несмотря на это, мостовые кишат людьми, тащащими на себе мешки, доверху набитые провизией, словно в военное время. На их лицах отпечатался дикий, отчаянный ужас.

В нескольких метрах впереди замечаю отряд солдат: они прочесывают местность и бдительно следят за передвижением каждого прохожего. Я каменею, но Артур властно опускает ладонь мне на плечо, будто пытаясь вернуть почву под ногами. До этого момента благодаря Элайдже нам крупно везло: он отметил на карте глухие проселочные тропы, не занятые королевской гвардией. Однако многие проходы оказались намертво заблокированы, и теперь мы вынуждены пробираться через бурлящую людьми площадь.

Артур рывком увлекает меня в узкий, глухой тупик, подальше от навязчивых глаз толпы. Моя спина врезается в стену; он закрывает меня собой от внешнего мира, осторожно контролируя главную улицу.

— Стоишь здесь и не двигаешься. Вдвоем нам гораздо труднее остаться незамеченными.

Качаю головой в знак протеста:

— И слушать не стану, я иду с тобой.

Он резко разворачивается, награждая меня взглядом, не терпящим возражений:

— Вокруг слишком много стражи. Если меня обнаружат, я без труда ускользну, уведу их за собой и вернусь в убежище. — Он делает короткую паузу. — Но если схватят тебя, ты не сумеешь защититься, и мне придется вырезать их всех до единого. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Приоткрываю рот. *Ох.* Он только что прямым текстом заявил, что пойдет на убийство ради меня. Эта мысль должна была повергнуть меня в ужас, но вместо этого в груди разливается странное облегчение, и тень слабой радости озаряет моё лицо. К счастью, он слишком занят осмотром окрестностей и не замечает моей реакции.

— Ладно, — бормочу я, прочищая горло. — Но если через двадцать минут тебя не будет, я сама отправлюсь на поиски.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы понять: под маской он недовольно морщит нос.

— Я вернусь раньше, но ты не смеешь делать отсюда ни шагу. Ни с кем не разговаривай и уж тем более не вздумай привлекать к себе внимание. Сиди тише воды. — Он чеканит каждое слово так, словно от этого зависит его жизнь. Окинув взглядом тупик, он заходит справа и с грохотом подтаскивает ко мне огромный мусорный бак. — Если почуешь опасность, притворись, будто копаешься в отходах, прикинься нищей. К такой никто близко не подойдет.

— Я всё поняла, Артур.

Киваю, но он медлит. Какая-то тайная дума гложет его изнутри, но он не роняет ни слова. Лишь поправляет кепку на голове и стремительно уходит.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Провожаю его взглядом: он ловко растворяется в толпе, маневрируя между прохожими с поразительной грацией, пока полностью не исчезает из виду. Снова прижимаюсь спиной к каменной кладке и только сейчас замечаю приклеенную прямо напротив меня листовку, которую проглядела раньше: багровые буквы «Разыскивается» венчают черно-белый снимок Артура; чуть ниже указан номер телефона и напечатан свод строгих правил о том, как надлежит действовать при его обнаружении.

«Неужели он сам это видел?» Наверняка этот плакат не укрылся от его взора, но он не выказал ни малейшего удивления или досады. Народ, который он еще вчера оберегал ценой собственного дыхания, сегодня с улюлюканьем выставил его на позорный столб.

Резкий порыв ветра заставляет меня сильнее укутаться в толстовку Артура. Оседаю на корточки, обхватив колени руками; моё дыхание мгновенно тает в воздухе блеклыми облачками пара.

Мне до безумия хочется проникнуть в его разум, прочесть мысли, в щепки разнести ту ледяную стену, которой он отгородился от меня, и заставить его выплеснуть пожирающую внутренности муку. Хочется снова отыскать в нем того человечного парня, которого я узнала в самом начале. Но вместо этого он заперся в глухом панцире, и как бы я ни билась, мне не пробить эту броню.

— Говорят, он проявил нечеловеческую жестокость.

— Нечеловеческая жестокость — это еще мягко сказано.

До моих ушей доносится приглушенный пересуд двух женских голосов. Слегка высовываю голову из переулка и замечаю их: девицы застыли у самого края мостовой. Одна затягивается папиросой, вторая подпирает плечом невысокое ограждение. Ни одна из них меня не приметила, так что я замираю, моля Небеса остаться невидимой.

Первая крутит сигарету между пальцами:

— Какая тварь способна поднять руку на собственного отца и зарезать его? У него вместо сердца кусок льда.

Вторая тяжело вздыхает:

— Его обязаны поймать в кратчайшие сроки и вздернуть на плахе. Надо же, как ловко прикидывался святошей, вся его доброта была лишь дешевым фарсом… А ведь ходил среди нас, под самым солнцем.

Они рассуждают со стопроцентной уверенностью в собственной правоте, даже не догадываясь о том, как этот «монстр» два часа подряд бился в судорожных, детских рыданиях, когда к нему вернулась память о содеянном, не ведая о его абсолютном надломе.

Жестокий? Бездушный? Ловкий обманщик?

Нет. Ничего из этого не имеет отношения к Артуру. Пока их безжалостные языки продолжают мешать его с грязью, я завороженно созерцаю объявление перед собой. Протягиваю руку и с корнем срываю листок со стены, бережно сжимая его в ладонях; даже на этом позорном бланке я вижу лишь благородство и нежность его черт.

Внезапный шорох справа заставляет меня мгновенно подпрыгнуть на месте: на мусорном баке примостился серый кот, лениво вылизывающий лапу.

«Брысь, котик, сиди тихо», — отчаянно молю я его про себя. *«Не вздумай шуметь, умоляю»*. Но животное одним махом спрыгивает на землю и принимается с громким мяуканьем тереться о мои ноги. Я судорожно глажу его, пытаясь заставить замолчать, но две тени уже нависают надо мной. Они меня нашли.

То, с каким липким подозрением они буравят меня взглядами, заставляет меня в секунду позабыть обо всех наставлениях Артура.

Одна из них замечает сорванный плакат в моих руках.

— Пожалуй, нам лучше убираться отсюда. — Она толкает подругу локтем в бок, увлекая за собой. Они стремительно ретируются, словно я поражена какой-то заразной проказой.

Дурное предчувствие ледяной хваткой сжимает внутренности. Поднимаюсь на ноги, выглядываю из переулка и едва замечаю, как они подлетают к ближайшему посту солдат, сердце испуганной птицей взлетает к самому горлу. Одна из девиц вскидывает руку, указывая пальцем прямо на меня.

С трудом сглатываю вязкую слюну, дикая паника затапливает разум, лишая способности соображать. Бежать нельзя — это лишь укрепит их подозрения, и за мной мигом устроят погоню. Моего лица жандармы знать не должны… по крайней мере, я на это уповаю. Не знаю, удосужился ли дворец растиражировать мои снимки в списках разыскиваемых соучастников.

Один из солдат, крепко сжимая в руках винтовку, направляется прямиком к моему убежищу.

Что мне делать? Я не могу пошевелить ни суставом, не в силах сообразить, как спасти свою шкуру.

Думай, Лавиния, думай! — Барышня.

Кровь стынет в моих венах. Солдат уже вырос передо мной, сократив дистанцию до минимума и буравя меня допрашивающим взглядом. Чувствую, что земля уходит из-под ног.

— Вот ты где, я едва закончил собирать медикаменты! Идем скорее, иначе мы опоздаем. — Хриплый, до боли знакомый бас ломает эту гробовую тишину.

Стражник полностью загораживает мне обзор, поэтому я вытягиваю шею и сталкиваюсь взглядом с Ранталом.

Он крепко держит в руках два забитых пластиковых пакета, а сам укутан в тяжелое пальто. Вокруг его шеи плотно намотан черный шарф. Волна безумного облегчения накрывает меня, заставляя губы растянуться в слабой улыбке.

Он протягивает одну из сумок в мою сторону:

— Ну и чего ты застыла? Живее, на улице лютая стужа.

Он обращается ко мне? Его глаза красноречивее любых слов призывают меня подыграть. *Он спасает меня…* Согласно киваю. Спешно обхожу гвардейца и забираю у старика тяжелую ношу.

Рантал награждает солдата ледяным, колючим взором:

— Желаете устроить нам обыск? У нас куча дел.

— Эта девица с вами? — чеканит тот в ответ.

— А это теперь считается преступлением? — ворчит старик.

Я застываю в изумлении от того, с какой абсолютной непринужденностью он ставит на место вооруженного бойца. После короткой словесной перепалки жандарм всё же отступает, позволяя нам уйти, но его тяжелый взгляд продолжает буравить мою спину с такой настойчивостью, что мне становится не по себе. Сомневаюсь, что он купился на байку Рантала.

Подтягиваю ноги к груди, глубоко утопая в подушках мягкого кресла. Рантал своей привычной прихрамывающей походкой приближается к столу, удерживая в руках поднос. Он опускает его на деревянную поверхность прямо передо мной и

устраивается в кресле напротив. Он принес чашку дымящегося горячего шоколада и сухое печенье.

— Я не хотела обременять тебя своим присутствием, — признаюсь я робким шепотом. — Скажи… Придворная дама в порядке? — Нервно покусываю губу.

— Как насчет того, чтобы для начала согреться? — Он привычным движением поправляет линзу у правого глаза. — Она будет в полном порядке, если ты сбережешь свою шкуру. Живее, пей шоколад.

— Я не могу задерживаться. Я дала обещание… — Прикусываю щеку изнутри.

— Артуру?

В его голосе нет ни капли осуждения или упрека. Ему, разумеется, доподлинно известна вся изнанка этой истории, но на его лице не проступает ни страха, ни тени подозрения. В конце концов, он никогда в жизни не стал бы ввязываться в драку с патрулем и вырывать меня из рук гвардейца, не будь он на нашей стороне.

— Давай, поешь хоть немного. Каждую нашу встречу ты кажешься мне всё более истощенной, — ворчит старик. Наклонившись к столу, он поддвигает поднос ближе ко мне. — Тебе в любом случае заказан путь назад в тот переулок. Это слишком подозрительно, и тот стражник, что преградил нам дорогу, наверняка взял тебя на карандаш.

Он прав. Я в своей панике совершенно упустила это из виду. Но ведь Артур будет покорно ждать меня в том тупике, и когда обнаружит пустоту, случится катастрофа. Запускаю пальцы в волосы. *«У меня нет ни единого способа подать ему знак, что мне делать?»* Поднимаюсь на ноги:

— Я обязана вернуться, обещаю быть предельно осторожной. Не стану подходить близко, затаюсь на расстоянии.

Он недовольно качает головой, собираясь жестко осадить мой порыв, но два резких, тяжелых удара в дверь заставляют нас обоих испуганно вздрогнуть. Мне нельзя попадаться на глаза ни одной живой душе, меня вообще не должно быть в этом секторе. Я мгновенно вжимаюсь в потайной угол за массивным стеллажом, пока Рантал поднимается с кресла и направляется к дверям.

Скрежет поворачивающегося замка, а затем — резкая волна холода, которая буквально леденит мне лодыжки. *«А что, если это тот самый стражник?»* Он мог выследить нас, мог не поверить в байку старика. То, с каким липким подозрением он буравил меня взглядом, явно намекало: гвардеец так просто это не оставит и теперь вернулся с подкреплением.

Напрягаю слух, лихорадочно пытаясь уловить хоть каплю разговора, но не слышу ни единого звука. Дверь захлопывается, и я окончательно теряюсь в догадках. *«Кого он впустил в дом в гробовом молчании?»* — Выходи, прекрасная девица. — Рантал вырастает передо мной с абсолютно невозмутимым лицом. — Твой рыцарь явился, чтобы лично забрать тебя.

Артур стоит прямо за его спиной. Из груди вырывается рваный вздох облегчения, но он тут же застревает в горле, едва я замечаю, насколько мрачное лицо Артура. Он мертвой хваткой сжимает кулаки по швам, рывком сдергивает маску, и каждая клеточка его лица буквально кричит от ярости.

— Я же велел тебе не вязнуть в неприятностях, — чеканит он каждое слово так, словно его язык горит живым огнем.

— Я не… — вздыхаю я. — Я уже собиралась повернуть назад, но там оказался солдат, который…

— Мне вообще не следовало поддаваться на твои уговоры, — жестко обрывает он меня на полуслове, прахом развеивая любые мои попытки оправдаться. — Рантал, прошу прощения, я не желал подставлять тебя под удар. Мне жизненно необходимо доставить одно письмо Эдоардо, во дворец. — Он опускается на диван и извлекает из кармана чистый сложенный лист.

Я застываю в углу, затаив дыхание.

Рантал своей прихрамывающей походкой бредет к верстаку:

— Я принесу тебе ручку и королевскую печать, которую Анджелина оставила мне для весточек, что я шлю ей во дворец. Ты пиши, а обо всем остальном я позабочусь сам.

Скорбь, в которой я тону, застилает мне разум туманом. Он сидит там, сжимая в пальцах свое письмо, — так близко, но одновременно бесконечно далеко от меня, на расстоянии световых лет.

— Я ничего не понимаю, — повышаю я голос, не в силах сдерживаться. — Я всего лишь пытаюсь тебе помочь, но ты делаешь всё, чтобы я чувствовала себя лишней. Словно… словно…

Он упорно гипнотизирует взглядом свое письмо и с пугающей легкостью роняет слова, которые раскаленным лезвием прошивают мне сердце:

— Лавиния, то, что я притащил тебя сюда, было моей самой роковой ошибкой.

Оглушительная, парализующая тишина затягивает меня в свой омут. И я, и он прекрасно сознаем, что под этим «сюда» подразумевается вовсе не вылазка из бункера и не дом Рантала, а нечто куда более глобальное. Он вернулся к самому истоку — к той секунде, когда наши судьбы завязались в один смертоносный узел.

— Я проклинаю этот миг каждую минуту, — добавляет он твердым, леденящим голосом, который резко контрастирует с неукротимой дрожью, бьющей всё моё существо.

«Как он может говорить такое?» Зрение плывет от слез, которые я принципиально не желаю проливать на его глазах; до крови вонзаю ногти в ладони и в гробовом безмолвии ухожу вглубь коридора, скрываясь в помещении лечебницы. Гордость не позволяет мне показать, насколько глубоко я ранена.

Стоит мне переступить порог и запереться изнутри, как воспоминания, въевшиеся в каждый здешний предмет, мертвой хваткой берут меня в заложники.

«Именно здесь Артур поцеловал меня в самый первый раз». Одинокая слеза катится по щеке к подбородку, и я бессильно опускаюсь на край постели.

Я знаю, что на деле он так не думает. По крайней мере, мне жизненно необходимо в это верить. Он проживает свой личный ад, именно в этом кроется причина его жестокости. *«Он не ненавидит тебя, он не способен на это. Всё хорошо»*.

Тихо постучав, Рантал приоткрывает дверь и заглядывает внутрь:

— Ты плачешь, прекрасная девица? — спрашивает он негромко.

Отрицательно качаю головой, не разжимая губ. Боюсь, что стоит мне открыть рот, и сорвавшийся голос выдаст меня с потрохами. Старик подходит ближе и опускается на матрас рядом со мной.

Он тяжело вздыхает, ладонью массируя свое правое колено:

— Каждую вашу вылазку сюда вы встречаете в штыки, но после неизменно уходите в полном мире. Так бывает всегда.

Когда по тем или иным причинам я отдалялась от него или уходила в глухую оборону, Артур всегда безошибочно находил ключ, способный разнести любые барьеры,

и брал меня за руку. Я на такое не способна. Он отталкивает меня, и я просто опускаю руки, бессильная оставаться рядом.

— Он не злится на тебя.

Я перевожу взгляд на Рантала с горькой, вымученной улыбкой:

— О нет, он именно что в бешенстве. — Как я и опасалась, голос предательски дрожит.

— Видишь ли, прекрасная девица, — старик мягко опускает ладонь мне на плечо, — порой, когда мы любим кого-то до безумия, мы начинаем испытывать дикий страх и отталкивать этого человека. И вовсе не потому, что он внушает нам ужас, а оттого, что нас до смерти пугает тот смысл, который жизнь способна обрести рядом с ним.

Но слова Артура до сих пор сидят во мне острыми иглами.

— Он сказал совсем иное.

— Ну, наш мальчик явно не великий мастер изящной словесности, как я погляжу…

Это замечание вырывает у меня блеклое подобие улыбки. Рантал переносит ладонь, сжимая мои пальцы в своих, и его сухое тепло проникает в каждую клеточку моего тела. Глубокие морщины у глаз прорезают его лицо, когда он переводит взгляд на закрытую дверь:

— Любовь — это своего рода душевный недуг, который начисто лишает человека рассудка и трезвости суждений. И в твоем присутствии Артур попросту не в состоянии отличать черное от белого.

— Ты действительно всё это видишь?

— Да это даже слепец бы разглядел.

Мгновенное облегчение хоть немного ослабляет те тиски, что сжимали меня все эти дни. Я чувствую себя невесомой, точно сухой лист, сорвавшийся в свободный полет по небу.

Успокоившись, с влажными от слез и путающимися мыслями глазами, я крепче сжимаю пухлую ладонь Рантала в своей.

— Знаешь, мне бы так хотелось, чтобы ты появился в моей жизни гораздо раньше, — признаюсь я со всей искренностью.

Рантал отвечает на мой нажим:

— Существует предельно четкая причина, по которой наши дороги пересеклись именно в эту секунду. Ничего в этом мире не происходит наобум.

«И то верно».

— Мне крупно повезло, — соглашаюсь я. Когда-то я проклинала тот день, когда Артур обманом уволок меня в свое измерение, и всеми фибрами души мечтала вернуться в свою реальность. Жаждала забиться в стены того ветхого, полуразрушенного дома, ведь именно там был мой привычный мир.

Но теперь, без людей, которых я узнала в этой вселенной, тот дом кажется мне абсолютно пустым. Я и подумать не могла, что способна отыскать свое истинное место где-то на чужбине, пока воочию не соприкоснулась с этим теплом, так похожим на искреннюю заботу настоящей семьи.

— Рантал, даже если мое появление здесь — лишь нелепая случайность и ошибка курса, я бесконечно благодарна тебе за каждое твое наставление и за ту безусловную любовь, с которой ты всегда меня принимал.

Я знаю, что истинный смысл, сокрытый за этими речами, останется для него тайной.

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь, прекрасная девица, но я абсолютно уверен, что порция горячего шоколада в твоем желудке сейчас исправит дело. А ну-ка подъем, живее. — Он поднимается на ноги и мягко подталкивает меня к выходу.

То, с какой трогательной тяжестью он тащит за собой непослушную ногу, и вся неторопливость его движений вызывают во мне волну щемящей нежности.

Моя улыбка мгновенно гаснет, стоит мне наткнуться взглядом на затылок Артура. Его пальцы с силой сжимают ручку с черными чернилами; он досконально проверяет каждый сантиметр написанного, прежде чем аккуратно сложить лист и запечатать его в конверт.

Прощание с Ранталом и возвращение в эту ледяную стужу почти презрительного безмолвия заставляют меня вновь почувствовать себя пустым местом. Письмо осталось у старика; он лично убедится в том, чтобы передать его в руки Придворной дамы, а от неё весточка без труда дойдет до адресата.

Я покорно следую за стремительным шагом Артура, шагающего впереди; к счастью, проулок освещен фонарями, иначе я бы уже раз десять растянулась на камнях. Ливень омывает бетон, превращая асфальт в скользкое месиво. На секунду замедляю ход, озираясь по сторонам: никто не обращает на нас внимания, прохожие слишком поглощены своими шкурными заботами, чтобы смотреть на чужаков.

Ни одна живая душа вокруг и близко не подозревает, что самый опасный и разыскиваемый преступник всей нации спокойно и беспрепятственно разгуливает у них под носом.

Все стены до отказа забиты ориентировками с лицом Артура. Я уверена, что это зрелище причиняет ему колоссальную боль, но пока он не позволяет мне даже открыть рот, мне остается лишь безмолвно созерцать его со стороны.

Внезапно он резко разворачивается ко мне. Его глаза упорно избегают моих.

— Не останавливайся, — шепчет он едва слышно, не снисходя до дальнейших разъяснений. И снова устремляет взор на дорогу. Спустя пару минут до моего разума наконец доходит истинный смысл его приказа.

Военный фургон, забитый вооруженными до зубов солдатами, несется по встречной полосе. Он проносится на бешеной скорости, и в ту секунду, когда машина равняется с нами, я судорожно задерживаю дыхание. Бойцы даже не смотрят в нашу сторону, словно вихрем мчатся на перехват кого-то другого.

Делаю глубокий выдох облегчения и продолжаю свой путь сквозь стужу.

Вирджиния

Наблюдаю за тем, как новый Король нашей нации размеренно поправляет галстук перед зеркалом, и та звенящая пустота, что залегла в его глазах, заживо сжирает любые крупицы света вокруг. Пальцы мертвой хваткой сжимают бархатную подушечку, на которой покоится золотой венец, пока я безмолвно ожидаю, когда он останется доволен своим отражением.

«Отныне ты будешь прислуживать Его Величеству Эдоардо, и я не потерплю никаких возражений, Вирджиния».

Я до сих пор не могу взять в толк, с какого перепугу Дама освободила меня от всех прежних обязанностей ради того, чтобы приставить к Его Высочеству. Я никогда в жизни не вожделела подобной участи. Меня целиком устраивала работа на кухне, подача чая, уборка покоев… да что угодно, только не это.

Любая работа, лишь бы она не рассматривал необходимость иметь дело с этим человеком.

Два резких удара в дверь, и гвардеец провозглашает вход нового Верховного жреца. Только этого палача нам не хватало. Если его предшественник действовал ради шкурных экономических и сословных интересов, то эта тварь — просто садист и приспособленец. Учитывая чрезвычайное положение, он соизволил не казнить Эдоардо и возложить на него венец, несмотря на проваленные тесты; но теперь принцу придется пустить кровь собственному брату, если он сам желает жить. Разумеется, остальные аристократические кланы единодушно поддержали решение не избирать новую правящую династию — ни одна живая душа не хочет рисковать шкурой и сходиться с Артуром в открытом бою.

— Пусть войдет, — дает добро Эдоардо.

Вот и он: мышастые седые волосы зализаны назад, на запястье поблескивают баснословно дорогие часы, а на плечи наброшена белоснежная сутана прежнего Верховного жреца. В пальцах он сжимает резной посох — символ своей абсолютной власти.

— Ваше Величество. — Он приветствует его коротким, этикетным поклоном.

Даже его голос вызывает физическое омерзение. — Мне бы хотелось, чтобы мы остались наедине. Я располагаю важнейшими сводками о присутствии предателей в стенах этого дворца — приспешников нашего заклятого врага.

Прекрасно понимаю, что моё присутствие здесь более не уместно. Собираюсь развернуться и покинуть покои вместе с остальной прислугой, но леденящий голос Эдоардо заставляет меня прирасти к полу:

— Вы можете говорить всё, что сочтете нужным, прямо сейчас. Я слушаю.

Возвращаюсь на исходную позицию: спина прижата к стене, взгляд устремлен в пол, а на лице — каменная, непроницаемая маска придворного этикета.

— Их двое, и мы предадим их публичной казни. Это станет доходчивым уроком для любого, кто вздумает укрывать беглеца, и не только… Это заставит его самого выйти из тени.

То, с каким упоением он рассуждает об убийстве двух живых людей, вызывает у меня тошноту. У этой твари извращенный, больной разум, и с первой секунды своего появления во дворце он только и делает, что двигает людей, словно бездушные пешки на шахматной доске.

— И кто же они?

— Придворная дама и её старик-отец. Последнего наши штурмовые отряды извлекли из его лачуги несколько часов назад. Будет здесь с минуты на минуту.

Мне требуется призвать на помощь всю свою волю, чтобы не выпустить из онемевших пальцев бархатную подушечку, которую я сжимаю в руках.

— Придворная… дама? — Даже Эдоардо застывает, застигнутый врасплох. Слегка приподнимаю голову, стреляя глазами в его сторону, и мертвой хваткой цепляюсь за мысль, что он ни за что на свете не поверит бредням безумного Жреца. Не поверит. Это просто невозможно.

— Улики, которыми мы располагаем, неопровержимы. Она лично способствовала их побегу, своими глазами видела, как её челядь вытаскивала его через оконный проем, и умышленно направила гвардейские отряды в противоположную сторону. Камеры наблюдения зафиксировали каждый её шаг. Вот как этот ублюдок ускользнул из цитадели, не будучи схваченным, вместе со своими соучастниками. Смею

утверждать, что Дама знала обо всем с самого начала… Она обязана была растить его, доподлинно ведая о его истинной, проклятой сущности. До каких же пределов способно прорастать Зло! Уму непостижимо.

С трудом сглатываю вязкую, сухую слюну. Это абсолютный бред, всё это — голая ложь. Она никогда в жизни не знала, кем на самом деле является Артур, она нянчила его точно так же, как нянчила самого Эдоардо. Из какой бездны он выковыривает эти безумные обвинения?

— И это еще не всё. Сегодня отца Придворной дамы застукали в компании подозрительной девицы. Он притащил её в свой дом и… представьте себе: бойцы патруля предоставили описание, точь-в-точь совпадающее с приметами той беглой служанки, которую мы ищем по всем секторам. Это окончательное подтверждение того, что девка — соучастница Зла, и никто не принуждал её к содействию. Они все в одном синдикате с ним.

Эдоардо судорожно хватает рот воздухом, словно в комнате резко выкачали весь кислород. Жрец приближается к нему вплотную и по-хозяйски опускает ладонь на его плечо:

— Вы потрясены, я вижу. Что ж, я могу понять сентиментальную привязанность… В конце концов, Дама — ключевая фигура в этих стенах, но именно поэтому законы государства должны карать еще жестче и непреклоннее. Вы ведь не желаете получить новый нож в спину?

Скрежещу зубами от бессилия. Эта тварь безошибочно бьет по самым оголенным, кровоточащим ранам, вертит чужой болью как ему вздумается и подливает бензин в этот адский пожар. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить, насколько Эдоардо сейчас эмоционально изломан и нестабилен; Жрец прекрасно это видит и хладнокровно оборачивает эту слабость в свою пользу.

— Мы предпримем всё, что необходимо. — Эдоардо резким движением сбрасывает ладонь Жреца со своего плеча, и его голос звучит без малейшего намека на колебание. — Мы докопаемся до истины и защитим нашу нацию.

На лице Жреца расплывается сытая, довольная ухмылка:

— Золотые слова! Завтра утром мы вынесем вопрос о казни на голосование перед остальными членами Совета. С вашего дозволения. — Он спешно откланивается, и я остаюсь один на один с Эдоардо.

Воздух в покоях буквально наэлектризован от дикого напряжения. Вскидываю глаза и натыкаюсь на тяжелый взгляд Эдоардо, устремленный на меня и сочащийся яростью. Я с трудом сдерживаю себя, хотя изнутри меня всю выжигает дикое желание взбунтоваться.

— У тебя такой вид, словно ты сейчас взорвешься, — комментирует он сухо. — Валяй, говори.

— Вы действительно верите этому палачу? Позволите предать их казни?

Он безразлично пожимает плечами:

— Если события действительно разворачивались так, как он малюет, у меня просто нет иного выхода.

— Придворная дама вырастила вас! Как у вас вообще поворачивается язык рассуждать о том, чтобы запереть её в казематах и позволить Совету вздернуть её за измену?!

— Таковы законы нашей державы.

Испуганно моргаю, потрясенная до глубины души.

— Придворная дама, — повышаю я голос, даже не отдавая себе в этом отчета, — всегда оберегала вас как собственного сына! Она бы в жизни не содрала с вас ни единого волоска!

На его губах проступает горькая, изломанная улыбка:

— Ну конечно. Артур тоже когда-то божился, что будет защищать меня до последнего вздоха.

Чем дольше я всматриваюсь в его черты, тем отчетливее вижу, как он буквально рассыпается в прах на моих глазах. Он разворачивается к зеркалу, механическим движением поправляет узел галстука и снова уходит в свое безмолвие, густо населенное темными тенями. Ощущение такое, будто после ухода Артура абсолютно всё в этом мире потеряло для него малейший смысл.

Словно… — Корону, — чеканит он ледяной приказ.

Приближаюсь к нему, разбитая в пух и прах.

…каждый человек… Он бесстрастно гипнотизирует меня взглядом, ожидая, когда я, подчиняясь регламенту, поднесу ему венец.

…способен… С глухим отвращением опускаю подушечку на тумбочку, перехватываю золото пальцами, пока бриллианты ловят крупицы света, взрываясь яркими искрами.

…предать его… Его абсолютное одиночество просто обезоруживает.

…и убить. Вытягиваюсь на цыпочках и бережно опускаю золотой венец на его голову — безмолвная свидетельница Короля, который заживо хоронит собственные чувства и муки, низвергая их в бездонный омут вечного забвения.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 39

Лавиния

Стоит нам переступить порог подземного убежища, как мы натыкаемся на Элайджу: он поджидает нас с факелом в руке, а тяжелая тень на его лице не сулит ничего хорошего.

— Я уже собирался идти на ваши поиски. Ситуация снаружи обострилась, — серьезно сообщает он.

Артур рывком сдергивает маску:

— Что стряслось?

Элайджа намертво блокирует бронированную дверь, после чего делает нам знак следовать за ним в гостиную. Я не могу взять в толк, что способно вызвать такую дикую панику в Элайдже: он не был настолько взвинчен даже тогда, когда его приговорили к смертной казни и заперли в казематах без капли воды и корки хлеба.

«Неужели они вышли на наш след?» Не отводя глаз от мониторов системы наблюдения, он протягивает руку к столу и хватает маленький серый радиоприемник, выпрямляет стальную антенну и крутит ручку, ловя частоту.

Глухой, приглушенный звук, разрываемый треском помех, пара секунд гробовой тишины — и вдруг раздается голос, заставляющий меня испуганно вздрогнуть. *Эдоардо.* — Как уже провозгласил Верховный жрец, моё восхождение на престол знаменует собой начало новой эры. Эры, очищенной от скверны лжи, предательств и голода.

«Моё восхождение на престол… Он надел корону».

Артур рядом со мной издает короткий, прерывистый выдох.

— Ты всё-таки жив, — шепчет он, и волна безумного облегчения озаряет его лицо.

Это экстренная пресс-конференция? Щелчки затворов фотокамер и характерный свист микрофона не оставляют в том сомнений. Раз уж в такой поздний час он изволил обратиться ко всей нации, дело принимает критический оборот.

— Считаю жизненно важным подчеркнуть: дабы священный мир восторжествовал над Злом, законы нашей державы отныне станут еще суровее и беспощаднее. Мы обязаны проявить абсолютную непреклонность, дабы вырвать с корнем — как и предрекали наши великие предки — существо, которое рождается вновь с единственной целью: сеять хаос и разрушение.

Хмурю брови. Речь словно написана под диктовку тех сумасшедших фанатиков-Жрецов. Его тон звучит уверенно и жестко, а на заднем плане взрываются восторженные рукоплескания толпы.

То, в какой манере изъясняется брат Артура, заставляет меня покрыться мурашками.

— Вырвать с корнем? — эхом повторяю я. Элайджа предостерегающе приподнимает ладонь, безмолвно призывая обождать: кажется, худшее еще впереди.

— Наше следствие неопровержимо доказало, что у Зла есть соучастники, и некоторые из этих тварей годами укрывались в самом сердце нашего дворца.

Сердце сжимает мертвая хватка. Он говорит обо мне, я знаю это наверняка… Скоро наши с Элайджей лица украсят те позорные бланки, что я видела в городе. Они запустят форменную охоту на ведьм.

— Я официально объявляю Лавинию Лайен и беглого узника по имени Элайджа сообщники в преступлениях Зла против человечества. Как таковые, они подлежат

немедленной поимке и публичной казни. Каждому, кто доставит их живыми или мертвыми… гарантирована колоссальная награда.

Паника внутри меня разрастается с новой силой. Я знала, что этот час рано или поздно настанет, я ждала этого… более того, я была уверена, что нас давно приговорили. Лицо Элайджи далеко от невозмутимости, он слушает радио, полностью уйдя в себя. Разум подсказывает, что главная катастрофа еще впереди.

— Он не прочел письмо… — встревоженно бормочет Артур.

Эта весточка, содержание которой мне неведомо, кажется единственной нитью, связывающей Артура с реальностью. Он пошел на крах своего затворничества, рискнул шкурой, лишь бы доставить её в цитадель.

Даже если я стану умолять его открыть правду о написанном, он не проронит ни слова. Не сейчас, не после тех жестоких речей, что он выплюнул мне в лицо.

Вдруг Элайдже известен смысл этого послания… — Но список предателей на этом не исчерпан. — В эфире раздается секундная пауза, слышится шорох бумажного листа, затем Король вновь прочищает горло: — С глубочайшим прискорбием я вынужден констатировать, что злейшие враги всё это время находились ближе, чем мы могли предположить. Рантал Йиферд и его дочь Анджелина Йиферд, долгие годы с честью занимавшая пост Придворной дамы, обвиняются в содействии побегу и предоставлении убежища Злу.

Ощущение такое, словно меня заживо душат в петле. Эти имена болезненным набатом бьют по моим барабанным перепонкам. Этого просто не может быть.

— Завтра утром Руководящий совет официально вынесет смертный приговор за измену родине.

Острый клинок обиды с корнем вонзается в самую хрупкую, надломленную часть моей души. Трансляция резко обрывается, и я соскакиваю с дивана. Встречаюсь взглядом с Элайджей: вот о какой трагедии он предупреждал.

Запускаю пальцы в волосы, испуганно качая головой, пока дикое отрицание выжигает мне каждую мышцу.

— Это не может быть правдой!

Перед глазами вспышкой проносится силуэт военного фургона, забитого солдатами, который на бешеной скорости несся в противоположную от нас сторону — прямиком к дому Рантала. Проваливаюсь в липкий омут страха, дыхание становится рваным, а сердце колотится как безумное.

— Уймись. — Голос Артура лишь подливает бензин в этот адский пожар.

Невозмутимый и далекий, он кажется абсолютно безразличным к тому кошмару, что мы только что услышали. Придворная дама нянчила его с пеленок, Рантал приютил и вытащил из петли не один раз.

Но он застыл передо мной — холодный, недосягаемый, точно каменное изваяние.

— Уймись?! Он приговорил их к плахе! — Одно осознание этого лишает меня рассудка.

— Он не убьет их.

— Да перестань ты выгораживать этого монстра! — взрываюсь я.

Артур не двигается с места, буравя меня своими пустыми радужками. *С каких пор он превратился в… это?* Элайджа поднимается с кресла, сокращает расстояние и мягко поглаживает меня по плечу.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Внутри меня закипает дикая лавина эмоций: я балансирую на грани между яростью, паникой и удушающим омерзением. Не могу успокоиться, не в силах соображать, не могу поверить в происходящее.

— Этот монстр — мой родной брат, и он стоит выше всего на свете.

— О, это я уяснила слишком безупречно. Ты швырнул меня с моста в бездну, лишь бы остаться преданным ему. — Жгучая, вековая обида клокочет во мне. — Очевидно, ты бережешь остатки своей человечности исключительно для его шкуры, но этот человек, ради которого ты готов сдохнуть, только что обрек Даму и Рантала на лютую казнь.

Он недовольно цыкает языком, вскидывает глаза, и я вижу звенящую пустоту, залегшую в тех медовых ирисах, которые когда-то считала своим единственным домом.

— За всем этим стоит колоссальная государственная машина, Эдоардо не просыпается поутру с навязчивой мыслью просто так резать людей на плахе. Ты и близко не соображаешь, какие шестеренки приходят в движение, поэтому закрой рот и прекрати эту чертову истерику.

В наступившей тишине слышится лишь рваный шум нашего дыхания, прежде чем я принимаюсь яростно хлопать в ладони — устраивая ему шутовские, полные концентрированной желчи рукоплескания. Жесткая ладонь Элайджи перехватывает моё запястье, заставляя остановиться.

— Давайте не будем терять самообладание. Мы прекрасно знали, что они нанесут ответный удар, теперь нам остается лишь приложить все силы, чтобы… не допустить непоправимого.

— Я знаю наверняка, что Эдоардо не пойдет на их казнь, он в жизни не содрет ни единого волоска с Придворной дамы. — Эта его слепая, фанатичная уверенность выводит меня из себя. До крови вонзаю ногти в ладони, я в полном бешенстве.

— Великолепно, теперь-то мне стало куда спокойнее, — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

Его тяжелый взгляд буквально пригвоздил меня к месту:

— Ты долго еще планируешь перебивать меня и исходить злобой?

— Я еще даже не начинала.

Элайджа приподнимает ладонь, призывая к порядку:

— Ребята, так мы ничего не решим. Лавиния, прошу тебя, позволь ему высказаться.

Делаю судорожный вдох и выдох; плечи натянуты как струны, губы сжаты в тонкую линию. Горько киваю, хотя внутри меня всё клокочет от ярости.

— Я убежден, что заявленная им казнь не состоится, поскольку брат послал мне скрытый сигнал между строк. Он подчеркнул, что завтра утром приговор будет оглашен перед Советом, верно?

Элайджа согласно кивает.

— Тут два неопровержимых маркера: во-первых, эта канцелярская деталь абсолютно излишня, мы никогда не вываливаем регламент процедур черни; во-вторых, у нас с Эдоардо есть вековая традиция отправляться на охоту перед каждым заседанием Совета. Раз уж он акцентировал внимание на том, что Совет вынесет вердикт утром…

— Он закидывает тебе удочку, — Элайджа задумчиво почесывает подбородок. — Где именно вы обычно охотились?

— В лесной чаще к востоку от цитадели дворца. Он жаждет встречи, и чтобы донести эту мысль, использовал код, который понятен лишь нам двоим.

Мне трудно поверить, что Эдоардо ищет рандеву с Артуром ради трогательного семейного примирения.

— Это может оказаться банальной засадой, мы не имеем права ему доверяться.

Артур демонстративно игнорирует моё замечание, его глаза намертво прикованы к Элайдже — так, словно я для него пустое место. Пытаюсь укротить панику, хотя дикий страх удерживает в заложниках каждую мою мысль. Стоит мне надавить сильнее, и они попросту оставят меня за бортом.

Элайджа — оберегая мою шкуру, а Артур — просто чтобы я не путалась под ногами. В конце концов, то омерзение, что он ко мне питает, очевидно без лишних слов. Обида, которая кромсает моё существо на самом интимном, глубинном уровне, но которую я упрямо пытаюсь оправдать. *Он не ненавидит меня на самом деле.* — Что ж, если принять все меры предосторожности… мы можем рискнуть, но исключительно ради спасения двух невинных душ. Мы будем строго и неотлучно следовать моим правилам, всем всё ясно? — Элайджа переводит тяжелый взгляд с меня на Артуру.

Мы синхронно киваем в знак согласия.

Элайджа возвращается к своему рабочему месту, протягивает руку к ящику слева и извлекает карту, размашисто расстилая её перед собой.

Прежде чем они принимаются чертить план операции, я вскидываю глаза на Артура и озвучиваю ту единственную думу, что мертвой хваткой вцепилась в мой разум.

— Знай: если Эдоардо действительно посмеет отправить их на плаху, я лично выпущу ему кишки.

Вирджиния

Мои минуты сочтены; дежуривший на посту гвардеец был моим должником и пропустил меня тайком. Никому не дозволено посещать приговоренных — таковы новые порядки, установленные Верховным жрецом.

Я нахожу её там, за железными прутьями решетки. Она сидит на голом матрасе, облаченная в простую белую сорочку и скромные черные сандалии. Её голова вздернута к крошечному окошку под самым потолком, откуда пробивается жалкий лучик света. Это больше не та безупречная, величественная Придворная дама, чей стук баснословно высоких каблуков разносился на километры вокруг. Её волосы не собраны в строгую прическу, а тяжелыми волнами рассыпались по спине, и несколько седых прядей упали на плечи.

Прочищаю пересохшее горло:

— Дама.

Она оборачивается ко мне — собранная, царственная, словно находится не в леденящих, душных застенках, а в собственных покоях.

— Вирджиния, как дела во дворце? Моё отсутствие не наделало хлопот?

Отрицательно качаю головой:

— Вы не должны думать о нас, Дама. Мы вытащим вас отсюда, я… я говорила с Его Величеством. Я заставлю его одуматься, ведь он и сам не желает вашей казни за измену.

Она печально улыбается:

— Я знаю, Вирджиния. Абсолютно уверена, что Эдоардо в жизни не причинит мне вреда, я ведь вырастила его как собственного сына. — Она тяжело вздыхает. — Но ему позарез нужен человек, который будет напоминать, что у него есть выбор — кем и каким ему быть. Кто-то вроде тебя. Поклянись, что никогда не оставишь его, что бы ни случилось.

— Не говорите об этом, нам нужно вытащить вас на свобо…

— Поклянись мне. — Её голос мгновенно меняется, становясь суровым и непреклонным — точь-в-точь таким, каким она обычно отдавала приказы.

Испуганно моргаю, потрясенная тем, какая дикая, удушающая обреченность сквозит в её требовании. Словно речь идет о вопросе жизни и смерти. Собираюсь ответить, но тяжелый, размашистый грохот шагов заставляет меня оборвать речь.

Времени больше нет. — Говорят, у Совета есть запись, подтверждающая вину, неопровержимая улика. Верховный жрец лично возглавит заседание, и он настроен кровожаднее всех. Быть может, если… если вы объясните, что ничего не видели, а стража просто проявила халатность…

— Вирджиния, я не стану перекладывать свой грех на чужие плечи, — жестко обрывает она меня. — Я видела их побег и ни секунды не раскаиваюсь в том, что не кинулась наперерез. Схвати их гвардия — их бы давно предали лютой казни, а я бы не смогла коптить это небо, зная, что допустила такое.

Она на корню рушит любые мои попытки спасти её, полностью покорившись неизбежному року. И я не в силах взять в подкорку, откуда в ней эта звенящая легкость и полное отсутствие страха.

— Не смотри на меня так. — Её строгий тон смягчается едва приметной нотой нежности. — Всё хорошо.

Моя нижняя губа крупно дрожит, давая волю лавине эмоций, которую я больше не способна укротить.

— Ты просто сдалась, — осознаю я, и этот выдох сочится горькой обидой и отрицанием. В этой панике я окончательно забываю про этикет и перехожу на «ты». К горлу подступают слезы.

Скрежет проворачивающегося в замке ключа предваряет появление отряда солдат, вооруженных до зубов. Двое бойцов жестко перехватывают меня за плечи, пока третий распахивает решетку камеры.

— Что вы творите?! — ору я в полнейшем ужасе. — Суд назначен на завтрашнее утро! Что вы с ней делаете?!

В ответ — гробовое безмолвие. Даму с грубой жестокостью вытягивают на середину прохода и силой заставляют опуститься на колени прямо на песок. Едва я пытаюсь вырваться из тисков, как меня наотмашь дергают назад и волокут к выходу.

Взгляд Дамы на миг пересекается с моим, и её скорбная улыбка буквально убивает меня изнутри.

— Всё хорошо, Вирджиния, помни о нашей клятве.

Я готова поклясться чем угодно, что успела заметить одинокую слезу, покатившуюся по её щеке за секунду до того, как гвардейцы вышвырнули меня за дверь.

— Будешь совать нос куда не просят — отправишься вслед за ней! — рявкает Сафир, тот самый стражник, которого я умоляла о пропуске.

— Что они задумали, Сафир?! Ты ведь в курсе, да?! Завтра утром её обязан судить Совет, так почему именно сейчас…

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Слова застревают у меня в горле. Жуткий, свистящий мотивчик заставляет меня резко обернуться: из глубины коридора чеканным, уверенным шагом шествует Верховный жрец в окружении штурмовиков, сжимающих в руках винтовки. Преодолев разделяющее нас расстояние, он толкает тяжелую дверь, ведущую в самый глухой подвальный сектор казематов, но перед тем как спуститься, на миг застывает, гипнотизируя меня взглядом.

Он подмечает мои влажные от слез глаза, шок и дикую дрожь, бьющую моё тело, словно сухой осенний лист. Видит, что я принципиально не склоняю перед ним голову, лишенная малейшего подобострастия или уважения. Он фиксирует каждую деталь, но не роняет ни слова. Лишь кривит губы в едва заметной, порочной ухмылке и скрывается в темноте спуска. Солдаты тенью следуют за ним.

Зачем… зачем он спускается в подвалы в такой поздний час? Вскидываю глаза на Сафира, но тот трусливо прячет взор — точь-в-точь как убийца, бегущий от призраков собственного разума. И до моего сознания наконец доходит страшная догадка. Я могла бы закричать, орать до тех пор, пока весь дворец и вся нация не пробудились бы от моего вопля.

Гром. Резкий выстрел с корнем вырывает тишину подземелья.

Вздрагиваю всем телом.

Гром. Второй выстрел.

Воздух намертво застревает в моих легких, а пульс сумасшедшим набатом бьет по барабанным перепонкам.

Гром. Третий выстрел.

Я застываю, точно пригвожденная к каменным плитам пола, мышцы натянуты как скрипичные струны.

Тяжелая дверь распахивается, и из темноты выходит Верховный жрец, совершенно буднично поправляя обшлага своей белоснежной сутаны. Он двусмысленно подмигивает мне и как ни в чем не бывало удаляется прочь вместе со своим конвоем.

Я не знаю, из каких потаенных глубин выковыриваю крупицы мужества, чтобы ступить на эти ступени, но ноги сами несут меня вниз — прежде чем рассудок успевает сложить фрагменты той чудовищной картины, которую я до конца дней мечтала бы развидеть.

Изнанка этого склепа полностью опустошает меня.

Мой истошный, безумный крик разрывает каменные своды тюрьмы.

Артур

Солнце еще не взошло, непроглядная тьма окутывает лесную чащу, а ветер лениво шуршит по траве и кронам вековых деревьев. *«Эдоардо до сих пор нет».*

Элайджа, застывший по правую руку от меня, бдительно сканирует каждый куст тяжелым, суровым взором. Он не двигается. Я прижимаюсь к нему ближе, распластавшись на животе, впрессовав грудную клетку в сырую землю и вытянув ноги. Мы затаились за массивным стволом поваленного дерева, удерживая безопасную дистанцию в строгом соответствии с планом, который начертили в убежище.

Слегка приподнимаю голову: Лавиния примостилась на ветке исполинского дерева прямо над нами, крепко сжимая в пальцах бинокль. Я позволил ей отправиться с нами лишь на одном условии — она займет позицию дозора. Это безопасная высота,

неуязвимая для внезапных атак и идеальная для перехвата любого подозрительного движения.

Её лоб прорезала глубокая складка, а плечи окаменели. Обида удерживает её сердце в заложниках, а тревога сковала каждую черточку бледного лица. По тому, как крупно дрожит её нижняя губа, а кончик носа заалел, я безошибочно понимаю: она замерзает. Напрягаю всю свою волю, чтобы отвести взгляд до того, как наши глаза встретятся.

— Элайджа, — шепчу я едва приметным выдохом, чтобы она сверху меня не услышала. Сбрасываю с плеч тяжелую черную куртку, оставаясь в одной толстовке. — Лавиния жутко замерзла.

Протягиваю ему вещь, и Элайджа без лишних расспросов перехватывает ткань и поднимается во весь рост.

— Лавиния, накинешь еще одну куртку?

— Спасибо, Элайджа, ты буквально читаешь мои мысли. На этой ветке форменный ледник. — Чистый, хрупкий голосок, способный воспламенить каждую клеточку моего существа.

Элайджа снова ложится на землю рядом со мной, принимая прежнюю позу, и пристально всматривается в мое лицо.

— И долго ты еще планируешь внушать ей, будто питаешь к ней лютую ненависть?

«Внушать ей, будто питаю к ней лютую ненависть».

— Ни в одной из прожитых жизней, ни в одном из миров или обличий я бы в жизни не смог возненавидеть эту девочку.

— О, в этом я уверен лучше кого бы то ни было… поверь мне, — отзывается он тихо, и его голос звучит как единственный свидетель моих самых потаенных чувств. — Так зачем ты выстраиваешь этот фарс? В этом нет ни капли смысла… если только ты не отталкиваешь её ради того, о чем я думаю.

Он касается моего плеча, я поворачиваю голову, и наши взгляды сталкиваются на миг. Я выкладываюсь на полную, чтобы замаскировать тот океан боли, в котором заживо тону, но он без труда проходит сквозь мои заслоны и добирается до сути.

Его лицо мгновенно озаряется догадкой. Я снова устремляю взор на пустой горизонт.

— К тебе возвращается память. — Он осознает это с ликованием, которого я не разделяю. — Почему ты скрыл это от меня?

Мой разум действительно затопила лавина воспоминаний из прошлых перерождений — обрывки картин и звуков моей сущности в других сотнях прежних воплощений. Меня буквально разрывает от этих образов.

— Это лишь отдельные вспышки, ничего цельного.

Он недовольно качает командой:

— Твоя память еще не восстановилась до конца, иначе ты бы уже слился в единое целое с тем, кем являешься на самом деле — со Злом. Но это уже колоссальный прорыв! А значит… — он делает секундную паузу. — Ты обязан был увидеть её. — Он чеканит последнее слово, безошибочно нащупав самое слабое, уязвимое звено в моей броне.

Она. Лавиния.

— Закрыли тему, давай сосредоточимся на операции.

— Ты держишь её на дистанции лишь потому, что боишься намертво сковать её со своим проклятым роком. Ты задыхаешься от вины из-за нее.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Хмурю брови. С какого перепугу он читает мои мысли, словно раскрытую книгу? Он ухмыляется, будто услышал мой немой вопрос.

— Артур, я нянчил твое самое первое воплощение, я был твоим тюремщиком, кормил тебя и врачевал твои раны. Ты можешь перерождаться хоть сотню раз подряд, но твоя логика ни на йоту не изменилась с пор того десятилетнего мальчишки, которого собственный отец заживо замуровал за железной решеткой.

Меня пробирает ледяная дрожь.

— Я — это не он. — Я чеканю каждое слово с мучительной медлительностью. — Вбей это в свой кусок черепа и навсегда выжги любые безумные надежды на эту вендетту.

Я не помню ничего из тех событий, что развязали этот ад, и не испытываю ни малейшего желания вспоминать. Я до последнего вздоха буду противиться тому, чтобы вновь нажать на тот внутренний спусковой крючок, который лишает меня рассудка и позволяет инородной твари управлять моими действиями.

Что бы за скверна ни обитала внутри моей плоти, я никогда в жизни не позволю ей прорваться наружу.

Элайджа тяжело вздыхает:

— Я наивно полагал, что ты примирился со своим истинным «я», но мы слишком далеки от слияния того, кем ты был, с тем, кто ты есть сейчас.

— Я не намерен устраивать новые кровавые бойни.

Детали последних секунд жизни Короля Давида преследуют меня по пятам; что бы я ни делал, я физически вижу бурую кровь, стекающую по моим ладоням, и не важно, сколько часов я провожу под горячими струями воды… эти багровые пятна остаются на коже, равно как и этот удушающий запах. Хрип последнего вздоха Короля, паника, исказившая его старческие черты, и та неукротимая, звериная жажда мести, что вихрем неслась по моим венам.

— Рано или поздно ты примешь каждую часть своей души. — Та слепая убежденность, с которой звучит его голос, заставляет меня окаменеть от ужаса.

Кончики пальцев немеют от пугающего отстранения. Хаос, бушующий в моем разуме, подобен свирепому смерчу, который заживо сжирает любые крупицы уверенности, — яростный поток ветра, без конца путающий карты моих воспоминаний.

Мне тяжело сообразить, что из этого принадлежит мне, а что — чужое. Где истина, а где грандиозная ложь.

Картины прошлых воплощений намертво сплетаются с реальностью настоящего, а лавина противоречивых чувств застилает взор плотным туманом.

Но посреди этого безумия лишь одна деталь не сдвинулась со своего места ни на миллиметр — мои воспоминания об Эдоардо.

«Мы ведь братья, Эдоардо».

Тот день, когда он только явился на этот свет; его первые робкие шаги по бесконечным переходам дворца; день, когда я лично учил его держать эфес меча, и даже наша самая первая тайная вылазка за пределы замковых стен. Всё это высечено в моей памяти во всех деталях: наши распри, его строптивое упрямство, то, как неуклюже он пытался просить прощения, и даже та едкая ирония, которой он то и дело жалил каждого вокруг.

«Я никогда не оставлю тебя одного, тебе достаточно будет просто обернуться — и я окажусь рядом. Всегда».

Моё обещание до сих пор в силе, оно намертво впечатано в мою кожу и течет вместе с кровью. Оно не аннулируется ради мести Зла.

— Ни за что на свете… — шепчу я каждой клеточкой своего существа. — Ни за что на свете я не соглашусь пустить кровь собственному брату.

Элайджа делает резкий жест, повелевая мне заткнуться.

Гробовая тишина принимает мои слова, придавая им еще более священное, обрядовое звучание.

— Там кто-то есть… — голос Лавинии едва приметно царапает воздух над головой. — Кажется, всадник.

Напрягаю зрение, но ничего не вижу в утренних сумерках. Цель еще слишком далеко. Элайджа перехватывает винтовку, с щелчком досылает патрон в патронник и застывает в позе снайпера. Один его глаз прильнул к оптическому прицелу, левая ладонь подпирает ствол, а указательный палец замер на спусковом крючке. Знаю, что всё это — регламент нашего плана, но мне жизненно необходимо убедиться, что он принял мои условия.

— Не смей стрелять в Эдоардо.

В ответ — ни слова; он неподвижен как каменное изваяние, точно солдат на передовой.

— Элайджа, — цежу я сквозь стиснутые зубы. — Если ты посмеешь задеть его хоть вскользь…

— Я исполню твою волю, — цедит он, не отрывая взгляда от прицела. — Буду лишь уповать, что ты не проклянешь себя за это решение. А теперь — марш, твой брат уже на месте.

«Он пришел. Я знал, я был в этом уверен».

Киваю:

— Спасибо. — Поднимаюсь на колени. Вскидываю глаза на Лавинию и замечаю, что она неотрывно буравит меня взглядом, а в её лазурных радужках полыхает искра дикого страха. Склоняюсь к самому уху Элайджи, роняя финальный приказ: — Если дело запахнет керосином, уволакивай её отсюда силой.

Лавиния

Артур награждает меня последним, тяжелым взглядом, который медленно скользит по каждой черточке моего тела, и меня мгновенно затапливает волна той обжигающей дрожи, на которую способен лишь он один. Мне хочется выплеснуть ему тысячу слов, но он не оставляет мне ни единой секунды. Едва слышно шепчет что-то Элайдже; тот покорно кивает в ответ, после чего Артур стремительным шагом покидает наше укрытие.

Провожу глазами его удаляющийся силуэт. Дурное предчувствие ледяной змеей сворачивается в груди. Элайджа, в отличие от меня, собран и хладнокровен. Он сжимает в руках оружие, впившись глазом в оптику, а его указательный палец замер на спуске.

Прижимаю бинокль к глазам и ловлю фигуру Эдоардо, спешивающегося с коня. Он шагает вперед — судя по всему, без оружия — прямиком навстречу Артуру. Они замирают в нескольких шагах друг напротив друга.

Пульс срывается в сумасшедший галоп. *«Сколько бы я отдала за то, чтобы просто услышать их разговор».*

— Артур ведь будет следовать плану, верно? — повышаю я голос от нарастающей паники.

— Только теперь ты соизволила за него испугаться?

Опускаю на него тяжелый взгляд сверху вниз:

— Я боялась за него каждую чертову секунду, — отчеканиваю я. И это чистая правда… Вопреки всей моей ярости и его леденящей жестокости, разбросавшим нас по разные стороны баррикад, я физически задыхаюсь от удушья, зная, что его жизнь висит на волоске. — Он ведь не замышляет никакого безумства, скажи? Вы ведь не плетете заговоров у меня за спиной… Потому что клянусь — я способна разнести весь этот чертов чертеж к чертям.

— Лавиния, — его голос резко срывается, в нем проступает надлом. — Немедленно слезай вниз.

Почему? Хватаю бинокль и снова устремляю взор на горизонт. Шеренга из более чем сотни вооруженных до зубов всадников королевской гвардии лавиной несется прямиком к точке, где застыли Артур и Эдоардо.

— Спускайся, кому сказано!

Вздрагиваю всем телом. Опускаю ладонь на сырую ветку и одним рывком цепляюсь за ствол, спешно съезжая на землю. Эдоардо притащил за собой хвост, я так и знала.

Элайджа вскидывает винтовку, и оглушительный выстрел громом разносится по лесной чаще. Согласно нашему чертежу, это условный сигнал, призванный предупредить Артура о присутствии незваных гостей.

Снова приникаю к окулярам бинокля: Эдоардо активно жестикулирует руками, он явно взвинчен и паникует, в то время как Артур стоит неподвижно. С этой позиции он застыл ко мне спиной, и я не в состоянии разглядеть выражение его лица.

— Почему он не бежит?! — ору я, чувствуя, как сердце бьется у самого горла.

Гробовое молчание Элайджи лишь сильнее подливает бензин в этот адский пожар, но я отчаянно пытаюсь сохранить остатки веры.

— Стреляй еще раз! — Дыхание становится рваным, а удушающий страх давит на лопатки. — Давай же, Элайджа!

Элайджа снова вскидывает ствол и давит на спуск. Артур даже не вздрагивает.

«Он демонстративно нас игнорирует».

Мертвой хваткой сжимаю пластик бинокля от бессильной ярости, как вдруг замечаю, что впереди всей кавалерийской лавины на коне несется Верховный жрец. На крупе его лошади поперек седла переброшено безвольное тело, укутанное в белоснежную простыню. Подрываюсь на ноги, Элайджа зеркально повторяет моё движение, и его жесткая ладонь мертвой хваткой перехватывает мое предплечье еще до того, как я успеваю сделать шаг.

Жрец плавно осаживает жеребца с порочной, садистской ухмылкой на лице, после чего победоносно вскидывает руку вверх — и вся кавалерийская армада за его спиной застывает как вкопанная.

С гримасой глубокого, шкурного презрения он пинком сбрасывает укутанное тело на землю, и оно бесформенным мешком валится в грязную траву прямо к их копытам.

— Пусть горят в самом пекле ада Зло и все его приспешники! — орет он во всё горло, так что его истошный лай эхом разносится даже до нашего укрытия.

Простыня сбивается в сторону, обнажая нижнюю часть тела, и вид двух безжизненных, мертвенно-бледных ног заставляет меня мгновенно заледенеть от

ужаса. Дрожащими пальцами судорожно кручу колесико фокуса, выкручивая увеличение на максимум: ногти на пальцах мертвой женщины покрыты аккуратным лаком того самого алого цвета, который я уже видела во дворце. Резкий порыв ветра взметает верхний край полотна, полностью являя лицо.

И я ломаюсь.

Мой истошный, безумный крик разрывает воздух лесной чащи — так кричит новорожденный младенец, делая свой самый первый глоток кислорода: дикий, первобытный, скованный животным террором и полностью неуправляемый. Я ору до тех пор, пока легкие не начинает выжигать острая боль, ору, вонзая ногти глубоко в сырую землю, пока слезы бешеной ярости градом катятся по моим щекам.

Я не помню, чтобы когда-либо в жизни испытывала настолько чудовищную муку, способную с мясом дробить кости.

Я не помню, чтобы когда-либо кричала с такой силой, готовая в клочья разорвать собственные голосовые связки.

Я не помню, чтобы во мне когда-либо просыпалось это первобытное, бешеное желание выпустить кому-то кишки.

Я забыла, как дышать.

Я перестала слышать.

Я перестала видеть.

Я напрочь забыла, какой вообще была моя жизнь до того, как в ней появилась она. Придворная дама.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love
Глава 40

Артур

Я прокручивал в мыслях эту встречу такое бесчисленное количество раз, что сейчас попросту не нахожу подходящих слов. Я неотрывно гипнотизирую его взглядом, сгорая от дикого желания намертво выжечь в своей памяти каждую деталь: залегшие под глазами тяжелые тени, багровую сетку лопнувших сосудов у склер, иссушенные щеки, резко очертившие скулы, и окаменевшие плечи.

Пустая, обнаженная и леденящая оболочка.

Он застывает в нескольких метрах от меня, и его тяжелый взор прошивает моё нутро насквозь. Я не в силах разгадать это выражение лица — он словно сбросил прежнюю кожу и облачился в незнакомую мне, монолитную броню. На его голове камнем покоится помпезный венец, усыпанный искрами бриллиантов.

— Ты пришел, — выдыхаю я едва слышно. — Ты… в порядке? — повышаю я голос.

— И ты действительно смеешь меня об этом спрашивать?

Его голос — единственное, что я еще способен узнать в этом человеке, хоть он и отравлен глухим подозрением, которое намертво пригвождает меня к земле.

— Зачем ты здесь? — цедит он. — Разве у тебя нет при себе меча, чтобы пронзить мою грудь ради своей великой мести?

Его слова баллистическими снарядами вонзаются мне прямо в сердце. Жгучий стыд и полное бессилие закипают внутри меня.

— Ты действительно веришь, будто я способен поднять на тебя руку?

В этих застывших, суровых чертах лица не проскальзывает ни единой живой ноты. Словно он намертво прирос к маске, которую наотрез отказывается срывать. Он высоко задирает подбородок, его глаза буквально обыскивают меня, будто он с величайшим трудом узнает во мне родного брата, который его вырастил.

— Это всё еще я. — Я приподнимаю открытые ладони вверх. — Почему ты смотришь на меня так, словно перед тобой чужак?

— Потому что ты не видел того, свидетелем чего стал я. — Его голос крупно вибрирует от ярости. — Я видел монстра, упивающегося собственной кровавой баней.

Судорожно моргаю, и волна вины заживо хоронит меня под собой. Делаю тяжелый шаг назад.

— Ну конечно, теперь-то до твоего разума, наверное, дошло, почему я так на тебя смотрю… Ты хладнокровно зарезал нашего отца прямо у меня на глазах!

Скрежещу зубами; те багровые картины бойни вновь берут мой разум в заложники, а истошные крики умирающих намертво сливаются с реальностью. Ловлю себя на том, что покрываюсь липким потом, превращаясь в пороховую бочку, готовую сдетонировать в любую секунду. Вот кто я такой на самом деле.

— Ты не прочел…?

Он удивленно вскидывает бровь.

«Письмо». Но я не успеваю договорить — оглушительный выстрел винтовки с корнем вырывает тишину леса. Условный сигнал Элайджи. Эдоардо мгновенно опускает ладонь на эфес меча, приготовившись к атаке.

— Не смей обнажать клинок, — умоляю я его.

Мои широкие плечи полностью закрывают его от окуляров Элайджи и Лавинии; заметь они, что он схватился за оружие, ни один из них не колеблясь ни секунды ринулся бы мне на выручку. А это последнее, чего бы мне хотелось на этом свете.

— С кем ты явился? Это она, верно? Лавиния. — То, с каким шкурным презрением он выплевывает её имя, заставляет меня содрогнуться. — С первой секунды её появления во дворце начались все наши беды.

Если еще мгновение назад в его глазах покоилась лишь ледяная апатия, то сейчас чистая ярость воспламеняет его темные радужки.

— Эдоардо… — Второй выстрел обрывает мою речь, прахом развеивая любые попытки достучаться до него. Брат перестает меня слушать, лихорадочно отступает на пару шагов и озирается по сторонам, контролируя периметр.

— Пусть горят в самом пекле ада Зло и все его приспешники! — Словно гром среди ясного неба, монументальный мужской бас взрывается у него за спиной. Эдоардо резко оборачивается к вершине холма. Замечаю всадника в белоснежной сутане, окруженного плотным кольцом вооруженной стражи.

Даже если я побегу, выкладывая остатки воздуха из легких, нам не уйти от этой атаки. Их слишком много, не меньше пятидесяти, а то и больше.

Перевожу взгляд на спину своего брата.

— Это ведь не твоих рук дело, скажи? — прошу я. Он молчит, замерев в двух шагах передо мной и упорно не поворачивая головы. Элайджа и Лавиния свято верили, что это банальный капкан, но я отказывался в это верить. Он бы в жизни так не поступил, я был в этом уверен. — Отвечай мне! — Пытаюсь перехватить его за руку, чтобы силой заставить повернуться, но в секунду каменею.

Истошный, безумный крик разрывает утреннее безмолвие, заставляя каждую молекулу в моем теле содрогнуться. Этот вопль штурмует моё подсознание и мгновенно воспламеняет кровь в венах. *Лавиния.* Оборачиваюсь, лихорадочно выискивая её глазами в той точке, где оставил их, — и застываю: она согнулась пополам от осязаемой, нечеловеческой муки.

Вздрагиваю всем телом и, проследив за вектором её взгляда, чувствую, как неукротимый, инородный жар затапливает моё существо. Мои глаза дико расширяются: на сырой траве покоится безвольное тело, укутанное в белую простыню и начисто лишенное каких-либо признаков жизни.

Безумный крик Лавинии превращается в удушающий набат, под аккомпанемент которого я заживо проваливаюсь в бездонную пустоту. Испачканные в грязи волосы, не успевшие сомкнуться веки, посиневшие губы и мертвенно-серая кожа… тело, у которого с корнем вырвали остатки человеческого достоинства, бросив в грязь как постыдную, гнилую вещь.

Тело женщины, которая меня вырастила и вынянчила. Той, что бережно направляла каждый мой робкий шаг в стенах этого дворца, чья мудрость и благородное изящество заставляли трепетать любого, кому доводилось её знать.

— Нет! — Воздуха критически не хватает, я прижимаю ладонь к груди, пока кожа начинает полыхать так, словно её окатило волной раскаленной лавы.

Наглый хохот ублюдков, празднующих триумф, — так, словно этот труп является трофеем, достойным их шкурных рукоплесканий, — детонирует внутри меня яростную, монструозную реакцию, которая станет их приговором. Сжимаю кулаки, наблюдая, как они хрипят, испуская дух, готовый вырезать их всех до единого без капли жалости.

Но внезапная пуля сносит левое плечо Эдоардо; он с глухим стоном валится на землю, судорожно впиваясь дрожащими пальцами в рану, чтобы унять кровотечение. Выстрел прилетел прямиком из нашего укрытия, и у меня нет ни единого сомнения в том, кто спустил курок. Лавиния мертвой хваткой сжимает в руках винтовку Элайджи, полностью ослепленная бешеной яростью.

«Знай: если Эдоардо действительно посмеет отправить их на плаху, я лично выпущу ему кишки».

Эти слова громом грохочут в моей голове, как никогда прежде. Элайджа пытается перехватить оружие, но она, не колеблясь ни секунды, досылает следующий патрон в патронник.

— Закройте собой Его Величество! — Истошный вопль Жреца срывает гвардию в атаку.

Лавина вооруженных до зубов людей несется, чтобы взять меня в кольцо, но самым опасным существом во всей этой вселенной сейчас является девчонка с глазами цвета грозового неба. Девочка, которая не остановится, потому что полностью лишилась рассудка. В эту секунду ничто на свете не способно укротить её гнев.

Она ни за что не поверит мне, кричи я ей, что Эдоардо никогда в жизни не желал смерти Дамы. Не поверит, скажи я, что мой брат прямо сейчас захлебывается слезами — и вовсе не от боли из-за пробитого плеча, а от чего-то бесконечно более глубокого, имеющего те же самые корни, что и её безумный крик.

Лавиния снова наводит ствол прямо на Эдоардо, распростертого на траве, и я слепым импульсом швыряю себя на его тело, закрывая собой как щитом.

Гром.

Скрежещу зубами от судорожного стона, едва пульсирующая, разрывающая боль кромсает моё левое предплечье. Лоб мгновенно покрывается крупными каплями пота; опустив взгляд, я замечаю, как багровое пятно стремительно расползается по ткани толстовки. Пуля Лавинии прошила мою плоть, и, быть может оттого, что этот свинец выпустила именно она, её бешеная желчь в долю секунды впрыскивается в мою кровь, точно смертоносный яд. Делаю глубокий вдох, но внутренний пожар моего существа пожирает меня изнутри, становясь абсолютно невыносимым.

— Так это и был… ваш план? — Эдоардо судорожно хватает ртом воздух. — Вы изначально жаждали… прикончить меня? — выплевывает он со шкурной ненавистью. Наши взгляды сталкиваются на миг. Я не знаю, что именно он видит в моих глазах, но дикая смесь безумия и дикого террора берет его в заложники — он больше не верит мне ни на грош. Лихорадочно отползает назад, отталкиваясь ногами от земли.

Я поднимаюсь с величайшим трудом, намертво прижав пробитую левую руку к груди. В последний раз бросаю быстрый взгляд за спину: на ветвях деревьев не осталось и следа ни от Элайджи, ни от Лавинии.

Не успеваю я развернуться, как очередной выстрел бьет мне прямо в ногу, но, в отличие от пули Лавинии, этот металл не способен рассечь мою кожу. Он мгновенно превращается в пепел при малейшем соприкосновении с телом. Штурмовики перед моими глазами в ужасе пятятся назад, группа бойцов подхватывает Эдоардо под руки и спешно укладывает на седло коня, уводя на дистанцию.

— Спасайте Его Величество и не смейте щелкать клювом! Кожа Зла — это чистый огонь, бейте их мечами! — орет один из офицеров.

— Рубите их мечами! — вторит ему другой.

Рокиа - Виновна. Опьяненная любовью
Rokia - Guilty. Drunk in Love

Они лавиной бросаются на меня, и я не успеваю зафиксировать тот миг, когда мой рассудок полностью отделяется от плоти, начисто стирая любые внешние звуки. Посреди той кровавой бойни, виновником которой я становлюсь в долю секунды, единственное, что я отчетливо вижу, — это тело Дамы, брошенное на растерзание в грязь, зажатое и растаптываемое сапогами гвардейцев.

Я шагаю вперед, ноги с каждым шагом глубоко тонут в вязком иле, удерживая у груди неподъемный груз бездыханного тела. Мертвой хваткой сжимаю пальцы на белоснежной простыне, намертво прижимая её к себе. Её леденящий холод — это маркер безмолвного сосуда, который без капли жалости лишили любых прав на жизнь.

Отыскиваю глазами зарубки, которыми Элайджа предусмотрительно пометил стволы вековых деревьев вдоль всей чащи, как и регламентировал наш план на случай катастрофы, и следую по ним.

Кровавый след, тянущийся за моей спиной, — единственный немой свидетель той бойни, которую мои собственные руки сотворили в одно мгновение. Я полностью потерял сознание. Снова. И пришел в себя лишь тогда, когда обнаружил в ладони окровавленный эфес меча и растерзанные, изувеченные трупы гвардейцев, усеявшие траву.

Ощущение такое, словно моё сознание просто выключают, разум перестает функционировать, пока плоть хладнокровно вырезает всё живое вокруг.

Резкий свист заставляет меня замереть на месте. Вскидываю глаза.

Элайджа делает мне знак остановиться, примостившись на ветви дерева с винтовкой за плечами. Одним махом он спрыгивает на землю, и ворох сухих листьев летит ему вслед. Его тяжелый взгляд падает на тело, которое я прижимаю к груди, и глубокая скорбь мгновенно искажает его лицо.

— Я глубоко соболезную вашей потере, мой господин. — Он мягко опускает ладонь мне на плечо. — Вы всё сделали правильно, забрав её с собой. Мы предадим её тело земле со всеми почестями.

Ни в одном из своих самых кошмарных снов я не мог помыслить, что застану её в таком жутком надломе. Женщину, которая лично учила меня взращивать в себе любовь к собственному народу и видеть, как эта преданность расцветает пышным цветом — точь-в-точь как мои тюльпаны. Ту, что неустанно следила, чтобы я не сгорел заживо, раздавленный бременем колоссальной ответственности и священного долга.

Ту, у которой я учился безошибочно отличать добро от зла, истину от лжи, белое от черного.

Элайджа бережно протягивает руки, и я с величайшим, удушающим облегчением передаю тело Дамы в его объятия. Тот вакуум потери, что затапливает моё существо, едва её плоть отрывают от моей груди, полностью уничтожает меня.

— Я… я не хотел этого, — вина камнем придавливает меня к земле.

— Я знаю, Артур.

Но человек, забравшийся за ствол дерева, обо всем этом не ведает. С замершим сердцем и в заляпанной чужой кровью одежде я делаю тяжелый шаг вперед и неотрывно наблюдаю за ней. Лавиния крупно дрожит; её веки дико расширены, а голова беспомощно ходит ходуном взад-вперед.

Элайджа опускается на колени прямо перед ней. Лавиния опускает взгляд на безжизненное тело Дамы, и нечеловеческий, истошный стон чистой муки срывается с её губ. Она буквально захлебывается в судорожных рыданиях, и от каждой пролитой ею слезинки внутри моего существа что-то с треском разлетается на куски.

— Дыши, Лавиния. — Короткие слова Элайджи тщетно пытаются унять эту удушающую скорбь.

Она бережно касается ладонью холодного лица Дамы.

— Ты ведь сама божилась мне… — всхлипывает она, теряя остатки сил, — что мы остаемся на этом свете лишь потому, что обязаны совершить нечто важное… Нечто такое, в чем этот мир отчаянно нуждается. — Слезы непрерывным потоком катятся по её заалевшим щекам. — Значит, ты не имеешь права просто так уйти, ты нужна мне! Прошу тебя, очнись. Умоляю… открой глаза.

Надломленный голос, под завязку залитый диким отчаянием, внезапно извергает из себя глухое отрицание и ярость. И эта ярость вспыхивает стократ сильнее, едва её взор пересекается с моим. Ощущение такое, словно в мою грудную клетку в долю секунды вонзили тысячу раскаленных клинков.

— Я ненавижу тебя всей душой. — Она чеканит каждое слово с убийственной медлительностью. — Ненавижу, — повторяет она сорвавшимся, царапающим воздух голосом.

«Я знаю», — хочется выдохнуть мне в ответ. — *«Знаю»*.

Но мои губы не шевелятся, а рассудок полностью отключается, пока я заживо тону в её радужках. Она буквально испепеляет меня таким концентрированным презрением, какого я не видел от неё даже тогда, когда подлым обманом уволок в это измерение.

Словно… И Лавиния наносит свой финальный, смертоносный удар:

— Тебе следовало просто позволить мне сдохнуть в тот вечер.

…она проклинает ту самую секунду, когда встретила меня. С трудом сглатываю вязкую слюну и храню гробовое молчание. Начни я оправдываться — и я опустился бы перед ней на колени, умоляя не смотреть на меня как на злейшего врага, ведь её взгляд убивает меня изощреннее, чем любое существующее в природе оружие. Я бы выл от боли, оплакивая кончину женщины, которая меня вынянчила и вырастила.

Но она не должна видеть меня таким. Не теперь, когда мне наконец удалось заставить её возненавидеть меня и прогнать прочь.

Разворачиваюсь и бреду к монументальному дереву, растущему в стороне, — достаточно далеко, чтобы скрыться от её глаз, и достаточно крупному, чтобы спрятать меня целиком. Бессильно сползаю спиной по вековой коре ствола, запускаю пальцы глубоко в волосы, пока невыносимая мука буквально выжигает мне грудь.

Я не сумел защитить ни одну живую душу. Тот хаос, что окутывает меня черным шлейфом, раз за разом оскверняет судьбу каждого, кто оказывается рядом, принося лишь лютую смерть и тотальное разрушение.

Что-то мягко касается моей руки; вскидываю тяжелый взор и вижу Элайджу, который молча устраивается на земле по соседству.

— Сбрасывай толстовку, нужно немедленно обработать плечо.

Взираю на него, начисто потеряв нить реальности. *Какое еще плечо?* Он аккуратно задирает край ткани, я высвобождаю руку из рукава, и резкая, пульсирующая вспышка заставляет меня до боли стиснуть зубы. Перед глазами предстает глубокая рваная рана, густо покрытая запекшейся багровой коркой. След от выстрела Лавинии.

— Ты настолько ушел в себя, что напрочь отключил восприятие боли. Ты что, вообще ничего не чувствуешь?

Отрицательно мотаю головой. Элайджа тяжело вздыхает, извлекая из карманов стерильные марлевые салфетки и плотный бинт.

— Свинец прошел по касательной, еще бы пара миллиметров — и кость разнесло бы в щепки… Вот тогда начались бы форменные проблемы. — Он прижимает марлю к ране, с силой давит на предплечье и принимается лихорадочно накладывать повязку.

Я бы отдал всё на свете, лишь бы этот свинец вошел мне точно в сердце. — А ведь я уже видел эту женщину в прошлом, — шепчет он едва слышно. — В те времена, когда вас предали лютой казни, именно она разыскала ваши тела и погребла в одной могиле — рядышком друг с другом. Это была благородная дама с настолько чистой, белоснежной кожей, что её легко можно было принять за представительницу высшей аристократии. Но её глаза… глаза были полностью уничтожены слезами, она так исступленно рыдала над вашими надгробиями, словно пыталась руками вырвать собственное сердце из груди.

Его тихая речь заставляет меня оцепенеть от подступающего ужаса.

— Она непрерывно кричала, взывая к правосудию. Её невозможно было унять, она была на грани абсолютного безумия от этой скорби. Я долго наблюдал издалека, как она убивается в своем трауре; уже собирался выйти из тени, как вдруг вмешался какой-то пожилой мужчина и силой увёл её прочь. Он твердил ей: «Довольно, Анджелина, прекрати». И она ответила ему фразой, которую я до конца своих бесконечных жизней не смогу выжечь из памяти: «Моя девочка ведь только готовилась к свадьбе».

Мгновенная вспышка осознания бьет мне прямо в подкорку разума.

— Она была… — Слова наотрез отказываются срываться с губ. Прогрессирующий, издевательский рок с особой жестокостью переплетает наши истории в один кровавый узел.

— Матерью Лавинии.

Эдоардо

Ясс, наш личный лекарь, предупредительно подносит к моим губам стакан с водой; делаю короткий глоток и измученно закрываю глаза. Левая рука намертво прибинтована к груди, чтобы зафиксировать сустав и не позволить мне шевелить плечом. Чувствую, как ядовитые разряды, подобные языкам чистого пламени, заживо выжигают мне кожу.

— Вам предписан абсолютный покой и никаких физических нагрузок, Ваше Величество. Наше чистейшее везение, что у стрелявшего руки росли из одного места, так что урон минимален. Нам удалось извлечь пулю без осложнений, но вам надлежит вернуться в цитадель дворца в кратчайшие сроки, иначе вы рискуете подхватить заражение крови. — Он с хрустом сдергивает испачканные в крови перчатки.

Резко качаю головой, пока свирепая мигрень буквально буравит мне виски раскаленным сверлом.

— Не сейчас, Ясс. Просто вколи мне блокаду, что-нибудь убойное, — рублю я приказ. Поправив очки на переносице, он озадаченно замирает, но подчиняется без лишних пререканий. Делает знак дежурной сестре, и та принимается лихорадочно готовить раствор для внутривенного вливания.

Мы расквартированы в походном медицинском шатре посреди ледяной лесной прогалины, но бешеная, ядовитая ярость изнутри выжигает мне нутро, заставляя

буквально гореть. Вздрогнув, ловлю неприятный укол в правое предплечье: лекарь вводит иглу и фиксирует её пластырем, подключая пластиковую систему к резервуару.

Прозрачная жидкость мерно потекла по гибкой трубке, но это удушающее жжение в мышцах не утихает ни на секунду. Взрывная, концентрированная злоба берет моё сердце в заложники, отчего мне становится больно делать даже элементарный вдох.

Визгливый женский голосок болезненным набатом бьет по барабанным перепонкам. Вскидываю тяжелый взгляд как раз в то мгновение, когда в шатер бесцеремонно залетает Анна — моя кузина, только что вернувшаяся из инспекционной миссии на дальних рубежах границы, которая держала её вдали от столицы все эти недели. Она летит прямо ко мне, и в её глазах дикое отрицание мешается со скорбью.

— Этого просто не может быть, — бормочет она сорвавшимся, тонким как нить голосом.

Тяжело, с хрипом вздыхаю:

— И тем не менее, мы имеем то, что имеем.

— Да ты и сам прекрасно знаешь, что он в жизни не пошел бы на твое убийство! Хватит разыгрывать этот фарс! Мы выросли бок о бок с Артуром, я ни за что в это не поверю! — орет она своим дребезжащим тоном, от которого моя головная боль становится просто невыносимой.

Пытаюсь приподняться на постели, чтобы сесть; лекарь тут же бросается мне на помощь, подставляя плечо. Коротким кивком приказываю ему убираться прочь и оставить нас наедине. Он подчиняется сию секунду, и не успеваю я моргнуть, как они с медсестрой испаряются из шатра. Поднимаюсь на ноги и перехватываю ладонью металлическую стойку, удерживающую капельницу.

— Тебя там не было, Анна, и ты не видела изнанки того ада, что лицезрел я.

Она хмурит брови, принимая боевую стойку:

— Ах вот как? И что же такого ты там разглядел? — бросает она мне вызов. — А хочешь, я напомню тебе то, что я наблюдала все эти чертовы годы? Я видела брата, который всегда закрывал твою шкуру щитом и лично учил тебя защищаться. Какое извращенное, больное сознание стало бы вытворять подобное, будь его истинной целью твое уничтожение?

— Он зарезал нашего отца, — чеканю я в ответ, но она не отступает ни на шаг, продолжая выгораживать Артура с той фанатичной уверенностью, которая с треском разбивается о реальность того, кем он стал. — Анна, до твоего разума вообще доходит, что именно этот ублюдок сотворил?

Записи с камер внутреннего наблюдения, зафиксировавшие, как он хладнокровно кромсает прежнего Верховного жреца и Короля Давида в коридорах замка, уже слиты в медиапространство и вовсю циркулируют по всем каналам.

— Твой отец был монстром, который превратил всю твою жизнь в непрекращающуюся пытку, — отрезает она, и в её глазах залегает тяжелая тень.

— Но Артур пронзил его плоть без секундного колебания. Сегодня в лесу я наивно полагал, будто передо мной всё еще стоит мой прежний брат… Будто в этой бездне теплится хотя бы ничтожная искра надежды, — признаюсь я сквозь зубы. — Но единственное, что я там разглядел, — это чистая смерть, которую он шлейфом тащит за собой повсюду, куда бы ни ступила его нога. Его глаза, Анна… они меняют цвет, и этот ублюдок не ведает пощады. Он в одиночку пустил на фарш целый штурмовой взвод гвардии — человек за человеком, и на его лице играла садистская, довольная

ухмылка. Кровь пьянила его до такой степени, что когда брызги осели на его скулах, он слизывал их с собственных пальцев.

Анна испуганно моргает и застывает в гробовом молчании. Её веки увлажнились, но она из последних сил сдерживает слезы.

Делаю несколько шагов вперед, сокращая расстояние, и останавливаюсь в считанных миллиметрах от её носа:

— Ты и в самых кошмарных снах не способна вообразить, кем эта тварь является на самом деле.

Громогласные, показушные рукоплескания на заднем плане мгновенно крадут наше внимание. Отворачиваюсь от Анны; Верховный жрец, до этого ошивавшийся у входа в шатер, плавной походкой заходит внутрь, самодовольно хлопая в ладони.

— Блестящий монолог, Ваше Величество, — комментирует он с сытой ухмылкой. — Достойный того венца, что покоится на вашей августейшей голове.

Анна одаривает его этикетным кивком и спешно вылетает наружу. Весь тот замок из иллюзий, что она так бережно выстраивала в своей голове, держался лишь на её слепой привязанности к Артуру. Любовь, которая с самого раннего детства намертво приковывала её к нему, теперь обернулась против неё самой, сделав абсолютно слепой перед лицом фактов.

— А вы имеете представление о том, что именно *не* достойно этой короны?

Он перестает хлопать, и его маска мгновенно меняется. Эта тварь мигом берет в подкорку, к чему я клоню: к тому занимательному факту, что он устроил за мной шпионскую слежку со своими цепными псами и приказал трусливо прикончить Придворную даму без моего официального согласия.

— Мы выдвинули отряды исключительно ради вашей личной безопасности, Величество. Не вмешайся мы в ту секунду — и кто знает, в каких казематах сейчас гнило бы ваше тело.

— Что-то я не припомню, чтобы нижайше вымаливал у вас содействия, Верховный жрец.

На его губах расплывается порочная улыбка:

— Мой священный долг — предвосхищать любые нужды вашей короны, и я обязан оберегать вас даже от ваших собственных необдуманных шагов. Понимаете ли… в народе вовсю ходят нехорошие толки.

Сжимаю челюсть до хруста, прошивая его уничтожающим взглядом:

— Вы что, сука, вздумали мне угрожать?

Он взрывается громоподобным, издевательским хохотом, делая шаг ко мне и по-хозяйски перехватывая деревянный посох. Искусственный свет походной лампы яркими бликами режет глаза, отражаясь от серебряного корпуса часов на его запястье.

— И как же я, по-вашему, смею вам угрожать? Величество, не извольте забывать, на каком незыблемом порядке зиждется это королевство. Более того, позвольте мне слегка освежить вашу память: если подданные заподозрят, что их новый государь слишком слаб и малодушен, чтобы сойтись лицом к лицу с врагом — ведь вы так и не соизволили выдержать Три испытания… — Он картинно выгибает брови с фальшиво-сокрушенной миной на лице. — Что ж… тогда Совет будет вынужден искать иные решения для блага нашей державы.

Искры шкурного, садистского удовольствия полыхают в его глазах.

— Только не говорите мне, будто вы убиваетесь по этой Придворной даме? На неё и так клейма негде было ставить, она была приговорена к плахе, так что днем раньше,

днем позже — какая, к черту, разница? Для изменников родины поблажек не существует, вы и сами это прекрасно знаете. Народ неотрывно созерцает нас и вершит свой суд.

Он с силой опускает ладонь прямо на мою рану, применяя легкое, но точечное давление, которое заставляет меня до крови прикусить щеку изнутри, чтобы не издать позорного стона.

Его манифест предельно ясен, хоть и завуалирован под фальшивый этикет дежурной учтивости. Эта тварь смотрит на меня с удушающим омерзением. В его глазах я — лишь плебейская, ничтожная пешка, которую он вынужден двигать по доске, и если я стану помехой, он без секундного колебания сотрет меня в порошок.

Наше противостояние безжалостно прерывает появление запыхавшегося гвардейца:

— Ваше Величество, наши отряды перехватили Лавинию Лайен! Девчонка в одиночку металась по лесной чаще. Мы произвели личный досмотр. Прикажете конвоировать её в казематы замка?

Упорно, не отрывая уничтожающего взгляда от Верховного жреца, я отчеканиваю жесткий приказ:

— Нет. Готовьте эшафот и подайте мне мой меч.

Артур

Чувствуя, как мышцы ног выжигает острая боль, я лихорадочно ношусь по лесу, но вокруг нет ни единого её следа. В полнейшей панике я сантиметр за сантиметром прочесываю эту проклятую чащу. *Где она, блядь, затерялась?* — Лавиния! — ору я во всё горло, и мой дикий голос отчаянным эхом бьется о вековые стволы деревьев. — Лавиния!

Мне плевать на собственную безопасность, плевать, что я демаскирую себя перед патрулями гвардии или поднимаю слишком много шума. Единственное, чего я жажду всеми фибрами души, — это увидеть её рядом, пусть даже она будет в бешенстве, пусть захлебывается лютой ненавистью ко мне и желает мне скорейшей кончины… Мне наплевать, я просто хочу, чтобы она была со мной.

Элайджа на полной скорости летит мне навстречу:

— Это её вещи. — Он протягивает мне куски ткани — её одежда разорвана в клочья, словно на девочку с дикой жестокостью набросился дикий зверь. Плотное кольцо удушающего страха сжимает мне горло, не давая сделать глоток воздуха, пока я из последних сил пытаюсь удержать равновесие и не рухнуть на землю.

Судорожно сжимаю эти лоскуты в пальцах:

— Где… где ты их отыскал?

Он резко указывает рукой на запад, и мы оба срываемся с места, не оборачиваясь назад.

— Сюда, за мной! — кричит он на бегу; винтовка болтается за его плечами, а бинокль бьется о грудь. Сокращая расстояние, я начинаю отчетливо различать на сырой траве новые обрывки её платья.

Чем дальше я продвигаюсь в глубь леса, тем более чудовищные картины рисует мой воспаленный разум.

Элайджа сбавляет ход и застывает как вкопанный: следы обрываются прямо здесь, но вокруг нет ни единого золотистого волоска Лавинии. Прижимаю ладони к вискам, колени подкашиваются, и я заживо проваливаюсь в самую абсолютную,

парализующую форму страха — ту самую, что намертво крадет твой голос и лишает способности соображать.

— Артур. — Голос Элайджи доносится до меня глухо, словно сквозь толщу воды, будто он находится на расстоянии световых лет. Он опускается на мою высоту, а я тщетно пытаюсь взять в подкорку смысл его речей. — Дыши, просто дыши!

Я что, не дышу? Сухой хрип вырывается из моей груди. Закрываю глаза, делаю судорожный вдох и выталкиваю воздух наружу. Повторяю это трижды, мало-помалу возвращая контроль над собственными рецепторами.

Он опускает ладонь мне на лопатку:

— Мы найдем её, не изводи себя. Она не могла уйти далеко, слышишь?

— Я знаю её суть, она отправилась за их головами… сука! — взрываюсь я громом. — Мне нельзя было спускать с неё глаз, я обязан был…

Внезапный истошный вопль заставляет меня мгновенно оцепенеть. Этот безумный крик я узнаю в любом из существующих миров, этот тембр на глубинном, подсознательном уровне активирует предковую, первобытную часть моего мозга — дикий призыв, от которого невозможно уклониться.

Лавиния. Я не помню той секунды, когда подрываюсь с земли, — моя плоть реагирует на её боль гораздо раньше, чем рассудок успевает это зафиксировать. Несусь так, как не бегал еще ни разу в жизни; скорость настолько бешеная, что мне кажется, будто я парю над землей, начисто забыв об опасности, забыв о страхе, забыв о том, кем я являюсь.

Абсолютно всё на свете теряет малейшее значение.

Сердце готово в щепки разнести грудную клетку, пока я прорубаю себе путь сквозь ветви деревьев.

На этот раз я мертвой хваткой прижму её к своей груди и ни за что не сбегу.

На этот раз я буду на коленях вымаливать у неё прощение, позволю ей бить меня, буду умолять перестать меня бояться и снова посмотрю в её чистые глаза. Потому что девчонка с радужками цвета грозового неба наделена священной властью — сшивать и кромсать моё естество, воспламенять меня и тушить, даровать мне жизнь и обрекать на лютую смерть.

Она делала это… — Пусть горят в самом пекле ада Зло и все его приспешники!

…на протяжении более чем сотни прошлых жизней. Изнанка той картины, что предстает передо мной, мгновенно превращает мою кровь в лед: Лавиния намертво привязана к деревянному столбу, на ней лишь простая белая сорочка, а лицо сплошь залито непрерывным потоком слез.

В долю секунды стальной меч с силой вонзается в её грудь, заставляя её глаза дико расшириться от неописуемой муки и шока.

— НЕТ! — Весь воздух, что оставался в моих легких, диким, хриплым ревом вырывается наружу, раздирая мне горло.

Лавиния судорожно вздрагивает, испуская рваный, надломленный хрип. Её голова безвольно клонится на грудь, пока она делает свой последний вдох. Человек, сжимающий в руке окровавленный эфес меча, в упор смотрит на меня, не в силах поверить в то, что узнал во мне брата. Его пальцы разжимаются, и он в ужасе пятится назад.

Я захлебываюсь в безумных рыданиях, и вся земля вокруг начинает содрогаться в грандиозной, разрушительной катастрофе моей ярости.

Это происходит мгновенно, неуловимо для глаза, но, главное, абсолютно необратимо. Смертоносный переключатель, который больше невозможно вернуть в исходное положение, знаменует собой начало тотального конца. Моя кожа покрывается теми самыми языками невидимого пламени, что дотла выжигают мне сердце, и я созерцаю, как моя вселенная рушится в прах.

— Ни за что на свете я не согласился бы пустить кровь собственному брату. — Провожу ладонью по щекам, кривя губы в безумной улыбке и стирая слезы моей никчемной, тщетной человечности. — Но, брат… ты только что хладнокровно убил мой мир…

Гвардейцы спешно подкатывают к нему коня, на которого он лихорадочно взлетает, пока штурмовые отряды солдат тщетно бросаются на меня в атаку. Мне достаточно лишь скользнуть по ним мимолетным взором — и яростный огонь заживо превращает их в пепел. Они валятся на землю, словно бездушные шахматные фигуры, один за другим, и их предсмертные крики сытым набатом затапливают мои барабанные перепонка.

Шагаю к бездыханному телу единственной женщины, которую я любил во всех мирах; резким движением извлекаю меч из её груди, перерезаю путы, и она безвольной куклой падает в мои объятия. Её горячая кровь густо пачкает мне пальцы, пока я бережно глажу её золотистые кудри.

Наклоняю голову набок, приоткрывая губы:

— …и я клянусь священным роком, что я уничтожу твой мир, Эдоардо.

Обет, намертво скрепленный самой судьбой.

Спустя одну неделю

— Она приходит в себя!

Открываю глаза и судорожно хватаю рот воздухом, содрогаясь всем телом, точно сухой лист на ветру. Пульс бьется у самого горла, дыхание рваное, а внутри разливается леденящий, могильный холод.

— Живее, поднесите ей воды! — каркает какой-то дряхлый старик, расположившийся прямо передо мной.

Я судорожно сжимаюсь в комок, подтягивая колени к самой груди, и испуганно сканирую глазами незнакомое пространство. *Где я, черт возьми?* Мерные морские волны плавно качают лодку, в которой я сижу.

— На, держи! — какой-то беззубый мальчишка предупредительно протягивает мне стакан с водой.

Отрицательно мотаю головой. *Я понятия не имею, где нахожусь, и что я вообще здесь делаю?* Внезапная резкая вспышка боли в висках заставляет меня издать глухой стон муки. Тянусь ладонью ко лбу, и мои пальцы натыкаются на плотную, мягкую повязку из ткани.

— Ты аккуратнее, блондиночка, — ворчит старик, причмокивая губами. — Ты знатно приложилась головой, мы тебя вытащили с того света в самый последний миг. Какие-то вооруженные псы гнали тебя на убой по лесам Королевства Америка, я весь этот ад воочию наблюдал со своего судна. Ты прорвалась к самому обрыву и, чтобы спасти свою шкуру, сиганула прямо в бушующее море. Со всего маху впечаталась головой в прибрежный утес и мигом лишилась чувств. Не пройди мы мимо этого рифа, ты бы уже давно кормила рыб.

— Я… упала? — спрашиваю я в полном, удушающем смятении.

Мальчишка согласно кивает:

— Мама всегда твердит, что это просто несчастный случай, а они постоянно происходят. — Он безразлично пожимает плечами. — Меня звать Лоффи, а тебя как величать?

— Я… — Пронзительную тишину нарушает лишь мерный, глухой рокот прибрежного прибоя. — Я не помню, как моё имя. Я вообще ничего не помню.

Продолжение книги «Виновна» следует…